УКРАИНСКІЙ НАРОДЪ

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1914.

Изданіе М. А. Славинскаго.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Моховая, 37, кв. 5.



УКРАИНСКІЙ НАРОДЪ

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. Ѳ. К. Волкова (антропологія, этнографія и искусство), проф. М. С. Грушевскаго (исторія, географія, и статистика), проф. М. М. Ковалевскаго (хозяйство), акад. Ѳ. Е. Корша (языкъ, литература и искусство), проф. А. Е. Крымскаго (языкъ и литература), проф. М. И. Туганъ-Барановскаго (хозяйство) и акад. А. А. Шахматова (языкъ и литература).

Томъ I.

Оглавленіе I-го тома



Снимки съ портретовъ и картинъ, помѣщенные въ I томѣ.





ОТДѢЛЪ I.

Развитіе украинскихъ изученій въ XIX в. и раскрытіе въ нихъ основныхъ вопросовъ украиновѣдѣнія.

Позднее развитіе понятія украинской національности. Причины этого опозданія.

Понятіе украиновѣдѣнія, какъ изученія прошлаго и настоящаго украинскаго народа, его свойствъ и особенностей, его территоріи и всякаго рода условій, вліявшихъ на жизнь и развитіе, — могло выработаться только постепенно и главнымъ образомъ втеченіе прошедшаго столѣтія. Причиною были условія историческаго существованія Украины. Понятіе народа или народности, какъ извѣстной коллективной индивидуальности, существующей независимо отъ территоріальныхъ, политическихъ или конфессіональныхъ дѣленій, объединенной извѣстными общими чертами въ настоящемъ, общностью пережитаго въ минувшемъ, общностью задачъ и стремленій въ будущемъ, — вообще является главнымъ образомъ продуктомъ XIX столѣтія. Въ прошломъ понятіе народнаго или національнаго единства подмѣнивалось обыкновенно понятіемъ единства политическаго, религіознаго или культурнаго, и народность мыслилась, какъ содержимое одной изъ этихъ формъ: какъ граждане извѣстнаго государства, какъ населеніе извѣстной территоріи, какъ члены извѣстной церкви. И такъ какъ въ исторіи украинскаго племени всѣ эти признаки, или формы, то захватывали вмѣстѣ съ украинскимъ населеніемъ его близкихъ сородичей, то разрѣзывали на части украинскій народъ и занимаемую имъ территорію, то вмѣсто того, чтобы облегчать этими внѣшними, легкосхватываемыми категоріями кристаллизацію понятія украинской народности, они, наоборотъ, спутывали понятіе народной особности, вносили въ эту сферу неясность и неопредѣленность.

Въ древнѣйшіе вѣка историческаго существованія имена Русь, Русинъ, русскій, въ тѣснѣйшемъ значеніи, захватываютъ собою только центръ политической и культурной жизни украинскаго народа (Кіевскую землю), въ широкомъ, — всѣ славянскія племена, входившія въ составъ «Русскаго» государства, связанныя единствомъ политическаго и общественнаго строя, династіи и служилаго сословія, культуры и религіи, письменности и книжнаго языка. Даже съ прекраще-

ніемъ политическаго единства эта общность политическихъ и культурныхъ традицій продолжала покрывать племенное дѣленіе, и отличія народностей, входившихъ нѣкогда въ составъ Русскаго государства. Не было также недостатка въ факторахъ, желавшихъ въ своихъ интересахъ использовать это прежнее единство и усиленно муссировавшихъ его традиціи; факторами этими были: единая церковная организація пережившая политическое единство и всѣми мѣрами старавшаяся ослабить всякія стремленія къ дѣленію; династическая политика, ставившая своею задачею собираніе былыхъ «волостей» династіи и т. под.

Вліяніе подобныхъ, искусственно поддерживавшихся традицій было тѣмъ значительнѣе, что другія условія одновременно съ тѣмъ также препятствовали кристаллизаціи національнаго обособленія. Украинскій народъ, утративъ политическое единство, входитъ въ составъ двухъ соперничающихъ государствъ,—в. кн. Литовскаго и Польши (а своимъ закарпатскимъ отрѣзкомъ еще и въ составъ Венгріи), а въ XVI в. часть украинской территоріи (Сѣверщина) отходитъ еще и въ составъ Московскаго государства. Политическія, церковныя и другія отношенія, раздѣлявшія украинскую территорію на нѣсколько отдѣльныхъ частей, общностью интересовъ влекли ихъ нерѣдко къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ къ другимъ, иноплеменнымъ областямъ и группамъ. Въ то время какъ западная Украина, входившая въ составъ Польши, искала поддержки въ сосѣдней единовѣрной Молдавіи, связанной также съ Польшею политическою зависимостью (вассальствомъ),—условія политической и національной борьбы связывали еще болѣе тѣснымъ узломъ восточно-украинскія области съ бѣлорусскими землями, входившими въ составъ того же вел. кн. Литовскаго. Такой характеръ имѣли общія политическія движенія XV—XVI в.в. и позднѣйшая культурная борьба; на смѣну книжному языку старой Руси, или рядомъ съ нимъ, появляется новый канцелярскій и литературный языкъ, выросшій на почвѣ бѣлорусской, но ставшій общимъ языкомъ Бѣлоруссіи и Восточной Украины почти на два столѣтія. Культурное движеніе, наростающее во второй половинѣ XVI в., развивается общими усиліями украинскаго и бѣлорусскаго общества, причемъ рядъ украинскихъ дѣятелей переноситъ свою дѣятельность въ бѣлорусскіе центры, въ Вильно въ особенности. А московско-польскіе договоры второй половины XVII в., окончательно отдѣлившіе Заднѣпровье и Кіевъ отъ Правобережья, приготовили новый культурный, а затѣмъ и религіозный расколъ. Восточная Украина приводится все въ болѣе тѣсную связь, не только политическую, но и культурную, съ міромъ великорусскимъ; рядомъ непосредственно принудительныхъ мѣръ и косвенныхъ вліяній вводится она въ кругъ великорусской культуры, между тѣмъ какъ остальныя украинскія земли продолжаютъ жить въ тѣсномъ общеніи съ землями бѣлорусскими и польскими, подъ сильнымъ воздѣйствіемъ культуры польской, а введеніе уніи въ Правобережной и Западной Украинѣ въ концѣ XVII и нач. XVIII в. прибавляетъ еще и конфессіональную границу къ политическимъ и культурнымъ различіямъ, раздѣлявшимъ украинскій

востокъ и западъ. Присоединеніе Правобережной Украины къ Россіи и уничтоженіе здѣсь уніи въ концѣ XVIII в. передвинуло эту границу внѣшнимъ образомъ на западъ, на теперешнюю границу Польши и Галиціи, но не стерло тѣхъ отличій, какія образовались въ теченіе этого болѣе, чѣмъ столѣтняго, искусственнаго отчужденія Лѣвобережья отъ Правобережья — такъ что его пережитки чувствуются явственно и по сей часъ.

Я отмѣтилъ только наиболѣе рѣзкія изъ историческихъ условій, замедлявшихъ кристаллизацію понятія украинской національности. Они объясняютъ намъ медленность этого процесса, не завершившагося еще и въ настоящее время. Не успѣвъ разрушить стоическое единство украинскаго народа, стереть основные признаки, связывавшіе и связывающіе его въ одно цѣлое, эти неблагопріятныя для національнаго единства условія не были въ состояніи никогда ослабить въ конецъ силу сцѣпленія, связывавшую эту національную массу—живую связь, соединявшую ея части и оживлявшую сознаніе единства, несмотря на громадность энтографической территоріи и всѣ отличія, раздѣлявшія ее. Единство и непрерывность территоріи, память кровнаго родства и общаго прошлаго, общія черты психофизическаго типа, экономическихъ и общественныхъ условій быта брали верхъ надъ условіями, вносившими раздѣленіе въ національное тѣло. Въ старой Руси можно подмѣтить противоставленія, великорусскаго сѣвера украинскому югу, какъ Руси въ собственномъ смыслѣ, тѣснѣе связанной съ ея старымъ національнымъ центромъ, Кіевомъ. И позже живое чувство единства «Руси што короля слушаетъ» и «Руси што Литвы слушаетъ» брало верхъ надъ политическими дѣленіями. А въ моментъ наивысшаго пробужденія народной стихіи, въ великой національной борьбѣ въ проектахъ украинскаго государства временъ Хмельницкаго, Выговскаго, Дорошенка, единство украинскаго народа на всей этнографической территоріи выступаетъ вполнѣ ясно и сознательно, хотя этнографическо-политическія границы этого національнаго украинскаго государства (отъ Вислы до Нѣмана, до Сѣвска и Путивля) не отличаются особою точностью съ точки зрѣнія современной этнографіи. Въ болѣе мелкихъ явленіяхъ обыденнаго быта также на каждомъ шагу встрѣчаемся съ живыми связями, постояннымъ эндосмосомъ и экзосмосомъ народной жизни, не останавливающимся предъ офиціальными, политическими и даже религіозными гранями (въ чисто народномъ быту въ прошломъ и до нынѣ, напримѣръ, встрѣчаемся очень часто съ вполнѣ опредѣленнымъ игнорированіемъ конфессіональныхъ различій православія и украинской уніатской церкви, гдѣ она была введена офиціально). За всѣмъ тѣмъ неблагопріятныя для національной жизни условія, въ какихъ пришлось прожить украинскому народу, не остались безъ сильнѣйшаго воздѣйствія на его судьбу. Массовая денаціонализація высшихъ, наиболѣе сознательныхъ слоевъ украинскаго общества въ прошломъ была однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ послѣдствій этого воздѣйствія. И въ настоящемъ для весьма значительныхъ частей украинскаго (по происхожденію) общества вопросъ о

національномъ единствѣ украинскаго народа, или даже—самомъ существованіи украинской національности, является еще пунктомъ не пройденнымъ, вопросомъ не разрѣшеннымъ.

Въ описанныхъ выше условіяхъ украинской жизни украиновѣдѣніе въ его настоящемъ пониманіи не могло получить значительнаго развитія. То, что предшествующія столѣтія оставили сколько-нибудь цѣннаго въ смыслѣ изученія украинской жизни, понятіемъ украиновѣдѣнія покрывается лишь отчасти, или болѣе или менѣе случайнымъ образомъ. Старая Русь оставила намъ цѣнное наслѣдство главнымъ образомъ въ области исторіографіи; за недостаткомъ другихъ источниковъ, ея лѣтописаніе служитъ намъ источникомъ географическимъ, этнографическимъ, юридическимъ и всякимъ другимъ. Но стоитъ оно на точкѣ зрѣнія отнюдь не этнографической, а политической. Кіевское лѣтописаніе, хотя фактически занимается главнымъ и почти исключительнымъ образомъ югомъ и является такимъ образомъ прямымъ предшественникомъ позднѣйшей украинской исторіографіи, однако, своею цѣлью ставитъ повѣствованіе о судьбахъ Кіевскаго государства по возможности въ его цѣломъ, обнимающемъ, кромѣ украинскихъ, и другія земли. Полнѣе и исключительнѣе на мѣстной, украинской почвѣ стоитъ позднѣйшее галицко-волынское лѣтописаніе, благодаря тому, что политическій горизонтъ галицко-волынскаго государства почти не выходилъ за предѣлы Западной Украины. Мѣсто экскурсій въ сферу сѣверныхъ или сѣверо-восточныхъ отношеній здѣсь занимаютъ экскурсы въ область политической жизни Польши, Литвы, Венгріи. Въ галицко-волынской лѣтописи это только экскурсы, но уже столѣтіе позже украинскія земли становятся провинціями Польши и в. кн. Литовскаго, и мѣстное лѣтописаніе, о которомъ можемъ судить по весьма скуднымъ остаткамъ и отзвукомъ, сохранившимся до нашего времени, начинаетъ разсматривать украинскую жизнь, какъ провинціализмъ Литовскаго или Польскаго государства.

Позже, съ новымъ оживленіемъ украинской жизни (съ конца XVI в.), если съ одной стороны встрѣчаются лѣтописи, довольно близко подходящія подъ понятіе лѣтописи украинской жизни (какъ т. н. Львовская лѣтопись), то съ другой—нѣтъ недостатка въ произведеніяхъ, гдѣ надъ мѣстными украинскими интересами беретъ верхъ «общегосударственная» (польско-литовская) точка зрѣнія (какъ напр. Густинская лѣтопись), или же авторъ оказывается во власти традицій «единства русскаго народа», вносящихъ полный сумбуръ въ историческую перспективу—какъ знаменитый «Синопсисъ», одно изъ самыхъ сумбурныхъ произведеній, что не помѣшало ему сдѣлаться самымъ популярнымъ историческимъ руководствомъ. Идеи передовыхъ вождей козачества о единствѣ украинскихъ земель и ихъ политическомъ обособленіи не нашли широкаго распространенія въ позднѣйшихъ литературныхъ кругахъ. Козачество, наложившее такую яркую печать на жизнь восточной Украины, только на одинъ моментъ привело въ движеніе всю украинскую территорію. Постепенно теряя силу и энергію, оно отступало все болѣе на востокъ, пока въ концѣ концовъ Днѣпръ не сталъ его границею на западѣ. Козацкая

эпоха, ставшая новымъ исходнымъ пунктомъ для украинской исторіографіи, новой эрой украинской исторіи, въ связи съ различіями въ историческихъ судьбахъ восточной и западной Украины, раздѣленной между владѣніемъ польскимъ и московскимъ, вліяетъ очень опредѣленно на развитіе восточно-украинскаго партикуляризма. Понятіе единства украинскаго народа и украинской территоріи постепенно уступаетъ мѣсто идеямъ «козакорусскаго народа», сливающагося съ козацкой, восточной частью Украины, и «малороссійское отечество» украинскихъ писателей XVIII в. (восточной Украины) все менѣе выходитъ за предѣлы Гетманщины, хотя память былой тѣсной связи съ западными украинскими землями все-таки сохранялась въ научной литературѣ [1]).

Еще болѣе смѣшенія и неясности видимъ на почвѣ, такъ сказать, филологической. Интересъ къ народной стихіи, внушенный практическими интересами церковно-религіозной проповѣди въ періодъ религіозной борьбы XVI в., не уяснилъ въ достаточной степени понятія народнаго языка и его отношеній къ старому книжному. Писатели пользовались безъ особаго различія языкомъ народнымъ — «простымъ», и «посполитымъ» жаргономъ верхнихъ слоевъ современнаго общества, обезображеннымъ ужасающими латинизмами и полонизмами, и это, несомнѣнно, было одною изъ причинъ, усиливавшихъ староверство ревнителей православныхъ преданій, весьма неодобрительно относившихся къ «выворачиванью» священныхъ книгъ «простымъ языкомъ», и усиленно пропагандировавшихъ употребленіе церковно-славянскаго языка. Затѣмъ этотъ православный консерватизмъ, видѣвшій извѣстную профанацію въ допущеніи простого языка въ религіозную сферу, былъ поддержанъ еще стремленіемъ современныхъ украинскихъ филологовъ противоставить грамматически разработанной латинской и польской рѣчи грамматически же разработанную книжную рѣчь: въ основу грамматической обработки полагалась болѣе опредѣлившаяся традиціонная «словено-росская рѣчь», надолго канонизированная особенно популярной грамматикой Смотрицкаго. Благодаря вліяніямъ школы, она прочно утвердилась на позиціи единаго настоящаго литературнаго языка. То, что противоставлялось ей подъ названіемъ «русскаго» или «росскаго» языка, какъ современный языкъ украинскаго общества, и допускалось къ книжному употребленію, далеко не покрывалось народнымъ украинскимъ языкомъ, представляя пеструю амальгаму элементовъ народныхъ, книжныхъ (славяно-русскихъ), жаргонныхъ польско-латинскихъ, а позже, съ начала XVIII в., подпадаетъ въ восточной Украинѣ сильнѣйшимъ вліяніямъ книжнаго великорусскаго языка. Эта отрѣшенность отъ народной почвы и неопредѣленное положеніе между народной и славянской рѣчью не дала возможности развиться этому книжному языку. Идея обработки народ-

1) См. напр. въ „Краткомъ истор. описаніи о Малой Россіи“ (1765): „Малая Россія часть есть Россійскаго государства, заключающая въ себѣ древнія россійскія княжества: Кіевское, Черниговское и Переяславское, а къ онымъ причислить можно Волынское, Луцкое и другія, какъ-то Подолію и до предѣловъ бывшихъ греческаго (sic) владѣнія земель“ (изд. Бодянскаго, 1848, с. 1).

ной рѣчи, носившаяся въ умахъ многихъ украинскихъ писателей XVII—XVIII в., утонула въ этой неопредѣленности отношеній народной рѣчи, старорусской славянщины, польско-украинскаго жаргона и офиціальной великорусской рѣчи. Изъ массы нарѣчій и говоровъ народныхъ, опредѣленно замѣченныхъ старыми писателями, и съ другой стороны—изъ конкурировавшихъ съ ними книжныхъ языковъ, образъ общего народнаго украинскаго языка такъ и не успѣлъ съ полной опредѣленностью подняться и кристаллизироваться за это время [1]).

Украиновѣдѣніе на переломѣ XVIII и XIX в.

Если понятіе украинской народности не успѣло въ XVII—XVIII в. вырости до полной опредѣленности, и вслѣдствіе этого и идея изученія Украины и украинскаго народа въ его цѣломъ не могла войти въ сознаніе, все же XVIII в. оставилъ послѣдующимъ поколѣніямъ цѣнное наслѣдство въ области украиновѣдѣнія. Слишкомъ столѣтіе автономной политической жизни (1648—1764) оставило глубокій и неизгладимый слѣдъ на всемъ складѣ мышленія и интересовъ украинскаго общества Восточной Украины. Весьма быстро подвергаясь вольному и невольному обрусѣнію, оно подъ новою оболочкою «благороднаго россійскаго дворянства» и великорусской культуры таитъ очень опредѣленный «малороссійскій» патріотизмъ, доводившій до раздраженія поборниковъ россійскаго централизма. Этотъ патріотизмъ обращаетъ вниманіе образованнѣйшихъ представителей украинскаго общества на собираніе, описываніе и изслѣдованіе особенностей стараго украинскаго быта, обреченнаго, какъ казалось имъ, на скорое поглощеніе новыми формами имперской жизни. Съ другой стороны развивается особое вниманіе къ исторіи Украины, въ которой украинскіе патріоты искали обоснованія своимъ политическимъ и классовымъ стремленіямъ и запросамъ. Не случайно съ упраздненіемъ гетманства (1764), повлекшимъ за собою рядъ другихъ ударовъ автономному складу Гетманщины, совпадаетъ развитіе весьма значительной историко-антикварной литературы, посвященной изученію исторіи Украины и ея быта. Только небольшая часть этой литературы получила значительное распространеніе путемъ печати, большинство произведеній ея осталось въ автографахъ или немногихъ копіяхъ и сохранилось до нашего времени въ сравнительно незначительныхъ остаткахъ [1]). Рядъ печатныхъ публикацій, послѣ статей Миллера по исторіи козачества (1760), начинается изданіями Василія Рубана, секретаря Потемкина. Въ 1773 г. выходитъ его «Краткія политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи

---

1) См. по этому предмету труды А. И. Житецкаго „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.в.", 1889, и „Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII вѣка", 1900.

1) Бѣглый очеркъ этой антикварной литературы у Н. П. Василенка: „Къ исторіи малорусской исторіографіи", Кіев. Старина, 1894, XI.

съ пріобщеніемъ украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, также списка духовныхъ и свѣтскихъ тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и прочая» — маленькій справочникъ, сообщавшій всѣ эти разнородныя свѣдѣнія на 100 страницахъ малаго формата. Затѣмъ, по настоянію извѣстнаго Ал. Безбородка и при его содѣйствіи онъ же издаетъ въ 1777 г. болѣе обстоятельные трактаты: «Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 г. съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія»,— небольшая историческая компиляція первой половины XVIII в., какъ думаютъ, съ дополненіями Безбородка и «Землеописаніе Малыя Россіи»—географія и статистика Гетманщины по переписи 1764 г. По мысли Безбородка, эти публикаціи должны были послужить вступленіемъ «къ намѣреваемому изданію полной малороссійской исторіи [1]), но намѣреніе это не осуществилось. Въ одинъ годъ (1777) съ этими курсами украинской исторіи и географіи выходитъ также первенецъ новой украинской этнографіи: «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и Слободской Украинской губерніи» Григ. Калиновскаго, молодого племянника того же Рубана, а два года позже одинъ изъ наиболѣе усердныхъ изслѣдователей украинской жизни Фед. Туманскій представляетъ тогдашнему правителю гетманщины Румянцеву программу для собиранія историко - географическихъ, статистико-экономическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, для всесторонняго описанія. Весьма правдоподобна догадка, что подъ вліяніемъ этого проекта явились позднѣйшія описанія Шафонскаго и Пащенка, — но они остались неизданными. Восьмидесятые и девяностые годы, кромѣ ряда статей по исторіи Украины (общій очеркъ въ «Топограф. описаніи Харьковскаго намѣстничества», 1788, нѣсколько статей въ «Географич. Словарѣ» Щекатова, статьи по кіевскимъ древностямъ въ «Краткомъ описаніи Кіево.-Печ. Лавры», 1791 и 1795 г.г., большой историко-этнографическій очеркъ въ «Описаніи народовъ, обитающихъ въ Россіи», 1799) принесли только изданіе нѣкоторыхъ памятниковъ въ «Россійскомъ Магазинѣ» Ф. Туманскаго, между прочимъ «Лѣтопись» Гр. Грабянки (1793), съ небольшимъ словарикомъ историческихъ реалій — предшественникомъ болѣе подробной работы, затѣянной Вас. Ломиковскимъ («О Малороссіи. О древнихъ обычаяхъ малороссійскихъ, о службѣ воинской и гражданской, о чинахъ и должностяхъ чиновниковъ», 1808),—неоконченной и неизданной [1]). Изъ затѣянныхъ Яковомъ Маркевичемъ «Записокъ о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ»— своего рода энциклопедіи Гетманщины, вышла только первая часть (1798) — кое-что изъ исторіи старой (до XI в.) и новой, изъ географіи,— этнографіи и естествознанія [2]). Гораздо болѣе обширный и законченный трактатъ Шафонскаго (1786): «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи», осталось не-

[1]) Григоровичъ, Кн. Безбородко I, с. 46.

[1]) Издано Лазаревскимъ въ Кіев. Стар. 1894, VII.

[2]) О ней Лазаревскій, Прежніе изыскатели малор. старины (Очерки).

изданнымъ, равно какъ и другое аналогическое (менѣе пространное) описаніе Д. Пащенка. Въ рукописи остался и цѣлый рядъ историческихъ работъ, нерѣдко гораздо болѣе цѣнныхъ сравнительно съ «Краткимъ описаніемъ», изданнымъ Рубаномъ — лѣтописи украинской исторіи Симоновскаго (1765), Лукомскаго (1770), Ригельмана (1778) и наиболѣе талантливая и интересная анонимная «Исторія Руссовъ или Малой Россіи», пущенная въ оборотъ во второмъ десятилѣтіи XIX в. съ именемъ Георгія Конисскаго и пріобрѣвшая чрезвычайную популярность и вліятельность благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ и еще болѣе—проникающему ее горячему украинскому патріотизму и автономизму [1].

Интересъ къ языку и письменности, судя по дошедшему до насъ матеріалу, долго не поднимался надъ собираніемъ украинскихъ словъ, казавшихся наиболѣе любопытными, составленіемъ словариковъ идіомовъ, переходившихъ въ словарики реалій. Не прекращается, несмотря на быстрое обрусѣніе, любовь къ украинской рѣчи, проявляющаяся и въ сочиненіи и въ собираніи произведеній на украинскомъ языкѣ, и среди этихъ любителей находятся энтузіасты, въ родѣ извѣстнаго Лобысевича, ставящаго украинскихъ авторовъ XVIII в. рядомъ съ Плавтомъ или Мольеромъ, если не выше» [1]). Оцѣнка языка не идетъ сначала дальше краткихъ и поверхностныхъ характеристикъ въ этнографическихъ очеркахъ «Малороссіи», авторы которыхъ въ духѣ современныхъ сентиментальныхъ теченій рекомендуютъ его «нѣжность, пріятность», «патетическія выраженія, уменьшительныя слова, кои произошли, конечно, не отъ другаго чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей» (Я. Марковича Записки о Малороссіи). Но въ первые годы XIX в. появляется уже первый опытъ грамматики чистаго народнаго языка, слободского нарѣчія,—грамматика Павловскаго, случайнаго жителя Украины, котораго заинтересовала мѣстная рѣчь, уже окончательно вымиравшая, какъ казалось ему («ни живой, ни мертвый языкъ», «исчезающее нарѣчіе»), и онъ настаивалъ на необходимости его изученія прежде окончательнаго исчезновенія: «кто же намъ тогда покажетъ истинный образъ нашихъ предковъ въ прошедшихъ временахъ, если мы не сохранимъ настоящаго образа ихъ мыслей и нарѣчія». Въ печати эта грамматика появилась только въ 1818, но написана была гораздо раньше, и уже въ началѣ 1805 г. была предложена авторомъ на разсмотрѣніе Россійской академіи [2]).

[1]) Время составленія ея остается неопредѣленнымъ; наряду съ догадкою Лазаревскаго, считавшаго ея авторомъ Полетику-отца (Григорія, ум. 1784) стоятъ догадки, передвигающія центръ тяжести въ эпоху Полетики - сына, продолжавшаго историческія занятія отца во второмъ десятилѣтіи XIX в. (письмо отъ 1812 г.). Литература и обзоръ вопроса въ статьяхъ А. С. Грушевскаго: Къ судьбѣ «Исторіи Руссовъ» (Чтенія кіев. Общ. XIX) и Къ характеристикѣ взглядовъ «Исторіи Руссовъ» (Извѣстія акад.), 1908.

[1]) О Лобысевичѣ статья Петрова въ сборникѣ „Статьи по славяновѣдѣнію", I.

[2]) Объ этихъ первыхъ шагахъ украинскаго языкознанія: Буличъ, „Очерки исторіи языкознанія въ Россіи". 1904, и дополненія къ нимъ: Огiенко, „Огляд українського язикознавства", Записки Наук. тов. ім. Шевченка, т. 79 и 80.



Антикварный характеръ стараго украиновѣдѣнія и новые взгляды на украинскую стихію.

Въ общемъ оживленіе украиновѣдѣнія, бросающееся въ глаза на переломѣ XVIII и XIX вв., несмотря на проникающую его жизненность, имѣетъ по большей части довольно ярко выраженный антикварный характеръ. Интересовались памятью отжившаго или отживающаго, спѣшили закрѣпить на бумагѣ уходящіе образы, съ піетизмомъ потомковъ, собирающихъ фамильные памятники. Проскальзывающія нотки высокой оцѣнки этихъ украинскихъ древностей, вродѣ характеристики «малороссійской исторіи», какъ «славной вѣтви россійской исторіи» (въ письмѣ Чены, одного изъ наиболѣе уважавшихся украинскихъ антикваріевъ, къ В. Полетикѣ), или приведенной выше похвалы украинскимъ «Плавтамъ и Мольерамъ» XVIII в., служатъ скорѣе выраженіемъ мѣстнаго украинскаго патріотизма, аттестованнаго еще Румянцевымъ. Но настоящаго сознанія значенія и цѣнности этой работы, которая постепенно наростала въ украинскомъ обществѣ съ конца XVIII в., еще не замѣтно. Даже интересъ къ языку, къ народной поэзіи имѣетъ, какъ отмѣчено, въ значительной степени тоже антикварный характеръ.

Нѣсколько удачныхъ литературныхъ произведеній на украинскомъ языкѣ, въ особенности «Энеида» Котляревскаго и его пьесы, затѣмъ выдающіяся произведенія харьковскаго кружка, дали новое настроеніе и новые взгляды на народный языкъ. Повороту въ литературномъ творчествѣ, бросающемуся въ глаза при сравненіи литературныхъ произведеній конца XVIII в., до «Энеиды» и пародій Гулака-Артемовскаго включительно, съ «Наталкой» того же Котляревскаго и балладами Гулака, соотвѣтствуетъ поворотъ и въ теоретическихъ взглядахъ на украинскій языкъ и украинскую народную стихію вообще. Во второмъ десятилѣтіи XIX в. встрѣчаемся съ первыми мыслями и спорами на тему жизнеспособности украинскаго языка и его будущности въ литературѣ. Перепечатка (въ переводѣ) замѣтокъ Бандтке («Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ», въ «Вѣстн. Европы» 1815), гдѣ наряду съ признаніемъ старобытности украинскаго языка высказывались пожеланія его литературнаго развитія, вызываетъ скептическія замѣчанія Каченовскаго, но встрѣчается съ аналогическими пожеланіями и надеждами Украинцевъ. Бандтке выступаетъ противъ «нѣмецкаго» взгляда на украинскій языкъ какъ на «русскій языкъ, испорченный примѣсью къ нему польскаго», взгляда, повторявшагося и самими Украинцами[1]), и выводитъ его изъ временъ доисторическихъ. Каченовскій скептически замѣчалъ по этому поводу, что въ кіевскій періодъ не могло быть «нынѣшняго малороссійскаго нарѣчія», «потому что и самое названіе Малороссіи тогда не существовало» (аргументъ, какъ видимъ, соотвѣтствовалъ младенческому

[1]) Напр. у Я. Марковича: „Въ древніи времена жители Малороссіи говорили языкомъ словенскимъ, но исказили или испортили его въ то время, когда находились въ плѣну у Татаръ, Литовцевъ и Поляковъ".

состоянію вопроса), и на пожеланія Банатке относительно будущаго указывалъ на отсутствіе грамматической и литературной обработки: «онъ (языкъ) никогда не былъ подведенъ подъ грамматическія правила и при нынѣшнемъ своемъ состояніи способенъ только къ шуточнымъ сочиненіямъ, какова «Энеида» и двѣ или три извѣстныя оды». «Когда же дотонитъ (великорусскій языкъ) малороссійскій почти съ одною своею «Энеидою», и къ чему бы послужило его возвышеніе на степень ученаго языка, сопряженное съ непреодолимыми трудами?» Но подобные аргументы не смущали ревнителей украинской народности, и молодой харьковскій патріотъ Ал. Левшинъ, издавая годъ спустя свои впечатлѣнія, смѣло указываетъ на Энеиду, какъ на доказательство возможности литературной обработки украинскаго языка, и присовокупляетъ: «Ежели геніи здѣшней стороны обратятъ вниманіе и образуютъ оный, ограничивъ положительными правилами грамматики, тогда Малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ можетъ быть будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы» («Письма изъ Малороссіи», 1816). Такъ въ это время уже обозначилась основная контроверза, ставшая впослѣдствіи предметомъ такихъ ожесточенныхъ споровъ.

Въ Россіи она довольно долго не шла далѣе общихъ и болѣе или менѣе случайныхъ замѣчаній. На сужденіе объ украинскомъ языкѣ, какъ объ испорченномъ польскими вліяніями русскомъ нарѣчіи, или нарѣчіи польскаго языка, какъ писалъ, напр., тогдашній языковѣдъ Гречъ въ своей исторіи русской литературы (1822) и потомъ въ «Пространной грамматикѣ», отвѣчалъ вскользь Максимовичъ въ предисловіи къ первому сборнику пѣсенъ (1827). Онъ замѣчаетъ, что наличность общихъ словъ въ украинскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ не доказываетъ еще заимствованія ихъ украинцами, а его сходство съ разными славянскими языками указываетъ на срединность «малороссійскаго языка» среди славянскихъ нарѣчій. Но уже въ 1836 г. появляется спеціальная статья молодого Бодянскаго «Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ» (въ Уч. Запискахъ Московскаго унив. за 1835—36 г.), гдѣ онъ вполнѣ опредѣленно переноситъ вопросъ на историческую почву, считая южную и сѣверную вѣтвь исконными развѣтвленіями общеславянскаго языка, видитъ украинизмы въ древнихъ памятникахъ, начиная съ договоровъ съ греками, лѣтописи «Нестора» и пр., ставитъ въ отношенія преемства къ нимъ «славяно-руській» языкъ XVI—XVII в. и объясняетъ позднѣйшій его упадокъ преобладаніемъ «простого» народнаго языка подъ вліяніемъ казацкихъ движеній, потрясшихъ весь складъ украинской жизни; Подвергнувшіеся польскимъ, великорусскимъ или бѣлорусскимъ вліяніямъ говоры онъ считаетъ «нарѣчіями языка малороссійскаго», сохранившагося въ полной чистотѣ въ говорахъ лѣвобережныхъ. Срезневскій въ интересномъ открытомъ письмѣ къ Снегиреву, подъ заглавіемъ «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» (1834) считаетъ не нуждающимся въ доказательствахъ, «что языкъ украинскій (или, какъ угодно называть другимъ— малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые, и многіе увѣ-

рены, что этотъ языкъ одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ, что онъ едва ли уступитъ богемскому въ обиліи словъ и выраженій, польскому въ живописности, сербскому въ пріятности, что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому—языкъ поэтическій, музыкальный, живописный». Его литературная будущность не внушаетъ автору никакихъ сомнѣній. «Почему же глубокомысленный Сковорода, простодушный Котляревскій, богатый фантазіею Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще нѣсколько другихъ, польстившихся обѣщаніями и надеждой вынждать отъ нихъ что-нибудь достойное Украины—почему должны они остаться одни въ доселѣ дикой пустинѣ украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкаря, Дорошенка, Палія, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣрѣ передать потомству славу сихъ великихъ людей Украины». Какъ видимъ, это было повтореніе, въ формѣ болѣе рѣшительной и увѣренной, того, что писалъ 18 лѣтъ передъ тѣмъ другой харьковскій энтузіастъ Левшинъ. Украинскія перспективы представлялись современникамъ въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ. Отсутствіе всякихъ официальныхъ стѣсненій, благожелательное въ общемъ отношеніе лучшихъ представителей великорусскаго общества къ пробамъ литературной обработки украинскаго языка, къ изученію украинской жизни, не оставляли мѣста обостренію, созданному позднѣйшими преслѣдованіями и нападками. Новыя идеи народности объединяли представителей украинскаго и великорусскаго общества въ изученіи народной стихіи въ культивированіи народнаго языка и народныхъ элементовъ въ литературѣ. Въ той сферѣ, отрѣшенной отъ практической жизни, въ которой культивировалось украинство украинофилами 1820—1830 годовъ, оно не встрѣчало серьезныхъ препятствій извнѣ, и этимъ объясняется малая интенсивность теоретическихъ споровъ объ украинствѣ въ Россіи. «Споры южанъ и сѣверянъ на счетъ ихъ россизма», отмѣченные Вевелинымъ (1832), имѣли еще слишкомъ поверхностный характеръ, чтобы задѣвать глубоко. Этимъ объясняется сравнительная скудость чисто филологической литературы въ Россіи въ этихъ десятилѣтіяхъ.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ оказалась Украина западная, галицкая, гдѣ споры о языкѣ становятся жизненнымъ нервомъ на цѣлое почти столѣтіе.

Вопросъ о языкѣ въ Галиціи.

Въ концѣ XVIII в. Западная Украина, какъ увидимъ ниже, переживала еще болѣе глубокій упадокъ національной жизни, чѣмъ восточная. Здѣсь не было того подъема своеобразнаго украинскаго патріотизма, какой гетманщина пережила по инерціи автономной жизни, по воспоминаніямъ героической эпохи XVIII в. Всѣ высшіе слои общества были вполнѣ денаціонализованы; даже церковное управленіе перешло въ руки ополяченныхъ или поляковъ по происхожденію монаховъ-базиліанъ. Заботы австрійскаго правительства о подъемѣ культурнаго уровня духовенства и общемъ культурномъ

развитіи украинскаго элемента долго не находили живого отклика въ самомъ украинскомъ обществѣ, и многія благія начинанія завяли не успѣвъ расцвѣсти, подъ дуновеніями общей реакціи, прежде чѣмъ украинское общество сколько-нибудь оцѣнило значеніе этихъ начинаній. Однимъ изъ такихъ проявленій запоздалой оцѣнки тѣхъ культурныхъ средствъ, которыя были даны, но не использованы мѣстнымъ украинскимъ элементомъ, было оживленіе интереса къ вопросамъ національной школы и языку преподаванія. Когда во второмъ десятилѣтіи XIX в. австрійское правительство, подъ польскимъ вліяніемъ, вмѣсто украинскаго языка начало вводить въ школахъ преподаваніе на польскомъ языкѣ, это вызвало протесты у болѣе сознательныхъ единицъ, старанія о пробужденіи въ украинскомъ обществѣ болѣе активнаго отношенія къ вопросамъ просвѣщенія и культуры, вызвало въ дальнѣйшемъ—культуру языка. Въ этихъ условіяхъ появляется знаменитый трактатъ въ защиту украинскаго языка перемышльскаго каноника Ивана Могильницкаго, передового дѣятеля на этомъ поприщѣ, и рядъ грамматикъ. Его трактатъ: «Вѣдомость о русскомъ язицѣ», написанный сначала на украинскомъ языкѣ, вышелъ въ 1827 г. въ польскомъ переводѣ, предназначенный для польскаго общества, которое надлежало убѣдить въ правѣ на существованіе украинскаго языка. Это былъ весьма замѣчательный для своего времени трудъ, богатый историческимъ матеріаломъ, хотя и грѣшившій смѣшеніемъ понятій (напр. народный галицкій украинскій языкъ отождествлялся съ письменнымъ языкомъ XVI—XVII в., «бѣлорусскій» языкъ подводился подъ понятіе «рускаго», т. е. украинскаго языка); переведенный съ польскаго на русскій, онъ нѣсколько разъ издавался въ Россіи (въ послѣдній разъ въ «Запискахъ о южной Руси», 1857), а въ Галиціи долго оставался основнымъ сочиненіемъ по вопросамъ языка. Грамматика составленная Могильницкимъ, къ сожалѣнію, осталась неизданною—какъ и всѣ другія галицкія грамматики этого перваго періода: Паславскаго, Лавровскаго, Ловинскаго. Первая галицкая грамматика, появившаяся въ печати была Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache Іосифа Левицкаго, вышедшая въ 1834 г.—исключеніе совсѣмъ не счастливое, такъ какъ въ своихъ сужденіяхъ о языкѣ Левицкій остался позади другихъ изслѣдователей—Могильницкаго и Ловинскаго, гораздо справедливѣе оцѣнивавшихъ значеніе народной стихіи.

Въ этомъ отношеніи первые галицкіе языкословы оказались въ положеніи, гораздо болѣе затруднительномъ, чѣмъ ихъ современники въ Россіи. На Украинѣ Россійской въ началѣ XIX в. совершенно опредѣленно и рѣзко стояли одинъ противъ другого языкъ литературный, великорусскій, и языкъ народный украинскій. Книжный украинскій языкъ, въ его обоихъ развѣтвленіяхъ—сближенномъ къ славянскому и сближенномъ къ жаргону образованныхъ классовъ,—къ этому времени вымеръ безъ остатка, подъ напоромъ офиціальнаго великорусскаго и неофиціальнаго народнаго; церковнославянскій сохранился лишь въ чисто-церковно религіозномъ употребленіи духовенства, оставшагося вполнѣ за флагомъ, такъ какъ вся литературная и культурная работа перешла къ свѣтской

интеллигенціи. Въ Галиціи же первые кадры интеллигенціи составляло духовенство, которое очутилось въ положеніи, весьма близко напоминавшемъ положеніе ихъ предшественниковъ первой половины XVII в. съ ихъ колебаніями между церковнымъ языкомъ и живой рѣчью. Старый книжный украинскій языкъ здѣсь не умеръ и книжная литература на этомъ языкѣ, доплывъ хотя скуднымъ ручейкомъ до конца XVIII в., вошла въ обиходъ возобновленной высшей украинской школы, видоизмѣненной новыми теченіями, но въ принципѣ отрѣшенной отъ живой народной стихіи, какъ слишкомъ низкой и вульгарной. На народномъ языкѣ здѣсь не имѣлось даже такихъ пробъ литературной обработки, какими располагали филологи Украины Россійской. И въ довершеніе всего галицкіе филологи не имѣли передъ собою такой однообразной украинской народной рѣчи, распространенной на огромную территорію и огромную массу населенія, какъ языкъ лѣвобережной Украины, которую канонизовали начинатели украинской литературы въ Россіи, а изслѣдователи украинскаго языка начала XIX в., какъ мы видѣли, положили во главу угла, объявляя другія нарѣчія, такъ сказать, уклоненіями отъ этого канона. Передъ галицкими филологами лежала группа нарѣчій, среди которыхъ лавировать, даже при желаніи стать на почву народной рѣчи, было не легко при тогдашнемъ состояніи филологическихъ познаній. Въ результатѣ цѣлыхъ полстолѣтія прошло въ колебаніяхъ между книжно-церковною и народною стихіею, а колебанія эти закончились полнымъ и непримиримымъ раздѣленіемъ галицкой жизни на два теченія—въ сторону народа и въ сторону книжныхъ традицій или «единства русскаго народа»,—во второй пол. XIX в., когда выяснилось полное расхожденіе обоихъ направленій.

На первыхъ порахъ несогласимость этихъ теченій не представлялась изслѣдователямъ съ такой ясностью. Могильницкій добросовѣстно старается втиснуть народную галицкую рѣчь въ тиски грамматической системы Смотрицкаго и въ его правописаніе, котораго придерживается рабски. Но нѣсколько лѣтъ позже появляется грамматика угорскаго русина Мих. Лучкая (Grammatica Slavo-Ruthena seu vetero-slavicae et actu in montibus Carpathicis Parvo-Russiae seu dialecti vigentis lingue, Пештъ, 1830), въ которой съ консерватизмомъ, свойственнымъ этому крайнему отрѣзку восточно-славянскаго міра, центръ тяжести еще разъ переносился на единый «ученый» (lingua erudita) церковно-славянскій языкъ, который снова, какъ въ XVII в., рекомендовался для школьнаго и научнаго употребленія «Карпатской Руси». Эта мысль произвела сильное впечатлѣніе на воспріимчивой галицкой почвѣ, и Іос. Левицкій усиленно пробуетъ подтянуть подъ церковно-славянскія формы живую украинскую рѣчь, одновременно сильно подправляя ее великорусскими элементами, такъ какъ образцомъ для него служила нѣмецкая грамматика великорусскаго языка, которой онъ слѣдовалъ не только въ системѣ, въ терминологіи, но и переносилъ великорусскія формы на свой «русинскій» языкъ (предательская путаница въ терминологіи, называвшей «русинскимъ» мѣстный украинскій языкъ и

«русскимъ» книжный великорусскій, не оставалась тутъ также безъ вліянія).

Съ протестомъ противъ этого «поклоненія двумъ богамъ», какъ характеризовалъ эти колебанія цензоръ грамматики Левицкаго, знаменитый Б. Копитаръ, усиленно рекомендовавшій галичанамъ культивировать свою народную рѣчь, выступилъ Іос. Лозинскій. Ознакомившись еще въ рукописи съ грамматикою Левицкаго, онъ уже въ 1834 г. приготовилъ грамматику, послѣ безконечныхъ мытарствъ вышедшую лишь въ 1846 г. на польскомъ языкѣ (grammatyka języka ruskiego (maloruskiego). Въ ней онъ является горячимъ поборникомъ культуры народной украинской рѣчи, какъ необходимаго и даже неизбѣжнаго орудія общественнаго развитія, здоровой культурной жизни, «образованія души«. Мертвый церковно-славянскій языкъ, по его убѣжденію, не можетъ быть орудіемъ просвѣщенія и развитія народа. Невозможно также искусственно подтягивать украинскій языкъ подъ одно изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій (Лозинскій спеціально полемизируетъ съ польскими писателями, рекомендовавшими украинцамъ приникнуть къ литературѣ польской, но то же относилось и къ тенденціямъ великорусскимъ). Пятнадцатимилліонный украинскій народъ, какъ исчисляетъ его Лозинскій, не можетъ отказаться отъ своего языка, остаться безъ своей литературы.

Приходится пожалѣть, что эти здравыя мысли не были усвоены обществомъ. Въ устахъ Лозинскаго ко времени появленія его грамматики, онѣ были дискредитированы крайне непопулярною пропагандою введенія латинской азбуки, которой одно время съ увлеченіемъ занялся Лозинскій. Идея народнаго языка имѣла сторонниковъ, но іерархическія сферы склонялись въ пользу сторонниковъ церковно-славянскаго языка и, по ироніи судьбы, цензура надъ русинскими изданіями, порученная администраціей этимъ сферамъ, ставила всяческія препоны теченіямъ украинскимъ, хотя въ интересахъ австрійской политики лежало обособленіе русинскаго элемента отъ поляковъ и великороссовъ, и Копитаръ, исходя изъ этихъ государственныхъ австрійскихъ мотивовъ, въ своей перепискѣ съ галицкими языкословами усиленно поддерживалъ идею народнаго языка.

Эта обскурантская цензура и отсутствіе прессы были причиной, почему теченія, такъ ясно обозначившіяся уже во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XIX в., не проявили себя болѣе живымъ обмѣномъ мыслей въ печати. Такая возможность явилась только послѣ 1848 г., а опыты предшествующаго времени, свидѣтельствующіе о подобныхъ же исканіяхъ въ вопросѣ о литературномъ языкѣ, о путяхъ культурнаго развитія украинской народности и т. под., въ большинствѣ упокоились въ цензурныхъ и другихъ архивахъ, самое большее оставивъ слѣды контроверсій въ современной перепискѣ или позднѣйшихъ воспоминаніяхъ.

За всѣмъ тѣмъ вопросъ о языкѣ отразился въ этомъ матеріалѣ уже достаточно опредѣленно [1]).

---

[1]) Новѣйшая работа: М. Возняк, „Студії над галицко - українськими граматиками XIX в., „Записки Наук. тов. ім. Ш т. 89—95. О. Маковей, „Три галицкі граматики", ibid. т,. 51 и 54.

Этнографическіе интересы и изученія.

Въ Россіи вопросъ объ украинскомъ элементѣ перемѣстился пока въ другую плоскость. Удѣльный вѣсъ украинскаго элемента долженъ былъ опредѣлиться не филологическими соображеніями, не научною обработкою языка, не наличностью изящной литературы, а богатымъ содержаніемъ самой народной украинской стихіи. Такую постановку вопроса давали новыя идеи народности, начавшія проникать въ русскую среду чрезъ посредство нѣмецкихъ романтиковъ народности, отчасти также чрезъ западно-славянскую среду. Эти идеи и культъ народности, ими вызванный, имѣлъ огромное значеніе для всего дальнѣйшаго развитія украинства въ Россіи и опредѣлилъ собою направленіе научныхъ интересовъ, далъ совершенно новую постановку украиновѣдѣнію, влилъ новое содержаніе въ антикварскіе интересы украинскихъ патріотовъ, сообщилъ новую цѣнность украинскимъ изученіямъ. То, что до сихъ поръ было предметомъ піетизма разныхъ «Малой Россіи сыновъ», семейнаго, такъ сказать, почитанія, ни для кого не обязательнаго, искавшаго для себя оправданія въ естественной привязанности къ родинѣ и родному — получаетъ совершенно новую, объективную цѣнность и право претендовать на все въ глазахъ просвѣщеннаго человѣчества. Сѣрая украинская масса, лишенная литературы, со своимъ необработаннымъ, «не ограниченнымъ правилами грамматики» языкомъ оказывается обладателемъ этнографическихъ сокровищъ, болѣе цѣнныхъ, чѣмъ какія бы то ни было громкія произведенія искусственной литературы, носителемъ красоты недостижимой для интеллигентскаго творчества. Въ этомъ неотъемлемое право украинства на вниманіе и изученіе, не только самими украинцами, но и всѣми просвѣщенными, сознающими цѣнность и значеніе народности людьми. Вполнѣ опредѣленно эта новая точка зрѣнія была формулирована въ 1820-хъ годахъ (въ статьяхъ Максимовича, Цертелева и др.), но вліяніе новыхъ идей вполнѣ опредѣленно чувствуется и въ предшествующемъ десятилѣтіи. И подъ вліяніемъ ихъ украинская этнографія становится, такъ сказать, боевой наукой надолго, почти на все XIX столѣтіе. Собираніе, также и изученіе, но главнымъ образомъ все таки собираніе этнографическихъ матеріаловъ, особенно фольклорныхъ, становится господствующимъ интересомъ въ сферѣ украиновѣдѣнія. Богатство народной словесности въ глазахъ украинскаго общества является однимъ изъ главныхъ моментовъ, свидѣтельствующихъ о цѣнности украинскаго элемента, его правахъ на развитіе и національную культуру [1]).

---

[1]) По исторіи украинской этнографіи рядъ цѣнныхъ работъ: А. Пыпина, „Исторія русской этнографіи", т. III, 1891. Огоновскаго "Исторія литературы руской", т. IV, 1894 (неокончено). Ал. Грушевскаго, "Этнографичні виданяи і пляни" (Записки Наук. тов., ім. Ш т. 89). Сумцова, „Современная малорусская этнографія". Указатель: Гринченко, „Литература украинскаго фольклора", 1777—1900, Черниговъ, 1901. Болѣе спеціальныя монографіи указаны ниже.

Наиболѣе раннія этнографическія собранія и записи не были изданы и, вѣроятно, большею частію погибли для насъ. Нѣкоторыя изъ не опубликованныхъ собраній, однако, оказали весьма сильное вліяніе на послѣдующее народоизученіе. Такимъ было собраніе З. Ходаковскаго-Чарноцкаго; собранная имъ въ 1814—7 гг. огромная для своего времени коллекція украинскихъ пѣсенъ осталась въ рукописи, но ею много пользовались; большое впечатлѣніе производила сама оригинальная фигура энтузіаста-собирателя и широкія перспективы народоизученія, открывавшіяся въ его наблюденіяхъ. Фольклоръ у него неразрывно сливался съ изученіемъ психическаго склада народной массы, изученіе современнаго быта — съ бытомъ доисторическимъ; передъ перспективами первоначальной славянской общности въ его глазахъ стушевывались всякія историческія дѣленія, національныя, политическія, религіозныя, и изъ-за современной этнографіи смотрѣла на него «предхристіанская Славянщина». Эти идеи производили впечатлѣніе, и дѣйствительно, отложивъ въ сторону фантазіи и ошибки, неизбѣжныя въ первыхъ шагахъ, многое изъ указаннаго Ходаковскимъ въ области народоизученія только много позже вошло въ научный обиходъ и методологію [1]).

Прежде него украинская этнографія поставила задачею изученіе народнаго творчества, главнымъ образомъ собираніе народныхъ пѣсенъ, особенно историческихъ. Въ 1819 г. выходитъ въ свѣтъ первое печатное собраніе ихъ, Н. Цертелева. «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ», заключавшихъ въ себѣ восемь думъ и двѣ пѣсни, съ интереснымъ вступленіемъ, гдѣ еще очень несмѣло высказываются мысли о цѣнности произведеній народнаго творчества вообще, и украинскаго спеціально, и словарикъ украинскихъ словъ. Въ послѣдующихъ статьяхъ, 1820-хъ годовъ, тотъ же Цертелевъ развиваетъ уже болѣе опредѣленно идеи народности и настаиваетъ на цѣнности народнаго пѣснотворчества. Максимовичъ, выпуская въ 1827 г. первый (и единственный) выпускъ своего собранія, несравненно болѣе значительнаго (изданный выпускъ заключалъ въ себѣ 223 пѣсни), уже считаетъ принципъ народности перешедшимъ въ сознаніе современнаго общества: «Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности», пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, и на первую позицію выдвигаетъ «пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки—гдѣ отсвѣчиваетъ фантазія народная». Въ обработку пѣсеннаго матеріала онъ вноситъ также гораздо больше опредѣленности: ставитъ вопросы систематизаціи, возсозданія по варіантамъ первоначальнаго состава пѣсенъ и т. п. Не продолживъ своего перваго сборника, нѣсколько лѣтъ спустя (1834) онъ началъ новый, разсчитанный на 4 части, но окончившійся тоже на первомъ выпускѣ; онъ содержалъ пѣсни историческія, числомъ 113, между тѣмъ какъ вся коллекція собранныхъ Максимовичемъ пѣсенъ заключала въ себѣ ок. $3^1/_2$ тысячъ номеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльнымъ выпускомъ были изданы мелодіи къ пѣснямъ.

[1]) Новѣйшая работа о Ходаковскомъ: В. П. Доманицкаго, „Піонер української етнографії“, въ Запискахъ Наук. тов. ім. Шевченка, т. 85.



ковское собрание при Румянцевском

Годомъ раньше начало выходить собраніе историческихъ пѣсенъ Срезневскаго («Запорожская Старина», 6 небольшихъ томиковъ, Харьковъ, 1833—1838); оно имѣло иной характеръ, чѣмъ сборники Максимовича: Максимовичъ въ своихъ сборникахъ выступаетъ какъ фольклористъ, Срезневскій пользуется пѣсеннымъ матеріаломъ для иллюстраціи украинской исторіи, на ряду съ пѣснями вводитъ и чисто историческій матеріалъ. Сборникъ имѣлъ большой успѣхъ, между прочимъ, благодаря эффектно сочиненнымъ пѣснямъ, примѣшаннымъ къ подлиннымъ. Въ одинъ годъ съ первымъ томикомъ «Запор. Старины» вышелъ на противоположномъ концѣ украинской территоріи другой сборникъ, имѣвшій тоже большое значеніе: Piesni polskie i ruskie ludu Galicyiskiego Вацлава Залесскаго (Львовъ, 1833). Это было первое собраніе галицкаго пѣсеннаго матеріала, появившееся въ печати, и богатство украинскаго пѣсеннаго матеріала сравнительно съ польскимъ производило глубокое впечатлѣніе на тогдашнюю галицкую интеллигенцію, гдѣ только что начиналось обращеніе къ народной стихіи. Украинскій матеріалъ Залесскаго перепечаталъ затѣмъ Пл. Лукашевичъ въ своемъ сборникѣ: «Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни», 1836; это изданіе, въ первой части заключавшее пѣсенный матеріалъ россійской Украины, а во второй—австрійской, являлось такимъ образомъ опытомъ перваго всеукраинскаго цѣлаго. Другія собранія этого времени вышли гораздо позже, или и вовсе не появились въ свѣтъ. Огромное собраніе Максимовича дебютировало еще однимъ выпускомъ новаго «Сборника украинскихъ пѣсенъ» (Кіевъ, 1849), разсчитаннаго на этотъ разъ на 6 частей, но остановившагося опять на первомъ выпускѣ. Еще большее собраніе Бодянскаго—самое большее изъ бывшихъ, судя по его подсчету (8000 пѣсенъ),—вовсе не появилось. Гоголь ограничился краснорѣчивымъ панегирикомъ украинской пѣснѣ, и его собраніе вышло только недавно, въ столѣтній юбилей. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Кулишъ носился съ планомъ изданія большого коллективнаго собранія украинскихъ пѣсенъ, съ участіемъ Костомарова, Метлинскаго, Срезневскаго, Бодянскаго и самого Кулиша; но этотъ планъ не осуществился. Во всякомъ случаѣ, благодаря уже сдѣланнымъ изданіямъ и оглашеннымъ въ печати извѣстіямъ о неизданномъ собраніи, репутація украинскаго пѣснотворчества была поставлена очень высоко. Украинскій народъ былъ признанъ обладателемъ богатѣйшей высоко-поэтической словесности, ставящей его наравнѣ съ сербскимъ народомъ среди славянства и на одномъ изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ народовъ вообще.

Менѣе вниманія посвящено было другимъ родамъ украинскаго фольклора и изслѣдованію народнаго быта. Записи сказокъ, преданій, пословицъ, появившіяся въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в. и оставшіяся не изданными, были незначительны (сборники Носенка, Смирницкаго, Бодянскаго и др.). Исключеніе составлялъ сборникъ Кулиша «Украинскія народныя преданія», какъ по своимъ размѣрамъ, такъ еще болѣе по своему характеру. Молодой этнографъ не ставитъ своею задачею подбирать лишь фольклорные тексты: ему хотѣлось характе-

ризовать «народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его», иллюстрировать «поэтическую сторону жизни народа», и онъ даетъ въ своемъ сборникѣ сказки и историческія преданія, религіозныя легенды, отрывки изъ мемуаровъ, думы и пѣсни, загадки и просто образцы народной рѣчи. Изъ страха предъ цензурой онъ сдѣлалъ въ своемъ сборникѣ рядъ купюръ, но и въ этомъ «очищенномъ» видѣ ему не суждено было появиться въ свѣтъ: книжка московскихъ «Чтеній» была конфискована за мемуары Флеттерса, напечатаные въ ней и была извлечена изъ кладовыхъ только въ недавніе годы. Кулишъ однако обработалъ свой матеріалъ по аналогичному плану, но въ болѣе широкомъ масштабѣ, десять лѣтъ спустя, въ своихъ «Запискахъ о Южной Руси».

Исторіографія.

На ряду съ этнографическими работами довольно оживленная дѣятельность проявлялась также въ сферѣ историческихъ изученій, но они продолжали традицію XVIII в.—изученіе внѣшней исторіи козачества, преимущественно гетьманщины, начиная съ эпохи Хмельницкаго и почти не выходя изъ этой области. Понятіе украинской или малорусской, по тогдашней терминологіи, исторіи неразрывно сливалось съ исторіей козачества. Изученіе древней Руси шло внѣ ея, подъ маркой русской исторіи, по традиціямъ «общерусской» исторической схемы, на династической основѣ, выработанной московскимъ лѣтописаніемъ и принятой официіальной русской исторіографіей. Переходный литовско-польскій періодъ служитъ лишь прелюдіею къ исторіи козачества и имѣетъ цѣлью объяснить возникновеніе козаковъ и внѣ этого не привлекалъ къ себѣ вниманія изслѣдователей, равно какъ и судьбы западныхъ украинскихъ земель, оставшихся подъ владѣніемъ Польши. Исходною точкою служили козацкія движенія противъ Польши, приведшія къ переходу Украины подъ протекцію московскихъ царей. Въ 1820-хъ годахъ появляется анонимная «Исторія Руссовъ», имѣвшая чрезвычайный успѣхъ въ украинскомъ обществѣ и весьма сильно повліявшая на его историческіе взгляды и интересы; но она лишь отчасти подходитъ подъ понятіе исторической работы, являясь собственно чрезвычайно талантливымъ политическимъ памфлетомъ. Одновременно съ неизвѣстнымъ авторомъ или редакторомъ ея цѣлый рядъ любителей и ученыхъ трудился надъ болѣе объективнымъ и научнымъ возсозданіемъ исторіи Украины въ эпоху козачества. Извѣстны напр. занятія въ этой сферѣ А. Чепы, Д. Ломиковскаго, Н. и Д. Бантышъ-Каменскихъ, М. Берлинскаго, Ал. Мартоса, Александра и Николая Марковича, Гоголя и др. Изъ нихъ только Бантышъ-Каменскому и Ник. Марковичу удалось увѣнчать свои труды изданіемъ «полной» исторіи Малороссіи. Мартосъ, какъ и Берлинскій, опубликовалъ лишь нѣсколько главъ изъ своей исторіи другіе не вышли изъ сферы первоначальнаго накопленія

матеріала или небольшихъ монографій. [1])

Какъ и ихъ предшественики XVIII в., эти изслѣдователи опирались главнымъ образомъ на хроникахъ и мемуарахъ XVII—XVIII в., польскихъ и украинскихъ. Такой же характеръ имѣетъ и вступительная часть «Исторіи» Бантыша-Каменскаго; но начиная съ присоединенія Украины къ Москвѣ, онъ переноситъ центръ тяжести своего изслѣдованія на матеріалъ офиціальный и московскій — документы архива иностранныхъ дѣлъ, изъ которыхъ выборки, въ качествѣ приложенія, присоединялъ къ каждому изъ томовъ. Этотъ документальный характеръ, съ преобладаніемъ офиціальнаго московскаго освѣщенія украинскихъ событій, рѣзко выдѣляя его трудъ изъ общаго направленія украинской исторіографіи, вноситъ въ нее новый тонъ и характеръ. Далеко превосходя предшествующія публикаціи запасомъ свѣдѣній и документальностью ихъ, изданный по своему времени очень роскошно и импозантно, трудъ Бантышъ—Каменскаго занялъ очень авторитетную позицію въ украинской исторіографіи и получилъ большое распространеніе: изданный первымъ изданіемъ въ 1822 г., онъ былъ повторенъ затѣмъ въ 1830 и снова въ 1842 (еще разъ въ 1903). Однако, несмотря на всю свою офиціальность и документальность, и онъ не устоялъ предъ чарами «Исторіи Руссовъ», съ которой Б.-Каменскій познакомился уже послѣ изданія своей исторіи, и кое въ чемъ измѣнялъ послѣдующія изданія подъ вліяніемъ ея. И на ряду съ его книгой «Исторія Руссовъ» широко обращалась въ рукописныхъ спискахъ, своею патріотическою остротою и поэтическимъ вымысломъ сдабривая суховатое произведеніе офиціальнаго историка.

Равнодѣйствующую обоихъ произведеній представляла третья «полная» исторія Малороссіи Ник. Марковича, изданная въ 1842—3 г. Подъ вліяніемъ «Исторіи Руссовъ» здѣсь значительно расширена вступительная часть, — до Богдана Хмельницкаго,—занявшая цѣлый томъ; примѣръ Бантышъ-Каменскаго сказался въ изданіи обширныхъ документальныхъ приложеній, занимающихъ два отдѣльныхъ тома (IV и V); въ изложеніи Марковичъ безпомощно барахтается между апокрифическими измышленіями «Исторіи Руссовъ» и «Запорожской Старины» (тоже писанной подъ вліяніемъ «Исторіи Руссовъ») и достовѣрнымъ актовымъ матеріаломъ Б.-Каменскаго; въ смыслѣ историческаго метода его трудъ не представлялъ никакого движенія впередъ. Цѣну имѣлъ лишь историко-бытовой матеріалъ, собранный авторомъ, который онъ, задумавъ, послѣ изданія своей исторіи «использовать для своего рода украинскихъ древностей», началъ обрабатывать. Эта работа носила заглавіе: «Внутренняя жизнь Малороссіи отъ 1600 года до нашего времени», но болѣзнь не позволила ему окончить ему этотъ трудъ; были подготовлены только нѣкоторые отдѣлы, какъ напр., «сравненіе мѣръ, вѣсовъ, а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1835 г.», исторія монастырей, этнографическія записи и т. под.

[1]) Онѣ указаны по большей части Лазаревскимъ, „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края", 1858; также въ „Опытѣ русской историографіи" В. Иконникова, и въ моей „Исторіи Украины-Руси" т. VII прим. 2 и т. VIII пр. 6.

*

Собранія документовъ, изданныя въ приложеніяхъ Б.-Каменскимъ и Марковичемъ, были первыми значительными изданіями документовъ по исторіи Украины; рядомъ съ ними можно поставить только сборникъ актовъ по исторіи украинской церкви, изданныхъ Евгеніемъ Болховитиновымъ при его «Описаніи Кіево-софійскаго собора», 1823; но это изданіе, какъ и другія: «Бѣлорусскій архивъ», начавшееся съ 1846 г. изданіе «западно-русскихъ актовъ»—не стояли подъ знакомъ собственно «малороссійской» исторіографіи. Но подъ этотъ знакъ подошла дѣятельность новооснованной (1843) кіевской археографической комиссіи, несмотря на ея ультра-казенный характеръ (она состояла въ ближайшемъ вѣдѣніи генералъ-губернатора, и предсѣдателемъ ея былъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора, ничего общаго съ наукой не имѣвшій). Интересы украиновѣдѣнія случайно совпадали съ интересами правительственной политики въ правобережной Украинѣ, и однимъ изъ главныхъ руководителей новой комиссіи сталъ Максимовичъ, а главнымъ работникомъ Кулишъ, на котораго комиссія возлагала свои надежды. Съ 1845 г. начинаютъ выходить «Памятники» кіевской комиссіи, содержащіе очень цѣнный и разнообразный археографическій матеріалъ, кромѣ исторіи козачества также по соціальной и культурной исторіи западной Украины, остававшейся внѣ сферы изслѣдованія «малороссійскихъ» исторіографовъ. Намѣчается комиссіей также изданіе памятниковъ украинскаго лѣтописанія: въ 1848 г. начинаетъ выходить интересная (хотя и вполнѣ недостовѣрная) лѣтопись Величка [1]). Но на этомъ поприщѣ—изданія памятниковъ старой украинской исторіографіи—дѣятельность комиссіи отошла на второй планъ передъ трудами О. М. Бодянскаго [1]). Получивъ редакторство новооснованныхъ московскихъ «Чтеній», онъ въ три года, съ 1846 по 1848, помѣстилъ въ изданныхъ тогда 23 книжкахъ «Чтеній» огромную, предъ тѣмъ неслыханную массу исторіографическаго матеріала, не стѣсняясь нареканіями москвичей за такое предпочтеніе украинскому матеріалу [2]). Началъ онъ съ «Исторіи Руссовъ», этой золотой книги тогдашняго украинскаго общества; въ виду ея крамольнаго характера изданіе считалось страшно рискованнымъ и представлялось настоящимъ патріотическимъ подвигомъ со стороны издателя. За нею послѣдовала лѣтопись Самовидца компиляціи Самоновскаго и Ригельмана, хроника Густинскаго монастыря, цѣлый рядъ болѣе мелкихъ мемуаровъ и компиляцій и нѣсколько цѣнныхъ собраній документовъ (бумаги Орлика, акты изъ архива Оружейной палаты и др.). Въ концѣ 1848 г. эта издательская дѣятельность Бодянскаго была прервана и возоб-

---

[1]) О дѣятельности и планахъ комиссіи см.: „Юбилейную записку" Ор. Левицкаго: „Пятидесятилѣтіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ", 1893.

[1]) О дѣятельности Бодянскаго см. книгу Н. П. Василенка: „О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи", 1904 (изъ „Кіев. Старины").

[2]) Одинъ изъ московскихъ ученыхъ такъ отзывался о редакторствѣ Бодянскаго: «Чѣмъ сдѣлались «Чтенія»? Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей и небылицъ хохлацкихъ! Такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ» („Древ. и Новая Россія" 1880, I с. 514).

новилась только десять лѣтъ спустя; но и то, что онъ сдѣлалъ за эти три года, значило очень много въ развитіи украинской исторіографіи. Конечно, при современномъ состояніи историческихъ свѣдѣній, онъ не всегда надлежащимъ образомъ оріентировался въ матеріалѣ, не умѣлъ отличить важное отъ неважнаго, издавалъ иногда вещи мало интересныя, но въ общемъ далъ очень много цѣннаго. Исторія козачества, благодаря Бодянскому, получила очень серіозный историческій фундаментъ.

Движеніе украинской національной мысли 1840-хъ годовъ и его отраженія въ украинскихъ изученіяхъ 1850 и 1860-хъ гг.

Вторая половина сороковыхъ годовъ была важнымъ поворотнымъ моментомъ въ жизни украинскаго общества по ту и по сю сторону австро-россійской границы. Въ Россіи это была эпоха Кирилло-Меѳодіевскаго братства — кульминаціонный пунктъ въ развитіи политическаго и общественнаго украинскаго самосознанія, отъ неясныхъ, безплотныхъ народническихъ мечтаній и прекраснодушія первой половины XIX в. переходившаго къ вполнѣ опредѣленной соціальной и политической программѣ украинскаго возрожденія, въ которой, наряду съ общими вопросами политическаго и соціальнаго переустройства Россіи, намѣчались спеціально украинскіе постулаты автономной Украины, какъ равноправнаго члена великой славянской федераціи.

Въ Австріи это была славная «весна» 1848 г., впервые послѣ столькихъ столѣтій давшая политическое бытіе мѣстной украинской народности, ставшей вполнѣ опредѣленно на національной украинской позиціи и съ воодушевленіемъ привѣтствовавшей перспективы національнаго самоопредѣленія. Тутъ и тамъ въ первыхъ рядахъ движенія стояли выдающіеся украинскіе литераторы и ученые, представители украинскихъ изученій въ различныхъ областяхъ, и общее оживленіе, политическій переломъ долженъ былъ въ виду этого живѣйшимъ образомъ отразиться на судьбѣ украиновѣдѣнія, на направленіяхъ, интересахъ и характерѣ его.

Однако, этотъ первый расцвѣтъ культурной украинской жизни — и въ частности научныхъ интересовъ—былъ остановленъ и подавленъ въ самомъ началѣ: въ Австріи общею реакціею, задавившей весенніе порывы 1848 г., въ Россіи—процессомъ Кирилло-Меѳодіевцевъ 1847 г., закончившимся заключеніемъ и долголѣтней ссылкою, лишившей возможности научной работы наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и литературы. И когда десять лѣтъ спустя они получили возможность возобновить свои занятія, годы испытаній не остались безъ вліянія на ихъ характеръ: мы не находимъ уже въ произведеніяхъ петербургскаго періода того смѣлаго полета мыслей, какимъ отличался кіевскій кружокъ Кирилло-Меѳодіевцевъ,—точно такъ же, какъ конституціонная эпоха 1860-хъ годовъ въ Галиціи была только весьма далекимъ и слабымъ отраженіемъ надеждъ и упованій 1848 года.

Реакція въ Галиціи особенно сильно отразилась на научномъ движеніи. Широкіе планы «собора ученыхъ» 1848 г. остались мертвою буквой. Кон-

сервативныя «славяно-русскія» теченія берутъ верхъ надъ украинскими, теорія «единства» надъ національною. Офиціальный представитель филологическихъ дисциплинъ, профессоръ новооткрытой кафедры украинскаго языка и литературы Як. Головацкій все болѣе и болѣе передвигался со своей украинской позиціи 1848 г. въ сторону «объединенія» и кончилъ эмиграціей въ Россію. Въ грамматическихъ работахъ народный элементъ опять приводился въ согласіе съ великорусскими и славянскими образцами; популярная грамматика этой эпохи Мих. Осадцы («Граматика рускаго языка», 1 изд. 1862), несмотря на свои учебныя преимущества, была далекимъ шагомъ назадъ въ сравненіи съ Лозинскимъ. Убогая пресса безжизненно, нудно пережевывала вопросъ о языкѣ народномъ и «образованномъ». Историческія работы, вышедшія въ этотъ періодъ—труды Зубрицкаго («Исторія Галичскаго княжества», 1852—1855), Гарасевича («Annales ecclesiae Ruthenicae» 1862,), Шараневича («Исторія Галицко-Володимирской Руси», 1863), статьи Малиновскаго и пр., также лишенныя живого содержанія, проникнутыя антикварно-схоластическимъ характеромъ, стояли подъ знакомъ объединенія [1]). Признаки оживленія начинаются только съ 1870 гг. подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ дѣятелей россійской Украины.

Въ Россіи такого рѣзкаго паденія не было. Были отняты у науки крупныя силы, обѣщавшія открыть новые горизонты научному движенію; но въ общемъ, несмотря на разгромъ кіевскаго кружка и совпавшаго съ нимъ погрома московскихъ «Чтеній», научная работа не прекратилась, и трудами и заботами Максимовича, Иванишева, Судіенка въ Кіевѣ, Метлинскаго въ Харьковѣ научная жизнь въ налаженныхъ направленіяхъ археографическо-исторической и этнографической работы продолжалась. Кіевская комиссія издавала свои «Памятники», и рядомъ съ ними налаживалъ Иванишевъ знаменитый «Архивъ юго-западной Россіи» (т. I 1859) и другія изданія; его небольшая статья о копномъ судѣ («О древнихъ сельскихъ общинахъ Юго-западной Руси», 1857) произвела глубокое впечатлѣніе и имѣла большое значеніе, какъ одна изъ талантливо проведенныхъ параллелей позднѣйшей украинской жизни съ старорусской. Было издано нѣсколько цѣнныхъ памятниковъ и собраній козацкой эпохи (лѣтописи Величка и Грабянки, переписка Скоропадскаго и Апостола). Максимовичъ продолжалъ изданіе цѣнныхъ историко-литературныхъ сборниковъ по мѣстной исторіи («Кіевлянинъ» III кн. 1850, «Украинецъ», 1859 и 1860). Въ Одессѣ историческое общество начало издавать «Записки» (съ 1844 г.) помѣщавшія также матеріалы по исторіи козачества. Въ области этнографіи за третьимъ сборникомъ Максимовича (1849) послѣдовалъ очень содержательный сборникъ Метлинскаго (1854) и появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, напримѣръ, украинскій календарь Максимовича).

Научная работа, такимъ образомъ, не прекращалась, но свѣжимъ вѣтромъ потянуло въ научныхъ украинскихъ сферахъ только со второй половины 1850-хъ годовъ.

---

[1]) О. Терлецький. „Галицько-руське письменство 1848—1865 рр. на тлї тогочасних суспільно-полїтичних змагань галицько-руської інтелїгенції“, 1903.

Кирилло-меѳодіевскіе заточники получили возможность вернуться къ научной работѣ въ 1858 г. Въ этомъ же году появилась извѣстная статья Погодина, поставившая снова на очередь вопросъ о старобытности украинскаго языка и украинскаго племени въ Поднѣпровьѣ и вызвавшая оживленную полемику. Въ 1858 г. были возстановлены московскія «Чтенія» подъ редакціей Бодянскаго. Въ 1861 г. основывается первый украинскій общественный и научный журналъ «Основа». Въ 1860 г. появляется въ Харьковѣ первый трудъ перваго украинскаго лингвиста А. Потебни, а въ 1863 г. выступаетъ въ кіевскомъ «Архивѣ», замѣняя въ редакторствѣ Иванищева, молодой Антоновичъ. Вотъ нѣсколько датъ, объясняющихъ намъ оживленіе украинскихъ изученій не только въ смыслѣ усиливающейся производительности, но и въ ихъ характерѣ, въ направленіи интересовъ, какое замѣчаемъ съ началомъ 1860-хъ годовъ.

Въ 1858 г. выходитъ замѣчательное историко-этнографическое собраніе Кулиша, составленное изъ его записей и ряда статей, его собственныхъ и другихъ лицъ, въ болѣе широкомъ масштабѣ повторяющее планъ его «Преданій»—дать духовный обликъ украинскаго крестьянина, его воззрѣнія на прошлое и настоящее, его психологію и духовный складъ. Костомаровъ, начиная съ того же года, печатаетъ свою исторію Хмельницкаго, выпущенную затѣмъ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ въ 1859 г.—произведеніе, возбудившее восторгъ своимъ художественнымъ изложеніемъ, но одновременно вызвавшее и рядъ критическихъ статей Максимовича, печатавшихся въ разныхъ изданіяхъ въ 1859—60 г.г. подъ общимъ заглавіемъ Писемъ о «Б. Хмельницкомъ» и подъ специальными заголовками. Другую серію писемъ Максимовича вызвалъ опытъ древнѣйшей исторіи козачества, предложенный Антоновичемъ въ видѣ вступительной статьи къ первому тому «Архива», изданному имъ («Изслѣдованіе о происхожденіи козачества», ч. III, т. I 1863). Теорія была вполнѣ фантастическая, хотя и эффектная, произведшая извѣстное впечатлѣніе въ литературѣ. Максимовичъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ о козакахъ приднѣпровскихъ» (1863—5) вскрылъ натяжки и фантастическія увлеченія молодого автора, еще стоявшаго подъ вліяніемъ «Исторіи Руссовъ». Эти двѣ серіи статей, вмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими, оказали цѣнную услугу исторіи козачества, вернувъ ее отъ фантастическихъ измышленій «Исторіи Руссовъ» и «Запорожской Старины» снова на надежную почву фактовъ.

Въ области древнѣйшей исторіи важное значеніе имѣли статьи, вызванныя теоріей Погодина о полянскихъ великороссахъ. На статью Погодина, поддержанную затѣмъ статьями Лавровскаго [1]), отвѣчалъ Максимовичъ нѣсколькими серіями «писемъ», посвященными критикѣ филологическихъ аргументовъ, выдвинутыхъ въ защиту этой теоріи («Филологическія письма», 1856. «Отвѣтныя письма», 1857, «Новыя письма къ М. П. Погодину о старобытности малорусскаго языка», 1863) [2]).

---

[1]) „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго въ сравненіи съ великорусскимъ" (И. М. П. Д. 1859); „По вопросу о южнорусскомъ языкѣ" („Основа", 1861—статья написана въ 1856).

[2]) Перепечатаны въ Собр. сочиненій, III.

Критикѣ исторической стороны этой теоріи посвящены были статьи Максимовича («О мнимомъ запустѣніи Украины», 1857) и Ал. Котляревскаго («Были ли Малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в.», 1862). Эта историческая сторона по тому времени была освѣщена гораздо лучше, чѣмъ филологическая, такъ какъ филологическій багажъ обѣихъ сторонъ былъ слишкомъ еще скуденъ. Въ общемъ же полемика имѣла то крупное значеніе, что раздвигала перспективы украиновѣдѣнія въ предшествующія столѣтія, подчеркивала тѣсныя связи преемства того, что до сихъ поръ считалось специфически-украинскимъ—исторію и бытъ XVII-XVIII вв. съ исторіею и бытомъ предшествующаго. Въ этомъ же направленіи, сознательно и безсознательно, шли другія работы этихъ годовъ—Иванишева, Антоновича, Костомарова. Иванишевъ въ своей статьѣ «О древнихъ сельскихъ общинахъ», Антоновичъ въ своей теоріи о преемствѣ дружины и казачества, Костомаровъ въ своихъ статьяхъ по древне-русской исторіи («Черты народной южнорусской исторіи», 1862, «Двѣ русскія народности» и др.)—всѣ они выдвигали преемство формъ, основныхъ теченій и направленій, связующее украинскую жизнь XVI—XVII в. съ княжеской Русью и дѣлающее ее наслѣдникомъ и преемникомъ традицій кіевскаго періода. Въ этомъ же направленіи шли изслѣдованія Костомарова по московской исторіи, подчеркивая глубокія различія московскаго строя отъ кіевскаго, въ разрѣзъ съ офиціальной исторіографіей, представлявшей Москву преемницей и продолжательницей кіевскихъ традицій.

Одновременно съ тѣмъ замѣчаемъ усиленныя старанія отмежевать украинскую жизнь не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ отъ всего того, что заявляло на нее претензіи, хотѣло удержать ее въ служебной роли. Въ этомъ отношеніи «Основа», какъ арена такой борьбы за обособленіе и самодовлѣніе, я сказалъ бы — автономность украинской жизни, имѣла большое значеніе, хотя въ этой стадіи дебатовъ защитники украинской жизни далеко не дошли до послѣднихъ логическихъ выводовъ. Обмѣнъ мыслей, и все это оживленіе, связанное съ появленіемъ перваго украинофильскаго органа, продолжалось недолго, не полныхъ два года, и въ этомъ объясненіе незаконченности теоретическихъ построеній, не подготовленныхъ еще самой жизнью. Все-таки сдѣланное и сказанное тогда имѣло, повидимому, очень большое значеніе. Во главѣ шелъ Костомаровъ, давшій въ «Основѣ» рядъ статей направленныхъ противъ общерусскихъ и польскихъ претензій; въ томъ же направленіи писали Антоновичъ, Житецкій, Рыльскій и др. Особенно глубокое впечатлѣніе произвела статья Костомарова «Двѣ русскія народности» (1862), гдѣ былъ представленъ контрастъ украинскаго и великорусскаго элемента во всѣхъ областяхъ общественной и индивидуальной жизни. Въ продолженіе многихъ десятилѣтій она оставалась евангеліемъ украинскаго націонализма.

Общественныя задачи высокой важности, выдвинутыя этой эпохой, вызвали переоцѣнку литературной наличности съ общественно-національной точки зрѣнія. Рѣзкія критическія статьи Кулиша по украинской литера-



турѣ XVIII—XIX вв. имѣли немалое значеніе: съ нихъ можно считать начало исторіи новой украинской литературы [1]).

1860—1870-ые годы: Народоизученіе.

Съ прекращеніемъ «Основы» осенью 1862 г. распался кружокъ изслѣдователей, собравшійся около нея. Последовавшее затѣмъ гоненіе на украинство (1863) не осталось также безъ вліянія на украинскую публику, не привыкшую къ такой роли гонимыхъ. Научная дѣятельность, конечно, не прерывалась. Костомаровъ въ Петербургѣ, Максимовичъ и Антоновичъ въ Кіевѣ, Бодянскій въ Москвѣ занимались собираніемъ и обработкой историчискихъ матеріаловъ; къ этимъ годамъ относится изданіе актовъ московскихъ архивовъ по исторіи Украины XVII в. въ «Актахъ Южной и Западной Россіи», кіевскихъ матеріаловъ въ «Архивѣ Ю. З. Р.», изученіе Румянцевской описи Лазаревскимъ въ сотрудничествѣ съ другими изслѣдователями. Бодянскій, послѣ катастрофы 1848 г. ставшій вообще гораздо болѣе сдержаннымъ по отношенію къ украинскимъ матеріаламъ, съ 1863 г. печаталъ въ «Чтеніяхъ» огромное собраніе пѣсеннаго и виршевого матеріала Галичины, доставляемое Головацкимъ—результатъ трудовъ цѣлаго поколѣнія галицкихъ собирателей; оно закончилось въ 1872 г., ровно черезъ десять лѣтъ. Другою крупной новинкой въ области этнографіи было собраніе украинскихъ пословицъ, изданныхъ Симоновымъ (Украинські приказки, прислівья и таке иньше, спорудив М. Номис, 1864). Въ области изученія народной словесности, народной символики и народной поэзіи появляются важные труды Потебни (первая работа, въ 1860 г.: «О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи», затѣмъ: О «миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій», 1865, «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ», 1867, «О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ», и др.).

Въ концѣ 1860-хъ годовъ возникло крупное научное предпріятіе, по иниціативѣ П. Чубинскаго, обратившаго на себя вниманіе изслѣдованіями народной жизни на сѣверѣ Россіи, въ Архангельской губерніи, куда онъ былъ высланъ. По его предложенію, Русское Географическое общество поручило ему произвести статистическое и этнографическое обслѣдованіе правобережной Украины, и Чубинскій въ 1869—70 гг. совершилъ рядъ экспедицій съ нѣсколькими сотрудниками, а также заручился сотрудничествомъ спеціалистовъ по разнымъ вопросамъ народной жизни. Огромный матеріалъ, собранный имъ и доставленный сотрудниками и корреспондентами, изданъ былъ затѣмъ въ видѣ большого собранія подъ названіемъ «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Русскимъ Географическимъ обществомъ Юго-западный отдѣлъ». Труды составили VII томовъ въ 9 книгахъ, выпущенныхъ въ свѣтъ въ 1872—1877 годахъ. Кромѣ огромнаго сборника пѣсенъ и большого

[1]) О руководящихъ идеяхъ кружка Основы см. Стешенка: „Украинскіе шестидесятники“ („Записки украиньского наукового товариства в Київі“, II, 1908).

собранія сказокъ; здѣсь появились собранія и изслѣдованія, открывавшія совершенно новыя стороны народной жизни: сборникъ судебныхъ процессовъ о колдовствѣ, изъ актовъ XVII—XVIII в., собр. Антоновичемъ; собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ, какъ матеріалъ для изученія обычнаго права, сдѣланное Кистяковскимъ; обзоръ украинской діалектологіи, составленный Михальчукомъ на основаніи отвѣтовъ на разосланную діалектологическую програму и т. д. Въ общемъ получилось чрезвычайно импозантное собраніе, не только предлагавшее цѣнный матеріалъ по цѣлому ряду вопросовъ, но и намѣчавшее новые пути изслѣдованія народной жизни.

Подъ вліяніемъ работъ по обработкѣ и изданію собраннаго матеріала явилась мысль о созданіи постояннаго органа для изученія края въ направленіи, указанномъ «экспедиціею». Труды экспедиціи были дѣломъ украинскихъ изслѣдователей, сосредоточенныхъ въ Кіевѣ, къ этому времени собравшемъ у себя весьма значительныя научныя и культурныя силы, и какъ продолженіе этихъ трудовъ явился кіевскій «Юго-западный отдѣлъ Русскаго Географическаго общества», открывшій свои дѣйствія въ 1873 г. и поставившій себѣ широкіе цѣли статистико-экономическаго и этнографическаго изслѣдованія украинскаго населенія. Несмотря на довольно офиціальную оболочку, приданную ему «для безопасности», онъ собралъ вокругъ себя все, что было живого и интересующагося въ тогдашнемъ украинскомъ обществѣ, и обѣщалъ много. Одновременно съ нимъ открылось и кіевское историческое общество, но оно имѣло, особенно на первыхъ порахъ, слишкомъ казенный характеръ, и не оказало сколько нибудь замѣтнаго воздѣйствія на движеніе научной работы.

Наоборотъ, будящимъ моментомъ въ этомъ смыслѣ послужилъ археологическій съѣздъ, собранный въ 1874 г. въ Кіевѣ. Онъ принесъ съ собою много интересныхъ докладовъ (напр. сообщеніе Каминскаго о первой палеолитической стоянкѣ на Украинѣ, Дашкевича о Болоховскомъ движеніи XIII в., Житецкаго о Пересопницкомъ евангеліи и др.) и вызвалъ большой интересъ въ широкихъ кругахъ, живой обмѣнъ мыслей по многимъ вопросамъ украиновѣдѣнія.

Это вызвало затѣмъ газетную полемику, перешедшую въ жесточайшую травлю украинства, закончившуюся извѣстными административными репрессіями. Юго-западный отдѣлъ былъ «временно» закрытъ въ 1876 г., съ тѣмъ чтобы уже больше не быть открытымъ. Онъ просуществовалъ такимъ образомъ всего три года, но сдѣлалъ много. Цѣнна была его собственная работа, организаціонная и издательская: имъ издано два тома цѣнныхъ «Записокъ», (третій не былъ оконченъ), интересное собраніе «Малороссійскихъ преданій», подъ ред. Драгоманова, до нѣкоторой степени въ связи съ нею стояло изданіе «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», сдѣланное Антоновичемъ и Драгомановымъ и оставшееся надолго гордостью украинской науки. Но, кромѣ того, «Отдѣлъ» имѣлъ большое значеніе, собравъ научныя украинскія силы, организовавъ ихъ въ коллективныхъ работахъ и намѣтивъ рядъ вопросовъ для дальнѣйшаго изученія.

Въ смыслѣ собственно изслѣдованія украинской жизни двадцатипятилѣтіе, слѣдующее за прекращеніемъ «Основы» и дѣятельностью петербургскаго кружка, ознаменовалось особенно интенсивною работою въ области украинской исторiографiи. Труды Костомарова, Кулиша, Антоновича, Лазаревскаго, съ разныхъ точекъ зрѣнія, съ неодинаковымъ запасомъ знаній и таланта, но въ общемъ сильно и успѣшно двигали историческую науку въ познаніи прошлаго украинскаго народа, его историческаго процесса, приведшаго на нынѣшнія позиціи его современныя поколѣнія.

Кругъ матеріаловъ, которымъ располагалъ каждый изъ изслѣдователей, и его личные интересы и склонности обозначили сферу дѣятельности каждаго изъ главнѣйшихъ представителей украинской исторической науки. Костомаровъ, занявшійся разработкою офиціальнаго актового матеріала московскихъ архивовъ по исторіи козачества, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ велъ параллельно изданіе актовъ упомянутыхъ архивовъ («Акты Южной и Западной Россіи», 12 томовъ съ 1863 по 1884) и повѣствованіе о политическихъ судьбахъ козачества, въ рядѣ монографій, въ суммѣ охватившихъ шестидесятилѣтіе, отъ эпохи Хмельницкаго до катастрофы 1709 г. (послѣ «Б. Хмельницкаго», вышедшаго въ новой переработкѣ въ 1870 г., «Гетманство Выговскаго», «Гетманство Ю. Хмельницкаго», «Руина», «Мазепа и Мазепинцы»). Со стороны обстоятельности и художественной формы трудно было желать себѣ чего-нибудь лучшаго, и этимъ объясняется, почему за все это время мы не встрѣчаемся съ параллельными работами въ этой сферѣ (не считая болѣе мелкихъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ моментамъ, матеріаламъ или общимъ характеристикамъ главнѣйшихъ дѣятелей этой эпохи). Недостаткомъ былъ поверхностно-повѣствовательный характеръ: за калейдоскопомъ внѣшнихъ подробностей исчезали руководящія идеи и теченія общественной жизни, неясно вырисовывались даже фигуры главныхъ дѣятелей и вовсе пропадалъ главнѣйшій факторъ—народъ, котораго историческую роль самъ авторъ признавалъ основою историческаго изслѣдованія, но упускалъ изъ виду въ своемъ изложеніи за внѣшнимъ богатствомъ фактовъ. Историческая трагедія украинскаго народа, пережитая имъ въ эти десятилѣтія, стушевывалась за внѣшними драматическими подробностями, и даже сущность политическаго конфликта Украины и Польши, лежавшаго въ ихъ основѣ, не представлялась съ надлежащею ясностью. А культурная, бытовая и общественная сторона процесса оставалась и вовсе внѣ изслѣдованія.

Кулишъ, недовольный первыми монографіями Костомарова и считавшій его, какъ «иноплеменника», неспособнымъ понять складъ украинской жизни и сущность козачества, задумалъ раскрыть исторію козачества въ тѣсной связи съ современными культурными и общественными отношеніями, съ складомъ жизни народа. Первый набро-

сокъ своего труда онъ напечаталъ за границей, въ львовскомъ журналѣ «Правда» подъ заглавіемъ: «Перший період козацтва аж до ворогования з Ляхами» (1868). Это была весьма цѣнная работа, въ значительной степени свободная отъ легендарной традиціи, представлявшая исторію козачества на широкомъ фонѣ культурныхъ и соціальныхъ отношеній, такъ что приходится сильно пожалѣть, что вслѣдствіе незначительнаго распространенія въ Россіи журнала, гдѣ она появилась, работа эта не вошла въ здѣшній культурный обиходъ. Въ 1874 г. она вышла въ новой, распространенной редакціи, какъ первая часть огромной работы, надъ которой Кулишъ затѣмъ работалъ почти до самой своей смерти. Часть ея, изданная тогда, носила названіе «Исторія возсоединенія Руси»; она прервалась на III томѣ, выпущенномъ въ 1877 г., и была доведена до 1620-хъ годовъ. Во многихъ отношеніяхъ это была очень цѣнная работа; своимъ критицизмомъ и широкою трактовкою козачества на фонѣ польско-украинскихъ отношеній она далеко оставляла за собою все сдѣланное до тѣхъ поръ по исторіи ранняго козачества, въ частности обзоръ исторіи козачества до Хмельницкаго, данный Костомаровымъ въ качествѣ вступленія въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Богдана Хмельницкаго» (1870 и 1884) Но одностороннее освѣщеніе, панегиризмъ по отношенію къ польской культурной миссіи на Украинѣ и все усиливавшееся рѣзко-враждебное отношеніе къ козачеству, въ связи съ претенціознымъ тономъ и утомительнымъ риторизмомъ изложенія—все это наложило непріятную тѣнь на работу Кулиша. Одновременно вышедшая его статья «Козаки въ отношеніи къ государству и обществу» (1877), резюмировавъ въ очень рѣзкой формѣ историческіе взгляды автора, еще рѣзче подчеркнула его тенденціи и испортила настроеніе. «Исторія возсоединенія» встрѣчена была холодно, даже враждебно, и положительныя стороны ея не были оцѣнены ни въ ученыхъ кругахъ, ни въ широкихъ кругахъ публики. Новыя работы Кулиша въ этой области «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (1888—9, 3 тома) и «Украинскіе паны и козаки въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Хмельницкаго (1895, не окончено), — еще болѣе субъективные и съ научной точки зрѣнія вовсе малоцѣнные, поддержали потомъ такое отрицательное отношеніе къ исторической дѣятельности Кулиша, не совсѣмъ заслуженное, нужно признаться.

Между тѣмъ какъ у Кулиша въ его занятіяхъ исторіею козачества все сильнѣе выступалъ отрицательный, руинный характеръ козачества по отношенію къ культурѣ и общественности, насаждавшейся Польшею,—въ работахъ Антоновича, посвященныхъ исторіи общественныхъ отношеній Украины подъ польскимъ режимомъ, наоборотъ, выяснялась неизбѣжность протеста противъ политическихъ и общественныхъ формъ польскаго уклада со стороны украинскаго элемента, воплотившаго этотъ протестъ свой въ козачествѣ и козацкихъ движеніяхъ. По основнымъ воззрѣніямъ своимъ на историческую эволюцію украинскаго народа примыкая тѣсно къ Костомарову, Антоновичъ въ рядѣ работъ, посвященныхъ исторіи общественныхъ классовъ, отмѣчалъ коренной переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ, внесенный польскимъ правомъ въ украинскую

жизнь, коренное противорѣчіе его съ демократическимъ складомъ украинской жизни и глубокія аномаліи, создавшіяся въ послѣдней подъ вліяніемъ новыхъ условій. Рядъ работъ его, резюмировавшихъ документальный матеріалъ по исторіи общественнаго строя XVI—XVIII в.,—всего девять томовъ, 1863—1902, посвященныхъ исторіи крестьянства, мѣщанства, дворянства, церкви, козацкимъ и гайдамацкимъ движеніямъ, какъ проявленіямъ народнаго протеста [1]),—составляютъ въ общемъ одинъ сплошной актъ обвиненія противъ польскаго режима съ точки зрѣнія украинскаго народа. Наоборотъ, старорусскій общественный укладъ, а также строй в. кн. Литовскаго, представлявшійся ему непосредственнымъ продолженіемъ старорусскихъ традицій, покойный историкъ по контрасту былъ до нѣкоторой степени склоненъ идеализировать. Онъ настаивалъ на тѣсномъ преемствѣ формъ и основныхъ идей старорусской жизни въ позднѣйшей украинской, и съ этой точки зрѣнія энергично выступалъ противъ теорій Погодина, возрожденныхъ въ 1883 г. Соболевскимъ, доказывалъ отсутствіе рѣзкаго перелома въ жизни Приднѣпровья въ эпоху монголовъ. Съ другой стороны, съ помощью археологическаго матеріала онъ стремился расширить историческій горизонтъ старой Руси за границы чисто историческихъ источниковъ. Отдавшись въ послѣднія десятилѣтія жизни археологическимъ изслѣдованіямъ, онъ сталъ настоящимъ основателемъ украинской археологіи и нашелъ въ этой сферѣ много сотрудниковъ и продолжателей [1]).

Исторіографія 1880—1890-хъ гг. Лазаревскій и кружокъ „Кіевской Старины“.

Обзоръ дѣятельности Лазаревскаго, послѣдняго изъ крупныхъ историковъ разсматриваемаго періода, умѣстнѣе всего связать съ обзоромъ работъ кружка, собраннаго «Кіевской Стариной». Хотя Лазаревскій началъ работать еще съ 1850-хъ годовъ, и первыя крупныя работы его относятся къ 1860-мъ и 1870-мъ годамъ («Малороссійскіе посполитые крестьяне», 1866. «Очерки малороссійскихъ фамилій», 1875), но расцвѣтъ его научной дѣятельности падаетъ на время «Кіевской Старины», въ которой Лазаревскій принималъ дѣятельнѣйшее участіе съ первой книги, а затѣмъ, со смѣной редакціи въ 1887/8 г., сдѣлался настоящимъ его руководителемъ.

Въ противоположность другимъ [illegible] исторіческая дѣятельность Лаза[illegible]скаго сосредоточивалась въ ср[illegible]мало тѣсныхъ границахъ: онъ былъ истор[illegible]комъ гетманщины XVIII в. и и[illegible]чалъ ея жизнь и бытъ съ очень оп[illegible]дѣленныхъ точекъ зрѣнія. Приверже[illegible]немъ демократической с[illegible] въ укра-

[1]) Часть указанныхъ статей собрана въ первомъ (единственномъ) томѣ его „Монографій“, изданномъ въ 1885 г.; остальныя остаются разсѣянными въ томахъ „Архива“, такъ какъ выходили лишь въ ограниченномъ числѣ оттисковъ.

[1]) О научной дѣятельности Анто[illegible] хорошая работа: С. Томашівський, „[illegible] Антонович“, (Літ. Наук. Вістник, 19[illegible]). Также статьи въ посвященномъ памяти Антоновича III т. Записокъ украів. наук. тов. в Київі.

инской жизни, подобно Костомарову и Антоновичу, онъ изучалъ ея вырожденіе—искаженіе демократическаго строя козачества потомками козацкой старшины, закрѣпощеніе свободнаго украинскаго населенія и образованіе новаго привилегированнаго класса. Въ этой точкѣ сходились его изслѣдованія по исторіи общественныхъ классовъ и управленія, по исторіи фамилій и наконецъ—большой историко-географическій трудъ «Описаніе старой Малороссіи», котораго онъ успѣлъ исполнить только часть (три тома, заключающіе въ себѣ описаніе трехъ изъ десяти полковъ гетманщины). Несмотря на огромную эрудицію, на единственное въ своемъ родѣ знакомство съ эпохой, общественная жизнь и бытъ гетманщины въ работахъ Лазаревскаго получали одностороннее освѣщеніе: имъ игнорировалась совершенно политическая сторона современной жизни; онъ не учитывалъ вліяніе политики центральнаго правительства на украинскія отношенія и, сводя все къ экономическимъ отношеніямъ, оставлялъ совершенно въ сторонѣ политическіе мотивы; общественная жизнь и дѣятельность гетманщины XVIII в., вслѣдствіе этого, выступали не совсѣмъ въ настоящемъ видѣ.

«Кіевская Старина», основанная съ 1882 г., подъ ближайшее вліяніе Лазаревскаго перешла, какъ я сказалъ, съ 1888 г. Основатель ея Ѳ. Лебединцевъ былъ по спеціальности своей историкомъ церкви, и благодаря его связямъ въ духовныхъ кругахъ, эта церковно-историческая сторона была представлена особенно сильно въ первые годы и оставила слѣдъ, по традиціи, и на послѣдующихъ годахъ; за время Лебединцева журналъ пользовался даже покровительствомъ Синода. Но наряду съ этимъ, съ первыхъ же годовъ ему удалось привлечь къ болѣе или менѣе дѣятельному участію весьма многихъ выдающихся представителей украинскихъ изученій и журналъ сталъ настоящимъ органомъ украиновѣдѣнія: украинской исторіи, этнографіи и литературы, въ границахъ Украины россійской. Дѣятельными сотрудниками его были: Костомаровъ, Антоновичъ, Лазаревскій, Ор. Левицкій, далѣе, П. Лебединцевъ, Ф. Терновскій, С. Голубевъ, занимавшіеся главнымъ образомъ церковно-бытовою исторіею и церковными древностями; по исторіи козачества и соціальной и бытовой исторіи лѣвобережья работали здѣсь — Лучицкій, Багалѣй, Горленко, Шимановъ; изъ филологовъ—Житецкій, Сумцовъ, Н. Петровъ, Науменко; по этнографіи писали Драгомановъ, Волковъ, Ефименко, Нейманъ, Манжура и др. Послѣ смерти Лебединцева «Кіевская Старина» перешла фактически въ коллективное завѣдываніе кружка ближайшихъ сотрудниковъ и стала настоящимъ органомъ кіевскихъ украиновѣдовъ, а истиннымъ руководителемъ сталъ Лазаревскій и оставался душою журнала до самой своей смерти (въ 1902 г.). Изъ принимавшихъ въ немъ наиболѣе дѣятельное участіе въ этомъ періодѣ, кромѣ упомянутыхъ выше, нужно назвать А. Андріевскаго, Н. Молчановскаго, Н. Василенка, Теличенка, В. Модзалевскаго, Н. Стороженка, И. Павловскаго—по исторіи, Н. Бѣляшевскаго по археологіи, В. Милорадовича, В. Ястребова, Ир. Житецкаго по этнографіи, Ив. Франка, Н. Стороженка, А. Крымскаго, Игн. Жи-

тецкаго по литературѣ и языку. Наиболѣе удѣлялось мѣста и вниманія исторіи Украины XVIII—XIX вв., главнымъ образомъ исторіи такъ сказать мѣстной, бытовой: административнымъ и общественнымъ отношеніямъ, литературнымъ произведеніямъ, школѣ; работъ въ крупномъ масштабѣ, которыя ставили бы себѣ цѣлью общее освѣщеніе цѣлыхъ эпохъ или теченій украинской жизни, было сравнительно мало; преобладалъ сырой или полусырой матеріалъ, «кирпичики», цѣнные, но большею частью довольно мелкіе. Нерасположеніе духовнаго руководителя «Кіев. Ст.» къ смѣлымъ обобщеніямъ и широкимъ перспективамъ сказывалось на общемъ тонѣ журнала. Много цѣннаго дано было также изъ области этнографіи; гораздо меньше по исторіи литературы и языку. Въ общемъ въ продолженіе почти цѣлой четверти столѣтія журналъ сохранялъ за собой центральное значеніе въ украиновѣдѣніи, до нѣкоторой степени даже—въ украинской интеллигентской жизни Россіи. Въ тогдашнихъ условіяхъ, при невозможности имѣть украинскія общества, украинскую прессу, «Кіевская Старина» служила органомъ украинофильства, представительствовала отъ имени украинской интеллигенціи, и одновременно ея кружокъ служилъ своего рода научною украинскою корпораціею, ученымъ учрежденіемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ недостаткахъ своихъ—нѣкоторой узости кругозора и отсталости интересовъ — «Кіевская Старина» сыграла видную роль въ украинскихъ изученіяхъ. Со смертью Лазаревскаго (въ 1902 г.), однако, журналъ замѣтно началъ клониться къ упадку. Недостатокъ научнаго матеріала редакціонный кружокъ старался одно время уравновѣсить расширеніемъ программы въ сторону общественно-политическую и беллетристическую; съ концомъ 1906 г. придалъ ему новый видъ журнала преимущественно украинскаго (по языку), принято и новое имя «Украина», но затѣмъ журналъ прекратился вовсе (1907).

Изслѣдованія въ области исторіи XI—XVI вв. Языкъ и литература.

Противовѣсъ изученію новой исторіи Украины, которому посвящалъ особое вниманіе кружокъ «Кіевской Старины», составляли циклы работъ по древней исторіи и литовско-польскому періоду, обязанные инціативѣ Антоновича и Владимирскаго-Буданова. Антоновичъ въ качествѣ профессора кіевскаго университета, начиная съ 1880 г., систематически каждые 2—3 года предлагалъ на соисканіе медалями тему по исторіи той или другой изъ земель XI—XIV вв. и такимъ образомъ идея Костомарова о землѣ какъ политической единицѣ старорусскаго уклада нашла себѣ выраженіе въ большой серіи монографій, обозрѣвавшихъ отдѣльныя земли съ точки зрѣнія исторической географіи, политической и культурной исторіи (работы А. Андріяшева, Д. Багалѣя, П. Голубовскаго, Ал. и Мих. Грушевскихъ, В. Данилевича, П. Иванова, В. Ляскоронскаго, И. Молчановскаго). Общее число такихъ монографій за четверть столѣтія перешло за десятокъ;

нѣкоторыя изъ нихъ обладали выдающимися достоинствами и въ суммѣ дали весьма серьезный вкладъ въ науку.

Въ меньшихъ размѣрахъ, аналогичную дѣятельность осуществлялъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ, самъ работавшій по исторіи права в. кн. Литовскаго, государственнаго главнымъ образомъ, и предлагавшій своимъ ученикамъ темы изъ этой же области, вообще обращавшій ихъ вниманіе въ этомъ направленіи; въ результатѣ получилась тоже значительная серія работъ по исторіи общественныхъ и правовыхъ отношеній Украины и Бѣлорусіи, главнымъ образомъ XVI в. (кромѣ очень цѣнныхъ трудовъ самого М. Ф. Владимирскаго-Буданова, работы М. Ясинскаго, Г. Демченка, Н. Максимейка, I. Малиновскаго). Въ этомъ же направленіи работалъ за эти же годы московскій профессоръ М. Любавскій, авторъ крупныхъ изслѣдованій по государственному строю в. кв. Литовскаго, и варшавскій Θ. Леонтовичъ, давшій очень много работъ въ той же сферѣ.

Хотя изслѣдованія эти въ сферѣ старорусской и западнорусской исторіи большей частью не стояли опредѣленно подъ знакомъ украиновѣдѣнія, однако, имѣли большое значеніе съ точки зрѣнія украинскихъ изученій, не только въ смыслѣ накопленія и разработки фактическаго матеріала, но и по сродству основныхъ положеній, лежавшихъ въ ихъ основѣ: они исходили отъ тѣхъ же взглядовъ на преемство правовыхъ и культурныхъ традицій кіевскаго періода въ строѣ и жизни Украины и Бѣлорусіи въ XIV—XVII вв., выдвигали принципы областного строя, земскаго самоопредѣленія, изъ которыхъ исходило и изслѣдованіе украинской исторіографіи этого періода.

По исторіи украинской литературы весьма замѣтнымъ явленіемъ были труды П. Петрова — «Очерки по исторіи украинской литературы XVIII вѣка», 1880 [1]), и особенно «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія» (печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1880—3, и въ новой обработкѣ вышли отдѣльной книгой въ 1884 г.). Послѣ краткихъ обзоровъ 1860—1870-хъ годовъ и неособенно многочисленныхъ, болѣе спеціальныхъ работъ, это былъ первый значительный общій курсъ новой украинской литературы, съ этой точки зрѣнія очень цѣнный, хотя не высоко стоявшій въ смыслѣ общаго освѣщенія и односторонній въ томъ отношеніи, что эта исторія литературы ограничивалась Украиной россійской. Въ смыслѣ освѣщенія общей эволюціи весьма цѣнное дополненіе къ ней составила большая рецензія проф. Дашкевича для присужденія уваровской премiи (1888); это былъ цѣлый трудъ, очень удачно намѣчавшій развитіе и руководящія идеи новой украинской литературы первой пол. XIX в. (народность и демократизмъ). Восполнить другой пробѣлъ—отсутствіе литературы австрійской Украины—имѣлъ въ виду львовскій профессоръ Огоновскій своей исторіей литературы (печаталась въ журналѣ «Зоря» и выходила отдѣльными томами съ 1887 г.). Первая часть ея, посвященная литературѣ до конца XVIII в., не представляла интереса, по краткости и скудости свѣдѣній; для XIX в. она давала довольно богатый фактическій

[1]) Теперь вышли въ новой, расширенной редакціи.

матеріалъ изъ области украинской письменности Россіи и Австріи, но страдала отсутствіемъ перспективы, всякаго слѣда именно «исторіи».

Изученіе украинскаго языка и литературы, слабѣе выраженное въ трудахъ кружка «Кіев. Старины», было представлено нѣсколькими важными трудами внѣ журнала. Въ изученіи языка доминирующая роль принадлежала въ 1870—80-хъ годахъ Потебнѣ. Уже съ 1860-хъ гг., параллельно съ упомянутыми выше работами по народной символикѣ, онъ начинаетъ рядъ крупныхъ работъ по языку. Съ 1864 г. начинаютъ выходить чрезвычайно цѣнныя его діалектологическія работы: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» (отд. 1866), продолженныя затѣмъ спеціально въ области украинской діалектологіи: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи», 1870. Позже онъ переходитъ къ работамъ въ области синтаксиса—«Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (рядъ статей, печатавшихся съ 1874 г. и отчасти оставшихся неизданными при жизни), но параллельно съ ними идутъ и статьи по фонетикѣ и этимологіи подъ общими заглавіями «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» (съ 1873 г.) и «Этимологическія и другія замѣтки» (съ 1880). Среди нихъ, въ 1877 г., выходитъ весьма цѣнное комментированное изданіе «Слова о полку Игоревѣ», позже — рядъ работъ, изъ сферы изученія лексики переходившихъ къ изученіе поэтическихъ образовъ и мотивовъ украинской народной поэзіи: «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ» (веснянки, колядки, щедровки) 1883—7. Глубокій мастеръ въ діалектологіи и фонетикѣ, въ символикѣ и поэтикѣ, несравненный мыслитель въ области лингвистической психологіи, онъ былъ и остался крупнѣйшимъ изслѣдователемъ, какого имѣла украинская филологія; въ виду живого интереса и искренней любви, какую проявлялъ онъ къ украинской рѣчи и украинской словесности, приходится сильно пожалѣть, что онъ ограничился лишь немногими спеціальными работами, или болѣе или менѣе случайнымъ украинскимъ матеріаломъ въ своихъ работахъ болѣе общаго характера.

То, чего не далъ Потебня (а могъ сдѣлать лучше, чѣмъ кто-либо другой)— общихъ курсовъ по украинской филологіи, постарались дать другіе. Въ 1880 г. выпустилъ очень не дурной опытъ общаго обзора фонетическихъ особенностей украинскаго языка Огоновскій п. з. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, и затѣмъ, какъ дополненіе къ нимъ статью: O ważniejszych właściwościach języka ruskiego, 1883, а нѣсколько лѣтъ позже (1889) вышелъ краткій очеркъ украинской фонетики В. Науменка п. з. «Обзоръ звуковыхъ особенностей малорусской рѣчи», 1889 г. По исторіи языка далъ рядъ большихъ работъ П. Житецкій: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», 1876—первый опытъ цѣльной исторіи фонетики, довольно строго оцѣненный спеціалистами, но оставшійся единственнымъ до послѣдняго времени; затѣмъ «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», ч. I, 1889, и вмѣсто продолженія ея «Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в.», 1900. Въ связи съ нѣкоторыми меньшими работами («О Пересопницкой ру-

кописи евангелія», «Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII в.», «О переводахъ евангелія на малорусск. языкъ» и др.) эти труды давали весьма цѣнный обзоръ литературной обработки украинскаго языка въ XVI—XVIII в.

Для изученія древнѣйшей исторіи языка имѣла большое значеніе возрожденная проф. Соболевскимъ полемика по вопросу объ этнографической принадлежности населенія Поднѣпровья X—XIII в.в. Его рефератъ: «Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV—XV вв.», прочитанный въ кіевскомъ историческомъ обществѣ въ 1883 г., вызвалъ настоящую бурю—рядъ историковъ и филологовъ выступили съ возраженіями противъ его положеній, доказывая непрерывность заселенія Кіевской области и отсутствіе иммиграціи изъ Волыни и изъ Галиціи. Рефераты эти, къ сожалѣнію, не были напечатаны, но взгляды споривших сторонъ были развиты въ рядѣ трудовъ—со стороны филологической Соболевскимъ и Шахматовымъ съ одной стороны («Очерки по исторіи русскаго языка», «Лекціи по исторіи русскаго языка», «Источники кіевскаго говора» Соболевскаго, 1884—5, «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій» Шахматова, 1894), съ другой стороны Ягичемъ, Потебнею, Крымскимъ и др. («Четыре критико-палеографическія статьи» и «Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» Ягича, 1884—9, «Отзывъ о сочиненіи А. Соболевскаго «Очерки», начатый Потебнею, неоконченный и изданный уже по смерти его въ 1896 г., «Филологія и Погодинская гипотеза» Крымскаго 1898, и др.) [1]).

[1]) Болѣе подробную исторію вопроса интересующіеся найдутъ въ моей „Історії України-Руси“, т. I.

Съ исторической точки зрѣнія вопросу посвящены были работы Антоновича, В. Буданова, Лазаревскаго и пишущаго эти строки. Вопросъ до нынѣшняго дня, въ видоизмѣненныхъ формахъ (напр. съ перенесеніемъ центръ тяжести съ Кіевской земли на землю Сѣверскую) не перестаетъ служить стимуломъ для изслѣдованія древней колонизаціи, этнографическихъ и политическихъ отношеній Поднѣпровья, не говоря о чисто лингвистической сторонѣ (статьи Ягича Einige Streitfragen, 1898, Шахматова «Къ вопросу объ образов. р. нар.», въ новой, сильно видоизмѣненной редакціи 1899 г., Крымскаго «Филологія и Пог. гип.» въ новомъ изданіи 1904 г., Его же «Деякі непевні критерії для діалектольогічної клясифікації староруських рукописів», 1904, мои «Спірні питання староруської етнографії», 1904, Соболевскаго «Древне-кіевскій» говоръ, 1905 и критика Крымскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ,» 1906, Шахматова «Южныя поселенія Вятичей», 1907 и вызванныя этою статьею возраженія, Розова: «Трильогія проф. Кримського», 1907, и др.).

Съ другой стороны вопросъ о самостоятельности украинскаго языка выдвинулъ съ новою силою споръ по поводу допущенія чтеній на украинскомъ языкѣ на археологическихъ съѣздахъ, (1899), а затѣмъ вопросъ о снятіи запрещеній съ украинскаго слова, по инициативѣ тогдашняго комитета министровъ (1905). Кромѣ сжатыхъ статей и трактатовъ болѣе общаго публицистическаго характера, эти споры принесли и нѣкоторыя цѣнныя съ научной точки зрѣнія статьи (статья Михальчука 1899 г., «Записка академіи наукъ», 1905 и др.).

Въ общемъ, несмотря на всякаго рода неблагопріятныя условія—цензурные страхи и полупризнанное положеніе въ официальныхъ научныхъ сферахъ,—можемъ констатировать весьма сильный и успѣшный ростъ украинскихъ изученій на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій XIX в. Однако, хотя эти успѣхи были созданы главнымъ образомъ украинскими учеными Россіи, синтезироваться имъ пришлось на почвѣ галицкой, въ виду тѣхъ условій, въ какихъ стояла украинская жизнь Россіи. Въ послѣдней эти условія неизбѣжно влекли къ извѣстнымъ недомолвкамъ, извѣстной односторонности, зависѣвшей отъ вольныхъ и невольныхъ пробѣловъ въ освѣщеніи прошлаго и настоящаго украинской жизни.

Эти условія, принудившія многихъ украинскихъ писателей изъ Россіи перенести свою дѣятельность въ Галицію, начиная уже съ перваго запрещенія украинскаго слова (1863 г.), неизбѣжно должны были привести къ созданію также и научнаго центра на галицкой почвѣ, внѣ воздѣйствія цензурныхъ и всякихъ иныхъ ограниченій, дѣйствовавшихъ въ Россіи. Такимъ центромъ въ концѣ концовъ сдѣлалось «Общество имени Шевченка», основанное еще въ 1870-хъ годахъ Украинцами изъ Россіи, съ цѣлью содѣйствовать научному и литературному украинскому движенію, но вслѣдствіе скудости средствъ только много позже получившее возможность осуществлять свое назначеніе.

До тѣхъ поръ Галиція не проявляла себя значительною продуктивностью въ области науки. Постепенно наростявшая, послѣ реакціи 1850-хъ годовъ, новая украинская интеллигенція всю энергію и силы свои обращала главнымъ образомъ на просвѣщеніе и организацію народныхъ массъ. Украинскіе журналы (главнымъ образомъ «Правда» съ 1867 г. и «Зоря» съ 1880 г.) сравнительно немного давали изъ области украинскихъ изученій. Среди представителей консервативныхъ «старорусинскихъ» теченій тоже весьма немногіе отдавали свои силы научной работѣ (Шараневичъ въ области исторіи Галиціи, Петрушевичъ—филологіи и древностей), и внѣ накопленія матеріала работы ихъ не имѣли значенія. Официальный представитель украинскихъ изученій Як. Головацкій эмигрировалъ въ Россію и разорвалъ свои связи съ галицкою жизнью. Его преемникъ по львовской каѳедрѣ проф. Огоновскій, принадлежавшій уже къ «молодому», украинскому направленію, долгое время оставался главною и почти единственною серьезною ученою силою; въ 1876 г. выпустилъ онъ цѣнное изданіе «Слова о полку Игоревѣ», послѣдующія работы, 1880-хъ годовъ, указаны выше. Работы другихъ изслѣдователей 1880 и начала 1890-хъ не представляли чего-нибудь особо выдающагося—работы Партицкаго по исторіи литературы и по древнѣйшей исторіи (къ сожалѣнію, со «славянской», вовсе ненаучной точки зрѣнія), Онышкевича См.-Стоцкаго по языку; только что начиналъ свои работы по народной словесности и литературѣ, подъ руководствомъ Драгоманова, крупнѣйшій изъ галицкихъ изслѣдователей Ив. Франко. Можно отмѣтить еще начатки юридической литературы въ основанной въ концѣ 1880 г.г. «Правничоï часописи». И только середина 1890-хъ годовъ, когда начинается интенсивная дѣятельность Общества им. Шевченка,

стала рѣзко обозначавшеюся эпохою въ научной жизни Галиціи.

Съ началомъ 1890-хъ годовъ общество это реформируется и по настояніямъ изъ Россіи полагаетъ начало чисто-научнымъ изданіямъ на украинскомъ языкѣ (воспрещеннымъ въ Россіи указомъ 1876 г.). Пишущій эти строки принадлежалъ къ кіевскому кружку, принимавшему дѣятельнѣйшее участіе въ организаціи этого перваго научнаго украинскаго органа, а затѣмъ, переселившись во Львовъ прилагалъ старанія къ дальнѣйшей научной организаціи, въ результатѣ которой къ концу 1890-хъ годовъ общество превратилось въ большое ученое учрежденіе, заключавшее въ себѣ цѣлый рядъ спеціальныхъ отдѣловъ и комиссій по разнымъ отраслямъ знаній, съ спеціальными научными изданіями, посвященными изданію матеріаловъ и изслѣдованій (число этихъ постоянныхъ изданій дошло теперь до 17). Не имѣя возможности входить въ детальный обзоръ развитія организаціонной и издательской дѣятельности обновленнаго общества [1]), я намѣчу только нѣкоторые моменты, имѣвшіе болѣе общее значеніе. Такимъ была организація центральнаго органа украиновѣдѣнія—научнаго журнала, ставившаго своею цѣлью давать возможно полную картину движенія украинскихъ изученій. («Записки наукового товариства им. Шевченка», въ новой формѣ своей съ 1895 г., съ большими отдѣлами хроники и библіографіи украиновѣдѣнія). Далѣе — изданіе большой исторіи украинскаго народа съ древнѣйшихъ временъ, которое велъ пишущій это въ изданіяхъ исторической секціи общества, начиная съ 1898 г. доведена до 1650 г.). Задуманная Ив. Франкомъ исторія украинской литературы, въ меньшихъ размѣрахъ, осталась не законченною, вѣрнѣе, за болѣзнью, постигшею автора (въ 1910 г. вышелъ только краткій очеркъ ея). Подготовленъ обзоръ географіи Украины проф. Рудницкимъ (въ 1910 г. тоже вышелъ ея краткій очеркъ). Въ ста слишкомъ томахъ «Записокъ» накопилось огромное количество изслѣдованій по исторіи литературы (въ значительной степени того же И. Франка, также А. Колессы, К. Студинскаго, В. Перетца, М. Возняка В. Щурата и др.), еще болѣе по исторіи — въ особенности, по исторіи козацкой эпохи, также по культурной и соціальной исторіи XVI—XIX в. (работы С. Томашивскаго, С. Рудницкаго, Ал. Грушевскаго, Ив. Джиджоры, Ив. Крипякевича, Ив. Кревецкаго, И. Франка, М. Зубрицкаго, и др., въ томъ числѣ пишущаго эти строки), также по этнологіи и фольклору (кромѣ перечисленныхъ работы Гнатюка, Ф. Колессы, З. Кузели и др.). Въ сферѣ этнографіи важны большія систематическія собранія фольклорнаго матеріала по извѣстнымъ категоріямъ народнаго творчества или по мѣстности (собраніе пословицъ И. Франка, коломыекъ и легендъ В. Гнатюка, собранія мелодій Ив. и Ф. Колессъ, О. Роздольскаго и т. под.). Въ сферѣ археографіи—систематическое собраніе матеріаловъ по исторіи козачества, при чемъ особенное вниманіе обращено на совершенно заброшенную

[1]) Обзоръ перваго десятилѣтія этой обновленной научной дѣятельности въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1904, Ш, позднѣйшихъ годовъ—въ „Извѣстіяхъ Академіи“, 1911 кн. 3.

въ этомъ отношеніи политическую и бытовую исторію гетманщины и т. д. Въ общемъ можно сказать, что въ сферѣ украиновѣдѣнія нѣтъ сколько-нибудь значительной области, которой бы не затронула пятнадцатилѣтняя работа украинскихъ изслѣдователей Россіи и Австріи, сгруппировавшихся около общества Шевченка—не пролила бы новаго свѣта, не внесла бы новыхъ данныхъ или не переоцѣнила прежнихъ.

Въ тѣсномъ союзѣ и общеніи съ нимъ и въ значительной степени—съ помощью тѣхъ же силъ начало также свою дѣятельность кіевское украинское научное общество, получившее возможность организоваться въ 1907 г. и приступившее съ 1908 г. къ изданію своихъ «Записокъ» (3 томовъ до настоящаго времени).

Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ украиновѣдѣнія подведены итоги предшествующаго изученія и указаны отправныя точки дальнѣйшаго.

М. Грушевскій.

ОТДѢЛЪ II.

Исторія украинскаго народа.

До образованія государства.

Историческое и доисторическое.

Начало исторической жизни украинскаго народа, или, точнѣе, тѣхъ этническихъ группъ, которыя въ историческомъ процессѣ были сплочены въ украинскую народность (въ этомъ смыслѣ мы и будемъ говорить объ украинскомъ народѣ въ тѣ отдаленныя времена), совпадаетъ съ эпохою разселенія украинскихъ племенъ на своей новой территоріи, съ конца IV и затѣмъ въ продолженіе всего V, и вѣроятно, также VI вѣка. Моментъ чрезвычайно важный, дѣлающій переворотъ въ жизни каждаго народа, становится здѣсь порогомъ исторической жизни, благодаря тому, что со своимъ разселеніемъ на нынѣшней территоріи украинскій народъ выдвигается на арену, доступную наблюденіямъ болѣе культурныхъ народовъ и дѣлается объектомъ ихъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній и изученій. Конечно, роль украинскихъ племенъ въ данномъ случаѣ чисто пассивная; историческій моментъ, когда украинскій народъ является творящимъ историческимъ факторомъ, наступаетъ позже, съ образованіемъ государства. Но въ его жизни производитъ глубокія измѣненія встрѣча этихъ могущественныхъ факторовъ — территоріи и народа, она становится исходною точкою дальнѣйшаго историческаго процесса. Изъ глухого захолустья своей прародины, непроходимыхъ лѣсовъ своихъ предшествующихъ обиталищъ украинскія племена выходятъ въ предстепныя и затѣмъ степныя черноморскія пространства, служившія извѣчною дорогою изъ средней Азіи на западъ, придвигаются къ морю, вводившему ихъ въ кругъ оживленныхъ и широкихъ торговыхъ сношеній и культурныхъ связей, получаютъ совершенно новое культурное и хозяйственное наслѣдство въ видѣ своей новой территоріи, вмѣстѣ съ нею принимаютъ въ свою среду новые этническіе элементы, встрѣчаютъ новыхъ сосѣдей, становятся объектомъ новыхъ культурныхъ, политическихъ и экономическихъ воздѣйствій и вліяній, особенно на такой толкучкѣ народовъ, какой было черноморское степное пространство. Съ этой точки зрѣнія моментъ разселенія является важнымъ пунктомъ не только для историка, принося ему рядъ свидѣ-

тельствъ источниковъ, но и въ историческомъ процессѣ украинскаго народа былъ настоящей эпохой, исходнымъ моментомъ культурной, экономической и общественной эволюціи его.

Вліянія физическихъ условій.

Физическія условія украинской территоріи имѣли вообще огромное значеніе въ развитіи ея культурной жизни и колонизаціи. Черноморское побережье, на которомъ съ незапамятныхъ временъ встрѣчались культурныя теченія средне-азіатскія и передней Азіи, средиземнаго бассейна, центральной Европы, эгейской и адріатической культуры, воздѣйствія морской торговли и степного сухопутья,—представляло районъ, наиболѣе открытый широкимъ и интенсивнымъ культурнымъ воздѣйствіямъ. Но движенія кочевыхъ ордъ въ степной полосѣ вносили непрестанныя пертурбаціи, не только прерывавшія культурныя сношенія, но и разрушавшія временами всякую культурную осѣдлую жизнь. Это же обстоятельство отражалось самымъ пагубнымъ образомъ и на жизни предстепной полосы, простирающейся между степнымъ поясомъ Черноморья и лѣсными пространствами верхняго Днѣпра: наиболѣе благопріятная для осѣдлой жизни и культуры, богато орошенная, плодородная, обильная лѣсной растительностью, она временами тоже подпадала разрушительнымъ набѣгамъ кочевниковъ, принуждавшихъ осѣдлое населеніе отступать въ сѣверныя, лѣсныя области. Эти послѣднія были наименѣе благопріятны для осѣдлаго, земледѣльческаго хозяйства и культуры, вслѣдствіе своей песчаной, малоплодородной почвы и затруднительности сообщенія, но, защищенныя непроходимыми болотами и лѣсами, онѣ давали сравнительно безопасный пріютъ и служили убѣжищами, куда отливало осѣдлое населеніе болѣе южныхъ пространствъ. Удаленная отъ большихъ торговыхъ путей и культурныхъ сношеній, жизнь этихъ лѣсныхъ пространствъ неизбѣжно отличалась гораздо большею косностью, отсталостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большею устойчивостью сравнительно съ тѣми потрясеніями и катастрофами, какія приходилось переживать южнымъ, болѣе благопріятнымъ для сношеній и культурнаго развитія пространствамъ. Конечно, такое стеченіе обстоятельствъ, что болѣе благопріятныя въ культурномъ отношеніи области были лишены безопасности и устойчивости жизни, а обладали ею какъ разъ наиболѣе глухія, консервативныя, косныя части территоріи, должно было отражаться весьма неблагопріятно на общемъ культурномъ развитіи края.

Прошлое территоріи—степной поясъ и предстепье.

Древнѣйшіе слѣды человѣческаго обитанія на украинской территоріи выступаютъ главнымъ образомъ въ предстепной полосѣ, въ эпоху поздней палеолитической культуры, во времена, послѣдовавшія за отступленіемъ ледника, въ періодъ наибольшаго своего распространенія захва-

твшаго берега средняго Днѣпра и Дона. Наиболѣе древняя изъ стоянокъ украинской территорiи—кiевская залегаетъ подъ толстымъ слоемъ наносовъ диллювальной глины (лесса), въ слоѣ песка, на глубинѣ до 20 метровъ отъ поверхности, — характеризуется обильными остатками мамонта, и какъ по физической обстановкѣ, такъ и по культурнымъ признакамъ хронологически сопоставляется съ позднимъ палеолитомъ, культурами Солютре-Маделенъ французскихъ находокъ. Недавно обслѣдованная находка въ Мизинѣ на берегахъ Десны, въ Черниговск. губ., лежитъ уже между двумя слоями лесса,—залегающiй подъ нею пластъ лесса имѣетъ около метра толщины,—и фауна этой стоянки также моложе кiевской (рядомъ съ остатками мамонта и носорога—лось и сѣверный олень). Наконецъ, стоянка въ с. Гонцахъ на Удаѣ, лежащая уже выше слоя лесса, является памятникомъ позднихъ послѣледниковыхъ временъ. Такимъ образомъ эти три найлучше обслѣдованныя находки, вмѣстѣ взятыя, засвидѣтельствовали существованiе поселенiй человѣка на нашей территорiи въ продолженiе десятковъ тысячелѣтiй диллювiальной эпохи, второй ея половины, изъ эпохи поздняго палеолита и перехода къ неолитической культурѣ.

Отъ эпохи неолитической культуры имѣется огромное количество находокъ, покрывающихъ всѣ части украинской территорiи, исключая лишь нѣкоторыя болотистыя мѣстности лѣсного пояса и горныя области Карпатъ. Наряду съ чрезвычайно многочисленными отдѣльными находками предметовъ быта выступаютъ уже цѣлыя большiя гнѣзда этой культуры, свидѣтельствующiя о значительномъ заселенiи — напр., по берегамъ средняго Днѣпра, Десны и Донца, въ порѣчьяхъ Уша и Норыни, верхней Горыни и Иквы, и т. д.— массы культурныхъ остатковъ, слѣды мастерскихъ, выдѣлывавшихъ въ огромномъ количествѣ каменныя орудiя, укрѣпленныя городища со слѣдами неолитическаго быта, погребенiя и цѣлые могильники, слѣды жилищъ и поселенiй. Распространенiе однообразныхъ, характерныхъ формъ культуры одновременно на большихъ пространствахъ—напр., извѣстныхъ формъ погребальнаго обряда, — свидѣтельствуетъ о существованiи извѣстнаго сцѣпленiя, широкихъ связей и сношенiй, охватывавшихъ большiя пространства, обмѣна продуктовъ и идей между населенiемъ того времени—эпохи поздняго неолита (такiе факты можемъ констатировать главнымъ образомъ для этой позднѣйшей неолитической культуры). Таково, напр., распространенiе на огромныхъ пространствахъ предстепной и степной полосы, отъ Поднѣстровья до Кавказскаго предгорья, похороннаго обряда, характеризуемаго погребенiемъ покойниковъ въ курганахъ въ скорченномъ положенiи. Потомъ въ этомъ обрядѣ появляется новый характерный варiантъ, заключающiйся въ томъ, что покойникъ, уже на мѣстѣ погребенiя, посыпался или обмазывался красной краской (охрой), осѣдавшей съ разложенiемъ трупа на костяхъ и сообщавшихъ имъ характерную красную окраску; курганы эти относятся къ концу неолита и началу металлической культуры и извѣстны въ большомъ количествѣ, иногда большими гнѣздами, по нѣсколько десятковъ и даже сотенъ, на пространствѣ отъ

Кубани до Бессарабіи, въ степной и предстепной полосѣ, достигая южныхъ частей Кіевской губ. и области средняго Донца въ Харьковской. Еще болѣе характерное явленіе представляетъ возникновеніе въ той же эпохѣ, въ концѣ неолитической и въ началѣ металлической культуры, на огромныхъ пространствахъ нашей территоріи такъ наз. «домикенской культуры», характеризующейся глиняными мазанками въ роли жилищъ, характерными глинобитными сооруженіями, въ которыхъ подозрѣваютъ погребальныя камеры, и особенно—чрезвычайно интересными формами расписной глиняной посуды и такими же фигурками, представляющими людей и животныхъ. Эта культура красивыми, экзотическими пятнами выступаетъ среди бѣдной вообще обстановки нашего неолита въ области средняго Днѣпра (на югъ отъ Кіева), въ бассейнѣ Южнаго Буга, въ смежныхъ частяхъ Кіевской и Подольской губ., затѣмъ въ порѣчьи средняго Днѣстра, въ области его лѣвыхъ притоковъ—Ушицы (Летичев. у.), Збруча, Ничлавы, Серета, Джурина (въ Галиціи), затѣмъ въ порѣчьи Прута, въ Бессарабіи (Бѣлецк. у.) и Буковинѣ. Далѣе, въ аналогическихъ формахъ, обнаруживается она въ находкахъ Молдавіи и Трансильваніи, и недавно, въ совершенно сходныхъ чертахъ, выказали ее раскопки въ Ѳессаліи. Съ другой стороны, спорадическія находки подобной же фактуры извѣстны на сѣверномъ Кавказѣ и въ Туркестанѣ. Мы видимъ такимъ образомъ характерное, ярко выраженное культурное теченіе, захватывающее огромную территорію, затѣмъ рѣзко обрывающееся въ началѣ неолитической культуры—краснорѣчивое свидѣтельство движенія въ культурной жизни этой далекой эпохи.

Распространеніе на украинской территоріи начатковъ металлической культуры—издѣлій мѣдныхъ, позже—бронзовыхъ, является тоже результатомъ воздѣйствія сосѣднихъ, въ болѣе благопріятныя условія поставленныхъ странъ, и опять-таки дастъ себя видѣть главнымъ образомъ на прибрежной, далѣе—степной и предстепной полосахъ, болѣе доступныхъ для такихъ культурныхъ воздѣйствій. Прикарпатье входитъ въ сферу вліянія средне-дунайской или адріатической культуры, Подонье—въ сферу уральской или, скорѣе, можетъ быть, кавказской культуры; очевидный параллелизмъ въ бронзовой культурѣ сѣвернаго Кавказа и средняго Подунавья не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что черноморское побережье должно было служить соединительнымъ путемъ между этими двумя очагами бронзовой культуры и располагать тоже аналогической культурой. Съ поморья и съ запада идетъ затѣмъ распространеніе желѣзной культуры. Въ срединѣ послѣдняго тысячелѣтія передъ Р. Хр. замѣчаемъ нѣсколько опредѣленныхъ культурныхъ теченій, скрещивающихся въ степной и отчасти предстепной полосѣ. Одинъ типъ представляетъ желѣзная культура съ яркими слѣдами античнаго вліянія,—находки и курганы съ предметами греческаго происхожденія или сдѣланными по греческимъ образцамъ; они идутъ съ поморья, изъ греческихъ колоній, и почти достигаютъ линіи лѣсовъ на Поднѣпровьѣ, а въ бассейнѣ Донца доходятъ до такого глубокаго предстепья, какъ Харьковская губернія. Рядомъ съ этими античными теченіями выступаютъ другія, своимъ

стилемъ указывающія на переднюю Азію, Туркестанъ и Сибирь; они отличаются богатствомъ бронзовыхъ предметовъ и характернымъ звѣринымъ орнаментомъ. Въ степной и предстепной полосѣ они встрѣчаются съ античными теченіями, смѣшиваются съ ними и въ такихъ смѣшанныхъ находкахъ выступаютъ обильно въ погребеніяхъ степной и предстепной полосы центральной Украины (такъ называемый въ археологіи скиѳскій, или скиѳосарматскій типъ). Наконецъ свидѣтельствомъ западныхъ вліяній являются характерные предметы такъ называемой гальштатской культуры (т. е. ранней желѣзной культуры средне-дунайскихъ областей, первой половины послѣдняго тысячелѣтія передъ Р. Хр.), наиболѣе обильно выступающіе въ галицкомъ Прикарпатьѣ, но проникающіе также и въ Поднѣпровье, точно также какъ и предметы болѣе поздней, кельтской культуры, такъ называемый la Tène (второй половины послѣдняго тысячелѣтія до Р. Хр.) [1].

Лѣсная полоса.

Послѣ сказаннаго ранѣе насъ не удивитъ, если по сравненію съ болѣе интенсивною культурною жизнью поморья и предстепья, съ ихъ смѣною теченій, иногда весьма яркихъ и интенсивныхъ, жизнь лѣсной полосы въ районѣ средняго Днѣпра, Припети и Десны производитъ впечатлѣніе консервативности, косности. Новыя теченія, новыя пріобрѣтенія человѣческой культуры въ далекихъ и слабыхъ, безконечно ослабленныхъ отзвукахъ едва долетали сюда. По сравненію съ культурной жизнью Эгейскаго поморья, бытъ лѣсного Поднѣпровья опаздывалъ на сотни лѣтъ. Бронзовая культура, захватившая тамъ почти цѣлое тысячелѣтіе, достигнувшая высокаго артистическаго развитія, оказала болѣе значительное вліяніе на бытъ Черноморья, но въ глухіе лѣса Поднѣпровья едва доходили ея слабые отзвуки. Въ эпоху Гомеровской культуры они жили еще въ пережиткахъ неолита; элементы бронзовой культуры, проникавшіе сюда, примѣшивались къ старой неолитической культурѣ, но, въ виду дороговизны и рѣдкости этихъ привозныхъ металлическихъ предметовъ, дерево и камень оставались главнымъ рессурсомъ мѣстной техники. Прежде чѣмъ бронза успѣла получить тутъ сколько-нибудь значительное распространеніе, желѣзо смѣнило ее въ культурныхъ центрахъ и сюда стали доходить издѣлія желѣзныя. Встрѣчаются могилы, гдѣ рядомъ съ орудіями каменными, въ обстановкѣ неолитической культуры, выступаетъ мѣдная или бронзовая утварь, и такія, гдѣ на общемъ фонѣ неолита выступаютъ предметы изъ желѣза. Въ похоронныхъ поляхъ, въ большомъ количествѣ открытыхъ недавно въ поръчьи западнаго Буга, встрѣчаются предметы отъ эпохи неолитической до довольно поздней желѣзной культуры безъ замѣтной разницы въ типахъ погребенія и прочей культурной обстановки. Богатая культура, такъ называемая передмикенская, остановилась на рубежѣ лѣсной полосы, не захвативъ ее сколько-нибудь значительнымъ образомъ — судя

---

[1]) Подробнѣе: „Кіевская Русь", I § 5 и сл. (тамъ же подробно указана и литература).

по извѣстнымъ доселѣ находкамъ, и—затѣмъ ушла, повидимому, не оставивъ по себѣ преемства. Часто такіе показатели позднѣйшей культуры, какъ предметы стеклянные, выдѣланные при помощи гончарнаго колеса сосуды, являются единственными указаніями, что мы имѣемъ дѣло съ остатками сравнительно поздняго быта, соотвѣтствующими вполнѣ развитой желѣзной культурѣ Средиземнаго бассейна или центральной Европы.

Правда, въ археологическомъ отношеніи лѣсной районъ до сихъ поръ обслѣдованъ довольно слабо, бѣдные предметами могильники и курганы этой полосы не привлекали къ себѣ надлежащаго вниманія, и возможно, что новыя находки внесутъ что-нибудь неожиданно новое въ картину здѣшняго быта. Пока, судя по нашему матеріалу, этотъ бытъ производитъ впечатлѣніе большой неподвижности. Не видно ничего, что могло бы указывать на какія-либо рѣзкія измѣненія, новыя мощныя теченія, захватывающія старую жизнь. И это различіе условій культурной жизни приморской и предстепной полосы съ лѣсными краями средняго Поднѣпровья пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду того, что какъ разъ эти послѣдніе, по всякой вѣроятности, служили обиталищами украинской группы передъ ея разселеніемъ на своей позднѣйшей территоріи[1]).

Греческая колонизація.

Источникомъ древнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній нашихъ объ украинской территоріи на протяженіи цѣлаго тысячелѣтія, предшествующаго разселенію на ней украинскихъ племенъ, послужили прямо или косвенно греческія колоніи черноморскаго побережья. Появляясь здѣсь, начиная съ VII в. до Р. Хр., онѣ служили не только чрезвычайно важнымъ источникомъ культурнымъ, изъ котораго отблески средиземной культуры, какъ мы видѣли уже, проникали въ глубину восточно-европейскаго материка, почти до линіи лѣсовъ, но и источникомъ литературнымъ—для культурнаго, античнаго міра, которому онѣ открыли перспективу въ эти далекія и глухія страны, и кое-что, при посредствѣ античной литературной традиціи и мѣстной эпиграфики, сохранили изъ этихъ перспективовъ и для насъ.

Колонизація эта развилась подъ вліяніемъ торговли, свившей себѣ прочное гнѣздо на всемъ побережьи Чернаго моря. Ея начальныя стадіи выходятъ совершенно за предѣлы исторической традиціи, и даже начало колоній—періодъ ихъ сформированія—лежитъ внѣ ея. Археологическія находки—главнымъ образомъ іонійской керамики—показываютъ, что уже въ VII в. явились постоянныя поселенія на мѣстѣ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ колоній, съ другой стороны — культурныя вліянія греческой торговли проникли въ глубину предстепья (находки іонической посуды VII—VI вв.).

Наиболѣе важными очагами античной жизни, торговли и связанныхъ съ

[1]) Болѣе подробную картину старой культурной жизни украинской территоріи по археологическимъ даннымъ въ „Історії України" т. I гл. 2, также Niederle: Slovanské Starožitnosti въ I и II т.

нею культурныхъ воздѣйствій является Ольвія, на лиманѣ Днѣпра и Ю. Буга, Пантикапея на мѣстѣ теперешней Керчи и ея филіальная колонія Танаисъ на устьѣ Дона; позже, уже въ эпоху византійскую, послѣ того, какъ греческая жизнь угасла въ другихъ колоніяхъ, выдвигается на первое мѣсто Херсонесъ у нынѣшняго Севастополя. Въ V — II вв. до Р. Хр., когда мы имѣемъ довольно богатый литературный и эпиграфическій матеріалъ изъ этихъ колоній, мы видимъ, что торговое значеніе, служившее жизненнымъ нервомъ этой колонизаціи, заключалось въ вывозѣ въ огромныхъ массахъ черноморскаго сырья — хлѣба, рыбы, кожъ, и также, конечно, человѣческой силы—рабовъ; взамѣнъ этого варварское населеніе, доставлявшее сырье, получало греческія металлическія издѣлія, ткани, посуду, вино и т. под.

Тяжелая борьба съ сосѣдними кочевыми ордами, которую здѣшнимъ колонистамъ приходилось выносить почти все время, легла особенно тяжелымъ бременемъ, когда въ районѣ Днѣстра, а затѣмъ и Днѣпра начинается движеніе сѣверныхъ, германскихъ, племенъ. Непосильная борьба эта принудила греческихъ колонистовъ въ концѣ I в. до Р. Хр. обратиться къ правительству понтійскаго царя Митридата, который и принялъ ихъ подъ защиту: при мѣстныхъ связяхъ сѣверныхъ колоній съ южнымъ, малоазіатскимъ побережьемъ такое присоединеніе ихъ къ малоазіатскому Понту было явленіемъ вполнѣ натуральнымъ. Оно объединило едва ли не въ первый разъ мѣстныя колоніальныя республики и царства, а затѣмъ, перебросивъ борьбу Митридата съ Римомъ изъ М. Азіи на сѣверное побережье, ввело здѣшнія колоніи въ сферу политическихъ и культурныхъ вліяній Рима. Послѣдній одно время носился съ мыслью поставить въ непосредственную зависимость отъ себя все побережье, до Кавказа включительно (въ 60-хъ гг. I в. нашей эры). Но такая экстенсивность оказалась не подъ силу римской государственности, и римское правительство затѣмъ по отношенію къ болѣе далекимъ колоніямъ ограничилось ролью дружественнаго покровителя, приходившаго въ помощь этимъ полузависимымъ муниципіямъ и государствамъ, насколько ему позволяли обстоятельства. Въ этой роли смѣнила затѣмъ Римъ Византійская имперія, старавшаяся удержать въ зависимости отъ себя крымское и кавказское побережье (греческія поселенія между Дунаемъ и Крымомъ уже не возродились послѣ бурь великаго переселенія). Центральную роль въ эту эпоху играетъ Херсонесъ, какъ столица крымскихъ владѣній Византіи, служившая предметомъ особаго вниманія для византійскаго правительства и очагомъ культурныхъ вліяній византизма на украинской территоріи въ IX—XII вѣкахъ [1]).

Населеніе степей и карпатскаго подгорья.

Степная полоса въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія до движенія германскихъ племенъ (въ III—IV вв. по Р. Хр.), и конечно, еще раньше, служила главнымъ образомъ обиталищемъ кочевыхъ и полукочевыхъ племенъ иранскаго происхожденія, выступающихъ подъ

1) О греческой колонизаціи Черноморья: „Исторія Украïни-Руси“, гл. 3, „Кіевская Русь“, I § 33.

разными названіями, измѣнявшимися со смѣной главной, преобладающей орды. Древнѣйшимъ такимъ собирательнымъ именемъ въ нашей (античной) традиціи выступаютъ Скиѳы, по словамъ Геродота въ VIII—VII вв. передвинувшіеся въ черноморскія степи изъ передней Азіи подъ натискомъ своихъ восточныхъ сосѣдей и земляковъ Массагетовъ, въ свою очередь тѣснимыхъ съ востока другими кочевыми ордами. Позже, въ V—IV вв. скиѳская орда отступаетъ на западъ и разбивается на мелкіе осколки подъ натискомъ Сарматской орды, двигающейся изъ Подонья на западъ подъ давленіемъ своихъ восточныхъ сосѣдей. Отдѣльныя орды этой группы продвигаются постепенно къ Дунаю, нѣкоторыя проникаютъ въ среднедунайскія равнины— крайній этапъ въ походѣ кочевыхъ ордъ на западъ. Кочевыя колѣна иранскаго племени, подвинувшіяся по ихъ слѣдамъ въ приазовскія и черноморскія степи, объединяются еще разъ подъ новымъ именемъ Аланъ (въ I в. по Р. Хр.), по имени господствующей орды. Что подъ этими различными именами и безконечнымъ множествомъ племенныхъ подраздѣленій мы имѣемъ дѣло собственно съ одной стихіей — иранской въ своей основѣ или сильно иранизованной, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія указанія историковъ на родство этихъ группъ между собою и съ другими народностями иранскаго племени, и подробности быта, элементы языка, личныя имена и др. факты изъ ихъ жизни. Съ полной очевидностью выясняется, что иранское племя, вылившееся однимъ потокомъ въ переднюю Азію, другимъ потокомъ долго разливалось въ прикаспійскихъ и черноморскихъ степяхъ. Уступая натиску сѣверно-азіатскихъ (урало-алтайскихъ племенъ), оно отливало изъ закаспійскихъ и приуральскихъ степей на югъ и на западъ, въ черноморскія пространства, захватывая съ собою и разнося въ обоихъ направленіяхъ разныя чужеродныя примѣси (въ томъ числѣ также урало-алтайскія), — пока наконецъ, въ IV в. по Р. Хр., урало-алтайскій потокъ, тюркскій главнымъ образомъ, не прорвался сквозь иранскую преграду и, разорвавъ связь обѣихъ вѣтвей Иранцевъ, азіатской и европейской, не затопилъ каспійскія и черноморскія степи, разбивъ и разметавъ остатки иранскихъ ордъ Европы, а частью втянувъ ихъ въ свой водоворотъ [1]).

Судя по показаніямъ Геродота и другихъ источниковъ, райономъ движенія этихъ иранскихъ ордъ была степная полоса, можно сказать—исключительно. На сѣверѣ кочевья Скиѳовъ не переходили за днѣпровскіе пороги, за пространства нижняго Буга и Днѣстра; далѣе на сѣверъ жили племена, по словамъ Геродота, не-скиѳскія, какъ единодушно принимается теперь—племена славянскія. На западѣ это иранское разселеніе упиралось въ равнины нижняго и средняго Дуная. Въ горной области Карпатъ видимъ рядъ другихъ племенъ—Бессы, Костобоки, Карпы, судя по сохранившимся именамъ племена не-славянскія, вѣроятнѣе всего — принадлежавшія къ сосѣдней группѣ племенъ ѳракійскихъ, заселявшихъ восточную часть Балканскаго полуострова, нижнее Подунавье, Транс-

---

[1]) Подробнѣе о степной колонизаціи: „Історія України-Руси", I² гл. 3. „Кіевская Русь", I § 47 сл.

сильванію; это была группа, близко родственная съ одной стороны иранской, съ другой—славянской, своимъ ближайшимъ сосѣдямъ [1]) Но между ними около III в. до Р. Хр. клиномъ врѣзалась колонизація германская — племена Бастарновъ, Скировъ а, вѣроятно, еще другихъ, ближе намъ неизвѣстныхъ, двигавшихся съ сѣвера и достигшихъ въ концѣ концовъ области нижняго Дуная. Позже въ этомъ направленіи мы замѣчаемъ движеніе все новыхъ и новыхъ германскихъ племенъ съ балтійскаго поморья и сосѣднихъ мѣстностей. Со второй пол. II в. по Р. Хр. двигаются съ нижней Вислы на югъ, чрезъ полѣсскія трущобы на черноморское побережье племена готскія и, вытѣснивъ изъ западнаго Черноморья остатки иранскаго населенія, занимають побережье, отъ Дуная до азовскаго побережья, почти на два столѣтія, до гуннскаго нашествія.

Славянскія племена на прародинѣ.

Исключивъ территоріи, занятыя неславянскими народностями, получаемъ приблизительныя указанія на то, гдѣ нужно искать славянскія обиталища передъ великимъ разселеніемъ — это пространства между порѣчьемъ Вислы на западѣ и предстепною полосою на югѣ. Этотъ выводъ подтверждаютъ указанія географовъ I в. по Р. Хр. (Плинія, Тацита, Птолемея, точнѣе,—его источника Марина Тирскаго), помѣщающихъ славянскія племена, «величайшій народъ венедскій», въ ближайшемъ сосѣдствѣ Вислы и Балтійскаго моря. Лингвистическія наблюденія надъ языками индоевропейской семьи съ своей стороны доказываютъ, что первоначальная славянская территорія должна была находиться въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ литовскою группою, съ которою ее связываютъ долгія, общія переживанія, отразившіяся въ языкѣ, и въ близкихъ соприкосновеніяхъ съ одной стороны съ міромъ германскимъ и иранско-ѳракійскимъ, съ другой—съ восточными сосѣдями Финнами. Если выдѣлить территорію, по всякому правдоподобію заселенную литовскими племенами, между Двиной и Нѣманомъ и по балтійскому побережью, то для славянской прародины остаются пространства въ области средняго и верхняго Днѣпра, порѣчья Нѣмана и Вислы, отъ Валдайской возвышенности и волжскаго бассейна до Карпатскаго подгорья и порѣчья Днѣстра, гдѣ мы съ наибольшею вѣроятностью должны предполагать мѣстожительство славянскихъ племенъ въ эпоху, предшествующую великому славянскому разселенію. По мѣрѣ того какъ сосѣднія племена Германцевъ, Иранцевъ, Ѳракійцевъ двигались на западъ и югъ, славянскія племена могли расширять свою территорію въ направленіяхъ меньшаго сопротивленія. Юго-восточная, украинская группа племенъ могла уже въ то время занимать сѣверную и сѣверо-восточную часть своей позднѣйшей территоріи, распространившись потомъ, съ общимъ разселеніемъ, только на югъ и западъ. Наблюденія надъ славянскими языками указываютъ, что географическое размѣщеніе ихъ на прародинѣ въ общемъ должно было соотвѣтствовать

[1]) Подробнѣе тамъ же.

ихъ позднѣйшему размѣщенію, позднѣйшимъ отношеніямъ смежности и сосѣдства. Въ виду этого украинскую группу племенъ приходилось бы помѣщать на крайнемъ юго-востокѣ праславянской территоріи, т. е. приблизительно въ районѣ средняго Днѣпра, изъ котораго они двинулись затѣмъ на югъ, юго-востокъ и западъ, въ открывшіяся передъ нимъ пространства [1]).

Въ такомъ случаѣ мы должны себѣ представить эти племена на прародинѣ подъ вліяніями черноморской культуры, въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи съ иранскими племенами, которыя могли оказывать на нихъ не только извѣстное культурное вліяніе, но и подчинять временами своему политическому преобладанію (у Геродота власть Скиѳовъ на сѣверѣ не простирается, очевидно, дальше пороговъ Днѣпра, между тѣмъ какъ культурныя вліянія скиѳско-сарматскаго быта идутъ далеко въ глубину предстепной полосы, въ южныя и центральныя части нын. Кіевской, Полтавской и Харьковской губ.). Непосредственныхъ заимствованій изъ греческаго языка для этой праславянской эпохи до сихъ поръ не удалось указать; это указывало бы, что непосредственныхъ соприкосновеній съ черноморской греческой колонизаціей и ея культурой въ эпоху, предшествующую славянскому разселенію у славянскихъ племенъ не было. Иранское населеніе степей, очевидно, служило посредникомъ въ сношеніяхъ черноморскихъ колоній и ихъ культурныхъ вліяніяхъ на лежавшія къ сѣверу страны славянской прародины. Наоборотъ, очень ярко выступаетъ въ словарномъ матеріалѣ праславянской эпохи вліяніе германское, дающее себя чувствовать въ большомъ количествѣ заимствованныхъ германскихъ словъ (хотя по поводу многихъ изъ нихъ вопросъ о заимствованіи не рѣшенъ окончательно). На почвѣ этихъ заимствованій появлялись различныя теоріи о германскомъ господствѣ надъ славянами, которое могло имѣть мѣсто въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ—на балтійскомъ поморьѣ, въ порѣчьѣ Вислы, въ прикарпатскихъ областяхъ бастарнской колонизаціи и въ сферѣ готскихъ вліяній Черноморья. Но болѣе положительныхъ указаній на это господство мы не имѣемъ, а позднѣйшая готская традиція о монархіи послѣдняго остготскаго короля предъ гуннскимъ нашествіемъ, Германариха, «подобно Александру Македонскому» царствовавшаго надъ всѣми народами восточной Европы,—является совершенно баснословной. Несомнѣннымъ остается большое культурное значеніе германцевъ, какъ посредниковъ въ культурныхъ вліяніяхъ болѣе развитыхъ областей Западной Европы на славянскія племена—культуры кельтской, римской и, наконецъ, развившейся надъ ихъ вліяніями германской. Подъ этими вліяніями слагается славянская культура эпохи разселенія, отразившаяся въ общеславянскомъ словарномъ матеріалѣ. Несмотря на захолустный характеръ славянской жизни, послѣдняя достигла за это время довольно высокаго уровня. Видимъ довольно развитое земледѣліе, начатки огородничества и садоводства, значительный кругъ ремеслъ, обработку металловъ.

Если позже, въ эпоху своего разселенія Славяне своими культурными

[1]) Подробнѣе о прародинѣ: „Історія України-Руси“, I² гл. 2, „Кіевская Русь“, I § 20 сл.

сосѣдями часто изображаются какъ населеніе малокультурное, съ преобладающимъ пастушескимъ и охотничьимъ бытомъ, то это отчасти объясняется исключительными условіями, въ которыхъ появлялись эти характеристики: знакомствомъ ихъ авторовъ съ передовыми волнами славянскаго движенія, воинственными, отвыкшими отъ условій мирнаго, осѣдлаго хозяйственнаго быта, застрѣльщиками его; отчасти здѣсь могло также наблюдаться временное паденіе культуры, весьма обычное въ моменты особенной экстенсивности.

Славянское разселеніе и колонизація Украины въ IV—VII вв.

Славянское разселеніе должно было начаться не позже III в. по Р. Хр. Движеніе германскихъ племенъ съ поморья Вислы и Одера на югъ и западъ открыло свободныя пространства на западномъ пограничьи славянскихъ поселеній и неизбѣжно должно было вызвать движеніе Славянъ на западъ. Мелкія племена Карпатской горной области своими нападеніями на римскія провинціи принудили римское правительство заняться переселеніями ихъ на римскія земли, и эти переселенія, вольныя и невольныя, не оставили въ концѣ-концовъ изъ этого горнскаго населенія на мѣстѣ почти ничего, или слабые лишь остатки; такую же участь имѣла и бастарнская колонизація, расплывшаяся на огромныхъ пространствахъ Прикарпатья и Подунавья. Ослабленіе иранскихъ ордъ Черноморья открывало дорогу на югъ. Гуннскій потокъ, сломившій могущество Готовъ, разбившій и увлекшій затѣмъ съ собою на западъ остатки иранскихъ и готскихъ племенъ, послужилъ, несомнѣнно, рѣшительнымъ толчкомъ къ славянскому разселенію на югѣ, въ Черноморьи и Приазовьи.

Движеніе на югъ юго-восточной (украинской) группы славянскихъ племенъ даетъ знать о себѣ прежде всего столкновеніями «Антовъ», какъ называются въ извѣстіяхъ VI в. восточно-славянскія племена, съ остготскою колонизаціею, постепенно отливавшею тогда изъ Черноморья подъ гуннскимъ натискомъ. Эти столкновенія, имѣвшія мѣсто въ концѣ IV в. и въ позднѣйшей готской традиціи истолкованныя, какъ завоевательные походы остготскихъ вождей на антскія племена, въ дѣйствительности являлись, очевидно, результатомъ, или симптомомъ, восточно-славянскаго натиска на остготскія поселенія. Традиція сохранила интересную черту: Гунны покровительствуютъ Антамъ и берутъ ихъ въ оборону противъ готскихъ насильниковъ. Готы затѣмъ уходятъ на западъ, и антскія племена въ продолженіе V в. сравнительно свободно колонизируютъ черноморскія пространства. Въ VI в. видимъ въ ихъ рукахъ Черноморье отъ Днѣстра до Азовскаго побережья: на обоихъ крайнихъ пунктахъ выступаютъ они въ извѣстіяхъ современныхъ византійскихъ писателей. Пространство между Днѣстромъ и Дунаемъ занимаютъ южно-славянскія племена, предки позднѣйшихъ Болгаръ, постепенно передвигающіеся за Дунай, на Балканскій полуостровъ, и по мѣрѣ ихъ передвиженія за Дунай по ихъ слѣдамъ двигались восточно-славянскіе колонисты. Въ Прикарпатьи точно также открывались новые просторы для ихъ разселенія по мѣрѣ движенія

за Карпаты юго- и западно-славянскихъ племенъ. Во второй половинѣ VII в. украинскія племена могли уже овладѣть своею позднѣйшею территоріею, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ— такъ какъ этнографическія границы не установились сразу опредѣленно; на пограничьяхъ образовались полосы со смѣшаннымъ населеніемъ, лишь со временемъ пріобрѣтшія болѣе однообразный, опредѣленно выраженный этнографическій характеръ, а нѣкоторыя мѣстности — какъ напр. горная карпатская область, колонизировались украинскимъ населеніемъ, лишь постепенно, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій [1]).

Къ сожалѣнію, сколько-нибудь подробныя свѣдѣнія объ украинскомъ разселеніи имѣемъ лишь изъ позднѣйшихъ столѣтій, X—XI в.в., когда украинская колонизація претерпѣла уже значительныя измѣненія и ущербы, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ новаго движенія тюркскихъ ордъ въ степной полосѣ, усилившагося со второй половины IX вѣка. Наиболѣе обстоятельныя данныя даютъ этнографическіе обзоры и замѣчанія, собранныя въ вступительныхъ главахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; они относятся уже ко второй половинѣ XI в. и хотя пробуютъ мѣстами дать указанія относительно болѣе раннихъ этнографическихъ и географическихъ отношеній, но эти указанія не всегда отличаются желательной точностью и обстоятельностью. Сопоставляя данныя «Повѣсти» съ другими источниками, туземными и чужеземными (какъ Константинъ Порфирородный, т. н. Географъ Баварскій, арабскіе географы IX—X вв.), можемъ лишь съ извѣстнымъ приближеніемъ судить о болѣе раннихъ колонизаціонныхъ отношеніяхъ VIII—IX в.в.

Украинская колонизація IX—X вв.

Сопоставляя данныя историческихъ источниковъ съ указаніями археологіи и діалектологіи, видимъ, что области верхняго Днѣпра и верховьевъ Зап. Двины и Волги заняли племена сѣверной группы, предки нынѣшнихъ Бѣруссовъ и Великороссовъ: Кривичи съ новгородскими Словенами, Дреговичи, которые вѣроятно относятся сюда же (хотя есть нѣкоторая неясность относительно предѣловъ ихъ территоріи, а въ зависимости отъ этого—и относительно ихъ принадлежности къ сѣверной или южной группѣ), далѣе Радимичи и Вятичи. Безпрерывно распространяясь изъ своихъ обиталищъ на востокъ, на территоріи финскихъ племенъ, они создаютъ затѣмъ тамъ рядъ новыхъ центровъ великорусской колонизаціи. Племена южной (украинской) группы располагаются въ бассейнѣ средняго и нижняго Днѣпра, Зап. Буга и Днѣстра, простираясь отсюда на западъ — въ область Карпатъ, на востокъ—въ область Дона. Относительно восточной половины этой территоріи—отъ порѣчья Днѣпра и далѣе на востокъ (территоріи Полянъ и Сѣверянъ)—у нѣкоторыхъ изслѣдователей тоже возникали сомнѣнія, принадлежало ли ея поселеніе къ группѣ южной или сѣверной—были ли здѣшнія племена предками украинскаго или велико-

[1]) Подробнѣе объ этомъ колонизаціонномъ процессѣ — Історія „Украіни-Руси“ I² гл. 4, „Кіевская Русь“ I § 96 и сл.

русскаго населенія. Такъ наз. Погодинская гипотеза, возрожденная въ 1880-хъ г.г. ак. Соболевскимъ [1]) и поддержанная нѣкоторыми изслѣдователями въ цѣломъ или отчасти, считала Полянъ и Сѣверянъ племенами великорусской или среднерусской группы. Оживленная полемика, вызванная ею, выяснила однако съ полною очевидностью несостоятельность предпосылки этой теоріи — что древнее поселеніе средняго Поднѣпровья X—XII вв. цѣликомъ выселилось на сѣверъ, и его мѣсто заняли переселенцы изъ западноукраинскихъ областей; выяснилось и отсутствіе сколько-нибудь надежныхъ указаній на то, что населеніе восточной Украины (Поднѣпровья и Заднѣпровья) отличалось отъ западноукраинскаго настолько, чтобы можно было серьезно думать о принадлежности его къ другой этнографической группѣ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній отдѣлять Полянъ и Сѣверянъ отъ Древлянъ и Дулѣбовъ, причислять ихъ къ иной группѣ и исключать изъ состава предковъ позднѣйшаго украинскаго поселенія.

Территорія **Полянскаго** племени, послужившая въ этомъ спорѣ предметомъ наиболѣе горячей полемики, въ концѣ X и въ XI вв. занимала лишь совершенно незначительное пространство между рѣками Днѣпромъ, Ирпенемъ и Стугною. Сиротливо виднѣются въ это время остатки прежнихъ поросскихъ поселеній, вродѣ знаменитой Родни. Вѣроятно, до печенѣжскаго натиска полянская территорія простиралась далѣе на югъ, за Рось, и здѣсь именно въ болѣе открытыхъ, безлѣсныхъ пространствахъ лѣтописнаго «чистаго поля», расселилось главнымъ образомъ это племя, получившее свое имя отъ «поля», но печенѣжскимъ натискомъ оттѣсненное затѣмъ въ сѣверный уголъ своей территоріи, въ лѣсистыя окрестности Кіева («лѣсная сторона»).

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Полянъ жили **Древляне**, по словамъ «Повѣсти» получившіе свое имя по той причинѣ, что жили въ лѣсахъ; территорія ихъ простиралась, вѣроятно, до порѣчья Припети на сѣверѣ, до Днѣпра на сѣверо-востокѣ, на западѣ захватывало порѣчье Случи. Огромная территорія эта охватывала полянскую съ сѣвера, сѣверо-запада и запада, и такъ какъ относительно Древлянской территоріи совершенно немыслимо предполагать эмиграцію стараго древлянскаго населенія и замѣну позднѣйшимъ, западнымъ, и позднѣйшее украинское населеніе ея нужно считать исконнымъ, то совершенно невѣроятно думать, что полянская земля представляла среди нея великорусскій (или — какъ другіе называли — среднерусскій) клинъ, защемленный между Днѣпромъ и древлянскою территоріею.

Восточными сосѣдями Полянъ за Днѣпромъ были **Сѣверяне**, **Сѣвера**, кажется, самое крупное изъ украинскихъ племенъ. По словамъ «Повѣсти» они занимали область Десны, Сейма и Сулы; южная часть ихъ расселенія въ эпоху «Повѣсти» уже подверглась сильному разрушенію подъ печенѣжскимъ и затѣмъ половецкимъ натискомъ, и позже претерпѣвала весьма рѣзкія колонизаціонныя пертурбаціи; лучше защищенное лѣсами и болотами отъ тюркскихъ нашествій

[1]) О ней см. выше стр. 23, 24, 84; подробнѣе въ т. I „Історії України“ („Кіевская Русь“, I прим. 6).

Задесенье въ своемъ населенiи сохранило больше старыхъ элементовъ, а въ своемъ говорѣ—остатки стараго сѣверо-украинскаго дiалекта, рѣзко отличающагося отъ новыхъ средне-украинскихъ говоровъ южной Сѣверщины.

О томъ, какiя племена жили далѣе къ юго-востоку, за порѣчьемъ Сулы, «Повѣсть» молчитъ. Въ то время, когда составлялась она, тамъ могли существовать только жалкiе остатки славянской колонизацiи. Но раньше, до второй пол. X в., украинская колонизацiя въ бассейнѣ Дона была очень значительна и простиралась до Азовскаго поморья. Прокопiй вполнѣ определенно говоритъ, что въ пол. VI в. антская колонизацiя непосредственно примыкала къ болгарскому разселенiю на берегахъ Меотиды, а съ передвиженiемъ Болгаръ на западъ, могла лишь расшириться за ихъ счетъ. Арабскiе географы IX и X вв. вполнѣ определенно говорятъ о Славянахъ въ области Дона и Приазовьи, называютъ Донъ, и вмѣстѣ съ нимъ нижнюю Волгу (которую они считали какъ бы другимъ рукавомъ той же рѣки) «Славянскою рѣкою», и хотя въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи начали отрицать существованiе здѣсь славянской колонизацiи, предполагая, что въ дѣйствительности осѣдлое населенiе здѣсь представляли Ясы, нынѣшнiе Осетины, остатки аланской колонизацiи,—въ дѣйствительности нѣтъ основанiя для такой рѣшительной поправки арабскихъ извѣстiй. Тмутараканъ на устьѣ Кубани, находившаяся во владѣнiи кiевскихъ князей въ X—XI в., въ IX—X вв. не была, вѣроятно, такимъ островомъ, какимъ видимъ ее въ XI в., и примыкала къ украинской колонизацiи Подонья и Приазовья. Но племенное имя этой юго-восточной колонизацiи намъ неизвѣстно.

На нижнемъ Днѣпрѣ, вѣроятно, на правомъ, западномъ берегу его первоначально жило племя *Уличей* (или Угличей). Позже, по всей вѣроятности, подъ натискомъ Печенѣговъ, въ половинѣ X в., оно подвинулось отсюда далѣе на западъ, или, скорѣе—сѣверо-западъ, въ область Южнаго Буга; покинули оно и черноморское побережье. «Повѣсть» сохранила лишь память объ ихъ поселенiяхъ на побережьи, какъ и ихъ западныхъ сосѣдей, племени Тиверцевъ, жившихъ по Днѣстру и дальше на западъ, до Дуная. Подъ натискомъ Угровъ и особенно Печенѣговъ это черноморское славянское поселенiе принуждено было отступить на сѣверъ и сѣверо-западъ, оставивъ въ степяхъ лишь сравнительно слабые остатки, позже, въ XII—XIII вв. извѣстные подъ именемъ «Бродниковъ» или «Берладниковъ» (отъ города Берлади на Дунаѣ).

Къ сѣверу отъ Тиверцевъ и къ западу отъ Древлянъ «Повѣсть» помѣщаетъ племя Дулѣбовъ; по ея словамъ, областью ихъ было главнымъ образомъ порѣчье Зап. Буга. Первоначальное ихъ племенное имя, какъ показываетъ сопоставленiе текстовъ «Повѣсти», позже было вытѣснено болѣе новыми именами Бужанъ и Волынянъ; эти послѣднiя происходили отъ именъ городовъ, политическихъ центровъ, возникшихъ на старой дулѣбской территорiи, и являются такимъ образомъ именами политическими, покрывшими старое племенное имя. Къ сожалѣнiю, не имѣемъ данныхъ ни относительно разселенiя пле-

*

мени, ни относительно сферы вліянія этихъ старыхъ политическихъ центровъ, поэтому остается неизвѣстнымъ, какъ далеко простиралось дулѣбское племя на западъ, и это ставитъ передъ нами открытый вопросъ относительно того, какое племя занимало крайніе предѣлы украинскаго разселенія на западѣ.

Нужно замѣтить, что позднѣйшія историческія воспоминанія ведутъ на западъ предѣлы украинскаго разселенія очень далеко, ни меньше, ни больше, какъ до самой Вислы: въ планахъ украинскаго государства, въ переговорахъ о выдѣленіи украинской (этнографической) территоріи въ отдѣльное политическое цѣлое, какіе велись во второй половинѣ XVII в., Висла неизмѣнно выступаетъ въ качествѣ западной этнографической украинской границы. Конечно, она не была ею, но нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на то, что украинская колонизація всѣкогда шла значительно дальше на западъ, если не сплошными массами, то отдѣльными мысами или островами [1]). Украинская колонизація въ теченіе столѣтій свою экстенсивную энергію направляла на югъ и юго-востокъ, гдѣ предъ нею лежали огромные колонизаціонные просторы, и вполнѣ естественно, что при такой тенденціи на востокѣ, она уступала на западѣ напору польской колонизаціи, особенно въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ, неоднороднымъ населеніемъ, какія могли образоваться на пограничьяхъ еще при первоначальномъ разселеніи, VI—VIII вв.

На этомъ крайнемъ западѣ, на карпатскомъ Подгорьи помѣщаютъ украинское племя Хорватовъ. Но существованіе такого племенного имени среди украинскихъ племенъ является въ сильной степени сомнительнымъ; одинъ разъ лишь упомянуты они въ Начальной лѣтописи среди восточнославянскихъ племенъ, безъ всякихъ указаній на то, что для лѣтописца съ этимъ именемъ соединялись какія-либо реальныя представленія и включеніе Хорватовъ въ сферу восточнославянскаго разселенія не было простымъ лишь недоразумѣніемъ. Племенное имя старой украинской колонизаціи верхняго Днѣстра и Карпатскихъ земель остается намъ неизвѣстнымъ— были ли это тѣ же Дулѣбы или другое какое-либо украинское племя.

Культура эпохи созданія государства.

Если періодъ разселенія сопровождался, вѣроятно, нѣкоторымъ пониженіемъ культуры, особенно въ авангардахъ переселенцевъ, то столѣтія по разселеніи, VIII—X вѣка, были, несомнѣнно, временемъ весьма живого и интенсивнаго культурнаго движенія среди славянскихъ вообще и въ частности украинскихъ племенъ. Новыя географическія и экономическія условія, новыя соприкосновенія и вліянія, болѣе близкое, непосредственное общеніе съ культурными странами— Византіею, землями арабской культуры,—все это должно было вызвать усиленный культурный ростъ, движеніе, среди элементовъ котораго важное мѣсто занимало также зарожденіе новыхъ государственныхъ отношеній,

[1]) Нѣсколько такихъ указаній въ IV гл. „Історії України—Руси“, I³, „Кіев. Русь“, I, § 121.

формирующихся въ это время. Сопоставляя факты лингвистики, вводящей насъ въ предшествующія стадіи культурной жизни славянства, съ данными археологическими, почерпнутыми изъ раскопокъ и находокъ, и современнымъ, или нѣсколько позднѣйшимъ (XI в.). историческимъ матеріаломъ, мы въ суммѣ можемъ довольно обстоятельно обрисовать тотъ культурно-бытовой фонъ, на которомъ развивались общественныя и политическія отношенія періода формированія Кіевскаго государства (IX—X вѣка).

Общій культурный уровень украинскихъ племенъ въ это время стоялъ уже довольно высоко. Земледѣліе находится въ полномъ развитіи и даже въ наиболѣе глухихъ краяхъ, какъ древлянское полѣсье, является главной статьей хозяйства. Серпы нерѣдко встрѣчаются въ языческихъ могилахъ Древлянъ и Сѣверянъ, также и зерна разныхъ родовъ хлѣба. Памятники XI в. даютъ большой ассортиментъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній (пшеница, овесъ, рожь, ячменный солодъ, просо, горохъ, макъ, ленъ—для волокна и масла), равно и земледѣльческихъ орудій. Существуетъ собираніе и заготовленіе сѣна, садоводство и огородничество. Скотоводство, рыболовство и охота, хотя значительно развиты, какъ средства пропитанія, отошли на второй планъ сравнительно съ земледѣліемъ. Интересно отмѣтить разведеніе домашней птицы—принадлежность сравнительно очень развитой культуры; въ пищѣ она заняла уже вполнѣ опредѣленное мѣсто. Затѣмъ изъ подсобныхъ промысловъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ имѣло большое значеніе бортное хозяйство. «Медъ и мѣха», «мѣха, воскъ, медъ»— неизмѣнно выступаютъ передъ нами, какъ главные предметы вывоза; ими даютъ дань, торгуютъ съ сосѣдями, посылаютъ въ подарокъ.

Изъ ремеселъ и вообще разныхъ формъ обработки сырья видимъ въ большомъ развитіи и употребленіи издѣлія изъ кожи, шерсти и волокна—скорнячество, прядильный и ткацкій промыселъ, обработку дерева, глины и металла — плотничество, гончарство, кузнечество. Въ глухихъ древлянскихъ лѣсахъ раскопки языческихъ могильниковъ и городищъ обнаруживаютъ не только обработку желѣза, но заставляютъ предполагать его добываніе, изъ мѣстной болотной руды. Болѣе тонкія издѣлія изъ желѣза, мѣди и бронзы, серебра и золота (изъ послѣдняго рѣже, такъ какъ для этого періода наиболѣе типичнымъ металломъ является серебро) особенно часто встрѣчаются въ могильникахъ и кладахъ Полянской и Сѣверской земли. Въ преобладающемъ большинствѣ они, несомнѣнно, являются издѣліями мѣстныхъ мастеровъ и даютъ довольно высокое понятіе объ этомъ мастерствѣ, развивавшемся подъ вліяніями восточныхъ и византійскихъ образцовъ и нехудо умѣвшемъ ихъ использовать.

Пища этой эпохи также достигла уже довольно значительной культурности. Предметами народнаго стола служили: хлѣбъ, каша, вареные овощи, мясо (вѣроятно, въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ теперь). Изготовленіе хлѣба приближалось къ нынѣшнему. Изъ напитковъ особенно распространенъ былъ медъ у низшихъ и высшихъ классовъ: даже нищимъ въ числѣ разныхъ припасовъ Владиміръ въ лѣтописномъ разсказѣ отпус-

каетъ медъ. Въ широкомъ употребленіи было также пиво и квасъ; вино было предметомъ роскоши. Столъ высшихъ классовъ характеризуетъ такса для содержанія княжьихъ «вирниковъ» (сборщиковъ пошлинъ) XI вѣка: «вирникъ» получаетъ для себя и для своихъ слугъ ежедневно хлѣбъ, пшено и горохъ для каши, сыръ, пару курей, «головажень» соли; теленка и ведро солоду для пива разъ въ недѣлю; въ постные дни вмѣсто мяса рыбу.

Одежда отличалась еще большою простотою и безыскуственностью. Она состояла изъ сорочки, штановъ, свиты, у богатыхъ поверхъ ея—плащъ, на ногахъ родъ чулокъ и кожанные сапоги или поршни, на головѣ кожаная или вязаная шапка. Предметомъ щегольства служили шелковыя матеріи, византійской и восточной работы; болѣе богатые щеголи въ одеждахъ, сшитыхъ изъ дорогихъ родовъ парчи; въ болѣе скромномъ обиходѣ встрѣчаемъ обшивки воротниковъ, прошвы, пояса изъ этихъ матерій. Съ сближеніемъ съ Византіей (со второй пол. X в.) византійскіе церемоніальные уборы, мундиры византійскихъ чиновниковъ служатъ предметомъ подражанія для украинскаго княжья и боярства. Въ большомъ ходу, какъ во и всей средневѣковой Европѣ, были дорогіе мѣха и богатые золотые уборы (цѣпи, медальоны, у женщинъ діадемы, серьги и височныя привѣски). У небогатыхъ классовъ въ широкомъ употребленіи были подобныя же украшенія изъ серебра (часто очень низкопробнаго), а также стеклянныя украшенія — кольца, бусы и т. под.

Въ устройствѣ дома новѣйшіе изслѣдователи отмѣчаютъ большое вліяніе нѣмецкихъ типовъ (stuba—истьба), но въ этой сферѣ многое еще недостаточно разъяснено. Наряду съ жилищемъ низкимъ, одноэтажнымъ, встрѣчаемъ типъ высокій, двухэтажный, съ жилыми помѣщеніями во второмъ этажѣ. Хозяйственныя постройки довольно разнообразны: коморы, погреба, амбары, бани, хлѣвы и даже голубятни. Все это строилось изъ дерева; каменная постройка была большою рѣдкостью, изъ камня строились лишь церкви, очень рѣдко княжьи терема, и вся терминологія каменной постройки позднѣйшаго, заимствованнаго происхожденія (изъ греческаго и нѣмецкаго) [1].

Психофизическія черты. Религіозныя воззрѣнія.

Физическій типъ славянъ вообще и въ частности — украинскихъ племенъ современныя извѣстія описываютъ сходными чертами, какъ людей рослыхъ, свѣтловолосыхъ, румяныхъ; если въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно сомнѣніе, не относятся ли эти описанія къ варяжскимъ выходцамъ, игравшимъ такую видную роль здѣсь въ X—XI вв., то и въ такомъ случаѣ нужно признать, что въ главныхъ чертахъ характеристики ихъ совпадали съ характеристиками кореннаго украинскаго населенія. Въ характерѣ его, какъ и славянскаго населенія, вообще современные наблюдатели съ одной стороны отмѣчаютъ привѣт-

[1]) Подробно о матеріальной культурѣ — „Історія України“, I², гл. 5, „Кіев. Русь“, I, § 141 сл.

ливость и добродушіе, съ другой— воинственность и свободолюбіе, отсутствіе солидарности и общественной дисциплины. Ясно выступаютъ черты веселаго, любящаго развлеченія, поэтически настроеннаго характера; пѣсня и музыка являются неразлучными спутниками всѣхъ важнѣйшихъ торжественныхъ минутъ. «Игрища», пѣсни, танцы являются аттрибутомъ народныхъ праздниковъ, свадебныхъ церемоній и похоронныхъ обрядовъ. Такою же необходимою принадлежностью праздничнаго настроенія было бражничанье. Всякаго рода языческія церемоніи сопровождались попойками— свадьба, похороны, поминки и т. д., и это ритуальное бражничанье перенесено было на христіанскія церемоніи, стало неизмѣнною принадлежностью церковныхъ празднествъ, и защищалось ходячимъ аргументомъ, что «въ пьянствѣ нѣтъ ничего зловреднаго». Въ самомъ обозначеніи для пьянаго— «веселъ» сквозитъ то же снисходительное отношеніе общества къ этому пороку [1]).

Религіозное міросозерцаніе дохристіанской эпохи не отличалось опредѣленными, выработанными формами. Въ основаніи его лежалъ культъ природы, но образы его блѣдны и расплывчаты; религіозное творчество очевидно не лежало въ украинскомъ, какъ и вообще славянскомъ характерѣ, и миѳологія слаба не только въ традиціи, но была очевидно такою же и въ жизни. Развитіе миѳологическихъ идей шло, очевидно, отъ «единаго» бога неба и свѣта, засвидѣтельствованнаго намъ разсказомъ Прокопія, къ отдѣльнымъ, спеціализированнымъ божествамъ, представителямъ наиболѣе выдающихся метеорическихъ феноменовъ. Разсказы лѣтописи о кіевскихъ идолахъ и ибнъ-Фадлана о человѣкообразныхъ идолахъ русскихъ купцовъ указываютъ на початки антропоморфизма, но они не свободны отъ подозрѣнія относительно присутствія здѣсь скандинавскихъ чертъ. Индивидуальность отдѣльныхъ божествъ проступаетъ слабо; отсутствіе богинь и какихъ-либо указаній на генеалогію божествъ представляетъ въ этомъ отношеніи очень интересный признакъ слабо развитого антропоморфизма.

Наряду съ высшими «богами» природа въ глазахъ тогдашняго человѣка была населена безконечнымъ множествомъ второстепенныхъ, сверхъестественныхъ по теперешнимъ понятіямъ, таинственныхъ существъ, внушавшихъ страхъ и почтеніе, быть можетъ означавшихся общимъ именемъ «бѣсовъ», позже, подъ вліяніемъ христіанства принявшихъ значеніе злыхъ духовъ, враговъ человѣка. Это были духи домовые, водяные, лѣсные и въ этой категоріи, вѣроятно, уже тогда, какъ и позже смѣшивались образы внѣшней природы, натуралистическіе, съ образами отшедшихъ предковъ и вообще умершихъ, также внушавшихъ страхъ предъ ихъ капризами и таинственными силами.

Расположеніе тѣхъ и другихъ, высшихъ и низшихъ категорій божествъ снискивалось молитвами и жертвоприношеніями. Арабскій источникъ IV в., сохранившійся въ позднѣйшихъ пересказахъ, передалъ намъ интересную молитву во время жатвы, простую и безыскусственную (во время жатвы

---

[1]) Матеріалъ собранъ въ „Історії України" I³ гл. 6, „Кіевская Русь", I § 187 сл.

поднимаютъ къ небу ковшъ съ просомъ и молятся: «Боже, давшій намъ пищу, подай намъ ее и теперь въ изобиліи»). Культъ вообще не достигъ сколько-нибудь развитыхъ формъ. Нѣтъ слѣдовъ существованія храмовъ, и самыя упоминанія о человѣкообразныхъ идолахъ, какъ я уже упомянулъ, не свободны отъ подозрѣнія о посторонних наносныхъ вліяніяхъ. Не было и спеціальныхъ жрецовъ; общественныя жертвы приносятъ представители общины, жертву за себя и свою семью приноситъ глава послѣдней. Спеціалистами по всякаго рода религіознымъ и такъ сказать сверхъестественнымъ вопросамъ считались «волхвы», «вѣдуніи», предки позднѣйшихъ знахарей и вѣдьмъ (отъ того же корня «вѣдать»); они вліяютъ разными путями, магическими средствами на таинственныя силы природы, но и сами не свободны отъ ихъ власти. Рокъ, судьба или воля бога тяготѣетъ надъ всѣми — живая вѣра въ нее засвидѣтельствована еще Прокопіемъ и затѣмъ очень рельефно выступаетъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ XI—XII в. Это «судъ божій», таинственное рѣшеніе таинственныхъ силъ (отсюда и самое слово «судьба»).

Жизнь человѣка въ тогдашнихъ представленіяхъ двойственна: душа живетъ своею самостоятельною, независимо отъ тѣла жизнью, не прекращающеюся со смертью тѣла. Эти вѣрованія отразились на похоронномъ обрядѣ, культѣ предковъ, представленіяхъ о духахъ покойниковъ и ихъ загробной жизни. Въ погребальныхъ обрядахъ выступаютъ обѣ формы—сожженіе и погребеніе; первое преобладаетъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, особенно на территоріи Сѣверянъ; въ землѣ Полянъ и Древлянъ покойниковъ чаще погребали съ разными предметами хозяйства (рѣже — вооруженія). Въ насыпи могилъ встрѣчаются слѣды тризны, справлявшейся черезъ нѣкоторое время и сопровождавшейся, очевидно, насыпаніемъ могилы; упомянутый уже арабскій источникъ IX в. описываетъ эти поминки и говоритъ, что онѣ устраивались черезъ годъ послѣ погребенія покойника. Кормленіе покойниковъ при поминкахъ и праздникахъ и вообще при тризнѣ стояло въ связи съ вѣрованіемъ, что мертвецы, «навье» являются среди живыхъ и требуютъ отъ нихъ знаковъ вниманія. Свѣдѣнія наши о культѣ предковъ въ старой традиціи вообще очень бѣдны и не идутъ далѣе очень скудныхъ и общихъ намековъ, но въ фольклорѣ сѣверныхъ, полѣсскихъ мѣстностей сохранились до недавняго времени живыя черты этого культа, ритуальныя трапезы предковъ и т. под. [1]).

Семья.

Формы семейнаго союза представляются уже весьма выработанными въ эту эпоху. Патріархальная семья, сложившаяся въ индоевропейскую эпоху, получаетъ дальнѣйшее развитіе, характеризуемое главнымъ образомъ смягченіемъ рѣзко превалирующей роли мужа и возвышеніемъ личности жены[2]). Жена несомнѣнно уже не разры-

[1]) О культѣ подробнѣе — см. „Історію Укр.—Руси“, (тамъ же литература).

[2]) См. I гл. „Істориі—Украïни“, Із гл.

ваетъ отношеній къ своему роду, вступая въ родъ мужа. Старыя формы умычки или покупки жены перешли въ чисто-церемоніальныя, ритуальныя формы, какъ сохранились онѣ, иногда довольно живо, въ свадебномъ украинскомъ обрядѣ почти до нашего времени. Кіевскій книжникъ—редакторъ «Повѣсти», оставившій намъ описаніе обычаевъ своего времени, въ своемъ стремленіи представить своихъ земляковъ-Полянъ высококультурнымъ народомъ сравнительно съ другими племенами, сгустилъ краски въ своемъ описаніи брачныхъ обычаевъ этихъ послѣднихъ и далъ поводъ многимъ изслѣдователямъ говорить о существованіи стаднаго брака и умычки, какъ реальныхъ явленій въ эпоху «Повѣсти». Но тутъ есть несомнѣнная ошибка въ перспективѣ, и въ дѣйствительности умычка или покупка въ свадебныхъ обрядахъ XI в. имѣла реальнаго значенія немногимъ больше, чѣмъ въ XIX, а стадныя и другія первобытныя формы брака, если и существовали у индоевропейскихъ племенъ, то остались далеко не только за предѣлами историческаго изслѣдованія, но и индоевропейскихъ древностей.

Исчезъ въ XI вѣкѣ и старый—но гораздо болѣе историческій обычай сожиганія или самоубійства жены на могилѣ мужа. Еще изъ IX—X в. имѣемъ мы извѣстія о существованіи этого обычая. Онъ много повліялъ на утвержденіе репутаціи необыкновенной вѣрности славянскихъ женъ, но репутація эта была, очевидно, заслуженной; наша традиція не знаетъ исторій о женской невѣрности, и она составляла, вѣроятно, весьма рѣдкое явленіе. Наоборотъ, мужчинѣ предоставлялась широкая свобода половыхъ отношеній, и многоженство, внѣбрачное сожительство и разныя формы конкубината составляли самое обычное явленіе, особенно въ высшихъ классахъ, и остались ими долго и послѣ введенія христіанства, какъ и большая свобода въ расторженіи брака, рѣшительно расходившаяся съ принципами каноническаго права и очень долго не поддававшаяся ему.

Вообще въ эпоху образованія государства (да и прежде того, вѣроятно), первоначальныя патріархальныя воззрѣнія на жену, какъ на собственность и вещь мужа, потеряли уже силу и сохранялись лишь въ переживаніяхъ. Кіевское право признавало жену равноцѣнною мужу и ограждало ее одинаково съ нимъ. Видимъ и начатки ея экономической самостоятельности. Но въ общемъ экономическія права членовъ семьи не нормируются правомъ, пока она пребываетъ въ цѣлости и живъ ея естественный глава, мужъ-отецъ. Семейное имущество считается общимъ достояніемъ членовъ семьи, этимъ объясняется ограниченіе отца въ распоряженіи имъ; но въ отношенія членовъ семьи при жизни отца право не вмѣшивается, признавая власть и авторитетъ мужа-отца относительно жены и дѣтей. Со смертью его на первый планъ выступаетъ мать, какъ глава семьи; разложеніе родового быта поставило ее непосредственно послѣ мужа-отца; сироты получаютъ также только въ такомъ случаѣ, если мать выходитъ изъ семьи, заключая новый бракъ, и образъ матери-вдовы, разумной, властной, преисполненной сознанія лежащихъ на ней обязанностей, сильными чертами рисуется въ старой письменности XI в.

Родовой строй, пережитый нѣкогда и украинскими, какъ и другими славянскими племенами и оставившій, напр., живыя воспоминанія о себѣ, наряду съ другими переживаніями, даже въ современномъ свадебномъ ритуалѣ, въ эпоху созданія государства живо даетъ себя чувствовать въ различныхъ переживаніяхъ и остаткахъ. На каждомъ шагу мы еще чувствуемъ близость этихъ родовыхъ отношеній; возможно, что еще въ эпоху разселенія онъ былъ живымъ и дѣйственнымъ элементомъ, но въ эпоху образованія государства онъ уже разложился. Терминъ «родъ», широко употребляемый древнѣйшими памятниками нашими, обозначаетъ не родъ въ собственномъ смыслѣ, а семью. и семья, несомнѣнно, была первоосновою общественной организаціи этой эпохи. Только это была семья, болѣе широкая и сложная, сравнительно съ нынѣшней, обычно состоящей изъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей. Старая семья приближалась къ нынѣшней большой сербской задругѣ. Въ горныхъ мѣстностяхъ Галиціи и Угорской Руси и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины до недавняго времени еще существовали подобныя большія семьи, а въ XVIII в. онѣ составляли гораздо болѣе распространенное явленіе. Кромѣ того, намъ извѣстны формы семейно-хозяйственнаго союза, развившагося изъ той же старой сложной семьи: кровная семейная связь лежитъ въ ихъ основаніи, но не исключаетъ участія чужеродцевъ, и первоначальный кровный союзъ переходитъ все болѣе въ организацію экономическую, при чемъ первоначальная общность имущества постепенно все болѣе уступаетъ мѣсто владѣнію индивидуальному, раздѣльному. Такими были т. н. «дворища», «себровства»; хуторъ лѣвобережной Украины былъ въ сущности также не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же дворищемъ.

Ни дворище, ни большая семья не въ состояніи разростаться до размѣровъ цѣлаго села; кровная и экономическая связь можетъ служить связующимъ звеномъ лишь до извѣстнаго предѣла, и изъ первоначальнаго «рода» съ теченіемъ времени выдѣляются новыя, самостоятельныя единицы. Група родовъ-дворищъ, связанныхъ часто не только лишь узами сосѣдства, но и общаго происхожденія, образуютъ сельскую общину. Существованіе первоначальной кровной связи часто оставалось надолго въ памяти ея членовъ и закрѣплялось въ патронимической формѣ села (названіе съ суффиксомъ *ичи*, *вичи*, *цы*), весьма распространенныя въ мѣстностяхъ стараго заселенія); но въ общемъ значеніе кровной связи здѣсь еще несравненно слабѣе, чѣмъ въ границахъ дворища. Это уже никакъ не родъ, а община, въ полномъ значеніи слова, которою правитъ не родовой старѣйшина, а сходка «старцевъ». Такова, очевидно, сельская община «Русской Правды», кіевскаго права XI в. — «вервь».

Характерно, что патронимическія имена носятъ также и племена, и даже названія несомнѣнно топическія (напр. Дреговичи), а также имена, ведущія свое начало отъ городовъ, политическихъ центровъ, образуются по образцу родовыхъ названій: очевидно, и племена первоначально считались въ сущности группами людей, связанныхъ общимъ происхожденіемъ, общимъ родомъ: такое же значеніе имѣетъ употребленіе слова «родъ» въ смыслѣ племени, народа—«мы отъ рода Руского», въ договорахъ X вѣка). Но для IX—X вв. это было лишь неяснымъ отзвукомъ прошлаго и, описывая разселеніе украинскихъ племенъ X—XI вв., кіевскій лѣтописецъ со всею опредѣленностью, какая была ему доступна, поясняетъ, что племенная группировка опредѣлялась этнографическими отличіями: племена имѣли «свои обычаи, законы отецъ своихъ и преданія, свой норовъ». Старыя традиціи общности происхожденія, кровнаго родства модифицировались вліяніями колонизаціонныхъ и географическихъ, территоріальныхъ условій. Территоріальныя, а не родовыя, отношенія лежатъ и въ основѣ дальнѣйшаго развитія общественныхъ отношеній, движущимъ факторомъ которыхъ служатъ города, системы городовъ.

Города, системы городовъ.

Колонизаціонныя условія, необезпеченность существованія дѣлали издавна необходимою принадлежностью каждаго поселка или группы ихъ существованіе укрѣпленнаго убѣжища. Эти убѣжища въ видѣ обнесенныхъ валами и рвами городищъ появляются на нашей территоріи уже въ неолитическую эпоху, но особенное развитіе получаютъ въ эпоху славянскаго разселенія и послѣдующую за ней. Устройство и содержаніе такого общаго укрѣпленія создаетъ извѣстную прочную связь между родами или общинами, связь чисто территоріальную, и постепенно на этой почвѣ наростаютъ новые связующіе интересы: общей защиты отъ врага, охраны общественнаго спокойствія, преслѣдованіе ея нарушителей. Но наряду съ мелкими, лишенными всякаго значенія городками мелкихъ поселковъ-родовъ (въ кіевской традиціи о началѣ города три рода трехъ легендарныхъ братьевъ строятъ каждый свой городокъ на смежныхъ холмахъ) возникаютъ и болѣе значительныя городскія укрѣпленія, нуждавшіяся въ постоянной поддержкѣ и охранѣ, и при нихъ постоянныя поселенія, городскіе центры, объединяющіе болѣе значительныя группы поселковъ и общинъ, а среди нихъ, благодаря спеціальнымъ географическимъ условіямъ, удобствамъ сообщенія или защиты, или же политическимъ отношеніямъ, выдвигаются крупные центры, становящіеся «городомъ» по преимуществу для сосѣднихъ, становящихся къ нему въ подчиненное отношеніе «пригородовъ» и подчиняющимися его

гегемоніи, по принципу «что же старѣйшии (граждане города) сдумають, на томъ же пригороды станутъ». Появленіе такого общепризнаннаго центра обнаруживало себя между прочимъ тѣмъ, что населеніе территоріи, тянувшей къ «городу» и признававшей надъ собой его гегемонію, принимало зачастую и его имя, вытѣсняющее затѣмъ старое племенное названіе. Такъ появляются Черниговцы, Переяславцы и Новгородцы на территоріи Сѣверянъ, Бужане, Червляне, Волыняне на территоріи Дулѣбовъ, Лучане въ южной Волыни, Туровцы и Поляне на территоріи Дреговичей и т. под.

Не у всѣхъ племенъ эти городскіе центры развивались одинаково, и въ зависимости отъ этого и дальнѣйшая политическая и культурная эволюція ихъ отличаются различною интенсивностью. Между тѣмъ какъ у Полянъ, Сѣверянъ, Дулѣбовъ видимъ городскую жизнь очень развитою, и городскія организаціи уже въ самое раннее время занимаютъ мѣсто старыхъ племенныхъ связей, у другихъ, какъ Древляне, Вятичи, Радимичи, крупные городскіе центры не развились. Эти земли долѣе остаются въ первоначальномъ аморфномъ племенномъ строѣ, и самыя племенныя имена задерживаются дольше.

Такимъ образомъ въ развитіи политическихъ и общественныхъ отношеній первоначальная племенная группировка комбинировалась съ территоріальными отношеніями, создаваемыми новою, городскою жизнью. Въ основаніи позднѣйшихъ политическихъ отношеній лежало племенное дѣленіе; но новыя комбинаціи на этой первоначальной основѣ создавалъ принципъ территоріальный, представленный городомъ. Изъ старыхъ географическо-этнографическихъ территорій формируются новыя территоріи, «волости», связанныя съ извѣстными городскими центрами. Территоріи племенъ со слабо развитою жизнью, не создавшія собственныхъ значительныхъ городскихъ центровъ, притягиваются сосѣдними центрами, созданными другими племенами: Радимичи и Вятичи входятъ въ кругъ гегемоніи Чернигова, Древляне и Дреговичи въ сферу владѣнія Кіева. Наоборотъ, развитіе на племенной территоріи нѣсколькихъ сильныхъ городскихъ центровъ ведетъ къ расчлененію племенной территоріи на нѣсколько политическихъ округовъ, княжествъ-земель. Такъ, Сѣверщина дѣлится на княжества-земли Черниговское и Переяславское. Въ землѣ Дулѣбовъ появляются княжества Владимирское и Луцкое, Червенскіе города, и т. под. [1]).

Торговые центры и узлы.

Эти системы городовъ и формированіе въ связи съ ними политическихъ отношеній стояло и развивалось въ весьма значительной степени подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній, торговыхъ дорогъ и узловъ, въ которыхъ сосредоточивались эти торговыя отношенія, и накопленія культурныхъ и экономическихъ средствъ въ главнѣйшихъ узлахъ и центрахъ торговыхъ сношеній.

Мы видѣли уже главнѣйшія напра-

[1]) Подробнѣе: „Історія України", I[2] гл. 6, „Кіевская Русь", I § 213 сл.

вленія торговыхъ сношеній и связанныхъ съ ними культурныхъ вліяній, какъ они сложились въ эпоху, предшествующую славянскому разселенію. Украинскія племена, занявъ новую территорію, овладѣваютъ и старыми, извѣчными путями ея. Но въ связи съ новымъ натискомъ кочевыхъ племенъ въ IX—X вв. въ степной полосѣ, главные узлы торговыхъ сношеній и вмѣстѣ—культурные и политическіе, отодвигаются на край предстепной полосы, на пограничье «лѣсной стороны». Такъ слагается та система торговыхъ путей и ихъ узловыхъ центровъ, а съ нею—городскихъ, культурныхъ и политическихъ отношеній, какая развертывается передъ нами въ данныхъ X—XI вѣковъ, историческихъ и археологическихъ.

Первенствующею торговою артеріею въ это время выступаетъ Днѣпровская магистраль, «путь изъ Варягъ въ Греки», какъ именуетъ ее кіевскій лѣтописецъ. Извѣстный византійскій трактатъ «Объ управленіи государствомъ», надписываемый именемъ Константина Порфиророднаго, весьма живо и обстоятельно описываетъ торговое движеніе, какъ оно происходило на этомъ пути въ половинѣ X в. Жители лѣсныхъ приднѣпровскихъ областей приготовляютъ за зиму лодки и весною, по первой водѣ, спускаютъ ихъ въ Кіевъ (и другіе города очевидно) для продажи купцамъ. Послѣдніе изъ разныхъ городовъ—Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова со своими товарами съѣзжаются въ Кіевъ. Здѣсь, пока снаряжались суда и стягивались съ разныхъ мѣстъ транспорты товаровъ, можно представить себѣ огромную весеннюю ярмарку, на которой сводились счета, дѣлались запасы и т. п. Въ іюнѣ караваны движутся изъ Кіева по Днѣпру внизъ; послѣдній сборный пунктъ подъ Витичевымъ. Отсюда однимъ большимъ вооруженнымъ караваномъ движутся далѣе, отбиваясь отъ Печенѣговъ, устраивавшихъ засады въ разныхъ мѣстахъ и старавшихся улучить моментъ, чтобы разграбить купцовъ. Выйдя въ Черное море, плыли вдоль берега на западъ, въ Константинополь, въ X в. служившій главнымъ рынкомъ этого «греческаго пути».

Нѣкогда эту роль играла Ольвія; послѣ ея упадка торговыя сношенія съ Поднѣпровьемъ перешли къ крымскимъ городамъ, главнымъ образомъ къ Херсонесу, Корсуню нашихъ лѣтописей, оставившему по себѣ замѣтную «корсунскую» традицію въ нашемъ быту, болѣе архаическую по сравненію съ позднѣйшею «цареградскою». Затѣмъ украинскія племена, минуя этихъ посредниковъ, вошли въ непосредственныя сношенія съ Константинополемъ—Цареградомъ; набѣги и походы Руси на Черное море, извѣстные намъ съ начала IX в., имѣли въ этомъ отношеніи несомнѣнное вліяніе, проторивъ дороги купцамъ и доставивъ имъ разныя торговыя преимущества. Арабскій географъ первой половины X в., Масуди, говоритъ, что Черное море называлось Русскимъ моремъ, «потому что, кромѣ Руси, никто не плаваетъ на немъ»; эта преувеличенная характеристика даетъ понять, насколько въ X в. Русь считалась хозяевами Чернаго моря. Договоры Руси съ Греками первой половины того же столѣтія свидѣтельствуютъ о большой оживленности сношеній съ Константинополемъ, о большихъ и многолюдныхъ караванахъ кіевскихъ купцовъ,

прибывавшихъ туда и имѣвшихъ тенденціи основаться въ Константинополѣ прочно, какъ постоянное поселеніе, чему противилось всѣми мѣрами византійское правительство, окружавшее вообще этихъ кіевскихъ купцовъ усиленнымъ надзоромъ изъ опасенія, чтобы подъ ихъ именемъ не проникали разные военные авантюристы.

Сѣверная часть этой днѣпровской магистрали въ глазахъ кіевскаго книжника XI в. была путемъ «къ Варягамъ», въ скандинавскія и сѣверно-нѣмецкія земли. Пути развѣтвлялись здѣсь: одинъ велъ съ верхняго Днѣпра чрезъ озера Ильмень и Ладожское въ Неву и Балтійское море, другой выводилъ въ то же море Зап. Двиною. Кіевскій лѣтописецъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ первую, потому что на немъ лежалъ главный узелъ сѣверной русской торговли, Новгородъ. Обѣ дороги служили весьма важными артеріями торговли съ нѣмецкимъ западомъ.

Другой путь на западъ велъ чрезъ Галицію и Чехію въ южную Германію. Уже арабскій географъ IX в. ибнъ-Хордадбегъ упоминаетъ о еврейскихъ купцахъ, «говорящихъ по-арабски, по-персидски, по-римски, по-французски, по-испански и по-славянски», путешествующихъ съ запада на востокъ и обратно, моремъ и материкомъ, и служащихъ посредниками въ торговлѣ. Позже, въ источникахъ X в., мы находимъ извѣстія и о русскихъ купцахъ, пріѣзжающихъ со своими товарами въ города центральной Европы.

Въ торговлѣ съ востокомъ важными рынками служили: хозарскій Итиль на нижней Волгѣ (на мѣстѣ Астрахани) и болѣе, вѣроятно, поздній Болгаръ на средней Волгѣ, около нынѣшней Казани. Болгаръ служилъ торжищемъ для сѣверныхъ товаровъ, въ особенности мѣховъ; Итиль былъ рынкомъ земель южныхъ и ключемъ къ сношеніямъ съ каспійскимъ побережьемъ, Туркестаномъ и Халифатомъ. Но уже въ IX в. кіевскіе купцы не удовольствовались сношеніями чрезъ посредниковъ и сами ѣздили по Каспійскому морю въ южные порты и возили свои товары караванами въ самый Багдадъ. Какъ въ Византію, такъ и на восточные рынки они вывозили главнымъ образомъ свое сырье — мѣха, кожи, воскъ, медъ, также невольниковъ; оттуда взозили шелковыя и другія матеріи, металлическія, въ особенности ювелирныя издѣлія, пряности, южные фрукты, и служили посредниками въ торговлѣ этими предметами для западной и сѣверной Европы[1].

Кіевъ, какъ торговый и политическій центръ.

Указанная система торговыхъ путей, служившая, конечно, не только для нуждъ заграничной, но также точно и для внутренней торговли, имѣла огромное значеніе для развитія наиболѣе важныхъ городскихъ центровъ, для накопленія въ наиболѣе значительныхъ узлахъ этихъ путей культурныхъ и матеріальныхъ средствъ, оказывавшихъ затѣмъ могущественное вліяніе и на развитіе политическихъ отношеній, и въ свою очередь — подпадавшихъ также и вліянію этого по-

[1] Подробный обзоръ торговыхъ отношеній—„Історія України“, Г гл. 5, „Кіевская Русь“, I, § 169 сл.

слѣдняго. Картину этихъ путей и расположенныхъ на нихъ узловъ, торговыхъ, культурныхъ и политическихъ центровъ мы имѣемъ уже изъ эпохи далеко подвинувшагося государственнаго процесса и должны считаться и съ воздѣйствіями послѣдняго. Предъ нами не первоначальная схема, предшествовавшая этимъ воздѣйствіямъ государственныхъ отношеній, а прошедшая черезъ нихъ и несомнѣнно—въ значительной степени видоизмѣненная ими. Въ это время, въ IX—X вв., центральнымъ узломъ торговыхъ и политическихъ сношеній является Кіевъ. Стоя на главной магистрали, на Днѣпрѣ, ниже устьевъ его главныхъ притоковъ Припети и Десны, онъ является сборнымъ пунктомъ и складочнымъ мѣстомъ для всей системы Днѣпра, а эта послѣдняя въ эту эпоху является центральною артеріею для всей восточной Европы и собираетъ продукты и товары съ сосѣднихъ бассейновъ: система Припети сближаетъ ее съ порѣчьями Зап. Буга и Вислы, верхній Днѣпръ—съ порѣчьями Зап. Двины, Волги и озернымъ бассейномъ, Десна — съ системою Оки, Сеймъ — съ системою Дона, а нижній Донъ, отдѣленный лишь небольшимъ волокомъ отъ нижней Волги, служилъ путемъ въ нижнее Поволжье, къ берегамъ Каспійскаго моря. Небольшіе водораздѣлы не представляли значительныхъ затрудненій при тогдашнихъ способахъ передвиженія: легкія суда переволакивались по землѣ, а поклажа переносилась на плечахъ рабовъ, обыкновенно, принимавшихъ въ этихъ караванахъ участіе въ двойной роли: вьючныхъ животныхъ и предметовъ торговли, предназначенныхъ на продажу на какомъ-нибудь чужеземномъ рынкѣ. Сухопутныя дороги изъ Кіева вели на сѣверо-западъ черезъ волынскіе города «въ Ляхы»; на юго-западъ чрезъ галицкіе города въ Венгрію и Чехію; на сѣверо-востокъ, чрезъ Курскъ въ области верхняго Дона и средней Волги; на юго-востокъ чрезъ Переяславль въ въ область средняго Дона и нижней Волги; а три южные пути, упоминаемые въ Кіевской лѣтописи XII в., «Греческій, Солоный и Залозный», вели, конечно, и въ предшествовавшія столѣтія въ разные пункты черноморскаго и азовскаго побережья.

Эти благопріятныя географическія условія и созданныя ими торговыя сношенія, вѣроятно, уже съ очень раннихъ временъ дали Кіеву выдающуюся роль и значеніе. Издавна могли скопляться здѣсь культурныя и экономическія средства и формироваться могущественное сословіе купцовъ-конквистадоровъ. Въ тогдашнихъ условіяхъ торговыхъ сношеній, купецъ долженъ былъ думать не только о расширеніи торговыхъ сношеній, но и объ охранѣ ихъ собственными средствами. Онъ былъ столько же купцомъ, сколько и воиномъ. Торговля требовала вооруженной охраны, купеческіе караваны шли подъ охраной вооруженныхъ отрядовъ, превращаясь нерѣдко въ настоящія военныя экспедиціи, и въ каждую минуту караванъ такихъ купцовъ-воиновъ, смотря по обстоятельствамъ, одинаково готовъ былъ открыть торгъ или завязать битву, вступить въ выгодную торговую сдѣлку или сдѣлать нападеніе, чтобы получить контрибуцію, добыть плѣнниковъ, пріобрѣсти новые запасы товаровъ въ видѣ добычи. Этимъ поясняется важное значеніе тогдашнихъ торговыхъ центровъ въ политической жизни,

близкія связи торговыхъ круговъ съ правящими военными сферами, такъ что эти, повидимому, такъ удаленныя взаимно сферы нерѣдко въ значительной мѣрѣ покрывались. И это объясняетъ намъ также и то обстоятельство, что Кіевъ, самый значительный торговый пунктъ восточно-европейской равнины, совершенно естественно дѣлается и центромъ ея политической жизни, очагомъ ея государственнаго процесса и первымъ источникомъ политическаго и культурнаго объединенія украинскихъ и вообще восточно-европейскихъ земель.

Древнѣйшій политическій строй.

Предшествующія стадіи политической жизни украинскихъ племенъ представляются намъ весьма неясно. Исходя изъ лингвистическихъ или обще-соціологическихъ соображеній ставились въ послѣднее время теоріи древнѣйшаго завоеванія славянскихъ племенъ предъ разселеніемъ, съ одной стороны,—черноморскими кочевниками иранскаго или тюркскаго племени, съ другой—германскими племенами, на ихъ сѣверо-германской прародинѣ или въ періодъ движенія на югъ [1]). Мы не имѣемъ однако никакихъ указаній на то, чтобы власть степныхъ династовъ простиралась на сѣверное пограничье предстепья и лѣсной полосы, гдѣ мы можемъ предполагать пограничныя поселенія славянъ въ эпоху предъ разселеніемъ, и само по себѣ такое предположеніе представляется крайне маловѣроятнымъ; не только политическія, но и культурныя воздѣйствія степного иранскаго населенія не проникаютъ на территорію славянской прародины. Что касается германскихъ завоеваній, то географическое положеніе славянской прародины въ непосредственномъ сосѣдствѣ германскаго разселенія само по себѣ дѣлаетъ вполнѣ возможными всякія гипотезы о германскомъ господствѣ надъ большими или меньшими частями славянской территоріи, и существованіе множества германскихъ заимствованій въ славянскихъ языкахъ изъ эпохи предшествующей славянскому разселенію, многихъ увлекало на путь такихъ гипотезъ. Но положительныхъ свидѣтельствъ въ этомъ смыслѣ мы тоже не имѣемъ, а германскія слова въ общеславянскомъ запасѣ, даже такіе политическіе термины, какъ князь стар. верхненѣм. chuning, и другіе подобные, не могутъ служить вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ германскаго завоеванія, такъ какъ такія заимствованія происходятъ нерѣдко и помимо завоеванія. Готская традиція объ Остготскомъ государствѣ, обнимавшемъ огромныя пространства восточной Европы и въ томъ числѣ славянскія племена, вполнѣ недостовѣрна. И въ концѣ концовъ всякія предпосылки о вліяніи какихъ-либо иноземныхъ завоеваній въ эпоху предшествующую славянскому разселенію на эволюцію славянскаго общественнаго строя или политическихъ отношеній, остаются гипотезами, которыя не могутъ послужить сколько-нибудь прочнымъ основаніемъ для какихъ-либо соображеній относительно развитія по-

[1]) См. статью мою о новѣйшей гипотезѣ Пейскера и вызванной ею литературѣ въ „Запискахъ наук. тов. ім. Шевченка", томъ 103.

литической жизни славянскихъ племенъ.

Древнѣйшее извѣстіе въ этой области, какое находится въ нашемъ распоряженіи, относится къ войнѣ Антовъ съ Остготами непосредственно послѣ гуннскаго погрома. Нѣтъ причинъ подозрѣвать его достовѣрность въ виду тѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ оно передано. Передъ нами выступаетъ антскій вождь Божъ (или Бозъ), имѣющій въ своемъ распоряженіи значительныя силы, такъ что въ первомъ столкновеніи ему удалось разбить Остготовъ. Его окружаютъ десятки старѣйшинъ (primates) — по хвастливому разсказу остготской традиціи, остготскій король, побѣдивъ Божа, въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ нимъ предаетъ смерти 70 его старѣйшинъ. Очевидно, передъ нами вождь цѣлаго антскаго племени, или даже, можетъ быть, нѣсколькихъ антскихъ племенъ, соединившихся для борьбы съ Готами,—окруженный старѣйшинами отдѣльныхъ колѣнъ или родовъ. Это періодъ бурнаго натиска славянскаго разселенія, и такая картина политической консолидаціи, въ виду острой необходимости борьбы съ общимъ врагомъ, вполнѣ вѣроятна.

Наоборотъ, изъ позднѣйшей эпохи разселенія (VI в.) у Прокопія и Маврикія, имѣемъ чрезвычайно цѣнныя извѣстія о политическихъ отношеніяхъ Славянъ и Антовъ, т. е. южныхъ племенъ украинской группы, рисующія аморфный политическій бытъ, племенную раздробленность, рядъ родовитыхъ старѣйшинъ съ различными степенями вліянія среди антскихъ племенъ, и наряду съ ними всенародное вѣче племени, являющееся высшимъ органомъ правленія въ нормальныхъ условіяхъ, пока экстраординарныя обстоятельства не создадутъ диктатуры, хотя бы преходящей, одного изъ вождей. «Славяне и Анты», говоритъ Прокопій, «не управляются однимъ лицомъ, но издревле живутъ въ народовластіи, и поэтому у нихъ всякаго рода дѣла, благопріятныя или неблагопріятныя, рѣшаются съ общаго совѣта». «Они живутъ въ анархіи и взаимной враждѣ», говоритъ младшій его современникъ, т. н. Маврикій; «у нихъ много начальниковъ (ῥῆγες), враждующихъ между собою, поэтому слѣдуетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекать на свою сторону увѣщаніями или подарками, особенно ближайшихъ къ нашимъ границамъ, и затѣмъ нападать на другихъ, чтобы общая война не объединила ихъ и не привела къ единовластію». Въ разсказѣ о борьбѣ Антовъ съ Аварами въ пол. VI в. мы встрѣчаемся съ однимъ изъ такихъ вождей, кандидатовъ на «единовластца»; это родовитый человѣкъ, по имени Мезамиръ, представитель династіи, значеніе которой не ограничивалось ея родомъ, а простиралось на цѣлое племя или даже и за предѣлы племени. Враждебно настроенный Антамъ совѣтникъ аварскаго кагана уговариваетъ аваръ убить Мезамира, такъ какъ онъ имѣетъ большое вліяніе среди Антовъ и способенъ организовать отпоръ всякому врагу (эпизодъ въ отрывкахъ Менандра). О созданіи сколько-нибудь прочной политической организаціи трудно было мечтать въ подобныхъ условіяхъ, и поэтому гипотезы, предполагающія существованіе обширной государственной организаціи, объединявшей всѣхъ Антовъ, — южныя, украинскія племена — построены на пескѣ.

ОТДѢЛЪ III.

Эпоха самостоятельной государственной жизни.

Общины и князья IX—X вв.

Три столѣтія проходятъ послѣ извѣстій Маврикія, пока источники позволяютъ намъ заглянуть снова въ политическія отношенія украинскихъ племенъ. За это время колонизація отвердѣла, да и извѣстія наши идутъ не изъ той подвижной, полукочевой периферіи, гдѣ выступаютъ Анты Прокопія и Маврикія,—а болѣе массивной и прочной колонизаціи сѣверной полосы. Родовой строй за это время окончательно ослабѣлъ и перешелъ въ стадію переживаній. Племенной строй отяжелѣлъ, и надъ нимъ берутъ перевѣсъ территоріальныя отношенія, созданныя городскою жизнью. При значительной величинѣ и большомъ протяженіи племенныхъ территорій, распадавшихся нерѣдко на нѣсколько довольно слабо связанныхъ между собою областей, племена эти для политической организаціи были слишкомъ большимъ и тяжелымъ тѣломъ и обыкновенно разбивались на болѣе мелкія части при позднѣйшей политической организаціи. И если разные факты нерѣдко указываютъ на живучесть этихъ первоначальныхъ племенныхъ тѣлъ, даже въ гораздо болѣе позднее время, и этимъ доказываютъ существованіе въ нихъ извѣстнаго внутренняго сцѣпленія, то все-таки, какъ я уже сказалъ, городская жизнь и городская «волость» становится настоящимъ творческимъ элементомъ политическихъ отношеній. Но при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, внесенныхъ развитіемъ городской жизни и преобладаніемъ территоріальныхъ элементовъ надъ родово-племенными, политическія отношенія городскихъ общинъ и ихъ волостей представляютъ много аналогій съ отношеніями антской эпохи.

По представленіямъ кіевскаго лѣтописца, передъ возвышеніемъ кіевской династіи во всѣхъ племенахъ существовали свои князья: родъ кіевскихъ братьевъ «держалъ княжение» у Полянъ, «а въ Деревляхъ свое, а Дрьговича свое, а Словене свое, а въ Новѣгородѣ, а другия на Полотѣ». И мы знаемъ, дѣйствительно, по именамъ князей, не принадлежавшихъ къ кіевской династіи и являвшихся представителями стараго до-кіевскаго строя. Таковъ былъ древлянскій князь Малъ, въ по-

ловинѣ X в. воевавшій съ кіевскими князьями, а можетъ быть и вятичскій Ходота, на котораго ходилъ походомъ Мономахъ въ концѣ XI в. («на Ходоту и на сына его»). Князья были, несомнѣнно, мелкіе, существовали во множествѣ; древлянскимъ посламъ передъ кіевскою княгинею лѣтописецъ влагаетъ въ уста фразу: «наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьскую землю»; очевидно, въ Деревской землѣ было одновременно много или по крайней мѣрѣ нѣсколько князей, и дѣйствительно, въ тогдашнихъ условіяхъ почти невозможно себѣ представить крупныхъ княженій, прочно охватывавшихъ цѣлыя племенныя территоріи, при слабо выраженной власти и авторитетѣ князя сравнительно съ авторитетомъ вѣча.

Роль послѣдняго особенно живо обрисовываютъ намъ драгоцѣнныя преданія о войнахъ кіевскихъ князей съ Древлянами. Князь или князья играютъ здѣсь совершенно второстепенную роль, всякаго рода дѣла, касающіяся земли, рѣшаютъ и осуществляютъ сами общины, «лучшіи мужи иже сдержать Деревьскую землю». Возстаніе Древлянъ является результатомъ «думы Деревлянъ со своимъ княземъ Маломъ»; участь своего князя съ кіевской княгиней рѣшаетъ тоже «Деревская земля» и отъ себя посылаетъ пословъ въ Кіевъ. Вѣроятно, въ земляхъ племенъ съ слабо развитою политическою жизнью (какъ земля Древлянская) были мелкія городскія общины, съ князьями во главѣ, игравшими довольно второстепенную роль рядомъ съ вѣчемъ, и общины вовсе безъ князей, правившіяся совѣтомъ «лѣпшихъ мужей», земскихъ «старцевъ», какъ въ позднѣйшемъ движеніи противъ княжеско-дружиннаго строя (въ полов. XIII в.) рядомъ съ мелкими князьями болоховскихъ общинъ видимъ общины безъ князей въ области Ю. Буга. Картину общиннаго самоуправленія, безъ князя, гдѣ дѣла общины рѣшаются отчасти ея старѣйшинами или старцами, главами «родовъ» — наиболѣе вліятельныхъ семей, отчасти всенароднымъ вѣчемъ,—даетъ намъ, напр., легенда объ осадѣ Бѣлгорода *Печенѣгами*: она даетъ весьма живое представленіе о бытѣ до-княжескомъ, хотя и принадлежитъ уже эпохѣ княжеско-дружиннаго уклада.

Непосредственныхъ извѣстій изъ эпохи, предшествующей господству кіевскихъ дружинъ, мы вообще имѣемъ чрезвычайно мало: ее покрыли факты изъ исторіи Кіевскаго государства.

Начало Кіевскаго государства.

Если бы лѣтописцы XI в., задавшіеся цѣлью повѣдать потомству исторію возникновенія Кіевскаго государства, не мудрствуя лукаво записали тѣ разсказы и легенды, какіе циркулировали въ устахъ кіевскаго населенія ихъ времени, мы получили бы драгоцѣнный матеріалъ, въ которомъ, вѣроятно, отыскали бы дѣйствительно весьма многое для уясненія исторіи развитія этого государства — какъ отыскиваемъ въ уцѣлѣвшихъ элементахъ народной традиціи лѣтописи. Но, къ сожалѣнію, тотъ матеріалъ, какимъ мы располагаемъ въ нынѣшней «Повѣсти временыхъ лѣтъ», прошелъ

*

черезъ субъективную критику теорій, которыми кіевскіе книжники (или, можетъ быть, даже одинъ, къ сожалѣнію неизвѣстный намъ ближе), захотѣли объяснить исторію своего государства, или точнѣе—своей династіи. Они связали для этого, очевидно, насильственнымъ образомъ, мѣстныя кіевскія преданія съ новгородскими разсказами о варяжскихъ конунгахъ, нападавшихъ на сѣверныя земли и усаживавшихся въ нихъ. Считая кіевскую династію тоже варяжскаго происхожденія, они ея утвержденіе въ Кіевѣ выводили изъ насильственнаго захвата Кіевской области сѣверными варяжскими вождями (такой захватъ повторяется у нихъ даже нѣсколько разъ). Хуже всего, что, пригоняя данныя мѣстной традиціи къ этой новой схемѣ, они совершенно свободно передѣлывали и измѣняли эту послѣднюю, такъ что весьма часто лишь приблизительно можетъ представить себѣ первоначальную форму ея.

Это чрезвычайно затрудняетъ задачу историка, который бы задался цѣлью, оставляя въ сторонѣ собственныя умствованія книжниковъ, весьма мало освѣдомленныхъ во всемъ, что выходили за предѣлы памяти ихъ современниковъ,—возсоздать исторію образованія Кіевскаго государства на основаніи другихъ источниковъ, и въ томъ числѣ—мѣстныхъ кіевскихъ преданій [1]).

Самъ по себѣ, впрочемъ, вопросъ о томъ, вела ли позднѣйшая кіевская династія свое начало отъ старыхъ туземныхъ князей (такъ, повидимому, мѣстныя кіевскія преданія выводили ее отъ легендарныхъ братьевъ Кія Щека и Хорива, основателей Кіева) или отъ какого-нибудь узурпатора-кондотьера, опершагося на военной силѣ дружины,—не представляетъ особаго значенія, и не приходится особенно сокрушаться въ виду того, что наличными данными этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ опредѣленно. На памяти исторіи кіевскій столъ неразъ добывали силою князья съ сѣвера, съ помощью варяжскихъ дружинъ, и тотъ фактъ, что они принадлежали къ кіевской династіе, едва ли вносилъ въ обстоятельства существенную разницу. Съ другой стороны, была ли династія варяжскаго происхожденія или туземнаго, это ничего не измѣняетъ въ фактѣ, засвидѣтельствованномъ непреложными документами, что въ IX и X вв. весьма важную, доминирующую роль на княжескомъ дворѣ игралъ варяжскій элементъ,—хотя это вліяніе и осталось довольно поверхностнымъ и преходящимъ и не проникло въ глубину правовыхъ и общественныхъ отношеній, сохранившихъ свой исконный славянскій характеръ. Оставляя въ сторонѣ трудный, почти не разрѣшимый вопросъ о томъ, какая доля правды

[1]) Чрезвычайная неустойчивость лѣтописной традиціи, совершенная произвольность книжниковъ, допускавшихъ самыя рѣзкія измѣненія въ схемѣ кіевской исторіи подъ вліяніемъ новыхъ фактовъ, на которые они натыкались, или собственныхъ соображеній, выяснилась только въ послѣднее время, благодаря наблюденіямъ надъ составомъ „Повѣсти" главнымъ образомъ, ак. Шахматова, недавно давшаго весьма цѣнную сводку своихъ изслѣдованій по этому вопросу въ книгѣ „Разысканія о начальной русской лѣтописи", 1909. Свои соображенія по этому вопросу я изложилъ подробнѣе въ спеціальномъ экскурсѣ посвященномъ „Повѣсти", въ I т. „Історії України" (имѣетъ войти во II т. „Кіевской Руси").

можетъ скрываться подъ лѣтописною оболочкою династической легенды, гораздо важнѣе для насъ прослѣдить общія условія образованія и нарастанія Кіевскаго государства.

Здѣсь мы натыкаемся на другой, пожалуй, болѣе существенный вопросъ, чѣмъ происхожденіе династіи — происхожденіе русскаго имени. «Повѣсть» въ своей нынѣшней редакціи выводитъ это имя изъ имени переселившагося въ восточно-славянскія земли съ своими конунгами варяжскаго племени, и многіе ученые и теперь готовы признавать въ Руси финское названіе Шведовъ (Ruotsi). Однако, это объясненіе встрѣчается не только съ возраженіями съ лингвистической точки зрѣнія, но и съ весьма существенными историческими трудностями [1]). Имя Руси въ нашей традиціи ближайшимъ образомъ связано съ Кіевомъ, «Русская земля» въ XI—XII в.в. — это Кіевъ съ его ближайшими окрестностями, старая Полянская земля; подъ этимъ именемъ кіевскія окрестности противоставляются даже такимъ ближайшимъ кіевскимъ аннексамъ, какъ старая земля Древлянъ, превратившаяся давно въ кіевскую провинцію. Въ самой «Повѣсти» изъ подъ поправокъ ея редактора въ духѣ его варяжской теоріи явственно проступаетъ старый, первоначальный взглядъ, по которому имя Руси являлось исконнымъ и собственнымъ именемъ земли Полянъ [2]).

Это интересно въ томъ отношеніи, что даетъ намъ извѣстное право въ извѣстіяхъ о Руси, которыя начинаютъ попадаться въ извѣстіяхъ византійскихъ, арабскихъ и западно-европейскихъ съ первой половины IX в. и исходятъ очевиднымъ образомъ изъ теперешней украинской территоріи, — видѣть отголоски политическаго процесса, средоточіемъ котораго было среднее Поднѣпровье и его политическій центръ Кіевъ — первыя стадіи въ образованіи Кіевскаго государства. Таковы извѣстія византійскихъ агіографовъ о нападеніяхъ «гибельнаго именемъ и дѣлами своими народа Руси» (Ῥῶς) на малоазіатское побережье и на крымскіе города въ первой половинѣ IX в. Они предупредили собой извѣстный походъ Руси на Константинополь въ 860 г., когда Русь, пользуясь отсутствіемъ императора и его войскъ, явилась передъ безоружною столицею на двухстахъ корабляхъ и безнаказанно опустошила ея окрестности. Затѣмъ нѣсколько позже слышимъ о нападеніи Руси на южные берега Каспійскаго моря, на пристань Абесгунъ — предвѣстіе позднѣйшихъ походовъ первой пол. X в. Извѣстіе французскихъ анналъ подъ 839 г. упоминаетъ случайно о посольствѣ «русскаго короля», титуловавшаго себя «хакономъ», къ византійскому императору. Вѣроятно, это были дипломатическія сношенія, вызванныя нападеніями Руси на византійскія земли въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в., и тюркскій титулъ «хакана», приданный здѣсь «русскому королю», а въ нѣсколько иной формѣ («каганъ») употреблявшійся у Хозаръ и прилагавшійся долго потомъ къ князьямъ кіевской династіи, довольно опредѣленно указываетъ, что эта Русь обитала

---

[1]) См. обзоръ аргументовъ за и противъ норманской теоріи въ спеціальномъ экскурсѣ I т. „Історіи Україви".

[2]) См. „Кіевская Русь", I § 108, „Історіи Україви", I[2] гл. 4.

на югѣ, въ сосѣдствѣ Тюрковъ (Хазаръ), а не на сѣверѣ. То обстоятельство, что кіевскій книжникъ безъ колебаній пріурочиваетъ къ Кіеву и кіевской Руси встрѣтившіяся ему въ византійскихъ источникахъ сказанія о походахъ Руси на Константинополь (860 и затѣмъ 941 г.) имѣетъ также цѣнность историческаго документа: въ Кіевѣ въ половинѣ XI в., когда общія условія X в. были еще въ достаточно свѣжей памяти, очевидно, не допускали, что на Византію могла дѣлать нападеніе какая-либо другая Русь, кромѣ кіевской. И дѣйствительно, допуская, что не всѣ изъ «русскихъ» походовъ, намъ извѣстныхъ, исходили непремѣнно изъ Кіева, въ общемъ ихъ нужно считать симптомомъ новаго государственнаго процесса, средоточіемъ котораго въ IX в. былъ несомнѣнно Кіевъ.

Кіевское государство X в.

Серія далекихъ и большихъ походовъ на югъ и востокъ, извѣстныхъ намъ изъ IX и первой половины X вѣка, сама по себѣ указываетъ на развитіе значительныхъ военныхъ силъ, сосредоточивавшихся вокругъ новаго политическаго центра, и на значительную сферу его политическаго вліянія. Въ этомъ смыслѣ даетъ намъ непосредственное указаніе и свидѣтель русскаго похода на Константинополь въ 860 г., патріархъ Фотій. Въ своемъ посланіи, написанномъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого нападенія, онъ упоминаетъ, что Русь, народъ прежде мало извѣстный, покорила себѣ сосѣдніе народы, и возмнивши много о себѣ послѣ этого, подняла руки на Византійское государство. Счастливымъ случаемъ сохраненные для насъ договоры кіевскихъ князей съ Византіею первой половины X в. даютъ возможность глубже заглянуть въ составъ этого Русскаго государства. Ихъ документальныя данныя даютъ намъ прочную канву, на которой свѣдѣнія современныхъ арабскихъ и византійскихъ источниковъ, дополненныя позднѣйшими воспоминаніями «Повѣсти», рисуютъ намъ довольно обстоятельную картину этого государства и подтверждаютъ существованіе уже во второй половинѣ IX вѣка широкой сферы вліянія и власти кіевскихъ князей.

Въ договорѣ съ Византіею 944 г. рядомъ съ послами кіевскаго великаго князя выступаютъ послы не менѣе двадцати зависѣвшихъ отъ него князей и намѣстниковъ — «свѣтлыхъ и великихъ князей и великихъ бояръ», какъ называетъ ихъ договоръ 911 г. Такое же приблизительно число пословъ видимъ спустя тринадцать лѣтъ въ свитѣ княгини Ольги. Это совпаденіе чиселъ пословъ показываетъ, что система княжествъ и провинцій, зависѣвшихъ отъ кіевскаго стола, въ это время, въ серединѣ X в., держалась довольно устойчиво. Съ другой стороны самое это значительное число зависимыхъ княжествъ и земель даетъ понятіе объ обширной сферѣ политическаго вліянія кіевскаго стола.

Ближайшій анализъ историческаго матеріала дѣйствительно приводитъ къ заключенію, что въ IX и въ первомъ десятилѣтіи X в., то-есть въ концѣ княженія Олега, въ сферѣ вліянія кіевскаго стола стояла уже почти цѣликомъ вся та территорія, какая входила

и позже въ составъ кіевскаго государства. Всѣ восточно-славянскія племена и, кромѣ нихъ, еще сосѣдвія финскія территоріи стояли въ зависимости отъ кіевскаго князя, хотя не столь прочной и тѣсной, въ какой находились позже. Это тотъ результатъ государственнаго процесса, который авторъ «Повѣсти» представилъ въ видѣ результата походовъ, пріуроченныхъ имъ къ первымъ годамъ княженія Олега.

Вся днѣпровская артерія на сѣверъ отъ Кіева, съ главнѣйшими своими развѣтленіями, во второй половинѣ X в. была уже въ рукахъ кіевскихъ князей. Этимъ объясняется тотъ необыкновенный наплывъ варяжскихъ дружинъ въ Кіевъ, какой видимъ въ перечняхъ Олеговыхъ и Игоревыхъ бояръ въ договорахъ 911 и 940 гг.: масса варяжскихъ именъ, предводителей дружинъ, намѣстниковъ, родственниковъ династіи. Днѣпръ становится путемъ въ Грецію «изъ Варягъ», протореннымъ варяжскими дружинами. Кіевъ и другіе города средняго и нижняго Днѣпра стали постоянными станціями, мѣстопребываніемъ варяжскихъ дружинъ. Крайняя торговая станція на этомъ пути—Новгородъ—стоитъ подъ властію кіевскаго князя, и князь Игорь посылаетъ туда во второй половинѣ X в. княземъ-намѣстникомъ своего малолѣтняго сына Святослава, вѣроятно, по установившемуся ранѣе обычаю. Нижній Днѣпръ былъ въ рукахъ кіевскихъ князей, вѣроятно, еще съ конца VIII в. — объ этомъ могутъ свидѣтельствовать черноморскіе походы Руси начала IX в., конечно, гораздо болѣе многочисленные, чѣмъ упоминанія о нихъ въ нашихъ источникахъ. Несмотря на натискъ печенѣжской орды, Русь держалась на устьѣ Днѣпра еще въ половинѣ X в.: получивъ возможность, послѣ неудачнаго похода Игоря, диктовать Руси свои условія, византійское правительство въ договорѣ 944 г. обязываетъ Русь не препятствовать Корсунянамъ ловить рыбу въ устьѣ Днѣпра и не оставаться тамъ на зимовку въ Бѣлобережьи и у острова св. Евѳерія (т. е. Березань у лимана Днѣпра).

Сухопутныя и рѣчныя дороги, ведшія на востокъ, черезъ земли Вятичей, Сѣверянъ и подонскихъ Славянъ и Ясовъ, былъ также въ сферѣ вліянія кіевскаго стола уже въ IX в. Распространеніе въ этомъ направленіи кіевскаго вліянія приводило къ столкновеніямъ съ Хозарами, нѣкогда господствовавшими надъ заднѣпрянскими племенами и даже надъ самымъ Кіевомъ, по словамъ кіевскаго преданія. Но въ IX в. хозарская орда, очевидно, пришла уже въ полный упадокъ и не могла поставить сколько-нибудь серьезныхъ препятствій распространенію кіевскаго вліянія. Въ началѣ X в. въ главныхъ пунктахъ Сѣверской земли видимъ уже намѣстниковъ кіевскаго князя и Русь держитъ въ своихъ рукахъ и область нижняго Дона. На это указываютъ русскіе походы на каспійское побережье, которыхъ не могли предотвратить при всемъ своемъ желаніи хозарскіе каганы, а доворъ Игоря съ Византіей 944 даетъ еще болѣе цѣнное документальное указаніе въ этомъ смыслѣ: Игорь по желанію Византіи обѣщаетъ не пропускать на крымскій берегъ, стоявшій въ сферѣ интересовъ Византіи, такъ называемыхъ Черныхъ Болгаръ, жившихъ на кавказскомъ берегу у Азовскаго моря. Очевидно,

старая Фанагорія, въ нашихъ памятникахъ этого времени носящая названіе Тмутаракани, въ это время стояла уже въ зависимости отъ кіевскаго стола, какъ видимъ это позже, въ концѣ X в. Другое постановленіе того же трактата, обязывающее кіевскаго князя и его подручниковъ («князи рускыи») не воевать греческихъ городовъ въ области Херсонеса и не претендовать на власть въ этихъ краяхъ, совершенно опредѣленно указываетъ на стремленія мѣстныхъ князей или намѣстниковъ кіевскаго стола утвердиться и на крымскомъ берегу Керченскаго пролива.

На западѣ старые обидчики Полянъ, какими ихъ помнитъ въ докняжье время кіевская традиція—Древляне—въ первой половинѣ X в. несомнѣнно были уже данниками кіевскаго стола, и, вѣроятно, еще раньше. Лучанъ, жителей южной Волыни, называетъ среди подвластныхъ Кіеву племенъ извѣстнѣйшаго трактата Константина Порфиродскаго, также въ первой половинѣ X в. Дулѣбовъ и Тиверцевъ «Повѣсть» называетъ «толковинами» Олега—т.-е. полуавтономными племенами, обязанными служить военною помощью, и такая зависимость ихъ въ это время вполнѣ вѣроятна.

Характеръ государственныхъ отношеній X вѣка.

Такимъ образомъ, по нашимъ соображеніямъ, уже въ первой половинѣ X в. Кіевское государство охватывало огромную территорію подвластныхъ или зависимыхъ племенъ отъ верховьевъ Волги и бассейна великихъ озеръ до Чернаго моря и нижняго Дона. Различныя части этой территоріи, разумѣется, стояли въ весьма неодинаковой, и по большей части—весьма слабой зависимости отъ кіевскаго стола. Въ наиболѣе тѣсную зависимость были приведены волости, лежавшія по главнымъ торговымъ путямъ, а также славянскія колоніи въ финскихъ земляхъ, имѣвшія большое торговое и экономическое значеніе, такъ какъ онѣ собирали контрибуціи съ туземцевъ разнымъ сырьемъ (и особенно мѣхами, игравшими такое важное, можно сказать, первенствующее значеніе въ тогдашней торговлѣ Руси) и вели торговлю съ ними. Въ этихъ волостяхъ расположены были болѣе или менѣе постоянные гарнизоны «русской» дружины и рассажены были главнымъ образомъ «свѣтлые и великіе князья и великіе бояре», родственники и намѣстники кіевскаго князя. И эта система городовъ, гарнизоновъ и намѣстниковъ кіевскаго стола составляла скелетъ Кіевскаго государства IX—X вв. Цѣлые же большіе округа и племена, не представлявшіе ни особеннаго торговаго, ни стратегическаго значенія, были предоставлены сами себѣ, управлялись своими мѣстными князьями и старцами, и зависимость ихъ отъ кіевскаго стола ограничивалась періодической или разновременной уплатой дани, или даже только обязанностью посылать свои ополченія въ кіевскіе походы, какъ у упомянутыхъ выше толковиновъ. Умноженіе и расширеніе этихъ зависимыхъ территорій имѣло такимъ образомъ тотъ существенный интересъ для кіевскаго стола, что увеличивало милитарную силу, доходы князя и открывало новые рынки военно-торговому классу

государства. Интересы торговли и управленія, правящаго и торговаго класса переплетались чрезвычайно тѣсно, и самые классы сливались. Русь XI в. въ представленіи современника Араба, это классъ воиновъ-купцовъ, занимающихся разбоемъ, собираніемъ добычи и торговлей предметами этой послѣдней. По словамъ Константина Порфиророднаго, князья «со всею Русью» (т.-е. со всею дружиною) зимою выходятъ «на полюдье» въ подвластныя земли и тамъ живутъ цѣлую зиму, собирая дани и—нужно прибавить—отправляя несложныя функціи тогдашняго управленія; затѣмъ весною «Русь» стягивается изъ волостей въ Кіевъ и отсюда снаряжаетъ торговые караваны на заграничные торговые рынки, отправляя собранные въ видѣ дани и пріобрѣтенные путемъ торговли товары. Эта характерная картина слiянія правительственной дѣятельности съ торговлей находитъ полное подтвержденіе въ договорахъ кіевскихъ князей съ Византіей. По характеру своему они являются политическими трактатами и завершаютъ собою войны и нападенія кіевскихъ князей и дружинъ на византійскія земли; но вопросы политики совершенно отступаютъ въ нихъ на второй планъ передъ интересами торговыми и ихъ обезпеченіемъ. Интересы торговли являются могущественнымъ стимуломъ политики и государственнаго процесса, и въ свою очередь торговля составляетъ ту экономическую основу, на которой основывается сила дружинъ и правительства.

Съ другой стороны расширеніе подвластныхъ территорій давало возможность содержать болѣе многочисленную дружину. Передавая, напр., своему боярину Свинельду дань, которая имѣла поступать съ Уличей, а потомъ съ Древлянъ, Игорь обезпечиваетъ этимъ содержаніе цѣлаго отряда дружины, которую Свинельдъ долженъ былъ содержать на эту дань. Разставивъ въ подвластныхъ земляхъ дружинные гарнизоны, содержавшіеся изъ даней и припасовъ, собираемыхъ ими въ данной волости, кіевскій князь имѣлъ въ своемъ распоряженіи готовыя военныя силы, которыя при первой надобности могли быть мобилизованы и двинуты на театръ войны. И это увеличеніе военной силы, расширеніе системы гарнизоновъ и дружинъ давало возможность не только расширять сферу своего политическаго вліянія, но и углублять послѣднее, скрѣпляя свое положеніе и по отношенію къ кіевскому патриціату, и по отношенію къ подвластнымъ «свѣтлымъ и великимъ князьямъ», намѣстникамъ и вождямъ дружинъ. Наплывъ воинственныхъ варяжскихъ дружинъ въ Кіевъ и Кіевское государство въ IX и X в. имѣлъ въ этомъ отношеніи большое значеніе, доставивъ кіевскому столу отличный военный матеріалъ, ничѣмъ не связанный съ землею и ея интересами; эти дружины были незамѣнимымъ орудіемъ въ борьбѣ и во всякихъ треніяхъ съ кіевскими патриціанскими кругами и ихъ старцами. Но это было орудіе обоюдоострое, которое могло послужить также точно и для борьбы съ кіевскимъ великимъ княземъ любого подвластнаго князя или намѣстника, если кіевскій князь не умѣлъ достаточно сильно и властно поддержать свой престижъ.

Процессъ наростанія кіевскаго государства въ IX в. мы не имѣемъ возможности связать съ какими-либо опредѣленными фигурами князей; до насъ дошли только отдѣльныя оторванныя не только отъ фактовъ, но и отъ хронологіи имена, какъ «русскаго князя Бравлина», выступающаго въ одномъ нападеніи на крымскіе города, затѣмъ Аскольда и Дира, насильственно собранныхъ лѣтописцемъ въ какую-то пару соправителей и пріуроченныхъ къ походу на Константинополь въ 860 году. На рубежѣ IX и X в.в. выступаетъ первая сколько-нибудь осязаемая индивидуальность—князя Олега, время княженія котораго задокументировано его договоромъ съ Византіею 911 г.; въ лѣтописной традиціи къ его имени пріурочены результаты всего предшествующаго наростанія Кіевскаго государства, а въ народномъ преданіи это имя покрыто густымъ покровомъ легенды, сдѣлавшей этого князя вѣдуномъ и чудодѣемъ. Послѣдующія фигуры князей пріобрѣтаютъ въ народномъ и лѣтописномъ преданіи болѣе реальныя черты: преемникъ Олега Игорь (династическія отношенія этихъ двухъ князей остались неизвѣстными лѣтописцамъ, генеалогическія свѣдѣнія которыхъ не шли дальше именъ отца и дѣда Владиміра) въ преданіи связывается съ исторіями о примученіи «Уличей и Древлянъ»; затѣмъ вдова Игоря и регентша Ольга, памятная преданію, какъ мстительница Древлянамъ за мужа, въ книжномъ преданіи возвеличенная за свое крещеніе; сынъ Игоря Святославъ памятенъ своими походами на востокъ и болгарскою кампаніею, ради которой онъ передалъ еще при жизни главнѣйшія княженія на Руси сыновьямъ — обстоятельство, приведшее къ усобицѣ, закончившейся въ 980 г. единодержавіемъ Владиміра Вел.

Государственный процессъ за это время характеризуется механическимъ сплоченіемъ политическаго организма. Система «русскихъ» намѣстниковъ расширяется и проникаетъ все далѣе въ глубь волостей и ихъ внутренней жизни. Въ разсказѣ Константина Порфиророднаго земли новгородскихъ Словенъ, Кривичей, Сѣверянъ—это территоріи, куда лишь временно, зимою, приходятъ русскія дружины со своимъ княземъ на полюдье; во внутреннія отношенія земель князья не вмѣшиваются, требуютъ отъ нихъ лишь положенной дани и содержанія князя съ дружиною во время полюдья. Лишь постепенно къ сбору дани присоединяются разныя судебныя и административныя функціи. Эту практику хорошо иллюстрируетъ позднѣйшій разсказъ кіевской лѣтописи (подъ 1071 г.): въ Бѣлоозеро, въ землю финской Веси приходитъ для собиранія дани княжескій бояринъ Янъ Вышатичъ; при сей оказіи жители приносятъ ему жалобы на волхвовъ — вѣроятно, пользовавшихся покровительствомъ мѣстныхъ властей и удручавшихъ населеніе; Янъ производитъ слѣдствіе, судитъ и казнитъ волхвовъ. Порядки, существовавшія въ XI в. въ глухихъ финскихъ провинціяхъ, повторяли практику управленія славянскими провинціями предшествующаго столѣтія.

Въ первой половинѣ X в. на цѣлыхъ этнографическихъ территоріяхъ, подвластныхъ Кіеву—у Древлянъ, Вятичей и, вѣроятно, у многихъ другихъ, не видимъ никакихъ резидентовъ ни гарнизоновъ. «Примучивъ» Древлянъ и принудивъ давать дань, Игорь отдаетъ эту дань въ распоряженіе Свинельда, на содержаніе его дружины, но Свинельдъ и его агенты не проживаютъ въ древлянской землѣ; онъ собираетъ съ нея дань во время осенняго полюдья, а въ остальное время находится со своимъ полкомъ при Игорѣ; въ древлянской же землѣ правятъ по старому мѣстные «добрые князи», «иже роспасли суть деревьскую землю». Но послѣ новаго возстанія Древлянъ, въ половинѣ X вѣка, въ ихъ землѣ появляется князь изъ кіевской династіи, при немъ полкъ дружины, и отдѣльные «княжьи мужи» съ небольшими отрядами дружины появились, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ и въ разныхъ пунктахъ древлянской земли.

Управленіе и судъ были источниками доходовъ. Каждый выѣздъ княжескаго намѣстника или его «мужа», агента, на территорію волости сопровождается поборами на содержаніе его самого и его свиты и сборомъ разныхъ пошлинъ. Увеличеніе сѣти княжьихъ намѣстниковъ, учрежденіе новыхъ резиденцій въ подвластной территоріи создаетъ притокъ новыхъ доходовъ, даетъ возможность содержать новыя контигенты дружины, и наоборотъ, приростъ послѣдней даетъ возможность и импульсъ къ расширенію административной сѣти, къ проникновенію новаго государственнаго механизма все глубже въ нѣдра народной жизни, путемъ умноженія резиденцій и разныхъ «емцовъ», «вирниковъ» и всякаго рода княжьихъ и намѣстничьихъ агентовъ, выѣзжавшихъ изъ своихъ квартиръ на волость.

Въ этомъ направленіи шла эволюція государственнаго механизма. Процессъ этотъ, конечно, не развивался ровно и правильно. Государственная машина была слишкомъ еще первобытна и неуклюжа. Личныя отношенія кіевскаго князя къ его подручникамъ и намѣстникамъ значили въ ней слишкомъ много, и перемѣны лицъ на кіевскомъ столѣ и даже въ его непосредственной близости и отражались весьма сильно на политической системѣ Кіевскаго государства, расшатывая его устои и ослабляя связи. «Великіе бояре», отъ себя содержавшіе цѣлые корпусы дружины, въ родѣ упомянутаго Свинельда, и провинціальные князья иногда становились слишкомъ сильны и стремились къ слишкомъ вліятельной роли, и князю приходилось тщательно слѣдить за ними и соразмѣрять силы собственной дружины съ ихъ силами, чтобы содержать въ должномъ почтеніи этихъ опасныхъ помощниковъ. При томъ эти князья и намѣстники имѣли естественную тенденцію закрѣплять свои княжества и державы въ потомственное владѣніе, и такіе потомственные державатели склонны были базировать свои права на своемъ династическомъ происхожденіи, а не на пожалованіи кіевскаго князя. Съ другой стороны, такъ это были родственники кіевскаго князя или люди лично ему обязанные, то смерть кіевскаго князя неизбѣжно ослабляла сознаніе зависимости отъ кіевскаго стола, и всякимъ такимъ ослабленіемъ государственной связи съ своей стороны пользовались под-

властныя кіевскому столу племена, чтобы освободиться отъ этой зависимости или облегчить ее. Поэтому обыкновенно по смерти кіевскаго князя первые годы правленія его преемника проходили въ собираніи разсыпанной или ослабѣвшей храмины государства, въ домашнихъ войнахъ, походахъ на непокорныя племена и своевольныхъ князей и намѣстниковъ. Если новый кіевскій князь оказывался на высотѣ своего положенія, онъ упрочивалъ свою власть и укрѣплялъ наново расшатанное зданіе Кіевскаго государства: непокорныя племена «примучивались», приводились въ болѣе тѣсную зависимость и облагались новымъ, еще менѣе удобносимымъ бременемъ; непокорные князья и намѣстники замѣнялись новыми подручниками, изъ ближайшихъ родственниковъ или приближенныхъ и вѣрныхъ людей новаго князя. Составъ дружины обновляется, и въ этихъ предварительныхъ войнахъ вырабатываются извѣстныя связи съ новымъ вождемъ и княземъ. Обновленіе государственнаго строя такимъ образомъ сопровождалось болѣе или менѣе значительнымъ движеніемъ въ сферѣ развитія и укрѣпленія государственнаго зданія, а вѣнчалось обыкновенно серіею далекихъ походовъ въ богатыя культурныя страны Юга или Востока, предпринимавшейся обыкновенно послѣ довольно долгаго правленія новаго обновителя государственнаго зданія, когда ему удавалось достаточно упрочить свое положеніе и наладить государственную машину подъ своею рукою. Въ этихъ походахъ находила свой выходъ энергія, накопленная въ періодъ реставраціи и не безопасная для самой государственной машины, если для нея не находилось приложенія. Въ случаѣ удачи они поднимали престижъ великаго князя, принося дружинѣ славу и добычу. Оживляли государственную организацію, собирая воедино разбросанную по всему пространству государства дружину, и давали чувствовать единство государственнаго организма. Поэтому походы эти постоянно повторялись отъ времени до времени (въ концѣ правленія Олега, потомъ Игоря, при Святославѣ и въ началѣ правленія Владиміра)—пока военная организація государства не отяжелѣла окончательно, съ утратой имъ своего дружиннаго, наѣздническаго характера, что даетъ себя вполнѣ чувствовать въ половинѣ XI в. [1]).

Элементы внутренняго единства государства (эпоха Владиміра Великаго).

Въ этотъ процессъ механическаго сколачиванія государства военною силою дружинъ, примучиваніями и реквизиціями, наполняющія X вѣкъ, вноситъ многообѣщающіе элементы внутренняго сцѣпленія княженіе Владиміра Великаго, составляющее поэтому эпоху въ эволюціи Кіевскаго государства.

Въ первой части своей это княженіе представляетъ типическій процессъ обновленія государственнаго зданія послѣ періода его ослабленія и упадка во время усобицъ, послѣдовавшихъ за смертью Святослава. Но при этомъ, возстановляя власть кіевскаго стола надъ непокорными провинціями и ихъ намѣстниками и князьями, Владиміръ

[1]) Подробнѣе внѣшняя исторія X в. въ I т. „Історії України“, т. I гл. 7, также „Очеркъ исторіи украинскаго народа“.

осуществилъ важную своими послѣдствіями реформу, сводя постепенно на нѣтъ существованіе князей-чужеродцевъ и могущественныхъ династовъ-намѣстниковъ и замѣняя ихъ своими многочисленными сыновьями. Отсюда ведетъ свое начало новый династическій принципъ, получающій свое полное развитіе въ послѣдующемъ столѣтіи, вырабатывающій основное положеніе политическаго права, по которому исключительное право княженія въ земляхъ Кіевскаго государства, въ наслѣдіи Владиміра Великаго, принадлежитъ только его потомству, только членамъ Владиміровой династіи. Это положеніе, весьма усердно проводившееся и охранявшееся Владиміровымъ домомъ, въ своемъ собственномъ интересѣ, имѣло большое значеніе въ эволюціи политическихъ отношеній, утвердивъ весьма прочную династическую связь среди земель Кіевскаго государства.

Еще большее значеніе имѣли культурные элементы, введенные Владиміромъ во внутреннюю жизнь его государства. Созданное чисто внѣшнею силою и не имѣвшее внутренней связи, кромѣ экономическихъ интересовъ созидавшаго его и поддерживавшаго военно-торговаго класса, это государственное зданіе при Владимірѣ получаетъ новыя основы культурнаго и моральнаго характера, въ видѣ новой, заимствованной изъ Византіи религіи и тѣсно связаннаго съ нею просвѣщенія, книжности и искусства. Привели къ этому чрезвычайно важному въ культурной жизни не только украинскаго племени, но и всего востока Европы шагу политическіе планы Владиміра: его стремленіе поднять престижъ своей власти въ глазахъ населенія и дружинно-боярскихъ круговъ. По примѣру другихъ основателей новой государственной власти въ варварскихъ государствахъ средневѣковой Европы, онъ съ прискорбіемъ чувствовалъ отсутствіе авторитета этой власти въ глазахъ товарищей-подручниковъ, дружинъ и общинъ, и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ поднятію авторитета считалъ престижъ византійской имперіи, въ глазахъ варварскихъ династовъ облеченной недосягаемымъ авторитетомъ традиціи, культуры и божескаго освященія. Онъ не былъ на Кіевскомъ столѣ первымъ, искавшимъ такого освященія своей власти авторитетомъ имперіи. Въ много разъ цитированномъ наслѣдіи Константина Порфиророднаго находимъ интересные наставленія преемникамъ, какъ отдѣлываться имъ на случай, если владѣтель Хазаріи, Венгріи, Руси или какого-либо другого народа, «какъ то часто бываетъ», обратится къ императору съ просьбой прислать корону или иныя императорскія регаліи, или породниться съ нимъ. Съ такимъ предложеніемъ обратился къ императору теперь Владиміръ, и на этотъ разъ оно привело къ послѣдствіямъ чрезвычайно важнымъ, которыя Владиміръ сумѣлъ оцѣнить и использовать въ интересахъ своей государственной политики.

Поводъ дала просьба о помощи, адресованная императоромъ къ кіевскому князю, по старымъ традиціямъ военнаго союза, существовавшаго между обоими государствами въ первой половинѣ X вѣка. Владиміръ отвѣтилъ на это условіями: императоръ выдастъ за него замужъ свою сестру и надѣлитъ его регаліями и достоинствами императорскаго званія. Когда императоръ, съ своей стороны, поста-

вилъ условіемъ, чтобы Владиміръ предварительно крестился, послѣдній исполнилъ это требованіе, а когда императоръ послѣ этого началъ уклоняться отъ исполненія своихъ обѣщаній, Владиміръ сумѣлъ принудить его, предпринявъ походъ на крымскія владѣнія Византіи, которыя она такъ заботливо охраняла отъ притязаній кіевскаго стола. Взявъ Херсонесъ, Владиміръ возвратилъ его Византіи только послѣ исполненія императоромъ данныхъ ему обѣщаній: онъ сталъ зятемъ императора и вѣнчанъ, очевидно, регаліями—императорскими или, можетъ быть, кесарскими (память объ этомъ, вѣроятно, сохранилась въ извѣстномъ преданіи о регаліяхъ Мономаха [1]).

Будучи выдающимся политикомъ, Владиміръ умѣлъ по достоинству оцѣнить политическое значеніе христіанства для своей государственной системы. Христіанство было жизненнымъ нервомъ культурной, общественной и политической жизни тогдашней Византіи, и Владиміръ, стремившійся средствами византійской культуры укрѣпить престижъ своей власти, утвердить зданіе своего государства, совершенно естественно долженъ былъ задаться планомъ пересадить на почву Кіевскаго государства эту сторону византійскаго строя и быта, чтобы воспользоваться въ интересахъ кіевской государственности такою мощною поддержкою, какую христіанскій элементъ давалъ политическому и общественному строю современной Византіи. Онъ, очевидно, понялъ ясно, какое огромное политическое значеніе можетъ имѣть распространеніе среди народовъ его государства, съ ихъ разнообразными, незаконченными, недоразвитыми религіозными вѣрованіями, новой культурной религіи, съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и еще болѣе цѣннымъ для его цѣлей внѣшнимъ блескомъ обрядности, расцвѣченной сокровищами византійскаго искусства, съ формами законченными, съ тонко выработанною и строго дисциплинированною іерархіею. Обязанная своимъ существованіемъ кіевскому столу, эта новая религія и ея іерархія и здѣсь, какъ въ Византіи, должна была сдѣлаться вѣрнымъ союзникомъ правительственной власти, поддерживать ее, какъ свою единственную опору, и связывая новымъ религіознымъ и культурнымъ узломъ племена кіевской государственной системы, — въ силу своего іерархическаго единства тяготѣть къ Кіеву и укрѣплять зависимость провинцій отъ кіевскаго стола и кіевской династіи. Не отрицая у Владиміра наличности нравственныхъ мотивовъ, которые могли затѣмъ при ближайшемъ знакомствѣ оказывать вліяніе на его дѣятельность, мы все же въ указанныхъ мотивахъ политическаго характера должны искать объясненія той энергіи, съ какою онъ занялся насажденіемъ въ земляхъ своего государства новой религіи и связанной съ нею византійской культуры, пуская въ дѣло всю силу своего княжескаго авторитета и не останавливаясь передъ принудительными мѣрами.

Переломъ, впрочемъ, не былъ особенно рѣзокъ, такъ какъ христіанство успѣло свить себѣ гнѣздо еще до такой оффиціальной санкціи въ болѣе значительныхъ городахъ Кіевскаго государства, гдѣ группировалось военно-

[1]) Исторія крещенія Владиміра и связанныхъ съ нею моментовъ подробно изложена въ „Исторіи Украіни“, I² гл. 8, также „Очеркъ“³ с. 75—6.

торговое сословіе, въ своихъ торговыхъ и даже военныхъ экспедиціяхъ имѣвшее возможность близко знакомиться съ христіанствомъ и въ византійскихъ и въ западно-европейскихъ земляхъ. Во время дипломатическихъ сношеній съ Русью, послѣ похода 860 г., изъ Константинополя была выслана на Русь миссія, обратившая многихъ въ христіанство, такъ что былъ затѣмъ назначенъ туда особый епископъ. Вѣроятно, самъ князь Аскольдъ принялъ христіанство. Въ первой половинѣ X вѣка была въ Кіевѣ церковь св. Ильи, и въ трактатѣ 944 г. христіане выступаютъ уже замѣтною величиною среди дружинъ Игоря. На мѣстѣ Владиміровой церкви Богородицы Десятинной въ сосѣдствѣ княжьяго двора раскопки открываютъ погребенія со слѣдами христіанства до-владиміроваго времени. Въ виду этого старанія Владиміра, направленныя на распространеніе христіанства, не встрѣчали значительнаго противодѣйствія, особенно въ южныхъ центрахъ. Внѣ значительныхъ городовъ оно распространялось, конечно, очень медленно и туго.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанской религіи Владиміромъ были положены также начатки организаціи русской церкви: основана была митрополичья каѳедра и нѣсколько епископскихъ. Создано было нѣсколько монументальныхъ памятниковъ церковнаго зодчества. Привезенныя изъ Херсонеса и поставленныя въ Кіевѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ княжьей резиденціи бронзовыя фигуры коней и другія статуи обнаруживаютъ во Владимірѣ желаніе пріобщить Русь и къ свѣтскому византійскому искусству. О живомъ интересѣ его къ распространенію византійскаго образованія свидѣтельствуетъ приведенное лѣтописью извѣстіе о томъ, что Владиміръ забиралъ дѣтей (даже насильно) у лицъ высшихъ сословій съ цѣлью обученія ихъ—не для приготовленія спеціально духовныхъ, а вообще, очевидно, образованныхъ людей. И эти стремленія его, имѣвшія цѣлью ввести современную Русь въ кругъ интересовъ тогдашняго культурнаго византійскаго міра, не были безплодны: уже въ первомъ поколѣніи кіевскихъ учениковъ мы знаемъ человѣка, стоящаго вполнѣ на высотѣ современной византійской культуры, въ лицѣ митрополита Илларіона, автора похвальнаго слова Владиміру.

Элементы единства и элементы разложенія.

Дѣятельность Владиміра положила прочныя основы новымъ элементамъ единства, связавшимъ разноплеменныя провинціи кіевскаго стола внутреннею, культурною связью, пережившею самое Кіевское государство. Рядомъ съ нею развивалась и углублялась другая могущественная связь, также лишь зарождавшаяся еще тогда: единство политико-общественнаго уклада, правовыхъ и общественныхъ нормъ, глубоко проникавшихъ со временемъ въ жизнь провинцій кіевскаго стола. Со Владиміра начинается этотъ знаменательный въ эволюціи кіевскаго государства переходъ отъ князей наѣздниковъ, сбивавшихъ государство ударами дружиннаго кулака, къ князьямъ съ болѣе выраженною физіономіей правителей. Дѣдъ Владиміра погибъ,

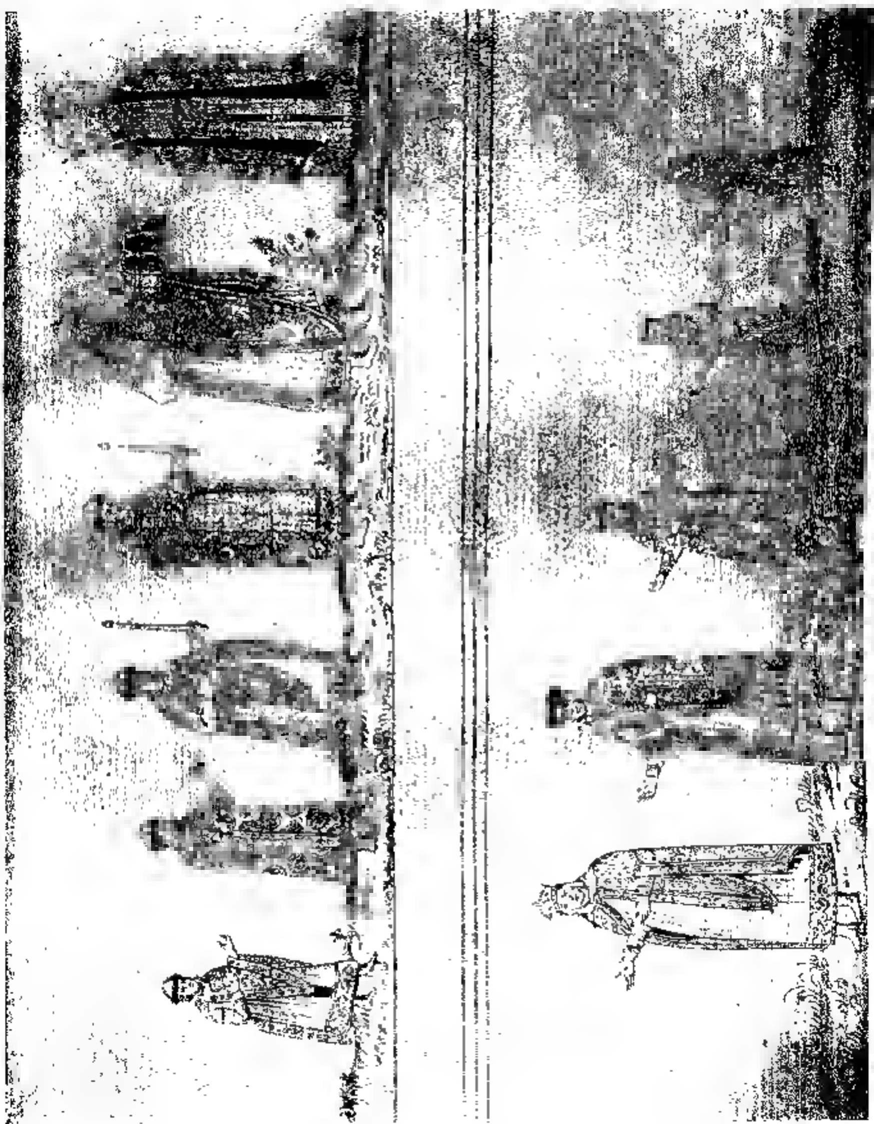
какъ хищный наѣздникъ, «яко волкъ въсхищая и грабя», какъ характеризуетъ его подвластное, древлянское населеніе. Отецъ его сложилъ голову въ далекомъ походѣ, какъ странствующій рыцарь-авантюристъ. Владиміръ умираетъ въ своей столицѣ, окруженный представителями мѣстнаго населенія, и люди плачутъ по немъ—«бояре акы заступника земли ихъ, убозіи акы заступника и кормителя». За князьями-насильниками пришелъ ихъ преемникъ, обратившій свою дѣятельность на подведеніе культурныхъ фундаментовъ подъ зданіе воздвигнутое его предшественниками.

Послѣ нѣсколькихъ усобицъ, вызванныхъ отсутствіемъ опредѣленнаго порядка наслѣдованія кіевскаго стола, дѣятельность Владиміра въ указанномъ направленіи находитъ продолженіе въ правленіи его сына Ярослава, представляющаго вообще довольно близкое, хотя и ослабленное уже начавшимся дѣленіемъ государства, повтореніе правленія его великаго отца. Аналогіи бросаются въ глаза и во внѣшней политикѣ (особенное вниманіе къ западнымъ границамъ, гдѣ создавались и организовались одновременно другія аналогическія молодыя государства, и усиленная борьба съ кочевниками). Но еще болѣе давало чувствовать себя это сходство въ сферѣ культурныхъ начинаній, выдвинутой Владиміромъ. Кіевскій лѣтописецъ охарактеризовалъ отношеніе этихъ двухъ правленій сравненіемъ съ работой пахаря и сѣятеля: Владиміръ первый поднялъ новь, Ярославъ засѣялъ ниву; характеристика имѣетъ въ виду сферу христіанизаціи (крещеніе земли при Владимірѣ, распространеніе «книжныхъ словесъ» при Ярославѣ), но внутренняя связь имѣла еще болѣе широкую сферу, охватывая вообще всю сферу государственной жизни, гдѣ начала управленія и права постепенно брали верхъ надъ старымъ неприкрываемымъ насильничествомъ. Съ именемъ Ярослава связана дальнѣйшая кодификація права, рядъ таксъ, полагавшихъ предѣлъ вымогательствамъ княжьихъ агентовъ—явленіе весьма характерное.

Это правленіе отца и сына, въ суммѣ, съ промежуткомъ, охватывающее періодъ около семидесяти лѣтъ и создавшее извѣстную традицію, продолжавшуюся по крайней мѣрѣ отчасти ихъ преемниками, заложило основы единства культуры и быта и оказало тѣмъ могущественное вліяніе на всю послѣдующую культурную, общественную и національную эволюцію украинскаго народа и вообще всей восточной Европы. Это имѣло чрезвычайное значеніе въ томъ отношеніи, что эти элементы единства были заложены въ моментъ, когда совершенно явственно уже проступала тенденція разложенія государства. Процессъ этотъ дѣйствительно развивается затѣмъ, но старые члены кіевскаго союза, обособляясь, уносятъ съ собою политическое и культурное наслѣдіе этого послѣдняго. Въ виду разноплеменнаго состава этого государственнаго союза, въ этомъ обстоятельствѣ лежатъ зародыши не только національнаго единства, но и національной путаницы, такъ какъ это общее наслѣдіе имѣло тенденцію покрывать собою племенныя дѣленія и стремленія къ національному обособленію [1]).

Элементы разложенія, приготовленные уже самымъ огромнымъ протяже-

[1]) См. выше, въ первой статьѣ.



ніемъ государства, отсутствіемъ внѣшнихъ граней и разноплеменнымъ составомъ, нашли себѣ пищу въ самыхъ новыхъ принципахъ, внесенныхъ Владиміромъ и Ярославомъ въ жизнь государства, въ сферѣ самыхъ элементовъ единства. Династическій принципъ, со всею строгостью проведенный во внутреннемъ строѣ его, элементы христіанской гуманности и государственной правомѣрности (при всемъ своемъ несовершенствѣ) ставили препятствія тѣмъ нехитрымъ, совершенно варварскимъ методамъ кроваваго истребленія непокорныхъ династовъ и строптивыхъ намѣстниковъ, которыми до сихъ поръ поддерживалось внѣшнее единство государства. Все княжье, которымъ представлена была политическая система Кіевскаго государства, стало однимъ родомъ, внутри котораго старые принципы общественной этики предписывали вѣчный миръ; принципъ этотъ не выдерживался, сталкиваясь съ правомъ войны, но вносилъ все же извѣстные элементы гуманности. Христіанская этика, съ своей стороны, непрестанно взывала къ братскимъ чувствамъ, которыя должны были питать другъ къ другу князья, какъ члены одной семьи, потомки одного рода, «одного дѣда внуки». Въ этомъ же смыслѣ апеллировало и общество, желавшее положить предѣлъ княжескимъ усобицамъ и внутреннимъ войнамъ. И эти принципы вѣчнаго мира рода и христіанскаго братолюбія, усиленно пропагандировавшіеся въ средѣ князей представителями церкви, съ одной стороны, представителями общества, съ другой, не оставались безъ вліянія на княжескія отношенія. А они шли на встрѣчу глубоко залегавшимъ въ общественной жизни кіевскихъ провинцій стремленіямъ къ политическому обособленію, общественной и бытовой самобытности.

На смѣну періода внѣшняго, механическаго единства, связывавшаго совершенно внѣшнимъ и насильственнымъ образомъ обособленныя, совершенно предоставленныя себѣ во внутренней своей жизни области и племена Кіевскаго государства, наступаетъ періодъ внѣшняго разложенія и распаденія, подъ поверхностью котораго идетъ болѣе глубокій процессъ внутренняго объединенія, въ противоположность предшествующему процессу механическаго объединенія процессомъ химическаго превращенія. Подъ оболочкою внѣшняго распаденія, среди шума княжескихъ споровъ и усобицъ, идетъ процессъ проникновенія въ глубину наиболѣе интимной народной жизни политическихъ, общественныхъ, правовыхъ, культурныхъ нормъ, выработанныхъ эволюціею Кіевскаго государства, и этотъ процессъ придаетъ небывалое единообразіе разноплеменнымъ землямъ, хотя и преломляется далеко не одинаковымъ образомъ въ отдѣльныхъ группахъ, изъ которыхъ формируются позднѣйшія народности. На старыхъ пластахъ общественнаго единства, вынесенныхъ восточно-славянскими племенами изъ общей прародины и уже въ значительно разъѣденныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій рѣзко отличающимися вліяніями новой географической и культурной среды, теперь отлагались новыя единообразныя отложенія единообразнаго культурнаго и политическаго быта. Но при всемъ ихъ сходствѣ, присущія имъ отличія, а также отличія въ

сочетаніяхъ съ особенностями быта, созданными предшествующею жизнью, усиливали разнообразіе провинціальной жизни и углубляли индивидуальныя черты, различавшія между собою будущія народности.

Борьба центробѣжныхъ и центростремительныхъ усилій (сыновья и внуки Ярослава).

Если правленіе Владиміра и Ярослава, вмѣстѣ взятыя, захватываютъ около трехъ четвертей столѣтія, характеризующихся преобладаніемъ энергіи единства надъ энергіею разложенія, то періодъ почти такой же продолжительности, непосредственно слѣдующій по смерти Ярослава (1054) приблизительно до смерти его внука Мономаха (1125), или даже Мономаховича Мстислава (1132), характеризуется, какъ борьба собирательныхъ, объединительныхъ стремленій кіевскихъ князей съ центробѣжностью земель, гдѣ центростремительныя теченія постепенно слабѣютъ и глохнутъ въ соперничествѣ съ усиливающимися стремленіями земель къ обособленію, гдѣ процесъ разложенія торжествуетъ надъ усиліями преемниковъ кіевскихъ «единовластцевъ».

Предшествующая исторія государства завѣщала имъ это стремленіе къ собиранію земель кіевскаго стола. Двухвѣковое и, вѣроятно, еще болѣе продолжительное прошлое было не чѣмъ инымъ, какъ постоянною борьбою кіевскаго стола съ стремленіями земель и подручниковъ къ обособленію и самостоятельности. Чередовались моменты усиленія государственной связи, преодолѣвшіе элементы разложенія, и кіевскій столъ былъ носителемъ объединенія: кто садился на него, принималъ на себя традиціонный долгъ собиранія его волостей. На памяти еще живущихъ поколѣній дважды — по смерти Святослава и снова по смерти Владиміра — раздѣленныя въ рукахъ представителей династіи волости собирались снова въ рукахъ кіевскаго князя. Эти прецеденты побуждали къ подражанію, къ все новымъ и новымъ попыткамъ собиранія разсыпаннаго зданія Кіевскаго государства. Правда, новая, христіанская этика и общественное мнѣніе требовало большей разборчивости въ средствахъ сравнительно съ прошлымъ; приходилось, избѣгая рѣзкихъ способовъ, выбирать нѣсколько болѣе мягкіе, соблюдать извѣстный декорумъ. Но все же не было на кіевскомъ столѣ ни одного князя за этотъ періодъ, который бы не стремился, улучивъ удобный моментъ, умножить доставшееся ему владѣніе все новыми и новыми удѣлами изъ стараго наслѣдія Владиміра Великаго. Усилія эти имѣютъ не одинаковый успѣхъ; но въ общемъ препятствія все возрастаютъ, и періоды усиленія кіевскаго стола раздѣляются все болѣе продолжительными промежутками, и результаты усилій кіевскихъ собирателей все болѣе отстаютъ отъ былого единовластія ихъ дѣда и прадѣда.

Уже Ярославу, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, не удается собрать въ своихъ рукахъ всѣ земли, принадлежавшія Кіевскому государству при его отцѣ; двадцать два года минуло отъ смерти Владиміра, прежде чѣмъ ему удалось стать «еди-

новластнымъ», какъ называетъ его лѣтописецъ, но это «единовластво», продолжавшееся около 17 лѣтъ, не было полнымъ до самой смерти Ярослава. Одна изъ значительнѣйшихъ волостей, Полоцкая, осталась внѣ его владѣнія, во власти своей особой династіи. Послѣ смерти Ярослава, собранныя имъ земли раздѣлились на шесть частей между его потомствомъ и, несмотря на всѣ усилія старшихъ Ярославичей, имъ не удалось ни лишить владѣній потомство ихъ младшихъ братьевъ, ни собрать въ своихъ рукахъ хотя приблизительно то, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ. Наибольшихъ успѣховъ достигъ Всеволодъ Ярославичъ, но минуло цѣлыхъ двадцать четыре года отъ смерти Ярослава, прежде чѣмъ ему удалось то, что преданный ему лѣтописецъ называетъ: «перея всю власть Русскую». Его обладаніе этими землями было непрочно, тревожно, хотя и продолжалось въ общемъ около 15 лѣтъ; внѣ его владѣнія оставались уже Волынь, Туровъ, Муромъ и Тмутаракань, и, кромѣ его линіи, еще пять династій — одна, шедшая отъ Владиміра, и четыре отъ Ярослава—претендовали на владѣніе и владѣли дѣйствительно болѣе или менѣе значительными удѣлами въ наслѣдіи Владиміра Великаго. Сынъ Всеволода Мономахъ не въ состояніи былъ удержать въ рукахъ одной изъ наиболѣе значительныхъ волостей, захваченной его отцомъ, Черниговской земли, и хотя успѣлъ захватить взамѣнъ Туровъ, Минскъ и Волынь (безъ Галичины. однако), однако, послѣднее значительное пріобрѣтеніе—присоединеніе Волыни—удалось ему сдѣлать всего лишь за семь лѣтъ передъ своею смертью, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти отца. Наконецъ, сынъ Мономаха Мстиславъ, послѣдній крупный носитель кіевскихъ традицій и кіевскаго престижа, не владѣлъ уже и половиною земель наслѣдія Владиміра Великаго и если успѣлъ присоединить къ своей «отчинѣ» еще Полоцкъ и Курскъ, то это новое усиленіе кіевскаго владѣнія продолжалось всего нѣсколько лѣтъ.

Внѣшнимъ препятствіемъ, о которое разбивались усилія представителей традицій кіевскаго стола, было умноженіе княжья, увеличеніе династіи, и новые принципы общественной этики, осуждавшіе старые способы, которыми поддерживалось прежнее единство. Внутреннія причины разложенія залегали въ самой жизни земель—провинцій кіевскаго стола. По мѣрѣ того, какъ новая государственная организація глубже проникаетъ во внутреній укладъ и жизнь земель, послѣднія все болѣе настойчиво и сильно проявляютъ стремленіе не только приноровиться къ новымъ государственнымъ отношеніямъ, но и приноровить эти послѣднія къ своимъ потребностямъ и интересамъ и на почвѣ новаго княжеско-дружиннаго уклада возобновить свою самостоятельную жизнь, обособиться въ автономное политическое тѣло. Княжеско-дружинный строй локализируется, расчленяясь на почвѣ земель-волостей на рядъ болѣе мелкихъ единицъ, съ извѣстными видоизмѣненіями, отражающими и повторяющими въ себѣ структуру былого цѣлаго. Изъ потомства Владиміра Великаго образуются мѣстныя земскія династіи, за невозможностью опереться исключительно на свои сравнительно небольшія дружины, ищущія опоры въ самой землѣ, въ ея руководящихъ классахъ. Онѣ прислушиваются къ го-

лосу вѣча, стараются пріобрѣсти его симпатіи и часто дѣйствительно успѣвають въ этомъ. Для земли, для ея правящихъ верховъ представляется возможность обезпечить свою внутреннюю независимость и самобытность, поставивъ ее подъ защиту княжеско-дружиннаго режима, подъ покровъ своей мѣстной династіи, обособленной изъ общей массы потомства Владиміра Великаго и ея дружины. И если княжеская вѣтвь, выпавшая на ея долю въ силу какихъ-либо случайностей и княжескихъ дѣлежей, оказывается сколько-нибудь сносной,—руководящіе классы земли готовы, съ своей стороны, оказать ей всякое содѣйствіе въ закрѣпленіи за собою этой волости, въ борьбѣ съ аппетитами кіевскихъ собирателей, чтобы охранить землю отъ постороннихъ вмѣшательствъ и вторженій. Въ результатѣ кіевскимъ князьямъ приходится вести борьбу не только со своими родственниками и ихъ дружинами, но и съ самими землями, подъ покровомъ своей новой династіи всѣми силами отстаивающими свою самостоятельность и самобытность. И центростремительная сила государственной машины все менѣе и менѣе, вслѣдствіе собственнаго ослабленія, преодолѣваетъ эти центробѣжныя стремленія [1]).

Паденіе кіевскаго стола.

Все возрастающее уменьшеніе владѣній, остававшихся въ непосредственномъ распоряженіи кіевскаго стола за этотъ періодъ, давало кіевскому князю все меньшие средствъ бороться съ стремленіемъ земель къ обособленію, князей—къ независимости. Только благодаря выдающимся способностямъ да еще тому обстоятельству, что родственныя связи внутри отдѣльныхъ линій Ярославова дома отличались еще значительною свѣжестью, и кіевскій князь кромѣ своихъ непосредственныхъ владѣній могъ разсчитывать на помощь и поддержку сыновей или меньшихъ братьевъ, кіевскимъ князьямъ этого періода еще временами удавалось поддерживать былой престижъ кіевскаго стола, играть роль сколько-нибудь реальнаго главы всей политической системы былого кіевскаго государства.

Правнукъ Ярослава Мстиславъ можетъ считаться послѣднимъ представителемъ этого значенія кіевскаго стола. Его личныя владѣнія были уже сравнительно очень не велики, и его авторитетъ опирался на томъ уваженіи, какое онъ умѣлъ внушить къ себѣ представителямъ другихъ линій, и на піетизмѣ младшихъ братьевъ, получившихъ остальныя земли изъ наслѣдія Мономаха. Братъ его Ярополкъ, смѣнившій Мстислава на кіевскомъ столѣ (1132), совершенно не имѣлъ уже этого престижа, и когда вопросъ о преемствѣ кіевскаго стола посѣялъ раздоръ между потомствомъ Мономаха и вызвалъ борьбу между дѣтьми Мстислава и младшими братьями его, черниговская линія, пользуясь этой распрей, совершенно выходитъ изъ подчиненія авторитету кіевскаго князя, и этотъ послѣдній оказывается совершенно безсильнымъ,

[1]) Подробнѣе „Історія України", II гл. 2 и 3, также мой „Очеркъ исторіи Кіевской земли" (1891).

въ виду поднявшейся смуты. Со смертью Ярополка династія Мономаха, стремившаяся удержать Кіевъ исключительно въ своихъ рукахъ, разбитая внутреннимъ соперничествомъ, потеряла Кіевъ, захваченный черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ. По смерти Всеволода (1146) возникаетъ еще болѣе ожесточенная борьба, такъ какъ съ претензіями на Кіевъ выступаютъ одновременно сыновья Мстислава, представители младшихъ линій Мономахова дома (Юрій суздальскій) и двѣ вѣтви, старшая и младшая черниговской династіи. Кіевское населеніе пробовало поддержать старшую линію Мономаха (сыновей Мстислава), чтобы превратить Кіевскую землю въ обособленное и замкнутое политическое цѣлое, въ какія превратились или какъ разъ превращались въ это время другія земли. Но исключительное положеніе Кіева, какъ самаго большого и богатаго столичнаго города, съ которымъ связывались традиціи первенства и власти надъ прочими князьями, стало препятствіемъ для осуществленія этихъ стремленій: прочія династіи не хотѣли позволить Мстиславичамъ обратить Кіевъ въ свое исключительное владѣніе. Отсутствіе выработаннаго и общепринятаго порядка преемства на княженіе запутывало еще болѣе положеніе дѣлъ, дѣлая его почти безвыходнымъ: принципъ наслѣдованія по прямой линіи (отъ отца къ сыну) постоянно сталкивался съ принципомъ родового старѣйшинства: преемства отъ брата къ брату и только послѣ младшихъ дядьевъ къ сыновьямъ старшаго брата.

Тридцать пять лѣтъ (1146 — 1181) проходитъ въ безпрестанныхъ смѣнахъ князей на кіевскомъ столѣ и почти безпрерывныхъ войнахъ, чрезвычайно тяжело отражающихся на благосостояніи города и земли, тѣмъ болѣе, что претенденты изъ черниговской и суздальской линіи не стѣснялись употреблять въ качествѣ союзниковъ половецкія орды, жестоко разорявшія землю, и не останавливались предъ разгромами самого Кіева. Кіевъ, и Кіевская земля вообще быстро приходятъ въ упадокъ на протяженіи XII в. Тюркская эмиграція, возобновившаяся съ новою силою во второй половинѣ XI вѣка (приходъ Тюрковъ и особенно Половцевъ) разрушила возобновленную колонизацію южныхъ частей Полянской земли; за исключеніемъ сѣвернаго угла, она нѣсколько разъ превращалась въ пустыню; населеніе отливало въ другія, болѣе спокойныя мѣстности; экономическая жизнь приходила въ полное разстройство, и этотъ упадокъ благосостоянія земли, конечно, отражался весьма сильно на престижѣ ея старой столицы. Торговля очень сильно терпѣла отъ небезопасности южныхъ и восточныхъ дорогъ; (вслѣдствіе половецкихъ нападеній) торговое движеніе, если не прекратилось вовсе, то слабѣло и сокращалось благодаря трудностямъ, съ которыми было сопряжено, послѣ того какъ тюркскія орды завладѣли степями, вытѣснивъ оттуда старое славянское населеніе. Обособленіе земель—бывшихъ провинцій Кіева сопровождалось развитіемъ въ нихъ центровъ самостоятельной политической и культурной жизни, оттягивавшихъ къ себѣ значительную часть военно-торговаго класса, этой старой «Руси», прежде безраздѣльно тяготѣвшей къ Кіеву, и культурныхъ и экономическихъ силъ, группировавшихся раньше около Кіева.

Все это вліяло на ослабленіе кіевской земли и Кіева, а полстолѣтіе безпрерывныхъ смутъ и войнъ за Кіевскій столъ, разгромовъ земли и самаго города, довершало разореніе и упадокъ ихъ. Старое богатство и блескъ Кіева все болѣе исчезали, а это въ свою очередь отражалось на политической роли его, на престижѣ и авторитетѣ его князей, терявшихъ постепенно свое значеніе въ политической системѣ, на которую разлагалось Кіевское государство. Изъ главы послѣдняго кіевскій князь постепенно переходилъ въ положеніе старшаго между равными, а затѣмъ и въ ряды вовсе заурядныхъ и даже—не наиболѣе выдающихся представителей этой политической системы [1]).

Обособленіе земель. Югъ и Сѣверъ.

Паденіе кіевскаго стола, силы и власти кіевскихъ князей сопровождалось выдѣленіемъ земель, образовавшихся на старой племенной основѣ, подъ вліяніемъ городскихъ системъ, въ связи съ различными династическими и политическими комбинаціями. Постепенно онѣ занимали все болѣе обособленное положеніе въ политической системѣ, образовавшейся на развалинахъ стараго Кіевскаго государства, и затѣмъ у себя внутри обыкновенно повторяли въ меньшихъ размѣрахъ тотъ же процессъ разложенія и превращенія въ систему болѣе мелкихъ удѣловъ и династій—русскую политическую систему въ миніатюрѣ.

Первой выдѣлилась Полоцкая волость старшаго сына Владиміра Изяслава, занявшая затѣмъ совершенно обособленное положеніе относительно прочихъ земель, сосредоточившихся въ рукахъ Ярослава и его линіи. Всѣ попытки кіевскихъ князей овладѣть этой волостью и связать снова съ Кіевомъ разбиваются о сопротивленіе земли, цѣпко державшейся династіи, данной ей капризомъ случая; она все болѣе и болѣе обособляется, занятая своими мѣстными интересами, борьбой съ западными и сѣверными сосѣдями, литовскими племенами, торговыми и всякими другими сношеніями, тѣсно связывавшими ее съ балтійскимъ поморьемъ, и незамѣтно уходитъ съ горизонта украинскихъ земель, обращенныхъ своими интересами къ югу, и съ горизонта земель великорусскихъ, обращенныхъ на востокъ, и въ этомъ политическомъ обособленіи на территоріи полоцкихъ земель выростаетъ и формируется бѣлорусская народность, самыя исконныя и старыя части которой входятъ въ составъ этихъ земель.

Славянскія колоніи въ земляхъ верхней Волги, съ дальнѣйшимъ ростомъ славянской колонизаціи на востокъ становящіяся колыбелью великорусской народности, Новымъ Свѣтомъ восточно-славянскаго міра. Постепенно пріобрѣтая все болѣе важное значеніе, начинаютъ обособляться съ концомъ XI в. въ рукахъ младшихъ княжичей династіи Ярослава, въ видѣ двухъ большихъ волостей—Ростово-Суздальской и Муромо-Рязанской, и по мѣрѣ того какъ этимъ

---

[1]) Подробнѣе: „Історія України“, II гл. 3, также „Очеркъ ист. Кіевской земли“.

младшимъ линіямъ не удается утвердить своихъ правъ на отчіе столы, захваченные представителями старшей линіи, обособленность этихъ земель все болѣе возрастаетъ. Почти одновременно обособляется и сѣверно-великорусская территорія, тяготѣющая къ Великому Новгороду. Воспользовавшись усобицей, начавшейся въ кіевской линіи Ярославова дома, Новгородъ разрываетъ свою зависимость отъ Кіевскаго стола, поставившаго его было въ роль старшей волости, находившейся въ держаніи старшаго княжича кіевской династіи. Но вмѣсто того, чтобы обособиться во владѣніи какой-либо линіи, по примѣру другихъ земель, Новгородъ призываетъ князей изъ разныхъ линій, не давая имъ укрѣпиться въ землѣ и расширяя компетенцію своихъ выборныхъ представителей за счетъ княжьей власти.

Съ обособленіемъ сѣверно-западныхъ и сѣверо-восточныхъ провинцій въ болѣе тѣсную семью должны были сомкнуться южныя земли, — территорія украинская. Къ нимъ, однако, по династическимъ, торговымъ и всякимъ другимъ связямъ тяготѣли и нѣкоторыя другія земли. Такъ Смоленская земля долго тянула къ Кіеву въ силу династическихъ отношеній, въ основѣ которыхъ лежали старыя торговыя связи. Турово-пинская земля, межеумочная и по своему этнографическому составу, тяготѣла еще долѣе къ Волыни. Но политическаго единства не было среди украинскихъ земель. Ранѣе всего и наиболѣе рѣзко обособилась Галицкая земля въ рукахъ потомковъ рано умершаго старшаго Ярославича Владиміра; цѣликомъ поглощенные своими отношеніями на западной границѣ, потомки эти всѣми силами старались отмежеваться на востокѣ и обезопасить себя съ этой стороны. Затѣмъ вырвалась изъ рукъ кіевской династіи Черниговская земля; но ея энергическая династія, обезопасивъ себя отъ притязаній кіевскихъ князей, сама переходитъ въ наступленіе, стремясь объединить въ своихъ рукахъ южныя волости, и достигаетъ временами весьма значительныхъ, хотя и не прочныхъ успѣховъ, захватывая Кіевъ, Переяславъ и Галичъ. Усобица, возгорѣвшаяся вокругъ Кіева въ половинѣ XII в., даетъ возможность разорвать свою зависимость отъ кіевскаго стола Переяславской землѣ: въ виду своей слабосильности, она старается обезопасить себя отъ кіевскихъ притязаній, отдавшись подъ покровительство суздальской династіи, между тѣмъ какъ Турово-пинскія земли, поставленныя въ болѣе благопріятныя географическія условія, добиваются въ это же время независимости собственными силами, и въ концѣ концовъ та и другая весьма энергично отстояли себя отъ попытокъ кіевскихъ князей обратить ихъ снова въ кіевскія волости. Наконецъ съ послѣдней четвертью XII в. отдѣляется отъ Кіева тѣснымъ династическимъ узломъ связанная съ нимъ Волынь, чтобы вслѣдъ затѣмъ въ новыя тѣсныя связи войти съ выморочной Галицкой волостью. Несмотря на этотъ процессъ политическаго разложенія юга и перекрещивающіяся политическія комбинаціи (въ родѣ связи Смоленска съ Кіевомъ и Переяслава съ Суздалемъ, жестокой борьбы новгородскихъ автономистовъ съ суздальскими притязаніями, противъ которыхъ они ищутъ поддержки у южныхъ князей, и т. п.), процессъ расхожденія политической, а затѣмъ

и культурной жизни Юга и Сѣвера даетъ себя чувствовать и движется неуставно. Суздальскіе князья, въ качествѣ представителей младшей линіи Мономахова дома сначала, въ лицѣ Юрія Суздальскаго, добивавшіеся допущенія къ кіевскому столу, соотвѣтственно принципамъ родового старѣйшинства, и выдержавшіе упорнѣйшія войны для этой цѣли, во второй половинѣ XII вѣка мѣняютъ тактику. Они требуютъ признанія своего первенства и главенства въ политической системѣ, но занимать для этого кіевскій столъ не хотятъ самолично: положеніе кіевскаго князя становится слишкомъ хлопотливымъ и труднымъ, да и весь складъ политической и общественной жизни Юга становится имъ несимпатичнымъ и враждебнымъ, по мѣрѣ того, какъ сами они втягиваются все болѣе въ условія и отношенія своихъ сѣверо-восточныхъ отчинъ. Безконечная галлерея равноправныхъ въ принципѣ князей, династическіе счеты и патріархальныя отношенія, выдающееся вліяніе боярства и контроль вѣча надъ политикою князей—все это отталкиваетъ отъ себя суздальскихъ самовластцевъ, успѣвшихъ привыкнуть къ автократическихъ порядкамъ, слагающимся на сѣверо-востокѣ. Не желая играть роли на политической почвѣ Юга, въ качествѣ заурядныхъ представителей мѣстнаго княжья, суздальскіе князья стремятся всѣми мѣрами подорвать значеніе кіевскаго стола, принизить значеніе Кіева и Кіевской земли, чтобы за ихъ счетъ поднять свой престижъ, свой авторитетъ въ политической системѣ стараго Кіевскаго государства. Въ 1169 г. сынъ и преемникъ Юрія—Андрей, вмѣшавшись въ усобицу кіевскихъ князей, выслалъ на югъ войско, подвергшее Кіевъ жесточайшему разграбленію, и поставивъ такимъ образомъ Кіевскую землю въ зависимость отъ себя, онъ хотѣлъ распоряжаться Кіевомъ и его пригородами по своему усмотрѣнію, давая кіевскій столъ и другія кіевскія волости то тому то другому изъ младшихъ князей южныхъ династій и суздальской линіи. Неожиданная смерть Андрея прервала эту тонкую и безжалостную политическую игру, имѣвшую цѣлью всячески подорвать значеніе кіевскаго стола и понизить вообще политическія традиціи Юга предъ новымъ суздальскимъ центромъ. Но послѣ нѣкотораго промежутка ту же тактику, только въ болѣе осторожныхъ формахъ, возобновляетъ братъ и преемникъ Андрея—Всеволодъ. Когда въ 1180-хъ годахъ, послѣ безконечныхъ войнъ и усобицъ, на югѣ возстановилось политическое равновѣсіе, благодаря компромиссу между старшей линіей Мономаховичей и черниговскими князьями, и кіевскій столъ получилъ нѣкоторую устойчивость и значеніе,—Всеволодъ, опасаясь, чтобы политическое равновѣсіе Юга не дало возможность Кіеву усилиться и выйти изъ-подъ вліянія суздальскихъ князей, рядомъ тонко задуманныхъ интригъ перессорилъ южныхъ князей и вызвалъ рядъ новыхъ усобицъ, запутавшихъ въ конецъ политическія отношенія и принесшихъ новыя опустошенія Кіевской землѣ и новый жестокій погромъ самаго Кіева.

Это былъ послѣдній ударъ, въ конецъ подорвавшій, дѣйствительно, былое значеніе Кіева. Послѣ этого болѣе энергичные и проницательные политики уже рѣшительно пренебрегаютъ кіевскимъ столомъ. Новые по-

литическіе центры создаются въ другихъ земляхъ: на сѣверѣ—въ Суздалѣ, на югѣ—въ Галичѣ; за Кіевъ продолжаютъ бороться второстепенные князья: изъ черниговской династіи и изъ младшей линіи Мстиславичей (смоленской). Но поставить южныя земли въ сколько-нибудь тѣсную и непосредственную зависимость отъ себя, сломивъ Кіевъ, суздальскимъ князьямъ не удается. И съ упадкомъ Кіева, этого единственно связующаго политическаго центра старой системы Кіевскаго государства, она только еще глубже расчленяется на главныя свои группы: политическая и культурная жизнь бѣлорусскаго сѣверо-запада, великорусскаго сѣверо-востока и украинскаго юга расходится все дальше и больше [1]).

Кіевская земля, подобно всѣмъ другимъ, стремилась къ обособленію; руководящіе классы хотѣли превратить ее въ замкнутое политическое тѣло, свободное отъ пертурбацій, вносимыхъ дипломатическими и династическими комбинаціями въ систему стараго Кіевскаго государства. Для этого они старались помочь излюбленной своей династіи—линіи Мстислава Мономаховича закрѣпить Кіевскую землю за собою и за своимъ потомствомъ въ прямой линіи; эту систему, наиболѣе простую, кіевскіе круги предпочитали болѣе сложному и спутанному порядку родового старѣйшинства. Но этому препятствовало privilegium odiosum—историческія традиціи Кіева; кіевскій князь, въ силу обладанія столомъ старой столицы, претендовалъ на исключительное положеніе среди княжья, роль вліятельнаго старѣйшины, и для осуществленія этого вліятельнаго положенія, по старой традиціи, стремился расширять свои владѣнія за предѣлами Кіевской земли. Въ виду той же исключительной роли Кіева другія княжескія линіи не мирились съ исключительнымъ владѣніемъ потомковъ Мстислава, не соглашались оставить старѣйшинство «въ Русской землѣ» въ исключительномъ обладаніи ихъ, и это было причиною того, что борьба за Кіевъ идетъ безпрерывно все время. Кіевское вѣче сначала (въ 1140-хъ гг.) дѣлало попытки поддержать возможно энергично своимъ вліяніемъ и силами земли своихъ излюбленныхъ князей, наклонить вѣсы въ пользу кіевской линіи Мстиславичей; потомъ убѣдилось въ безплодности этихъ усилій, въ безвыходности этой борьбы и по большей части держало себя пассивно и нейтрально, чтобы не навлекать на себя мщенія соперниковъ, и рѣдка лишь выходило изъ такой пассивной роли. Но эта нейтральность все-таки не избавляла землю отъ всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій усобицъ—нашествія чужихъ ратей съ ихъ поборами и мародерствомъ и особенно разорительнаго присутствія союзныхъ полковъ половецкихъ, опустошеній земли и самаго столичнаго города, разстройства сельскаго хозяйства и торговыхъ сношеній, гибельно отзывавшагося на жизни земли, на ея колонизаціи, на ея благосостояніи.

Въ составъ земли, кромѣ старой полянской территоріи, все время входила земля древлянская, такъ что въ общемъ территорія Кіевской земли занимала, кромѣ нынѣшней Кіевской губерніи (исключая ея южную часть) еще значительную часть (восточную) губерніи Волынской. Вся политическая и культурная жизнь ея, однако, сосредоточивалась на старой полянской терри-

[1]) Подробнѣе тамъ же.

торіи, особенно ея сѣверной части, въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, такъ какъ южная часть, подверженная нападеніямъ кочевниковъ, опустѣла и заселена была въ XII—XIII в. въ значительной степени тюркскими поселенцами, мало культурными и чуждыми мѣстной жизни. Населеніе древлянской земли также жило особнякомъ и не принимало дѣятельнаго участія въ политической жизни Кіева, его стремленіяхъ и симпатіяхъ; этимъ объясняется и сравнительная малосильность кіевской общины—что она, кромѣ самаго города распоряжалась лишь силами весьма небольшой территоріи ближайшихъ пригородовъ Кіева. Но въ общемъ, въ противоположность другимъ землямъ, разбивавшимся на цѣлый микрокосмъ волостей и мелкихъ волостныхъ династій, земля сохраняла свое единство все время, до самаго татарскаго нашествія. Это было прежде всего послѣдствіемъ того обстоятельства, что Кіевская земля не успѣла обособиться въ замкнутое политическое тѣло: рѣзкія смѣны князей и династій на кіевскомъ столѣ слишкомъ сильно и часто встряхивали всю политическую систему земли, не давая возможности отвердѣть ея волостямъ, и образоваться мѣстнымъ династіямъ. Другая причина лежала въ слабости кіевскихъ пригородовъ: изъ нихъ ни одинъ не выдвинулся настолько, чтобы играть сколько нибудь самостоятельную роль. Кіевъ, даже и ослабленный и потерявшій свой былой престижъ, все-таки доминировалъ надъ ними слишкомъ сильно, подавляя ихъ остатками своего богатства, культуры, славы, традиціи. Только погромъ 1240 г. окончательно подорвалъ его значеніе, и слѣдствіемъ его было то, что кіевская волость разложилась тогда, вѣроятно, въ весьма значительной степени на рядъ обособленныхъ общинъ, и связь земли разрушилась [1]).

Черниговская земля, какъ было выше уже упомянуто, выдѣлилась изъ состава старой сѣверской территоріи, притянувъ, подобно Кіеву, сосѣднія иноплеменныя территоріи съ слабо развитой политической жизнью—Радимичей и Вятичей, которыя затѣмъ остаются въ продолженіе ряда столѣтій прочно связанными съ Черниговомъ, не играя выдающейся роли въ мѣстной политической жизни, подобно древлянскимъ аннексамъ Кіева. Земля занимала нынѣшнюю Черниговскую губернію, кромѣ южной ея части, почти всю Орловскую и значительныя части Могилевской, Калужской, Тульской и Курской. Благодаря значительнымъ размѣрамъ и силамъ своего сѣверянскаго ядра, обособилась она скоро и успѣшно, а династія, въ лицѣ потомства Святослава Ярославича, попалась достаточна энергическая и талантливая, чтобы использовать силы земли для обезпеченія ея и себя. Пользуясь увлеченіемъ Святослава, захватившаго Кіевъ, его братья пробовали лишить Святославичей отцовскихъ земель, но Святославичи, въ особенности талантливый и энергичный Олегъ, родоначальникъ позднѣйшей черниговской династіи, опираясь на сочувствіе земли и беззастѣнчиво пользуясь помощью половецкихъ ордъ, такъ энергично противостали князьямъ-обидчикамъ, причиняли имъ такія безпокойства и ихъ землямъ такія опустошенія

1) Обзоръ строя и жизни земель—„Исторія Украіни", т. II, Кіевская земля—гл. 4, также „Очеркъ исторіи Кіевской земли".

нападеніями союзныхъ ордъ, что въ концѣ концовъ Черниговское княжество было возвращено Святославичамъ и осталось въ ихъ владѣніи до конца. Проявляя очень большую экстенсивную энергію, претендуя довольно успѣшно и на владѣніе Кіевомъ, захватывая временами другія земли и волости, черниговскіе «Ольговичи» никоимъ образомъ не допускали князей изъ другихъ династій въ свои Черниговскія волости и сумѣли удержать послѣднія въ полномъ и исключительномъ своемъ владѣніи.

Династія эта была очень многочисленна; старшая линія ея угасла во второй половинѣ XII в., младшая дала начало линіи князей муромо-рязанскихъ, средняя—потомство Олега осталась исключительнымъ обладателемъ черниговскихъ волостей и быстро размножалась, положивъ начало огромному числу позднѣйшихъ княжескихъ, уже не владѣтельныхъ родовъ. Но по сравненію съ другими династіями, Ольговичи отличались довольно значительною солидарностью и выработали нѣкоторый, хотя довольно несовершенный, порядокъ перехода столовъ—такъ называемое «лѣствичное восхожденіе», передвиженіе князей съ младшихъ столовъ на старшіе, болѣе значительные, въ порядкѣ старшинства, по принципу родовому, т. е. отъ старшаго брата къ младшему и отъ младшихъ братьевъ къ сыновьямъ старшаго брата. Благодаря этому нѣкоторому порядку (далеко, впрочемъ, не разработанному въ деталяхъ) конфликты и войны между мѣстными князьями были сравнительно рѣдки, и это въ связи съ сравнительною обезпеченностью отъ постороннихъ вторженій и претензій, давало землѣ относительное спокойствіе. Но эта же сравнительная устойчивость княжескихъ отношеній, въ связи съ многочисленностью династіи, была причиною большого дробленія земли на княжьи волости, все рѣзче обособлявшіяся и въ теченіе послѣдующихъ столѣтій (XIII—XIV), съ дальнѣйшими развѣтвленіями династіи, раздроблявшіяся на все болѣе мелкія княжества, по величинѣ и характеру своему приближавшіяся къ крупнымъ имѣніямъ. Въ особенности развивается этотъ мелковолостной строй въ сѣверо-восточной части Черниговскаго княжества, въ старой землѣ Вятичей, куда отливаетъ колонизація и экономическая жизнь изъ южныхъ черниговскихъ волостей послѣ монгольскаго нашествія.

Этотъ отливъ, впрочемъ, начинается еще раньше съ усиленіемъ тюркскаго натиска и съ развитіемъ княжескихъ усобицъ на Поднѣпровьи въ половинѣ XII в. Курскъ, центръ юго-восточной части княжества, превращается въ пограничный со степью городъ, и эта часть земли замѣтно и сильно пустѣетъ. Черниговъ, выдвинувшійся на первый столъ земли еще въ X в., оттѣснивъ совершенно на другой планъ, поднѣпровскій Любечъ (замѣтный еще въ 1-ой половинѣ X в., какъ важный торговый центръ, потомъ заглохшій), хотя сохраняетъ свое значеніе столицы земли до самаго татарскаго погрома,—тоже постепенно слабѣетъ, по мѣрѣ того, какъ пустѣетъ и юго-западная закраина земли, и черниговскіе пригороды становятъ мѣстожительствомъ одного вотчинно-служебнаго населенія и княжьей службы, «псарей и Половцевъ», по рѣзкому выраженію одного изъ князей. Все больше выдвигается

болѣе удаленный отъ этого тревожнаго сосѣдства Новгородъ Сѣверскій, офиціально считающійся вторымъ столомъ земли (обычай, по которому новгородъ-сѣверскій столъ служилъ обыкновенно переходною ступенью къ старшему, черниговскому столу, помѣшалъ окончательному обособленію этой волости отъ Чернигова). Послѣ монгольскаго нашествія разгромленный Черниговъ теряетъ значеніе и выдвигается Брянскъ, центръ вятическихъ волостей, въ которыхъ уже со второй половины фактически сосредоточивается «вся жизнь» черниговскихъ князей.

Переяславская земля выдѣлилась изъ сѣверской племенной территоріи, расколовшейся, благодаря наличности двухъ крупныхъ соперничающихъ центровъ, Чернигова и Переяславля, изъ которыхъ первый притянулъ къ себѣ сѣверную, а второй южную часть территоріи. Это раздвоеніе восходитъ, очевидно, къ очень старымъ временамъ. Уже въ началѣ X в. Переяславль выступаетъ рядомъ съ Кіевомъ и Черниговомъ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ княжеско-дружинныхъ центровъ — быть можетъ, какъ ключь къ юго-восточному торговому пути, или какъ форпостъ Кіева со стороны степей. Съ концомъ X в. за нимъ утверждается значеніе одного изъ важнѣйшихъ центровъ Поднѣпровья, третьяго по рангу княжескаго стола, послѣ Кіева и Чернигова; при всякихъ политическихъ комбинаціяхъ онъ и Черниговъ получаютъ своихъ отдѣльныхъ князей, а съ переяславской каѳедрой долгое время даже былъ связанъ титулъ митрополита. Переяславское населеніе, очевидно, очень дорожило такимъ самостоятельнымъ положеніемъ и ревниво относилось къ нему, и если со стороны черниговскихъ князей мы видимъ неоднократныя попытки возсоединить переяславскую волость съ черниговскими, то переяславское населеніе, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго тяготѣнія къ единоплеменной Черниговской землѣ, хотя колонизаціонныя отношенія Переяславской земли, расположенной внѣ линіи лѣса, совершенно открытой со стороны степи и подвергавшейся жесточайшимъ опустошеніемъ со стороны степняковъ, заставляя населеніе тяготѣть къ сѣверу, лучше защищенному естественными условіями мѣстности. Небольшіе размѣры земли, занимавшей въ XI в. южный край нынѣшней Черниговской губерніи и сѣверо-западный нынѣшней Полтавской (если исключить слабо населенныя пограничныя со степью окраины), и неблагопріятное пограничное со степью положеніе, выставлявшее Переяславцевъ на первый огонь всякихъ степныхъ грозъ, послѣ того какъ степное населеніе отлило отсюда и открыло предстепную полосу, — создавали весьма неблагопріятныя условія для экономической и культурной жизни и дѣлали эту землю очень слабосильной. Переяславскіе князья, предоставленные силамъ земли, не могли играть сколько нибудь значительной роли. Въ первой половинѣ XII в. Переяславль является второстепенной по существу, хотя и почетный по рангу волостью въ распоряженіи кіевской династіи (одно время онъ считается ближайшей ступенью къ Кіеву, волостью наслѣдника кіевскаго престола). Переяславскіе круги не мирились съ ролью такой зависимости отъ кіевскаго стола и, чтобы выйти изъ нея и обезопасить себя, съ одной стороны, отъ притязаній черниговскихъ князей, съ другой стороны — отъ влія-

ній кіевскихъ, отдались въ половинѣ XII в. подъ покровительство далекой ростово-суздальской династіи, которая въ силу отдаленности своихъ владѣній не могла превратить Переяславль въ простую провинцію, а съ другой стороны своимъ вліяніемъ могла гарантировать Переяславцамъ извѣстную безопасность отъ притязаній сосѣдей. Съ этой стороны расчетъ былъ вѣренъ, и въ продолженіе почти столѣтія Переяславская земля остается въ управленіи младшихъ князей суздальской династіи; но мѣстной династіи тутъ не образовалось, и большею частью князья переходили позже на другіе столы Суздальской земли, такъ что замкнутымъ тѣломъ Переяславлю стать не удалось. Съ другой стороны изолированное положеніе его князей среди сосѣднихъ династій довольно неблагопріятно отражалось на условіяхъ борьбы съ степняками, составлявшей наиболѣе чувствительный нервъ въ жизни земли. Но послѣдняя предпочитала сносить всѣ эти неудобства за цѣну политической независимости отъ сосѣднихъ земель.

Тюркскій натискъ давалъ себя чувствовать Переяславлю болѣе, чѣмъ какой либо другой землѣ. Значеніе Переяславля и Переяславской земли, очевидно, выросло въ иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ колонизаціи; быть можетъ, къ Переяславу тянули нѣкогда болѣе южныя, не-сѣверскія поселенія. Съ X вѣка, когда эти благопріятныя условія исчезли, видимъ постоянное паденіе стола и земли. Временами она подвергалась такимъ сильнымъ раззореніямъ, что пустѣла почти совершенно, наприм., въ концѣ XI в., и для укрѣпленія южныхъ границъ прибѣгали къ усиленной тюркской колонизаціи. Борьба съ Тюрками поэтому здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Кіевской землѣ, гдѣ она тоже служила первымъ условіемъ популярности князя, была первѣйшей задачею мѣстнаго правительства, и около борьбы съ степью образуются сохранившіеся остатки мѣстныхъ эпическихъ сказаній [1]).

Волынская земля — старая территорія Дулѣбовъ, также издавна выдавалась многочисленностью большихъ городскихъ центровъ. Старый городъ Волынь, давшій имя землѣ, съ которымъ связывается разсказъ Масуди о старомъ славянскомъ государствѣ Валинана, позже былъ затертъ и лишенъ значенія возникшимъ въ его сосѣдствѣ городомъ Владиміромъ, основаннымъ, какъ показываетъ имя, Владиміромъ Великимъ. Другой старинный центръ Бужскъ, центръ западной Волыни, позже уступаетъ мѣсто Червеню, и еще позже Белзу. За то Луцкъ, сообщившій свое имя южной Волыни уже въ X в., остается въ роли центра ея и позже. Въ сѣверной Волыни видимъ выдающіяся города Берестье и Дорошчинъ. Такого стремленія къ обособленію, какъ наприм., у Переяславцевъ, мы въ этихъ городскихъ центрахъ не замѣчаемъ (наиболѣе слабо связана была съ остальною Волынью сѣверная, Берестейско-Дорошчинская область); несмотря на это, въ силу большого протяженія и наличности такихъ значительныхъ, старинныхъ центровъ, земля представляла

---

[1]) О Черниговской и Переяславской землѣ — „Історія Украіни", II гл. 5, а также: Багалѣй — „Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в.", 1882, Голубовскій — „Истор. Сѣверск. земли до пол. XIV в.", Лященко — „Исторія Переяславск. земли до пол. XIV в.", 1903.

систему ясно обозначенныхъ областей, временами обособлявшихся въ отдѣльныя княжества. Въ цѣломъ эти волынскія волости заключали западную (большую) половину нын. Волынской губ., части губерній Люблинской, Сѣдлецкой и Гродненской (Побужье) и сѣверо-западный уголъ нынѣшней Галиціи.

При раздѣлѣ наслѣдства Ярослава—Волынь досталась одному изъ младшихъ сыновей его, Игорю, но потомству его не удалось удержать въ своихъ рукахъ это владѣніе. Захваченныя вскорѣ княземъ кіевскимъ Изяславомъ, волынскія земли послѣ этого цѣлое столѣтіе то выдѣлялись въ удѣлъ другимъ князьямъ, то снова попадали въ руки кіевскаго князя. Только въ половинѣ XII в. Волынь надолго переходитъ во владѣніе старшей линіи Мономаха, потомковъ кіевскаго князя Изяслава Мстиславича, и остается въ ихъ рукахъ, независимо отъ того, сидятъ ли они на кіевскомъ столѣ или нѣтъ. На эту династію—потомство Изяслава Мстиславича—волынскія земли смотрѣли, какъ на свою земскую династію, и связаны были съ нею извѣстною симпатіею. Въ рукахъ внуковъ и правнуковъ его, въ послѣдней четверти XII в. раздѣляются онѣ, по своимъ составнымъ частямъ, на цѣлый рядъ княжествъ, но потомъ въ XIII в. эти многочисленныя линіи волынской династіи постепенно угасаютъ, и въ половинѣ этого столѣтія вся земля собирается въ однѣхъ рукахъ—кн. Василька Романовича. Земля жила сравнительно спокойною жизнью—гораздо спокойнѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ Поднѣпровье. Устойчивость политическихъ отношеній, довольно прочно установившихся уже со второй четверти XII в., способствовала развитію здѣсь крупныхъ городскихъ центровъ, богатаго и культурнаго мѣщанства, среди котораго уже въ XIII замѣчаемъ слѣды привилегированныхъ общинъ нѣмецкаго права. Складывается классъ сильнаго, вліятельнаго боярства, въ среду котораго въ XIII в. приливаетъ много служилыхъ князей, малоземельныхъ и безземельныхъ, и такъ формируется могущественное сословіе князей и магнатовъ, сообщающее Волыни въ XIV—XV вѣкахъ характеръ наиболѣе аристократической провинціи среди украинскихъ земель,—этотъ характеръ она сохраняетъ и позже. Натискъ тюркскихъ ордъ не давалъ себя здѣсь чувствовать, это отражалось и на благосостояніи населенія и на развитіи крупнаго землевладѣнія и хозяйства. Степь, бывшая кошмаромъ Кіева и Переяславля, не играла роли въ здѣшней политикѣ; фронтъ послѣдней обращенъ, главнымъ образомъ, на сѣверо-западъ, противъ Польши, съ которой шла непрерывная борьба за пограничныя земли Побужья; но на ряду съ этими войнами поддерживались тѣсныя династическія связи и существовали культурныя взаимодѣйствія: сначала вліянія русско-византійской культуры на Польскія земли, позже съ XIV—XV в., наоборотъ,—воздѣйствіе латино-нѣмецкой культуры черезъ польское посредничество на культуру украинскую.

Тѣсно связанная съ начала XIII в. династическою связью съ Галицкой землею, Волынь въ продолженіе послѣдующаго полутора столѣтія раздѣляетъ, политическія и культурныя перепетіи, какія переживала земля Галицкая [1]).

[1]) Подробнѣе „Історія України“, II гл. 6, тоже Андріашева „Очеркъ исторіи Волын-

Галицкая земля — нынѣшняя восточная Галиція, представляя крайній форпостъ украинской колонизаціи на западѣ, естественно должна была искать опоры въ трудные моменты въ ближайшихъ украинскихъ земляхъ и поэтому ея исторія тѣсно переплетается съ исторіей Волыни. Эти двѣ земли то раздѣляются, то соединяются, причемъ центръ тяжести переносится то на Волынь, то на Галичину. Возможно, что въ основаніи обѣихъ земель лежала одна и та же племенная стихія, по крайней мѣрѣ отчасти (вопросъ не ясенъ, какъ мы видѣли выше). При распредѣленіи земель между сыновьями Владиміра, галицкія волости соединены были въ одинъ удѣлъ съ волостями волынскими, и такое объединеніе продолжалось, кажется, до 1050-хъ годовъ, когда Галичина выдѣлена была въ отдѣльную волость Ростислава, сына старшаго Ярославича, Владиміра, умершаго еще при жизни отца. Старшіе Ярославичи скоро, однако, постарались прибрать къ рукамъ эту волость, и она была снова соединена съ Волынью; но въ 80-хъ годахъ XI вѣка сыновья Ростислава сумѣли вырвать изъ ихъ рукъ свою отчину, и въ ихъ владѣніи она обособляется рѣшительно и рѣзко на цѣлое столѣтіе. Предшествующая исторія ихъ земли—притязанія кіевскихъ князей, старавшихся присоединить Волынь и Галицію вмѣстѣ къ кіевскому столу, настроили Галицкихъ князей чрезвычайно подозрительно въ этомъ отношеніи, и они зорко слѣдили за всякимъ усиліемъ волынскихъ князей, особенно, когда Волынь соединялась въ однѣхъ рукахъ съ Кіевомъ, и искали поддержки у разныхъ противниковъ Кіевской династіи.

Это усложняло тактику галицкихъ князей, такъ какъ всѣ интересы ихъ политики заставляли обращать особое вниманіе на западъ, гдѣ сосѣднія государства тоже точили зубы на этотъ украинскій клинъ, вдвинувшійся между польской, словацкой, венгерской и румынской народностями. Съ юга—Венгрія, овладѣвъ землями къ югу отъ Карпатъ, стремилась захватить и сѣверные склоны хребта и уже съ конца XI в. обнаруживаетъ рѣшительныя намѣренія овладѣть Галиціей. На сѣверозападѣ—польскіе князья стремились расширить свои владѣнія за счетъ смежныхъ галицкихъ и волынскихъ волостей, не разъ попадавшихъ въ польскія руки. Это былъ старый споръ Польши и Руси, которому много вниманія отдавали уже Владиміръ и Ярославъ; теперь онъ достался въ удѣлъ князьямъ галицкимъ и волынскимъ, но въ періоды отдѣльности обѣихъ земель политика ихъ относительно Польши не была солидарною. Всѣ эти интересы издавна вводили галицкихъ князей въ кругъ европейской политики: противъ Венгріи они искали помощи у Византіи, въ другихъ случаяхъ обращались къ германскимъ императорамъ, и т. п.

Главными центрами Галицкой земли являются сначала Перемышль, Звенигородъ и Требовль, столы трехъ братьевъ Ростиславичей. Сынъ Володаря Ростиславича, Владимірко, правдами и неправдами объединилъ галицкія волости въ своихъ рукахъ въ половинѣ XII в. и перенесъ столъ въ Галичъ, сообщившій новое имя землѣ. Пере-

---

ской земли до к. XIV в.", 1887, Иванова—„Историч. судьбы Волынской земли", 1895.

несеніе столицы на югъ стояло, очевидно, въ связи съ новымъ движеніемъ галицкой колонизаціи по теченію Днѣстра и Прута, въ такъ наз. Понизье (позднѣе—Подолье). Позже, въ XIII в., въ сосѣдствѣ стараго Звенигорода (впослѣдствіи совершенно заглохнувшаго), выдвигается новый центръ, Львовъ, въ XIV в. пріобрѣтающій значеніе новой столицы Галицко-Волынскаго государства.

Династія Ростиславичей была немногочисленна. Послѣ того, какъ Володимирко собралъ галицкія волости воедино, онѣ почти не дѣлились. Благодаря этому, внутреннихъ войнъ здѣсь почти не бывало, и земля подъ защитой искусной дипломатіи своей талантливой и энергичной династіи, жила такой спокойной жизнью, какъ ни одна изъ украинскихъ земель, несмотря на свое пограничное положеніе. Это дало возможность развиться экономическому благосостоянію и культурной жизни, благодаря чему Галиція съ XIII в. выступаетъ на смѣну опустошонному и ослабленному Кіевскому Поднѣпровью, не только какъ новый политическій центръ, но и какъ очагъ культуры и просвѣщенія, на цѣлый рядъ столѣтій. Съ другой стороны, эти обстоятельства повліяли здѣсь еще болѣе и ранѣе, чѣмъ на Волыни, на сформированіе богатаго, могущественнаго, тѣсно-сплоченнаго боярства. Во второй половинѣ XII в. оно чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что совершенно открыто стремится поставить князя въ полную зависимость отъ себя и для осуществленія своихъ плановъ не останавливаются предъ дворцовыми революціями: бояре отдаются подъ протекцію венгерскаго короля и побуждаютъ его взять Галицію въ свои руки, и т. д. Это, въ концѣ концовъ, вызываетъ ожесточенную борьбу княжеской власти съ боярствомъ въ XIII в., и она подорвала значительно силу боярства, а польская оккупація XIV в. принесла съ собой полное паденіе его значенія, а затѣмъ и постепенное захуданіе [1]).

Образованіе Галицко-Волынскаго Государства.

Прекращеніе династіи Володаря Ростиславича въ Галицкой землѣ (около 1198 г.) повлекло за собою соединеніе ея съ Владимірскимъ княжествомъ на Волыни. Еще прежде, во время борьбы галицкихъ бояръ съ послѣднимъ Володаревичемъ Владиміромъ, Романъ Мстиславичь, князь владимірскій былъ призванъ боярами на галицкій столъ, но не удержался на немъ, вслѣдствіе вмѣшательства Венгріи, на короткое время захватившей галицкія земли. По смерти Владиміра (вернувшаго себѣ галицкій столъ) Романъ поддержалъ свои претензіи на галицкій столъ и утвердился на немъ вполнѣ прочно. Это послужило исходнымъ моментомъ для объединенія Галицкой и Волынской земли въ одно государство на цѣлыхъ полтора столѣтія и создало Украинѣ новую крупную политическую силу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда суздальскій Всеволодъ приготовлялъ коварною интригою послѣдній ударъ кіевскому столу.

Въ рукахъ такого талантливаго и энергическаго князя, какимъ былъ

[1]) Подробнѣе „Історія України", II, гл. 7.

Романъ, новое государство, думалось, было призвано собою замѣнить мѣсто пережившаго себя Кіева и стать политическимъ центромъ украинскихъ земель. Несмотря на свою непродолжительную политическую карьеру, Романъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Чрезвычайно быстро слагаются о немъ легенды и пѣсни, остатки которыхъ сохранились донынѣ въ украинской и бѣлорусской народной словесности. На Украинѣ на него, очевидно, смотрѣли, какъ на человѣка, призваннаго обновить расшатанный и изжитый политической строй. Упорная, острая борьба съ всесильнымъ галицкимъ боярствомъ (послѣ окончательнаго водворенія въ Галичѣ) доставила ему популярность въ широкихъ народныхъ массахъ. Когда въ войнѣ со своимъ тестемъ, кіевскимъ княземъ Рюрикомъ, Романъ приступилъ къ Кіеву, Кіевляне радостно открыли ему ворота, покинувъ Рюрика, очевидно, въ надеждѣ, что въ рукахъ Романа Кіевъ возвратитъ себѣ снова былое значеніе и славу.

Но надежды эти не оправдались. Романъ не захотѣлъ оставить за собою Кіевъ и предпочелъ слѣдовать политикѣ суздальскихъ князей—держать въ Кіевѣ, въ зависимости отъ себя, разныхъ второстепенныхъ князей, а базировать свою политику на галицкомъ столѣ. Трудно сказать, считалъ ли онъ кіевскія отношенія, на которыхъ тяготѣло недремленное око суздальскаго самовластца, вообще безнадежно запутанными, или только данный моментъ не представлялся ему достаточно удобнымъ для того, чтобы вмѣшаться глубже въ кіевскую политику—во всякомъ случаѣ Романъ предпочелъ въ данный моментъ обратить все свое вниманіе на Галицію, богатую, неистощенную, и здѣсь укрѣпить свое положеніе. Но безъ Кіева его вліяніе неизбѣжно должно было остаться мѣстнымъ. Галицко-Волынское государство было слишкомъ западною окраиною, чтобы изъ Галича, или хотя бы изъ Владиміра, держать въ своихъ рукахъ ключъ къ отношеніямъ Поднѣпровья. Если Романъ желалъ утвердить свое вліяніе въ Украинѣ, ему нужно было рано или поздно стать твердою ногою въ Кіевѣ. Однако, неожиданная смерть прервала дѣятельность Романа, прежде чѣмъ онъ успѣлъ развить свои планы и укрѣпить окончательно свое положеніе гегемона Украины. Онъ былъ убитъ во время похода въ Польшу въ 1205 г., и послѣ него остались только малолѣтные сыновья, изъ которыхъ старшему, Данилу, было всего три года, а младшему Васильку только годъ. Придавленное Романомъ боярство галицкое поднимаетъ голову. Галицко-Волынское государство дѣлается ареною жестокихъ смутъ, продолжавшихся цѣлыхъ тридцать лѣтъ и прорывавшихся нерѣдко въ очень острыхъ формахъ. Опасаясь, что молодые Романовичи унаслѣдуютъ политику отца—его стремленіе къ сильной власти и борьбу съ боярскими притязаніями, галицкое боярство выдвигаетъ противъ нихъ претендовъ изъ разныхъ династій, играя ими, какъ пѣшками, и не позволяя сколько-нибудь утвердиться, чтобы удержать фактически правленіе въ своихъ рукахъ. Была также среди боярства партія, предпочитавшая править землею подъ номинальною властью венгерскаго короля и поддерживавшая съ этою цѣлью попытки венгерскаго правительства овладѣть Галиціей. Наиболѣе честолюбивые и смѣлые пробо-

вали захватить въ свои руки не только управленіе, но и княжескую власть. Венгрія и Польша, пользуясь этими смутами, старались, съ своей стороны, овладѣть наслѣдствомъ Романа; въ 1214 г, былъ заключенъ между ними договоръ относительно раздѣла галицко-волынскихъ земель: королевичъ венгерскій Коломанъ былъ обвѣнчанъ съ дочерью в. кн. польскаго и короновался королемъ галицкимъ («королю» въ это время не было еще десяти лѣтъ, а королева была тоже совсѣмъ ребенкомъ); западное пограничье Галиціи и Волыни было при этомъ присоединено непосредственно къ Польшѣ. Но эта династическая комбинація—прообразъ позднѣйшаго соглашенія Венгріи и Польши по вопросу объ оккупаціи галицко-волынскихъ земель (въ 1330-хъ годахъ), на этотъ разъ не имѣла сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ. Между Венгріею и Польшею скоро произошелъ разрывъ, и смута возобновилась.

Между тѣмъ, Данило съ братомъ, достигшіе уже совершеннолѣтія среди этихъ усобицъ, постепенно упрочиваютъ свое положеніе на Волыни, съ которой они были связаны династическими узами болѣе прочно, и въ мѣстномъ боярствѣ не находили такихъ непримиримыхъ противниковъ. Въ 1230-хъ гг. они уже стоятъ прочною ногою въ волынскихъ земляхъ и затѣмъ постепенно начинаютъ брать верхъ, опираясь на сочувствіе населенія, также и въ борьбѣ съ враждебными партіями въ Галиціи. Въ этой сферѣ оба Романовича, и въ особенности Данило, проявляютъ вообще рѣдкую энергію и настойчивость. Татарскій ураганъ 1240 года только на минуту прервалъ ихъ работу надъ собираніемъ ихъ «отчины». Рѣшительная побѣда подъ гор. Ярославомъ, надъ послѣднимъ претендентомъ, зятемъ венгерскаго короля Ростиславомъ, княземъ изъ черниговской династіи, обезпечила господство Романовичей въ Галиціи, какъ разъ въ тотъ моментъ (1245), когда восточная Украина, ея старый политическій укладъ, княжеско-дружинный строй пошатнулись въ самыхъ основаніяхъ подъ татарскимъ погромомъ, кореннымъ образомъ измѣнившимъ весь строй политической, экономической и культурной жизни [1]).

Татарское нашествіе.

Хотя такъ называемый Кипчакъ—черноморскія степи введены были въ планъ монгольскихъ завоеваній уже походомъ 1222 г., вѣнчавшимся погромомъ украинскихъ князей на р. Калкѣ въ 1223 г., однако, значеніе этого похода было совершенно не оцѣнено въ политическихъ кругахъ, и новый походъ 1236 г. упалъ совершенно неожиданнымъ ударомъ, заставшимъ княжье совсѣмъ неприготовленнымъ. Даже такой консолидаціи силъ украинскихъ князей, какое имѣло мѣсто въ 1223 г., подъ руководствомъ трехъ Мстиславовъ—галицкаго, кіевскаго и черниговскаго, на этотъ разъ не произошло. Орда Бату въ 1236—8 гг. опустошаетъ сѣверныя земли, затѣмъ слѣдуетъ окончательный погромъ Половцевъ. Въ 1239 г. рядомъ походовъ опустошены были черниговскія и не-

[1]) Подробнѣе о Галицко-Владимірскомъ государствѣ XIII в. въ „Історії України", III гл. I.

реяславскія волости. Сначала взяли приступомъ Переяславль, избили населеніе, разграбили городъ, затѣмъ та же участь постигла Черниговъ. Въ слѣдующемъ году Бату предпринимаетъ походъ на западъ, начавшійся осадою Кіева. Покинутый князьями, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, Кіевъ палъ также, послѣ отчаянной обороны жителей: множество населенія было избито. Затѣмъ орда Бату спѣшно прошла черезъ Волынь и Галицію, стараясь не тратить времени на осаду городовъ, какъ это случилось съ Кіевомъ, и спѣша захватить возможно неприготовленною Венгрію, бывшую главною цѣлью похода. Владиміръ и Галичъ, однако, были при этомъ также взяты и разорены. Затѣмъ пробывъ годъ въ Венгріи, Бату весною 1242 г. спѣшно прошелъ обратно, получивъ извѣстіе о смерти главнаго хана Огодая. Онъ разсчитывалъ занять теперь великоханскій престолъ, но старанія его были безуспѣшны, и онъ остается со своею ордою въ степяхъ Кипчака. Главная орда расположилась на нижней Волгѣ, въ сосѣдствѣ ханской резиденціи, г. Сарая на Волгѣ; три другія орды, въ нисходящемъ порядкѣ силы и значенія, расположились въ Подоньѣ, на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра [1]). Такимъ образомъ, открылся новый періодъ въ жизни укринскаго Поднѣпровья—татарскій.

Въ литературѣ это нашествіе Бату на украинскія земли оцѣнивалось, главнымъ образомъ, въ его послѣдствіяхъ для украинской колонизаціи, и съ этой стороны его значеніе нерѣдко преувеличивалось. Дѣло представлялось такъ, какъ будто это нашествіе обратило Кіевскую землю и вообще все среднее Поднѣпровье въ совершенную пустыню, истребивъ массу населенія и принудивъ къ передвиженію на сѣверъ и сѣверо-востокъ остальныхъ, такъ что эти области средняго Днѣпра надолго запустѣли и позже колонизировались заново, и т. д. Въ дѣйствительности такъ далеко опустошеніе не зашло. Хотя этотъ погромъ несомнѣнно подорвалъ экономическій бытъ и очень тяжело отразился на мѣстной жизни, но о запустѣніи Поднѣпровья все же не можетъ быть рѣчи. Подобные погромы, и даже болѣе тяжелые, длящіеся, переживало мѣстное украинское населеніе и раньше; не разъ здѣшнимъ городамъ приходилось переживать разгромы и разоренія, но ни къ какому запустѣнію это не приводило, и какъ только проходила гроза, старые жители и новые колонисты являлись изъ своихъ убѣжищъ и изъ тѣхъ болѣе защищенныхъ природою мѣстностей, на которыя эти погромы не распространялись. И Кіевская и Черниговская земли, покрытыя почти недоступными лѣсами и болотами въ своей сѣверной части, представляли настолько вѣрное убѣжище, что населенію вовсе не было надобности искать его гдѣ нибудь дальше. А послѣдующее сосѣдство татарской орды ничѣмъ не было тяжелѣе или грознѣе, чѣмъ сосѣдство орды половецкой или печенѣжской. Въ качествѣ до нѣкоторой степени организованнаго государства, татарская орда, основавшись въ Кипчакѣ, имѣла всѣ причины быть сравнительно сдержанною и щадить подвластныя земли—насколько, конечно, хватало

[1]) Подробнѣе въ „Історії України“, II гл. 3 и 7, также „Очеркъ ист. украинск. народа“, стр. 86 и сл.

на это дисциплины внутри самой орды.

Важнѣе было вліяніе прихода орды, ея первыхъ погромовъ и послѣдующаго господства на Поднѣпровьи, на политическія и общественныя отношенія, на культурную жизнь. Кіевъ еще болѣе падаетъ послѣ погрома 1240 года; Переяславль и Черниговъ — также. Жизнь отодвигается на сѣверъ, въ лѣсную область Украины. Это особенно замѣтно на Сѣверской землѣ, и мы отмѣтили выше это явленіе. Паденіе экономической жизни и разложеніе государственнаго строя, княжеско-дружиннаго уклада, упадокъ княжеской власти — все это имѣетъ своимъ слѣдствіемъ сильное пониженіе культуры и духовной жизни въ украинскомъ Поднѣпровьи, служившемъ очагомъ культурной жизни въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Перенесеніе митрополичьей резиденціи изъ Кіева въ великорусскія земли, поближе къ новому политическому центру (1299), служитъ симптомомъ этого упадка. Такія подробности, какъ выборка изъ кіевскихъ церквей наиболѣе выдающихся вещей для новыхъ резиденцій Данила въ галицко-волынскихъ земляхъ — другая мелкая, но характерная черта. Культурная жизнь отливала на западъ и сѣверъ, вслѣдъ за придворной жизнью, за представителями аристократіи, двигающимися въ томъ же направленіи.

Разложеніе княжеско-дружиннаго строя въ украинскомъ Поднѣпровьи.

Пользуясь паникой, произведенной Татарами среди князей, заметавшихся послѣ погромовъ 1239 г. и разбѣжавшихся во всѣ стороны отъ лица орды, населеніе, въ особенности городскія общины правобережной Украины, начинаетъ разбивать рамки княжеско-дружиннаго строя. Онѣ предпочитаютъ войти въ непосредственную зависимость отъ Орды, давать дань непосредственно Татарамъ, «орать пшеницу и просо Татарамъ», какъ иронически отзывается крайне несочувственно къ этому движенію настроенный лѣтописецъ, — но за то избавиться отъ всей тяготы изжитаго и дискретированнаго княжеско-дружиннаго уклада: не знать даней князю и его агентамъ, не принимать участія въ утомительныхъ усобицахъ князей и не терпѣть вѣчныхъ разореній отъ этихъ безконечныхъ княжескихъ войнъ. Ни угрозы, ни разоренія отъ князей, испуганныхъ этимъ чрезвычайно грознымъ для нихъ движеніемъ, не могли отвратить населеніе отъ этихъ стремленій и вернуть его къ прежнимъ отношеніямъ. Земля разлагалась на отдѣльныя общины, управлявшіяся своими мелкими мѣстными князьями или совѣтомъ старцевъ, и возвращалась къ старому состоянію общинной раздробленности, предшествовавшему образованію сплоченнаго Кіевскаго государства.

Сколько нибудь интересныя указанія относительно этого движенія имѣемъ только для кіевскихъ земель, пограничныхъ съ Волынью: тутъ оно интересовало современнаго галицкаго лѣтописца, единственнаго свидѣтеля, оставившаго намъ кое-какія свѣдѣнія изъ жизни украинскихъ земель. Лѣтописецъ этотъ упоминаетъ о «людяхъ татарскихъ» или «людяхъ, сѣдящихъ за Татарами» на большой территоріи

въ бассейнѣ Случи, Тетерева и верхняго теченія южнаго Буга; конечно, эти данныя мимоходомъ указанія далеко не охватываютъ всего района интересующаго насъ движенія. По всей вѣроятности, оно охватило и южную часть Кіевской земли, можетъ быть, вплоть до самыхъ окрестностей Кіева, Переяславскую землю и южную часть Черниговской. Этимъ объясняется, почему въ Кіевѣ и Переяславлѣ послѣ татарскаго нашествія 1240 г. мы уже не видимъ и не знаемъ князей изъ династіи Владиміра Великаго и вообще не замѣчаемъ слѣдовъ стараго княжеско-дружиннаго уклада. Въ Черниговской землѣ княжеско-дружинный строй уцѣлѣлъ, особенно въ сѣверныхъ, полѣсскихъ частяхъ ея, но очень измельчалъ. Вслѣдствіе большого многолюдства династіи, земля раздробилась на огромное количество мелкихъ княжествъ, терявшихъ постепенно характеръ государственной власти и переходившихъ въ формы частновладѣльческія. Достичь сколько нибудь значительнаго и прочнаго владѣнія среди этого разложенія стараго уклада князьямъ не удавалось; только въ Брянскѣ, въ старой землѣ Вятичей, въ эту эпоху захуданія выдвигающагося на степень выдающагося центра въ Черниговскихъ земляхъ, появляются временами, во второй половинѣ XIII и въ XIV вв., довольно замѣтные и вліятельные князья, но и они замѣтны только среди всеобщаго измельчанія мѣстнаго княжья. Можетъ быть, и татарская политика оказывала вліяніе въ этомъ направленіи, ревниво слѣдя за тѣмъ, чтобы кому либо изъ князей не удалось усилиться и образовать болѣе значительныя владѣнія.

Государственная жизнь и традиціи стараго княжеско-дружиннаго уклада и преемство старой культурной и духовной жизни изъ украинскихъ земель въ продолженіи столѣтія слѣдующаго за татарскимъ погромомъ, полно и сильно сохраняются только на западѣ, въ Галицко-Волынскомъ государствѣ. [1]).

Планы Данилы.

Татарскій погромъ совпалъ съ завершеніемъ работы Романовичей надъ собираніемъ ихъ отчины. Утверждаясь, наконецъ, прочно въ Галичи, Данило, очевидно, имѣлъ предъ собою болѣе широкіе планы. Онъ стремился расширить свое вліяніе на Украину, и въ самый моментъ татарскаго нашествія въ Кіевѣ сидѣлъ его намѣстникъ. Въ то время, вѣроятно, онъ не допускалъ еще мысли, чтобы татарская орда и ея власть стала длительнымъ, постояннымъ факторомъ украинскихъ отношеній. Но Кіевъ оказался подъ верховенствомъ Орды, выдавшей ярлыкъ на этотъ столъ кн. Ярославу Всеволодовичу, изъ суздальской династіи, а затѣмъ его сыну Александру (извѣстному Невскому). И на пути къ Кіеву явилось упомянутое движеніе «людей татарскихъ», принятыхъ подъ непосредственную власть Орды въ роли татарскихъ ленниковъ. Оно охватило широкою полосою пограничья Кіевской земли и Волыни, и Татары стремились перенести его и на почву Галицко-

[1]) Подробнѣе въ „Історіи України", т. III, гл. 2, также моя статья: „Громадський рух на Вкраїні въ XIII—XIV в.", въ львовскихъ „Запискахъ", т. 1.

Волынскаго государства, старались поддержать симптомы этого движенія, проявившіеся въ южной Волыни и на Понизьи, и даже двинули съ этою цѣлью туда свое войско.

Вообще отношенія Орды къ Галицко-Волынскому государству были довольно неопредѣленны. Восточноукраинскія княжества и общины были приведены въ непосредственную зависимость отъ Орды: онѣ платили Татарамъ дань, и князья—по примѣру суздальскихъ—испрашивали себѣ подтвердительные ярлыки отъ хана на княженіе. Данило, когда Орда обнаружила намѣреніе поддержать одного изъ претендентовъ на галицкій столъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ явиться въ Орду и признать надъ собою верховенство хана. Но роль татарскаго вассала внушала ему отвращеніе, и непосредственно послѣ своей поѣздки въ Орду, онъ увлекается планомъ христіанской лиги для борьбы противъ Татаръ, о которой ему наговорили папскіе послы, высланные съ дипломатическою миссіею въ Орду. Данило входитъ въ сношенія съ папою, сближается съ венгерскимъ королемъ и польскими князьями. Однако, надежда найти поддержку въ борьбѣ съ Ордою въ католическихъ кругахъ оказалась напрасною. Папа интересовался сношеніями съ Даниломъ съ точки зрѣнія церковной уніи Руси съ католическою церковью; онъ пожаловалъ Данилу королевскій титулъ, прислалъ своего легата съ короной, которою Данило и былъ коронованъ (1253). Но планы крестоваго похода на Татаръ не имѣли успѣха, и Данило, обманувшись въ ожиданіяхъ, прерываетъ дальнѣйшія сношенія съ папою и переговоры объ уніи.

Не дождавшись помощи отъ католической Европы, онъ рѣшается повесть борьбу съ Ордою собственными силами, такъ какъ ея стремленія вызвать и поддержать движеніе противъ княжеско-дружиннаго уклада въ пограничныхъ волынскихъ и галицкихъ земляхъ грозили слишкомъ серьезною опасностью самому существованію Галицко-Волынскаго государства. Данило предпринимаетъ рядъ походовъ на территорію «людей татарскихъ», стремясь терроромъ, опустошеніями подавить опасное движеніе (1254-5). Мягкій вообще отъ природы, онъ не останавливался на этотъ разъ предъ разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ и массовыми избіеніями, чтобы сломить упорство противниковъ княжеско-дружиннаго уклада. Въ дальнѣйшемъ планѣ, опустошивъ и принудивъ къ покорности пограничныя области Случи, Тетерева и Южнаго Буга, Данило имѣлъ въ виду походъ на Кіевъ и сговаривался съ своими союзниками относительно его, но другія заботы отвлекли отъ этого плана его вниманіе, а между тѣмъ Орда, обезпокоенная планами Данила и его сношеніями съ папой, двинула къ границамъ Галицко-Волынскаго княжества новыя, гораздо болѣе значительныя силы подъ предводительствомъ Бурандая. Поддерживая по внѣшности дружественныя отношенія, послѣдній, послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, какъ бы мимоходомъ, въ походѣ на Польшу, вступилъ со своими войсками на волынскую территорію и потребовалъ отъ Данила и Василька разрушенія городскихъ укрѣпленій. Захваченные врасплохъ, Романовичи не рѣшались противиться, и цѣлый рядъ укрѣпленій былъ сожженъ и разрушенъ руками самихъ княжьихъ людей. Это

произвело страшное, подавляющее впечатлѣніе. Данило убѣдился въ невозможности для него, въ данныхъ условіяхъ, собственными силами, бороться съ Ордой. Рушились планы подавленія движенія «татарскихъ людей», немедленно сбросившихъ съ себя вынужденную покорность Данилу, исчезла возможность расширенія Галицко-Волынскаго государства на востокъ, приходилось ограничиться предѣлами западной Украины: восточная оставалась замкнутою, благодаря линіи общинъ, расположенныхъ у восточныхъ и южныхъ границъ Волыни и стоявшихъ подъ непосредственную властью Татаръ и блительною ихъ охраною. Мысль объ этой татарской неволѣ отравила жизнь Данила. Его широкіе планы относительно расширенія предѣловъ Галицко-Волынскаго государства на счетъ польскихъ и литовскихъ владѣній тоже не увѣнчались выдающимися успѣхами и ограничились нѣкоторыми второстепенными пріобрѣтеніями (завоеваніе Люблина, покореніе Ятвяговъ) Правда, одинъ изъ сыновей Данила, уже послѣ смерти его, получилъ великокняжескій столъ въ новосформировавшемся Литовскомъ государствѣ, но это былъ лишь преходящій и мимолетный успѣхъ.

Данило не видѣлъ его, такъ какъ умеръ скоро послѣ погрома Бурандая (1264).

Галицко-Волынское государство при Даниловичахъ.

Планы расширенія власти и вліянія въ земляхъ восточной Украины, оказавшіеся не осуществимыми для Данила, насколько знаемъ, не осуществлялись сколько нибудь серьезно и при его преемникахъ. Послѣдніе въ общемъ, очевидно, не выходили изъ своей мѣстной галицко-волынской политики, обращенной, главнымъ образомъ, на западъ. Поэтому государство ихъ не достигло болѣе широкаго общеукраинскаго значенія и не помогло восточно-украинскимъ землямъ выйти изъ состоянія политическаго и культурнаго упадка. Впрочемъ, свѣдѣнія наши объ этомъ государствѣ съ прекращеніемъ Галицко-волынской лѣтописи (въ 1289 г.) становятся чрезвычайно скудными, и поэтому можно лишь съ большими оговорками высказываться о тогдашней политикѣ Галицко-Волынскихъ князей.

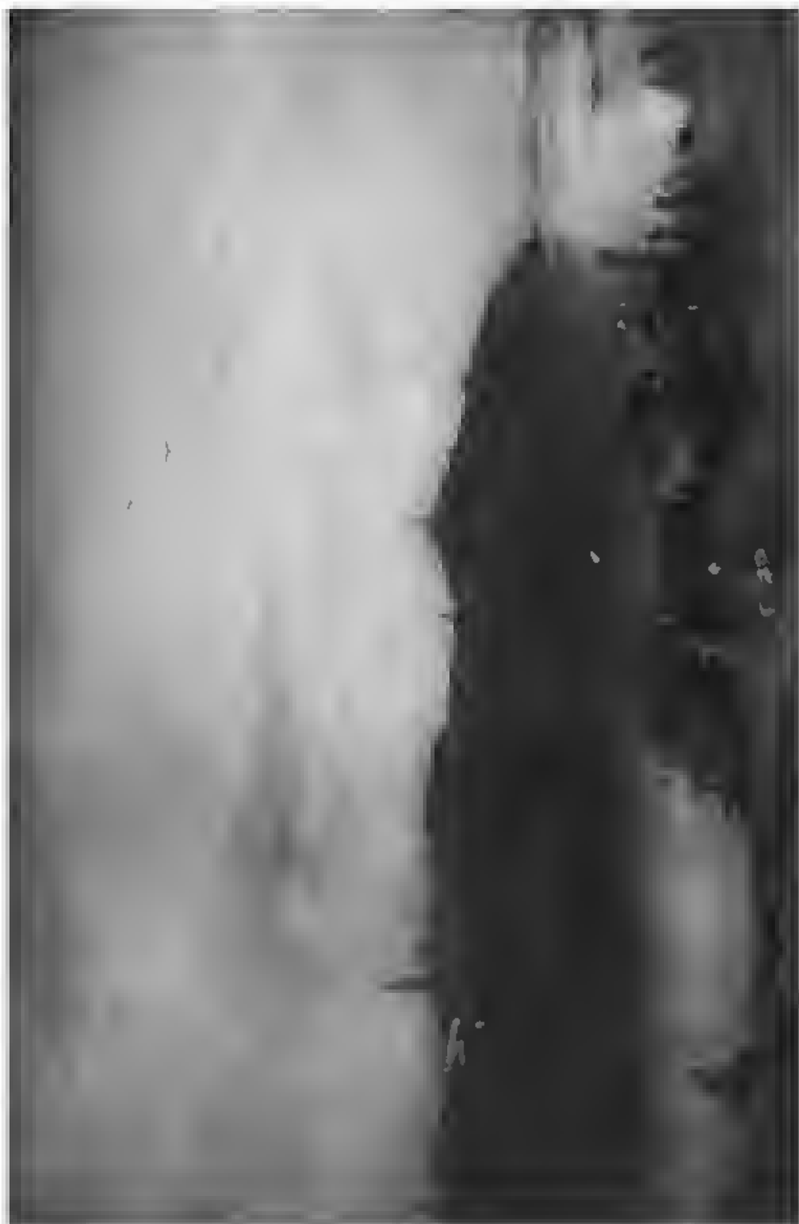
Со смертью Данила и его брата († 1270), жившихъ все время въ рѣдкомъ согласіи и солидарности, дѣлавшей совершенно нечувствительнымъ раздѣленіе государства въ ихъ рукахъ, галицко-волынскія земли на нѣкоторое время раздѣлились на удѣлы, а былая солидарность семьи ослабѣла. Но въ началѣ XIV в. всѣ онѣ собрались снова въ однѣхъ рукахъ—во владѣніи Юрія Львовича. Стремленія къ расширенію территоріи продолжаются, но не приносятъ сколько-нибудь существенныхъ и прочныхъ результатовъ. Пользуясь ослабленіемъ Польши и ея внутренними смутами, галицкіе князья старались особенно на ея счетъ расширить свои владѣнія; кн. Левъ Даниловичъ стремился даже попасть на краковскій столъ, но безуспѣшно; овладѣлъ лишь нѣкоторыми пограничными округами, да и тѣ были потомъ возвращены обратно польскими князьями.

Незначительны и непрочны были и пріобрѣтенія, сдѣланныя за Карпатами, на счетъ Венгріи, гдѣ также начинаются смуты съ прекращеніемъ династіи. Участіе галицко-волынскихъ князей въ литовскихъ дѣлахъ не приноситъ также никакихъ существенныхъ результатовъ, и Литовское княжество съ началомъ XIV в. становится все болѣе грознымъ сосѣдомъ и конкурентомъ Галицко-Волынскаго государства. Татарскія отношенія, въ свою очередь, тоже тяжело тяготѣли на политикѣ послѣдняго.

При всемъ томъ оставалось оно государствомъ довольно сильнымъ, прочнымъ и благоустроеннымъ, и ничто не предвѣщало ему скораго конца, постигнувшаго его. Сохранившіяся случайно современныя характеристики этого государства за время «короля Юрія», внука Данила, подобно дѣду носившаго королевскій титулъ, превозносятъ правленіе этого князя—покой, которымъ пользовалась страна подъ его властью, и богатство, которымъ она отличалась тогда—«бяше въ своей чести и времени земля Волынская, всякимъ обиліемъ и славою преимуща».

Послѣ смерти Юрія, галицко-волынскія земли были раздѣлены между двумя его сыновьями. Въ началѣ 1320-хъ годовъ эти послѣдніе представители галицко-волынской династіи умерли, не оставивъ мужскаго потомства. Изъ разныхъ претендентовъ, объявившихся при сей оказіи, галицко-волынское боярство, пользовавшееся въ это время большимъ вліяніемъ, избрало одного изъ польскихъ князей, по матери происходившаго отъ угасшей династіи — Болеслава Тройденовича, принявшаго при этомъ православіе и имя Юрія. Этотъ боярскій ставленникъ не поладилъ, однако, съ боярами, очевидно — претендовавшими на всевластную роль въ правленіи, а его симпатіи къ католицизму, предпочтеніе чужеземцамъ-католикамъ, которыми онъ окружалъ себя, сдѣлали его непопулярнымъ и въ массахъ населенія и дали возможность поднять послѣднія противъ князя. Въ свою очередь, непрочное положеніе Юрія-Болеслава на галицкомъ столѣ раздражаетъ аппетитъ къ галицкимъ землямъ у польскаго правительства. За періодомъ смутъ и въ Польшѣ и въ Венгріи наступаетъ подъемъ экстенсивной энергіи, и жертвою ея становится Галицко-Волынское государство. Польша сближается съ Венгріей, по старой памяти эфемерныхъ венгерскихъ оккупацій Галиціи въ XII—XIII в. претендовавшей на «историческія права» на галицкія земли. Въ 1330 годахъ состоялось польско-венгерское соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ галицкихъ дѣлахъ. Смерть Юрія-Болеслава облегчила и ускорила ея осуществленіе. Противъ него организовался заговоръ среди бояръ, и 25 марта 1340 г. онъ погибъ отъ яда, а пользовавшіеся его покровительствомъ католики подверглись повсемѣстному избіенію.

На мѣсто Юрія-Болеслава бояре прочили его родственника изъ литовской династіи, князя Любарта-Гедиминовича, женатаго на галицко-волынской княжнѣ. По смерти Юрія-Болеслава, Любартъ былъ признанъ княземъ на Волыни и Галиціи. Но одновременно же, при первомъ извѣстіи о смерти Юрія-Болеслава, выступили съ притязаніями на Галицко-Волынскія земли король польскій Казиміръ и венгерскій



Людовикъ; венгерскія и польскія войска двинулись въ Галичину, и такимъ образомъ началась долгая и упорная борьба за галицко-волынское наслѣдство, открывающая собою новый походъ Польши на украинскія земли, которому суждено было кореннымъ образомъ измѣнить все направленіе украинской жизни [1]).

Государственный строй кіевскаго періода—его переживанія.

Обозрѣвъ политическую эволюцію украинскихъ земель въ этихъ столѣтіяхъ, перейдемъ теперь къ обзору формъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, выработанныхъ столѣтіями государственной жизни, останавливая свое вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣхъ формахъ и явленіяхъ, которыя затѣмъ, въ модифицированныхъ формахъ, продолжаютъ свое существованіе въ позднѣйшихъ, измѣненныхъ условіяхъ политическаго и общественнаго быта.

Несмотря на весь механическій характеръ государственной связи, соединявшей земли стараго Кіевскаго государства, на ея неустойчивость, частые перерывы и затѣмъ раннее обособленіе земель, внутренніе элементы единства, внесенные ею, оставили глубокіе слѣды въ бытѣ и культурѣ земель, входившихъ въ составъ государственной системы. Такіе слѣды культурнаго вліянія, какъ распространеніе государственной христіанской религіи, русско-византійской книжности и искусства, которыми эти земли были обязаны этой государственной связи, выступаютъ при первомъ взглядѣ. Не такъ бросается въ глаза глубокое проникновеніе въ жизнь земель юридическихъ институтовъ, правовыхъ нормъ, формъ общественной и политической организаціи, выработанныхъ Кіевскимъ государствомъ. Между тѣмъ параллелизмъ въ дальнѣйшемъ развитіи областей сѣверо-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, и земель бѣлорусскихъ и украинскихъ, вошедшихъ въ составъ в. кн. Литовскаго и Польши,—доходящій иногда до поразительнаго сходства юридическихъ и общественныхъ отношеній земель, отдѣленныхъ огромными пространствами и никогда не входившихъ въ сколько-нибудь близкое соприкосновеніе,—даетъ чрезвычайно сильное и краснорѣчивое свидѣтельство такого глубокаго проникновенія. Этотъ параллелизмъ формъ и нормъ правовой жизни владиміро-московскихъ земель, съ одной стороны, полоцко-витебскихъ—съ другой—галицко-волынскихъ — съ третьей, — нерѣдко такъ неожиданно дающій себя чувствовать въ памятникахъ юридическаго и общественнаго быта XV—XVI вв., имѣетъ свой источникъ въ провинціальномъ правѣ кіевскаго періода, отражавшемъ въ себѣ политическій и общественный процессъ государственнаго центра, украинскаго Поднѣпровья, которому принадлежала зиждущая и творящая роль въ этомъ процессѣ. Кругъ этихъ общихъ формъ и нормъ, какія мы теперь имѣемъ возможность наблюдать, гораздо шире того, что мы имѣемъ въ сохранившихся сборникахъ

[1]) Подробный обзоръ исторіи Галицко-Волынскаго государства въ XIII—XIV вв. въ „Історії України", III гл. I.

кіевскаго права (т. е. «Русской Правдѣ» разныхъ редакцій) и сравнительное изученіе политическихъ и общественныхъ отношеній, права и быта земель, находившихся подъ воздѣйствіемъ Кіевскаго права, открываетъ передъ нами все новыя и новыя общія явленія, восходящія къ общему наслѣдію Кіевскаго государства. Въ послѣдующемъ изложеніи мы не разъ будемъ имѣть случай отмѣтить такія переживанія въ строѣ и бытѣ украинскихъ земель даже подъ господствомъ чужой государственности.

Система княжествъ.

Выше было уже отмѣчено значеніе, какое имѣло для системы Кіевскаго государства династическая идея, какъ ея связующее звено. Земли этого государства составляютъ монополію династіи Владиміра Великаго. Его потомки, за очень немногими исключеніями, не ищутъ себѣ владѣній внѣ предѣловъ его наслѣдія, но съ другой стороны, каждый изъ нихъ претендуетъ на владѣніе хотя какимъ-либо удѣломъ въ этомъ послѣднемъ, и до времени полнаго разложенія Кіевскаго государственнаго строя, мы почти не находимъ въ потомствѣ Владиміра Великаго князей безземельныхъ. На почвѣ этихъ представленій о династическихъ правахъ княжьяго рода выростаетъ, съ одной стороны, сознаніе коллективнаго интереса и долга заботиться о цѣлости обще-родового достоянія и не позволять чужому государству или чужеродцу умалить чѣмъ-нибудь это послѣднее. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія этого принципа опасвѣйшею ересью должна была представляться всякая попытка населенія обойтись безъ князя—какъ это стремились сдѣлать общины въ народномъ движеніи XIII в., равно какъ и дикою и чрезвычайно предосудительною, въ глазахъ современнаго общества, являлась претензія человѣка, не принадлежащаго къ княжеской династіи, какъ напримѣръ, нѣкоторыхъ галицкихъ бояръ XIII в. — вокняжиться на княжьемъ столѣ. Земля не можетъ обойтись безъ князя, княземъ можетъ быть только членъ кіевской династіи св. Владиміра,—такое представленіе было принято не только въ княжеско-дружинныхъ кругахъ, но и самимъ обществомъ, и отступленія отъ этого принципа являются уже симптомами разложенія стараго строя.

Далѣе, какъ члены рода и совладѣльцы, всѣ князья въ принципѣ равноправны; съ другой стороны, между княземъ, даже наиболѣе захудалымъ, и бояриномъ, даже наиболѣе могущественнымъ, лежитъ непроходимая бездна, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Въ дѣйствительности, конечно, слабѣйшіе князья находились въ очень ощутительной зависимости отъ сильнѣйшихъ, и различіе между ними ощущалось очень сильно, хотя и прикрывалось терминологіей родственныхъ отношеній, смягчавшей суровую дѣйствительность: зависимые князья «имѣютъ въ отца мѣсто» своего патрона, повинуются ему не какъ начальнику и сувердну, а какъ старшему родственнику; князь не можетъ быть «подручнымъ», слугою другого князя, какъ бояринъ, всѣ князья—«братья», равноправные, хотя и не равносильные. Эту видимость патріархальнаго рода старательно

поддерживали и сами князья, смягчая ею шероховатость своихъ отношеній, и всякаго рода публицисты и моралисты идеею братства и родовой общности старались удерживать князей отъ усобицъ и поднять въ нихъ идею общихъ государственныхъ интересовъ. Но несмотря на всякія искусственныя подогрѣванія этихъ патріархальныхъ отношеній — переживавшихся или реставрировавшихся подъ вліяніемъ династической идеи, они уже въ XI и XII в. были фикціей, прикрывавшей дѣйствительныя отношенія, зависѣвшія отъ вполнѣ реальнаго соотношенія силъ, а не родовыхъ счетовъ.

Конечно, и родовые счеты пользовались извѣстнымъ вниманіемъ въ княжескихъ кругахъ. Родовое старшинство давало извѣстныя права на лучшія волости, на старшій столъ; но это были права моральныя, и если ихъ обладатель не умѣлъ ихъ реализировать, то его старѣйшинство оставалось пустымъ призракомъ и «въ отца мѣсто» приходилось признавать болѣе сильнаго и ловкаго младшаго родственника. Пока Кіевъ сохранялъ свое первенствующее значеніе, эту позицію старѣйшины давало обладаніе кіевскимъ столомъ, совершенно независимо отъ его позиціи въ генеологіи рода. Такой «старѣйшина», являясь не только главою государства, но и патріархомъ рода, долженъ былъ заботиться не только объ общемъ достояніи послѣдняго — «Русской землѣ», но и о поддержаніи добрыхъ отношеній среди рода: блюсти справедливость, надѣлять волостями членовъ рода, требовать отчета въ проступкахъ, судить судомъ князей и карать за признанныя преступленія; его нравственнымъ долгомъ была инціатива въ предпріятіяхъ, предпринимавшихся въ интересахъ цѣлаго рода и его достоянія, и младшіе князья были обязаны безусловнымъ подчиненіемъ ему, «какъ отцу». Въ рукахъ могущественнаго и авторитетнаго князя эти моральныя права превращались въ настоящую власть надъ княжьемъ, у князей слабыхъ превращались въ пустой звукъ.

Въ томъ и въ другомъ случаѣ, однако, каждый князь, малый и великій, оставался сувереномъ во внутреннихъ отношеніяхъ своей земли. Въ сферу внутренняго управленія не допускалось вмѣшательства никакихъ старѣйшинъ. Полнота власти и авторитетность въ этой сферѣ зависѣли уже отъ того, насколько самостоятельно умѣлъ себя поставить данный князь по отношенію къ «землѣ» и «дружинѣ».

Князь и вѣче.

Въ періодъ своего развитія княжеско-дружинный укладъ придавилъ вообще самоуправленіе и самоопредѣленіе населенія. Если въ предшествующей стадіи развитія политико-общественныхъ отношеній княжеская власть, гдѣ она существовала, стоитъ на второмъ планѣ, сравнительно съ всенароднымъ вѣчемъ или совѣтомъ старцевъ общины или племени, — то изъ періода созданія Кіевскаго государства вѣче выходитъ въ состояніи атрофіи и безсилія. Князь со своей дружиной всюду, гдѣ появлялись его агенты, забиралъ въ свою руку политику, администрацію, судъ, и населеніе въ продолженіе столѣтій такъ привыкло къ этому порядку, что чувствовало

себя нерѣдко вполнѣ безпомощнымъ, если въ трудную минуту не было князя налицо, и некому было распорядиться. «Тяжко бяше Кияномъ, не сталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ», замѣчаетъ мѣстный лѣтописецъ при одной такой оказіи. Вѣче «города» (старѣйшаго) не въ состояніи управлять землею и не стремится ограничить въ свою пользу политическія и административныя компетенціи князя. Лишь въ условіяхъ необычайныхъ, въ обстоятельствахъ, грозившихъ спокойствію и благосостоянію земли, въ виду особенно рѣзкихъ аномалій княжеско-дружиннаго управленія, оно подымало свой голосъ, пользуясь тѣмъ, что паденіе княжескаго могущества въ періодъ разложенія политической системы заставляло князя искать опоры въ населеніи земли и прислушиваться къ его желаніямъ. Въ такихъ случаяхъ оно иногда очень властно и суверенно высказывало свои желанія или требованія князю и нерѣдко добивалось ихъ исполненія.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности вѣча изъ украинскихъ земель мы имѣемъ для Кіева, на протяженіи полутора столѣтія отъ пол. XI в. Въ силу исключительныхъ тревожныхъ условій, въ какихъ жила Кіевская земля, вѣчевая дѣятельность Кіева отличалась большею энергіею, чѣмъ въ другихъ нашихъ земляхъ. Но и здѣсь, какъ видимъ изъ нашихъ извѣстій, вѣче не выработало ни опредѣленныхъ формъ своей дѣятельности, ни постоянныхъ и опредѣленныхъ функцій, и осталось явленіемъ экстраординарнымъ, такъ что и наиболѣе вѣчевой у насъ Кіевъ въ этомъ отношеніи далеко отстаетъ отъ такихъ вѣчевыхъ общинъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, гдѣ благодаря слабости дружиннаго элемента, князь отходитъ совершенно на задній планъ передъ общиною. Кіевское вѣче иногда выступало въ вопросахъ замѣщенія кіевскаго стола: заявляло свое сочувствіе симпатичному кандидату, призывало его на столъ или, вмѣшиваясь въ борьбу претендентовъ, старалось поддержать наиболѣе желательнаго изъ нихъ; имѣемъ случаи, гдѣ вѣче прогоняетъ нежелательнаго князя, чтобы замѣнить болѣе угоднымъ. Но въ общемъ гораздо чаще перемѣны на кіевскомъ, какъ и на всякомъ другомъ столѣ, происходятъ безъ всякаго участія вѣча — когда оно не было заинтересовано оказать вліяніе на ходъ событій или не чувствовало себя въ силахъ для этого. И хотя князья въ принципѣ признавали за вѣчемъ извѣстное право участія въ распоряженіи столомъ, но чаще всего рѣшали эти вопросы между собою, вовсе не справляясь съ желаніемъ населенія.

Въ другихъ случаяхъ населеніе собиралось на вѣче по приглашенію князя: видимъ это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда князь желалъ знать, насколько можетъ онъ въ своихъ планахъ разсчитывать на помощь и поддержку земли; напримѣръ, приметъ ли послѣдняя участіе въ войнѣ своимъ ополченіемъ, и вѣче въ такихъ случаяхъ обнадеживало князя и призывало населеніе къ походу, или отказывало въ его участіи.

По собственной инициативѣ собиралось населеніе на вѣче, чтобы обратить вниманіе на злоупотребленія въ управленіи: напримѣръ, кіевское вѣче въ 1146 г. ставитъ Игорю Ольговичу свои требованія относительно улучше-

нія суда, и подъ этимъ условіемъ обѣщаютъ признавать его княземъ. Въ другихъ случаяхъ вѣче обращается къ князю съ требованіями измѣнить политику, прекратить опасную войну и т. п. Оно считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться во всѣ сферы жизни земли, и это право вполнѣ признается за вѣчемъ князьями. Но сдѣлавъ поправку, какая представлялась ему *необходимою*, вѣче возвращало текущее управленіе его обычнымъ хозяевамъ. Ограничивалось ролью корректива княжеско-дружиннаго управленія, вѣче не обнаруживаетъ никакихъ поползновеній ни править, ни даже законодательствовать.

Дѣятельность наиболѣе активной изъ нашихъ общинъ можетъ иллюстрировать роль вѣча вообще. Какъ здѣсь, въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ, очевидно, не существовало никакихъ опредѣленныхъ формъ вѣчевой дѣятельности—ни опредѣленныхъ сроковъ, ни мѣста собраній, ни опредѣленной иниціативы созванія, ни формъ представительства. Вѣче могло быть собрано каждымъ—отъ князя до любого частнаго человѣка. Участіе въ немъ могли принимать всѣ жители города и пригородовъ; рѣшающій голосъ имѣли всѣ полноправные граждане, отцы семействъ. Рѣшеніе считалось правильнымъ, когда его принимало такое подавляющее большинство, что могло игнорировать оппозицію. Рѣшеніе города было обязательно для его пригородовъ и всей земли, независимо отъ того, принимали ли въ немъ участіе, или нѣтъ, ихъ представители.

Княжеская власть и княжеское управленіе.

Все правленіе, внѣ вмѣшательства вѣча, лежало въ рукахъ князя и его дружины. Онъ могъ свободно распоряжаться своею волостью: дарить, мѣнять, дѣлиться; могъ своею властью начинать войну и заключать миръ, объявлять походъ—вся военная организація была въ его рукахъ и онъ полновластно распоряжался ею, поскольку не вмѣшивалось въ какое либо его распоряженіе вѣче. Онъ издавалъ законы и распоряженія, въ его рукахъ была администрація и судъ, который онъ творилъ или самъ непосредственно или черезъ своихъ чиновниковъ или агентовъ, которыхъ самъ назначалъ, и которые представляли его особу и власть, поэтому могли избираться даже изъ его рабовъ. Онъ распоряжался доходами земли, ея обложеніемъ. Онъ же, наконецъ, принималъ весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Личность его пользовалась большимъ уваженіемъ, считалась неприкосновенною для его подданныхъ, даже въ наиболѣе тяжелыхъ смутахъ и передрягахъ. Такіе факты, какъ убійство князя населеніемъ въ Кіевѣ 1146 г., или повѣшеніе князей галицкими боярами, озлобленными учиненнымъ ими массовымъ избіеніемъ бояръ—были явленіями исключительными, результатами чрезвычайнаго раздраженія, аффекта. Но съ другой стороны, и ученіе о богоустановленности и божественномъ освященіи власти, распространявшееся церковью, въ обществѣ прививалось очень туго.

Дружина—ближайшая сотрудница и помощница князя—въ правленіи принимала участіе черезъ свой совѣтъ или «думу», какъ называютъ ее въ лите-

ратурѣ,—позднѣйшимъ московскимъ терминомъ. Старшіе представители дружины, бояре, считали своимъ существеннымъ правомъ быть участниками не только княжьяго управленія, но и княжьихъ плановъ и замысловъ. Если князь не исполнялъ своей обязанности «думать съ дружиною», не совѣтовался съ нею обо всемъ напередъ, то это вызывало неудовольствія, уходъ бояръ отъ него и даже возстаніе,—какъ то видимъ въ Галиціи,—гдѣ бояре слишкомъ глубоко пустили корни въ мѣстной жизни,—чтобы покончить конфликтъ простымъ переходомъ къ другому князю, въ другую волость. Опредѣленныхъ формъ и компетенцій боярскій совѣтъ тоже не выработалъ. Князь совѣтовался съ тѣми боярами, какіе въ данный моментъ были подъ рукою, или какихъ хотѣлъ видѣть на совѣщаніи; составъ совѣта поэтому могъ мѣняться, могъ быть болѣе или менѣе многочисленнымъ. Но, съ другой стороны, князю неудобно было умышленно обходить и исключать изъ своихъ совѣщаній людей вліятельныхъ среди дружины, иначе это могло вызвать раздраженіе противъ него, да и собственный интересъ князя требовалъ, чтобы его дружина была постоянно въ курсѣ дѣла, и онъ могъ бы разсчитывать на ея преданность и солидарность.

Затѣмъ, важнымъ органомъ центральнаго управленія былъ княжій дворъ, въ своей организаціи обычно совмѣщавшій съ функціями княжьяго хозяйства функціи управленія. Должности съ болѣе ясно выраженнымъ характеромъ государственнаго управленія, какъ *дворецкій*, начальникъ двора и въ то же время надворный судья (iudex curiae), *печатникъ* (канцлеръ), выступаютъ довольно поздно, вѣроятно подъ вліяніемъ запада. Ранѣе выступаютъ, главнымъ образомъ, «*тіуны*», избиравшіеся изъ свободныхъ слугъ и рабовъ князя и завѣдывавшіе разными отраслями хозяйства и на ряду съ тѣмъ, какъ и другіе слуги князя, исполнявшіе разныя порученія государственнаго характера, выступавшіе въ роли княжьихъ агентовъ въ мѣстномъ управленіи, и т. п.

Элементы центральнаго и мѣстнаго управленія соединяются въ должности *тысяцкаго*, вѣнчавшей старую десятичную организацію, въ XI—XII в., сохранившуюся уже въ переживаніяхъ. Тысяцкихъ, *сотскихъ и десятниковъ* назначаетъ тогда князь. Они имѣли военно-административныя компетенціи, впрочемъ свѣдѣнія имѣемъ только о тысяцкихъ, выступающихъ въ качествѣ старѣйшихъ чиновъ земли, замѣстителей и представителей князя въ военное время.

Во второстепенныхъ административныхъ центрахъ встрѣчаемъ съ военно-административными компетенціями *посадниковъ*. Въ качествѣ судебныхъ агентовъ встрѣчаемъ лишь княжьихъ тіуновъ. Техническаго термина для судьи не встрѣчаемъ; возможно, что эта функція не спеціализировалась и не выдѣлялась изъ общаго круга административныхъ компетенцій.

Весьма мало, къ сожалѣнію, имѣемъ свѣдѣній объ общинномъ самоуправленіи въ вопросахъ хозяйства и управленія. Внѣ княжьяго управленія оставалась для него широкая сфера, въ которую княжьи агенты очень много вмѣшивались. Этимъ и объясняется, что государство могло обходиться съ такимъ несложнымъ административнымъ механизмомъ. Управленіе, поли-

ція, сборъ податей, въ извѣстныхъ границахъ судъ—все это оставалось компетенціей самихъ общинъ или болѣе сложныхъ союзовъ ихъ, въ родѣ позднѣйшихъ «копъ». Есть указанія, что общины могли выкупать у князя за извѣстную сумму всякія судебныя пошлины своей территоріи и тогда совершенно освобождались отъ вмѣшательства княжьихъ агентовъ не только въ области управленія, но и въ области суда.

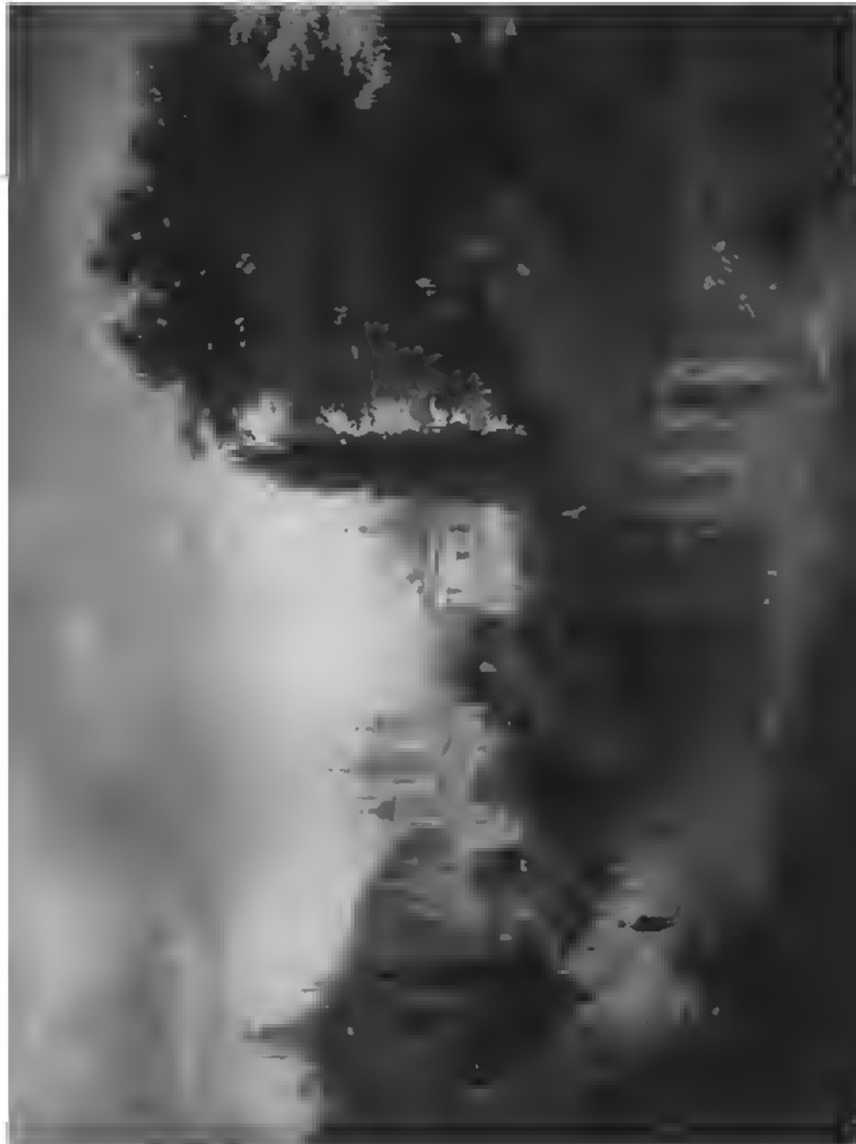
Организація суда, даже княжьяго, тоже очень мало намъ извѣстна; больше знаемъ только изъ области судопроизводства княжьихъ судовъ. Роль судьи въ процессѣ отличается большою пассивностью. Слѣдствіе производитъ сама сторона, она же заботится о приведеніи приговора въ исполненіе. Правительственные агенты и общинныя власти должны были только содѣйствовать ему: посадникъ обязанъ былъ дать своихъ отроковъ въ помощь «господину», отыскивавшему бѣжавшаго раба; община (вервь) обязана была помочь искать слѣдъ преступника на своей территоріи, если не хотѣла принять на себя его вины. Процессъ отличается строго формальнымъ, точно регламентированнымъ характеромъ, и субъективной оцѣнкѣ судьи остается очень мало мѣста. Процессъ вели сами стороны, наказанія точно предусматривались закономъ; роль судьи сводилась къ констатированію наличности доказательствъ и состава преступленія. Этотъ формализмъ, выразившійся, между прочимъ, и въ обиліи формулъ, сохраненныхъ намъ «Русскою Правдою», очевидно, имѣлъ цѣлью ограничить свободу усмотрѣнія и злоупотребленія властью судьи; стремленіе особенно понятное, если вспомнимъ, что судъ отправляли часто частные агенты князя или его намѣстника—слуги и даже рабы. Въ качествѣ судебныхъ доказательствъ фигурируютъ показанія свидѣтелей и присяга; письменныхъ доказательствъ въ юридическихъ сборникахъ XI—XII в. (Русская Правда)—еще нѣтъ. Употреблялись ордалии—указаніе имѣемъ на испытанія водою и желѣзомъ; о судебномъ поединкѣ не имѣемъ извѣстій, но это едва ли не случайный пробѣлъ нашихъ источниковъ. Апелляціи не существовало, такъ какъ всякій судья представлялъ особу князя, верховнаго и единственнаго судьи, какъ его замѣститель.

Кромѣ суда княжьяго и общиннаго, существовалъ судъ доминіальный—«господина» надъ его рабами и слугами, и судъ церковный. О послѣднемъ рѣчь будетъ ниже, о судѣ доминіальномъ можемъ сказать, что въ отношеніи господина къ его «холопамъ» (рабамъ) княжій судъ не вмѣшивался и ничѣмъ его не ограничивалъ (на смягченіе этихъ отношеній старалась вліять церковь, своими мѣрами воздѣйствія). По отношенію къ наймитамъ и также точно, очевидно—къ слугамъ свободнымъ—право признавало за господиномъ дисциплинарную власть, въ связи съ обязанностями ихъ—право господина «бити» закупа «про дѣло»; но оставлялъ за послѣднимъ право жаловаться въ княжескій судъ на злоупотребленія этою властью [1]).

[1]) Болѣе подробный пересмотръ относящагося сюда матеріала въ „Історії України“, III гл. 3.

Церковная организація, перенесенная на Русь изъ Византіи въ этотъ періодъ оставалась въ тѣсной и непосредственной зависимости отъ константинопольскаго патріархата и точно держалась своихъ византійскихъ образцовъ. Патріархъ все время, безъ всякаго соглашенія и сношеній съ князьями или мѣстнымъ духовенствомъ, самъ избиралъ митрополитовъ изъ Грековъ или другихъ огреченныхъ Византійцевъ, посвящалъ и присылалъ ихъ на Русь, не справляясь съ желаніями и видами мѣстныхъ круговъ. Съ этими правами патріарха въ византійскихъ кругахъ соединялось даже представленіе объ извѣстныхъ верховныхъ правахъ надъ русскими князьями также и императора византійскаго. И довольно страннымъ является фактъ, что до самаго татарскаго нашествія, послужившаго причиною разстройства не только въ политическомъ строѣ, но и въ церковныхъ отношеніяхъ кіевской митрополіи, мы не встрѣчаемъ у князей сколько-нибудь опредѣленныхъ стремленій выйти изъ такого произвола константинопольскаго престола, хотя эта практика должна была не только задѣвать ихъ самолюбіе, но и сопряжена была съ крупными неудобствами, такъ какъ на митрополичій столъ попадали люди совершенно чужіе, не знакомые съ мѣстною жизнью, совершенно не знавшіе языка и т. п. Нѣсколько фактовъ самостоятельнаго поставленія митрополита соборомъ мѣстныхъ епископовъ имѣютъ случайный характеръ. И только послѣ татарскаго нашествія, когда съ полнымъ упадкомъ Кіева усиливается партикуляризмъ новыхъ политическихъ центровъ, вмѣстѣ съ стремленіями послѣднихъ къ церковной автономіи и независимости, выступаетъ и желаніе видѣть на престолѣ своей митрополіи своего человѣка, своего избранника.

До конца XIII в. всѣ земли стараго Кіевскаго государства составляли одну митрополію, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями. Такъ, митрополичій титулъ, какъ мы уже знаемъ, носили нѣкоторое время епископы переяславскіе; неизвѣстно, была ли эта переяславская митрополія первоначально самостоятельною, второю митрополіею, рядомъ съ кіевскою; но во второй половинѣ XII в., когда о ней имѣемъ свѣдѣнія, была она лишь титулярною, какъ и новгородская архіепископія. Затѣмъ, съ возвышеніемъ Суздаля, въ роли соперничающаго съ Кіевомъ политическаго центра, князь суздальскій Андрей задумалъ устроить у себя самостоятельную митрополію, но патріархъ рѣшительно воспротивился этому, и свое удовлетвореніе этотъ суздальскій партикуляризмъ нашелъ лишь въ концѣ XIII в., въ фактическомъ перенесеніи митрополичьей резиденціи изъ Кіева во Владиміръ на Клязмѣ, а позже въ Москву. Но этотъ фактъ послужилъ толчкомъ къ тому, что и другіе новообразовавшіеся политическіе центры озабочиваются также пріобрѣтеніемъ своего отдѣльнаго митрополита. Такъ, непосредственно послѣ переселенія кіевскаго митрополита на постоянное



жительство во Владиміръ въ 1299 г., добиваются выдѣленія своихъ земель въ отдѣльную митрополію князья галицко-волынскіе, и въ 1302 г. распоряженіемъ византійскаго императора и константинопольскаго патріарха была создана галицкая митрополія, заключающая въ себѣ пять юго-западныхъ епархій. Вслѣдъ за нею поднимается вопросъ объ образованіи отдѣльной митрополіи для земель, перешедшихъ подъ власть литовскаго в. князя, и въ 1315 дѣйствительно была образована еще одна митрополія, «литовская». Митрополиты «всея Руси», однако не мирились съ такимъ умаленіемъ ихъ діецезіи и митр. Өеогносту разными происками удалось добиться въ Константинополѣ желательнаго для него рѣшенія: обѣ отдѣльныя митрополіи были опять присоединены къ митрополіи всея Руси. Успѣхъ, положимъ, не былъ особенно проченъ, потому что вопросъ объ обѣихъ каѳедрахъ скоро всталъ снова на очередь. Но до конца XIII в., какъ видимъ изъ выше изложеннаго, всѣ земли Кіевскаго государства въ общемъ составляли одно цѣлое въ церковномъ отношеніи — одну митрополію, единственную въ мірѣ по своей величинѣ и количеству населенія.

Велики были и епархіи, входившія въ ея составъ. До паденія Кіева, до половины XIII в., всѣхъ епархій было здѣсь шестнадцать (семнадцатая—тмутараканская, основанная передъ крещеніемъ Руси, не входила въ составъ кіевской митрополіи). На украинскую територію изъ нихъ, кромѣ митрополичьей, кіевской каѳедры, приходится девять: переяславская, черниговская, бѣлгородская, юрьевская, владимірская (на Волыни), луцкая, перемышльская, галицкая и угровская (холмская); десятая—туровская—охватывала пограничную украинско-бѣлорусскую територію. Послѣ 1240 г. перестала существовать изъ украинскихъ каѳедръ—юрьевская и переяславская (послѣдняя была формально присоединена къ сарайской епископіи, епископъ которой проживалъ въ Сараѣ), еще позже—бѣлгородская (существовала еще въ XIV в.); новыхъ вмѣсто нихъ не возникло. Въ общемъ въ дотатарскую эпоху епархія соотвѣтствуетъ большею частью землѣ. Основаніе новыхъ каѳедръ встрѣчалось съ большими трудностями, какъ показываетъ исторія основанія смоленской каѳедры: епископы, въ составъ епархіи которыхъ входили выдѣляемыя земли, всячески противились уменьшенію своихъ доходовъ неизбѣжному при уменьшеніи епархіи.

Отношенія епископовъ къ своему митрополиту, по каноническому праву, должны соотвѣтствовать отношеніямъ митрополита къ патріарху. Митрополитъ правитъ самостоятельно своею епархіею, и патріархъ можетъ вмѣшиваться въ дѣла послѣдняго только въ случаѣ какихъ либо злоупотребленій митрополита; такъ точно независимъ отъ митрополита въ своемъ управленіи епископъ. Митрополиту принадлежитъ право суда надъ епископомъ по жалобамъ или апелляціямъ на рѣшенія епископскаго суда, точно такъ же, какъ патріарху надъ митрополитомъ. Епископъ ничего важнаго не долженъ предпринимать безъ согласія митрополита, но и митрополитъ ничего важнаго не долженъ учинять безъ собора епископовъ, на который обязаны по его зову являться епископы

его діецезіи, какъ самъ онъ—на соборъ патріархата. Отдаленіе резиденціи кіевскаго митрополита отъ патріаршей столицы сводили, однако, до минимума всѣ эти предписанныя правомъ отношенія, и также точно, хотя въ нѣсколько ослабленной формѣ—въ отношеніяхъ епископовъ кіевской митрополіи къ своему митрополиту—внѣ поставленія, и извѣстныхъ денежныхъ оплатъ, поступавшихъ отъ митрополита въ патріаршую казну, всѣ связи были очень слабы, и вмѣшательства патріарха въ жизнь митрополіи были рѣдки и случайны, и также точно—вмѣшательство кіевскаго митрополита въ жизнь подвластныхъ епархій. Епископскіе соборы довольно туго собирались и въ Византіи, и еще труднѣе было собрать ихъ на Руси; уже м. Іоаннъ въ своихъ правилахъ грозитъ епископамъ «посварить» ихъ, если они не будутъ пріѣзжать на соборы, но эта угроза едва ли дѣйствовала. Вѣроятно, съ цѣлью обезпечить митрополиту присутствіе хотя-бы двухъ епископовъ, были основаны каѳедры въ Бѣлгородѣ и Юрьевѣ, въ Кіевской же землѣ. Какъ митрополитъ былъ самовластно назначаемъ патріархомъ, также стремился и митрополитъ по своему усмотрѣнію назначать епископовъ. По каноническому праву, епископа на вакантную каѳедру избираетъ совѣтъ епископовъ и предлагаетъ митрополиту для посвященія; въ дѣйствительности такая практика имѣла мѣсто только въ XIV в., при м. Ѳеогностѣ, какъ показываютъ протоколы поставленій 1328—1347 гг.: соборъ епископовъ, созванный митрополитомъ, предлагалъ ему трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ митрополитъ избиралъ одного, провозглашалъ его имя и затѣмъ посвящалъ. Вѣроятно, этою каноническою практикою имѣли въ виду ослабить неудовольствіе на вліяніе, какое оказывалъ великокняжескій дворъ митрополичьей резиденціи на поставленіе епископовъ; эта была эпоха стремленій къ церковной самостоятельности, питавшихся такимъ и подобными неудовольствіями на вліяніе великокняжеской резиденціи на митрополита, и м. Ѳеогностъ, стремившійся всѣми мѣрами возстановить первоначальное единство митрополіи, естественно могъ расчитывать этимъ способомъ смягчить стремленія къ церковному партикуляризму, отрекаясь отъ старой практики, XI—XIII в. Послѣдняя не знала вовсе участія собора въ поставленіи епископовъ: ихъ поставляетъ митрополитъ, по сношенію съ княземъ земли, въ которой находилась вакантная каѳедра, или безъ всякаго соглашенія съ нимъ. Выборъ лица, иногда, исходилъ отъ князя, и потому въ нашихъ источникахъ нерѣдко встрѣчаемъ выраженіе, что тотъ или другой князь «поставилъ епископомъ» такого-то. Кіевскій князь, несомнѣнно, имѣлъ большое вліяніе на поставленіе епископовъ въ другія земли, особенно управляемыя князьями менѣе вліятельными. Князья болѣе самостоятельные иногда не принимали епископа, присланнаго имъ митрополитомъ безъ соглашенія съ ними; такъ поступилъ, напр., извѣстный Всеволодъ Юрьевичъ, заявивъ что присланнаго епископа «не избраша людье», и суздальскій лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ, что епископство не годится пріобрѣтать «на мздѣ» (заплативъ митрополиту), «но его же князь возхощетъ и людье». Но воля людей тутъ является лишь фразою; участіе ихъ въ выборѣ епископа нигдѣ

не видимъ, и въ концѣ концовъ, по представленіямъ современниковъ, какъ видимъ, право выбора епископа принадлежало мѣстному князю.

Совѣтомъ при епископѣ по всякимъ дѣламъ епархіальнаго управленія долженъ былъ служить т. н. крилосъ (греческое κλῆρος) — коллегія городскихъ священниковъ, со старшимъ соборнымъ священникомъ во главѣ. Онъ соотвѣтствуетъ епископскому собору при митрополитѣ, но въ отличіе отъ послѣдняго имѣлъ всѣ данныя для болѣе энергичнаго и правильнаго функціонированія, такъ какъ находился на мѣстѣ и былъ съ своей стороны живѣйшимъ образомъ заинтересованъ своимъ участіемъ въ епархіальномъ управленіи. Упоминанія о немъ встрѣчаемъ нерѣдко, но указаній объ участіи въ епископскомъ управленіи изъ этого времени — не имѣемъ вовсе, только по аналогіи позднѣйшей дѣятельности этихъ «крылосовъ», продолжавшихъ существовать на Украинѣ и позже, въ XV—XVI вв., можемъ дѣлать догадки объ его участіи въ администраціи епархіи, въ духовномъ судѣ и объ управленіи имъ епархіею въ періоды, когда она была лишена епископа.[1])

Изъ разныхъ сторонъ епархіальнаго управленія больше всего извѣстій имѣемъ объ епископскомъ судѣ. Правда, княжьи уставы, устанавливающіе привилегіи и границы церковнаго суда, дошедшіе до насъ съ именами Владиміра Великаго, Ярослава и Всеволода Мстиславовича, носятъ очевидные слѣды позднѣйшей—если не подделки, то переработки; но учредительная грамота смоленской епархіи, середины XII в., сохранившаяся въ неискаженномъ видѣ, указываетъ довольно точно тогдашнюю практику духовнаго суда, относя къ компетенціи послѣдняго дѣла о нарушеніи законнаго брака, о проступкахъ противъ христіанской религіи или оскорбляющихъ нравственность и чувства приличія. По сравненію съ этимъ княжьимъ уставомъ церковный уставъ съ именемъ Владиміра расширяетъ главнымъ образомъ вторую и третью категорію проступковъ—противъ религіи и нравственности, и присоединяетъ къ нему еще четвертую—споры объ имуществѣ среди членовъ семьи. Уставъ даетъ такимъ образомъ картину пожеланій и претензій духовной власти въ этой сферѣ, и позднѣйшій памятникъ, посланіе владимірскаго епископа, ссылающійся на повсемѣстную практику епископскаго суда послѣдней четверти XIII в., даетъ намъ понять, что духовная власть въ это время въ значительной степени успѣла уже осуществить свои пожеланія и охватила своею компетенціей значительную сферу гражданскаго права.

По перечисленнымъ вопросамъ епископскому суду подлежало все населеніе. Кромѣ того, по всякаго рода дѣламъ ему подлежало духовенство и т. н. церковные люди—стоявшіе подъ спеціальнымъ покровительствомъ церкви или чѣмъ-нибудь связанные съ нею (о нихъ ниже).

Кромѣ суда, уставъ съ именемъ Владиміра считаетъ епископскою компетенціею надзоръ за мѣрами и вѣсами— другія извѣстія дѣйствительно подтверждаютъ существованіе церковнаго надзора надъ точностью и неизмѣн-

---

1) Въ аналогіяхъ этой позднѣйшей роли клироса нужно, впрочемъ, считаться съ возможными вліяніями на послѣднюю католическихъ капитулъ.

*

ностью образцовыхъ мѣръ и вѣсовъ, отдававшихся подъ охрану церковнаго авторитета. Другія извѣстія указываютъ на живое участіе высшаго духовенства въ политической и общественной жизни своей земли на извѣстные случаи, гдѣ духовенство считалось обязаннымъ брать подъ свое покровительство неправедно потерпѣвшихъ. Въ свою очередь, свѣтская власть считалась призванною не только охранять и опекать государственную церковь, но и принимать непосредственное участіе въ ея дѣлахъ. Такіе чисто церковные вопросы, какъ канонизація святыхъ, какъ догматическіе и обрядовые споры—не обходятся безъ участія князей, нерѣдко своею властью и репрессіями поддерживающихъ тотъ или иной взглядъ, ту или иную доктрину. И такіе факты нисколько не скандализировали духовенство, считались—въ порядкѣ вещей, по образцу Византіи, съ ея привычной участью свѣтской власти въ дѣлахъ церкви.

О приходской организаціи свѣдѣнія изъ этого времени очень бѣдны. Въ источникахъ, кромѣ священниковъ, встрѣчаемъ діаконовъ, иподіаконовъ, пономарей и просвиренъ. «Дьяками»—уменьшительнымъ отъ «діаконъ», называли церковныхъ чтецовъ. Званіе просвирни было оригинальнымъ явленіемъ, неизвѣстнымъ византійской практикѣ; оно было обязано своимъ появленіемъ трудностямъ, съ какими было связано не только въ селахъ, но и въ городахъ изготовленіе просфоръ

Организація монастырей была заимствована изъ греческихъ монастырей чина Ѳеодора Студита, но въ упрощенномъ видѣ, съ меньшимъ числомъ членовъ монастырской администраціи. Во главѣ монастыря стоялъ игуменъ (въ женскихъ—игуменія), избиравшійся самими монахами изъ собственной среды или изъ людей постороннихъ—даже не постриженныхъ. Подъ вѣдомствомъ игумена монастырское хозяйство вѣдали экономъ и келарь, разными отраслями его завѣдывали затѣмъ тѣ же «тіуны», какъ и въ княжескомъ и боярскомъ хозяйствѣ, вѣроятно изъ монастырскихъ холопей. 1)

Общественная структура въ связи съ экономическимъ процессомъ.

Скудость свѣдѣній объ экономическомъ процессѣ эпохи образованія государства заставляетъ ограничиться самыми общими соображеніями относительно вліянія его на структуру общества. Два основные момента нужно прежде всего отмѣтить. Условія экономической жизни создаютъ все въ большихъ размѣрахъ рабовладѣніе, не только для торговли и вывоза, но и для внутреннихъ хозяйственныхъ нуждъ. Съ другой стороны, мѣсто старой родовой аристократіи занимаетъ имущественная, группирующаяся, главнымъ образомъ, около наиболѣе выдающихся городскихъ центровъ, все болѣе отрекающаяся отъ старыхъ формъ родово-племеннаго быта и могущественно вліяющая на новый строй общественныхъ и политическихъ отношеній.

Въ этомъ, такъ сказать, горизонтальномъ разслоеніи общества политическій процессъ, а затѣмъ введеніе

---

1) Подробнѣе о церкви—„Історія України“ т. III, гл. 3.

христіанства, производятъ глубокіе вертикальные разрѣзы, образуя особыя привилегированныя группы населенія, проникающія черезъ всѣ слои общества— категоріи людей княжьихъ, съ одной стороны, людей церковныхъ—съ другой.

Останавливаясь нѣсколько ближе на первомъ изъ указанныхъ моментовъ, нужно отмѣтить тревожную жизнь и неблагопріятныя условія, въ которыхъ очутилось въ особенности украинское Поднѣпровье — этотъ первоначальный очагъ экономической и политико-общественной эволюціи, а въ меньшей мѣрѣ—и западныя украинскія земли. Они производили глубокія перемѣны въ экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ. Уже отливъ украинскаго населенія изъ степной полосы, медленно, съ извѣстными перерывами развивавшійся, вѣроятно, еще съ IX в., неизбѣжно долженъ былъ вызывать важныя измѣненія въ этихъ отношеніяхъ, бросая въ среду населенія центральныхъ и сѣверныхъ украинскихъ земель массы населенія, оторванныя отъ своей почвы, лишенныя орудій хозяйства, вырванныя изъ тѣхъ родовыхъ и иныхъ союзовъ, въ которыхъ развивалась ихъ экономическая и общественная жизнь. Обладатели экономическихъ средствъ—былъ ли то патриціатъ купеческій, князья и бояре, или наростающій классъ болѣе крупныхъ сельскихъ хозяевъ, получали въ свое распоряженіе массы безземельнаго люда, который одинаково прочно могъ служить матеріально для военныхъ дружинъ и для полусвободныхъ работниковъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности.

Въ этомъ направленіи вліяли и потрясенія экономической жизни, производимыя набѣгами и опустошеніями кочевниковъ, и тяжелыми войнами, которыми сопровождался какъ процессъ созданія государства, такъ и долгая исторія его разложенія. На этотъ разъ въ особенности терпѣли среднія и южныя части Кіевской земли, Переяславская, южная часть Черниговской — какъ центръ политической и культурной жизни X—XII в. Сѣверная Украина, покрытая непроходимыми лѣсами, и западная—Волынь и Галицкая земля, отъ нападеній кочевниковъ не страдали, но и тутъ въ первой половинѣ XIII в. шла тяжелая, затяжная смута, а пограничная война съ Польшей и Литвой всей тяжестью падала на сѣверо-западное Полѣсье. Всѣ эти бѣды, впрочемъ, далеко не равнялись бѣдствіямъ Поднѣпровья, но перемѣны, вызываемыя потрясеніями экономической жизни Поднѣпровья, отражались на жизни и этихъ земель.

Наши источники не занимаются фактами экономической жизни, но нѣкоторыя подробности, сообщаемыя ими, даютъ очень яркія указанія на оскудѣніе земли, вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ и набѣговъ. Черниговскій князь Святославъ Ольговичъ случайно обронилъ очень сильную иллюстрацію того, какъ выглядѣла южная часть Черниговской земли послѣ ожесточенныхъ войнъ половины XII в. «Взялъ я, говоритъ онъ, Черниговъ съ семью пустыми городами: Моровійскомъ, Любскомъ, Орогощемъ, Всеволжемъ, а въ нихъ только и живутъ, что псари да Половцы». Въ окрестности Чернигова, на большомъ пространствѣ не оказывается никакого путнаго населенія, остались только разные тюркскіе колонисты, поселенные князьями для охраны опустошенныхъ южныхъ

границъ, да княжьи слуги — холопы. Конечно, въ этой картинѣ, вѣроятно, много преувеличеннаго, но все же запустѣніе должно было быть жестокое—въ родѣ руины Поднѣпровья конца XI в., такими сильными красками описанной Словомъ о полку Игоревѣ: «Погибала жизнь Дажбожья внука (Руси), среди княжьихъ крамолъ сокращалась жизнь человѣка; рѣдко тогда въ Русской землѣ можно было слышать крикъ ратая, зато часто кричали вороны, дѣля между собою трупы, да часто вели свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу».

Кромѣ общаго обѣднѣнія края, эти катастрофы оказывали особенное вліяніе на уменьшеніе мелкихъ сельскихъ хозяйствъ. Тамъ, гдѣ богатыя боярскія хозяйства терпѣли только убытки, мелкія сельскія хозяйства часто погибали вовсе, или переходили въ боярскія руки, а ихъ собственники—въ категорію полусвободныхъ закуповъ или несвободныхъ холоповъ. Разоренное имѣніе бояринъ имѣлъ возможность возстановить и вмѣсто холопа, взятаго въ неволю наѣздниками, пріобрѣсти себѣ другого; но хозяйство смерда нерѣдко пустѣло навсегда, если Половецъ убилъ его, а семью забралъ въ неволю, какъ описываетъ Мономахъ обыкновенную обстановку половецкаго набѣга. Да и не взятый въ плѣнъ не всегда былъ въ состояніи возстановить собственными силами разоренное хозяйство, и приходилось либо продать его за бездѣнокъ, либо войти въ долги, а въ тогдашнихъ условіяхъ долгъ былъ кратчайшею дорогою къ холопству. Задолженное хозяйство вмѣстѣ съ его собственникомъ переходило во владѣніе кредитора, и это, несомнѣнно, былъ одинъ изъ наиболѣе торныхъ путей, какими двигались и разростались боярскія имѣнія.

Впрочемъ, войны и набѣги только обостряли и ускоряли процессъ, развивавшійся и независимо отъ нихъ, хотя болѣе медленно. Разъ только трудъ холопа сталъ предметомъ пожеланій для «нарочитой чади», державшей въ своихъ рукахъ экономическую и политическую власть,—одно это обстоятельство должно было содѣйствовать постепенному переходу свободныхъ работниковъ въ несвободныя категоріи. Возможно, что въ VI в., какъ повѣствуетъ историкъ Маврикій, пограничные съ Византіей Славяне добровольно отпускали своихъ невольниковъ: въ тогдашнемъ полу-кочевомъ быту эти послѣдніе не приносили никакой выгоды; позже получаютъ они цѣну, въ качествѣ предмета заграничной торговли, и дѣйствительно вывозились въ IX—X вв. въ огромномъ количествѣ. Въ XI—XII вв. о вывозѣ рабовъ изъ Руси въ чужіе края мы слышимъ все рѣже и рѣже; спросъ на нихъ былъ на мѣстѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивались и способы закрѣпощенія свободнаго населенія болѣе или менѣе «законными путями».

Варварское, но узаконенное право войны доставляло рабовъ въ большомъ количествѣ. Широко практиковалось, несомнѣнно порабощеніе свободныхъ подъ разными предлогами, примѣры котораго также встрѣчаемъ въ нашихъ источникахъ (разсказъ о незаконномъ обращеніи въ рабство свободно рожденнаго сына раба, въ чудесахъ Бориса и Глѣба, и упоминаніе Русской Правды о незаконной продажѣ въ рабствѣ закупа). Но экономическая зависимость въ разныхъ формахъ была едва ли не самымъ обильнымъ источ-

никомъ несвободнаго состоянія. Процентная норма была чрезвычайно высока; 15% считалось легкимъ, христіанскимъ процентомъ. Не только деньги, но и продукты должны были возвращаться съ лихвой: «куны (деньги) въ рѣзы (проценты), медъ въ поставы, жито въ присопъ», какъ выражается Русская Правда. Обычною формою погашенія процента у малосостоятельныхъ должниковъ была отработка, но работа цѣнилась низко: годовой трудъ женщины въ Русской Правдѣ цѣнится въ одну гривну, между тѣмъ нормальмальная цѣна коровы опредѣляется въ 2 гривны, коня въ 3 гривны; при такой низкой оцѣнкѣ труда каждый заемъ, даже безъ злоупотребленій, грозилъ втянуть должника въ безвыходное положеніе. А злоупотребленія, несомнѣнно, были чрезвычайно распространены; чрезвычайное вниманіе, какое посвящаетъ Русская Правда вопросамъ процента, отработки, порабощенія должниковъ, упоминанія о разныхъ незаконныхъ способахъ обращенія закуповъ въ холопство, приписыванія штрафовъ къ долгу, обращавшаго закупа въ безнадежно - неоплатнаго должника и т. п., свидѣтельствуютъ объ этомъ достаточно краснорѣчиво. Но даже и тѣ постановленія законовъ, какія имѣли своею цѣлью ограничить злоупотребленія кредиторовъ, и были вырваны у правительства движеніями народныхъ массъ, раздраженныхъ этимъ тяжелымъ экономическимъ процессомъ (кіевское движеніе 1113 г. и законодательство о процентахъ), оставляли широкій просторъ для злоупотребленій, для закрѣпощенія должниковъ, да при томъ, конечно, не имѣли шансовъ особенно точно исполняться при превалирующей политической роли тѣхъ именно классовъ, которые были наиболѣе заинтересованы въ возрастаніи количества невольнаго труда и на немъ строили свое благосостояніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что именно на этомъ фундаментѣ — умноженія несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ силъ, строилось и возрастало боярское хозяйство и вообще крупное землевладѣніе, въ которое, съ упадкомъ торговли и промышленности, все болѣе опредѣленно отливается имущественное преобладаніе въ XII — XIII вв. Всюду, гдѣ идетъ рѣчь объ имѣніяхъ— княжескихъ, боярскихъ, церковныхъ— неизмѣнно выступаетъ и «челядь», рабы и всякаго рода безземельное, несвободное населеніе. Вдова Глѣба Всеславича жертвуетъ Печерскому монастырю «пять селъ и съ челядью»; черниговскіе Давидовичи, разграбивъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ дворъ Святослава Ольговича въ Путивлѣ, забираютъ въ немъ, въ качествѣ добычи семьсотъ человѣкъ «челяди», очевидно работавшихъ въ этомъ селѣ; если князь Ростиславъ жалуетъ смоленской епископской каѳедрѣ огородъ, то не пустой, а съ приписаннымъ къ нему «капустникомъ» съ его семьею, и т. п. Русская Правда упоминаетъ «ролейныхъ» закуповъ, работавшихъ на «рольѣ», княжьихъ и боярскихъ «сельскихъ» и «ратайныхъ» тіуновъ т. е. несвободныхъ слугъ, присматривавшихъ за сельскими работами; говоритъ на ряду съ холопами княжьими и боярскими также о холопахъ монастырскихъ, которые могли быть только сельско-хозяйственными работниками.

Впрочемъ, само собою понятно, что только трудомъ несвободныхъ и полусвободныхъ, экономически зависи-

ныхъ, и было возможно создать значительныя хозяйства. При огромныхъ массахъ свободной земли, при сравнительно легкихъ формахъ добыванія пропитанія, экономически самостоятельное свободное населеніе не имѣло никакихъ побужденій итти въ батраки, и при сравнительно невысокой доходности тогдашняго сельскаго хозяйства наемному труду въ немъ не было мѣста. Крупное хозяйство было возможно только при наличности труда несвободнаго, безплатнаго.

И дѣйствительно, война, это почти постоянное занятіе тогдашнихъ правящихъ классовъ, давала массу военноплѣнныхъ рабовъ; колонизаціонныя потрясенія, всякаго рода опустошенія и экономическіе кризисы загоняли во дворы бояръ, князей, монастырей и всякаго рода капиталистовъ массы несвободныхъ и полусвободныхъ рукъ. Семьсотъ человѣкъ рабовъ, захваченныхъ въ одномъ лишь княжьемъ имѣніи, даютъ намъ понять, какъ велики были уже въ то время поселенія рабовъ и крѣпостныхъ и въ какихъ большихъ размѣрахъ велось ихъ трудомъ хозяйство. Извѣстія источниковъ даютъ намъ понятіе о размѣрахъ послѣдняго: въ одномъ изъ княжьихъ селъ, разоренныхъ въ тотъ же походъ, оказывается княжье стадо въ количествѣ 4000 конскихъ головъ; въ другомъ «сельцѣ» оказывается гумно съ 900 стогами хлѣба и т. п. Насколько несвободный элементъ сталъ принадлежностью домашняго быта, показываетъ одна статья Русской Правды, что свободный человѣкъ, вступившій въ обязанности ключника или тіуна, не гарантировавъ себѣ свободы, тѣмъ самымъ утрачиваетъ послѣднюю; ключники и тіуны, и не только они, а вся вообще домашняя прислуга, очевидно, состояла почти исключительно изъ несвободныхъ [1]).

Общественные классы

Въ общественной организаціи этого времени имѣемъ три категоріи: а) правящій классъ, или людей княжьихъ, дружину; б) собственно населеніе, или людей въ тѣсномъ смыслѣ; и в) людей церковныхъ. Въ каждой изъ этихъ трехъ категорій рѣзко отграничиваются классы людей свободныхъ, полноправныхъ, и несвободныхъ, безправныхъ; но на рубежѣ этихъ двухъ классовъ образуются переходныя группы людей, экономически зависимыхъ и потому въ своихъ гражданскихъ правахъ ограниченныхъ. Среди свободныхъ людей отличаются верхніе слои людей лѣпшихъ, лучшихъ, и меньшихъ, также люди городскіе и волостные. Но за исключеніемъ дѣленія на людей свободныхъ и несвободныхъ, остальныя границы не отличались большою устойчивостью: отдѣльные классы сближались переходными группами и допускали довольно свободное передвиженіе изъ одной группы въ другую.

Имя «дружины» (отъ другъ, товарищъ, пріятель) подчеркивало свободныя отношенія ея къ князю, и такія отношенія дѣйствительно существовали не только въ теоріи, но и въ жизни. Дружинникъ, особенно изъ

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. III, гл. 4.

старѣйшихъ, носившихъ названіе «княжьихъ мужей», «огнищанъ», также «бояръ», считаетъ себя не безотвѣтнымъ слугой, а товарищемъ князя, которому должны быть извѣстны княжьи намѣренія и планы. Если поведеніе князя ему не нравится, онъ можетъ его во всякое время оставить и перейти къ другому, не подвергаясь никакой карѣ или репрессіямъ. Благодаря этому праву свободнаго перехода, дружина слагалась изъ разныхъ этнографическихъ и общественныхъ элементовъ. Часто она слѣдовала изъ одной земли въ другую при передвиженіяхъ своего князя, но съ тѣхъ поръ, какъ княжьи династіи болѣе прочно устраиваются въ отдѣльныхъ земляхъ, дружина также, особенно ея высшіе слои, локализируется, обзаводится осѣдлостью среди мѣстнаго населенія, въ особенности высшихъ классовъ его, изъ поколѣнія въ поколѣніе оставаясь въ службѣ данной династіи и даже занимая по наслѣдству извѣстныя должности. Такія связи съ землей представляли существенныя выгоды для обѣихъ сторонъ: въ интересахъ князя было имѣть въ своей службѣ вліятельныхъ представителей мѣстнаго общества, равно какъ въ интересахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ—стоять ближе къ власти. Но доступъ постороннимъ элементамъ также не былъ прегражденъ. Даже въ наиболѣе сплоченное боярство галицкое, гдѣ особенно прочно сложились боярскія династіи, проникали и достигали высокаго положенія люди не родовитые, «отъ племени смердья», «поповы внуки», хотя на нихъ свысока смотрѣли въ аристократическихъ кругахъ. Содержалась дружина этой эпохи изъ даней, судебныхъ и административныхъ доходовъ; слѣдовъ помѣстной практики—раздача земель въ вознагражденіе службы—въ эту эпоху не встрѣчаемъ. Численность дружины зависѣла отъ доходовъ князя; въ концѣ XI в. кіевскій князь заявляетъ, что можетъ выставить на войну 800 своихъ «отроковъ» (отроки—собственно дѣти, младшіе, рядовые дружинники въ противоположность старшимъ). Мелкіе князья имѣли, конечно, дружины очень малочисленныя. Наоборотъ, выдающіеся, крупные бояре содержали на своемъ иждивеніи болѣе или менѣе значительныя дружины своихъ «отроковъ».

Земская аристократія—боярство въ тѣсномъ смыслѣ (изъ боляринъ, большій—исконное имя земской аристократіи, позже усвоенное также дружинной аристократіей), благодаря указанному тяготѣнію къ власти и княжьей службѣ, нерѣдко сливалась такъ тѣсно съ аристократіей дружинной, что не всегда даже ихъ можно отличить въ нашихъ извѣстіяхъ. Подъ вліяніемъ экономическихъ условій та и другая одинаково эволюціонируютъ отъ роли богатыхъ купцовъ, какими представлялась чужеземцамъ «Русь» IX—X в. (ср. приведенную выше арабскую характеристику Руси, какъ купцовъ-воиновъ, не имѣющихъ недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашенъ, промышляющихъ лишь добычничествомъ и торговлею), къ положенію земельной аристократіи, въ какую превращаются онѣ подъ вліяніемъ упадка торговли и развитія сельскаго хозяйства въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, такъ что въ XIV—XV в. слово «болринъ» въ нашихъ памятникахъ становится терминомъ для привилегированнаго военно-служебнаго землевладѣльца. Прерогативою дружинной

аристократіи, сравнительно съ земскою, не служилою, въ правѣ XI—XII вв. является высшая, двойная «вира», выкупъ за голову убитаго. Выкупъ за голову земскаго боярина былъ одинаковъ съ прочимъ свободнымъ населеніемъ; единственная юридическая привилегія земскаго боярства, сравнительно съ послѣднимъ, извѣстная намъ въ сферѣ наслѣдственнаго права: при отсутствіи мужескаго потомства бояре могли передавать свое имущество дочерямъ, и выморочное имущество по смерти бояръ и слугъ боярскихъ не поступало князю, какъ поступало по смерти представителей другихъ общественныхъ классовъ, не оставлявшихъ мужескаго потомства. Въ остальномъ преобладаніе боярства зиждилось на его фактическихъ, а не юридическихъ условіяхъ.

Само по себѣ экономическое преобладаніе уже создавало боярству вліятельное положеніе въ общественной жизни, а входя въ составъ дружины князя, оно пріобрѣтало непосредственное вліяніе и на политическую жизнь, на управленіе и законодательство. Княжеско-дружинный строй изначала былъ, по всей очевидности, созданіемъ этихъ верхнихъ слоевъ общества и стоитъ въ тѣсномъ союзѣ съ ними и позже. Исторія кіевскаго народнаго движенія 1113 г. когда нижніе слои населенія, пользуясь замѣшательствами по смерти князя, принимаются грабить дома княжескихъ чиновниковъ, евреевъ, а въ перспективѣ предвидѣлось разграбленіе богатыхъ людей вообще, и боярство видитъ единственное спасеніе въ скорѣйшемъ призваніи въ Кіевъ новаго князя,—весьма ярко иллюстрируетъ эти отношенія. Новый князь, принимаясь прежде всего за смягченіе законовъ о займѣ, процентахъ и т. под., даетъ понять смыслъ этихъ отношеній. Юридическіе кодексы XI—XII вв. (Русская Правда) всѣмъ своимъ характеромъ указываютъ на близость законодательства и вообще всей правительственной политики къ интересамъ богатыхъ классовъ. Охрана этихъ послѣднихъ является ближайшею ихъ цѣлью; демагогія была вполнѣ чужда княжеской политикѣ.

О рядовомъ городскомъ населеніи можемъ сказать немного. Типическій мѣщанскій характеръ могло имѣть населеніе только болѣе значительныхъ городовъ, въ болѣе мелкихъ оно имѣло вполнѣ земледѣльческій характеръ, и эти мелкіе города по существу являлись лишь компактными, огражденными селами. Разница въ экономическомъ бытѣ города (болѣе значительнаго) и села сказывалась въ томъ, что города платили свою дань преимущественно деньгами, села—продуктами. Въ административномъ отношеніи городъ отличался тѣмъ, что не входилъ въ сотенную организацію сельскаго населенія (по крайней мѣрѣ иногда). Въ политикѣ граждане имѣли привилегію постановлять рѣшенія, обязательныя для всей тянувшей къ нимъ земли. Это давало горожанамъ право на особенное вниманіе правительства, проявлявшееся въ подаркахъ, всенародныхъ пирахъ, и т. под. Но съ своей стороны, они, несомнѣнно, стояли въ сильнѣйшей зависимости отъ своей аристократіи, правившей городомъ и черезъ него давшей тонъ жизни всей земли. Галицко-Волынская лѣтопись, враждебно настроенная противъ политическихъ притязаній мѣстнаго боярства, оставила драгоцѣнную картинку гордаго боярина, безцеремонно въ одной

сорочкѣ ѣдущаго по городу на конѣ, «Галичанамъ же текущимъ у стремени его», и эта картинка гордаго боярича и льстивой, зависимой мѣщанской массы, вѣроятно, не далеко отходитъ отъ дѣйствительности и другихъ городскихъ центровъ.

Среди сельскаго населенія ядро составляли такъ назыв. смерды, свободные и экономически самостоятельные крестьяне, сидѣвшіе на своихъ земляхъ и имѣвшіе собственное хозяйство. Это свободное крестьянство пользовалось всѣми гражданскими и юридическими правами, самоуправленіемъ и собственнымъ судомъ въ своихъ общинахъ (остатки этого крестьянскаго общиннаго суда сохранились до XVI в. въ такъ назыв. «копныхъ судахъ», эксплоатировавшихся правительствомъ въ то время для слѣдственныхъ и полицейскихъ цѣлей). Въ болѣе важныхъ случаяхъ, когда подвергалось опасности благосостояніе земли, это крестьянство привлекалось и къ военной службѣ.

Относительно обложенія его данями и повинностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ—относительно формъ крестьянскаго землевладѣнія—за недостаткомъ современныхъ данныхъ, можемъ составить нѣкоторое понятіе изъ указаній позднѣйшихъ источниковъ (XV—XVI вв.) о порядкахъ, предшествовавшихъ позднѣйшему обложенію. Изъ этихъ указаній видимъ, что единицей обложенія служила крупная хозяйственная единица, называвшаяся дворищемъ (на Волыни и въ Галиціи), землею (въ Кіевской землѣ), селомъ (въ Сѣверской) и заключавшая въ себѣ обыкновенно нѣсколько крестьянскихъ семей, связанныхъ экономически, а весьма часто при томъ и кровными узами. Величина такой единицы бывала очень разнообразна и ничѣмъ не регулировалась, составляя недѣлимый атомъ экономической жизни. Обложеніе отличалось также большимъ разнообразіемъ, такъ какъ нерѣдко каждое дворище села имѣло за собой свою спеціальную исторію обложенія. Въ основаніе его лежала старинная дань, платившаяся мѣхами, медомъ, деньгами (позже данью специально называлась дань медовая, между тѣмъ какъ денежная носила имя посощины, а дань хозяйственными продуктами въ Кіевской и Волынской землѣ называлась подымщиною). Другимъ изстариннымъ поборомъ было полюдье. Первоначально этимъ именемъ обозначалась обязанность населенія содержать князя съ его дружиною при ихъ ежегодныхъ визитахъ для сбора дани, позже это превратилось въ регулярную подать, собиравшуюся съ крестьянскаго населенія, независимо отъ того, пріѣзжалъ ли дѣйствительно князь, или его агентъ, или нѣтъ. Она получила при этомъ разныя спеціальныя названія: поволовщина, или болкуновщина (болкунъ—волъ), поклонъ, станъ. Наконецъ, существовали оплаты для разныхъ княжихъ агентовъ, въѣзжавшихъ на территорію общины за данями. Затѣмъ, съ теченіемъ времени эти основныя категоріи обложенія обростали разными болѣе или менѣе случайными придатками, изъ которыхъ, въ свою очередь, выростали новыя подати, и такимъ образомъ вносилось отмѣченное выше чрезвычайное разнообразіе въ это старое, чуждое единообразія и регламентаціи обложеніе. Изъ натуральныхъ повинностей для этого времени намъ достовѣрно извѣстны только городскія и мостовыя работы: обязанность строить

и поддерживать городскія укрѣпленія и мосты въ районѣ своей общины. Но на ряду съ ними уже очень рано, можетъ быть, еще во времена Кіевскаго государства, въ сосѣдствѣ княжьихъ дворовъ окрестные крестьяне начинаютъ привлекаться къ различнымъ сельско-хозяйственнымъ работамъ: подводамъ, косьбѣ сѣна, уборкѣ хлѣба и т. под.

Кромѣ крестьянъ, экономически самостоятельныхъ, работавшихъ на своемъ хозяйствѣ, существовали крестьяне безземельные, хозяйничавшіе на чужой землѣ, или въ качествѣ батраковъ работавшіе на своего «господина» за наемную плату или въ отработку долга. Они называются изгоями, сябрами и закупами (подъ этимъ послѣднимъ именемъ они выступаютъ въ постановленіяхъ Русской Правды). Они лично свободны, но ихъ экономическая зависимость отражается извѣстными ограниченіями на ихъ гражданскихъ правахъ: закупъ не можетъ быть свидѣтелемъ въ судебныхъ процессахъ, за исключеніемъ лишь мелкихъ тяжбъ; «господинъ» имѣетъ право своею властью наказывать закупа «про дѣло». И дѣйствительно только очень тонкая граница отдѣляла этихъ экономически-зависимыхъ свободныхъ отъ положенія несвободнаго, въ которое они очень часто попадали. Напр., закупъ обращался въ рабство за бѣгство отъ господина, за проступокъ, когда его нельзя было покрыть штрафомъ, вслѣдствіе несостоятельности закупа, и т. под. Это были законные поводы, а, вѣроятно, еще чаще закупы закабаливались въ рабство безъ всякихъ законныхъ поводовъ.

Законные источники рабства Русская Правда указываетъ слѣдующіе: если свободный или свободная вступили въ бракъ съ рабою или рабомъ, не выговоривъ себѣ свободы, или вступили въ дворовую службу безъ такой же гарантіи, то они становились рабами; если банкротъ признавался обанкротившимся по легкомыслію или недобросовѣстности, то его продавали въ рабство, въ пользу кредиторовъ; въ рабство обращались за проступки закупы; въ рабство попадали лица, бывшія не въ состояніи заплатить судебной пени (послѣднія вообще отличались большою высотою). Наконецъ, весьма распространеннымъ источникомъ рабства была война.

По древнерусскому праву рабъ—«холопъ» не имѣетъ никакихъ гражданскихъ ни юридическихъ правъ; онъ не составляетъ юридическаго лица, не можетъ быть ни субъектомъ, ни объектомъ преступленія; онъ вещь своего господина, и законъ считается лишь съ матеріальнымъ ущербомъ его господина, наносившимся въ лицѣ раба этому послѣднему, или причинявшимся его рабомъ постороннему лицу. Рабъ не несетъ никакой отвѣтственности за свои поступки и не располагаетъ никакими правами. Господинъ имѣетъ надъ нимъ неограниченныя права, и законъ въ эти отношенія не вмѣшивается вовсе.

Этотъ принципіальный юридическій взглядъ на раба подпадалъ нѣкоторымъ колебаніямъ, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и общаго роста гуманности въ обществѣ. Дѣлаются исключенія изъ общаго правила для высшихъ категорій несвободныхъ слугъ—княжьихъ и боярскихъ; появляются зачатки вмѣненія рабу его проступка. Изъ случайныхъ указаній видимъ, что рабы нерѣдко владѣли собственнымъ иму-

ществомъ, вели торговыя операціи за свой собственный счетъ и т. под. И если въ общемъ экономическій процессъ переводилъ въ категорію несвободныхъ все большія и большія массы людей полноправныхъ и экономически самостоятельныхъ, то съ другой стороны улучшалось и повышалось положеніе возраставшаго класса несвободныхъ. А соотвѣтственно роли церкви, какъ покровительницы безправнаго раба, значительныя массы несвободныхъ находятъ у нея покровительство и двигаются постепенно вверхъ изъ рабскихъ низовъ подъ сѣнью церкви, въ категоріяхъ людей церковныхъ, въ весьма значительной части пополнявшихся изъ несвободнаго состоянія.

Разныя категоріи **церковныхъ людей** наиболѣе полно перечисляетъ церковный уставъ съ именемъ Владиміра. Кромѣ духовенства въ собственномъ смыслѣ и всѣхъ «кто въ клиросѣ»—церковныхъ причетниковъ, а также монашествующихъ,—здѣсь перечисляются люди, находившіе пропитаніе при церквяхъ и связанныхъ съ нею учрежденіяхъ, какъ больницы и пріюты для калѣкъ и убогихъ, нищіе и калѣки и на ряду съ ними «лѣчецъ», занимающіеся лѣченіемъ больныхъ въ больницѣ; далѣе паломники и прощенники, люди считавшіеся исцѣленными, благодаря чуду, и поэтому считавшіеся посвященными церкви; наконецъ, люди безъ общественнаго положенія и средствъ къ существованію, нуждавшіеся въ покровительствѣ церкви: разстригшіеся монахи, задушные люди-рабы, отпущенные ихъ господами «за душу», для спасенія души, «изгои», подъ именемъ которыхъ Всеволодовъ уставъ подразумѣваетъ поповичей не вычившихся настолько, чтобы занять мѣсто причетника, обанкротившихся купцовъ, холопей выкупившихся изъ рабства.

Бѣлое духовенство, сначала формировавшееся усиленными мѣрами правительства, скоро начало умножаться само собою, съ распространеніемъ христіанства и умноженіемъ церквей. Очень скромныя требованія относительно образовательнаго ценза, предъявлявшіяся къ кандидатамъ на священство, открывали широко двери духовнаго званія всѣмъ искавшимъ сравнительно легкаго куска хлѣба. Съ переходомъ на Русь византійскаго обычая имѣть свою домовую церковь сколько нибудь богатому и знатному человѣку, распространяется обыкновеніе (извѣстное въ то время также и на западѣ)—имѣть своихъ священниковъ изъ холопей, отдававшихся въ науку и затѣмъ посылавшихся на посвященіе къ епископу; часто при этомъ такого попа даже не освобождали отъ рабства, но церковныя власти, согласно каноническому праву, добивались свободы для такихъ рабовъ-священниковъ, и несомнѣнно, что большинство ихъ рано или поздно получали свободу и полагали начало поколѣніямъ уже свободныхъ церковниковъ. Церковныя занятія передавались отъ отца къ сыну, и наслѣдственность была чрезвычайно развита въ этихъ церковныхъ кругахъ; по всей вѣроятности уже изъ этихъ временъ ведетъ свое начало позднѣйшая украинская практика, по которой потомство священника постепенно проходило низшія церковныя должности при своей церкви, такъ что такая семья занимала иногда всѣ церковныя степени своего прихода, множившіяся и распространявшіяся, чтобы дать пріютъ размно-

жавшимся церковническимъ семьямъ. Образованіе новыхъ приходовъ также бывало часто обязано иниціативѣ послѣднихъ.

Большихъ размѣровъ достигаетъ также монашество. Съ одной стороны чрезвычайно высокое мнѣніе о спасительности «ангельскаго чина», съ другой — тяжелыя экономическія и вообще бытовыя условія и сравнительно обезпеченное положеніе монашествующихъ—вліяли на все большій ростъ послѣднихъ. И опять таки, наиболѣе привлекало монашество поставленныхъ въ наиболѣе тяжелыя условія т. е. несвободныхъ, и несомнѣнно въ значительной степени пополнялось изъ этаго источника.

Наконецъ, бывшіе несвободные составляли, несомнѣнно, наиболѣе многочисленную группу среди церковныхъ людей изъ недуховенства—и отсюда переходили они или ихъ дѣти въ ряды духовенства, чтобы при благопріятныхъ условіяхъ провести затѣмъ свое потомство и въ другіе более покровительствуемые общественные классы [1]).

Право.

Главнымъ источникомъ для знакомства нашего съ украинскимъ правомъ этой эпохи служатъ юридическіе сборники, носящіе общее имя «Русской Правды»; имѣется три основныхъ редакціи ихъ, изъ которыхъ древнѣйшая относится къ первой половинѣ XI в., вторая ко второй пол. XI в. и третья къ первой четверти XII в. Изъ предшествующаго времени имѣемъ два обширныхъ договора кіевскихъ князей съ Византіей, 911 и 944 г. заключающихъ въ себѣ богатый юридическій матеріалъ; но они комбинируютъ «русскій законъ» съ нормами византійскаго права, и лишь при помощи позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ можно съ извѣстною приблизительностью выдѣлить изъ ихъ постановленій элементы этого «русскаго закона». Для позднѣйшаго времени нѣкоторыя интересныя юридическія указанія даетъ бытовой матеріалъ, заключающійся въ литературныхъ памятникахъ.

Упомянутыя редакціи Русской Правды представляютъ частные сборники права, составленные частными лицами, на основаніи судебныхъ рѣшеній и княжескихъ распоряженій; это происхожденіе отразилось на внѣшности сборниковъ, сохраняющихъ часто первоначальный, казуистическій характеръ приговоровъ; нѣкоторыя распоряженія тоже сохранили свой первоначальный частный обликъ. Мѣстомъ составленія былъ, по всей вѣроятности, Кіевъ, и во всякомъ случаѣ сборники даютъ намъ картину кіевскаго права, которое, конечно, служило прообразомъ и провинціальнаго права земель Кіевскаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшимъ образомъ характеризуютъ право украинскаго юга, ближайшимъ образомъ связаннаго съ Кіевомъ.

Что касается вопроса объ оригинальности этихъ правовыхъ нормъ, то первые изслѣдователи, подъ вліяніемъ анологій скандинавскаго права, предполагали въ кіевскомъ правѣ въ ши-

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. III, гл. 3.

рокихъ размѣрахъ рецепцію германскаго права. Но ближайшее изученіе обнаружило, что эти аналогіи сводятся въ концѣ концовъ къ обычнымъ у стоящихъ на близкихъ степеняхъ культурнаго и общественнаго развитія народовъ схожихъ чертъ и воззрѣній. Несомнѣнно, что даже въ эпоху превалирующаго положенія нормандскаго элемента на Руси, судъ, чинившійся отъ имени норманскихъ посадниковъ, долженъ былъ опираться на обычномъ правѣ мѣстномъ, и главнымъ образомъ кіевскомъ, и по своему тогдашнему состоянію скандинавское право могло очень мало пригодиться для восполненія пробѣловъ этого послѣдняго, для разрѣшенія вопросовъ, выдвигавшихся прогрессомъ мѣстной жизни и культуры; поэтому возможность рецепціи скандинавскаго права представляется весьма гадательной, въ особенности, если рѣчь идетъ о рецепціи въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Совершенно въ иномъ положеніи въ этомъ случаѣ находилось право византійское, какъ право болѣе развитой государственности, служившей образцомъ для кіевскаго правительства, предлагавшееся въ готовыхъ кондифицированныхъ, вполнѣ выработанныхъ формахъ и дававшее именно отвѣты на вопросы, подымавшіеся новыми направленіями культурной и общественной жизни, при томъ имѣвшее и своихъ авторитетныхъ и энергическихъ распространителей, въ лицѣ высшей церковной іерархіи. Послѣдняя въ своемъ церковномъ судѣ пользовалась сборниками византійскаго права, какъ Номоканонъ, принесенный изъ Византіи на Русь въ двухъ главныхъ редакціяхъ т. н. Іоанна Схоластика, VII в., и т. н. Фотіевой, и разные дополнительные каноническіе сборники византійскаго и болгарскаго происхожденія, извлеченіе изъ Пятикнижія Моисеевого, Еклога Льва Исаврянина и Константина Копронима, «Законъ судный людемъ—болгарская компиляція Еклоги, т. н. «Градскій законъ» — переводъ «Прокеірона» Василія Македонина,—и старалась провести ихъ нормы также въ общую судебную практику, совершенно естественно предпочитая «христіанское» право Византіи языческому мѣстному (и скандинавскому) праву. Однако, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ для рецепціи византійскаго права, вліяніе послѣдняго развивалось очень медленно и не достигло значительныхъ размѣровъ. Это объясняется глубокимъ различіемъ въ культурѣ и бытѣ Руси и Византіи и—наличностью уже значительно выработанныхъ и глубоко вкоренившихся собственныхъ юридическихъ воззрѣній и нормъ на Руси. Дѣйствительно, хотя сохранившіеся сборники кіевскаго права обрываются уже съ первой четвертью XII в., кіевское право носитъ уже совершенно отчетливо признаки долгаго развитія и разработки. Къ сожалѣнію, сборники эти очень не полны и знакомятъ насъ главнымъ образомъ съ уголовнымъ правомъ и процессомъ и очень мало—съ правомъ гражданскимъ.

Общественное значеніе преступленія въ уголовномъ правѣ признается уже вполнѣ опредѣленно. Въ оцѣнкѣ его преобладаетъ принципъ матеріальный: проступокъ оцѣнивается, главнымъ образомъ, по его результатамъ по степени причиненнаго имъ вреда. Но на ряду съ этимъ, начиная уже съ древнѣйшей редакціи Русской Правды,

замѣчаемъ начатки оцѣнки субъективной, болѣе прогрессивной: принимается въ расчетъ степень напряженія злой воли въ проступкѣ, сознательность и вмѣняемость его, различается состояніе аффекта отъ состоянія нормальнаго; однако понятія рецидива и степени участія въ проступкѣ еще неизвѣстны кіевскому праву на тѣхъ ступеняхъ его развитія, какія доступны нашему изученію. Въ системѣ наказаній главное мѣсто занимають месть и денежныя пени. Месть или слѣдуетъ за приговоромъ, или (еще чаще, вѣроятно) предшествуетъ послѣднему, и роль суда ограничивается лишь констатированіемъ: имѣлъ ли право мести осуществившій ее, или подлежитъ наказанію за месть неправомѣрную. Въ полной силѣ оставляетъ принципъ мести даже и наиболѣе поздняя, намъ доступная редакція «Русской Правды». Лишь тамъ, гдѣ мстителя не было или онъ самъ отказывался отъ права мести, преступленіе каралось пенею. Ею же наказывались проступки противъ чужой собственности. Кромѣ пени въ пользу пострадавшаго, взыскался штрафъ въ пользу правительства. Смертную казнь правительство нѣсколько разъ пыталось ввести, подъ вліяніемъ византійскаго права, но всякій разъ она отмѣнялась, такъ какъ, очевидно, противорѣчила слишкомъ рѣзко обычаямъ и правосознанію общества. Тѣлесное наказаніе примѣнялось также исключительно только къ рабамъ, за которыми человѣческихъ правъ не признавалось. Широко распространенное въ византійскомъ правѣ членовредительство тоже не могло получить примѣненія, и позже встрѣчалось съ очевиднымъ отвращеніемъ общества къ кровавымъ казнямъ, когда начинаетъ входить въ юридическую практику изъ другого источника—нѣмецкихъ средневѣковыхъ кодификацій (саксонскаго муниципальнаго права).

Система денежныхъ пень при всѣхъ положительныхъ своихъ сторонахъ имѣла тотъ важный недостатокъ, что совершенно различное субъективное значеніе имѣла для преступниковъ: если богатый бояринъ могъ сравнительно легко уплатить «виру» за убійство или «продажу», за другой проступокъ, то менѣе состоятельнаго преступника она разоряла въ конецъ. Заплатить 40 гривенъ «виры» и еще 40 гривенъ «головничтва» (въ пользу семьи) за неумышленное убійство для человѣка средняго состоянія было равносильно полному разоренію, когда 50 гривенъ было цѣною имѣнія, а 80 гривенъ представляли цѣнность 40 коней. Для многихъ такое печальное приключеніе влекло за собою лишеніе свободы, переходъ въ положеніе закупа или даже холопа. Поправкою для этой стороны правовыхъ нормъ являлся институтъ т. н. «дикой виры», круговой поруки на случай отвѣтственности за убійство для кого нибудь изъ членовъ этого товарищества «верви». Убійца, принадлежащій къ такому товариществу, платилъ самъ лишь «головничтво» въ пользу семьи убитаго, и лишь ту часть «виры», какая приходилась на него раскладкѣ, а можетъ быть, даже освобождался и отъ уплаты «головничтва», если «вервь» не хотѣла назвать убійцу, считая его невиннымъ или невмѣняемымъ.

Въ сферѣ гражданскаго права обращаютъ на себя вниманіе постановленія о займѣ, какъ указанія на широкое развитіе кредита. Законодательство оказыва-

етъ специальное покровительство торговому кредиту, старается облегчить формальности кредитныхъ сдѣлокъ между купцами и дѣлаетъ всякія снисхожденія для банкротствъ, происшедшихъ безъ вины даннаго лица. Но проценты были очень высоки и только подъ вліяніемъ народнаго возмущенія 1113 г. правительство сдѣлало попытку ограничить слишкомъ вопіющія злоупотребленія лихвой. Въ наслѣдственномъ правѣ много осталось неяснымъ. Существовало наслѣдованіе по закону и наслѣдованіе по завѣщанію. Кругъ послѣдняго довольно тѣсенъ: для главы семьи то и другое знаетъ собственно одинъ и тотъ же кругъ наслѣдниковъ: отецъ только правитъ имуществомъ семьи и потому ограниченъ въ распоряженіи имъ, онъ можетъ распредѣлять его лишь между членами той же семьи. Сравнительно больше правъ распоряженія имѣетъ по отношенію къ своему имуществу мать. Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи при жизни отца Русская Правда не говоритъ почти ничего, очевидно, признавая за нимъ широкую патріархальную власть, и занимается лишь отношеніями, возникающими послѣ смерти отца.

Какъ показатель положенія женщины интересенъ законъ, устанавливающій за убійство ея ту же плату, что и за убійство мужчины; но если убивалъ виновную жену мужъ, онъ платилъ только половинную пени. Жена при жизни мужа, очевидно, не играетъ никакой юридически самостоятельной роли, но со смертью его вдова получаетъ большое значеніе, какъ глава семьи и опекунша, и право заботливо оберегаетъ ее отъ притязаній дѣтей и родственниковъ. Такая вліятельная и властная роль, конечно, не можетъ въ дѣйствительности возникнуть изъ ничего, и въ жизни жена и при мужѣ, очевидно, пользовалась большимъ значеніемъ. Видимъ, что княгини принимаютъ нерѣдко очень существенное участіе въ управленіи, и Мономахъ, конечно, не спроста внушаетъ въ своемъ поученіи сыновьямъ не давать женамъ власти надъ собою. Въ бурную эпоху галицкой жизни первой половины XIII в. боярыни принимаютъ дѣятельное участіе въ политическихъ и партійныхъ отношеніяхъ, и ихъ совѣты рѣшаютъ иногда даже чисто военные вопросы.

Вообще въ семейныхъ отношеніяхъ этой эпохи замѣчаемъ много здоровыхъ задатковъ и если позднѣйшее вліяніе христіанства способствовало упорядоченію этихъ отношеній, вносило въ нихъ извѣстную гуманность, нѣкоторый идеалистическій элементъ, то съ другой стороны аскетическое недовѣріе и презрѣніе къ женщинѣ дѣйствовало въ совершенно обратномъ и вовсе не желательномъ направленіи, заглушая здоровыя задатки предшествующей эпохи [1]).

Культура и бытъ.

Въ культурной жизни этого періода идейный міръ христіанства въ оболочкѣ византійской церковности и связанная съ этой послѣдней византійская книжность и культура—являются главнымъ движущимъ факторомъ и

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. III, гл. 4.

наиболѣе характеристическою чертою эпохи. Пропагандируемые всѣми средствами государственнаго строя, они, въ свою очередь, налагали свою окраску и на политическую жизнь, тѣмъ болѣе на общественный и частный быть, духовную жизнь и культуру. Въ болѣе значительныхъ культурныхъ центрахъ, гдѣ новой религіи приготовили почву еще предшествовавшія культурныя сношенія, христіанизація общества сдѣлала большіе успѣхи въ продолженіе одного столѣтія, и въ Кіевѣ, напр., уже въ концѣ XI в. видимъ не только массу общественныхъ и домовыхъ церквей и монастырей, но и людей искренно и сильно преданныхъ новому ученію и глубоко проникнутыхъ его принципами. Внѣ такихъ центровъ христіанство, конечно, распространялось гораздо медленнѣе и съ количественнымъ умноженіемъ последователей теряло свою чистоту и богатство содержанія, обращаясь во внѣшнюю форму, приноравливаясь къ остаткамъ старой религіи, смѣшиваясь съ ними и давая въ результатѣ амальгаму элементовъ христіанскихъ и языческихъ, получившихъ въ современныхъ памятникахъ характерное названіе «двоевѣрія». Языческіе праздники, принявъ имя христіанскихъ или механически подогнанные къ нимъ, существуютъ долго, вплоть до нашего времени; на христіанскихъ святыхъ переносятся свойства языческихъ божествъ; къ христіанскимъ обрядамъ присоединяются старые языческіе обряды: брачные, погребальные, культъ предковъ, и т. под.

Но это «двоевѣріе» было лишь наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ сочетанія христіанской внѣшности и языческаго содержанія, характеризующаго вообще современный бытъ. Такое сочетаніе, въ менѣе лишь рѣзкихъ и яркихъ формахъ, совершенно ясно даетъ себя чувствовать и въ жизни общественныхъ верховъ, съ формальной стороны вполнѣ усвоившихъ христіанство, совершенно искренно считавшихъ себя истинными христіанами, и со стороны представителей церкви награждавшихся похвальными титулами «благовѣрныхъ», «христолюбцевъ». Обрядъ, внѣшняя набожность, какъ легче усвояемые элементы новой религіи, прежде всего усвоялись обществомъ, и самимъ духовенствомъ рекомендовались такъ усиленно, что отодвигали на второй планъ нравственное, духовное содержаніе христіанства. Главными и наилучшими доказательствами христіанскаго настроенія считались такія проявленія внѣшняго благочестія, какъ построеніе церквей, усерднѣйшее посѣщеніе богослуженія, посты, приношенія духовенству, раздача милостыни профессіональнымъ нищимъ. Характерной иллюстраціей такого господства внѣшней обрядовости служатъ жесточайшіе споры, потрясавшіе не только церковные, но и общественные круги украинскихъ и великорусскихъ земель второй половины XII в.; ихъ предметомъ былъ вопросъ, можно ли поститься въ среду и пятницу, если на эти дни приходится праздникъ. Въ смыслѣ проникновенія христіанскихъ идей въ самую жизнь, вліянія на самый характеръ общественныхъ отношеній — успѣхи христіанства, конечно, были гораздо менѣе значительны. Христіанской проповѣди удалось повліять на нѣкоторое ограниченіе свободы половыхъ отношеній, нѣсколько упорядочить бракъ и сдѣлать кое-что для улучше-

нія семейныхъ отношеній, хотя въ эту послѣднюю сферу она входила неохотно и мало, колеблясь между требованіями христіанской морали и строгостью библейскихъ патріархальныхъ отношеній. Несомнѣнно также ея вліяніе на улучшеніе положенія несвободныхъ; вѣроятно, не безслѣдны были ея рѣзкія обличенія крайностей лихвы, къ которой вообще она относилась крайне враждебно. Успѣхи христіанской проповѣди въ этихъ сферахъ вообще стояли въ зависимости отъ того обстоятельства, на сколько ея вліяніе поддерживалось содѣйствіемъ правительственной власти и законодательства, въ значительной степени подчинявшихся вліянію христіанскихъ идей.

О силѣ воздѣйствія христіанства на наиболѣе искренно и полно отдавшееся ему меньшинство можемъ судить по распространенію среди него христіанскаго аскетизма. Послѣдній по характеру своему совершенно былъ несвойственъ природѣ современнаго ему славянина, и потому успѣхи его на Руси являются интереснымъ показателемъ увлеченія новыми идеями, принесенными христіанствомъ. Христіанизація Руси совпадаетъ съ эпохою чрезвычайнаго развитія монашества въ Византіи и чрезмѣрнаго увлеченія имъ: монашество признавалось единственнымъ воплощеніемъ настоящаго христіанства, а всякое благочестіе мірское — лишь слабымъ и несовершеннымъ отраженіемъ его. Эти воззрѣнія были перенесены и на Русь христіанскимъ духовенствомъ и со всѣмъ пыломъ неофитовъ были здѣсь усвоены людьми съ болѣе чуткими моральными запросами. Уже въ половинѣ XI в. возникаетъ цѣлый рядъ монастырей въ Кіевѣ. Но настоящимъ творцомъ монашества явился во второй половинѣ столѣтія игуменъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій изъ Курска. Организованный имъ по наиболѣе строгимъ византійскимъ образцамъ (по чину Ѳеодора Студита) Печерскій монастырь сталъ главнымъ очагомъ аскетизма и образцомъ для всѣхъ монастырей Восточной Европы. Въ теченіе XII и XIII вв. монашество получаетъ все большее развитіе. Кіевъ остается его центромъ до полнаго своего упадка (въ XII в. въ немъ извѣстно по имени около 20 монастырей, но число это, конечно, еще далеко отъ полноты), но монастыри распространяются повсемѣстно въ большомъ числѣ. Создаются они и офиціальными покровителями церкви—для каждаго выдающагося князя основаніе монастыря является въ извѣстной степени требованіемъ добраго тона. Создаются и по иниціативѣ самихъ монашествующихъ.

Культурное значеніе монастырей и особенно вліяніе на распространеніе христіанскихъ идей—несомнѣнны: монастыри являлись наиболѣе авторитетными и популярными ихъ проводниками. Но самъ по себѣ аскетизмъ имѣлъ много отрицательнаго; уже самый принципъ, что только внѣ міра возможно совершенное житіе, заставлялъ относиться пренебрежительно къ мірской жизни и понижалъ этическія требованія по отношенію къ послѣдней, такъ какъ признавалъ невозможнымъ осуществленіе строгихъ нравственныхъ требованій въ мірскомъ общежитіи. Это вызывало уже тогда со стороны болѣе дальновидныхъ моралистовъ протесты противъ чрезмѣрной переоцѣнки значенія монашества.

*

Книжное почитаніе и книжное поученіе принесены были изъ Византіи также въ качествѣ неотдѣлимыхъ атрибутовъ христіанства и распространялись въ тѣсной зависимости отъ успѣховъ послѣдняго. Цѣлью обученія являлось расширеніе и углубленіе свѣдѣній о христіанскомъ вѣроученіи и преуспѣяніе въ благочестіи при помощи ихъ. Книжный запасъ, полученный Русью съ принятіемъ христіанства, въ видѣ греческихъ оригиналовъ и старославянскихъ переводовъ, имѣлъ рѣзко выраженную церковную окраску и преслѣдовалъ указанную религіозную цѣль: преобладала въ немъ церковно-учительная литература, а сообщавшееся изъ другихъ областей знанія, имѣло вспомогательное, служебное значеніе и также было проникнуто церковными интересами. Такое одностороннее направленіе духовныхъ интересовъ оказало сильное вліяніе и на оригинальное творчество, запечатлѣвъ его произведенія въ подавляющемъ большинствѣ тѣмъ же религіознымъ характеромъ на цѣлый рядъ столѣтій.

Объ организаціи и пріемахъ обученія извѣстно очень мало. Оно производилось, несомнѣнно, по византійскому образцу, преимущественно въ монастырскихъ и каѳедральныхъ школахъ, гдѣ учили, такъ называемые «дидаскалы» и «маистры». Такія школы должны были распространяться въ украинскихъ земляхъ со времени уже Владиміра и Ярослава, о которыхъ лѣтописи говорятъ, что они въ большомъ числѣ собирали дѣтей для обученія. Затѣмъ, кромѣ такого коллективнаго, школьнаго обученія—должно было имѣть значительное распространеніе и обученіе одиночное, у отдѣльныхъ «грамотеевъ» или «маистровъ». Большинство въ этой наукѣ не шло далѣе умѣнія читать. Письмо и счетъ были уже слѣдующею, высшею степенью обученія. Всѣ другія свѣдѣнія почерпались чтеніемъ переводныхъ византійскихъ учебниковъ и христоматій, сопровождавшимся объясненіями учителя, если такой былъ на-лицо; наибольшую сумму свѣдѣній изъ нихъ можно было почерпнуть по исторіи, хотя и въ очень одностороннемъ церковномъ освѣщеніи, наименѣе—и самаго худшаго качества—по естественнымъ наукамъ. Еще высшею степенью образованія было усвоеніе греческаго языка, открывавшаго двери пользованію византійской литературой въ оригиналѣ, а вѣнцомъ его считалось усвоеніе тайнъ риторики, стиля и техники литературной, чего безъ руководства наставника достичь, дѣйствительно, было очень трудно. Начиная съ упомянутаго выше Илларіона, представителя перваго поколѣнія христіанизованной Руси, и затѣмъ, въ продолженіе XII и XIII вв., мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ людей, вполнѣ овладѣвшихъ литературною техникою и содержаніемъ византійской образованности, стоявшихъ вполнѣ на уровнѣ ея (Климентъ Смолятичъ, Кириллъ, еп. Туровскій, и рядъ анонимныхъ авторовъ) Но такіе философы, конечно, составляли меньшинство сравнительно съ людьми, писавшими «по просту», т. е. простыми начетчиками, болѣе или менѣе способными и оригинальными.

Объ оригинальной литературѣ этого времени располагаемъ вообще очень неполными, отрывочными свѣдѣніями [1].

[1] Касаюсь ея здѣсь лишь мимоходомъ, какъ одного изъ показателей культурной жизни, такъ какъ обзору старой литера-

Вслѣдствіе позднѣйшихъ невзгодъ, пережитыхъ украинской жизнью, до насъ дошло почти исключительно то лишь, что успѣло перейти въ земли сѣверныя, великорусскія, и тамъ сохраниться, а такъ какъ великорусскія области стояли въ болѣе тѣсной зависимости отъ Кіева лишь до второй половины XII в., то и сохранились тамъ, главнымъ образомъ, произведенія XI и нач. XII вѣка. Поэтому мы имѣемъ очень мало матеріала для сужденія о литературномъ и вообще культурномъ движеніи въ украинскихъ земляхъ во второй половинѣ XII, въ XIII и XIV вв., да и для предшествующаго времени не можемъ положиться на полноту и разносторонность матеріала.

Въ этомъ послѣднемъ господствуетъ безраздѣльно литература учительная, въ видѣ поученій, проповѣдей и агіографіи; это вполнѣ понятно, при служебномъ характерѣ, какой признавался за литературой этого времени по отношенію къ церковно-религіознымъ интересамъ. Литература эта стоитъ въ тѣсной зависимости отъ византійскихъ образцовъ: даже авторы жизнеописаній мѣстныхъ подвижниковъ нерѣдко идутъ слѣпо за византійскими шаблонами, приспособляя византійскія житія къ своимъ домашнимъ героямъ. Больше оригинальности и свѣжести проявляетъ богатая историческая литература, дошедшая до насъ въ нѣсколькихъ лѣтописныхъ компиляціяхъ XII—XIII в.в. Въ ней встрѣчаемъ мы писанія, вышедшія изъ подъ пера людей свѣтскихъ или проникнутыхъ свѣтскими интересами, участниковъ дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ походовъ, свободныхъ отъ вліяній византійскихъ образцовъ, въ рѣчахъ которыхъ долетаетъ до насъ въ полной свѣжести дыханіе жизни (наприм. средняя часть Кіевской лѣтописи XII в., нѣкоторыя части Галицко-Волынской лѣтописи). Литературная манера ихъ обыкновенно проста и непритязательна; исключеніе составляетъ вступительная часть Галицкой лѣтописи, типичное произведеніе тогдашней литературной школы Украины, съ ея красивымъ, образнымъ, но слишкомъ изукрашеннымъ и тяжеловатымъ стилемъ, выработавшимся изъ сліянія элементовъ византійскаго риторства и украинскаго поэтическаго творчества. Къ этой категоріи принадлежитъ цѣлый рядъ произведеній конца XII и начала XIII в., какъ слова и молитвы Кирилла Туровскаго, окончаніе Кіевской лѣтописи, Моленіе Даніила, и само знаменитое «Слово о полку Игоревѣ», оставшееся единственнымъ сколько-нибудь цѣльнымъ памятникомъ тогдашняго поэтическаго творчества, несомнѣнно очень развитого, культивировавшагося въ рядѣ поколѣній и достигшаго значительной стильности, какъ свидѣтельствуетъ своею техникою и стилемъ само «Слово».

Подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ византійскихъ образцовъ развивается и украинское искусство этого времени, въ особенности въ доступныхъ намъ памятникахъ архитектуры и живописи, къ которымъ примыкаютъ также произведенія декоративнаго искусства, въ особенности многочисленныя ювелирныя издѣлія. Уже изъ первой половины XII в. мы имѣемъ несомнѣнныя памятники мѣстныхъ художниковъ; подражая византійскимъ образцамъ,

---

туры посвящено ниже особая глава; свои взгляды на нее подробнѣе развилъ я въ общемъ обзорѣ культуры Кіевской Руси въ 3 т. „Історії України", гл. 4.

они вносили свои особенности въ мѣстныя произведенія. Съ теченіемъ времени эта новая примѣсь должна была выступать все рѣзче, тѣмъ болѣе, что на это время приходится все болѣе замѣтное паденіе византійскаго искусства; но къ сожалѣнію, какъ и въ литературѣ, для наиболѣе интереснаго времени, XIII—XIV в.в., мы и здѣсь не располагаемъ почти никакимъ матеріаломъ. Жалкіе остатки богатой церковной архитектуры Галиціи этого времени обнаруживаютъ очевидные слѣды западныхъ вліяній; о нихъ говорятъ также уцѣлѣвшія современныя описанія произведеній тогдашняго искусства. Это сочетаніе элементовъ византійскихъ съ мѣстнымъ творчествомъ представляло бы для насъ большой интересъ; но матеріалъ слишкомъ скуденъ, да и не собранъ и не изученъ еще достаточно [1].

Вообще жизнь и культура украинскихъ земель XI—XIII (и первой пол. XIV) вѣковъ отличается значительнымъ развитіемъ и большимъ разнообразіемъ. Тѣсно примкнувъ съ концомъ X в. къ византійской культурѣ, взявшей перевѣсъ надъ предшествующими восточными вліяніями,—она съ концомъ XII в. все замѣтнѣе начинаетъ сближаться съ западомъ, и его вліяніе, особенно въ памятникахъ галицкихъ конца XIII и перв. пол. XIV, чувствуется очень сильно (латинскій языкъ входитъ въ употребленіе княжескихъ канцелярій, князья употребляютъ печати западнаго образца, и т. под.). Но подражаніемъ чужимъ образцамъ не исчерпывается содержаніе украинской жизни. Въ ней чувствуется внутренняя сила развитія и движенія, и можно было надѣяться весьма интересныхъ результатовъ послѣдняго, если бы внѣшнія препятствія не стали на дорогѣ этого движенія. Слабая сторона украинской культуры этой эпохи лежала въ томъ, что она опиралась на слишкомъ незначительные сравнительно верхи населенія. Паденіе государственной жизни, сопровождавшееся упадкомъ городского патриціата и землевладѣльческаго боярства, совершенно подорвало ее. Изъ нея уцѣлѣли только тѣ жалкіе остатки, какіе могли быть усвоены народными массами да темнымъ сельскимъ духовенствомъ. Остатки эти не даютъ намъ никакого представленія о богатомъ культурномъ содержаніи и развитіи старой Руси, точнѣе—даютъ представленіе ложное и превратное, вызывая представленіе о мнимой культурной бѣдности и скудости послѣдней.

[1] Подробнѣе объ украинскомъ искусствѣ этого времени см. въ главахъ, посвященныхъ искусству; см. также въ „Історії України", т. III гл. 4.

ОТДѢЛЪ III.

Эпоха литовско-польская.

Переходъ украинскихъ земель подъ власть литовскихъ князей.

Паденіе государственной жизни въ восточныхъ украинскихъ земляхъ дало возможность утвердиться въ нихъ литовскимъ князьямъ, уже въ XIII в. поставившихъ себѣ задачею собиранія обломковъ Кіевской государственной системы. Это собираніе русскихъ волостей идетъ у нихъ параллельно съ процессомъ созиданія самого литовскаго государства. Мендовгъ, первый крупнымъ представитель этой политики, является одновременно первымъ крупнымъ представителемъ литовской государственности; одновременно съ своими усиліями связать въ прочную и сплоченную государственную организацію литовскія земли, онъ уже владѣетъ цѣлымъ рядомъ мелкихъ бѣлорусскихъ княжествъ въ бассейнѣ Нѣмана, Припяти и Березины и старается распространить свою власть на земли черниговскія, смоленскія и полоцкія. Галицко-Волынскіе князья недружелюбно и подозрительно смотрѣли на эти успѣхи литовскихъ князей въ старомъ наслѣдіи Владиміра Великаго, но ихъ попытки остановить ростъ новой политической силы не имѣли успѣха. Не удались и ихъ династическіе планы: путемъ союзовъ и браковъ объединить это новое государство со своимъ—династическою уніею. Одинъ изъ сыновей Даніила, Шварно, дѣйствительно взошелъ на литовскій великокняжескій престолъ, переданный ему сыномъ Мендовга—Войшелкомъ, но послѣдовавшая вслѣдъ за тѣмъ смерть Шварна и Войшелка разрушила эту интересную политическую комбинацію, и новыя литовскія династіи, смѣнившія родъ Мендовга, вполнѣ освобождаются отъ вліянія галицко-волынскихъ князей. А съ началомъ XIV в. династія Гедимина, утвердившись въ литовскихъ земляхъ, съ удвоенною энергіею и большимъ успѣхомъ возобновляетъ собираніе бѣлорусскихъ, а затѣмъ и украинскихъ земель.

Этотъ процессъ собиранія очень мало извѣстенъ въ подробностяхъ. Но большею частью онъ развивался безъ большихъ конфликтовъ, безъ значительныхъ войнъ, не вызывая рѣзкихъ перемѣнъ въ мѣстной жизни и строѣ присоединяемыхъ земель, и поэтому мало оставилъ слѣдовъ въ источникахъ, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ земель не сохранилось никакихъ мѣст-

ныхъ лѣтописей этой эпохи и очень мало современнаго актоваго матеріала. Литовскія династіи и литовскіе роды, водворявшіеся въ присоединяемыхъ земляхъ, приноравливались къ мѣстной культурѣ и быту. Даже сама литовская народность подпала вліянію славянской стихіи присоединенныхъ земель, такъ какъ послѣдняя стояла на высшей степени культуры сравнительно съ Литвою. Литовцы, особенно высшіе слои, принимаютъ культуру ближайшихъ, бѣлорусскихъ земель: ихъ языкъ дѣлается оффиціальнымъ языкомъ вел. кн. Литовскаго (литовскій языкъ въ письменности не употреблялся); политико-общественная схема, выработанная Кіевскимъ государствомъ, и его право кладутся въ основу государственнаго права в. кн. Литовскаго; сама великокняжеская династія быстро подпадаетъ ассимиляціи, и между ея представителями второй половины XIV в. было уже много православныхъ, вполнѣ обрусѣвшихъ членовъ.

Отчасти въ силу культурной бѣдности Литвы, отчасти изъ политическихъ соображеній, литовскіе вел. князья держатся политики возможнаго невмѣшательства въ общественный и правовой укладъ своихъ славянскихъ провинцій. Правило: «мы старины не рушаемъ, а новины не уводимъ»—становится принципомъ всей послѣдующей литовской государственной политики. На первыхъ же порахъ литовская оккупація вносила лишь минимальныя перемѣны въ строй и отношенія присоединяемыхъ земель. Общественный строй, правовыя нормы оставались не тронутыми; часто оставались на своихъ мѣстахъ и прежніе князья (гдѣ они были), и только въ видѣ высшаго органа по отношенію къ нимъ появлялся какой нибудь представитель литовской династіи или самъ великій князь, а зависимость отъ него новой провинціи проявлялась, самое большее, въ обязанности высылать свое ополченіе по его требованію. При такомъ порядкѣ отношеній и бѣдности нашихъ источниковъ не удивительно, если мы иногда лишь много позже узнаемъ о присоединеніи той или другой провинціи къ в. кн. Литовскому, а время и обстоятельства этого факта остаются намъ и вовсе неизвѣстными.

Въ первой четверти XIV в. большинство бѣлорусскихъ земель стояло уже подъ верховной властью в. кн. литовскихъ и послѣдніе постепенно начинаютъ распространять свою власть и въ украинскихъ земляхъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій и разныхъ указаній и намековъ нашихъ источниковъ обнаруживается, что уже въ первой четверти XIV в., при послѣднихъ Романовичахъ галицко-волынскихъ и послѣ прекращенія ихъ династіи, среди возникшихъ замѣшательствъ, литовскими князьями была оторвана сѣверная часть Волыни, волость Берестейско-Дорогичинская (земли по среднему теченію Зап. Буга). Затѣмъ, одно изъ позднѣйшихъ генеалогическихъ сказаній говоритъ, что одинъ изъ литовскихъ князей (оно называетъ его Видомъ и помѣщаетъ между Мендовгомъ и Витенемъ, братомъ и предшественникомъ Гедимина) захватилъ значительную часть Деревской земли, т. е. сѣверо-западную часть Кіевской земли. Это извѣстіе заслуживаетъ полнаго вниманія, въ связи съ переходомъ подъ власть литовскихъ князей земель Турово-Пинскихъ (вѣроятно

еще въ началѣ XIV в., а можетъ быть, даже въ концѣ XIII). При Гедиминѣ и самый Кіевъ стоялъ уже въ сферѣ вліяній Литвы, хотя тогдашній кіевскій князь формально находился еще подъ властью Татарской орды (источники называютъ какого-то Федора, незначительнаго князька неизвѣстнаго происхожденія). Окончательно Кіевъ перешелъ подъ власть литовской династіи уже при сынѣ Гедимина Ольгердѣ, который смѣстилъ послѣдняго кіевскаго князя (упомянутаго Федора) и посадилъ здѣсь своего сына Владиміра (около 1360). Вмѣстѣ съ Кіевомъ перешли подъ власть его огромныя, запустѣвшія пространства на лѣвомъ берегу Днѣпра, земли стараго Переяславскаго княжества и сосѣднія съ нимъ территоріи, послѣ паденія Переяслава и Чернигова тянувшія къ Кіеву, и позже (въ XV—XVI вв.) оставшіяся также въ зависимости отъ него.

Ольгердъ уже открыто ставитъ программою литовскаго великокняжескаго стола собраніе земли стараго Русскаго государства: «вся Русь должна принадлежать къ Литвѣ», какъ онъ заявлялъ прусскимъ крестоносцамъ. Изъ украинскихъ земель, кромѣ Кіевскаго Поднѣпровья, при немъ переходитъ подъ власть литовской династіи земли Черниговскія и край по среднему теченію Днѣстра и Южнаго Буга, получающій теперь названіе «Подолья».

Въ этомъ послѣднемъ ранѣе соперничали вліянія Кіева и Галича, позже онъ долженъ былъ примкнуть къ Галицко-Волынскому княжеству, но движеніе «татарскихъ людей» поставило его въ непосредственную зависимость отъ Орды. Когда у Ольгерда произошелъ разрывъ съ Татарами, въ 1360-хъ годахъ, его племянники, сыновья Коріата Гедиминовича, водворились въ подольскихъ городахъ, укрѣпивъ ихъ противъ Татаръ, и образовали еще одно княжество, стоявшее въ зависимости отъ в. кн. Литовскаго.

Черниговскія волости перешли подъ власть Ольгерда въ связи съ его стремленіями утвердиться въ Смоленской землѣ. Главнѣйшимъ изъ тогдашнихъ черниговскихъ столовъ—Брянскомъ—владѣли тогда смоленскіе князья, и Ольгердъ, стараясь овладѣть Смоленскими волостями, завладѣлъ и Брянскомъ въ 1350-хъ гг. Это послужило началомъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ черниговскихъ земляхъ, и въ послѣдней четверти XIV вв. въ рукахъ литовскихъ князей видимъ всѣ важнѣйшіе столы западной части Черниговской земли (Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ), между тѣмъ какъ въ восточной—остаются мелкіе князья изъ старой династіи, но въ зависимости уже отъ Литвы, поддерживавшей здѣсь свою власть при помощи крѣпостей и гарнизоновъ на восточномъ пограничьи земли.

Такимъ образомъ, къ послѣдней четверти XIV в. вся восточная Украина была подчинена литовскимъ князьямъ. Этотъ поразительный результатъ былъ достигнутъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, безъ большихъ хлопотъ и напряженій военныхъ силъ—оно и невозможно было для Литвы, занятой на другихъ границахъ. Населеніе, очевидно, подчинялось литовскимъ князьямъ безъ сопротивленія; прежніе князья оставались на своихъ мѣстахъ подъ верховенствомъ новыхъ князей изъ литовской династіи, а если смѣщались, то, очевидно, не

вызывали особаго сожалѣнія въ мѣстномъ обществѣ, какъ представители изжитаго, разложившагося строя. Татарская орда, считавшая эти земли своими «улусами» и нѣкогда ревниво слѣдившая за мѣстными отношеніями, не давая создаться среди нихъ сколько-нибудь значительнымъ политическимъ силамъ,—во второй половинѣ XIV в. была настолько разстроена и ослаблена, что съ своей стороны не могла оказать ни сколько нибудь серьезнаго сопротивленія литовскимъ князьямъ, ни поддержки представителямъ стараго строя. Изъ 1360-70 гг. мы, положимъ, имѣемъ извѣстія о конфликтахъ Литвы съ Татарами, вызванныхъ, очевидно, этою оккупаціею украинскихъ земель (до тѣхъ поръ Орда была союзницею литовскихъ князей), но остановить литовской оккупаціи Ордѣ не удалось. Татарскіе ханы и позже считали восточную Украину своимъ улусомъ и заявляли при оказіи претензіи на дань съ этихъ земель,—эти претензіи иногда отражались вооруженною силою, иногда признавались до нѣкоторой степени, но не въ состоніи были нарушить фактическаго владѣнія въ украинскихъ земляхъ литовскихъ князей, впрочемъ, къ этому времени вполнѣ ассимилировавшихся и превратившихся въ украинскихъ князей, лишь новой, литовской династіи [1].

Борьба за западную Украину.

Гораздо большаго напряженія потребовала отъ литовскихъ князей западная Украина, и такъ какъ они не могли развить въ этомъ направленіи необходимой энергіи, то имъ пришлось удовольствоваться частичнымъ успѣхомъ, встрѣтившись съ претензіями болѣе сильныхъ и главное,—болѣе заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ западныхъ сосѣдей.

Мы знаемъ уже, что галицко-волынское боярство добровольно призвало на свой столъ Любарта Гедиминовича, устраняя Юрія-Болеслава, но смерть послѣдняго послужила сигналомъ къ походу на Галицію польскихъ и венгерскихъ войскъ, на основаніи соглашенія, заключеннаго между королями венгерскимъ и польскимъ. Любарту пришлось выдержать жестокую борьбу за обладаніе своимъ новымъ княжествомъ. Борьба была неравна, такъ какъ молодой польскій король Казиміръ напрягалъ всѣ свои силы для пріобрѣтенія Галиціи, которая должна была послужить реваншемъ за потерянныя западныя польскія провинціи, оставленныя Казиміромъ во владѣніи Чехіи и прусскихъ крестоносцевъ, и при этомъ имѣлъ довольно энергическую поддержку со стороны Венгріи и римской куріи, заинтересованной перспективами распространенія католичества, развитыми передъ нею Казиміромъ. Любартъ же былъ предоставленъ, главнымъ образомъ, своимъ собственнымъ силамъ, то есть силамъ мѣстнаго украинскаго населенія: Ольгердъ и прочіе литовскіе князья помогали ему очень мало. Силы и вниманіе литовскаго вел.-княжескаго правительства постоянно были отвле-

[1] Подробнѣе въ „Історії України", т. IV гл. I. По вопросамъ политической исторіи в. кн. Литовскаго см. также новѣйшій очеркъ исторіи вел. княжества М. Любавскаго.

каемы борьбой съ нѣмецкими крестоносцами, да и вообще литовское государство, при своей чрезвычайной экстенсивности, не отличалось сильной организаціей, не только теперь, но и позже; свои пріобрѣтенія на бѣлорусской и украинской территоріи оно раздвигало въ сторону наименьшаго сопротивленія и не оказывало Любарту въ его борьбѣ за Галицко-Волынскія земли такой поддержки, какой требовалъ поставленный Ольгердомъ принципъ собранія всей Руси. Въ 1340—50 гг. нѣкоторую поддержку оказывали Любарту Татары, поскольку Казиміру не удавалось происками и подарками перетянуть ихъ на свою сторону; позже оккупація восточныхъ украинскихъ земель, какъ мы уже знаемъ, испортила литовско-татарскія отношенія, лишивъ Любарта и этого— довольно, впрочемъ, ненадежнаго и двусмысленнаго союзника, и онъ долженъ былъ черпать свои силы исключительно въ своихъ земляхъ.

Волынь дѣйствительно поддерживала Любарта очень энергично; опираясь на провинціи аннексированныя литовскими князьями, она чувствовала себя болѣе безопасною, отражала польско-венгерскія атаки удачно, или, переждавъ натискъ, при первой оказіи изгоняла польскіе гарнизоны. Со свойственной литовскимъ князьямъ податливостью передъ славянской культурой, Любартъ скоро приноровился къ условіямъ мѣстной жизни, и его правленіе было равносильно сохраненію старыхъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, между тѣмъ какъ польская оккупація несла имъ гибель, подъ наплывомъ польской шляхты и польскаго права; въ виду этого борьба съ польскою оккупаціею имѣла глубокое народное значеніе для мѣстнаго населенія. Но Галиція, выставленная съ трехъ сторонъ на враждебныя нападенія, не находя энергичной поддержки извнѣ, очевидно, скоро потеряла надежду на удачный исходъ этой борьбы. Нужно имѣть также въ виду, что боярство, выдвинувшее Любарта и правившее его именемъ, не пользовалось расположеніемъ населенія; Казиміръ же съ первою оккупаціею постарался ослабить наиболѣе ревностныхъ противниковъ Польши конфискаціями и репрессіями, терроризировалъ такимъ образомъ, населеніе и одновременно вводилъ новые элементы, въ видѣ польскихъ, нѣмецкихъ и другихъ колонистовъ и землевладѣльцевъ, имѣвшихъ всѣ причины благопріятствовать польской оккупаціи. Эти условія предрѣшали исходъ борьбы: Волынь осталась во власти Любарта, Галиціей завладѣла Польша.

Такое соотношеніе силъ дало себя почувствовать скоро. Первый походъ Казиміра, 1340 г., правда, не имѣлъ важныхъ послѣдствій: Дмитро Дедько, старѣйшій изъ галицкихъ бояръ, правившій Галиціей отъ имени Любарта, призвалъ на помощь Татаръ, и Казиміръ, въ виду грозившаго татарскаго нашествія, поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ Дедькомъ, отказавшись отъ дальнѣйшихъ притязаній на Галицію. Въ дѣйствительности, однако, плановъ своихъ онъ не оставилъ, и когда прошелъ опасный моментъ, возобновилъ свои притязанія. Уже около 1345 г. видимъ въ рукахъ Казиміра западную окраину Галиціи, Саноцкую землю, а въ 1349 г., обезпечивъ нейтралитетъ Татаръ, онъ двинулся съ большими силами, внезапнымъ походомъ захвативъ Любарта непригото-

леннымъ, и овладѣлъ Галиціею и значительною частью Волыни. Волынь, однако, вслѣдъ затѣмъ освободилась отъ польскихъ гарнизоновъ, но старанія Любарта и литовскихъ князей возвратить себѣ также и Галицію не увѣнчались такими же успѣхами. Перемиріе 1352 г. раздѣлило Галицко-Волынскія земли въ рукахъ спорящихъ сторонъ, оставивъ въ рукахъ Казиміра Галицію, Волынь въ рукахъ Любарта. Это временное соглашеніе было вѣрнымъ отраженіемъ соотношенія силъ соперничающихъ сторонъ, и послѣдующая борьба, вспыхнувшая въ слѣдующемъ же году, и продолжавшаяся затѣмъ, съ извѣстными перерывами, еще тридцать лѣтъ, несмотря на значительныя колебанія въ ту и другую сторону, въ конечномъ результатѣ не измѣнила сколько-нибудь значительно этихъ отношеній. Галиція съ Холмскою землею (старою волынскою волостью, притянутою галицкими волостями еще въ XIII в.) и пограничными частями Белзкой волости (также волынской) остались во владѣніи Казиміра и его союзника и наслѣдника, венгерскаго короля; остальныя волынскія земли—въ рукахъ Любарта.

Пріобрѣтенныя общими усиліями Польши и Венгріи, на основаніи заключеннаго между ними соглашенія, Галицкія земли до смерти Казиміра (1370) оставались въ рукахъ послѣдняго. Послѣ его смерти, въ силу упомянутаго соглашенія, Людовикъ венгерскій унаслѣдовалъ польскую корону и вмѣстѣ съ ней вступилъ въ обладаніе также и галицкими землями. Но такъ какъ у Людовика не было мужского потомства, а наслѣдованіе по женской линіи не было предусмотрѣно предшествующими трактатами и встрѣчало оппозицію въ польскихъ кругахъ, то считаясь съ возможностью отдѣленія польской короны отъ угорской по его смерти, Людовикъ старался на этотъ случай обезпечить Венгріи обладаніе Галиціей. Для этого онъ сначала (1372) передалъ ее въ качествѣ венгерскаго лена своему вѣрному приспѣшнику Владиславу, князю опольскому (изъ польскихъ князей Силезіи), а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ такого переходнаго состоянія (1379) перевелъ оттуда Владислава и роздалъ галицкія области въ управленіе венгерскихъ намѣстниковъ, въ качествѣ обыкновенной венгерской провинціи. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ за себя старыя постановленія трактатовъ съ Казиміромъ, признававшія за Венгріей ея историческія права на Галицію и предоставлявшія венгерскому королю право выкупа ея за извѣстную сумму, въ возмѣщеніе издержекъ, понесенныхъ Польшею при завоеваніи Галиціи. Но въ польскихъ кругахъ отнюдь не мирились съ утратою Галиціи, и какъ только бракъ Ядвиги съ Ягайломъ далъ польскимъ правителямъ новую опорную точку противъ Венгріи, они поспѣшили воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ венгерскаго правительства, поглощеннаго домашними смутами, и предприняли походъ для возвращенія Галиціи. Экспедиція удалась, и Галиція была снова приведена подъ власть Польши. Венгрія опротестовала это нарушеніе своихъ правъ, но болѣе энергично выступить въ защиту ихъ была не въ состояніи; вопросъ о Галиціи поднимался на дипломатическихъ конференціяхъ, но рѣшеніе его откладыва-

лось все далѣе и далѣе, пока дѣло вовсе не заглохло въ половинѣ XV в. Лишь въ XVIII в., когда поднятъ былъ вопросъ о раздѣлѣ Польши, переснова выплыли на дневной свѣтъ эти «историческія права» Венгріи на Галицію и были использованы австрійскимъ правительствомъ, какъ мотивъ присоединенія послѣдней (вмѣстѣ съ клочками сосѣднихъ польскихъ территорій) къ землямъ Австро-Венгерской короны [1].

Польско-литовская унія.

Между тѣмъ какъ галицкія земли сдѣлались предметомъ спора между старыми союзниками, Польшею и Венгріею, упорная борьба литовскихъ князей съ послѣдними была прервана неожиданною династическою комбинаціею: бракомъ наслѣдницы польской короны съ молодымъ великимъ княземъ литовскимъ и уніею обоихъ государствъ подъ управленіемъ этой новой династіи. По первоначальнымъ планамъ польскихъ правителей, создавшихъ эту чреватую послѣдствіями комбинацію, унія должна была имѣть самый тѣсный характеръ: Ягайло, въ числѣ другихъ обязательствъ, въ своей декларацiи, данной имъ 15 авг. 1385 г. въ г. Кревѣ передъ своимъ бракомъ съ Ядвигою (такъ называемый Кревскій актъ уніи), долженъ обязаться присоединить къ Польшѣ земли вел. кн. Литовскаго на вѣчныя времена. Такимъ образомъ, всѣ земли вел. кн. Литовскаго, въ томъ числѣ всѣ украинскіе аннексы его, должны были превратиться въ обыкновенныя польскія провинціи, подобно Галиціи, которую превратили въ такую провинцію сами польскіе правители, и вел. кн. Литовское, какъ политическое цѣлое, должно было прекратить свое существованіе. Однако реализировать эти пріобрѣтенія польской дипломатіи оказалось не такъ легко.

Правда, на первыхъ порахъ унія не встрѣтила сопротивленія. Князья, владѣвшіе землями въ границахъ вел. кн. Литовскаго, по требованію Ягайла, безпрекословно выдавали присяжныя грамоты, въ которыхъ обязывались быть вѣрными не только Ягайлу, его королевѣ и дѣтямъ, но и «принадлежать къ Польскому королевству». Ягайло, занимая польскій престолъ, соединялъ въ своемъ лицѣ титулы польскаго короля и литовскаго великаго князя и этимъ физическимъ единствомъ покрывалъ разницу между былою принадлежностью къ вел. кн. Литовскому и новою принадлежностью къ королевству Польскому, созданному актомъ уніи. Пока въ фактическія отношенія не вносилось никакихъ существенныхъ перемѣнъ, никому не было нужды вникать въ сущность этихъ присяжныхъ грамотъ, диктовавшихся польскими дипломатами, и кревское обязательство могло спокойно существовать. Но какъ только польскіе политики захотѣли осуществить изъ него кое-что на практикѣ,—протестъ былъ неизбѣженъ, и выразитель его не замедлилъ найтись въ лицѣ Витовта, сына убитаго Ягайломъ дяди его Кейстута Гедиминовича.

[1] Подробнѣе о борьбѣ за Галицко-Волынскія земли тамъ же, „Історія України", т. IV, гл. 2.

Витовтъ сначала добивается отъ Ягайла лишь возвращенія ему отцовскихъ владѣній. Но союзъ съ крестоносцами противъ Ягайла создалъ Витовту такое сильное положеніе, что онъ идетъ все далѣе и далѣе въ своихъ требованіяхъ: получаетъ отъ Ягайла полномочія по управленію всѣмъ вел. княжествомъ (1392 г.), а въ 1398 г., подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго среди князей и бояръ в. кн. Литовскаго притязаніями краковскаго двора на внѣшніе знаки зависимости отъ Польши, его провозглашаютъ «королемъ литовскимъ и русскимъ». Неудача, постигшая затѣмъ Витовта въ предпринятомъ походѣ на Татаръ (битва на Ворсклѣ 1399 г.), заставила его нѣсколько умѣрить свои притязанія; онъ удовольствовался признаніемъ за нимъ со стороны Польши титула великаго князя Литвы и Руси и фактической независимостью подъ номинальнымъ верховенствомъ польскаго короля (1400), и только передъ смертью его былъ снова поднятъ вопросъ о королевскомъ титулѣ и установленіи полной независимости Литвы отъ Польши. Кревскій актъ потерялъ значеніе. Политическая самостоятельность вел. кн. Литовскаго, отмѣненная имъ, была возстановлена и утверждена позднѣйшими трактатами (въ особенности актомъ Городельскимъ 1413 г.). Вел. кн. Литовское должно было и впредь существовать самостоятельно подъ властью отдѣльнаго великаго князя, подъ чисто моральнымъ или номинальнымъ супрематомъ польскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ теряло всякую силу и заключавшееся въ Кревскомъ актѣ обязательство присоединенія къ Польшѣ украинскихъ земель вел. кн. Литовскаго—Подолья, Волыни, Кіевскихъ, Черниговскихъ земель, и присяжныя грамоты украинскихъ князей литовской династіи—остались безъ значенія.

Польское правительство не мирилось съ такимъ крахомъ своихъ плановъ. Со стѣсненнымъ сердцемъ дѣлая уступки Витовту и литовскимъ автономистамъ, оно не теряло надежды на осуществленіе обязательствъ, заключенныхъ въ Кревскомъ актѣ. Поэтому даже въ трактатахъ, утверждавшихъ политическую самостоятельность Литвы, польскіе дипломаты не забываютъ повторять фразу о присоединеніи къ Польшѣ земель вел. кн. Литовскаго, повидимому, потерявшую всякое значеніе (въ отвѣтныхъ декларацiяхъ на эти трактаты представители вел. кн. Литовскаго объ этой такъ назыв. инкорпораціи земель вел. княжества, наоборотъ, умалчиваютъ). Они стараются обставить всевозможными недомолвками вопросъ о переходѣ великокняжескаго достоинства отъ одного великаго князя къ другому, разсчитывая, что польскому правительству можетъ представиться удобный случай положить конецъ существованію вел. кн. Литовскаго и обратить земли послѣдняго въ польскія провинціи.

Дѣйствительно, оно и попыталось воспользоваться смертью Витовта, пустивъ слухъ, что послѣдній, умирая, завѣщалъ великое княжество Ягайлу. Но вопросъ о коронаціи, поднятый передъ тѣмъ и снятый неожиданной смертью Витовта, такъ раздражительно настроилъ правящіе литовскіе круги, огорченные противодѣйствіемъ Поляковъ, что польскіе политики не замедлили убѣдиться въ невозможности низведенія вел. кн. Литовскаго на степень польской провинціи въ такихъ условіяхъ. Былъ произведенъ выборъ

великаго князя, избраннымъ оказался младшій братъ Ягайла Свитригайло, и Ягайлу не оставалось ничего, какъ только подтвердить это избраніе. Вслѣдъ за тѣмъ вопросъ о Подольѣ (о которомъ будетъ рѣчь ниже) привелъ къ полному обостренію отношеній между Литвой и Польшей. Началась война, и Свитригайло, оказавшійся очень щекотливымъ въ вопросахъ своей самостоятельности, и слышать ничего не хотѣлъ о подчиненіи верховенству Польши. Польское правительство, пользуясь неудовольствіемъ среди литовской аристократіи, вызваннымъ симпатіями Свитригайла къ русскимъ (бѣлорусскимъ и украинскимъ) элементамъ, рѣшило произвести переворотъ и свергнуть Свитригайло. Но и противники Свитригайла не имѣли ни малѣйшаго желанія превратиться въ подданныхъ Польскаго королевства, и польскому правительству пришлось дать согласіе на провозглашеніе вмѣсто Свитригайла другого великаго князя и полагать всѣ надежды на бо́льшую сговорчивость послѣдняго. Такъ произошло возстаніе литовскихъ земель (1432), провозгласившее великимъ княземъ брата Витовта — Сигизмунда, утвержденнаго въ великокняжескомъ достоинствѣ и польскимъ правительствомъ, между тѣмъ какъ бѣлорусскія и украинскія земли остались вѣрными Свитригайлу и нѣсколько лѣтъ еще поддерживали послѣдняго въ его борьбѣ съ противникомъ (1432—35 гг.).

Но и литовскій ставленникъ не оправдалъ надежды польскаго правительства: онъ проявлялъ всяческую уступчивость по отношенію послѣдняго только до тѣхъ поръ, пока держался Свитригайло. Какъ только шансы послѣдняго окончательно пали, и Сигизмундъ могъ утвердиться вполнѣ въ вел. княжествѣ, немедленно исчезаетъ его покорность по отношенію къ требованіямъ польской политики: онъ ищетъ союзниковъ и съ помощью ихъ готовится отстаивать свою самостоятельность отъ польскихъ притязаній. Внезапная смерть его (1440 г.), открывшая дорогу къ великокняжескому столу младшему сыну Ягайла, Казиміру, избранному вельможами в. княжества, дала мѣсто еще болѣе независимому положенію вел. кн. Литовскаго: Казиміръ, или вѣрнѣе, правившіе государствомъ именемъ малолѣтняго князя литовскіе вельможи совершенно разрываютъ всякія отношенія съ Польшею и съ ея королемъ, желавшимъ видѣть въ Казимірѣ лишь своего намѣстника, и Литва стояла снова предъ перспективою войны съ Польшею, когда турецкій походъ короля Владислава и постигшая въ немъ катастрофа дала совершенно новый оборотъ отношеніямъ [1]).

Борьба за Подолье и Волынь.

Встрѣтивъ такія препятствія въ осуществленіи своей программы, польское правительство должно было убѣдиться, что включеніе въ составъ Польши великаго княжества Литовскаго въ его полномъ объемѣ — цѣль трудно осуществимая и довольно далекая. Не отказываясь отъ нея, а лишь отлагая ея осуществленіе до болѣе удобнаго времени, польскіе политики рѣшили пока продолжить присоединеніе Галицко-Волынскихъ земель, такъ счаст-

[1]) Подробнѣе въ „Історії України“, т. I гл. 3.

ливо начатое окончательнымъ присоединенiемъ Галицiи къ Польшѣ въ 1387 году, а именно: захватить еще Волынь, Подолье и Берестейско-Дорогичинскую землю среднее Побужье, такъ называемое позже, Подляшье [1]).

Подолье уже въ эпоху борьбы Польши и Литвы за Галицко-Волынскiя земли, подъ управленiемъ Корiатовичей, занимало нейтральную позицiю между соперничающими державами, а въ началѣ XV в. превращено было въ польскую провинцiю Ягайломъ, въ моментъ депрессiи, пережитой вел. кн. Литовскимъ послѣ катастрофы на Ворсклѣ,—но затѣмъ Витовтъ вытребовалъ Подолье себѣ обратно. Польская шляхта, однако, успѣла проникнуть сюда въ значительномъ количествѣ за это короткое господство Польши и продолжала затѣмъ утверждаться здѣсь, надѣясь при первомъ удобномъ случаѣ присоединить эту провинцiю къ Польшѣ. Въ моментъ смерти Витовта, заранѣе приготовивъ все, она захватила столицу земли—Каменецъ, арестовала литовскаго коменданта, овладѣла прочими крѣпостями и присоединила Подолье къ Польшѣ (1430). Это происшествiе, благопрiятно встрѣченное въ польскихъ правительственныхъ кругахъ, послужило окончательнымъ поводомъ къ тогдашнему разрыву Литвы и Польши. Ягайло, задержанный Свитригайломъ, по его настоянiю, далъ приказъ возвратить польскiя земли Литвѣ, но это распоряженiе не было исполнено. Начались военныя дѣйствiя. Восточнаго Подолья, по среднему теченiю Южнаго Буга, съ городами Браславомъ и Винницею, Полякамъ не удалось удержать въ своихъ рукахъ: приверженцы Свитригайла возвратили ему этотъ край; но западное Подолье, пограничное съ Галицiей, гдѣ уже успѣла утвердиться польская шляхта, осталось за Польшею, и въ 1440-хъ гг. прочно устанавливается этотъ раздѣлъ земли: восточное Подолье, такъ называемая Браславщина остается за вел. кн. Литовскимъ, западное—Подолье въ собственномъ смыслѣ, принадлежитъ Польшѣ. Переговоры о возвращенiи его Литвѣ оставались безъ результатовъ.

Ободренные такимъ успѣхомъ въ Подольской землѣ, польскiе политики рѣшили воспользоваться вспыхнувшею войною съ Литвой, чтобы завладѣть также и Волынью. Лѣтомъ 1431 г. Ягайло двинулся съ большими силами, захватилъ оставленный Свитригайломъ Владимiръ и приступилъ къ Луцку, тогдашней столицѣ земли. Но тутъ встрѣтилъ отпоръ; долгая осада не привела ни къ чему, истощила энергiю Поляковъ и въ концѣ концовъ принудила ихъ на этотъ разъ отказаться отъ своихъ плановъ на Волынь; заключая перемирье со Свитригайломъ, они выговорили себѣ владѣнiе Западнымъ Подольемъ, но о Волыни должны были промолчать, и даже потомъ, диктуя разныя условiя своему ставленнику Сигизмунду Кейстутовичу, не рѣшились требовать отреченiя отъ Волыни.

Но мысли о ней не оставляли. Когда затѣмъ Свитригайло, совершенно уже ослабленный, старался какъ-нибудь разстроить союзъ Польши съ Сигизмундомъ, польская шляхта Галицiи, въ своихъ интересахъ и на свой страхъ проводившая особенно энергично планы присоединенiя къ Польшѣ сосѣднихъ украинскихъ земель (ея соб-

[1]) Имя это объясняютъ, какъ сосѣднюю съ Польшею („Ляхами") провинцiю.



ственно дѣломъ былъ захватъ Подолья, и теперь, ободренная этой удачей, она энергично занялась Волынью), вошла въ переговоры съ Свитригайломъ, предложивъ ему свою поддержку подъ условіемъ передачи Волыни. Свитригайло въ своемъ отчаянномъ тогдашнемъ положеніи дѣйствительно обѣщалъ передать Польшѣ Волынь, гдѣ онъ еще держался, за цѣну поддержки противъ Сигизмунда (1436). Хотя польское правительство не рѣшилось принять этого договора, не желая разрывать со Сигизмундомъ, но во всякомъ случаѣ въ польскихъ кругахъ послѣ этого смотрѣли на Волынь уже, какъ на близкую добычу, и надѣялись по смерти Свитригайло завладѣть ею. Но Свитригайло, обманутый въ надеждахъ на польскую поддержку, не считалъ уже себя связаннымъ упомянутымъ договоромъ и передъ смертью, вѣрный государственной идеѣ вел. кн. Литовскаго, передалъ Волынь не Полякамъ, а тогдашнему вел. князю литовскому Казиміру (1452). Это возбудило въ Польшѣ чрезвычайное негодованіе, Поляки готовились къ походу на Волынь, но Казиміру, въ это время соединившему въ своемъ лицѣ достоинства вел. кн. литовскаго и короля польскаго, удалось своимъ вліяніемъ охладить воинственный жаръ Поляковъ, и въ концѣ концовъ притязанія Польши на Волынь, встрѣтившись съ притязаніями Литвы на Зап. Подолье, обоюдно нейтрализировались: Волынь осталась за Польшей, Зап. Подолье—за вел. кн. Литвой.

Наконецъ, что касается третьей галицко-волынской провинціи, служившей предметомъ польскихъ вожделѣній, Берестейско - Дорогочинской, то послѣдняя, какъ мы знаемъ, была захвачена литовскими князьями еще прежде вокняженія Любарта на Волыни и составила затѣмъ удѣлъ Кейстута. Отдѣлавшись отъ послѣдняго, Ягайло захватилъ эту волость вмѣстѣ съ другими землями Кейстута и далъ ее въ ленъ (1391) мазовецкому князю (изъ старой польской династіи), но это владѣніе Януша было очень кратковременно, такъ какъ Витовтъ, добившись отъ Ягайла возврата отцовскихъ владѣній, не замедлилъ отобрать и Берестейско-Дорогочинскую землю, какъ свою отчину. Послѣ этого она оставалась при вел. кн. Литовскомъ, но въ 1440 годахъ стала предметомъ довольно ожесточеннаго спора: вел. кн. Сигизмундъ Кейстутовичъ, женивъ своего сына Михайлушка на внучкѣ помянутаго кн. Януша, далъ ея брату Болеславу право взять Дорогичинскую землю послѣ его смерти; на этомъ основаніи послѣ смерти Сигизмунда Болеславъ завладѣлъ ею, но литовское правительство опротестовало этотъ захватъ, между тѣмъ какъ польское правительство поддержало претензіи Болеслава. Въ 1443 г. дошло до войны между обѣими сторонами, но походъ и смерть кн. Владислава остановили военныя дѣйствія, а затѣмъ дѣло было рѣшено полюбовно. Болеславъ продалъ свои претензіи вел. кн. Литовскому. Берестейско-Дорогичинская земля осталась за послѣднимъ, а во владѣніи Польши остался только узкій клинъ, врѣзывавшійся между Берестейско - Дорогочинскою землею и Волынью, по верховью р. Припяти (т. н. Ратенское староство [1]).

---

[1]) Подробнѣе тамъ же.

Неудача Кревской уніи оставила еще почти на два столѣтія внѣ Польскаго государства большую часть украинскихъ земель. Осуществленіе программы, поставленной польско-венгерскими соглашеніями 1330—1340-хъ годовъ, расширенной затѣмъ Кревской уніей на всѣ украинскія—а равно и бѣлорусскія и литовскія земли—было отсрочено встрѣченною опозиціею. Лишь Галиція и зап. Подолье оказались въ непосредственной власти Польши; Волынь, Побужско-Припятское Полѣсье, Браславщина, Кіевская земля и Заднѣпровье остались внѣ непосредственнаго воздѣйствія польскаго режима. Но и въ нихъ, въ связи съ уніей, осуществлялись глубокія измѣненія въ сферѣ политическихъ отношеній, открывавшія дорогу воздѣйствіямъ соціальнымъ и культурнымъ, весьма существеннымъ, несмотря на принципіальный консерватизмъ, провозглашавшійся литовскимъ правительствомъ. Такимъ переломомъ было постепенное превращеніе украинскихъ земель изъ отдѣльныхъ автономныхъ княжествъ въ простыя провинціи великаго княжества Литовскаго, непосредственно зависимыя отъ центральнаго правительства и непосредственно открытыя воздѣйствіямъ политической и культурной эволюціи Литовскаго государства.

До тѣхъ глубокихъ измѣненій въ политическихъ и національныхъ отношеніяхъ, какія явились результатомъ уніи, бѣлорусскія и украинскія земли не чувствовали на себѣ особенной тяжести чужой государственности. Ими правили въ большинствѣ случаевъ вполнѣ обрусѣвшіе, искренно ассимилировавшіеся со своими землями князья Гедеминовой династіи. Старый строй земель оставался безъ значительныхъ перемѣнъ. Центральное управленіе не оказывало особенно ощутительнаго вліянія на внутреннія отношенія земель, жившихъ своею замкнутою, почти вполнѣ самостоятельною жизнью подъ управленіемъ своихъ князей. И какъ разъ Украина состояла, главнымъ образомъ, изъ такихъ большихъ, почти самостоятельныхъ княжествъ, въ дальнѣйшей эволюціи политической системы вел. кн. Литовскаго имѣвшихъ всѣ шансы превратиться въ отдѣльныя государства, ничѣмъ не связанныя между собою, кромѣ династической связи и общихъ чертъ строя и права—т. е. повторить исторію разложенія Кіевскаго государства, принципы земскаго строя котораго и политическая схема были восприняты новымъ Литовскимъ государствомъ. Такъ, Волынь составляла совершенно отдѣльное политическое цѣлое во владѣніи Любарта, потомъ его сына Федора; Кіевская земля—во владѣніи Владиміра Ольгердовича; въ Подольской землѣ княжилъ послѣдній изъ Коріатовичей, Федоръ; въ Черниговской землѣ было два значительныхъ княжества—двухъ Ольгердовичей: Черниговская и Новгородъ-Сѣверская волости принадлежали Димитрію Корибуту, княжество Брянское—его брату Димитрію. Кромѣ того, въ Припятскомъ Полѣсьѣ было нѣсколько болѣе мелкихъ княжествъ.

Унія приноситъ коренную перемѣну въ этихъ отношеніяхъ. Правительство Ягайла-Витовта, сильное сознаніемъ опоры, созданной государственнымъ единеніемъ Литвы и Польши, еще не нарушеннымъ позднѣйшимъ споромъ этихъ двухъ государствъ, рядомъ сильныхъ и хорошо разсчитанныхъ ударовъ въ 1390-хъ годахъ уничтожаетъ всѣ наиболѣе значительныя княжества и по большей части непосредственно обращаетъ ихъ въ простыя провинціи, или же создаетъ, изъ нихъ, въ видѣ переходныхъ формъ, княжества гораздо менѣе сильныя и значительныя. Такъ отобраны были отъ Димитрія-Корибута его Черниговскія земли (еще раньше потерялъ свои владѣнія, эмигрировавъ въ Москву, его старшій братъ Димитрій брянскій). Въ нѣсколько пріемовъ, по частямъ отнята была отъ Федора Любартовича Волынь: взамѣнъ дали ему владѣнія въ Черниговскихъ земляхъ, но это была такая жалкая замѣна, что обиженный князь даже не принялъ ее). Изъ Подоліи Витовтъ прогналъ Федора Коріатовича. Кіевская земля была отнята отъ Владиміра Ольгердовича, получившаго вмѣсто того маленькое (сравнительно) Слуцкое княжество; Кіевъ получилъ другой Ольгердовичъ Скиргайло, но въ концѣ концовъ, перейдя черезъ нѣсколько рукъ, онъ обращается въ простую провинцію в. кн. Литовскаго, въ началѣ XV в. Послѣ этой операціи, въ первой половинѣ XV в. единственнымъ значительнымъ владѣніемъ въ украинскихъ земляхъ осталось княжество, составленное изъ Черниговскихъ земель для Свитригайла, не дававшаго покоя правительству своими претензіями на позицію великаго князя. За исключеніемъ его, были только второстепенныя княжества, какъ Ратенское (въ сѣверной Волыни), Пинское, Острожское и т. под. Эти и подобныя имъ небольшія сохранившіяся княжества никакого значенія въ политической системѣ в. кн. Литовскаго уже не могли имѣть.

Нѣкоторое отступленіе отъ этой системы упраздненія удѣльныхъ княжествъ замѣчается какъ будто въ 1440-хъ гг. Волынь оставляется во владѣніи Свитригайла, и рядомъ съ нею создается новое, импозантное по размѣрамъ, хотя и слабое силами и значеніемъ, Кіевское княжество въ рукахъ Олелька Владиміровича, сына бывшаго Кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича. Но это была лишь временная уступка обстоятельствамъ со стороны тогдашнихъ литовскихъ правителей—регентства, правившаго именемъ новаго великаго князя Казиміра. Въ виду внутреннихъ потрясеній, пережитыхъ великимъ княжествомъ въ 1430-хъ гг., въ виду натянутыхъ отношеній къ Польшѣ, они считали нужнымъ сдѣлать кое-что для успокоенія украинско-бѣлорусской аристократіи—созданіемъ этихъ двухъ княжествъ, во главѣ которыхъ стояли два выдающихся представителя украинско-бѣлорусского княжья (изъ литовской династіи). Затѣмъ, когда трудныя обстоятельства миновали, оба княжества были обращены снова, и уже безвозвратно, въ простыя провинціи: съ Волынью это случилось со смертью Свитригайла (1452), съ Кіевомъ—со смертью сына Олелька, Семена Олельковича. (въ 1470 г.).

Это превращеніе старыхъ наслѣдственныхъ, автономныхъ княжествъ въ обыкновенныя провинціи, розданныя въ управленіе обыкновеннымъ ве-

ликокняжескимъ намѣстникамъ, спасло государственное единство вел. кн. Литовскаго отъ грозившаго ему разложенія и открыло болѣе широкую дорогу воздѣйствіямъ внутренней политики центральнаго правительства на строй и отношенія земель, отдало послѣднія вліяніямъ соціальнаго и національнаго процесса великаго княжества. До полной централизаціи государственная система великаго княжества Литовскаго, положимъ, никогда не дошла, и значительная провинціальная обособленность земель, съ широкимъ участіемъ въ управленіи мѣстныхъ (аристократическихъ) элементовъ, сохранилась и позже, но въ смыслѣ воздѣйствія государственнаго процесса вел. княжества на строй и жизнь земель—превращеніе послѣднихъ изъ автономныхъ княжествъ въ простыя провинціи создавало большую разницу въ смыслѣ огромнаго усиленія этого воздѣйствія, и новое направленіе, какое сообщило этому процессу унія, со временемъ отражается все болѣе и болѣе на внутреннихъ отношеніяхъ земель [1]).

Національное раздвоеніе вел. кн. Литовскаго.

Существенное значеніе уніи въ сферѣ культурныхъ и національныхъ отношеній вел. кн. Литовскаго заключалось въ томъ, что она эмансипировала правящій литовскій элементъ изъ подчиненія культурѣ бѣлорусско-украинской и, давъ ей новую религію-католическую и новую культуру-латино-польскую, создала внутреннее раздвоеніе въ великомъ княжествѣ, отразившееся не только на отношеніяхъ культурныхъ и національныхъ, но и на политической жизни его самымъ сильнымъ образомъ.

Кревскимъ актомъ Ягайло обязался крестить въ католичество всѣхъ некрещеныхъ Литовцевъ и, исполнивъ это обѣщаніе, организовалъ новую католическую церковь въ вел. кн. Литовскомъ, придавъ ей, подъ вліяніемъ своихъ польскихъ руководителей, положеніе церкви государственной, господствующей, особо покровительствуемой сравнительно со старою православною церковью Литовской Руси. Подъ вліяніемъ тѣхъ же совѣтниковъ, очевидно, онъ стремится создать изъ литовскихъ бояръ-католиковъ новый привилегированный классъ, который, по мысли польскихъ политиковъ, долженъ былъ сдѣлаться хранителемъ и оплотомъ уніи Литвы съ Польшею, которой классъ этотъ былъ обязанъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Это былъ расчетъ совершенно правильный, съ точки зрѣнія уніи, и изъ соображеній національныхъ и классовыхъ онъ былъ поддержанъ также представителями литовскаго автономизма. Витовтъ, увлекаемый фамильными традиціями, связывавшими его династію съ литовскимъ элементомъ, а можетъ быть, руководимый и политическими разсчетами, тоже старается выдвинуть литовскую аристократію и на ней опереться въ противовѣсъ православной княжеской и боярской аристократіи: бѣлорусской и украинской, и ассимилированной ими литовской. Ягайло и

[1]) Подробнѣе въ „Історії України“, т. IV, гл. 3.

Витовтъ солидарно возвышают литовскую католическую аристократію въ ущербъ бѣлорусско-украинской. Сообщаютъ права польской шляхты боярамъ-католикамъ (то естьЛитвинамъ), признаютъ за ними исключительное право на высшія государственныя должности, лишь ихъ допускаютъ къ участію въ наиболѣе важныхъ политическихъ актахъ. Литовская Русь скоро вполнѣ осязательно почувствовала, что ее оттѣсняютъ на второй планъ, лишая всякаго политическаго значенія. Литовская же аристократія очень скоро входитъ во вкусъ своего привилегированнаго положенія и, понимая, что такое положеніе ея основывается всецѣло на поддержкѣ польскихъ правительственныхъ круговъ, начинаетъ цѣнить унію — хотя въ извѣстныхъ границахъ. Съ одной стороны, она желаетъ сохранить автономію вел. кн. Литовскаго, потому что съ превращеніемъ его въ польскую провинцію, она потеряла бы свое политическое значеніе, какое имѣла теперь; съ другой стороны, она избѣгаетъ и полнаго разрыва съ Польшею, такъ какъ въ противномъ случаѣ должна была бы искать опоры въ самомъ вел. княжествѣ, считаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ внутри послѣдняго и дать соотвѣтствующее мѣсто элементамъ славянскимъ, аристократіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель. Это давало двойственность и нерѣшительность литовской политикѣ по отношенію къ Польшѣ; останавливаясь на полдорогѣ, она облегчала Полякамъ осуществленіе ихъ плановъ по отношенію вел. кн. Литовскаго, какъ облегчало ее и указанное національное раздвоеніе и проистекавшая отсюда внутренняя слабость вел. кн. Литовскаго. Такъ недавно еще полное юношескихъ силъ, экспансивной энергіи, великое княжество Литовское сразу входитъ въ состояніе преждевременной дряхлости.

Свитригайло, занявъ мѣсто Витовта, задумалъ исправить его ошибку и, не лишая значенія литовской аристократіи, хотѣлъ дать соотвѣтствующее мѣсто литовской Руси и тѣмъ возстановить первоначальное равновѣсіе и единство политической системы государства. Но литовская аристократія не захотѣла дѣлиться своимъ исключительнымъ положеніемъ и пошла на встрѣчу интригамъ польскаго правительства противъ Свитригайла, провозгласивъ великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Этотъ шагъ вызвалъ раздвоеніе: Сигизмунда признали литовскія земли, бѣлорусскія и украинскія остались вѣрны Свитригайлу. Современники подчеркиваютъ этотъ этнографическій расколъ вел. княжества, называя Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ, Свитригайла вел. княземъ русскимъ. Послѣдующая борьба Свитригайла съ Сигизмундомъ должна была рѣшить, останется ли господствующею литовская аристократія, или центръ тяжести передвинется въ сторону болѣе многочисленныхъ элементовъ украинскихъ и бѣлорусскихъ — тоже аристократическихъ, конечно, такъ какъ народъ оставался пассивнымъ участникомъ этого соперничества двухъ аристократій. Князья и бояре украинскихъ и бѣлорусскихъ земель поддерживали Свитригайла, своего давняго союзника и друга, съ чрезвычайной энергіей; но послѣдній при большой энергіи и настойчивости оказался плохимъ и несчастливымъ полководцемъ, и дѣло литовской «Руси» было окончательно проиграно въ 1435 г.

въ кровопролитной битвѣ надъ р. Святою, близъ Вилькомира, гдѣ погибло войско Свитригайла (однихъ взятыхъ въ плѣнъ князей лѣтописи насчитываютъ 26, не считая убитыхъ).

Литовской аристократіи выборъ Сигизмунда, однако, тоже не принесъ большого утѣшенія: онъ оказался принципіальнымъ врагомъ аристократіи, выдвигалъ людей худородныхъ, а родовитыхъ отодвигалъ на второй планъ и даже преслѣдовалъ, если вѣрить позднѣйшимъ обвиненіямъ: замышлялъ «весь рожай (родъ) шляхецкій погубити и кровъ ихъ разлити, а поднести рожай хлопскій, ихъ кровъ», какъ выражается преданный аристократическимъ воззрѣніямъ лѣтописецъ. Поэтому Сигизмундъ скоро погибъ отъ руки аристократовъ, составившихъ заговоръ на его жизнь, и на его мѣсто былъ избранъ малолѣтній Ягайловичъ Казиміръ, младшій братъ польскаго короля Владислава.

Группа литовскихъ магнатовъ, захватившихъ бразды правленія и правившихъ затѣмъ именемъ Казиміра до его совершеннолѣтія, въ виду натянутыхъ отношеній къ польскому правительству, желавшему распоряжаться въ литовскихъ земляхъ совершенно своевластно, и предшествовавшихъ усобицъ, вызванныхъ внутреннимъ раздвоеніемъ Литвы и Руси, на первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, считала нужнымъ кое-что сдѣлать для удовлетворенія Руси. Оставивъ Волынь за Свитригайломъ и отдавъ Кіевъ Олельку, очень умѣренному представителю украинскаго княжья, близко стоявшему къ литовской аристократіи, они создали этимъ дѣйствительно нѣкоторую иллюзію національной гармоніи — признанія со стороны литовской аристократіи права на извѣстное значеніе за русской аристократіей. Видное положеніе Семена Олельковича, получившаго послѣ отца кіевскій столъ (1454—1470), и въ силу своихъ родственныхъ связей съ литовскими регентами (онъ былъ женатъ на дочери воеводы виленскаго Гаштовта, бывшаго главы регентства), игравшаго если не вліятельную, то почетную роль въ жизни в. кн. Литовскаго, поддерживало нѣкоторое время эту иллюзію. Въ силу упомянутыхъ родственныхъ связей и своей «умѣренности», кн. Семенъ даже фигурировалъ, какъ кандидатъ литовскихъ правителей на постъ великаго князя. Но стѣсненныя обстоятельства, принудившія литовскихъ политиковъ поконетничать немного съ представителями княжья, за это время прошли, отношенія къ Польшѣ отлились въ болѣе или менѣе желательныя для нихъ формы, и считаться со своею «Русью» они не считали болѣе нужнымъ.

Событія этого времени вообще дали чрезвычайно яркую иллюстрацію той двойственной политики литовской правящей аристократіи, о которой была рѣчь выше. Гибель кор. Владислава подъ Варною (1444) дала ей отличный случай разорвать династическую связь съ Польшею. Но въ силу тѣхъ выгодъ, какія давала ей связь съ послѣднею, она не рѣшилась на такой рѣзкій шагъ; вмѣсто того, чтобы повліять на Казиміра въ смыслѣ отреченія отъ всякихъ притязаній на польскую корону, литовскіе правители, послѣ долгихъ проволочекъ, въ концѣ концовъ дали согласіе на выборъ Казиміра польскимъ королемъ, связавъ лишь его различными обѣщаніями въ интересахъ сохраненія литовской автономіи и цѣлости земель в. кн. Литовскаго.

Разсчитывая сохранить и впредь свое вліяніе на Казиміра, они не считали нужнымъ даже обезпечить самостоятельности великаго княжества выборомъ отдѣльнаго великаго князя съ переходомъ Казиміра на польскій престолъ. Это оказалось большой ошибкой, такъ какъ, поставленный между противоположными стремленіями польской и литовской политики, Казиміръ скоро выходитъ изъ-подъ вліянія своихъ литовскихъ менторовъ, руководится въ своей политикѣ интересами Польши и уніи, а пользуясь своимъ вліяніемъ въ правящихъ кругахъ Литвы, не допускаетъ и до выбора отдѣльнаго великаго князя, когда возникъ такой проектъ, и всячески ослабляетъ тѣ напряженія въ отношеніяхъ къ Польшѣ, какія временами возникали въ правящихъ литовскихъ кругахъ. Такимъ образомъ, до самой своей смерти (въ 1492 г.), въ продолженіе почти цѣлаго полустолѣтія, Казиміръ удерживаетъ въ личной уніи, подъ своею властью Польшу и Литву.

Внутренняя автономія в. кн. Литовскаго при этомъ оставалась въ полной силѣ, литовскіе правящіе классы чувствовали себя здѣсь господами положенія, и если раздраженные неуступчивостью польскаго правительства въ вопросахъ о спорныхъ земляхъ или въ переговорахъ о новой редакціи формулы уніи, гдѣ литовскимъ правителямъ хотѣлось отмѣнить существовавшія въ старыхъ трактатахъ фразы о присоединеніи Литвы къ Польшѣ и супрематѣ послѣдней,—литовскіе правители при случаѣ старались подчеркнуть свою полную самостоятельность отъ Польши, то все болѣе и болѣе ограничивались довольно безвреднымъ будированіемъ, и чувствуя за собою поддержку Польши, довольно безцеремонно давали чувствовать нелитовскимъ элементамъ свое властное положеніе [1]).

Украинская и бѣлорусская ирредента въ в. кн. Литовскомъ.

Унизительное положеніе, въ которомъ почувствовала себя украинская и бѣлорусская аристократія, оттѣсненная отъ всякой политической роли и значенія въ государствѣ, послѣ неудачной борьбы, предпринятой подъ знаменами Свитригайла, заставляетъ ее обратить свои взоры на востокъ, въ сторону старыхъ соперниковъ литовскихъ князей въ собираніи отчинъ Владиміра Великаго—московскихъ князей. Соперничество послѣднихъ съ литовскими князьями обозначилось опредѣленно уже во второй половинѣ XIV в., но пока в. кн. Литовское стояло на почвѣ традицій Кіевской Руси, соперничество московскихъ князей ему было не страшно; лишь перемѣны, произведенныя уніею во внутреннихъ отношеніяхъ в. кн. Литовскаго, убивъ притягательную силу, какую имѣло до тѣхъ поръ в. кн. Литовское среди наслѣдія Кіевскаго государства, дали рѣшительный перевѣсъ Москвѣ. Періодъ застоя и упадка, переживаемый Московскимъ государствомъ при двухъ Василіяхъ, съ одной стороны, импозантное правленіе Витовта, съ другой, до времени маскировали эту перемѣну шансовъ старыхъ соперниковъ. Но во второй по-

---

[1]) Подробнѣе тамъ же.

ловинѣ XV в. она становится все болѣе замѣтною, и стремленія недовольнаго украинскаго и бѣлорусскаго княжья найти себѣ опору въ вел. кн. Московскомъ противъ католической Литвы, въ противовѣсъ той опоры, какую та находила въ Польшѣ, впервые съ полною опредѣленностью обнаружили рѣзкую перемѣну, какая произошла въ соотношеніи силъ обоихъ старыхъ соперниковъ.

Поводомъ къ первому извѣстному намъ проявленію этого украинско-бѣлорусскаго ирредентизма в. кн. Литовскаго послужилъ кіевскій столъ. Въ 1470 г. умеръ Семенъ Олельковичъ, «отчичъ» кіевскій, и литовскіе правители не согласились предоставить послѣ него кіевскій столъ его брату Михаилу Олельковичу, а потребовали отъ Казиміра, чтобы онъ обратилъ кіевское княжество въ обыкновенную провинцію и назначилъ туда намѣстникомъ Литвина-католика Мартина Гаштовта. Казиміръ исполнилъ ихъ желаніе и этимъ чрезвычайно огорчилъ кіевлянъ; они заявили, что предпочитаютъ погибнуть, чѣмъ принять правителемъ Литвина-католика, человѣка не княжескаго рода, и усиленно просили Казиміра дать имъ въ Кіевъ кого-нибудь изъ князей, если не православнаго, то хотя бы католика, чтобы поддержать традицію кіевскаго стола. Но литовскіе правители стояли на своемъ, а съ ними и Казиміръ, и кіевляне, въ концѣ концовъ, принуждены были принять Гаштовта.

Разсказывая объ этомъ, современный польскій хронистъ Длугошъ присовокупляетъ, что вражда Руси и Литвы въ вел. кн. Литовскомъ къ этому времени такъ обострилась, что Казиміръ, опасаясь взрыва вражды, умышленно долго оставался въ вел. княжествѣ. По словамъ Длугоша, кіевляне и вообще Литовская Русь горько жаловалась, что Литва — давніе данники Руси, превратились теперь въ ея правителей.

Огорченный отказомъ въ Кіевскомъ столѣ, Михаилъ Олельковичъ составилъ заговоръ съ другими князьями. Насколько можно судить изъ скудныхъ извѣстій, сохранившихся о немъ, заговорщики имѣли въ виду завладѣть великокняжескимъ столомъ, посадивъ на немъ одного изъ украинскихъ или бѣлорусскихъ князей, можетъ-быть — самого Михаила Олельковича; они разсчитывали при этомъ на помощь вел. князя московскаго, которая должна была быть оплачена уступкою ему восточной окраины вел. кн. Литовскаго. Но случайно заговоръ былъ открытъ; нѣкоторые заговорщики успѣли спастись въ Москву, Михаилъ Олельковичъ съ другимъ участникомъ заговора кн. Гольшанскимъ были схвачены и казнены (1481).

Въ этомъ эпизодѣ обращаетъ на себя вниманіе, какъ симптомъ, эти надежды княжья на помощь изъ Москвы. Послѣдняя подъ управленіемъ Іоанна III становится импозантною силою, захватываетъ послѣднія волости, лежавшія въ нейтральной полосѣ, раздѣлявшей владѣнія Москвы и Литвы, и вслѣдъ затѣмъ обнаруживаетъ совершенно недвусмысленныя притязанія на бѣлорусскія и украинскія провинціи вел. кн. Литовскаго. Тяготѣніе въ сторону Москвы недовольной православной аристократіи вел. кн. Литовскаго становится въ этихъ условіяхъ чрезвычайно опаснымъ элементомъ для послѣдняго.

Между прочимъ, это тяготѣніе

сильво сказывается среди мелкихъ княжествъ на сѣверо-восточномъ пограничьи стараго Черниговскаго княжества, гдѣ издавна сталкивались соперничающія вліянія Москвы и Литвы. Раньше литовское правительство, сознавая свою притягательную силу, какою обладала для всякаго мелкаго княжья, умышленно держалась въ своихъ соглашеніяхъ съ Москвою принципа свободнаго перехода нейтральныхъ княжествъ подъ власть того или другого государства, Москвы или Литвы, и еще въ первой половинѣ XV в. мы наблюдаемъ тяготѣніе этого мелкаго княжья въ сторону вел. кн. Литовскаго. Но съ 1470-хъ годовъ начинается здѣсь обратное движеніе, въ сторону вел. кн. Московскаго. Обезпокоенное этимъ, литовское правительство пробовало насильно удержать князей отъ переходовъ, не освобождало ихъ отъ присяги, требовало отъ московскаго правительства, чтобы оно не принимало ихъ подъ свою власть. Все это привело, въ концѣ концовъ, къ войнѣ, но успѣхи московскаго войска на литовской территоріи, благодаря указанному тяготѣнію въ московскую сторону, оказались настолько импозантными, что литовское правительство поспѣшило прекратить войну перемиріемъ, признавъ за Москвою владѣнія перешедшихъ князей, но на будущее время добившись обѣщанія, что переходы эти допускаться уже не будутъ (1493). Однако, послѣдніе возобновились вскорѣ снова, очевидно—не безъ тайнаго согласія Москвы, и приняли еще болѣе грозные размѣры. Мотивъ былъ подсказанъ изъ Москвы религіозный, наиболѣе извиняющій нарушеніе трактата; національная причина, такимъ образомъ, была подмѣнена религіозной. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ — Москва продолжаетъ принимать подъ свою власть князей съ ихъ волостями и среди нихъ появляются уже владѣтели крупные, какъ напр., потомки московскихъ эмигрантовъ: Семенъ Можайскій, державшій отъ вел. княжества Литовскаго Черниговъ, Стародубъ и др. города, и Василій Шемячичъ, владѣвшій Новгородомъ-Сѣверскимъ. Въ общемъ Черниговская земля цѣликомъ переходила подъ власть вел. кн. московскаго, и послѣдній поспѣшилъ выслать свои войска, чтобы закончить присоединеніе Черниговскихъ земель. Въ литовскихъ кругахъ это произвело полную прострацію, и литовское правительство новымъ договоромъ 1503 г. признало за Москвою ея пріобрѣтенія, въ томъ числѣ всю старую Черниговскую землю, за исключеніемъ небольшой приднѣпровской полосы около Остра.

Нѣсколько лѣтъ спустя, организуетъ заговоръ и возстаніе, также разсчитывая на помощь вел. кн. московскаго и крымскаго хана, украинская княжеская семья Глинскихъ. Во главѣ ея стоялъ Михаилъ Глинскій, чрезвычайно вліятельный любимецъ вел. кн. литовскаго Александра, представитель русской аристократіи вел. кн. Литовскаго, считавшійся ея общепризнаннымъ вождемъ и главою. Новый вел. князь и король Сигизмундъ не взлюбилъ Глинскаго и на него и его родственниковъ и сторонниковъ посыпался цѣлый рядъ разныхъ бѣдъ и немилостей. Огорченное княжье организуетъ заговоръ, замышляя, какъ въ 1481 г., посадить съ помощью сосѣднихъ государствъ на великокняжескій престолъ своего человѣка—вѣроятно того же Михаила Глинскаго. Расчеты на

заграничную помощь, однако, не оправдались: ханъ не поддержалъ возстанія вовсе, а вел. кн. московскій — очень слабо, и оно очень скоро было подавлено, не вызвавъ сколько-нибудь значительнаго движенія даже среди украинскаго княжья, не говоря уже о народѣ. Усилія Глинскихъ поднять Кіевскую землю были безуспѣшны, а сосѣдняя Волынь, земля князей и магнатовъ по преимуществу—осталась совершенно равнодушной. Вожди заговора ушли на московскую территорію (1508), и Глинскому удалось отомстить литовскому правительству лишь позже, вызвавъ своимъ вліяніемъ новую войну Москвы съ Литвой, закончившуюся завоеваніемъ Смоленской земли московскими войсками. Само по себѣ возстаніе обнаружило лишь полную неспособность украинской и бѣлорусской аристократіи къ какому-либо энергическому движенію, отсутствіе среди нея сплоченности, солидарности, энергіи. Ея пѣсня была спѣта уже съ паденіемъ Свитригайла, и послѣдняя конвульсія — движеніе Глинскихъ — только рельефно подчеркнула ея неспособность къ борьбѣ съ правящими литовскими кругами. Ея тяготѣніе къ Москвѣ не имѣло въ себѣ никакого глубокаго содержанія, какой-либо опредѣленной програмы; въ лучшемъ случаѣ, Москва разсматривалась лишь какъ союзникъ для осуществленія переворота въ вел. кн. Литовскомъ, который долженъ былъ возвратить былое значеніе въ государственной жизни православной аристократіи. Это были движенія небольшихъ кучекъ, слѣпые рефлексы безъ опредѣленнаго плана и програмы. Большинство князей и бояръ уже помирилось съ тою второстепенною ролью, какую предоставляла ему литовская аристократія (главнымъ образомъ—въ мѣстномъ управленіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель)—и отложило всякую мысль — о борьбѣ. Серьезно поставить національный вопросъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ предстояло инымъ общественнымъ силамъ, которыхъ тогда, когда догорала эта аристократическая фронда, никто еще не предчувствовалъ.

Все же движенія конца XV и начала XVI в. безъ вліянія на литовско-польское правительство не остались: испуганное тѣмъ употребленіемъ, какое въ московскихъ политическихъ кругахъ дѣлалось изъ религіозныхъ отношеній в. кн. Литовскаго, оно становится болѣе сдержаннымъ въ отношеніяхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ в. кн. Литовскаго, оставляетъ занимавшую его ранѣе мысль объ осуществленіи уніи своихъ православныхъ подданныхъ съ католической церковью и старается подчеркивать свое благосклонное отношеніе къ послѣднимъ. Не остались эти событія безъ вліянія и на дальнѣйшую судьбу в. кн. Литовскаго. Послѣ страшныхъ потерь, понесенныхъ въ войнахъ начала XVI в. (утрата Черниговской и Смоленской земли), Москва дѣлается кошмаромъ в. кн. Литовскаго, и сознаніе національнаго раздвоенія, существованіе русскаго ирредентизма убиваетъ въ правящихъ литовскихъ кругахъ всякую вѣру въ свои силы. Какъ нарочно, въ это же время, кромѣ Москвы, выдвигается другой грозный, непримиримый сосѣдъ, на южныхъ границахъ, предъ которымъ литовское правительство почувствовало себя совершенно безпомощнымъ, — новосформировавшаяся Крымская орда, одновременно съ московскими завоеваніями, какъ союзникъ

Москвы, проявившая свою страшную разрушительную силу, въ особенности въ украинскихъ земляхъ Литвы и Польши. Слабость вел. кн. Литовскаго въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей входитъ въ общее сознаніе правящихъ круговъ вел. княжества; это обстоятельство дѣлаетъ ихъ все болѣе податливыми для польскихъ уніонныхъ стремленій и въ концѣ концовъ даетъ польскимъ политикамъ возможность осуществить ихъ старые планы относительно в. кн. Литовскаго [1]).

Завершеніе вопроса объ уніи.

Несмотря на удары, падавшіе на вел. кн. Литовское, литовскіе правители довольно стойко старались держаться программы, которую ей диктовали ея классовые интересы: поддерживать связь съ Польшею и въ тоже время охранять автономію и политическую самостоятельность вел. кн. Литовскаго; но самая двойственность, половинчатость ихъ автономистской политики нерѣдко ставила ихъ въ трудное положеніе и подрывала автономистскую программу. По смерти Казиміра, они обзавелись отдѣльнымъ великимъ княземъ въ лицѣ младшаго сына его Александра (1492) и когда Польша въ своихъ планахъ войны съ Турціей стремилась заручиться содѣйствіемъ Литвы, литовскіе политики воспользовались этимъ моментомъ, чтобы добиться желанной для нихъ редакціи формулы уніи, въ духѣ полной равноправности и независимости вел. кн. Литовскаго. Дѣйствительно въ такомъ духѣ былъ редактированъ и принятъ обѣими сторонами новый актъ уніи 1499 г. Но всѣ эти успѣхи были утрачены, когда, за смертью польскаго короля Іоанна-Альбрехта, Александръ былъ выбранъ на польскій престолъ; у литовскихъ политиковъ не нашлось мужества и рѣшительности настоять на выборѣ новаго великаго князя, и то, что было достигнуто при великомъ князѣ Александрѣ, было потеряно при Александрѣ великомъ князѣ и королѣ; онъ октроировалъ новый актъ уніи 1501 г., въ духѣ инкорпораціонныхъ польскихъ стремленій, и хотя въ Литвѣ этотъ актъ встрѣтилъ пассивную оппозицію и не былъ признанъ правосильнымъ, однако, и сколько-нибудь рѣзкаго протеста не вызвалъ. Затѣмъ, по смерти Александра (1506), литовскіе правящіе круги выбрали великимъ княземъ его младшаго брата Сигизмунда, хотя было ясно, что онъ будетъ выбранъ и королемъ польскимъ; литовскіе правители, очевидно, избѣгали конфликта съ польскими правящими кругами, какой могло вызвать избраніе кого-либо внѣ королевской семьи, и ограничились совершенно невинною манифестаціею, избравъ Сигизмунда великимъ княземъ прежде, нежели онъ былъ выбранъ королемъ польскимъ. Точно также поступили они затѣмъ, выбравъ и провозгласивъ великимъ княземъ литовскимъ при жизни Сигизмунда его сына Сигизмунда-Августа. Они довольствовались соблюденіемъ внѣшняго декорума самостоятельности

[1]) Подробнѣе въ „Исторіи Украины“, т IV, гл. 3 и 4.

великаго княжества и своею ролью признанныхъ хозяевъ его, хотя политическая и культурная эволюція все болѣе и болѣе сглаживала грани, дѣлившія вел. княжество отъ Польскаго государства. Благодаря тому, что великіе князья и одновременно польскіе короли—Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ изъ династическихъ соображеній тоже дорожили формальной отдѣльностью великаго княжества, правящей литовской аристократіи ея автономизмъ обходился очень дешево, и они очень стойко отклоняли всѣ попытки Поляковъ привести къ осуществленію старые планы инкорпораціи вел. кн. Литовскаго, такъ что въ продолженіе всей первой половины XVI в. этотъ вопросъ казался совершенно безнадежнымъ. Даже собраться на общій сеймъ съ Поляками, разсчитывавшими на такомъ общемъ сеймѣ найти союзниковъ среди представителей самаго вел. княжества (въ особенности среди низшаго дворянства)— литовскіе правители не соглашались и не допускали его подъ разными предлогами.

Однако, въ 1560-хъ г.г. начинается поворотъ, для литовскихъ правителей въ высокой степени неблагопріятный. Литва навлекла на себя новую войну съ Москвою (изъ-за Ливоніи), и эта неудачная для нея война, требовавшая огромныхъ расходовъ, новыхъ налоговъ, постояннаго участія шляхетскаго ополченія, вызвала чрезвычайное недовольство, особенно среди низшаго дворянства. Допущенное незадолго передъ тѣмъ къ участію въ новыхъ формахъ представительнаго правленія вел. кн. Литовскаго, оно постепенно выходитъ изъ подъ вліянія аристократіи и начинаетъ поднимать голосъ въ интересахъ болѣе тѣсной уніи съ Польшею, надѣясь, что съ проведеніемъ ея значительная часть военныхъ расходовъ падетъ на Польшу, а распространеніе на литовскія земли польскаго права принесетъ расширеніе шляхетскихъ привилегій по польскому образцу и отмѣну прерогативъ магнатства, всевластно правившаго вел. кн. Литовскимъ. Великій князь и король Сигизмундъ-Августъ, до сихъ поръ равнодушный къ уніи, по разнымъ соображеніямъ становится также горячимъ сторонникомъ инкорпораціи великаго княжества.

Литовскіе магнаты очутились въ трудномъ положеніи среди такого давленія одновременно сверху и снизу. Однако, преслѣдуя свои интересы, они нѣкоторое время держались очень стойко, не допуская до созванія общаго сейма и удерживая въ полномъ подчиненіи своей программѣ представителей шляхты на конференціяхъ съ Поляками. Даже поколебавшись на первыхъ порахъ и сдѣлавъ рядъ уступокъ на конференціи 1564 г., они затѣмъ взяли ихъ обратно и совершенно затормозили вопросъ объ уніи. Когда послѣ безплодныхъ сеймовъ 1565 — 66 годовъ, въ концѣ 1568 г., былъ созванъ новый сеймъ по вопросу объ уніи, въ г. Люблинѣ, съ участіемъ представителей литовскихъ сословій, литовскіе магнаты успѣли и здѣсь удержать послѣднихъ въ полномъ послушаніи и свели общій сеймъ къ конференціямъ двухъ отдѣльныхъ сеймовъ, литовскаго и польскаго, черезъ ихъ делегатовъ. Когда же король обнаружилъ намѣреніе, съ своей стороны, поддержать польскіе планы и оказать въ этомъ направленіи давленіе на литовскихъ представителей, литовскіе магнаты

тайкомъ выѣхали изъ Люблина вмѣстѣ съ представителями прочихъ сословій вел. кн. Литовскаго, разсчитывая такимъ образомъ положить сейму конецъ.

Расчетъ оказался на этотъ разъ неудачнымъ: поляки, раздраженные безуспѣшными переговорами, рѣшили теперь, имѣя на своей сторонѣ короля, осуществить свои планы, не считаясь съ литовскими настроеніями, ни съ требованіями юридическихъ формъ. Непосредственно по отъѣздѣ литовскихъ представителей обѣ палаты сейма предложили постановить заочное рѣшеніе по вопросу объ уніи, въ виду самовольной и незаконной неявки литовскихъ пословъ, предварительно же присоединить къ Польшѣ Волынь и Подляшье, какъ провинціи, принадлежащія къ Польскому государству. Несмотря на юридическую несостоятельность этого проекта, король одобрилъ его, и сеймъ приступилъ къ его осуществленію. Правители вел. кн. Литовскаго вслѣдствіе такого рѣшенія сейма и въ виду положенія, занятаго въ этомъ вопросѣ королемъ, очутились въ чрезвычайно трудной позиціи. Надъ Литвою продолжала тяготѣть тяжелая война съ Москвою; шляхетское сословіе противилось политикѣ магнатовъ, и даже на солидарность магнатства украинскихъ земель, на которыя собиралась наложить руку Польша, не могли расчитывать литовскіе правители, вслѣдствіе исключительности своей національной политики и вызваннаго ею стараго раздвоенія Литвы и Польши. Присоединеніе украинскихъ провинцій къ Польшѣ поэтому не встрѣтило въ нихъ сколько-нибудь рѣзкаго противодѣйствія, и въ концѣ концовъ, убѣдившись, что сеймъ, вступивъ на путь заочныхъ рѣшеній, можетъ создать для нихъ вовсе невозможное положеніе, литовскіе правители послѣ тщетныхъ угровъ и безплоднаго гнѣва, не рѣшившись вступить на путь вооруженной борьбы, увидѣли себя вынужденными экстренно возвратиться на оставленный сеймъ и попробовать спасти, что еще можно было, для своей литовской автономіи.

Эта капитуляція ободрила еще больше польскихъ политиковъ, которые рѣшились послѣ этого завершить процессъ присоединенія украинскихъ земель, взамѣнъ того оставивъ обобранному ими великому княжеству Литовскому нѣкоторую тѣнь автономіи. Литовскіе правители, возвратившіеся къ этому времени на сеймъ, не имѣли энергіи протестовать ни противъ польскихъ захватовъ, ни противъ предложенной имъ формулы уніи. Послѣ довольно слабой и безплодной оппозиціи, они приняли октроированную формулу послѣдней, добившись лишь незначительныхъ уступокъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ. Прежняя личная унія замѣнялась очень тѣсною реальною. Польша и Литва отнынѣ должны были составлять одно государство, съ однимъ общимъ, сообща избираемымъ государемъ, съ общимъ сеймомъ; только отдѣльныя министерства сохранялись для вел. кн. Литовскаго.

Ослабленное, одновременно съ тѣмъ потерею своихъ украинскихъ провинцій, вел. кн. Литовское послѣ этого теряетъ всякое самостоятельное значеніе. Такъ недавно еще полное силъ и экстенсивной энергіи, оно, пройдя черезъ горнило уніи, обратилось въ безплотную тѣнь. Въ виду этого, польскіе политики рѣшили от-

ступить отъ буквы Кревской уніи: отказались отъ формальнаго присоединенія земель бѣлорусскихъ и литовскихъ, удовольствовавшись фактическою полною зависимостью ихъ отъ Польши и присоединивъ къ послѣдней непосредственно земли украинскія [1]).

Присоединеніе украинскихъ земель на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.

Повторилась ситуація, имѣвшая мѣсто по смерти Витовта, когда Поляки, въ виду разрыва съ Литвою, возвратились къ плану присоединенія Галицко-Волынскихъ земель. Разница была только въ томъ, что за столѣтіе слишкомъ, раздѣлившее эти два момента, 1430 и 1569 гг. вел. кн. Литовское безконечно ослабѣло, потеряло въ конецъ свою внутреннюю связь, и вслѣдствіе того, что не удалось Полякамъ (за исключеніемъ присоединенія Зап. Подолья) въ 1430-хъ годахъ, вполнѣ удалось въ 1569, безъ вооруженныхъ столкновеній, простымъ октроированіемъ.

Прежде всего былъ возбужденъ вопросъ о присоединеніи Волыни и Подляшья, занимавшихъ Поляковъ въ 1430-хъ гг., какъ мы знаемъ, но тогда оставшихся неприсоединенными. Когда король далъ свою санкцію, были разосланы въ эти провинціи грамоты, въ которыхъ сенаторамъ и депутатамъ этихъ земель, въ виду присоединенія ихъ къ Польшѣ, приказывалось немедленно явиться на сеймъ, подъ угрозою отнятія имѣній и должностей. Сенаторы и депутаты Волыни и Подляшья, однако, долго не рѣшались исполнить этого требованія, опасаясь репрессій со стороны литовскихъ правителей. Но когда король, по истеченіи назначеннаго срока явки, приступилъ къ конфискаціи имѣній и должностей, эта мѣра оказала дѣйствіе: сенаторы и депутаты явились. Когда имъ предложили присягнуть на вѣрность Польскому королевству, они всячески уклонялись, но въ концѣ концовъ угроза конфискаціи сдѣлала свое дѣло: присяга была принесена и представители новоприсоединенныхъ провинцій, занявъ среди представителей другихъ польскихъ провинцій исздавна принадлежавшія имъ мѣста», какъ выражались Поляки, приняли участіе въ редакціи законоположеній о присоединеніи.

Постановленія эти начались редактироваться еще раньше, они заключали въ себѣ историко-юридическую мотивировку присоединенія, съ полнымъ пренебреженіемъ къ историческимъ фактамъ представляя обѣ провинціи, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, землями издавна принадлежавшими къ Польшѣ, лишь при Казимірѣ Ягайловичѣ насильственно отторженными отъ нея. Съ участіемъ представителей Волыни и Подляшья редакція этихъ законоположеній и оглашавшихъ ихъ инкорпораціонныхъ хартій подверглась различнымъ измѣненіямъ, но историческая мотивировка осталась безъ измѣненій, въ свидѣтельство того, какъ мало придавалось значенія юридической формѣ, разъ рѣшено было ступить на почву насильственнаго разрѣшенія вѣковыхъ стремленій польской политики.

[1]) Подробнѣе тамъ же, въ гл. 5.

Представителямъ богатой, многолюдной аристократической Волыни были оказаны разныя любезности: оставлено на Волыни въ силѣ и на будущее время, дѣйствовавшее въ моментъ присоединенія, право, въ видѣ второй редакціи Литовскаго Статута (получившей вслѣдствіе это имя «Волынскаго Статута»); сохраненъ въ мѣстномъ дѣлопроизводствѣ и въ сношеніяхъ мѣстныхъ учрежденій (за исключеніемъ, однако, городскихъ общинъ) съ центральнымъ правительствомъ—мѣстный офиціальный языкъ (выработанная канцелярскою практикою вел. кн. Литовскаго макароническая, бѣлорусско-украинско-польско-латинская смѣсь); шляхтѣ—«греческой вѣры» предоставлены одинаковыя права съ католиками, и даны обѣщанія, что православные будутъ назначаться на всѣ должности; мѣстныя должности должны были раздаваться только мѣстнымъ уроженцамъ. Это послѣднее обѣщаніе дано было также и Подляшанамъ, въ остальномъ же для этой земли не дѣлалось исключеній, такъ какъ туда уже раньше проникли польскіе порядки, польское право и польскій языкъ, вслѣдствіе колонизаціи мелкой польской шляхты изъ сосѣдней Мазовіи.

Выступая съ проектомъ присоединенія Волыни и Подляшья, польскіе политики все таки считались съ возможностью рѣзкаго отпора со стороны Литвы и готовились къ войнѣ. Когда оказалось, что опасенія вооруженнаго конфликта съ Литвою не имѣютъ основанія, и присоединеніе этихъ двухъ провинцій прошло безъ всякихъ осложненій, успѣхъ возбудилъ новый аппетитъ, и шляхетскіе депутаты, нижняя палата сейма, вообще болѣе предпріимчивая, чѣмъ палата сенаторовъ, выступила предъ королемъ съ новымъ проектомъ—присоединить къ Польшѣ также восточное Подолье, ускользнувшее изъ польскихъ рукъ въ 1430-хъ годахъ и недавно, въ 1560-хъ гг. сформированное въ особое Браславское воеводство, а заодно и воеводство Кіевское. Проектъ присоединенія Браславскаго воеводства казался всѣмъ вполнѣ естественнымъ, въ виду старыхъ прецедентовъ, и былъ принятъ очень сочувственно сенаторами и королемъ. Браславское воеводство было включено въ постановленія о присоединеніи Волыни, какъ бы часть волынскихъ земель (исторически это было несостоятельно, такъ какъ Браславщина къ Волыни никогда не принадлежала, но въ XVI в. она дѣйствительно тяготѣла къ Волыни). Браславскимъ сановникамъ, оказавшимся среди волынскаго магнатства, велѣно было присягнуть, и въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль присоединеніе Браславскаго воеводства стало совершившимся фактомъ, не встрѣтивъ никакихъ затрудненій.

Наоборотъ, проектъ присоединенія Кіевской земли встрѣтился съ сильной оппозиціей въ правящихъ польскихъ кругахъ. Не по юридическимъ мотивамъ—о нихъ никто не думалъ. Но эта чрезвычайно обширная, малонаселенная, подвергавшаяся нападеніямъ Татаръ, въ заднѣпровской своей части порубежная съ Московскимъ государствомъ территорія—казалась польскимъ политикамъ и администраторамъ непосильнымъ бременемъ для Польши съ ея чрезвычайно слабой государственной и военной организаціей (какимъ и оказалась для нея

дѣйствительно). Поэтому, большинство сенаторовъ и король приняли проектъ не сочувственно. Но польская шляхта, которой желалось открыть двери въ эти дѣвственные, неразобранные просторы, настаивала весьма энергично, и ее поддерживали также и представители новоприсоединенныхъ украинскихъ провинцій, пограничныхъ съ Кіевской землей: этимъ послѣднимъ желательно было, что бы присоединеніе ихъ къ Польшѣ не разрывало связи съ восточными украинскими землями, не создавало средостѣнія между ними и этими послѣдними, а для этого былъ одинъ выходъ—присоединить къ Польшѣ и ихъ. Настоянія шляхетской палаты увѣнчались успѣхомъ: на другой день послѣ присяги браславскаго воеводства (3 іюня 1569) шляхетскимъ депутатамъ удалось склонить на сторону своего проекта многихъ сенаторовъ и самого короля. Послѣдній заявилъ, что рѣшилъ присоединить къ Польшѣ также и Кіевскую землю. и приказалъ принести кіевскому воеводѣ присягу. Тѣмъ же днемъ была датирована грамота о присоединеніи Кіевской земли, которая въ ней также была представлена въ роли издавна принадлежавшей къ Польшѣ провинціи. *Для* возможно благопріятнаго впечатлѣнія на кіевскихъ обывателей имъ были предоставлены тѣ же права, что и волынскимъ.

Литовскіе представители, возвратившіеся въ это время на сеймъ, не пошли далѣе жалкихъ словъ по поводу польскихъ захватовъ и октроированное польскимъ сеймомъ, точнѣе — короною присоединеніе украинскихъ провинцій, поддержанное королевскими приказами и угрозами конфискацій, — стало совершившимся фактомъ.

Польша собрала подъ своею властью почти всѣ украинскія земли. Внѣ ея границъ послѣ 1569 г. остались только: Угорская Русь, украинскіе округа сѣверной Молдавіи (Буковина), территоріи средняго Буга и верхней Припяти, земли Брестская и Пинская, составлявшія теперь Брестское воеводство в. кн. Литовскаго, и украинская территорія Черниговской земли. Берестейское воеводство осталось въ составѣ в. кн. Литовскаго; но послѣднее послѣ 1569 г. находилось подъ такимъ сильнымъ воздѣйствіемъ польскаго правительства, польскаго права и культуры, что и упомянутая Берестейско-Пинская территорія фактически чувствовала себя такъ же, какъ если бы принадлежала къ Польшѣ. Черниговская земля съ 1503 г. принадлежала Московскому государству; но въ началѣ XVII в., во время Московскаго смутнаго времени, Польша завладѣла этой территоріей и затѣмъ послѣдняя была за ней утверждена, образовавъ особое Черниговское воеводство. Правда, польское владѣніе не продолжалось здѣсь долго, и съ народнымъ движеніемъ 1648 г. эта территорія была утрачена для Польши безвозвратно, какъ и все Заднѣпровье. Но все-таки, хотя на время, Польшѣ удалось собрать украинскія земли почти цѣликомъ—кромѣ крайнихъ, указанныхъ выше, юго-западныхъ отрѣзковъ—Угорской Руси и Буковины [1]).

---

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. IV, гл. 5.



Вел. кн. Литовское послужило украинскимъ землямъ какъ бы этапомъ въ ихъ переходѣ подъ непосредственную власть Польши, подъ вліяніе ея государственнаго строя, права и быта. Постепенно, одна за другою, переходили отдѣльныя украинскія земли въ составъ Польши: Галиція, немного позже земли Белзская и Холмская, полстолѣтіе спустя Западное Подолье, еще позже, послѣ долгаго промежутка—Волынь и Подляшье, Браславская и Кіевская земли. Но хронологическія даты формальнаго перехода той или другой земли еще не говорятъ намъ всего. Такъ, Подляшье, хотя входило въ составъ в. кн. Литовскаго, въ продолженіе XV в., подвергается весьма сильной иммиграціи польской шляхты и въ связи съ этимъ—очень рѣзкой полонизаціи своего строя и быта, находящей свое выраженіе въ земскихъ привилегіяхъ конца XV и нач. XVI вѣка. Волынь, еще раньше своего присоединенія къ Польшѣ, въ XVI в., подвергается весьма опредѣленному воздѣйствію польскаго права и культуры—какъ путемъ непосредственнаго проникновенія польскихъ элементовъ въ населеніе и бытъ края, такъ и чрезъ посредство политическаго и общественнаго строя в. кн. Литовскаго. Послѣдній, сформировавшись на основаніяхъ древнерусскаго права, выработаннаго Кіевскимъ государствомъ, со временъ Кревской уніи модифицировался подъ сильнымъ воздѣйствіемъ права и культуры польской, особенно въ XV и въ XVI вѣкѣ. Такимъ образомъ, подъ воздѣйствіемъ литовскаго права украинскія земли, входившія въ составъ в. кн. Литовскаго, подвергались также воздѣйствіямъ права польскаго, съ тою лишь разницею, что черезъ фильтръ литовскаго государственнаго строя эти воздѣйствія проникали въ болѣе разрѣженныхъ формахъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ они проникали въ земли, входившія непосредственно въ составъ Польскаго государства.

Въ концѣ концовъ, въ составѣ Польши или Литвы, непосредственно или посредственно, въ разное время, въ ускоренныхъ или замедленныхъ формахъ — всѣ украинскія земли въ эти столѣтія проходятъ одинъ и тотъ же процессъ видоизмѣненія стараго строя и права, подъ воздѣйствіемъ права и строя польскаго, завершающагося, лишь разновременно, болѣе или менѣе сходными формами. Ту эволюцію, которую западныя украинскія земли, вошедшія въ составъ Польши еще въ XIV или въ первой половинѣ XV в., пережили тогда же, въ XIV и XV вв.,—центральныя украинскія земли: Волынь, Побужье, затѣмъ Браславская и Кіевская—переживаютъ въ продолженіе XVI, а восточныя, заднѣпровскія—Черниговскія земли, принадлежавшія въ XVI в. Москвѣ, или Переяславскія, пролежавшія весь XVI вѣкъ впустѣ,—вступаютъ въ сферу этого воздѣйствія лишь на нѣсколько десятилѣтій XVII вѣка, передъ движеніемъ 1648 г. И поэтому мы можемъ въ одной картинѣ обозрѣвать измѣненія, происходившія въ старомъ строѣ и жизни нашихъ земель этой эпохи, оговариваясь лишь настолько,

насколько это необходимо для того, чтобы характеризующія этотъ процессъ черты не сводились къ искусственно упрощенной схемѣ, покрывающей разнообразіе градацій, развивавшихся въ зависимости отъ большей или меньшей интенсивности польскихъ вліяній, большаго или меньшаго значенія задерживающихъ условій и т. под.

Западныя украинскія земли, вошедшія сразу и непосредственно въ составъ Польши, тоже не сразу были перестроены по польскому образцу. И въ нихъ на первыхъ порахъ оставалось довольно много отъ прежнихъ порядковъ, такъ что позже это переходное время называлось «временемъ русскаго права», — tempus juris ruthenicalis. Полное же уравненіе этихъ провинцій съ польскими и введеніе польскаго права было провозглашено лишь въ 1434 г., по смерти Ягайла. Въ в. кн. Литовскомъ систематическая перестройка государственнаго строя, администраціи и сословныхъ отношеній по польскому образцу производится въ половинѣ XVI в.; центральныя же украинскія земли окончательно организуются на польскій ладъ и проникаются польскими вліяніями уже послѣ своего непосредственнаго присоединенія къ Польшѣ въ 1569 г.; эта же дата имѣетъ рѣшающее значеніе и для украинскаго Побужья, оставшагося въ составѣ в. кн. Литовскаго,—Берестейскаго воеводства: послѣ 1569 г. оно подпадаетъ со всѣмъ вел. княжествомъ сильнѣйшимъ вліяніямъ польскаго законодательства, польскаго строя и права. Хотя во всѣхъ этихъ земляхъ—на Волыни, въ земляхъ Браславской и Кіевской формально было сохранено дѣйствіе стараго права, которое, въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ (третьей редакціи Литовскаго Статута) оставалось также дѣйствующимъ правомъ для Побужья, какъ провинціи в. кн. Литовскаго,—но его значеніе вскорѣ стало совершенно призрачнымъ при массовомъ движеніи польскаго привилегированнаго элемента въ эти земли и ополяченіи мѣстнаго шляхетскаго быта. Можно сказать, что съ концомъ XVI в. Украина вся, до самого Днѣпра, была организована соотвѣтственно польскому праву и польскимъ порядкамъ, а въ первой половинѣ XVII в. порядки эти переходятъ за Днѣпръ, достигая въ своемъ распространеніи почти крайнихъ предѣловъ украинской колонизаціи на востокѣ.

Въ сферѣ политико-административной этотъ процессъ перестройки характеризуется разложеніемъ стараго политико-административнаго строя подъ тяжестью новыхъ надстроекъ, созданныхъ новыми государствами, въ составъ которыхъ входили украинскія земли. Такъ, при присоединеніи западныхъ украинскихъ земель къ Польшѣ, на первыхъ порахъ въ нихъ оставался старый административный строй, только во главѣ его оказывался польскій «староста», намѣстникъ польскаго края. Отдѣльными провинціями и округами правили по старому воеводы, рядомъ съ ними въ качествѣ низшихъ чиновниковъ встрѣчаемъ старыхъ сотскихъ, десятниковъ, тіуновъ; вмѣстѣ съ воеводою засѣдаетъ въ судѣ отдѣльный «судья», и писарь долго еще носитъ имя «дьяка». Затѣмъ польскіе старосты появляются въ провинціальныхъ центрахъ, и представители старой системы, уступивъ имъ мѣсто, становятся все меньшими величинами, низшими агентами: воеводы переходятъ въ начальниковъ небольшихъ сель-

скихъ волостей или намѣстителей старостъ, назначаемыхъ самими старостами изъ числа ихъ частныхъ служебниковъ, тіуны превращаются въ сельскихъ старостъ, десятники — въ еще болѣе мелкихъ сельскихъ агентовъ, въ родѣ нынѣшнихъ сельскихъ сотскихъ, и т. под. На развалинахъ старой администраціи съ концомъ XIV в. образуется система старостинскаго управленія, объединяющаго судебную и административную власть, и наконецъ, въ 1434 г. вводится настоящая польская административная схема, раздѣляющая судъ коронный старостинскій (гродскій) отъ выборнаго шляхетскаго (земскаго), земская автономія (шляхетская) и участіе шляхты въ общегосударственномъ представительствѣ, какъ разъ съ половины XV в. начинающемъ свое развитіе.

Въ вел. кн. Литовскомъ съ его консервативностью въ отношеніи къ старорусскимъ формамъ управленія и права, аналогичный процессъ разложенія старорусскихъ политико-административныхъ формъ тянулся несравненно долѣе. На первыхъ порахъ и тутъ, конечно, остается старый строй: во главѣ земли становится князь изъ новой династіи, при немъ дума, состоящая изъ высшихъ чиновъ управленія, бояръ и низшихъ, служебныхъ или волостныхъ князей; вѣче, какъ органъ управленія, атрофировалось, очевидно, окончательно въ этотъ переходный періодъ. Въ главныхъ центрахъ земли видимъ воеводъ, болѣе мелкія волости «колеею», по очереди держатъ представители мѣстнаго боярства; иногда эти волости связаны съ разными придворными титулами — конюшаго, рядничаго, поѣздничаго, ловчаго, сокольничьяго; держатели ихъ «судили и рядили» въ теченіе своего срока, отдавая часть сборовъ въ княжью казну и оставляя остальное въ свою пользу. Въ роли низшихъ, сельскихъ агентовъ, встрѣчаются въ XV и даже XVI в. тіуны, сотскіе, десятники, старцы. Съ паденіемъ крупныхъ княжествъ, чиновники, правившіе отдѣльными волостями, и князья второстепенныхъ княжествъ, переходили въ непосредственную зависимость вел. князя, который назначаетъ въ главнѣйшіе центры цѣлыхъ земель или значительныхъ округовъ своихъ «намѣстниковъ». Съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого института, остатки старой административной схемы все болѣе обезцѣниваются, опускаются все ниже, такъ что напр. старые воеводы, гдѣ они уцѣлѣли, опускаются до значенія мелкихъ, подчиненныхъ намѣстникамъ агентовъ.

Система этихъ намѣстничествъ отличается значительною примитивностью: въ рукахъ намѣстниковъ функціи административныя перемѣшиваются съ судебными и финансовыми, съ управленіемъ государственными имуществами; подчиненіе очень слабо развито: начальники большихъ и меньшихъ округовъ, не только намѣстники, а и низшіе рангомъ чиновники завѣдывавшіе какими-либо округами, непосредственно подчиняются великокняжескому правительству, непосредственно вмѣшивающемуся нерѣдко въ очень мелкіе вопросы мѣстнаго управленія: латифундіи магнатовъ не подчиняются провинціальной администраціи, а стоятъ тоже въ непосредственной зависимости лишь отъ великаго князя. Дальнѣйшая эволюція этой политико-административной системы заключалась въ томъ, что намѣстникамъ глав-

ныхъ городовъ областей сообщаются, по польскому образцу, новые титулы старостъ и воеводъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяются ихъ прерогативы по отношенію къ представителямъ привилегированныхъ сословій и меньшимъ чиновникамъ, управлявшихъ болѣе мелкими округами и волостями. Такъ, въ теченіе XVI вѣка, создается система (хотя довольно-всетаки нестройная) повѣтовъ, объединенныхъ въ земли, во главѣ которыхъ стояли воеводы или старосты, съ извѣстными прерогативами, простирающимися на территорію всей земли, и земскіе съѣзды чиновниковъ, князей и пановъ земли, составлявшіе родъ земскаго представительства, съ функціями довольно разнообразными, но никогда ближе не регламентированными. Затѣмъ эта система, значительно приблизившаяся уже къ польскимъ образцамъ, въ теченіе 1550 и 1560-хъ годовъ систематически реформируется по этимъ послѣднимъ, а 1569 г. окончательно довершаетъ уподобленіе украинскихъ земель въ ихъ устройствѣ польскому строю, какъ разъ въ это время, во второй половинѣ XVI в., получившему послѣдніе штрихи, обрисовавшіе его окончательно и затѣмъ для всего интересующаго насъ времени оставшемуся почти безъ перемѣнъ. Не останавливаясь поэтому на разныхъ переходныхъ формахъ первой половины XVI в., 1550—1560-хъ годовъ и т. д., мы вкратцѣ очертимъ ту послѣднюю форму, въ которую отлилось устройство и управленіе нашихъ земель этого періода.

Земли Польско-Литовскаго государства раздѣляются на воеводства; такихъ воеводствъ на украинскую территорію приходится девять, а именно: воеводство Русское (Галиція и Холмская земля), Белзское (на границѣ Галиціи и Холмской земли), Подольское, Подляшское, Берестейское, Волынское, Браплавское, Кіевское и — сформированное уже въ 1630-хъ годахъ Черниговское. Во главѣ воеводства стоитъ воевода и одинъ, а иногда и нѣсколько каштеляновъ; должность воеводъ къ этому времени, однако, почти утратила свои административныя функціи, и эти чины воеводы и каштеляна имѣли только то значеніе, что съ ними были связаны мѣста въ верхней палатѣ польскаго представительства — въ сенатѣ. Настоящей политико-административной единицей является повѣтъ, или въ западной Украинѣ — земля, служащая непосредственнымъ звеномъ между воеводствомъ и повѣтомъ. Такъ, Русское воеводство состоитъ изъ пяти земель: Львовской, Галицкой, Премышльской, Санондкой и Холмской. Воеводство Подляшское заключаетъ въ себѣ три земли: Мельницкую, Бѣльскую и Дорогочинскую. Воеводство Белзское, при своихъ небольшихъ размѣрахъ, раздѣляется на три повѣта — Бужскъ, Городло и Грабовецъ. Огромная Волынская земля также на три: Владиміръ, Луцкъ и Кременецъ. Берестейское воеводство имѣло два повѣта: Берестье и Пинскъ. Подольское три — Каменецъ, Червоногродъ и Летичевъ. Браплавское — два: Браплавъ и Винницу (третій повѣтъ, Звенигородскій — оставался номинальнымъ). Кіевское — три: Кіевъ, Овручъ и Житомиръ. Каждый повѣтъ (или земля въ западной Украинѣ) представлялъ единицу шляхетскаго самоуправленія. Шляхта на своихъ сеймикахъ замѣщала должности мѣстнаго земскаго суда, высылала своихъ депу-

татовъ въ высшій, апелляціонный трибуналъ, выбирала депутатовъ на сеймъ, снабжала ихъ инструкціями и принимала отъ нихъ отчетъ по окончаніи сессіи. Такъ какъ общегосударственный сеймъ и позже оставался какъ бы делегаціей сеймиковъ земскихъ, то послѣдніе продолжали оставаться основнымъ органомъ парламентаризма и съ развитіемъ сейма; имъ принадлежало не только право законодательной инипіативы, но и право окончательнаго рѣшенія, возбужденныхъ на сеймѣ вопросовъ, если ихъ депутаты оговорили, что окончательное рѣшеніе они переносятъ «до братіи».

Органомъ исполнительной власти въ повѣтѣ являлся королевскій староста— единственный провинціальный органъ государственной власти вообще, какой выработался въ концѣ концовъ эволюціею польскаго государственнаго строя. Ему принадлежитъ власть полицейская и юрисдикція въ уголовныхъ дѣлахъ; его же юрисдикціи (т. н. гродскаго суда) подлежитъ непривилегированное населеніе повѣта. Отъ настоящаго, т. н. «судоваго» старосты отличаются старосты не судовые, управители коронныхъ имѣній, государственныхъ арендъ, носившіе старостинскій титулъ лишь для почета; они обладали лишь обыкновенною доминіальною юрисдикціею, простиравшеюся на крестьянское и всякое другое неполно-привилегированное населеніе (мѣщанъ непривилегированныхъ городовъ и мѣстечекъ, неполноправную шляхту и пр.); число ихъ постепенно все увеличивалось. Для характеристики украинскихъ отношеній весьма существенно то обстоятельство, что между тѣмъ, какъ въ западно-украинскихъ провинціяхъ (какъ и въ земляхъ чисто польскихъ) округа старостъ судовыхъ были сравнительно не велики и гродскіе суды обнимали сравнительно не большую территорію, въ центральной, и еще болѣе—въ восточной Украинѣ, они встрѣчались все рѣже, обнимали все бо́льшую территорію, и власть ихъ для послѣдней становилась все болѣе номинальною. Наконецъ, все Кіевское Поднѣпровье и огромная заднѣпровская территорія составляли округъ одного кіевскаго гродскаго и земскаго суда, и кіевскій воевода (въ Кіевѣ старосты не было) представлялъ собою единственнаго представителя государственной власти, являвшейся здѣсь, конечно, совершенно номинальною. Вся эта территорія была исключена изъ государственной организаціи и жила въ частноправныхъ отношеніяхъ, такъ какъ фактически единственною реальною властью для ней оставалась доминіальная власть—помѣщиковъ, владѣльцевъ духовныхъ имѣній и «державцевъ» коронныхъ имѣній, старостъ не-судовыхъ, для своей территоріи являющихся носителями также власти доминіальной, частноправной, почти не отличавшейся отъ обыкновенной помѣщичьей [1]).

---

[1]) Объ организаціи польской и вел. кн. Литовскаго, какъ она отражалась въ украинскихъ земляхъ, подробно въ „Історії України", т. V, гл. 5. О провинціальномъ управленіи вел. кн. Литовскаго—обширная монографія Любавскаго („Областное дѣленіе и провинц. управленіе вел. кн. Литовскаго"), для польскаго государственнаго права есть въ русскомъ переводѣ курсъ Кутшбы.

Центръ тяжести тѣхъ измѣненій, черезъ которыя переходила украинская жизнь въ этомъ періодѣ, лежитъ все-таки въ сферѣ эволюціи общественнаго строя, общественныхъ классовъ. Украинскія земли подвергались воздѣйствіямъ польскаго строя какъ разъ въ эпоху, когда окончательно слагался государственный строй самой Польши, въ смыслѣ исключительнаго господства шляхетскаго сословія, узурпаціи имъ всей власти, подчиненія всѣхъ государственныхъ функцій интересамъ шляхетскаго класса. Направляя законодательство, общественное устройство и экономическія отношенія исключительно въ интересахъ своего сословія, этотъ правящій шляхетскій классъ стремится использовать и присоединеніе украинскихъ земель въ своихъ интересахъ; съ другой стороны — перестраиваетъ по польскому образцу строй и жизнь этихъ присоединенныхъ земель.

Разнообразіе общественныхъ классовъ и группъ, съ ихъ многочисленными переходами при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ границъ, отличавшее древне-русскій общественный строй, сводится къ двумъ рѣзко отграниченнымъ сословіямъ—привилегированной, всевластной шляхтѣ и безправному, безгласному крестьянству. Самоуправляющаяся земля замѣняется самоуправляющейся шляхетскою кастою. Городъ, бывшій прежде центромъ жизни земли и ея представителемъ, исключается изъ жизни земли и атрофируется, превращенный въ замкнутое, самоуправляющееся государство въ государствѣ. Управленіе, представительство становятся исключительнымъ удѣломъ привилегированнаго землевладѣльческаго сословія.

Съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ этого послѣдняго—такой строй не оставлялъ желать ничего лучшаго, и потому перестройка общественныхъ отношеній по польскому образцу находитъ полное сочувствіе и въ верхнихъ слояхъ украинскаго населенія, обѣщая имъ не только чрезвычайное расширеніе правъ и привилегій по отношеніи къ низшимъ, зависимымъ классамъ, но и освобожденіе отъ тяжелой власти администраціи—или по крайней мѣрѣ облегченіе ея. Поэтому даже тамъ, гдѣ правительство—какъ польское, такъ и литовское (съ Кревской уніи 1385 г.), принципіально стремясь привязать мѣстные привилегированные классы къ Польшѣ расширеніемъ и умноженіемъ ихъ правъ и привилегій, однако останавливалось на полдорогѣ, въ интересахъ государственнаго обложенія желая сохранить различныя повинности, лежавшія на привилегированныхъ землевладѣльцахъ, — эти послѣдніе, въ своихъ классовыхъ интересахъ, добивались полнаго уравненія съ польскою шляхтою и предоставленія присоединеннымъ провинціямъ формъ самоуправленія, выработанныхъ въ польскихъ земляхъ. Въ земляхъ, даже присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ, правительство не спѣшило вводить сословныхъ отношеній польскаго права во всей полнотѣ, хотя съ возрастаніемъ здѣсь числа привилегированныхъ польскихъ

колонистовъ и переходомъ въ руки Поляковъ всей высшей администраціи, польская практика должна была проникать въ мѣстные порядки и отношенія, независимо отъ мѣропріятій правительства. Послѣднее предпочитало не предоставлять шляхетскаго самоуправленія польскаго права, ни уравнивать мѣстныхъ привилегированныхъ классовъ съ шляхтою коренной Польши. Мѣстные землевладѣльцы, безъ различія происхожденія и національности, должны были нести военную службу въ гораздо большихъ размѣрахъ, сравнительно съ польскими землями, и уплачивать различные налоги со своихъ земель, уже послѣ того, какъ польская шляхта освободила себя отъ этого (Кошицкимъ актомъ 1374 г.); привилегированное землевладѣніе въ украинскихъ земляхъ связано было различными ограниченіями, аналогическими съ практикою в. кн. Литовскаго и неизвѣстными въ земляхъ польскихъ. Все это очень тяготило мѣстный землевладѣльческій классъ,— не только польскую шляхту, въ большомъ количествѣ переселившуюся сюда изъ польскихъ провинцій,—но и остатки мѣстнаго украинскаго землевладѣльческаго сословія: съ уравненіемъ съ польскими провинціями они расчитывали освободиться отъ правительственныхъ налоговъ, тяжелыхъ обязанностей военной службы и дискреціонной власти администраціи. Поэтому весь мѣстный землевладѣльческій классъ, безъ различія національности, считалъ себя заинтересованнымъ въ возможно полномъ уравненіи этихъ провинцій съ чисто польскими и усердно хлопоталъ въ этомъ направленіи. Ягайло далъ было обѣщаніе въ этомъ смыслѣ, но формально уравненіе украинскихъ провинцій съ польскими объявлено было уже по его смерти, его сыномъ королемъ Владиславомъ въ 1434 г. Шляхта этихъ провинцій должна была освободиться отъ всѣхъ мѣстныхъ повинностей, подобно польской ограничиваясь лишь платежомъ ничтожной платы— 2 грошей съ лана (ок. 20 дес.) обработанной земли и «посильнымъ» участіемъ въ походахъ для обороны государства; получала свой выборный судъ, земское самоуправленіе, участіе въ общегосударственномъ представительствѣ, въ законодательствѣ и вопросахъ обложенія. Правда, на практикѣ все это не явилось сразу, и администрація на первыхъ порахъ очень не охотно разставалась съ старыми порядками, но во всякомъ случаѣ XV в. во второй половинѣ вся западня Украина: Галиція, Белзская земля и Подолье организуются вполнѣ на польскій ладъ; мѣстная шляхта усваиваетъ польскіе права и порядки и одновременно съ этимъ, весьма сильно полонизируется—какъ увидимъ ниже.

Для украинскихъ земель, входившихъ въ составъ в. кн. Литовскаго, его общественный строй, точно такъ же, какъ и политико-административный, тоже служилъ посредствующею ступенью къ уподобленію польскимъ образцамъ.

При всемъ своемъ принципіальномъ консерватизмѣ, литовское правительство вноситъ весьма существенныя измѣненія въ земляхъ, непосредственно отъ него зависящихъ, подъ давленіемъ милитаризма. Окруженное соперниками и врагами, само увлеченное завоевательными планами, оно обращаетъ всю энергію внутренней политики на созданіе возможно большей военной силы и, охотно оставляя присоединяе-

нымъ украинскимъ и бѣлорусскимъ землямъ ихъ старый строй, стремится привлечь ихъ населеніе къ возможно дѣятельному и значительному участію въ военныхъ предпріятіяхъ и тяготахъ государства. Основаніемъ военнаго обложенія становится землевладѣніе, и правительство, усиленно организуя и умножая классы привилегированныхъ и военнослужебныхъ землевладѣльцевъ, подвергаетъ землевладѣніе усиленной регламентаціи, въ результатѣ которой всякое землевладѣніе, привилегированное и непривилегированное, получаетъ характеръ ограниченный и условный; создается убѣжденіе, что какъ военно-служебный землевладѣлецъ, такъ и крестьянинъ пользуются землею государственною, подъ условіемъ исправнаго отбыванія связанныхъ съ нею повинностей въ пользу правительства или того лица, которому правительство переуступаетъ права на крестьянскія или иныя повинности взамѣнъ государственной военной службы. Во имя этой послѣдней создаются и развиваются прерогативы привилегированныхъ классовъ и конфискуются права непривилегированныхъ, и затѣмъ подъ вліяніемъ польскаго права на этой почвѣ выростаютъ всеобъемлющія права шляхетскаго класса и безправіе крестьянскаго.

На первыхъ порахъ общественный строй отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ. Спеціальныя условія в. кн. Литовскаго оживляютъ старый общественный строй, создаютъ въ немъ новые классы и группы. Изъ пережитковъ стараго и новаго (литовскаго) княжья и верховъ землевладѣльческаго магнатства формируется верхній, аристократическій слой «князей и пановъ», какъ онъ технически обозначается въ офиціальномъ языкѣ в. кн. Литовскаго. Этотъ аристократическій классъ пользуется не только фактическимъ преобладаніемъ, въ силу огромныхъ экономическихъ средствъ, сосредоточенныхъ въ его рукахъ, и преимуществъ, которыми пользовался онъ при замѣщеніи всѣхъ высшихъ должностей, фактически распредѣлявшихся въ тѣсномъ кругу этихъ аристократическихъ фамилій,—но и владѣетъ различными юридическими прерогативами въ сферѣ суда и административно-военнаго устройства. И только съ средины XVI в., начинается рядъ систематическихъ реформъ, въ направленіи отмѣны этихъ прерогативъ, подъ вліяніемъ шляхетскаго демократизма Польши, знавшаго лишь равноправную шляхту (въ теоріи, по крайней мѣрѣ): съ одной стороны — правительство ограничиваетъ прерогативы аристократіи, съ другой—проводитъ рядъ реформъ, поднимавшихъ значеніе низшаго дворянства и уравнивавшихъ его съ аристократіей.

Классъ низшаго дворянства постепенно кристаллизировался изъ сложной системы разнообразныхъ видовъ и группъ военнослужебныхъ, рекрутировавшихся изъ разныхъ общественныхъ классовъ, подъ вліяніемъ стремленій правительства къ созданію возможно многочисленныхъ военнослужебныхъ кадровъ. Рядомъ съ потомками стараго боярства, въ концѣ концовъ передавшихъ свое старое имя мелкопомѣстному военнослужебному землевладѣльческому классу (между тѣмъ, какъ болѣе крупные элементы получили названіе пановъ, земянъ и т. под.), переводились «на боярскую службу» зажиточные мѣщане и кре-

стьяне, освобождавшіеся отъ всякихъ другихъ тяглъ, взамѣнъ обязанности являться въ походъ по первому призыву власти. Къ нимъ примыкали категоріи такъ наз. слугъ, низшіе разряды военнослужебныхъ, исправлявшихъ разныя обязанности при замкахъ, разнаго рода ремесленниковъ, также привлекавшихся къ походамъ, и при этомъ—границы этихъ родовъ служебныхъ были крайне неопредѣленны и допускали свободное движеніе вверхъ и внизъ по этимъ ступенямъ, сообразно съ честолюбіемъ и ростомъ или уменьшеніемъ достатка ихъ представителей, начиная отъ настоящаго крестьянства и кончая боярскою службою.

Изъ этой разнообразной и разношерстной, неотвердѣвшей массы военнослужебныхъ правительство литовское, подъ вліяніемъ уніонныхъ тенденцій, стремилось создать привилегированное сословіе, по образцу польской шляхты. Попытки въ этомъ направленіи начались непосредственно послѣ Кревской уніи, но правительству никакъ не удавалось найти подходящаго критерія для того, чтобы изъ этой огромной и разношерстной массы организовать группу достаточно многочисленную, чтобы быть вліятельной, и не слишкомъ большую, чтобы государство не понесло слишкомъ большого ущерба, черезъ ея эмансипацію отъ государственныхъ повинностей. Основной принципъ, котораго хотѣло держаться правительство, что привилегіи новаго класса могутъ быть достояніемъ только католиковъ, тоже не удалось провести: возстановить, такимъ образомъ, всю массу православныхъ—оказалось слишкомъ опаснымъ, и Сигизмундъ Кейстутовичъ, стараясь подкопать позицію Свитригайла, провозгласилъ въ 1434 г. равноправность православныхъ князей и бояръ съ католиками. Въ концѣ концовъ, составъ привилегированнаго сословія опредѣлился фактическимъ отборомъ родовъ и лицъ, за которыми признавалось право на всѣ привилегіи класса, главнымъ образомъ на основаніи давности землевладѣнія и пользованія правами привилегированныхъ. Въ первой половинѣ XVI в. этотъ составъ опредѣлился уже вполнѣ, подъ именемъ «земянъ» или «шляхты», между тѣмъ какъ низшія категоріи военнослужебныхъ—малоземельные, захудавшіе роды, или военнослужебные несшіе, кромѣ военной службы, разныя другія натуральныя повинности, оставшіеся внѣ привилегированнаго сословія, сохраняютъ старое имя бояръ, получившее съ этихъ поръ значеніе полупривилегированнаго служилаго класса.

Привилегіи шляхетскаго сословія в. кн. Литовскаго слагались также по образцу польской шляхты. Земскій привилей 1447 г. изъялъ изъ юрисдикціи государственныхъ чиновниковъ крестьянъ шляхетскихъ помѣстій и имѣній и подчинилъ ихъ юрисдикціи помѣщика. Практика XV в., закрѣпленная земскими правителями нач. XVI в., признала за представителями привилегированнаго сословія важныя прерогативы въ области судопроизводства: право переносить свои тяжбы непосредственно въ судъ в. князя, судиться съ участіемъ членовъ своего сословія, и т. под. Литовскій Статутъ 1529 г. настойчиво проводилъ принципъ юридическихъ преимуществъ шляхты, разсматривая проступки противъ личности шляхтича или его имущества, какъ дѣянія квалифицированныя. Въ новой редакціи Статута,

1566 г., черты специально шляхетскаго права въ немъ выражены еще рѣзче; имъ вводилось участіе шляхты въ государственномъ представительствѣ и шляхетское мѣстное самоуправленіе по образцу Польши.

Такимъ образомъ, къ 1569 г. шляхетское сословіе в. кн. Литовскаго близко подошло уже къ своему образцу—шляхетскому сословію Польши. Присоединеніе центральныхъ украинскихъ земель къ Польшѣ внесло существенные штрихи въ эту картину шляхетскихъ привилегій, освободивъ шляхетское землевладѣніе отъ связывавшихъ его ограниченій, а самую шляхту—отъ военной службы и государственныхъ повинностей, какія за ней еще сохранились. Послѣ того, какъ эти послѣднія сослужили свою службу, какъ обоснованіе шляхетскихъ правъ по отношенію къ шляхетскимъ «подданнымъ», какъ основа самаго привилегированнаго положенія шляхетскаго сословія,—онѣ снимались съ нея теперь, съ этою послѣднею стадіею уподобленія шляхтѣ польскаго права [1]).

Крестьянство.

Эволюція крестьянскаго сословія въ украинскихъ земляхъ литовско-польской эпохи была оборотною стороною прогресса формированія шляхетскаго сословія и его привилегій, такъ какъ, главнымъ образомъ, за счетъ народной массы создавались эти послѣднія.

Въ предшествующихъ столѣтіяхъ, XII-XIII, экономическій и общественный процессъ характеризовался, какъ мы видѣли, оскудѣніемъ класса крестьянъ-собственниковъ и развитіемъ за ихъ счетъ, съ одной стороны, категоріи безземельныхъ и несвободныхъ, съ другой—боярскаго землевладѣнія, распоряжавшагося трудомъ безземельныхъ и несвободныхъ. Затѣмъ, въ XIV-XVI в.—эволюція народныхъ массъ сводится къ такимъ главнѣйшимъ моментамъ: несвободные постепенно исчезаютъ, переходя преимущественно въ категоріи безземельныхъ, зависимыхъ крестьянъ. Положеніе крестьянъ-собственниковъ понижается до уровня тѣхъ же безземельныхъ, экономически зависимыхъ категорій, путемъ конфискаціи ихъ гражданскихъ и имущественныхъ правъ, непосредственно въ пользу привилегированнаго землевладѣльческаго класса или посредственно—путемъ конфискаціи въ пользу государства. Одновременно, изъ фискальныхъ мотивовъ, проводится строгая регламентація крестьянскаго землевладѣнія и хозяйственныхъ отношеній, разрушаются старыя формы крестьянскаго хозяйства, низводятся болѣе сложныя экономическія единицы къ минимальнымъ атомамъ, дворамъ-хозяйствамъ, причемъ развитіе господскихъ запашекъ все болѣе стѣсняетъ крестьянскіе участки. Наконецъ, усиленіе фольварочнаго хозяйства приводитъ къ чрезвычайному развитію издѣльной, барщинной повинности, къ необычайной эксплоатаціи крестьянской силы, превращающей крестьянина въ фольварочный инвентарь, совершенно поглощенный работой на господскихъ запашкахъ.

---

[1]) Подробнѣе въ т. V, гл. 1. „Історії України".

Въ украинскихъ земляхъ, непосредственно присоединенныхъ къ Польшѣ, уже въ срединѣ XV в., когда впервые, послѣ долгаго перерыва, получаемъ сколько-нибудь достаточный матеріалъ для ознакомленія съ общественными отношеніями, — несвободныхъ мы уже почти не находимъ: юридически они не существуютъ, фактически встрѣчаются лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Въ земляхъ, входившихъ въ составъ в. кн. Литовскаго, категорія несвободныхъ юридически признается очень долго, но жизнь шла впереди законодательства, и XVI вѣкъ является временемъ вымиранія рабства на практикѣ; лишь въ видѣ исключеній встрѣчаемъ группы рабовъ («паробки», «челядь», «челядь невольная»), еще въ срединѣ XVI в., въ видѣ дворовыхъ работниковъ на большихъ фольваркахъ, иногда ведущихъ и свое собственное небольшое хозяйство на господской землѣ. Въ это время, при кадастраціи они переводились обыкновенно на крестьянскіе надѣлы, въ категорію тяглыхъ крестьянъ, и Литовскій Статутъ третьей редакціи (1588), отмѣняя всѣ иныя категоріи рабовъ, кромѣ военноплѣнныхъ, предписываетъ перевести рабовъ всѣхъ прочихъ категорій, равно какъ и дѣтей военно-плѣнныхъ, на тяглые крестьянскіе надѣлы и считать ихъ за крестьянъ-отчичей (крѣпкихъ землѣ). Эти переводы остатковъ несвободнаго населенія въ категорію тяглыхъ крестьянъ ретроспективно освѣщаютъ процессъ вымиранія рабства: нѣкогда многочисленный классъ несвободныхъ и полусвободныхъ разныхъ категорій перешелъ въ категорію крестьянъ, жившихъ на господскихъ земляхъ. Слѣды прежняго рабскаго состоянія сохраняются иногда въ спеціальныхъ ограниченіяхъ правъ, иногда въ особыхъ именахъ ихъ (напр. люди каланные, servi illiberi разныхъ наименованій), еще чаще они безслѣдно смѣшиваются съ остальной массой крестьянства.

Этотъ переходъ многочисленнаго класса несвободныхъ въ категорію крестьянъ безземельныхъ, жившихъ на господскихъ земляхъ, отравляютъ рабскими атрибутами своего юридическаго и экономическаго положенія эту послѣднюю категорію, а по мѣрѣ того какъ исчезала граница между свободными, экономически независимыми крестьянами—собственниками и крестьянами безземельными, жившими на господскихъ земляхъ, атрибуты несвободнаго и экономически зависимаго состоянія несвободныхъ и безземельныхъ переносятся и на свободныхъ и независимыхъ нѣкогда крестьянъ собственниковъ.

Въ XVI в. это свободное крестьянство сохранилось въ сколько-нибудь чистомъ видѣ только мѣстами, тамъ, гдѣ не было усиленной земледѣльческой культуры, господскихъ запашекъ—въ Полѣсьѣ Пинскомъ и Волынскомъ, въ Кіевской землѣ и за Днѣпромъ, гдѣ существовала осѣдлая колонизація. Повинности его ограничивались данями, очень значительными впрочемъ, издѣльныхъ повинностей не существовало, кромѣ городовой работы, и самое большое—помочей, т. н. толокъ, тамъ гдѣ существовали княжьи или господскіе дворы; личныя и имущественныя права не подвергались особенно значительнымъ ограниченіемъ. Тамъ же, гдѣ развивалась земледѣльческая культура, подъ вліяніемъ условій, о которыхъ будетъ рѣчь

ниже,—распространялась и возрастала все больше и больше барщина, «панщина», сводя прежнія категоріи крестьянъ къ одному типу крестьянъ «работныхъ», «тяглыхъ», обремененныхъ работами, прикрѣпленныхъ къ землѣ и всячески ограниченныхъ въ своихъ правахъ.

Первоначальное ядро этихъ «работныхъ людей» составили бывшіе несвободные, переведенные на крестьянскіе надѣлы и обложенные издѣльными повинностями—постоянною работою при дворѣ помѣщика. Особенно крестьяне малоземельные, сидѣвшіе не на полныхъ надѣлахъ, а на усадебныхъ, съ небольшими участками поля (такъ наз. загородники, огородники, коморники) стоятъ въ ближайшей типологической связи съ такими «паробками», поселенными на небольшихъ участкахъ господской земли и работающими въ господскомъ дворѣ: ихъ повинности тоже почти исключительно издѣльныя. Но постепенно это обложеніе издѣльными работами обнимаетъ все болѣе широкіе круги свободнаго крестьянства. Въ в. кн. Литовскомъ различіе между послѣднимъ и крестьянствомъ безземельнымъ, сидящимъ на помѣщичьей землѣ, стирается широко практикуемой раздачей помѣщикамъ крестьянскихъ земель (собственно—переуступкой государствомъ правъ на крестьянскія повинности военнослужебнымъ лицамъ, взамѣнъ за военную боярскую службу, которую долженъ былъ нести новый владѣлецъ). Вслѣдствіе этого пріемы помѣщичьяго хозяйства, выработавшіеся въ отношеніяхъ къ безземельнымъ и несвободнымъ, съ панщиною и усиленною регламентаціею крестьянскихъ отношеній, прилагаются къ свободнымъ крестьянамъ, отданнымъ имъ взамѣнъ службы, а затѣмъ и къ крестьянамъ, даже не попавшимъ въ частныя руки и оставшимся въ непосредственномъ распоряженіи государства, которое по отношенію къ нимъ въ концѣ концовъ вполнѣ усваиваетъ пріемы и точку зрѣнія помѣщичьяго хозяйства (такой характеръ имѣетъ инструкція для устройства государственныхъ имѣній, такъ назыв. «Устава на волоки», 1557 г.).

Въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Польши, различіе между разными классами крестьянства было покрыто, съ одной стороны, раздачею земель польской шляхтѣ, съ другой—перенесеніемъ на украинскія отношенія польскаго сельскаго строя. Этотъ послѣдній сложился на почвѣ перенесеннаго въ сельскія отношенія Польши т. н. нѣмецкаго или магдебургскаго права, по которому организовались городскія общины. Организованныя по этому праву сельскія общины (точно также, какъ городскія) были изъяты изъ власти всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, и функціи послѣднихъ переносились на наслѣдственнаго «войта», управлявшаго общиной, при участіи выборныхъ представителей послѣдней, а всѣ отношенія ея къ государству (или помѣщичьей власти) ограничивались платою «чинша» (census), опредѣленнаго организаціонною грамотою. Однако, несмотря на свои, повидимому, либеральныя тенденціи, въ дальнѣйшей своей практикѣ эта перестройка сельскихъ отношеній на принципахъ нѣмецкаго права оказала чрезвычайно неблагопріятное вліяніе на положеніе крестьянства: изъятіе общинъ изъ власти правительственныхъ чиновниковъ привело въ концѣ концовъ къ созданію полной и безконтрольной

власти помѣщика, такъ какъ должности наслѣдственныхъ войтовъ были выкуплены помѣщиками или инымъ образомъ уничтожены, а самоуправленіе общины осталось пустымъ звукомъ; разрывъ старыхъ традицій, охранявшихъ, до нѣкоторой степени, права крестьянъ, не былъ вознагражденъ гарантіями организаціонныхъ грамотъ, оказавшимися очень слабыми на практикѣ. И помѣщики, и правительство очень мало считались съ ними, особенно по отношенію къ сельскимъ общинамъ, и на практикѣ система чиншевая, гарантированная грамотами, съ началомъ XVI в. уступаетъ мѣсто усиленному обложенію панщиной, распространяющемуся одинаково и въ селахъ нѣмецкаго права и такъ наз. «права русскаго», то-есть не организованныхъ непосредственно по типу нѣмецкаго права, а подвергавшихся воздѣйствію той смѣси польскихъ порядковъ съ формами нѣмецкаго права, какую выработала практика Польши и переносила теперь въ украинскія земли.

Параллельно съ этимъ превращеніемъ крестьянина въ рабочую силу помѣщика и въ значительной зависимости отъ тѣхъ же экономическихъ факторовъ, которые приводили къ развитію издѣльныхъ работъ и о которыхъ мы будемъ говорить ниже, въ связи съ другими фактами,—развивалось также ограниченіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, доканчивавшее ихъ обращеніе въ рабочій инвентарь помѣщичьяго фольварка.

Крестьяне подчиняются полной и безапелляціонной власти помѣщика, вполнѣ безконтрольной, свободной отъ всякаго вмѣшательства государства. Въ Польшѣ это стало совершившимся фактомъ уже въ XIV в., путемъ частныхъ привилегій, превратившихъ невмѣшательство государственной власти въ отношенія помѣщика къ его подданнымъ, въ концѣ концовъ, въ общее правило, санкціонированное законодательствомъ 1457 г., и почти одновременно, жалованною грамотою Казиміра 1449 г., оно введено также въ вел. кн. Литовскомъ. Завершилъ же изъятіе крестьянина изъ покровительства закона и власти государства провозглашенный въ польской судебной практикѣ первой пол. XIV в. принципъ, что государственные суды не въ правѣ принимать жалобъ крестьянъ на своего помѣщика, и въ ихъ отношенія не можетъ вмѣшиваться никакая власть, ниже самъ король. Принципъ этотъ былъ усвоенъ также практикою вел. кн. Литовскаго. Право апелляціи къ государственной власти осталось только за крестьянами государственныхъ имуществъ, для которыхъ существовалъ спеціальный судъ при королѣ, такъ называемый референдарскій; однако, судъ этотъ имѣлъ настолько бюрократическій характеръ, и обращеніе къ нему для крестьянъ было связано съ такими затрудненіями, что существенной пользы его существованіе не приносило даже крестьянамъ болѣе близкихъ къ нему провинцій, а крестьянство польскихъ окраинъ и вовсе имъ не пользовалось.

Личная свобода крестьянина, право свободнаго передвиженія въ Польшѣ, гдѣ всякій крестьянинъ считался живущимъ на господской землѣ, подверглось ограниченіямъ еще въ XIV в., но въ извѣстныхъ границахъ и формахъ все же допускалось. Въ Галиціи XV в., подъ вліяніемъ усиленной колонизаціи края (особенно его юго-восточной части)

мѣстная шляхта допускаетъ выводъ крестьянина изъ одного помѣстья въ другое, по желанію крестьянина, помѣщикомъ того имѣнія, куда крестьянинъ хочетъ перейти, при чемъ его новый помѣщикъ разсчитывается по всѣмъ обязательствамъ его предъ прежнимъ владѣльцемъ; крестьянинъ такимъ образомъ можетъ передвигаться, но все въ той же лишь сферѣ шляхетскихъ имѣній, а выйти изъ послѣдней могъ лишь бѣгствомъ—которое и практикуется очень часто. Затѣмъ, въ концѣ XV в., подъ вліяніемъ усиливающагося спроса на крестьянскій трудъ, право передвиженія ограничивается еще больше, во всей Польшѣ, а также и въ украинскихъ ея провинціяхъ. Если до сихъ поръ ограничивался только выходъ крестьянъ, ведшихъ самостоятельное хозяйство, то теперь эти ограниченія распространяются и на младшихъ членовъ крестьянскихъ семей. Наконецъ, сеймовое постановленіе 1505 г. обусловило всякій выходъ крестьянина разрѣшеніемъ помѣщика, то-есть отмѣнилъ его вовсе. Въ этомъ же направленіи, хотя не путемъ законодательныхъ актовъ, а практики, слагались отношенія и въ вел. кн. Литовскомъ. Уже въ XV в. здѣсь на ряду съ людьми «вольными», «похожими», пользующимися правами свободнаго передвиженія съ движимымъ своимъ имуществомъ, встрѣчаемъ, такъ назыв. «отчичей» или «людей непохожихъ», неимѣющихъ этого права. Несомнѣнно, первоначальнымъ ядромъ послѣднихъ служили несвободные, но это ограниченіе затѣмъ, въ интересахъ служилого землевладѣнія, распространяется и на крестьянъ-своеземцевъ: такъ какъ переходъ ихъ отъ одного помѣщика къ другому создавалъ большія затрудненія для регламентаціи военно-служилой повинности, то право передвиженія ограничивается; а такъ какъ граница между крестьянами своеземцами и сидѣвшими на земляхъ господскихъ въ это время стирается, то въ концѣ концовъ, закрѣпощаются тѣ и другіе. Давность владѣнія и труда, вложеннаго крестьяниномъ въ его землю, создававшая право крестьянина на землю, послужила критеріемъ закрѣпощенія. Крестьянинъ «отчичъ», то-есть обладатель наслѣдственнаго участка земли, становится крестьяниномъ «засѣдѣвшимъ» правомъ выхода. Такая подмѣна значенія этого термина выступаетъ съ полною очевидностью уже въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г., не отличающемъ уже «отчича» отъ «челядина» и совершенно не вмѣшивающагося въ его отношенія къ господину.

Подобнымъ же образомъ подошла къ суровымъ нормамъ польскаго права эволюція правовыхъ отношеній вел. кн. литовскаго и въ вопросѣ о правахъ крестьянина на землю. Польское право очень опредѣленно стояло на точкѣ зрѣнія, что крестьянинъ лишь пользуется землею господскою или королевскою (княжьею). Если въ практикѣ украинскихъ земель подъ польскимъ владычествомъ за крестьянами сохранялось право распоряженія ихъ землями, то тамъ, гдѣ сталкивались интересы владѣльца и крестьянина, право не знало никакихъ колебаній въ интересахъ послѣдняго. Право вел. кн. Литовскаго, подкопавъ понятіе крестьянскихъ правъ на землю присущимъ ему общимъ условнымъ характеромъ землевладѣнія и утративъ изъ виду различіе между крестьянами своеземцами и сидѣвшими на господ-

скихъ земляхъ, постепенно подходитъ къ польскимъ воззрѣніямъ на крестьянское землевладѣніе. Въ документахъ второй пол. XVI в., можетъ быть, не безъ непосредственнаго вліянія польскаго права въ своей окончательной формулировкѣ, этотъ новый взглядъ проводится уже съ полной опредѣленностью. «Кметъ и вся его мастность наша есть», заявляетъ великокняжескій уставъ на волоки 1557 г. Литовскій Статутъ 1566 г. признаетъ за крестьяниномъ только право на движимую собственность, и то съ разными ограниченіями, и допускаетъ продажныя сдѣлки на движимость лишь между крестьянами одного и того же владѣльца.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVI в., крестьянство по всей украинской территоріи стараго заселенія, какъ въ сферѣ непосредственнаго дѣйствія польскаго права, такъ и въ сферѣ права вел. кн. Литовскаго, подверглось суровымъ ограниченіямъ и сведено было къ одному знаменателю польскаго права [1]).

Мѣщане.

Городъ и городская жизнь Украины подъ воздѣйствіями польскаго строя испытали наиболѣе рѣзкую метаморфозу. Старый украинскій городъ (вообще славянскій) былъ ядромъ земли, самымъ тѣснымъ образомъ связаннымъ съ ея соціальнымъ, политическимъ и экономическимъ строемъ; городъ—это была сама земля. Подъ воздѣйствіями польскаго режима городъ самымъ рѣзкимъ образомъ исключается изъ земскаго строя и отношеній, превращается въ совершенно изолированный, ничѣмъ не связанный съ общеземскимъ строемъ, ни даже съ другими городами, микрокосмъ, маленькое государство въ государствѣ. Таковъ былъ смыслъ и результатъ преобразованія городовъ по типу нѣмецкаго «магдебургскаго» права, которое принесло съ собою польское господство. Организованная въ формѣ иммунитета, средневѣковая нѣмецкая городская община, спеціально – община саксонская—послужила образцомъ для организаціи городскихъ общинъ Польши въ XIII-XIV вв. Одновременно, при послѣднихъ Романовичахъ и Юріи-Болеславѣ—мы встрѣчаемъ отдѣльные случаи такой организаціи и въ Галицко-Волынскихъ земляхъ. Но съ переходомъ Западной Украины подъ власть Польши начинается полное и систематическое преобразованіе старыхъ городскихъ общинъ и основаніе многочисленныхъ новыхъ городовъ и «городковъ»—«мѣстъ», «мѣстечекъ» по «магдебургскому праву». Отчасти тутъ дѣйствовало то же увлеченіе нѣмецкими формами, какое заставило преобразовывать по нѣмецкому образцу также и сельскія поселенія, въ виду экономическихъ выгодъ, какое представляли для владѣльцевъ связанные такими формами доходы; но на ряду съ этимъ привходили, несомнѣнно, также и соображенія политическаго характера, цѣнившія въ городской общинѣ нѣмецкаго права весьма удоб-

---

[1]) Подробнѣе въ т. V „Історії України", гл. 3.

ное средство распространенія привилегированныхъ, тѣсно связанныхъ съ новымъ, польскимъ режимомъ иноплеменныхъ колоній, оттѣснявшихъ на второй планъ и лишавшихъ всякой силы и значенія туземное городское населеніе. Благодаря дружному сотрудничеству въ этомъ направленіи польскаго правительства и польской аристократіи, получившей здѣсь обширныя помѣстья, за вторую половину XIV в. и первыя десятилѣтія XV в., не только всѣ, сколько нибудь значительные городскіе центры Галиціи были преобразованы по нѣмецкому образцу, но на ряду съ ними появилось множество мелкихъ городскихъ поселеній нѣмецкаго права дѣйствительно заключавшихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительныя нѣмецкія или польско-нѣмецкія колоніи. Затѣмъ, одновременно съ распространеніемъ польскаго владѣнія и польскихъ вліяній—эта организація нѣмецкаго права распространяется въ землѣ Подольской, и постепенно—не такъ сильно и не въ такихъ рѣзкихъ формахъ—также и сосѣднихъ украинскихъ земляхъ вл. кн. Литовскаго: въ Полѣсьи (уже въ началѣ XV в.), на Волыни (въ XV—XVI в.), еще позже и въ еще болѣе ослабленныхъ формахъ—въ землѣ Кіевской и Браславской, главнымъ образомъ уже послѣ ихъ присоединенія къ Польшѣ въ 1569 г.

Первымъ принципомъ городской организаціи по нѣмецкому праву, такъ точно, какъ и сельской, было изъятіе общины изъ власти и юрисдикціи общегосударственной администраціи, равно и юрисдикціи власти владѣльца или его агентовъ. Ихъ полномочія передавались, однако, и здѣсь не органамъ общиннаго самоуправленія, а наслѣдственному войту, пріобрѣтавшему черезъ пожалованіе или покупавшему это званіе взносомъ извѣстной суммы денегъ. Съ другой стороны, участіе въ самоуправленіи, осуществлявшееся избраніемъ изъ своей среды выборныхъ комиссій—административнаго совѣта—т. н. «райцевъ» (въ лат. текстахъ consules) и судебной коллегіи, т. н. «лавниковъ» (Scabini) отнюдь не было достояніемъ всего городского населенія, а только полноправныхъ гражданъ и фактически очень часто превращалось въ привилегію небольшого кружка мѣщанскихъ фамилій, такъ что члены упомянутыхъ коллегій замѣщали вакантныя мѣста иногда просто черезъ кооптацію. Наконецъ, исключеніе городовъ изъ общей системы администраціи было связано съ полнымъ изолированіемъ города въ общей политической жизни, лишеніемъ участія и вліянія на законодательство, на парламентаризмъ, и очутившись въ совершенно пассивной роли по отношенію къ правящему шляхетскому сословію, города подвергаются цѣлому ряду весьма тяжелыхъ ограниченій, сдѣлавшихъ для нихъ невозможнымъ всякое экономическое развитіе. Разрозненные, не связанные никакой организаціей между собою, они, вопреки буквѣ своего иммунитета, попадаютъ въ самую стѣснительную зависимость отъ администраціи или отъ владѣльцевъ. Въ результатѣ этихъ новыхъ условій—они хронически хирѣютъ и падаютъ, утрачивая свое значеніе культурныхъ центровъ, а жалкіе остатки промысла и торговли, какіе уцѣлѣли въ нихъ, уходятъ изъ рукъ привилегированныхъ польскихъ и нѣмецкихъ элементовъ и попадаютъ въ руки Евреевъ. Какъ элементъ наиболѣе выносливый, по-

слѣдніе несмотря на всѣ направленныя противъ нихъ ограничительныя и запретительныя мѣры, одни сумѣли приспособиться къ невозможнымъ условіямъ городской жизни, созданнымъ польскимъ режимомъ на почвѣ реципированнаго нѣмецкаго права, и придали свой специфическій характеръ городской жизни Украины.

Наоборотъ, въ особенно безвыходномъ положеніи оказался въ новыхъ условіяхъ городской жизни элементъ туземный, украинскій. Весьма часто, при посредствѣ введенія магдебургскаго устройства, украинское населеніе исключалось изъ пользованія мѣщанскимъ правомъ, служившимъ удѣломъ только привилегированной колоніи изъ католиковъ Поляковъ, Нѣмцевъ и пр. (таковы, между прочимъ, Витовтовы грамоты на нѣмецкое право для городовъ подляшскихъ и волынскихъ). Независимо отъ этого, даже тамъ, гдѣ не было такого принципіальнаго исключенія, принципы нѣмецкаго права создавали цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ ограниченій для украинскаго населенія. Нѣмецкое городское право имѣло своимъ основаніемъ принципъ вѣроисповѣдный, къ участію въ муниципальной жизни допускало только христіанъ, а христіаниномъ, по его понятіямъ, былъ только католикъ, отнюдь не еретикъ или «схизматикъ», Украинецъ или Армянинъ. Представители украинскаго населенія, какъ «схизматики», или вовсе не допускались, или только съ разными ограниченіями, процентными нормами и т. под.—допускались къ участію въ муниципальномъ управленіи, къ выборнымъ должностямъ, къ цеховымъ организаціямъ, въ которыхъ сосредоточивалась торговая и промышленная дѣятельность городского населенія. Такимъ образомъ, украинское населеніе не только оттѣснялось на задній планъ, лишаясь вліянія на жизнь своей общины, но и подвергалось чрезвычайно стѣснительнымъ ограниченіямъ въ томъ, что составляло raison d'être мѣщанской жизни—въ торговлѣ, ремеслахъ и промышленности.

Такъ во Львовѣ, столицѣ Галиціи и наиболѣе значительномъ торговопромышленномъ и культурномъ центрѣ Украины XV-XVI вв., мѣщане-Украинцы не только не допускались ни къ какимъ муниципальнымъ должностямъ, но и были ограничены въ своихъ юридичекихъ правахъ: присяга Русина (православнаго) не считается правосильною (въ этомъ, очевидно, лежалъ предлогъ къ исключенію ихъ отъ городскихъ должностей); имъ не позволяютъ публично совершать свои обряды внѣ ихъ специальнаго «русскаго» квартала, и пріобрѣтать недвижимости за предѣлами послѣдняго. Ихъ не принимаютъ въ цехи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и такимъ способомъ устраняютъ отъ занятія ремеслами; не разрѣшаютъ нѣкоторыхъ видовъ торговли (продавать матеріи, бакалейные товары, торговать горячими напитками, держать аптеки); дѣтей ихъ не принимаютъ въ городскія школы и не позволяютъ заниматься artes liberales, и т. д. Подобныя ограниченія (исключеніе отъ городскихъ должностей и цеховой организаціи, неправосильность православной присяги и т. под.) извѣстны и въ другомъ выдающемся центрѣ Галиціи — Перемышлѣ. Въ столицѣ Подолья Каменцѣ украинское мѣщанство не входило въ составъ привилегированной городской общины (католической) и имѣло от-

дѣльную, не полноправную организацію, и т. под.

Всѣ эти ограниченія, конечно, весьма больно отзывались на положеніи украинскаго мѣщанства, вызывали жалобы съ его стороны, попытки противодѣйствія, и при недостаткѣ поддержки со стороны правительства—пробы организаціи и національной самообороны. Въ тѣсныхъ стѣнахъ города, при постоянномъ общеніи съ привилегированными притѣснителями и постоянныхъ встрѣчахъ со всякаго рода ограниченіями—національная борьба была неизбѣжна, и несмотря на приниженное положеніе украинскаго мѣщанства, города послужили первыми очагами организованной борьбы за національныя права [1]).

Церковь.

Мѣщанское право были далеко не единственною сферою, гдѣ принадлежность къ украинской православной конфессіи являлась препятствіемъ къ обладанію всей полнотой гражданскихъ правъ. Она служила также немалымъ препятствіемъ для участія православной шляхты въ земскомъ самоуправленіи, для занятія высшихъ государственныхъ должностей, даже въ в. кн. Литовскомъ, не говоря уже о Польшѣ. Вся культурная украинская (и точно также бѣлорусская) жизнь, базировавшаяся по старой традиціи на церковномъ, русско-византійскомъ основаніи, въ рамкахъ новой государственной жизни, окрашенной ярко конфессіональной католической окраской, оказалась въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи: православная церковь, привыкшая къ положенію церкви государственной, усиленно покровительствуемой въ условіяхъ предшествующей эпохи, очутилась теперь въ положеніи едва терпимаго или даже преслѣдуемаго исповѣданія. А такъ было, опять-таки, не только въ Польшѣ, но и въ вел. кн. Литовскомъ, несмотря на то, что послѣднее въ большинствѣ состояло изъ православныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земель.

Ища помощи у папской куріи въ своей борьбѣ съ литовскими князьями за Галицко-Волынскія земли, король Казиміръ Вел. подавалъ надежду папѣ, что, съ завоеваніемъ ихъ, тамъ можетъ быть организована цѣлая католическая митрополія, и утвердившись, въ концѣ концовъ, въ Галиціи, онъ, очевидно, разсчитывалъ безъ большого труда превратить здѣшнія православныя эпархіи въ католическія, замѣстивъ каѳедры католическими прелатами. Полное разстройство, въ какое пришла церковная жизнь Галиціи въ эпоху сорокалѣтней борьбы за Галицко-Волынскія земли, поддерживало эту надежду въ католическихъ кругахъ; но настоянія православнаго галицкаго боярства, требовавшаго возстановленія православной іерархіи, въ концѣ концовъ, заставили Казиміра отказаться отъ этого плана и ходатайствовать у патріарха о возобновленіи галицкой митрополіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ возникнуть вопросъ о созданіи системы католическихъ эпархій, параллельной съ православною, для этихъ украинскихъ земель, которыя должны были послужить пріобрѣтеніемъ не только

[1]) Подробнѣе въ V т. „Історії України", гл. 4 и 5.

католической государственности, но и католической церкви. При преемникахъ Казиміра—кор. Людовикѣ и Владиславѣ польскомъ, затѣмъ, при Ягайлѣ—дѣйствительно созданъ былъ рядъ католическихъ эпархій въ западной Украинѣ, входившей въ составъ Польши или въ кругъ польскихъ интересовъ: явились каѳедры во Львовѣ, Перемышлѣ, Холмѣ, Каменцѣ и Луцкѣ, и организованная такимъ образомъ католическая церковь и ея духовенство заняли привилегированное положеніе въ этихъ земляхъ, между тѣмъ, какъ православной церкви пришлось перенести цѣлый рядъ весьма существенныхъ ограниченій и униженій. Была въ томъ вина, впрочемъ, и самой православной іерархіи: митрополиты кіевскіе, стремясь упразднить галицкую митрополію, разными происками добивались того, что галицкая каѳедра, начиная съ конца XIV в., весьма долгое время оставалась незамѣщенной, находясь въ личномъ распоряженіи кіевскихъ митрополитовъ. Послѣдніе, проживая въ это время въ земляхъ великорусскихъ, управляли галицкою епархіею черезъ своихъ намѣстниковъ, и въ концѣ концовъ это привело здѣшнюю церковную жизнь въ полное разстройство, дало возможность захватить различныя функціи епархіальнаго управленія польской администраціи, и католическіе архіепископы присвоили право назначать намѣстниковъ для управленія галицкою епархіею, самовластно распоряжались въ ней, и т. под.

Правительство в. кн. Литовскаго до уніи съ Польшею относилось къ православной церкви, въ общемъ, благопріятно. Князья литовской династіи и представители литовскихъ родовъ, правившіе украинскими и бѣлорусскими землями, весьма часто, принимая православную вѣру, шли по слѣдамъ своихъ предшественниковъ—князей изъ кіевской династіи, снискивая репутацію покровителей и благотворителей православной церкви, ея епархій и монастырей. Но съ уніей 1385 г., и Ягайло, попавшій подъ вліяніе краковскаго двора, и Витовтъ, весьма дорожившій репутаціей горячаго католика, начинають усиленно покровительствовать католической церкви, основывая католическія епархіи въ украинскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ земляхъ, надѣляя ихъ своими пожалованіями, и различныя общественныя привилегіи, какъ мы уже знаемъ—предназначаютъ исключительно для лицъ исповѣдующихъ католичество. Вмѣстѣ съ тѣмъ всячески воздѣйствуютъ на представителей православной іерархіи, понуждая ихъ къ соединенію съ католическою церковью и къ подчиненію папѣ. Первая попытка въ этомъ направленіи извѣстна намъ въ 1390-хъ гг., когда Ягайло, пользуясь свиданіемъ съ митрополитомъ Кипріаномъ, совѣщался съ нимъ о способахъ соединенія православной церкви съ католической, и Кипріанъ взялся ходатайствовать предъ патріархомъ о созвѣ спеціальнаго синода для сего осуществленія. Затѣмъ, позже, во время соборовъ Констанцкаго, Базельскаго, Флорентійскаго, правительство литовское и польское не перестаетъ добиваться отъ своихъ митрополитовъ, чтобы они принимали участіе въ этихъ соборахъ и установили свою связь съ римскою церковью. Такія же воздѣйствія повторяются затѣмъ въ 1460-70 и 1490-хъ годахъ, пока московское правительство въ своемъ соперничествѣ съ в. кн. Литовскимъ не воспользовалось этими давленіями

литовскаго правительства на православную іерархію, какъ предлогомъ для вмѣшательства во внутреннія отношенія в. кн. Литовскаго, и литовское правительство, испуганное послѣдствіями этихъ вмѣшательствъ, со второго десятилѣтія XVI в. надолго оставило въ покоѣ православную церковь и ея іерархію.

До этого момента различныя ограниченія, которыми было обставлено православное исповѣданіе въ Польшѣ и вел. кн. Литовскомъ, играли роль извѣстнаго понужденія для православныхъ къ соединенію съ римской церковью, по принципу «понудить войти», impelle intrare. Соединеніе обѣщало православной іерархіи уравненіе въ правахъ съ католическою, духовенству и мірянамъ—равноправіе съ католиками, котораго они были лишены. Православные епископы не пользовались политическими правами, не входили въ составъ польскаго сената и рады вел. кн. Литовскаго, какъ католическіе. Православное духовенство облагалось податями, которыхъ не знали духовные католическіе. Православный культъ подвергался разнаго рода ограниченіямъ. Считалось недозволеннымъ, даже съ разрѣшенія правительства, строить новыя православныя церкви (хотя въ дѣйствительности этотъ принципъ не соблюдался). Православными церковными должностями правительство распоряжалось самымъ безцеремоннымъ образомъ, совершенно произвольно раздавая ихъ за денежныя «челобитья», совершенно не считаясь съ интересами церкви и качествами кандидатовъ. Все это и многія другія невзгоды, самымъ печальнымъ образомъ отражались на положеніи православной церкви и должны были бы вызывать самый серьезный отпоръ со стороны православной іерархіи. Послѣдняя, однако, проявляла въ этомъ отношеніи странную пассивность и дезорганизацію. Она не умѣла найти ни въ себѣ, ни въ православномъ обществѣ точки опоры и проявляла по большей части полную растерянность.

Въ значительной степени въ этомъ сказывались послѣдствія права патроната, которое присвоило себѣ польско-литовское правительство по отношенію къ православной церкви. Представители православной іерархіи, получившіе свои должности отъ короля и вел. кн. князя, чувствовали себя вполнѣ зависимыми отъ послѣдняго; при томъ на эти должности весьма часто попадали люди весьма далекіе собственно отъ всякихъ церковныхъ интересовъ. Вслѣдствіе этого православная церковь постепенно приходила все въ большее разстройство, и ея возрожденіемъ принуждены были заняться сами православные міряне, въ виду полной пассивности и дезорганизованности іерархіи [1]).

Право.

Въ области права наблюдаемъ ту же картину, какъ и въ сферѣ соціальнаго процесса и въ области политико-административаго строя. Подобно тому, какъ въ этой послѣдней надъ нормами и формами стараго строя появляется новая надстройка, созданная

[1]) Подробнѣе въ V т. „Історії України“, гл. 4 и 6, с. 261—287 и 385—539.

новымъ режимомъ, и, постепенно развиваясь, своею тяжестью втаптываетъ все глубже и глубже эти старыя формы, частью разрушая ихъ, частью понижая все далѣе и далѣе по степенямъ іерархической лѣстницѣ—аналогическій процессъ видимъ и въ области дѣйствующаго права. Нормы мѣстнаго права, создавшіяся въ предшествующую эпоху подъ вліяніями кіевскими, постепенно вытѣсняются изъ сферы высшихъ судебныхъ и административныхъ инстанцій, задерживаются дольше въ низшихъ и въ единственной автономной (при всѣхъ понесенныхъ ограниченіяхъ) сферѣ украинской жизни—церковной. И при этомъ, опять-таки, процессъ, который въ западныхъ украинскихъ провинціяхъ, подпавшихъ подъ непосредственное воздѣйствіе польскаго права, развивается и завершается въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, въ земляхъ, входившихъ въ составъ вел. кн. Литовскаго, растягивается на полтора-два столѣтія и получаетъ свое окончательное завершеніе лишь послѣ 1569 г.

Мы видѣли уже, что въ украинскихъ провинціяхъ Польши періодъ времени, протекшій отъ оккупаціи и до формальнаго введенія польскихъ учрежденій и польскаго права въ 1434 г., разсматривался ретроспективно, какъ «время русскаго права», tempus juris ruthenicalis. Въ это время, какъ знаемъ уже, существовали еще остатки старыхъ учрежденій, старыя должности и до нашего времени сохранилось небольшое число документовъ—не только частныхъ контрактовъ, но и офиціальныхъ, вышедшихъ отъ представителей новой администраціи, писанныхъ дьяками и писарями «рускими», старымъ мѣстнымъ языкомъ дѣлопроизводства [1]). Они свидѣтельствуютъ о томъ, что старыя юридическія формы и правовыя понятія жили въ сознаніи мѣстнаго населенія и черезъ мѣстныхъ писарей и разныхъ низшихъ агентовъ, несшихъ службу при новыхъ представителяхъ администраціи, они проходили и сохранялись въ практикѣ этихъ послѣднихъ (къ сожалѣнію болѣе тщательнаго юридическаго анализа съ этой точки зрѣнія помянутые документы до сихъ поръ еще не дождались). Но съ другой стороны, огромная масса сохранившихся отъ этого времени документовъ, составленныхъ по формамъ польскаго права, показываетъ совершенно очевидно, что уже съ самаго начала польской оккупаціи, гораздо раньше окончательнаго введенія польскаго права, это послѣднее вытѣсняло туземное право изъ юридической практики, и съ середины XV в., послѣднее могло сохраниться лишь въ слабыхъ остаткахъ и пережиткахъ, въ видѣ обычнаго права въ практикѣ сельской или мелкихъ городскихъ поселеній, гдѣ и позже еще держалась традиція старыхъ юридическихъ формъ, какъ показываютъ сельскіе контракты, нач. XVI в., наиболѣе далекой и ополяченной галицкой окраины Саноцкой земли [2]). Какихъ-либо мѣстныхъ за-

[1]) Значительная часть этихъ документовъ, сохранившихся въ подлинникахъ, издана въ фототипическихъ снимкахъ въ сборникѣ Пташицкаго и Соболевскаго. Палеографическіе снимки русскихъ грамотъ, преимущественно XIV в., 1903. Старый сборникъ Головацкаго: Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка (Львовъ 1867). О статистикѣ этихъ документовъ см. „Історію України“ т. V, с. 311.

[2]) Изданы мной въ 50 т. „Записок Наук. тов. ім. Шевченка“.

писей или опытовъ кодификацiи стараго туземнаго права—намъ неизвѣстно, и слѣдовъ ихъ не встрѣчается.

Иное отношенiе со стороны новаго правительства встрѣтило мѣстное право (базировавшееся на старомъ кiевскомъ правѣ) земель бѣлорусскихъ и украинскихъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго государства. Мы знаемъ, что руководящимъ принципомъ политики литовскаго правительства было соблюденiе «старины» въ строѣ и правѣ, и соотвѣтственно этому мѣстное право должно было сохранить свою силу и подъ управленiемъ литовскихъ династовъ и намѣстниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдние и не могли, даже при желанiи, противоставить ему какую нибудь иную, болѣе близкую для себя кодификацiю, такъ какъ Литовское государство не располагало своею собственною кодификацiею: за отсутствiемъ ея, право Русской Правды литовской администрацiей проводилось въ жизнь и практику даже чисто литовскихъ земель. Несомнѣнно, что Русская Правда была хорошо извѣстна въ судебно-административной практикѣ вел. кн. Литовскаго и сохраняла свой авторитетъ, какъ старѣйшая кодификацiя «стародавняго обычая», который долженъ былъ служить основанiемъ судебной практики. Хотя въ нашемъ распоряженiи нѣтъ списковъ Русской Правды изъ литовскихъ провинцiй со слѣдами употребленiя въ судебной практикѣ этой эпохи, но сравненiе памятниковъ литовскаго законодательства XV—XVI вв., уставныхъ грамотъ, Судебника в. кн. Казимiра и Литовскаго Статута первой редакцiи (1529 г.) не оставляетъ сомнѣнiя, что составители ихъ не исходили отъ обычнаго права практики, но и имѣли передъ глазами списки Русской Правды и черпали изъ нея непосредственно: формальное сходство различныхъ постановленiй указываютъ на это вполнѣ опредѣленно.

Судебникъ Казимiра, составленный, какъ значится на одномъ изъ его списковъ, въ 1468 г., по выводамъ изслѣдователей, занимавшимся имъ, являетъ «самое близкое родство съ «Русской Правдой» [1]. Различныя нормы ея, вошедшiя въ мѣстную юридическую практику, встрѣчаемъ затѣмъ въ уставныхъ грамотахъ, выдававшихся и подтверждавшихся разновременно въ продолженiе XVI в. (Нужно, впрочемъ, оговориться, что уставныя грамоты украинскихъ земель стоятъ дальше отъ этой старой юридической традицiи: не говоря уже о привилеяхъ для земель Подляшскихъ, вслѣдствiе иммиграцiи многочисленной мазовецкой шляхты въ эти области вполнѣ подпавшихъ уже влiянiямъ польскаго права, волынскiй и кiевскiй привилеи запинаются больше гарантiями правъ мѣстнаго привилегированнаго класса и базируются на шляхетскихъ привилеяхъ вел. кн. Литовскаго болѣе, чѣмъ на старомъ мѣстномъ правѣ).

Первый Литовскiй Статутъ, составленный въ 1520-хъ гг., кромѣ Судебника и уставныхъ грамотъ, также, несомнѣнно, во многомъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ Русской Правды и отъ судебной практики, выросшей на ея основанiи, въ особенности сѣверныхъ, бѣлорусскихъ

---

[1]) Отзывы Леонтовича, Владимiрскаго-Буданова, Максимейка; ближайшему обслѣдованiю этотъ памятникъ, однако, не повергался.

земель, подъ ближайшимъ вліяніемъ которыхъ стояла судебная и административная практика вел. кн. Литовскаго. На ряду съ положеніями, носящими на себѣ яркую печать вліянія старорусскихъ нормъ, въ Л. Статутѣ встрѣчаемъ вполнѣ опредѣленныя вліянія также и польскихъ кодификацій XIV—XV вв. и отдѣльныхъ законовъ конца XV и начала XVI в., а также и нѣмецкаго права, воздѣйствовавшаго чрезъ посредство саксонскихъ кодификацій, примѣнявшихся въ городскихъ судахъ магдебургскаго права. Но въ первой редакціи Л. Статута эти послѣднія (нѣмецкія) вліянія сказываются еще въ довольно слабой степени; пользуясь ими, кодификаторы склонны все-таки считать основнымъ источникомъ обычное право, опиравшееся на старомъ юридическомъ преданіи (Русск. Правды): въ случаѣ отсутствія нужныхъ указаній въ Статутѣ, послѣдній поручаетъ судьямъ рѣшать дѣло «водлугъ стародавняго обычая» (Разд. I). Подъ гораздо болѣе сильнымъ воздѣйствіемъ сборниковъ нѣмецкаго права (въ передѣлкахъ польскихъ юристовъ первой половины XVI в., предназначенныхъ для употребленія въ городскихъ судахъ), равно какъ и права польскаго стоитъ второй Литовскій Статутъ, законченный въ 1566 г. Впрочемъ, наиболѣе существенную сторону его составляла систематизація законодательныхъ актовъ средины XVI в., послѣдовательно перестраивавшихъ судебную и административную организацію вел. кн. Литовскаго по образцу польской. На ряду съ ними старая судебная и административная практика, а черезъ посредство послѣдней—«стародавній обычай» бѣлорусскихъ и украинскихъ земель также послужилъ источникомъ дополненій и измѣненій второй редакціи Статута. Несмотря на тѣ глубокія измѣненія, какимъ подвергались нормы стараго права въ этой и еще болѣе—въ послѣдующей, третьей редакціи Статута 1588 г., подъ вліяніемъ польскаго шляхетскаго права, элементъ старорусскаго права проступаетъ въ нихъ еще сильно и ярко. Но воспользовавшись имъ изъ источниковъ обычнаго права очень обильно, они на будущее время преграждаютъ уже ему доступъ въ судебную практику: въ случаѣ отсутствія опредѣленій въ Статутѣ, судьямъ поручается обращаться, какъ къ субсидіарнымъ источникамъ, къ постановленіямъ «иншихъ правъ христіанскихъ» (Ст. 1588, р. IV. 54), т. е. къ праву католическихъ государствъ—такимъ ближайшимъ образомъ могло служить право каноническое, римское, польское и городское магдебургское; о стародавнемъ обычаѣ уже нѣтъ рѣчи.

Войдя, такимъ образомъ, при посредствѣ Литовскаго Статута, въ практику новыхъ судовъ, старое право имѣло шансы утвердиться въ судебной практикѣ центральной и восточной Украины, такъ какъ при присоединеніи украинскихъ земель къ Польшѣ въ 1569 г. Литовскій Статутъ второй редакціи (1566) остался дѣйствующимъ правомъ Волыни и сосѣднихъ украинскихъ земель, и для нихъ былъ учрежденъ особый высшій трибуналъ въ Луцкѣ, представлявшій высшую апелляціонную инстанцію для мѣстныхъ судовъ, по образцу трибуналовъ коронныхъ и вел. кн. Литовскаго; въ немъ должны были засѣдать делегаты мѣстной шляхты. Трибуналъ этотъ, однако, очень скоро прекратилъ свое существованіе, укра-

инскія земли были подчинены трибуналу коронному, и это очень неблагопріятно отозвалось на судьбѣ мѣстнаго права; тѣмъ не менѣе Литовскій Статутъ въ своихъ послѣднихъ редакціяхъ (не различавшихся особенно строго) въ мѣстныхъ судахъ продолжалъ примѣняться очень долго, и при его посредствѣ—традиція стараго права не прерывалась въ судебной практикѣ центральной и восточной Украины въ XVII и даже XVIII в. [1]).

Культура.

Эпоха польско-литовской оккупаціи совпала съ внутреннимъ кризисомъ въ культурной жизни Украины, затяжнымъ и тяжелымъ. Старые источники, питавшіе ее въ эпоху расцвѣта кіевской жизни, византійско-славянскіе, оскудѣвали самымъ очевиднымъ образомъ. Колонизаціонныя пертурбаціи, подорвавшія сношенія съ черноморскимъ побережьемъ, ослабили сношенія съ Византіей и задунайскими землями, съ другой стороны—высыхалъ самъ первоисточникъ византійской культуры. Разгромъ Византійской имперіи крестоносцами въ началѣ XIII в. произвелъ потрясенія, слѣды котораго не были изглажены и съ ее возстановленіемъ. Возстановленная имперія была только слабой тѣнью старой, и ея культурное значеніе для Украины было совсѣмъ невелико. При томъ нашъ старый культурный центръ, Кіевъ, терялъ значеніе, лишенный княжьяго двора, покинутый митрополитомъ. Центръ тяжести политической жизни передвигался на западъ, въ Галицію, и новые политическіе связи и интересы все тѣснѣе втягивали ее въ кругъ политической, а съ нею—и культурной жизни Запада, нѣмецко-италіанской культуры. Мы отмѣтили выше слѣды этого общенія и этихъ вліяній, обнаруживающихся въ скудныхъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени остаткахъ галицко-волынской жизни XIII—XIV вв. Но новыя теченія не успѣли кристаллизоваться. На смѣну Кіева не создалось новаго культурнаго центра, въ которомъ бы новыя теченія имѣли возможность отлиться въ новыя формы и развиться сильно и ярко. Новая династія не умѣетъ отыскать себѣ подходящаго центра, новой столицы. Даніилъ бросаетъ Галичъ, пробуетъ основаться въ Холмѣ. Владиміръ Волынскій постепенно теряетъ свое значеніе; впрочемъ, кіевскіе книжники, переселившіеся сюда въ первой половинѣ XIII, воспитавшись на старыхъ византійскихъ традиціяхъ, и не въ состояніи были попасть въ тонъ новымъ потребностямъ жизни, новому западному курсу культурныхъ интересовъ. Начинаетъ выдвигаться Львовъ со своими западными колоніями, уже вполнѣ проникнутый, несомнѣнно, западнымъ духомъ, но его центральная роль еще впереди—уже въ эпоху оккупаціи.

[1]) Упомянутые здѣсь вопросы все еще не обработаны достаточно полно. —См. Ясинскаго—Уставныя Земскія Грамоты вел. кн. Литовскаго, 1889. Леонтовича—Источники русско-литовскаго права, 1894. Максимейко—Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута, 1894. Христоматія по исторіи русск. права В. Буданова кн. II. Тоже Історія України т. V, гл. I. См. ниже, о правѣ Гетманщины.

Это отсутствіе опредѣленнаго политическаго центра, а также колебанія, которыя переживалъ вопросъ о самостоятельной галицкой митрополіи—затрудняло образованіе центра культурнаго, въ которомъ могли бы кристаллизоваться новыя, западныя теченія на мѣстной украинской основѣ.

Культурная жизнь, такимъ образомъ, не вышла изъ стадіи броженія, исканія. когда надъ ней разразилась катастрофа польской оккупаціи Галиціи — той именно украинской области, которая предшествующимъ процессомъ была поставлена во главѣ политической и культурной жизни Украины. Исчезаетъ національная государственная жизнь, исчезаетъ дворъ и династія; въ полное разстройство приходитъ церковная жизнь, ея высшія іерархическія формы; сильнѣйшія потрясенія испытываетъ мѣстная боярская аристократія, оттѣсняется совершенно на заднiй планъ городское украинское населеніе — всѣ тѣ элементы и силы, на которыхъ опирались культурные процессы. Украинская культурная жизнь неизбѣжно ослабѣваетъ и, кромѣ того,—останавливается на дорогѣ своего развитія. Она не располагаетъ въ новыхъ условіяхъ, силами достаточными для того, чтобы завершить тотъ культурный процессъ, въ какомъ захватила ее оккупація — сочетать старыя кіевскія традиціи съ новыми, западными теченіями. Съ другой стороны, западная культура насаждается новымъ правительствомъ насильственными мѣрами и противоставляется, какъ государственная польская — византійско - украинской. Силою національной реакціи византійскія традиціи принимаются украинскимъ обществомъ, какъ свой національный атрибутъ, и національная энергія, отступивъ отъ той культурной проблемы, какую выдвинули условія ея предшествующей жизни и которая дѣйствительно являлась необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго движенія,—обращается на консервированіе элементовъ русско-византійской культурной традиціи. Вопреки требованіямъ жизни, византизмъ дѣлается національнымъ знаменемъ. При посредствѣ церковныхъ и каноническихъ сношеній съ Константинополемъ, съ различными греческими и славянскими монастырями (въ особенности Аѳонской горы) продолжается накопленіе переводной церковной литературы, появляется цѣлый рядъ отеческихъ писаній, произведеній аскетической книжности, неизвѣстныхъ намъ въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Равнымъ образомъ, удовлетворяя, главнымъ образомъ, потребностямъ православнаго культа, и вообще въ тѣсной связи съ церковною жизнью, поддерживаются старыя традиціи русско-византійскаго искусства и подновляются тѣми же сношеніями съ балканскими землями. Сохранившіеся каталоги библіотекъ XVI в. (особенно интересна въ этомъ отношеніи опись библіотеки Супрасльскаго монастыря) обнаруживаютъ весьма солидный запасъ книжной литературы, находившейся въ распоряженіи современнаго украинскаго и бѣлорусскаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о крайней односторонности этой книжности и ея неспособности отвѣтить на жизненные запросы современности. Предъ нами безконечными рядами проходятъ церковныя и богослужебныя книги, толкованія св. писанія, сборники проповѣдей и нази-

дательныхъ чтеній—учительныя евангелія, прологи и минеи, произведенія греческихъ отцовъ, и на ряду съ ними лишь нѣкоторыя, исключительныя, лишь наиболѣе популярныя произведенія оригинальной литературы, въ родѣ Печерскаго Патерика, — самаго популярнаго произведенія, продолжавшаго усердно перерабатываться и дополняться въ продолженіе этихъ столѣтій, или хожденія игумена Даніила, да нѣсколько лѣтописнихъ и хронографическихъ сборниковъ.

Все это давало все меньше и меньше современному украинскому интеллигенту, котораго новыя условія жизни влекли совершенно въ иномъ направленіи. Несоотвѣтствіе, несомнѣнно, сознавалось, и симптомомъ такого сознанія является слабость и бѣдность оригинальнаго творчества этой эпохи. Въ особенности, если оставить въ сторонѣ разныхъ чужеземныхъ по происхожденію іерарховъ, изъ Грековъ и Славянъ, обновлявшихъ своими произведеніями мѣстный литературный запасъ (какъ Кипріанъ, Цамблакъ, Фотій), эти вѣка XIV—XVI по сравненіи съ предыдущими поражаютъ своей непродуктивностью. Объяснить эту разницу одними пробѣлами въ сохранившемся книжномъ запасѣ (несомнѣнно также значительными) никакъ не возможно: несомнѣнно, предъ нами настоящій застой въ книжномъ творчествѣ. Компиляторская работа надъ старымъ, церковно-учительскимъ матеріаломъ, составленіе изъ него разныхъ сборниковъ, которые становятся извѣстными въ это время, въ родѣ Измарагдовъ, Златыхъ цѣпей и т. под., учительныхъ евангелій, многочисленныхъ редакцій кіевскаго Патерика, сборниковъ старой полемической литературы — и наряду съ этимъ чрезвычайно мало новаго, вполнѣ оригинальнаго, и внѣ историческихъ записокъ, къ тому же преимущественно связанныхъ съ землями бѣлорусскими, а не украинскими (циклъ литовскихъ лѣтописей, супрасльская лѣтопись и др.)—почти ничего замѣтнаго, интереснаго. Такое убожество бросается въ глаза тѣмъ болѣе, что въ литературныхъ средствахъ и силахъ, очевидно, не было недостатка. Школа, хотя бы низшая, въ теченіе этихъ столѣтій, стала явленіемъ общимъ, широко распространеннымъ, грамотность и начитанность, повидимому, распространялись и увеличивались. Разнаго рода офиціальные акты, сохранившіеся отъ этого времени, нерѣдко обнаруживаютъ недурную литературную сноровку, начитанность, литературную и риторическую опытность. Съ этой стороны, люди XV—XVI вв. стояли не ниже, а очень часто—гораздо выше людей XI—XII вв., при весьма скудныхъ литературныхъ средствахъ обнаруживавшихъ гораздо большую производительность. Представители новаго, переходнаго времени, церковные круги, хранившіе литературную традицію, очевидно, потеряли вообще энергію иниціативы и, отодвинутые отъ всякаго участія въ политической и общественной дѣятельности новымъ режимомъ, не чувствуя твердой почвы подъ ногами, замыкались въ своего рода консервативной дѣятельности. Старались возможно тщательно поддерживать старую церковную традицію, въ возможной чистотѣ и полнотѣ сохранять старыя пріобрѣтенія книжности и литературы, охраняя ее отъ новыхъ вліяній (произведенія западно-европейской лите-

ратуры въ книжномъ запасѣ этой эпохи весьма малочисленны); старались отстоять матеріальныя средства, оставшіяся въ распоряженіи православной церкви, ея самостоятельную связь съ константинопольскимъ патріархатомъ, ея юрисдикцію и права. Но эту консервирующую дѣятельность старались осуществлять возможно тихо и незамѣтно, не раздражая противной стороны и ея агрессивной энергіи, не пускаясь въ полемику, въ открытую борьбу,—предпочитали пассивную оппозицію и консерватизмъ. Поэтому права и нужды православной церкви охранялись не полемическими произведеніями, а скромными петиціями да разнаго рода фальсификатами — псевдо-старорусскими «Ярославовыми свитками», подложными грамотами кн. Льва, разными фиктивными «записями на евангеліяхъ», при удобномъ случаѣ предлагавшимися (въ сопровожденіи приличнаго «челобитья») на правительственное подтвержденіе и дѣйствительно подтверждавшимися, при содѣйствіи разныхъ вѣскихъ и звонкихъ доказательствъ.

Слабѣли, замыкаясь въ тѣсную сферу чисто церковныхъ нуждъ, также и традиціи стараго искусства. Онѣ оскудѣвали неизбѣжно, потому что высыхали источники, питавшіе ихъ—приливъ новыхъ силъ и артистическихъ средствъ изъ другихъ областей византійскаго искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ падали старые очаги домашняго искусства, бѣднѣла и опускалась та церковная жизнь, на службу которой онѣ были обречены, по мѣрѣ того, какъ свѣтская жизнь эмансипировалась изъ-подъ церковныхъ вліяній и все болѣе рѣшительно обращалась къ мотивамъ и формамъ искусства западнаго. Свое искусство чистое и прикладное не въ состояніи было удовлетворять этихъ запросовъ, все болѣе обращавшихся, минуя его, непосредственно и посредственно къ издѣліямъ западнымъ. Тутъ сказывались также общія условія, въ какія была поставлена новымъ укладомъ городской жизни промышленность и творчество вообще, и спеціально — ремесло и творчество украинское. По тогдашнимъ понятіямъ и тогдашней организаціи — художественное творчество входило, какъ интегральная часть, въ общее понятіе, въ общую организацію ремесленнаго труда. Художникъ, архитекторъ, ювелиръ были въ глазахъ общества и своихъ собственныхъ—такими же ремесленниками, какъ и всякій другой, входили въ составъ цеховыхъ организацій, или, стоя внѣ ихъ, подчинялись тѣмъ же нормамъ, какими регулировалась дѣятельность цеховыхъ мастеровъ. Поэтому на нихъ сказывались всѣ тяжелыя условія городской промышленности Польско-литовскаго государства, ставившія непреодолимыя препятствія ея развитію, — и спеціальныя стѣсненія и ограниченія, въ которыя были поставлены мастера-Украинцы.

Общія условія промышленности и ремесленной дѣятельности были таковы, что послѣдняя и въ польскихъ земляхъ и въ украинскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ Польско-Литовскаго государства, никогда не могла подняться надъ уровнемъ слабаго подражанія западному мастерству, къ которому и обращались непосредственно высшіе слои мѣстнаго общества, пользуясь шляхетскою привилегіею безпошлиннаго ввоза всякаго рода заграничныхъ издѣлій и товаровъ для своего употребленія. Высшія категоріи

ремесленнаго и художественнаго мастерства этими обстоятельствами были обречены на полный упадокъ или жалкое прозябаніе. Украинскіе же мастера были поставлены еще въ худшія условія, чѣмъ мастера Нѣмцы или Поляки, такъ какъ имъ былъ затрудненъ или вовсе запрещенъ доступъ въ цехи, занимавшіеся даннымъ мастерствомъ, съ разными затрудненіями была связана выучка у мастеровъ-католиковъ и путешествія по чужимъ городамъ для занятій у чужихъ мастеровъ, считавшіяся непремѣннымъ условіемъ тогдашняго техническаго образованія; однимъ словомъ — все это техническое образованіе и техническая дѣятельность для Украинцевъ были обставлены всяческими затрудненіями. Этимъ объясняется фактъ, что между тѣмъ, какъ весь складъ жизни, запросы общества, вся организація тогдашней технической дѣятельности неизбѣжно направляли украинскихъ мастеровъ въ сторону западнаго искусства, условія мѣстной городской жизни и цеховой организаціи обрекали ихъ итти въ хвостѣ современнаго техническаго и художественнаго движенія, быть «партачами» не только въ техническомъ значеніи этого термина (такъ назывались не цеховые ремесленники), но и въ повседневномъ значеніи «недоучекъ», плохихъ мастеровъ, въ какомъ обыкновенно употреблялось это слово.

Въ XIV—XV вв., наприм., церковная живопись въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ стояла настолько высоко въ глазахъ ихъ западныхъ сосѣдей, что конкурировала съ западными мастерами, и украинскіе и бѣлорусскіе мастера приглашались польскими королями для иконописныхъ работъ въ польскихъ земляхъ, для наиболѣе выдающихся церковныхъ сооруженій; сохранившаяся грамота Ягайла Перемышльскому священнику Гайл (1426) упоминаетъ о заслугахъ, положенныхъ имъ въ исполненіи королевскихъ порученій по росписи церквей въ земляхъ Сендомирской, Краковской, Сѣрадской и въ цѣломъ рядѣ католическихъ церквей дѣйствительно извѣстны (и отчасти сохранились до нашего времени) росписи украинскихъ и бѣлорусскихъ мастеровъ XIV—XV вв. [1]). Но по мѣрѣ того, какъ въ моду входило западное мастерство, украинскіе и бѣлорусскіе мастера, лишенные возможности свободнаго техническаго образованія, все меньше могли выдерживать соперничество со своими католическими конкурентами. Болѣе или менѣе случайно сохранившіяся извѣстія даютъ понятіе о тѣхъ трудностяхъ, какія созданы были тогдашними религіозными отношеніями для мастеровъ-иновѣрцевъ, Украинцевъ въ томъ числѣ. Во Львовѣ—этомъ техническомъ центрѣ украинскихъ земель XVI в., въ «академіи техники», какъ его величали, при организаціи въ отдѣльный цехъ живописцевъ (прежде имѣвшихъ общій цехъ съ ювелирами и оловянщиками), въ концѣ XVI в., Украинцамъ былъ вовсе воспрещенъ доступъ въ этотъ цехъ. Въ запискахъ львовскаго Братства читаемъ жалобы о томъ, что живописцевъ-Украинцевъ исключаютъ изъ цеха, учениковъ не удостаиваютъ званія мастера и т. под. Въ премышльскій цехъ ювелировъ и живописцевъ, слѣдовавшій обыкновенно

1) См. статью М. Грушевской: „Причинки до історії руської штуки въ давній Польщі“ („Записки львовскія“ т. LI).

практикѣ Львовскаго, цеховой уставъ 1626 г. преграждалъ доступъ совершенно, лицамъ украинской народности (точнѣе религіи) и т. п. Если мы примемъ во вниманіе, что цехи служили въ то время, такъ сказать, школами техники, художества, съ другой стороны, давали репутацію мастеру, то сможемъ оцѣнить, какъ все это должно было отзываться на украинскомъ мастерствѣ, какія чрезвычайныя усилія и энергія нужны были имъ, чтобы существовать, бороться и развиваться въ такихъ условіяхъ и давать тѣ нерѣдко все-таки довольно цѣнныя, во всякомъ случаѣ вполнѣ приличныя произведенія, какія выходили изъ рукъ украинскихъ мастеровъ [1]).

Національныя отношенія.

Понятіе національности, обыкновенно довольно неясное еще, въ тогдашнихъ условіяхъ подмѣнивалось большею частью терминами политическими или вѣроисповѣдными. Украинская народность, лишившись своихъ государственныхъ формъ, осталась при національной церкви, какъ наиболѣе видимой, осязательной внѣшней формѣ своей національной особности. Несомнѣнно, уже въ предшествующихъ столѣтіяхъ было приготовлено это пониманіе національной антитезы: міра украинскаго и міра польскаго, сталкивавшихся непрестанно на западномъ пограничьи, какъ антитезы двухъ исповѣданій—православнаго (греческаго) и католическаго (латинскаго) и тѣсно связанныхъ съ ними двухъ культуръ: русско-византійской, съ одной стороны, латино-нѣмецкой, съ другой. Въ случайныхъ упоминаніяхъ нашихъ источниковъ XII—XIII, антитеза эта проявляется уже довольно опредѣленно [1]). Съ польскою оккупаціею Западной Украины XIV в., имѣютъ мѣсто уже не эпизодическія, случайныя встрѣчи и конфликты на этой почвѣ: по всей линіи украинская народность и ея «русская вѣра» встрѣтились съ привилегированной польской народностью и ея государственной религіей, и представители первой на каждомъ шагу имѣли случаи почувствовать на себѣ тяжелую руку послѣдней. Выше упомянуто было, какимъ формальнымъ ограниченіямъ подпало православное исповѣданіе, эта національная украинская религія, подъ польскимъ режимомъ; мы видѣли, что уже самая принадлежность къ этому исповѣданію ограничивала личныя, гражданскія права православныхъ Украинцевъ въ городахъ и селахъ: преграждала дорогу къ выборнымъ должностямъ городскимъ и земскимъ, къ участію въ привилегіяхъ мѣщанскихъ и сельскихъ (нѣмецкаго права), къ ремесленнымъ и торговымъ занятіямъ, даже подъ вопросомъ оставляли ихъ юридическую дѣеспособность, правосильность ихъ свидѣтельствъ въ судѣ, ихъ договоровъ и контрактовъ. Глубокое, неизгладимое впечатлѣніе должны были производить факты насилія надъ православнымъ культомъ, надъ право-

---

[1]) Примѣры въ „Історії України", т. VI, с. 298—9.

[1]) Подробнѣе въ т. VI „Історії України", гл. 4, с. 323—390.

славной церковью и ея духовенствомъ, какія позволяли себѣ не только низшіе представители правящей народности, новаго государственнаго режима, но и наивысшіе представители этой государственности. Польскій исторіографъ сохранилъ для насъ характерный эпизодъ изъ временъ Ягайла, какъ этотъ послѣдній, во время пребыванія въ Перемышлѣ въ 1412 г., желая нагляднымъ образомъ опровергнуть разсѣиваемые его врагами толки о скрытой симпатіи къ схизматикамъ, чтобы засвидѣтельствовать свою католическую ревность, распорядился отобрать у православныхъ ихъ древнюю каѳедральную церковь и отдать католикамъ: при себѣ велѣлъ выбросить изъ гробницы кости старыхъ перемышльскихъ князей, погребенныхъ въ ней, на глазахъ у православныхъ, горько оплакивавшихъ свое униженіе, и посвятить ее по католическому обряду. Въ перепискѣ Галичанъ съ митрополитомъ относительно возобновленія галицкой каѳедры встрѣчаемъ воспоминанія о возмутительныхъ насиліяхъ надъ галицкими священниками, допускавшихся католическимъ архіепископомъ львовскимъ, съ цѣлью принудить ихъ къ повиновенію его власти. Подобные эпизоды, болѣе крупные и болѣе мелкіе, доканчивали общую картину національнаго антагонизма, обострявшаго конфликты соціальные и экономическіе, находившіе свою идеологію именно въ сферѣ отношеній религіозныхъ—борьбы за вѣру. По мѣрѣ того, какъ новый режимъ врѣзывался все глубже въ самую глубину соціальныхъ и экономическихъ отношеній, проникалъ все далѣе и далѣе въ глубь украинской территоріи, захватывая ее всю цѣликомъ,—этотъ непримиримый антагонизмъ становился все болѣе общимъ и интенсивнымъ, доходя до той полной непримиримости, какую такъ нечаянно удачно охарактеризовалъ католическій монахъ, свидѣтель народныхъ войнъ 1630-хъ г.: «какъ варвары, по природѣ своей, враждебны не варварамъ, такъ Русинъ Поляку» [1]).

Фокусъ, въ которомъ переломлялся этотъ антагонизмъ наиболѣе ярко и находилъ, какъ я сказалъ, свою высшую санкцію, свою идеологію: была борьба религіозная, и если въ этой сферѣ особенно болѣзненно чувствовалось всякое злоупотребленіе властью господствующихъ, то съ другой стороны національная энергія прежде всего направлялась въ эту сторону—охраны національной церкви, религіи отцовъ. При томъ это была единственная платформа въ понятіяхъ того времени, на которой могли собраться различныя общественныя и экономическія группы украинской народности. На политической почвѣ онѣ не всегда могли столковаться съ собою. Выше я отмѣтилъ, что украинская шляхта Галиціи имѣла причины желать, наравнѣ съ польскою, скорѣйшаго уравненія Галицкихъ земель съ польскими и окончательнаго введенія польскаго права, обѣщавшаго ей освобожденія отъ разныхъ ограниченій и обложеній, неизвѣстныхъ польскимъ провинціямъ. На этой почвѣ, въ эпоху осуществленія политической уніи разошлись интересы магнатовъ и рядовой шляхты въ земляхъ вел. кн. Литовскаго. Но на пунктѣ охраны отеческой вѣры могли сойтись представители украинскаго шляхетства, мѣщанства, крестьянства и козачества.

[1]) Okolski, Dyaryusz, и Туровскаго с. 85.

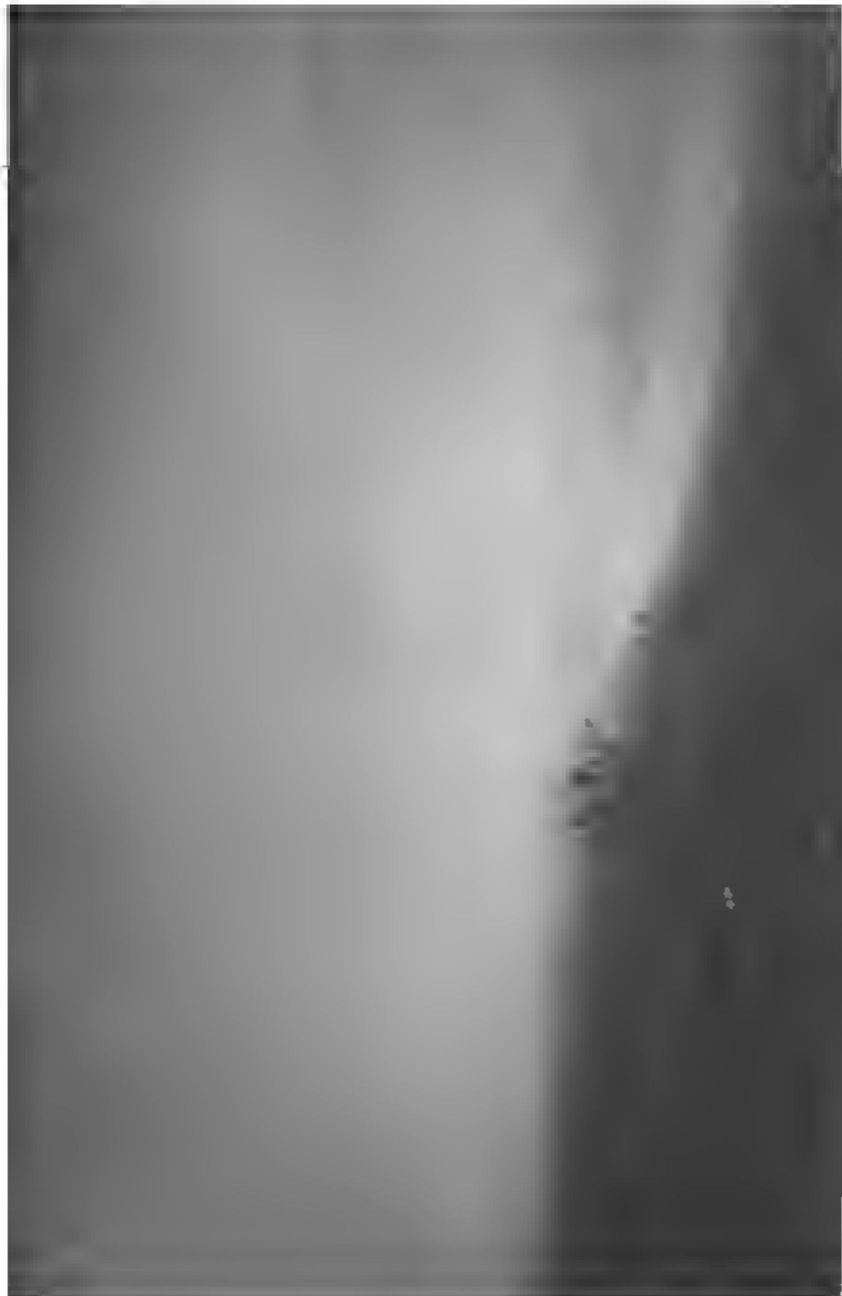
Грамота Казиміра 1370 г., требовавшая возстановленія галицкой митрополіи, является первымъ документальнымъ свидѣтельствомъ стараній украинскаго боярства Западной Украины, еще не подорваннаго въ конецъ конфискаціями и другими мѣрами польской политики,—первой ихъ кампаніи въ интересахъ православной церкви. Когда галицкое боярство сошло со сцены, борьбу за отеческую вѣру принимаетъ на себя галицкое, прежде всего, львовское мѣщанство, и первымъ актомъ ея была эмансипація галицкой епархіи и возстановленіе каѳедры въ первой половинѣ XVI в. Въ XVII в. религіозныя притѣсненія и польскіе замыслы уничтоженія «благочестивой вѣры» становятся агитаціоннымъ мотивомъ для широкихъ народныхъ массъ, для огромныхъ всенародныхъ, въ особенности крестьянскихъ движеній. Подъ религіознымъ знаменемъ ведетъ свою борьбу съ правительствомъ козачество и въ интересахъ «руськоі віри» обращается съ одной стороны, къ содѣйствію народныхъ массъ, съ другой — входитъ въ союзъ съ представителями высшихъ украинскихъ классовъ. Національная борьба подмѣнивается борьбою религіозной, подъ знаменемъ религіи идетъ война, выплывающая изъ мотивовъ національныхъ, соціальныхъ и экономическихъ; въ интересахъ общей борьбы съ католичествомъ православные Украинцы ищутъ поддержки у польскихъ и литовскихъ диссидентовъ конца XVI и нач. XVII в.; во имя защиты православія обращаются къ помощи заграничныхъ владѣтелей, поддерживая политическія притязанія Москвы (въ XV, въ концѣ XVI и снова въ первой пол. XVII в.), завоевательные планы Молдавіи (въ Галиціи, въ концѣ XV и началѣ XVI в.). И въ этой же религіозной оболочкѣ переходитъ въ позднѣйшую традицію весь этотъ польско-украинскій конфликтъ, затушевывая всѣ другіе мотивы—экономическіе, политическіе и національные.

Одновременно съ этой многообразной борьбой, различные элементы и слои украинскаго (и также точно бѣлорусскаго) населенія напрягаютъ силы, чтобы своею инниціативою, своими частными жертвами по возможности уравновѣсить тѣ ущербы, какіе терпѣла православная церковь, лишенная поддержки центральнаго правительства и подверженная разнымъ враждебнымъ выходкамъ господствующей церкви и народности. Если уже въ предшествующую эпоху расположеніе къ церкви, богатыя жертвы на нужды ея и духовенства — считается признакомъ хорошаго тона, сознанія своего высокаго и отвѣтственнаго положенія, независимо отъ болѣе или менѣе искренней внимательности къ интересамъ «спасенія души», обезпечивавшагося упомянутыми жертвами, то теперь въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ болѣе или менѣе ясно сознаваемый мотивъ національный—долгъ предъ своею національною традиціею, предъ тѣмъ, что являлось внѣшнею формою національности, національнымъ представительствомъ въ глазахъ собственныхъ и чужихъ. Все время, отъ паденія украинской государственной жизни и вплоть до эпохи новаго возрожденія религіозной жизни во второй половинѣ XVI в., даже въ періодъ крайняго разстройства и паденія церковнаго строя, въ украинскомъ обществѣ жили и проявляли себя

весьма замѣтно старыя традиціи православной религіозности, или точнѣе церковности, привитыя ему въ предшествующую эпоху. Идеи попеченія о душѣ своей, покровительства церкви и ея слугамъ, высокое уваженіе къ монашествующимъ, милосердіе къ бѣднымъ и неспособнымъ, принятымъ церковью подъ свое попеченіе, подкрѣпляются теперь идеями національнаго долга и почтенія къ отеческой традиціи и проявляютъ себя въ непрекращающемся созиданіи церквей и монастырей, болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованіяхъ въ ихъ пользу, устройствѣ богадѣленъ («шпиталей»), наконецъ — въ постриженіи въ монашество или схиму, довольно часто практиковавшемся все это время, даже среди высшей аристократіи.

Конечно, на ряду съ этимъ, особенно въ эпоху церковнаго разстройства, мы встрѣчаемся и съ фактами самаго безцеремоннаго расхищенія церковныхъ имуществъ, какъ разъ тѣми патронами и опекунами, на которыхъ лежала обязанность охраненія и пріумноженія церковнаго достоянія. Но не нужно забывать той крайне деморализующей обстановки, въ которой совершались эти хищенія. Съ одной стороны, самое циническое отношеніе къ церковнымъ бенефиціямъ правительства, раздававшаго ихъ, какъ простыя доходныя статьи, за приличное «челобитье», лицамъ совершенно чуждымъ какихъ-либо церковныхъ интересовъ, безсовѣстно эксплоатировавшихъ затѣмъ свои церковныя должности, въ интересахъ своего безпечальнаго житія, обезпеченія своей семьи и разныхъ непотовъ. Съ другой — современная агитація сторонниковъ реформаціи противъ церковныхъ доходовъ и маетностей, усердно поддерживаемая изъ классовыхъ интересовъ въ шляхетскихъ кругахъ, особенно польскихъ, половины XVI в.

Однако, даже людямъ, искренно привязаннымъ къ отеческой вѣрѣ и церкви, украинская церковь и весь кругъ культурныхъ и національныхъ интересовъ, связанныхъ съ нею, все менѣе могли дать людямъ съ сколько-нибудь значительными общественными и культурными запросами. Если въ предшествующую эпоху церковь и церковная жизнь держали въ своихъ рукахъ ключи современной культуры, находившей свое высшее и недосягаемое воплощеніе въ современномъ византизмѣ, то православная церковность и связанный съ нею культурный міръ XV—XVI вв. все болѣе и болѣе оставались за флагомъ современной общественной жизни, политическихъ и культурныхъ интересовъ современнаго украинскаго общества. Кромѣ удовлетворенія извѣстныхъ вопросовъ совѣсти, обезпеченія спасенія души, она могла дать извѣстное удовлетвореніе національному чувству — возможность проявить свою привязанность къ своей національной традиціи. Но съ другой стороны, сознаніе политическаго униженія этой національной церкви и ея культурной отсталости дѣлало изъ нея вѣчно сочащуюся рану національнаго самосознанія современнаго Украинца. Мы видѣли, какъ культурное содержаніе православной церковности, т. е. области культуры, стоявшія въ тѣсной связи съ церковью, замкнувшись въ тѣсныя границы чисто консервативной дѣятельности, неудержимо падали на протяженіи этихъ столѣтій (отъ половины XIV до нач. XVI), параллельно съ политическимъ и обще-



ственнымъ ослабленіемъ украинскаго элемента, все усиливающимся объдненіемъ церкви съ истощеніемъ славянско-византійскихъ источниковъ, питавшихъ культурную жизнь предшествовавшей эпохи и съ усиленіемъ новыхъ западныхъ вліяній, которыхъ украинская культура большею частью чуждалась, какъ вліяній для ея старыхъ традицій разрушительныхъ, и во всякомъ случаѣ была безсильна овладѣть ими и претворить ихъ въ своемъ національномъ горнилѣ. И это культурное содержаніе все менѣе могло удовлетворять культурные запросы высшихъ слоевъ украинскаго общества, все болѣе давало чувствовать свое убожество сравнительно съ средствами, находившимися въ распоряженіи церковности католической, культуры латино-нѣмецко-польской, вступавшей какъ разъ въ стадію новаго разцвѣта развитія.

Въ западной Украинѣ и украинскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Польши, уже со второй четверти XV в. традиціонная книжность и письменность рѣшительно не могли служить ни къ чему, кромѣ надобностей церковнаго обихода и благочестиваго назиданія. Русское письмо, во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV в. еще остававшееся въ официціальномъ (мѣстномъ) употребленіи, затѣмъ выходитъ изъ употребленія почти вовсе—не играетъ въ немъ роли. Въ украинскихъ земляхъ в. кн. Литовскаго, болѣе защищенныхъ отъ польскихъ вліяній, офиціальный бѣлорусско-украинскій языкъ въ полной силѣ остается до самаго присоединенія ихъ къ Польшѣ (въ 1569 году) и гарантируется правительствомъ на послѣдующее время. Но и здѣсь, даже на Волыни, гдѣ украинская аристократія держалась особенно сильно, какъ видимъ изъ завѣщанія Загоровскаго-младшаго (1577), обученіе «русскому письму» мотивировалось больше національнымъ піетизмомъ, чѣмъ реальными, практическими соображеніями, и Загоровскій считаетъ нужнымъ спеціально поручать своимъ сыновьямъ «абы письма своего руского и мовенья рускими словы не забачали». Между тѣмъ, какъ безъ латинскаго и польскаго языка представителю высшихъ общественныхъ слоевъ нельзя было ступить и шагу, изъ подъ «русской» (украинской) книжности и письменности уходила всякая реальная почва. Своя книжность изъ своего содержанія не могла дать ничего интереснаго, ничего реальнаго современному человѣку, желавшему итти за духомъ и требованіями времени, и за всѣмъ необходимымъ культурному человѣку приходилось обращаться къ письменности латинской, польской, нѣмецкой, однимъ словомъ—«католической».

Въ этомъ чувствовалось банкротство національной украинской культуры, что ставило въ чрезвычайно тяжелое положеніе современное украинское общество. Доступъ въ латинскія школы для православныхъ очень часто былъ связанъ съ различными затрудненіями, или даже вовсе былъ закрытъ, а свои школы не давали латинской науки. Эти низшія школы, существовавшія при церквяхъ, теперь, когда въ обществѣ наростали болѣе высокіе культурные запросы, наполняли передовыхъ представителей современнаго украинскаго и бѣлорусскаго общества стыдомъ и сожалѣніемъ. Авторъ позднѣйшей «Пересторога» въ своемъ ретроспективномъ обзорѣ упадка националь-

ой жизни, изъ котораго украинское общество вышло съ концомъ XVI в., главную причину этого упадка видѣлъ въ томъ, что предшествующія поколѣнія много занимались созиданіемъ церквей и монастырей, собираніемъ для нихъ разныхъ вкладовъ и книгъ славянскихъ, «лечь того што было найпотребнѣйшее—школъ посполитыхъ—не фундували». Другой ревнитель родной культурѣ В. Тяпинскій въ предисловіи къ своему переводу евангелія побуждаетъ земляковъ основывать школы «ку науце, лечь не такой, яко теперь, на вѣчный свой стыдъ—только прочести и то ледво въ своемъ языку, не больше учатся». Но если одни искали выхода изъ этого тяжелаго положенія путемъ общаго подъема культурной жизни, организованными усиліями общества, то другимъ, болѣе малодушнымъ, положеніе казалось настолько труднымъ, или вовсе безвыходнымъ, что они за лучшее считали оставить землякамъ ихъ безплодныя усилія спасти національную жизнь и спѣшили открыть себѣ путь къ общественной дѣятельности, къ широкой политической карьерѣ, къ фактической равноправности, переходя изъ стана побѣжденныхъ въ станъ побѣдителей, пріобщаясь къ роскошному пиру золотого вѣка польскаго шляхетскаго общества.

Условія, создавшія этотъ внѣшній расцвѣтъ польской жизни въ половинѣ XVI в. и совпавшія съ событіями, сблизившими украинское общество съ польскою жизнью (шляхетскія реформы в. кн. Литовскаго и актъ 1569 г.), вызываютъ среди высшихъ слоевъ украинскаго общества чрезвычайно опасную для національной украинской жизни тенденцію къ слiянію съ польскимъ обществомъ и польской культуры. Опасность эта была замѣчена, вызвала энергическія организованныя усилія, направленныя къ подъему національной украинской жизни. Но результаты этихъ усилій пришли поздно для многихъ и не были въ состояніи предотвратить массового дезертирства украинской аристократіи, развивавшагося въ послѣднихъ годахъ XVI и началѣ XVII вв. и лишившаго украинскую жизнь такой массы средствъ и силъ, что уже не на этихъ высшихъ слояхъ, а на самыхъ низахъ украинскаго демоса строителямъ украинской жизни пришлось созидать національную самооборону [1]).

---

[1]) Подробнѣе въ VI т. „Історії України", гл. III и IV, также въ книжкѣ: Культурно-національное рух на Україні в XVI—XVII в., 1912.

ОТДѢЛЪ IV.

Эпоха козацкая.

Глубокія измѣненія украинской жизни, приготовляющія національное значеніе козачества. Экономическій переломъ.

Украинскія земли, начиная съ половины XVI в., переживали глубокія измѣненія въ своей экономической жизни, повлекшія за собою весьма важныя послѣдствія въ соціальныхъ и культурныхъ отношеніяхъ. Балтійскій экспортъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, постепенно, по радіусамъ захватывавшій все глубже и глубже сосѣднія земли, уже начиная со второй четверти XVI в. проникаетъ въ ближайшія къ нему украинскія земли—въ Побужье, западную Галицію, затѣмъ восточную Галицію, Волынь и Подолье, вызывая крупныя измѣненія въ системѣ хозяйства, нанося послѣдніе удары старому натуральному хозяйству и вмѣстѣ съ торжествомъ хозяйства денежнаго, внося полный переворотъ въ эксплоатацію крестьянскаго труда, въ крѣпостныя отношенія и въ экономическое положеніе крестьянства.

XV-ый вѣкъ еще повсемѣстно на Украинѣ былъ временемъ ясно выраженнаго натуральнаго хозяйства. Господскія запашки, т. наз. фольварки, обыкновенно не выходили за предѣлы домашняго потребленія, самое большое—нуждъ помѣщичьяго пивоваренія (также винокуренія). Поэтому въ крѣпостномъ обиходѣ цѣнился больше денежный чиншъ, нежели панщинная работа: система нѣмецкаго права тѣмъ и цѣнилась, что вмѣсто натуральныхъ повинностей и даней давала денежный чиншъ, столь цѣнный при отсутствіи наличныхъ денегъ. Предметами вывоза служили шкуры пушныхъ звѣрей и продукты пчеловодства; кромѣ того, уже со второй четверти XV в., на ряду съ этими традиціонными предметами восточно-европейскаго экспорта въ западной Украинѣ въ значительныхъ размѣрахъ начинаетъ развиваться вывозъ рогатаго скота. Главнымъ рынкомъ ихъ была Силезія, скотъ для вывоза доставлялся, главнымъ образомъ, изъ юго восточной Галиціи (земля Галицкая и отчасти Львовская), изъ Подолія и Южной Волыни. Гнали, главнымъ образомъ, воловъ, и главный контингентъ ихъ давала, такъ называемая «поволовщина»: помѣщикъ бралъ съ каждаго тяглаго хозяйства по одному

*

волу разъ въ нѣсколько лѣтъ (отъ трехъ до семи лѣтъ, смотря по мѣстному обычаю). Этотъ экспортъ до вывоза хлѣба, въ XV и первой пол. XVI в., имѣлъ огромное значеніе въ мѣстномъ хозяйствѣ и хозяйственномъ балансѣ; волы, какъ въ Гомеровы времена, служили мѣновою единицею: въ случаѣ нужды, шляхта волами дѣлала взносы на публичныя нужды, волами давала взятки королевскимъ придворнымъ и самому королю; волами расплачивалась вмѣсто денегъ — все еще очень рѣдкихъ. Кромѣ того, на ряду съ волами, для нѣкоторыхъ мѣстностей Галиціи пріобрѣтаетъ значеніе вывозъ рыбы, заготовленной въ прокъ, и въ связи съ этимъ—устройство и культура искусственныхъ прудовъ. Послѣдняя, однако, въ общей суммѣ соціально-экономическихъ отношеній не имѣла особаго значенія.

Первымъ продуктомъ, на который предложилъ спросъ украинскому хозяйству балтійскій экспортъ—былъ лѣсной товаръ: разнаго рода дерево, древесная зола, употреблявшаяся на приготовленіе поташа, также смола и деготь. Главнымъ пунктомъ этого экспорта былъ Данцигъ, выдвинувшійся, какъ торговый портъ, уже съ концомъ XIV в., а затѣмъ во второй половинѣ XV в. пріобрѣвшій исключительное значеніе для земель Польскихъ, послѣ того, какъ, отложившись отъ Пруссіи, онъ отдался подъ покровительство короля Польскаго и сдѣлался, можно сказать, универсальнымъ морскимъ портомъ Польши. Чрезвычайно расширивъ свои торговыя операціи, главнымъ образомъ по вывозу лѣсовыхъ продуктовъ и еще больше—по вывозу хлѣба во второй половинѣ XVI и первой четверти XVII в., онъ поднялся до ранга первыхъ торговыхъ центровъ Европы.

На протяженіи XV в. спросъ на дерево и цѣны его въ Западной Европѣ росли весьма быстро и интенсивно и, истощивъ ближайшіе запасы лѣса, уже въ первой половинѣ XV в. данцигскіе негоціанты начинаютъ обращаться къ украинскимъ районамъ, ближайшимъ къ сплавнымъ артеріямъ — Бугу, Вислѣ, Нареву и затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ эти ближайшіе районы оказывались недостаточными, проникають все далѣе и далѣе въ глубину бассейновъ этихъ рѣкъ. Вывозили, главнымъ образомъ, дубовое дерево, (т. н. «ванчоеъ»—Wagenschosz, дубовые брусья и «клепки», Klappholz), также буковое, затѣмъ, древесную золу, поташъ и другіе продукты лѣсного хозяйства. Экспортъ этотъ причинялъ огромныя опустошенія въ лѣсахъ, совершенно измѣнялъ физіономію края, его физическія и климатическія условія и игралъ также огромную роль въ экономической жизни края, принося большія по тому времени суммы денегъ украинскимъ помѣщикамъ и державцамъ коронныхъ имѣній, опустошавшихся особенно безжалостно. Но въ соціальномъ процессѣ онъ не имѣлъ такого значенія, какъ экспортъ хлѣба, развивающійся вслѣдъ за нимъ, подъ вліяніемъ того же данцигскаго рынка и по тѣмъ же районамъ, въ связи съ сплавными артеріями, какіе передъ тѣмъ открывалъ данцигскому рынку вывозъ лѣсныхъ товаровъ.

Экспортъ хлѣба изъ балтійскихъ портовъ прусскаго поморья до тѣхъ поръ (въ XII — XIII вв.) довольно незначительный, предназначался, главнымъ образомъ, для скандинавскихъ земель—Норвегіи и Швеціи, и удов-

летворялся предложеніемъ ближайшихъ областей—Пруссіи, Поморья, Ливоніи и сосѣднихъ провинцій литовскихъ и польскихъ. Затѣмъ въ XIV—XV вв. онъ начинаетъ сильно возрастать, такъ какъ на прусскій экспортъ открывается спросъ также въ Шотландіи, Голландіи, Фландріи, отчасти Англіи и сѣверной Франціи, но достигаетъ громадныхъ размѣровъ особенно съ XVI в., когда упадокъ сельскаго хозяйства Испаніи, служившей раньше житницею югозападной Европы, открываетъ спросъ на балтійскій хлѣбъ во Франціи, Италіи, Португаліи и самой Испаніи. Голландскіе купцы, благодаря своему огромному торговому флоту служившіе главными посредниками въ вывозѣ балтійскаго хлѣба на западъ и югъ, начинаютъ вывозить хлѣбъ въ огромномъ количествѣ изъ балтійскихъ портовъ и главнымъ образомъ, изъ Данцига, сосредоточившаго въ себѣ отпускъ хлѣба изъ земель Польско-Литовскаго государства — польскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Спросъ ростетъ непомѣрно, цѣны подымаются, районъ сбыта движется гигантскими шагами въ глубину материка. Если въ концѣ XV в. Данцигъ «въ хорошіе годы» отправлялъ 10 тыс. ластовъ хлѣба (ок. полутора милліона пудовъ), то въ 1580-хъ гг. его экспортъ считали уже на 50 тыс. ластовъ, а въ послѣдующихъ десятилѣтіяхъ онъ доходитъ до 100 тыс ластовъ и больше годового вывоза. Записки таможенной конторы въ Влоцлавкѣ, на границѣ средней и нижней Вислы, отмѣчающія сплавное движеніе изъ района средней и верхней Вислы, т. е. малопольскихъ и украинскихъ земель, въ 1537 г., даютъ свыше 6 тыс. ластовъ хлѣба, въ 1580—около 10 тыс., въ 1579—около 17 тыс. ластовъ: вывозъ хлѣба изъ этихъ болѣе отдаленныхъ районовъ почти утроился въ продолженіе сорока лѣтъ. Люстрація 1565 г. застаетъ вывозъ хлѣба уже очень оживленнымъ въ верхнемъ Побужьи—землѣ Холмской и Белзской; онъ достигаетъ также большихъ размѣровъ въ сѣверо-западной Волыни, въ центральной и западной Галиціи (въ бассейнѣ Сана). Цѣны росли очень замѣтно; съ 1530-хъ до 1560-хъ гг., на протяженіи 30-ти лѣтъ, она возросла въ два раза, считая металлическое содержаніе монеты (въ номинальныхъ цѣнахъ, благодаря ухудшенію качества монеты, ростъ былъ еще замѣтнѣе), и въ слѣдующее пятидесятилѣтіе цѣны мѣстами поднялись еще въ два раза. Напримѣръ, въ Саноцкой королевщинѣ—колода пшеницы въ 1525 г. стоила 30—40 грошей, въ 1565 г.—140 гр.; въ Городецкой королевщинѣ колода ржи въ 1534 г. продавалась по 24—30 гр., въ 1565 г.—средняя цѣна ея 60 гр., и т. под. [1]).

Соціальныя послѣдствія хозяйственнаго перелома.

Указанный ростъ цѣнъ на хлѣбъ, несомнѣнно, былъ бы еще гораздо интенсивнѣе, если бы повышеніе спроса не сопровождалось необыкновеннымъ ростомъ производительности сельскохозяйственныхъ продуктовъ, спѣшившихъ поспѣть за этимъ быстрымъ возрастаніемъ спроса. По мѣрѣ того, какъ

1) Подробнѣе въ VI т. „Історії України“ (гл. 2 с. 141—234), болѣе популярное изложеніе въ статьяхъ: „Студії з економічної історії України“ (Літер.-Наук. Вістник, 1907).

районъ данцигскаго экспорта захватывалъ различныя мѣстности Польши и Украины, въ нихъ начинается чрезвычайно оживленная интенсификація сельскаго хозяйства, какъ она понималась въ тогдашнихъ условіяхъ крѣпостного хозяйства. Чрезвычайно расширяются помѣщичьи, фольварковыя запашки, путемъ разработки земель, до сихъ поръ не захваченныхъ земледѣльческой культурою, и еще болѣе—путемъ захвата крестьянской пашенной земли, а необходимая для этой обработки сумма труда пріобрѣтается чрезвычайнымъ увеличеніемъ барщинныхъ работъ, или простымъ повышеніемъ панщинныхъ нормъ или путемъ «замѣны» прежнихъ чиншей и даней, увеличеннымъ количествомъ рабочихъ дней (при чемъ, конечно, это послѣднее увеличеніе не стояло ни въ какой пропорціи къ тому количеству денежныхъ или натуральныхъ взносовъ, какое сбрасывалось «взамѣнъ» увеличенія панщины). Чрезвычайный ростъ помѣщичьихъ фольварковъ и производства хлѣба на вывозъ создаетъ, такимъ образомъ, чрезвычайно серьезныя перемѣны въ экономическомъ положеніи крестьянъ, тѣмъ болѣе бросавшіяся въ глаза и ощутительныя для крестьянъ, что эти измѣненія наростали крайне неровно, въ зависимости отъ хлѣбнаго рынка — отъ того обстоятельства, насколько его спросъ захватывалъ данную мѣстность.

Въ рамкахъ настоящаго обзора я, конечно не могу входить въ подробности этого интереснѣйшаго процесса[1]), ограничусь только наиболѣе существенными моментами.

Расширеніе площади фольварочнаго хозяйства повлекло за собою усиленную «скуплю» крестьянскихъ пашенъ, конечно принудительную, и принудительный же переводъ на болѣе мелкіе участки. Правда, область чисто помѣщичьяго тогдашняго хозяйства закрыта для насъ почти совершенно, но имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы относительно королевщинъ, раздававшихся въ пожизненное пользованіе представителямъ того же помѣщичьяго класса, даютъ намъ понятіе объ общемъ направленіи и пріемахъ шляхетскаго хозяйства.

«Скупля» крестьянскихъ пашенъ въ королевскихъ имѣніяхъ производилась разною мелкою шляхетскою сошкою, на основаніи особыхъ королевскихъ разрѣшеній, выдававшихся въ большомъ количествѣ, такъ что, напримѣръ, ревизоры Саноцкой королевщины, отмѣтивъ нѣсколько фактовъ такой скупли, выражаютъ опасеніе, что если скупля будетъ такимъ образомъ продолжаться, то въ королевщинѣ не много останется крестьянскихъ хозяйствъ. На скупленныхъ такимъ образомъ крестьянскихъ пашняхъ основывались мелкія, шляхетскія имѣнія, фольварки и подъ разными предлогами вводились и развивались панщинныя работы для ихъ обработки; особенно много появлялось фольварковыхъ хозяйствъ подъ фирмою войтовствъ и солтыствъ, болѣе или менѣе титулярныхъ, и конституція начала XVII в., устанавливая принципъ, что такія войтовства и солтыства должны раздаваться въ особенности заслуженнымъ военнымъ, какъ извѣстнаго рода эмеритуры, поддержали

[1]) Подробно изложенъ онъ въ V т. „Історії України", т. 3 с. 176—220 См. также вводныя статьи въ I—III и VII т. „Жерел до історії України", посвященныхъ крестьянскому обложенію XVI в. въ Западной Украинѣ

процессъ размноженія такихъ мелкихъ имѣній. Старосты производили подобныя же операціи обезземеленья крестьянъ въ интересахъ расширенія своего фольварковаго хозяйства въ большихъ размѣрахъ. Встрѣчаются случаи «скупли» или «згону» цѣлыхъ большихъ селъ, при чемъ крестьянскія пашни обращались въ господскую, фольварковую запашку, а крестьяне переводились на мелкіе участки, такъ называемые «загороды». Въ другихъ случаяхъ, получившуюся путемъ такой операціи площадь пашенной земли обращали частью на фольваркъ, а частью раздавали мелкими участками прихожимъ крестьянамъ.

Такіе малоземельные крестьяне, такъ называемые загородники, обыкновенно не платившіе чиншей, ни даней въ натурѣ и отбывавшіе только «пѣшую» панщину — то-есть работавшіе одни, безъ рабочаго скота, въ господскомъ дворѣ, въ новыхъ условіяхъ хозяйства, требовавшаго усиленной панщины, оказывались очень выгодными, и во многихъ случаяхъ, на ряду съ обезземеленьемъ тяглыхъ хозяйствъ для расширенія фольварочной запашки, оно практикуется также для увеличенія за счетъ большихъ тяглыхъ крестьянскихъ хозяйствъ такого крестьянскаго пролетаріата, въ интересахъ умноженія рабочихъ рукъ для нуждъ фольварочнаго хозяйства. Такой же смыслъ имѣло усиленное дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ, производившееся державцами: между тѣмъ какъ чинши и дани натурою исчислялись сообразно величинѣ крестьянскихъ участковъ, панщинныя работы обыкновенно отбывались «съ хозяйства», независимо отъ величины крестьянскаго участка, и такимъ образомъ раздробивъ большое крестьянское хозяйство, занимавшее три четверти лана или даже цѣлый ланъ, на четвертные участки [1]), владѣлецъ, не уменьшая количества даней и чиншей, увеличивалъ количество панщины въ три-четыре раза.

И на ряду со всѣми этими болѣе ухищренными способами шло неудержимо и вовсе неприкрытое, простое увеличеніе панщинныхъ работъ, то «взамѣнъ» какихъ-либо другихъ обязанностей, то безъ всякаго предлога, просто потому что панщинныя работы росли повсемѣстно и вводились, не считаясь съ старыми осадчими привилеями, съ вѣками освященной практикой.

Пока украинскія земли не были захвачены экспортомъ хлѣба, крестьянскія работы отличались значительнымъ разнообразіемъ, въ зависимости отъ того, нуждался ли господскій дворъ въ работникахъ изъ даннаго села или нѣтъ, но въ среднемъ были не велики. Въ селахъ нѣмецкаго права, гдѣ обязанности нормировались осадчимъ привилеемъ, крестьяне обыкновенно работаютъ всего нѣсколько дней въ году на помѣщика. Довольно многочисленныя въ Галиціи, особенно на Подкарпатьи, села такъ наз. волоскаго права, разсчитанныя на крестьянъ-скотоводовъ, принципіально не знали панщины. Наиболѣе значительныя колебанія

---

[1]) Лань—30 морговъ, около 20 десятинъ, былъ въ XIV—XV вв. нормальнымъ участкомъ крестьянина нѣмецкаго права, да и другихъ типовъ селъ; въ первой половинѣ XVI в. среднимъ крестьянскимъ участкомъ можно считать половину лана (хотя, конечно, колебанія въ разныхъ мѣстностяхъ были большія); при концѣ столѣтія очень распространены четверти и даже восьмыя лана (см. помянутые очерки въ „Жерелах“).

встрѣчаемъ въ селахъ такъ наз. русскаго права, или вообще не нормированныхъ ничѣмъ, кромѣ извѣстной традиціи, и въ нихъ встрѣчаемъ по мѣстамъ уже въ XV в., еженедѣльную панщину, между тѣмъ какъ во многихъ селахъ работали всего нѣсколько дней въ годъ. Эта неравномѣрность, очевидно, давала поводъ къ неудовольствіямъ, и уже въ XV в. въ шляхетскихъ кругахъ обнаруживается тенденція къ установленію болѣе однообразной панщины, и въ связи съ тѣмъ къ уничтоженію тѣхъ спеціальныхъ гарантій, которыя въ отдѣльныхъ селахъ являлись препятствіемъ къ введенію такой единообразной панщины.

Изъ нашихъ земель эта тенденція раньше всего обнаруживается на Побужьѣ — въ Холмской землѣ и на Подляшьѣ, усиленно колонизированныхъ мелкою мазовецкою шляхтою, подчинившей эти земли вліяніямъ польскихъ порядковъ сосѣдней Мазовіи. По примѣру тамошней шляхты шляхта холмская и подляшская, уже во второй половинѣ XV в. постановляетъ, что крестьяне повсемѣстно, сверхъ чиншей, даней и довольно значительныхъ спеціальныхъ работъ, должны отбывать еженедѣльно одинъ день панщины съ лана и независимо отъ принятыхъ раньше нормъ и привилеевъ. Эта послѣдняя оговорка имѣла очень существенное значеніе, такъ какъ имѣла въ виду лишить силы всѣ юридическія гарантіи, какія крестьяне могли противоставить такому новшеству. Прошло однако полстолѣтія, прежде чѣмъ этотъ принципъ шляхтѣ удалось сдѣлать обязательнымъ для всего государства (на сеймахъ 1519—1520 г.).

Послѣдующее движеніе фольварковаго хозяйства отразилось повышеніемъ панщиннаго минимума съ одного дня до двухъ дней съ лана еженедѣльно: въ документахъ 1570-хъ гг., при нормировкѣ крестьянскихъ повинностей, встрѣчаемъ ссылки на ближе неизвѣстный «коронный статутъ», установлявшій эту норму, точнѣе — минимумъ, и при ревизіи королевскихъ имѣній, производившихся въ 1560-хъ гг., и разныхъ другихъ оказіяхъ королевскіе комиссары вводили эту норму повсемѣстно, не считаясь со старыми порядками. Въ дѣйствительности, шляхта въ это время уже далеко перешагнула эту норму-минимумъ. Существенное значеніе имѣла здѣсь подмѣна нормы лановой нормой «съ хозяйства», о которой я уже упоминалъ выше: между тѣмъ какъ нормы говорили о двухдневной панщинѣ съ лана, на дѣлѣ помѣщики и державцы въ 1560-хъ гг. требовали двухдневной панщины съ хозяйства, и правительственные агенты, смотрѣвшіе на эти вопросы тоже больше съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, такъ какъ и государственная казна являлась тоже крупнымъ помѣщикомъ со своими коронными имѣніями,—молча принимала эту подмѣну, увеличивавшую количество панщины вдвое и болѣе и открывавшую путь къ весьма легкому дальнѣйшему увеличенію ея, путемъ упомянутаго выше дробленія крестьянскихъ хозяйствъ.

Въ мѣстностяхъ, захваченныхъ особенно сильнымъ движеніемъ фольварковаго хозяйства, уже въ 1580-хъ гг. панщина выростаетъ до трехъ дней въ недѣлю съ хозяйства, и затѣмъ въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. эта трехдневная панщина, въ районахъ

развитія фольварковаго хозяйства, становится почти общимъ явленіемъ. На ряду съ нею встрѣчается, какъ ея видоизмѣненіе, панщина ежедневная. Въ теоріи при этомъ крестьяне должны были работать не цѣлый день, а только полдня, такъ что она якобы представляла собою эквивалентъ трехдневной панщины; поэтому мы и встрѣчаемъ альтернативы: крестьяне работаютъ «ежедневно полдня или три цѣлыхъ дня въ недѣлю». Но этотъ ежедневный варіантъ, несомнѣнно, былъ гораздо тяжелѣе, такъ какъ влекъ за собою трату времени на дорогу въ фольваркъ и съ фольварка, лишалъ крестьянина возможности быть хозяиномъ даже тѣхъ дней, какіе ему оставались, и открывалъ путь спеціальнымъ злоупотребленіямъ и эксплоатаціи рабочей энергіи крестьянина. Затѣмъ, кромѣ этой постоянной панщины, существовали еще спеціальныя работы, не въ счетъ панщины; практиковались штрафныя увеличенія панщины за прогулъ, за несвоевременный приходъ, и т. п.

Дальнѣйшія послѣдствія экономическаго переворота—колонизаціонное движеніе.

Описаннымъ выше экономическимъ процессомъ захвачены были, главнымъ образомъ, западныя украинскія земли,—болѣе близкія къ главнымъ сплавнымъ артеріямъ—порѣчью Сана и Буга: Побужье, Галиція и Западная Волынь. Люстраціи королевскихъ имѣній 1564—1570 гг., заключающія въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для изученія экономическихъ и соціальныхъ отношеній этого времени [1]), даютъ живо чувствовать—не общими разсужденіями, а цѣлою массою фактовъ, цифръ и всякаго рода указаній, рѣзкую разницу между этимъ сѣверо-западнымъ райономъ, уже захваченнымъ экспортомъ хлѣба, и глухимъ припятскимъ Полѣсьемъ или глубокимъ Подольемъ, гдѣ земледѣліе все еще не выходило за границы прокормленія двора и его персонала, и предметами вывоза были волы (изъ Подолья) или медъ (Полѣсье). Нунцій Коммендоне, описавшій экономическія отношенія Польши въ 1564 г., отмѣчаетъ тоже рѣзкія различія между райономъ, захваченнымъ экспортомъ хлѣба, и оставшимся внѣ его. «Въ послѣдніе годы», говоритъ онъ, «земледѣліе поднялось по берегамъ Вислы и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море, потому, что хлѣбъ здѣсь спускаютъ въ Данцигъ, откуда онъ расходится до Голландіи, а часто даже и до Португаліи; наоборотъ, другая половина королевства—Подолія, Русь, Волынь и часть Литвы остаются по большей части не обработанными, такъ какъ населеніе засѣваетъ ихъ хлѣбомъ лишь настолько, чтобы его хватило для мѣстныхъ людей, и потому на всѣхъ рѣкахъ, текущихъ въ Черное море, нѣтъ никакой торговли».

Эта неравномѣрность усиливала впечатлѣніе отъ тѣхъ рѣзкихъ пертубацій, какія переживало крестьянство западной Украины въ серединѣ XVI в. и во второй половинѣ его. Сравнительно медленный и постепенный процессъ возрастающей эксплоатаціи крестьянскаго труда помѣщичьимъ хозяйствомъ, какъ онъ развивался (конечно

---

[1]) Изданы мною въ I—III и VII тт. „Жерел.“.

тоже не безъ рѣзкихъ толчковъ по мѣстамъ) въ теченіи предшествующихъ столѣтій, чрезвычайно обострился здѣсь—рушились всѣ юридическія гарантіи, всѣ соглашенія и договоры, всѣ вѣковыя нормы и обычаи, и ростъ обложенія и панщинныхъ работъ разрушали совершенно весь укладъ жизни, все относительное благосостояніе, какимъ еще пользовались мѣстами крестьяне, обращая ихъ фактически въ помѣщичьихъ батраковъ, въ рабочій скотъ, не знавшій отдыха на помѣщичьей работѣ. Развитіе экспортнаго хозяйства создаетъ совершенно невозможныя отношенія для здѣшняго крестьянства и приводитъ его до совершеннаго отчаянія этимъ непомѣрнымъ развитіемъ обложенія, особенно панщинныхъ работъ съ одной стороны, и пожалуй еще болѣе рѣзкими фактами обезземеленья—съ другой; крестьяне, выходятъ изъ обычной пассивности. Одни пробуютъ бороться, пускаясь въ долгіе и дорогостоящіе процессы со своими державцами, съ королевскими комиссарами, протестуя противъ ихъ «новинъ»; акты королевской канцеляріи и спеціально вѣдавшаго крестьянскіе процессы (королевскихъ имѣній) референдарскаго суда во второй половинѣ XVI в. наполняются массою крестьянскихъ жалобъ. Другіе пытаются сопротивленіемъ, бойкотомъ, аграрными бунтами противостать этому разрушенію сложившихся экономическихъ отношеній. Третьи—особенно крестьяне помѣщичьи, для которыхъ были закрыты всѣ пути юридической борьбы, искали выхода въ бѣгствѣ—и въ концѣ концовъ къ этому исходу принуждены обращаться всѣ вообще, не мирившіеся съ новымъ крестьянскимъ «пекломъ», такъ какъ всѣ попытки отстоять свои права юридическою дорогою оказывались обыкновенно безплодными: даже добившись благопріятнаго рѣшенія королевскаго суда, нельзя было разсчитывать на его исполненіе. Въ началѣ XVII в. крестьянскіе процессы утихаютъ, такъ какъ крестьяне убѣждаются въ безвыходности своего положенія, и между тѣмъ, какъ болѣе пассивные элементы покоряются своей участи, все болѣе энергичное двигается далѣе на востокъ, въ области, не захваченныя еще усиленнымъ фольварочнымъ хозяйствомъ—изъ Галиціи въ Подолье, изъ Побужья въ восточную Волынь и Кіевщину, изъ западной Волыни—въ Браславщину, обыкновенно этапами подвигаясь постепенно все далѣе и далѣе на востокъ и юговостокъ, ища земель свободныхъ, безпанскихъ, создавая новые колонизаціонные кадры въ недавно еще полупустынныхъ или вовсе пустынныхъ мѣстностяхъ и приготовляя горючій матеріялъ для будущихъ крестьянскихъ возстаній. Развитіе фольварочнаго хозяйства въ сѣверо-западной Украинѣ такимъ образомъ, на ряду съ пролетаризаціею крестьянства въ этой послѣдней, создаетъ огромное массовое движеніе, оживляющее отъ вѣкового запустѣнья юго-восточную Украину и постепенно передвигающее въ эту сторону центръ тяжести экономической, культурной и національной жизни Украины.

Этотъ чрезвычайно важный колонизаціонный процессъ совершается молча и незамѣтно, единичными побѣгами крестьянъ, и только внезапно выростающіе десятки и сотни селъ и мѣстечекъ въ восточной Украинѣ, градъ процессовъ о бѣглыхъ, которыми наполняютъ помѣщики западной и централь-

ной Украины судебныя книги судовъ гродскихъ и трибунальскихъ—являются показателями этого огромнаго движенія. Физіономія юго-восточной Украины въ продолженіе полустолѣтія измѣняется совершенно. Еще въ половинѣ XVI в., послѣ страшныхъ татарскихъ опустошеній конца XV и начала XVI в., юговосточная Украина представляла собою пустыню до самой линіи лѣсовъ: окрестности Житоміра, Кіева, Остра были настолько опустошены и опасны, въ виду непрекращающихся татарскихъ нападеній, что населеніе не рисковало жить по селамъ и ютилось все цѣликомъ въ «острогѣ» подъ защитою замка, и только Полѣсье на сѣверѣ отъ Кіева и на сѣверо-западъ, въ окрестностяхъ Овруча, защищенное лѣсами, сохранило сельское земледѣльческое и промышленное населеніе. Въ продолженіе же последней, главнымъ образомъ, четверти XVI в. и первыхъ десятилѣтій XVII в., вслѣдствіе массового движенія крестьянскаго населенія съ запада, пространство восточной Подоліи, юговосточная Браславщина (бассейнъ Ю. Буга), оба берега Днѣпра ниже Кіева и Заднѣпровье, покрываются сравнительно густою сѣтью селъ и мѣстечекъ, довольно многолюдныхъ, наполненныхъ пришлымъ людомъ, прибывавшимъ сюда, главнымъ образомъ, изъ Волыни, сѣверо-западной части Кіевской земли, Подолья и Полѣсья. Волна помѣщичьяго хозяйства, по слѣдамъ бѣглецовъ двигавшаяся все далѣе и далѣе на востокъ и юговостокъ, разными симптомами помѣщичьихъ претензій заставляла ихъ сниматься съ занятыхъ мѣстъ и двигаться все далѣе, туда, гдѣ не было еще признаковъ помѣщичьяго хозяйства. Люстраціи коронныхъ имѣній, произведенныя въ 1620-хъ гг., даютъ картину полнаго переворота въ колонизаціи. Въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, лежавшей совершенной пустыней въ половинѣ XVI вѣка (только въ 1550 гг. здѣсь былъ построенъ бѣлгородскій замокъ, какъ первый опорный базисъ колонизаціи), люстрація конца первой четверти XVII в. выказываетъ уже 36 селъ и хуторовъ, принадлежащихъ къ Бѣлоцерковскому староству, рядъ городовъ и мѣстечекъ и помѣщичьихъ селъ. Колонизуются окрестности Умани, еще въ 1609 г. офиціально считавшіяся пустынею; въ 1620 гг. видимъ уже здѣсь цѣлый рядъ мѣстечекъ и сельскихъ поселеній. На водораздѣлѣ Ю. Буга и Днѣстра, на турецкой границѣ, какъ она тогда проводилась, появляются новыя волости въ сосѣдствѣ замковъ Бершади и Рашкова. За Днѣпромъ, на недавнихъ пустыняхъ, появляются довольно многолюдныя староства Переяславское, Нѣжинское, Миргородское и огромныя частныя заселенныя имѣнія. Колонизація придвигается вплотную къ самой тогдашней московской границѣ, захватывая верховья Сулы, Удая, Псла. На Днѣпрѣ образуется староство Чигринское, на мѣстѣ недавнихъ «уходовъ», куда забирались только промышленники для рыболовныхъ и звѣриныхъ промысловъ, и т. п. [1]).

---

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. VI, с. 278 и сл., т. VII, с. 255 и сл. и въ книгѣ Яблоновскаго: Ukraina.

Если крестьянскому населенію Западной Украины движеніе фольварочнаго хозяйства принесло настоящее экономическое разореніе, пролетаризацію и безвыходное панщинное ярмо или—бѣгство съ насиженныхъ мѣстъ въ восточныя пустыни, подъ татарскую саблю и арканъ, то для помѣщичьяго класса, особенно для крупной землевладѣльческой аристократіи усиленный вывозъ продуктовъ лѣсного и затѣмъ земледѣльческаго хозяйства открылъ новую эру богатства, роскоши, блеска. Золотой дождь, пролившійся надъ нею, взамѣнъ этихъ транспортовъ «ванчоса», «попла» и разныхъ хлѣбныхъ запасовъ, совершенно измѣнилъ скромный и домовитый, и въ сущности, очень сѣренькій и непригляддный бытъ польскаго дворянства коренной Польши и ея украинскихъ провинцій, придалъ ему небывалый до тѣхъ поръ блескъ и сообщилъ новый перевѣсъ надъ украинскимъ элементомъ.

До сихъ поръ польскій элементъ имѣлъ перевѣсъ, главнымъ образомъ, политическій, какъ государственный и политически покровительствуемый факторъ. Въ культурномъ отношеніи, приблизительно до второй четверти XVI в. Польша не могла ничѣмъ особеннымъ импонировать Украинѣ. Она обнаруживала большую энергію политической экспансіи, но въ культурномъ отношеніи оставалась очень слабымъ отраженіемъ Западной Европы, не только безъ тѣни культурной самостоятельности, но и безъ сколько-нибудь замѣтнаго движенія въ этой сферѣ. Отголоски гуманизма едва долетали до нея, не выходя въ своихъ вліяніяхъ за верхи ученаго католическаго духовенства. Впрочемъ, и католическое духовенство Польши эпохи реформиція вообще не отличалось высокими качествами интеллигентности и культуры. Въ литературѣ польской господствовала латынь, далекая и чуждая обществу, и такимъ же чуждымъ ему было схоластическое содержаніе этой литературы. Письменность на народной польской рѣчи, въ первой половинѣ XVI в., только дѣлала первые шаги и сама сознавала свое полное убожество. Даже въ первой половинѣ XVI в. рѣчь польская считалась вульгарною, некультурною, и нѣмецкіе издатели, занимаясь изданіемъ польскихъ книгъ по коммерческимъ соображеніямъ, разсчитывая лишь на спросъ низшихъ слоевъ общества, съ удивленіемъ отмѣчали это пренебрежительное отношеніе Поляковъ къ своему родному языку. Только въ 1550-хъ гг. замѣчается на ряду съ политическимъ также и культурное движеніе въ польскомъ обществѣ. Борьба политическихъ придворныхъ партій, вліянія нѣмецкаго реформаціоннаго движенія съ одной стороны, съ другой—италіанскаго гуманизма, очагомъ котораго сталъ дворъ королевы Боны, болѣе живыя и непосредственныя связи съ Европой, вызванныя обильнымъ притокомъ западно-европейскаго золота—все это приготовило небывалое оживленіе польской жизни, шляхетской спеціально, прорвавшееся въ моментъ смерти стараго короля Сигизмунда и вступленія на

престолъ его преемника Сигизмунда-Августа, съ которымъ связывались всевозможные планы политическаго-религіознаго обновленія польской жизни.

Изъ этихъ пышныхъ надеждъ осуществилось очень мало или вовсе ничего. Политическое оживленіе не принесло политическаго обновленія, наоборотъ, — польская государственность вышла изъ него безнадежно ослабленной. Успѣхи реформаціонныхъ доктринъ были чрезвычайно непрочными, и все вообще культурное движеніе заглохло съ концомъ столѣтія, подъ ударами ультрамонтанства и реакціи, созданными въ особенности дѣятельностью іезуитовъ, совершенно подчинившихъ своимъ вліяніямъ польскія правящія сферы и общество. Но современнымъ поколѣніямъ, свидѣтелямъ этого оживленія, этого золотого вѣка польской культуры и общественности вся эфемерность этого блеска и жизни не была замѣтна такъ, какъ становится она очевидною въ перспективѣ столѣтій. Современникамъ этотъ блескъ импонировалъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ одѣтъ въ богатую оболочку внѣшней роскоши, богатства матеріальной культуры, правда—не созданной собственными средствами, купленной и совершенно механически перенесенной на чуждую ей почву шляхетскаго паразитизма, но по внѣшности блестящей, импонирующей. И можемъ себѣ представить, какое впечатлѣніе производила эта покупная роскошь, этотъ блескъ, это оживленіе шляхетской жизни, надвигавшейся изъ коренныхъ польскихъ провинцій и ополяченныхъ шляхетскихъ сферъ западной Украины въ Украину центральную и восточную, еще не задѣтую этимъ экономическимъ процессомъ. Это богатство и блескъ, хотя бы не глубокіе и преходящіе, должны были чрезвычайно поражать своимъ контрастомъ съ убогимъ консерватизмомъ украинской жизни, напрягавшей всѣ усилія, чтобы консервировать скромное наслѣдіе прошлаго. Въ особенности могущественную притягательную силу они имѣли для представителей украинской аристократіи—всѣмъ своимъ чисто шляхетскимъ, аристократическимъ складомъ, шляхетскими тенденціями, которыми была проникнута вся эта польская культура и общественность, и которыя не могли не вызывать созвучныхъ тоновъ въ аристократіи украинской.

Съ другой стороны, много значило совпаденіе этого польскаго расцвѣта съ эпохой наибольшаго упадка и разстройства украинской національной жизни. Украинская церковь — эта носительница украинской культуры, это національное украинское знамя—переживала худшія свои времена. Реформаціонная эпоха вообще была паденіемъ іерархіи, ея нравственности и дисциплины — въ поставленной въ гораздо лучшія условія польской церкви такъ же точно, какъ и въ украинской. Но польская церковь, благодаря новымъ вѣяніямъ католической реакціи, вышла изъ этого періода упадка раньше, чѣмъ украинская. Въ шестидесятыхъ-восьмидесятыхъ годахъ XVI в., она была обновлена, утверждена и горѣла огнемъ реванша, между тѣмъ, какъ православная церковь все еще оставалась въ періодѣ разстройства и упадка, подъ управленіемъ недостойныхъ лицъ, которымъ ввѣряло православныя бенефиціи польско-литовское правительство. Всѣ попытки право-

славной шляхты — получить вліяніе на замѣщеніе православныхъ іерархическихъ позицій, чтобы обезпечить ихъ отъ эксплоатаціи беззастѣнчивыхъ любителей «хлѣбовъ духовныхъ», неизмѣнно отклонялись. Такъ, напримѣръ, волынское дворянство въ 1566 году коллективно обратилось съ петиціею къ великому князю, прося его не раздавать волынскихъ бенефицій безъ рекомендаціи мѣстнаго дворянства («попольство земли Волынской»), въ виду того, что безъ этого на упомянутыя бенефиціи попадають «люди простые и неученые», расхищающіе церковныя имущества; но великій князь не принялъ этого предложенія. Напрасны были также попытки православной шляхты повліять на митрополита, чтобы онъ не давалъ посвященія королевскимъ номинатамъ, если они не соотвѣтствовали своему назначенію: митрополиты чувствовали себя слишкомъ зависимыми отъ правительства, чтобы отважиться на такое противодѣйствіе.

Эта невозможность непосредственно вліять на составъ іерархіи, на направленіе ея дѣятельности, ставила въ весьма трудное положеніе представителей украинскаго общества. Между тѣмъ, какъ весь складъ національной украинской жизни, обусловленный историческими условіями эпохи, понуждалъ украинское общество оставаться на почвѣ старыхъ традицій, тѣсно связанныхъ съ церковнымъ іерархическимъ строемъ, — въ виду зависимости церковной іерархіи отъ враждебныхъ правительственныхъ сферъ украинскому обществу приходилось изобрѣтать новыя формы религіозно-національной организаціи, независимой отъ іерархіи и даже — противъ воли послѣдней. Очевидно, что такая, такъ сн. революціонная дѣятельность въ сферѣ, гдѣ все зиждилось на консервированіи традицій, спеціально церковныхъ, представляла серьезныя затрудненія и грозила большими осложненіями. И если извѣстная часть украинскаго общества, болѣе сильная духомъ, смѣло пускается въ этотъ далекій обходный путь, то большинство его аристократіи, поставленной передъ контрастомъ блестящаго расцвѣта польской шляхетской общественности и безвыходнаго, какъ казалось, убожества украинской національной жизни, считало положеніе послѣдней слишкомъ безвыходнымъ, чтобы дальше связывать съ нею свою личную участь. Они переходили массами въ ряды польскаго общества, принимая католичество и ополячиваясь, или не разрывая сами такъ рѣзко съ національной традиціей, толкали на этотъ «пространный путь» своихъ потомковъ и наслѣдниковъ, отдавая ихъ въ польскія школы, поручая польскимъ или инымъ западноевропейскимъ воспитателямъ, воспитывая въ обстановкѣ польской культуры. И въ результатѣ тотъ подъемъ польской жизни, который мы наблюдаемъ во второй половинѣ XVI столѣтія, повлекъ за собою національную апостазію представителей украинской и бѣлорусской аристократіи, со второй четверти XVI в. развивающуюся въ ужасающихъ размѣрахъ и производящую въ національныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ кругахъ впечатлѣніе чрезвычайно сильное, какъ симптомъ полнаго національнаго разложенія, которому нужно было противостать всѣми силами, безотлагательно и рѣшительно [1]).

[1]) Подробнѣе въ V т. „Історії України“ с. 459 и сл. въ т. VI с. 391 сл. и въ книгѣ: „Культурно національний рух.“.

При такой ненадежности аристократiи въ нацiональномъ отношенiи, и ея наклонности къ переходамъ въ ряды государственной народности, попытки культурной и просвѣтительной дѣятельности, выходившiя отъ ея представителей, даже наиболѣе искренно настроенныхъ въ интересахъ нацiональнаго подъема, въ общемъ не отличались успѣхомъ и большею частью скоро глохли, не находя продолжателей. Даже наиболѣе крупный фактъ въ этой сферѣ—меценатство Константина Острожскаго, наиболѣе крупнаго представителя украинской аристократiи, организовавшаго въ своей острожской резиденцiи типографiю и школу высшаго типа, носившую громкое имя академiи, и собравшаго при ней значительный ученый кружокъ,—даже и оно, сравнительно съ тѣми средствами, какими располагалъ князь и что онъ могъ бы съ ними сдѣлать въ области нацiональной культуры, можетъ удивлять своею анемичностью и недодѣланностью. Въ виду этого гораздо важнѣе и плодотворнѣе былъ общественный подъемъ, развивающiйся среди мѣщанства.

На Украинѣ руководящая въ этомъ смыслѣ роль принадлежитъ украинскимъ мѣщанамъ крупнѣйшаго тогдашняго городского центра—Львова. Эта передовая роль ихъ приготовляется постепенно. Уже въ борьбѣ за обновленiе галицкой православной каѳедры, въ 1530-хъ годахъ, чувствуется ихъ присутствiе. Хотя на первомъ планѣ въ этомъ эпизодѣ фигурируютъ духовенство и шляхта, но за ними чувствуется настоящая реальная сила, сплотившая вокругъ себя остатки православныхъ шляхетскихъ родовъ—православная община Львова. За этимъ первымъ нацiональнымъ трiумфомъ знаменательнымъ образомъ слѣдуетъ непосредство реорганизацiя церковныхъ братствъ г. Львова, совершающаяся въ 1540-хъ гг. Эти старыя организацiи, коренящiяся еще въ отношенiяхъ родового быта, позже, связанныя съ мѣстными приходскими церквами [1]), еще позже, реорганизованныя по образцу городскихъ цеховыхъ «братствъ», представлявшихъ также религiозныя корпорацiи, въ это время получаютъ особенное значенiе, какъ форма нацiональной организацiи украинскихъ и также точно бѣлорусскихъ элементовъ. Церковная внѣшность, близость къ организацiямъ цеховымъ, даетъ легальную, корректную въ глазахъ правящихъ сферъ внѣшность для такой организацiи. Но за традицiонными братскими мѣрами, оживлявшими братскую организацiю и привлекавшими къ ней болѣе мiрскiе элементы, за братскими церемонiями, корпоративными похоронами, дѣлами милосердiя, дававшими пищу религiознымъ и нравственнымъ интересамъ членовъ,—лежалъ тотъ жизненный нервъ, которому обязана была своимъ значенiемъ и ростомъ братская организацiя. Братства связываютъ узломъ солидарности дезорганизованные украинскiе элементы, не только среди

[1]) О прошломъ братствъ см. „Iсторiю України", т. V с. 500 и сл.

мѣщанства, но и другихъ сословій, развиваютъ среди нихъ чувство солидарности, общественной и національной дисциплины, подчиняютъ ихъ дѣятельность контролю братства и въ формѣ цензуры надъ нравственностью и христіанскою жизнью сочленовъ—создаютъ нѣкотораго рода національную юрисдикцію.

На первый планъ, среди украинскихъ братствъ, выдвигается Львовское братство, при городской церкви Успенія. Новыя идеи—необходимости національной школы, научной и просвѣтительной работы, развитіе національной культуры, какъ единственнаго выхода изъ современнаго національнаго упадка, находятъ въ немъ живой откликъ. Въ 1583 г., совмѣстно съ владыкою Львовскимъ Гедеономъ Балобаномъ, Львовскіе братчики пріобрѣтаютъ типографію, оставшуюся послѣ извѣстнаго Московскаго эмигранта Ивана Федорова, или Федоровича, какъ онъ называлъ себя, въ своихъ бѣлорусско-украинскихъ скитаніяхъ; для расплаты съ кредиторами его—организуется сборъ пожертвованій по всей Украинѣ. Одновременно вырабатываются планы реорганизаціи братской церковной школы по новому—высшему типу—«учитеся письма светого грецкаго и словенскаго да не будетъ ради ихъ христіанскій аки безсловесенъ ненаученія ради».

Ставя себѣ столь высокія цѣли и обращаясь за содѣйствіемъ для ихъ осуществленія, во имя христіанскихъ идеаловъ, и своихъ земляковъ, братство считало необходимымъ реформировать свою собственную организацію. Сытые и пьяные братскіе пиры, привлекавшіе на братскіе праздники массы разношерстнаго люда, казались уже несоотвѣтствующими новымъ задачамъ братской организаціи. Братчики рѣшили ихъ отмѣнить и братскія собранія посвятить исключительно цѣлямъ религіозно-нравственнаго назиданія, а братскія средства—исключительно цѣлямъ просвѣтительнымъ и религіознымъ. Когда среди этой реформаторской дѣятельности, въ концѣ 1585 г., во Львовѣ явился антіохійскій патріархъ Іоакимъ, братчики предложили на его благоусмотрѣніе и благословеніе свои планы братской реорганизаціи. Патріархъ, находившійся подъ впечатлѣніемъ упадка церковной дисциплины и нравственности среди духовенства, который пришлось ему увидѣть въ украинскихъ земляхъ, былъ пораженъ, по контрасту, благородными, глубоко христіанскими идеями и настроеніями, которыми были проникнуты братскія школы. У него явилась мысль, что основанная на такихъ чистыхъ христіанскихъ принципахъ братская община можетъ послужить орудіемъ церковной реформы, органомъ цензуры для распущеннаго духовенства и, руководясь такими соображеніями, онъ не только одобрилъ новый планъ братскаго устройства, но и сообщилъ братству въ своей грамотѣ, выданной ему, цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ правъ и компетенцій. Реформированное львовское братство имѣло послужить центральнымъ и руководящимъ органомъ новой организаціи, которая должна была обнять украинскія земли. Братства старыхъ типовъ должны были перестать существовать, новыя могли основываться не иначе, какъ по типу львовскаго, и находиться подъ его надзоромъ и руководствомъ: такія братства должны основываться повсемѣстно, въ горо-

дахъ и селахъ, какъ мѣстные органы братской организаціи, имѣющей цѣлью нравственное и религіозное усовершенствованіе общества и церкви. Братство имѣетъ нравственный надзоръ надъ своими членами, судитъ и отлучаетъ ихъ за проступки. Черезъ свои мѣстные органы оно должно слѣдить за поведеніемъ міранъ, духовенства и самой іерархіи, обращать вниманіе на всякіе церковные непорядки и доносить о нихъ епископамъ; а если бы епископъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать братству въ его дѣятельности, сталъ противодѣйствовать ей и противиться братству—въ такомъ случаѣ братство будетъ считать его врагомъ церкви и бороться съ нимъ.

Этотъ широкій планъ, подъ церковной внѣшностью заключавшій въ себѣ весьма интересные элементы національной организаціи съ центральными органами національнаго управленія во главѣ, если бы его удалось провести хотя бы приблизительно въ такой полнотѣ, могъ бы сыграть огромную роль въ національной жизни Украины. Однако, осуществленіе его встрѣтилось съ большими препятствіями, вызвавъ на первыхъ же порахъ сильнѣйшій протестъ среди іерархіи, нашедшій сочувствіе и въ болѣе консервативно настроенныхъ верхахъ украинскаго и бѣлорусскаго общества. Распоряженіе патріарха Іоакима дѣйствительно шло въ разрѣзъ съ вѣковою каноническою практикою, съ духомъ церковной субординаціи. Константинопольскій патріархъ Іеремія, оффиціальный глава украинской церкви, однако, подтвердилъ распоряженіе патріарха Іоакима, очевидно раздѣляя его пессимистическій взглядъ на украинскую іерархію, и позже, во время своего проѣзда черезъ Украину, онъ рѣшительно сталъ на сторону братствъ въ ихъ распрѣ съ епископами. Такой рѣзкій разрывъ не принесъ добра украинской церкви; онъ послужилъ одною изъ причинъ послѣдующаго религіознаго раскола и, въ самомъ началѣ разсоривъ львовское братство съ мѣстнымъ владыкою, до сихъ поръ усердно поддерживавшимъ его культурныя начинанія, подорвалъ очень сильно эти послѣднія.

Но прежде чѣмъ опасные плоды патріаршаго дара успѣли созрѣть, львовское братство, ободренное довѣріемъ патріарховъ и высокою миссіею, вовложенною на него, съ удвоенною энергіею принялось за осуществленіе проектированной новымъ планомъ братской организаціи и его просвѣтительной програмы. Въ томъ же 1586 г. оно реорганизовало свою школу и, благодаря выдающимся преподавательскимъ силамъ, которыя послала ей судьба, школьная наука стала въ ней сравнительно высоко и подняла сразу престижъ новой школы. Типографія проявляла себя слабѣе, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для издательства средствъ, хотя въ братскихъ кругахъ не было недостатка людей съ литературнымъ образованіемъ и публицистическимъ темпераментомъ (Стефанъ и Лаврентій Зизаній, Транквіліонъ-Ставровецкій, Юрій Рогатынецъ и друг.). Братская организація новаго типа, митрополію которой составляло львовское братство, распространялось довольно успѣшно, и, подъ протекторатомъ львовскаго, являются братства въ провинціальныхъ центрахъ, какъ Перемышль, Берестье, Бѣльскъ, и въ небольшихъ мѣстечкахъ. При помощи львовской братской школы

и ея силъ, они основываютъ у себя школы, какъ филіи львовской. Руководители львовскаго братства прилагали усилія къ тому, чтобы сдѣлать эту организацію возможно прочной, и настаивали на единствѣ и монопольномъ характерѣ ея, на безапелляціонномъ характерѣ братскихъ рѣшеній, и отлученій, чтобы сообщить тѣмъ болѣе значенія и авторитета братской организаціи, какъ орудію обновленія общества и развитія его національныхъ силъ. Однако, религіозный расколъ, вызванный въ значительной степени новою братскою организаціею, создалъ скоро совершенно новыя условія и соотношеніе силъ [1]).

Унія.

Участіе патріарховъ въ вопросѣ о предѣлахъ братской юрисдикціи былъ однимъ изъ цѣлаго ряда аналогическихъ фактовъ непосредственнаго вмѣшательства патріархата въ дѣла и отношенія украинской іерархіи въ 1580—1590-хъ г., произведшаго самое непріятное впечатлѣніе среди этой послѣдней. Украинская церковь, состоя подъ властью константинопольскаго патріарха, даже и въ древнѣйшую эпоху довольно мало ощущала эту зависимость внѣ назначенія митрополитовъ, въ эпоху же литовско-польскую эта зависимость превратилась въ чисто номинальную, такъ какъ назначеніе митрополитовъ перешло къ вел. князьямъ литовскимъ и королямъ польскимъ, а участіе патріарховъ ограничилось только формальнымъ «благословеніемъ» кандидатовъ. Случаи обращенія къ патріаршей юрисдикціи были весьма рѣдки; по собственной иниціативѣ въ дѣла украинско-бѣлорусской церкви патріархи не вмѣшивались вовсе. Такъ какъ назначеніе митрополита и епископовъ всецѣло зависило отъ правительства, то зависимость епископовъ отъ митрополита также постепенно ослабѣла; фактическое управленіе церковью, внѣ сферы чисто канонической, перешло къ правительству, и поддерживая хорошія отношенія съ послѣднимъ, митрополитъ и владыки чувствовали себя полными хозяевами своихъ епархій и своего епархіальнаго управленія, каково бы оно ни было, и совершенно свыклись съ такимъ положеніемъ дѣлъ.

Между тѣмъ, начиная съ 1580-хъ гг., патріархи по дорогѣ въ Москву, куда ѣздили по приглашенію московскаго правительства и по собственной иниціативѣ, въ надеждѣ богатаго жалованья, самолично являются въ Украинскихъ земляхъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ вмѣшиваются въ дѣла и отношенія украинской церкви. Весьма слабо оріентируясь въ мѣстныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ; часто, по незнанію языка, не въ состояніи будучи даже надлежащимъ образомъ вникнуть въ тотъ или иной вопросъ, они—особенно патріархъ Іеремія, официальный глава украинской церкви—поступали чрезвычайно рѣзко и неосмотрительно. Такъ въ 1589 г., Іеремія смѣстилъ тогдашняго митрополита Онисофора Дѣвочку, какъ второбрачнаго (дважды женатаго до посвященія); независимо отъ новаго митрополита установилъ небывалую должность экзарха, съ весьма широкою

[1]) Подробнѣе въ VI т. „Історії України", с. 493—533, а также въ книгѣ: „Культурно-національний рух XVI в."

компетенціей, поручивъ ее луцкому епископу Терлецкому; самымъ рѣшительнымъ и неосмотрительнымъ образомъ вмѣшался въ распрю львовскаго братства съ мѣстнымъ епископомъ, и т. д. Весь этотъ произволъ, неосвѣдомленность и безапелляціонность не могли не произвести самого тягостного впечатлѣнія на епископовъ, а вдобавокъ еще, послѣ выѣзда патріарха, появились какіе-то подозрительные самозванцы, являвшіеся съ патріаршими грамотами, съ требованіями денегъ, съ отлученіями за непослушаніе, относительно которыхъ ужасно трудно было разобраться, гдѣ кончалась дѣйствительность и начиналась фикція.

Все это вызвало сильнѣйшее неудовольствіе среди украинской іерархіи, и у нея является мысль отдѣлаться вовсе отъ патріарховъ и присоединиться къ римской церкви. Первымъ выходитъ на этотъ путь львовскій владыка Балабанъ, чрезвычайно огорченный тѣми широкими полномочіями, какія патріархи сообщили по отношенію къ епархіальному управленію львовскимъ мѣщанамъ-братчикамъ, поставивъ его самого, епископа, подъ власть «хлоповъ простихъ—кушнерей, кожемякъ, сѣдельниковъ». Въ 1589 г., непосредственно послѣ того, какъ патріархъ Іеремія взялъ рѣшительно сторону братства, Балабанъ обратился къ мѣстному католическому архіепископу, заявляя о своемъ желаніи освободиться отъ власти патріарха и соединиться съ римскою церковью. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, уже четыре украинскихъ епископа—львовскій, луцкій, холмскій и туровскій, съѣхавшись въ Белзѣ, приняли общее рѣшеніе присоединиться къ католической церкви, подъ условіемъ, что король обезпечитъ ихъ отъ всякихъ послѣдствій патріаршихъ репрессій и гарантируетъ, вопреки послѣднимъ, пожизненное владѣніе ихъ епархіями. Въ этомъ смыслѣ они вошли въ переговоры съ королемъ, который, разумѣется, съ полной готовностью обѣщалъ взять ихъ въ оборону отъ всякихъ патріаршихъ клятвъ и смѣщеній и обѣщалъ ихъ пріобщить къ свободамъ и вольностямъ католической іерархіи. Для польско-литовскаго правительства, отложившаго уже попеченіе объ осуществленіи уніи, въ виду московской политики, такая инииціатива самихъ епископовъ въ этомъ направленія была пріятнѣйшимъ сюрпризомъ, и оно рѣшилось поддержать уніонные планы послѣднихъ со всею энергіею, тѣмъ болѣе, что удачная война Баторія съ Москвою и паденіе московскаго престижа по смерти Грознаго—ослабили опасенія московскихъ вмѣшательствъ въ дѣла православныхъ Польско-Литовскаго государства. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ къ этому заговору владыкъ примкнулъ митрополитъ и два остальные украинскіе епископа—перемышльскій и владимірскій, и въ 1594 г. они рѣшили выступить уже открыто: въ 1595 г. епископъ луцкій Терлецкій и владимірскій Потій, по порученію остальныхъ, вступили въ переговоры съ королемъ относительно условій соединенія—правъ и привилегій своей церкви, а затѣмъ, отправившись въ Римъ, предъ лицомъ папы, отъ имени всей украинско-бѣлорусской іерархіи, формально присоединились къ католической церкви. На слѣдующій годъ (1596) долженъ былъ быть созванъ соборъ, на которомъ должно было состояться торжественное провозглашеніе

*

уніи съ Римомъ. И соборъ созванъ былъ въ октябрѣ въ г. Брестѣ.

Весь планъ сохранялся въ глубокой тайнѣ, и лишь, когда упомянутые выше делегаты, Терлецкій и Потій, отправились для формальнаго осуществленія уніи, началъ открываться истинный планъ владыкъ, безъ вѣдома и участія мірянъ и низшаго духовенства, безъ вѣдома и согласія патріархата вознамѣрившихся произвести присоединеніе украинско-бѣлорусской церкви къ католической. До сихъ поръ при всякаго рода переговорахъ объ уніи, со стороны правительства или представителей католической іерархіи—украинская православная іерархія и общество стояли принципіально на томъ, что унія не можетъ быть осуществлена одною православною церковью Польско-Литовскаго государства, безъ участія патріархата, тѣмъ болѣе одними епископами. На Флорентійскомъ соборѣ въ 1439 г. митрополитъ Исидоръ приступилъ къ уніи вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ и представителями греческой іерархіи, но греческая церковь фактически уніи не приняла, а по ея слѣдамъ вышла изъ уніи и украинская. При вел. кн. Александрѣ, въ послѣднихъ годахъ XV в., литовское правительство пыталось провести унію, при помощи своей креатуры м. Іосифа, но дѣло оказалось совершенно мертворожденнымъ, потому что митрополитъ, признавъ власть папы отъ себя, съ небольшимъ кружкомъ сочувствующихъ, не рѣшился даже выступить публично съ этою уніею. И когда въ 1580—1590 гг., въ виду упадка и разстройства православной церкви, въ православныхъ кругахъ подымался вопросъ объ уніи, ее понимали не иначе, какъ при соблюденіи условій универсальности—проведенія путемъ соборнымъ, при участіи греческой церкви. Поэтому, когда стало яснымъ, что владыки рѣшили осуществить унію самовольно, безъ участія церкви, это возбудило всеобщее смятеніе и негодованіе. Константинъ Острожскій, заявлявшій ранѣе свое полное сочувствіе идеѣ соединенія церквей методомъ соборнымъ, сталъ теперь во главѣ оппозиціи, осуждавшей дѣйствія епископовъ, какъ поступокъ измѣннический и незаконный. Православная шляхта входитъ въ союзъ съ протестантами Польши и Литвы для борьбы съ ультрамонтанскою политикою правительства. Духовенство и братства развиваютъ широкую агитацію противъ епископской уніи среди населенія.

Этотъ взрывъ негодованія не остался безъ впечатлѣнія среди іерархіи, и инициаторъ уніи Балабанъ съ перемышльскимъ владыкою Копыстынскимъ отреклись отъ нея. Когда правительство созвало соборъ въ Брестѣ для публичнаго провозглашенія уніи, образовались два собора: одинъ митрополичій изъ епископовъ-уніатовъ, другой—изъ представителей духовенства и мірянъ, съ представителями греческой церкви и упомянутыми епископами львовскимъ и перемышльскимъ. Между тѣмъ, какъ первый провозгласилъ унію съ католическою церковью, второй объявилъ дѣятельность владыкъ уніатовъ преступной, ихъ самихъ лишенными сана, унію не дѣйствительной. Такъ осуществился религіозный расколъ въ украинско-бѣлорусской церкви, раздѣлившій ее на церковь православную и церковь уніатскую[1]).

[1]) Подробнѣе въ V т. „Історії України", с. 508—618.

Объявляя низложенными епископовъ-уніатовъ, православный соборъ рѣшилъ добиваться у правительства ихъ смѣщенія, и въ этомъ смыслѣ православные депутаты выступили уже на весеннемъ сеймѣ 1596 г. и съ удвоенною энергіею готовились выступить снова на ближайшемъ сеймѣ 1597 г. Но это былъ именно тотъ пунктъ, относительно котораго епископы-уніаты прежде всего потребовали гарантій отъ правительства, и послѣднее твердо стало на ихъ позиціи, утверждая, что владыки не сдѣлали ничего противозаконнаго, и осуществленная ими унія съ Римомъ вполнѣ правильна и обязательна для ихъ церкви, для духовенства и мірянъ ихъ епархій. По этимъ вопросамъ: о правосильности и обязательности заключенной епископами уніи и вообще о предѣлахъ епископской власти и значеніи соборнаго начала возникаетъ чрезвычайно оживленная, вызывавшая необычайный интересъ, литературная полемика. Самому Берестейскому собору или точнѣе соборамъ—уніатскому и православному—ихъ фактической сторонѣ и оцѣнкѣ ихъ канонической важности—былъ посвященъ, въ 1596—1604 гг., цѣлый рядъ сочиненій съ обѣихъ сторонъ, уніатской и православной, въ томъ числѣ наиболѣе выдающееся произведеніе этого періода литературной полемики «Апокризисъ Христофора Филалета», объемистый трактатъ, вышедшій изъ острожскаго кружка, или имъ вдохновленный, заключавшій въ себѣ весьма серьезный и основательный по тому времени разборъ церковныхъ вопросовъ, волновавшихъ современниковъ. Къ этому же времени относится расцвѣтъ литературной дѣятельности Ивана изъ Вышни (изъ Перемышльской земли), замѣчательнѣйшаго полемиста, отличающагося необыкновенною силою своего паѳоса, ѣдкостью ироніи и сарказма, хотя и не всегда правильно оцѣнивающаго запросы времени (онъ былъ представителемъ крайняго православнаго консерватизма, весьма недоброжелательно относившагося ко всякаго рода начинаніямъ въ направленіи, такъ сказать, модернизаціи православной жизни, даже къ новой школѣ, къ переводамъ священнаго писанія на доступную народу рѣчь, и т. под.).

Параллельно съ этимъ развивалась энергическая парламентарная борьба противъ ультрамонтанской политики правительства и оказываемой имъ поддержки уніатамъ. Такъ какъ среди высшихъ чиновъ государства, засѣдавшихъ въ верхней палатѣ (сенатѣ) православныхъ Украинцевъ почти не было, а число ихъ союзниковъ протестантовъ становилось незначительнымъ, благодаря политикѣ короля, систематически устранявшаго иновѣрцевъ отъ всякой политической роли, то эта парламентарная борьба сосредоточивалась въ нижней, «посольской палатѣ», состоявшей изъ депутатовъ шляхетскаго сословія отъ повѣтовъ и земель. Главную роль со стороны православныхъ здѣсь играли депутаты отъ Волыни,—гдѣ украинская аристократія, несмотря на все усиливающуюся наці-

ональную апостасію, была еще наиболѣе сильна,—а также депутаты брацловскіе, кіевскіе и нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ земель. Въ союзѣ съ депутатами-протестантами изъ польскихъ и литовскихъ земель, они старались воспользоваться всякимъ случаемъ для того, чтобы включить свои требованія въ проектъ сеймовыхъ конституцій, предлагавшихся палатою правительству. Сначала они добивались устраненія епископовъ-уніатовъ, затѣмъ, убѣдившись, что правительство въ этомъ вопросѣ не пойдетъ на уступки ни въ какомъ случаѣ, украинскіе парламентаристы стали добиваться отъ короля обязательства, что онъ на будущее время будетъ раздавать православныя бенефиціи только православнымъ, а не уніатамъ. Въ 1603 г. имъ удалось провести такой законопроектъ въ палатѣ, но онъ не получилъ королевскаго утвержденія: добиться этого удалось имъ только въ 1607 г., въ эпоху знаменитаго шляхетскаго «рокоша» (возстанія). Но и обязавшись на этотъ разъ раздавать на будущее время «достоинства и имѣнія греческой религіи» исключительно «людямъ шляхетской кондиціи, русской народности, настоящей греческой вѣры (mere religii greckiej), — король всетаки и позже продолжалъ раздавать православныя епархіи исключительно уніатамъ, очевидно, оправдывая свое поведеніе тѣмъ, что унія, въ его глазахъ, была «настоящею греческою вѣрою». Также непрочною оказалась и другая парламентарная побѣда, одержанная украинскими и бѣлорусскими парламентаристами въ 1609 г., когда они добились изданія закона, что процессы о нарушеніи владѣній обѣихъ сторонъ, православной и уніатской, должны разсматриваться въ общихъ трибуналахъ, состоявшихъ изъ шляхетскихъ делегатовъ: это рѣшеніе обезпечивало православнымъ сравнительно объективное отношеніе къ ихъ процессамъ. Но правительство, публикуя этотъ законъ самовольно измѣнило его текстъ, прибавивъ два слова, отдававшія упомянутые процессы духовному департаменту трибунала, т. е. смѣшанному суду, состоявшему по равному числу изъ делегатовъ трибунала и представителей католическаго духовенства.

Эта недобросовѣстность правительства лишила, такимъ образомъ, православныхъ всѣхъ результатовъ тяжелой пятнадцатилѣтней парламентарной борьбы и открывала самыя печальныя перспективы въ будущемъ. Та сила, на которую опиралась эта парламентарная борьба—православная шляхта, украинская и бѣлорусская—быстро таяла. Вышедшій въ 1610 г. «Триносъ или плачъ восточной церкви», талантливое полемическое сочиненіе Мелетія Смотрицкаго, былъ дѣйствительно надгробнымъ плачемъ православныхъ надъ православною аристократіею, безконечный рядъ представителей которой, покинувшихъ свою религію и народность, оплакиваетъ книга. Оппозиціонныя теченія среди польской шляхты, на которыхъ опирались православные, ослабѣли въ это время, увлеченныя московскою авантюрою Польши; быстро вымирали и ихъ союзники-протестанты подъ напоромъ новыхъ реакціонныхъ теченій. Борьба съ правительственною политикою становилась все болѣе затруднительною, все болѣе безнадежною въ сущности. Съ другой стороны, безъ содѣйствія шляхты—единственнаго сословія, имѣвшаго

голосъ въ политической жизни государства, трудно было вообще противостать натиску уніи, поддерживаемой правительствомъ и клерикально настроенными шляхетскими католическими кругами. Сельское духовенство, зависѣвшее весьма сильно отъ своихъ помѣщиковъ, съ ихъ правомъ патроната, находилось въ очень трудномъ положеніи, особенно тамъ, гдѣ оно оказывалось среди двухъ огней, между перешедшей въ унію іерархіей съ одной стороны, и между перешедшими въ католичество помѣщикомъ — съ другой... Безъ содѣйствія шляхты въ весьма затруднительномъ положеніи оказывались и всякія нешляхетскія начинанія, мѣщанскія братства и всѣ ихъ культурныя планы.

Положеніе православной церкви и связанной съ нею національной жизни становилось критическимъ. Впродолженіи уже пятнадцати лѣтъ огромное большинство епархій было лишено православныхъ владыкъ; на смѣну Балабану и Копыстынскому, оставшимся при православныхъ, послѣднимъ удалось провесть только одного своего епископа—Іеремію Тиссаровскаго на львовскую каѳедру, и то только благодаря тому, что онъ, давъ королю подъ присягою обязательство держаться уніи, получивъ епископство, не счелъ нужнымъ соблюдать этого вынужденнаго обѣщанія. Такъ какъ на подобныя случайности было трудно расчитывать, православнымъ приходилось со страхомъ думать о возможности остаться совершенно безъ іерархіи. Съ другой стороны, правительство, проводя уніатовъ на православныя каѳедры, принуждало православное духовенство къ повиновенію имъ, какъ своимъ законнымъ пастырямъ, игнорируя существующій расколъ, и это обстоятельство грозило самыми серьезными послѣдствіями. Такъ, въ митрополичьей епархіи, въ Вильнѣ, Гроднѣ, Новгородкѣ-Лит., многіе священники, согласившись принять унію подъ напоромъ властей, затѣмъ рѣшились возвратиться къ православію, но митр. Потій обжаловалъ ихъ дѣйствія предъ духовнымъ департаментомъ трибунала, выигралъ процессъ, и администрація при содѣйствіи войска насильно забирала спорныя церкви и передавала митрополиту-уніату.

Разохоченный этимъ успѣхомъ, Потій выслалъ своего намѣстника и въ Кіевъ, чтобы сдѣлать попытку овладѣть также и здѣшними церквями. Но тутъ ему пришлось столкнуться съ новою національною силою, подымавшеюся на смѣну вымирающей православной шляхтѣ и безсильному безъ ея помощи мѣщанству. Это было козачество, все болѣе твердою ногою становившееся въ восточной Украинѣ. Если уніатамъ, послѣ 1596 г., несмотря на переходъ въ унію кіевскаго митрополита, фактически не удалось основаться въ Кіевѣ, и здѣшнее духовенство отстояло себя отъ всякихъ уніатскихъ притязаній—это, несомнѣнно, тоже было въ весьма значительной степени дѣломъ козачества, сосѣдство котораго давало себя очень сильно чувствовать въ Кіевѣ. Теперь, когда въ Кіевѣ явился Потіевъ намѣстникъ, тогдашній «гетманъ козацкій» Григорій Тискиневичъ счелъ нужнымъ, не обинуясь, предупредить кіевскую администрацію, что на случай какихъ-либо притѣсненій православныхъ со стороны митрополичьяго намѣстника, онъ уже объявилъ войску, что разрѣшаетъ въ такомъ случаѣ «убить его, яко пса»

и гарантируетъ убившему всяческую безопасность. Это предостереженіе подѣйствовало, и Потіевъ намѣстникъ не рѣшился принимать какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій противъ кіевскаго духовенства.

Этотъ эпизодъ далъ поводъ козацкому войску выступить съ весьма интересною декларацією, гдѣ оно заявляетъ, что казаки, солидарно съ украинскою православною шляхтою, рѣшили отстаивать дѣло православной церкви и противъ всякихъ покушеній на нее со стороны враговъ «головами своими защищать». Другими словами, козаки заявляли себя представителями и защитниками украинской національной идеи, какъ она тогдашними людьми понималась. Казачество съ этимъ моментомъ входитъ формально въ исторію украинской національной жизни [1]).

Козачество — его происхожденіе.

Тѣ бытовыя явленія, которыя съ концомъ XV и затѣмъ въ XVI в. получаютъ техническое названіе «козачества», можно сказать, такъ же стары, какъ сама украинская жизнь на степномъ пограничьѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ хищныхъ и воинственныхъ кочевыхъ ордъ и степного приволья дѣвственной южной природы. Въ образѣ жизни славянскихъ поселенцевъ эпохи разселенія, эпохи Антовъ и Словенъ, во времена позднѣйшаго турецкаго натиска X—XII вв. и еще позже—въ періодъ татарскій, мы встрѣчаемся съ тѣми же повторяющимися формами удалого степного промысла со стороны пограничнаго славянскаго (спеціально украинскаго) населенія, гдѣ эксплоатація богатой степной природы, рыбные и звѣриные промыслы переплетались съ степной войной, съ борьбою съ тюркскими наѣздниками, препятствовавшими въ промыслахъ, разбивавшими ватаги степныхъ промышленниковъ, если случалось — захватить ихъ врасплохъ, и, въ свою очередь, дѣлавшимися жертвою такихъ же погромовъ и нападеній со стороны украинскихъ «уходнековъ», если послѣднимъ удавалось захватить гдѣ нибудь кочевья или разъѣзды противника съ превосходными силами, въ благопріятныхъ условіяхъ. Совершенно правы поэтому, поскольку идетъ рѣчь о бытовой сторонѣ этого явленія, изслѣдователи, искавшіе аналогіи для козачества въ явленіяхъ старой украинской жизни, хотя терминъ козачества, въ приложеніи къ этому явленію украинской жизни, въ современныхъ источникахъ начинаетъ употребляться только съ конца XV в., а какъ общественный классъ, какъ извѣстная организованная форма общественной жизни, въ какой обыкновенно мыслится козачество, подъ вліяніемъ фактовъ позднѣйшихъ, оно формируется только столѣтіе позже, въ концѣ XVI и началѣ XVII в. И такъ какъ насъ интересуетъ козачество именно какъ общественное явленіе, то для нашей цѣли совершенно доста-

[1]) Подробнѣе о борьбѣ съ уніей въ „Історії України", т. VI, с. 380—600. О парламентарной борьбѣ — спеціальная работа проф. Жуковича: „Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніей", т. I до 1609 г.

точно будетъ лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ обрисовать наростаніе козачества, какъ явленія бытового и его постепенный переходъ въ организованныя общественныя формы. [1])

Козакъ—тюркское слово, существующее въ разныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ, въ значеніи вольнаго добычника или разбойника, легковооруженнаго воина, въ нашихъ источникахъ появляется впервые въ устахъ Половцевъ, въ записи половецкихъ словъ 1303 г., гдѣ оно означаетъ передовую стражу войска. Во второй половинѣ XV в. этимъ словомъ обозначали степныхъ добычниковъ, татарскихъ, а также и славянскихъ. Первыя документальныя извѣстія, гдѣ это имя прилагается къ славянскимъ, спеціально украинскимъ добычникамъ, имѣемъ въ 1490-хъ гг. Этимъ именемъ обозначаются степные промышленники, такъ называемые уходники, промышлявшіе рыбной ловлей и охотой въ опустѣвшихъ послѣ татарскихъ опустошеній XV в. пространствахъ средняго и нижняго Днѣпра, и при оказіи занимавшіеся и степной войной съ Татарами, скитавшимися въ тѣхъ же степяхъ; а такъ какъ оба эти вида степного промысла были почти неотдѣлимы, то въ этой двойной роли — степныхъ промышленниковъ, рыболововъ и добычниковъ-воиновъ, выступаютъ козаки въ древнѣйшихъ, имѣющихся извѣстіяхъ (1492 и 1499 г.). Занимались этимъ степнымъ промысломъ, прежде всего, мѣстные люди, изъ разныхъ общественныхъ категорій, и прихожіе изъ сосѣднихъ полѣсскихъ мѣстностей и дальнихъ областей. Какъ было упомянуто, послѣ страшныхъ опустошеній, произведенныхъ Менгли-гиреемъ въ 1480 и 1490 г.г. и послѣдующихъ татарскихъ набѣговъ, надолго, на весь XVI вѣкъ, ставшихъ хроническимъ явленіемъ для всей юго-восточной Украины, послѣдняя, внѣ линіи лѣса, превратилась почти въ совершенную пустыню; скудное населеніе ютилось подъ защитой немногихъ замковъ (Браславъ, Житоміръ, Кіевъ, Остеръ, Каневъ, Черкасы), не рѣшаясь вести хозяйства по селамъ и только въ ближайшемъ сосѣдствѣ замковъ занимаясь хлѣбопашествомъ. Большинство предпочитало уходничество, степные промыслы, на которые выходили съ весною и оставались въ степныхъ «уходахъ» до глубокой осени, когда возвращались на зиму во свояси. Привольная, хотя и полная лишенія и опасностей жизнь, въ постоянной тревогѣ, въ виду татарскихъ нападеній, находила своихъ любителей, приходившихъ сюда изъ далекихъ мѣстностей; другіе же оставались постоянно въ поднѣпровскихъ замкахъ, занимаясь изъ году въ годъ степными промыслами и даже зимуя въ степяхъ, на уходахъ, чтобы не подвергаться стѣснительнымъ поборамъ, взимавшимся замковой администраціей съ уходниковъ при ихъ возвращеніи изъ уходовъ съ добычей.

Эти поднѣпровскіе промышленники, болѣе или менѣе постоянно отдававшіеся степному «козачеству», какъ назывались эти степные промыслы, соединенные съ партизанскою войною и разбоемъ, составили первый зародышъ позднѣйшаго козацкаго сословія, но въ XVI в., даже въ половинѣ его, они еще очень немногочисленны, не превосходятъ нѣсколькихъ сотенъ, хотя и дѣлаютъ много шуму своими

[1]) Подробнѣе см. въ VII т. «Исторіи Украины», гл. 1—3, на русскомъ языкѣ: „Исторія украинскаго казачества“, I, 1913.

стычками съ Татарами и Турками, переходившими нерѣдко въ настоящія военныя экспедиціи, подъ предводительствомъ своихъ вождей или представителей мѣстной администраціи.

Эти послѣдніе, извлекая изъ козацкихъ промысловъ доходъ, въ видѣ значительной доли добычи - военной или промышленной,—все равно,—являлись нерѣдко и непосредственными участниками козацкихъ военныхъ экскурсій, посылая съ ними своихъ людей, или вербуя ихъ въ разныя военныя предпріятія. Постоянныя татарскія нападенія, вѣроломныя, коварныя, вызывали жажду реванша, и, за недостаткомъ другихъ военныхъ силъ, мѣстная администрація и разные пограничники изъ мѣстнаго землячества-шляхты пользуются козаками, какъ для обороны отъ Татаръ, такъ и для агрессивной борьбы съ ними. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли громкую извѣстность такими «козацкими походами» и даже перешли въ позднѣйшую традицію въ незаслуженной роли спеціальныхъ вождей и организаторовъ козачества (какъ староста каневскій и черкасскій Остафій Дашковичъ, хмельницкій староста Предславъ Лянцкоронскій и др.).

Подъ вліяніемъ такихъ походовъ, практиковавшихся мѣстными державцами, начиная съ конца XV в., рано возникаетъ мысль объ организаціи изъ козаковъ постоянной милиціи на правительственномъ содержаніи, которая бы составляла пограничную стражу противъ татарскихъ набѣговъ; уже въ 1520-хъ гг. такой проектъ является въ литовскихъ правительственныхъ кругахъ, но инициативѣ, вѣроятно представителей мѣстной украинской администраціи: проектировалось взять такимъ образомъ въ правительственную службу тысячу или двѣ козаковъ и организовать изъ нихъ постоянные гарнизоны у татарскихъ переправъ на нижнемъ Днѣпрѣ. Но мысль эта не была осуществлена, правительство не нашло для этого необходимыхъ средствъ, и козацкая партизанская война продолжаетъ развиваться безпорядочно и стихійно, по капризу козацкихъ вождей и воинственныхъ представителей мѣстной аристократіи и администраціи, сдѣлавшихъ эту партизанскую войну своего рода спортомъ. Наконецъ, повторявшіяся и все усиливавшіяся жалобы на эти козацкія нападенія ханскаго и султанскаго двора, ставившихъ ихъ прекращеніе непремѣннымъ условіемъ поддержанія дружественныхъ отношеній, иначе грозившихъ рѣшительной войной,—заставили литовско-польское правительство снова подойти къ козацкому вопросу, хотя уже съ другой стороны, именно — обузданія козаковъ во чтобы то ни стало. Съ этою цѣлью въ 1541 г. в. князь разосылаетъ циркуляръ къ пограничнымъ старостамъ, упрекая ихъ въ потачкѣ козакамъ и участіи въ ихъ добычничествѣ и грозя самыми суровыми карами за это на будущее время. Одновременно оповѣщаетъ ихъ о высылкѣ своего дворянина, который, совмѣстно съ пограничной администраціей, долженъ былъ произвести регистрацію козаковъ по замкамъ для того, чтобы впредь извѣстно было, изъ чьего староства нападеніе вышло, и кто за него долженъ отвѣчать. Однако, такъ поставленная задача неминуемо должна была окончиться неудачею, такъ какъ администрація не имѣла никакого желанія давать улики противъ себя, да и самая регистрація была почти неосуще-

ствима, въ виду того, что козачество, какъ извѣстный общественный классъ только что зарождался,—пока это было еще занятіе, которому отдавались представители разныхъ сословій, а не опредѣленный родъ жизни, тѣмъ менѣе общественный классъ. Какъ можно было ожидать, новая мѣра правительства осталась совершенно безрезультатной [1]).

Организація козачества во второй половинѣ XVI вѣка.

Въ эту пограничную борьбу, въ козакованье стихійное и безпорядочное, внесла много новаго содержанія короткая, но произведшая большое впечатлѣніе дѣятельность кн. Димитрія Вишневецкаго, воспѣтаго въ народной поэзіи, подъ именемъ Байды. Заслоненный въ позднѣйшей козацкой традиціи другими представителями тогдашняго козакованья, онъ имѣетъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ они, на роль организатора козачества и до нѣкоторой степени духовнаго отца позднѣйшей козацкой идеологіи. Представитель пограничнаго магнатства, отдававшагося въ половинѣ XVI в. козацкому спорту, онъ не ограничивается его обычными для того времени формами. Въ началѣ 1550-хъ годовъ онъ рѣшается осуществить идею, издавна занимавшую представителей этого козакованья: на нижнемъ Днѣпрѣ, невдалекѣ отъ татарскихъ переправъ, на границахъ турецко-татарскихъ, онъ строитъ крѣпкій замокъ, пониже пороговъ, на о. Хортицѣ, какъ передовой постъ противъ Крыма, собираетъ вокругъ себя козаковъ и, опираясь на в. кн. Литовское и Московское, пытаясь войти въ дружественныя отношенія съ султанскимъ дворомъ, пробуетъ противопоставить козацкую организацію военной энергіи Крыма. Планъ этотъ не удался, такъ какъ литовское правительство, потерявшее всякую энергію борьбы, предпочитало покупать невѣрный миръ Крыма (нисколько не гарантировавшій отъ крымскихъ опустошеній), а политическое соперничество в. кн. Московскаго съ Литовскимъ въ пограничныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ, препятствовало совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Крыма, который они напускали одинъ на другого, поддерживая своими «упоминками». Вишневецкій трагически скончилъ свою жизнь въ походѣ въ Молдавію (1563), но его идеи не остались безъ вліянія на развитіе козачества. Очевидно преемство между его Хортицкимъ замкомъ и козацкою «Сѣчею», появляющеюся на сосѣднихъ островахъ непосредственно за замкомъ (извѣстія о ней имѣемъ отъ 1580 гг., но она существовала уже, очевидно, задолго до того). Она становится центромъ и очагомъ новой козацкой организаціи, слагавшейся здѣсь въ степяхъ, внѣ предѣловъ старостинскаго контроля и вмѣшательствъ, къ которымъ привыкли поднѣпровскіе замки. Съ другой стороны, есть несомнѣнное преемство

---

[1]) Подробнѣе „Історія України", VII т. гл. 1—2, также „Исторія украинскаго козачества" I. 1912 г.

между смѣлыми планами Вишневецкаго и позднѣйшею политикою козацкихъ вождей: въ менѣе громкихъ и эффектныхъ формахъ, они ведутъ ту же линію, опираясь на сосѣднія государства и пользуясь ихъ помощью для развитія козацкихъ силъ и борьбы съ Крымомъ. Кругозоръ козачества расширяется, престижъ его подымается; изъ мелкаго сравнительно добычничества оно выростаетъ въ замѣтную политическую силу. Съ другой стороны, польское правительство, присоединившее какъ разъ въ это время восточную Украину къ Польшѣ, своими мѣрами организаціи казачества содѣйствуетъ формированію его въ общественный классъ, въ полупривилегированное сословіе.

Первый опытъ въ этомъ направленіи имѣлъ мѣсто непосредственно послѣ присоединенія, когда Сигизмундъ-Августъ, желая удержать козаковъ отъ нападеній на Татаръ и Турокъ и положить конецъ жалобамъ послѣднихъ, вернулся къ плану своего отца и поручилъ коронному гетману (начальнику военныхъ силъ Польши) взять на службу государству извѣстное число козаковъ и одновременно упорядочить вообще козацкія отношенія. Исполняя это порученіе, коронный гетманъ Язловецкій организовалъ изъ козаковъ небольшой отрядъ (300 человѣкъ), получавшій содержаніе отъ казны и находившійся въ распоряженіи правительства, и установилъ должность «старшаго и судіи» козацкаго, который долженъ былъ имѣть надзоръ надъ всѣмъ козачествомъ (состоявшимъ и несостоявшимъ въ правительственной службѣ), чинить надъ нимъ судъ и расправу, взамѣнъ чего всѣ козаки были изъяты изъ власти и юрисдикціи всѣхъ другихъ органовъ администраціи (1570). Это была чрезвычайно важная мѣра. Не достигнувъ своей непосредственной цѣли — прекращенія козацкихъ нападеній (принятіе небольшой части козачества на казенную службу не могло положить предѣла козацкому добычничеству, и оно продолжалось и позже), эта первая реформа козачества полагала начало формированію козачества, какъ особаго полупривилегированнаго сословія. Въ этомъ смыслѣ она была даже гораздо важнѣе позднѣйшихъ реформъ Баторія, хотя именно послѣднимъ въ позднѣйшей козацкой традиціи приписано было чрезвычайное (преувеличенное) значеніе. Послѣ того, какъ организованный Язловецкимъ козацкій отрядъ расползся въ безкоролевья, послѣдовавшія за смертью Сигизмунда-Августа († 1572), и со стороны Крыма и Турціи начались новыя жалобы на козацкія нападенія и совѣты — взять козаковъ на правительственную службу, новый король Стефанъ Баторій только возобновилъ мѣры Сигизмунда-Августа, поручивъ въ 1578 г. набрать на правительственную службу козацкій полкъ (500 человѣкъ), который долженъ былъ находиться подъ командою особаго, назначеннаго правительствомъ начальника (въ обиходѣ называвшагося громкимъ титуломъ гетмана). Этотъ полкъ принималъ участіе въ войнѣ съ Москвою и послѣ окончанія ея былъ распущенъ; но возобновленіе турецкихъ и татарскихъ жалобъ на козацкія своевольства понудило короля произвести новый наборъ въ 1583 г., и тогда былъ составленъ новый козацкій полкъ изъ 600 человѣкъ. Вмѣстѣ съ этими наборами бы-

ли возобновлены распоряженія, освобождавшія козаковъ вообще отъ юрисдикціи и власти старостъ и прочей администраціи и ихъ поборовъ. Для раненыхъ и неспособныхъ къ военному ремеслу козаковъ предоставлено урочище Трехтемировъ съ древнимъ Зарубскимъ монастыремъ, превратившееся въ оффиціальную козацкую резиденцію, и пр.

Всѣ эти мѣры, поддержанныя позднѣйшими правительственными распоряженіями 1590 г., имѣли большое значеніе въ процессѣ формированія козацкаго сословія, на почвѣ козацкаго иммунитета. Хотя правительство свои привилегіи предназначало, главнымъ образомъ, для козачества, служившаго на государственной службѣ: для «низовыхъ козаковъ, въ особенности тѣхъ, которые получаютъ отъ насъ плату, а проживаютъ въ городахъ, мѣстечкахъ и другихъ мѣстахъ», какъ выражается недавно открытая грамота Баторія, изданная въ защиту козаковъ отъ старостинскихъ претензій и притѣсненій (1582), — но изъ полицейскихъ соображеній власть и юрисдикцію козацкихъ старшинъ, назначаемыхъ для поддержанія порядка между козаками, правительство распространяетъ на все козачество, а тѣмъ самымъ логически оно все освобождается отъ власти и юрисдикціи всѣхъ другихъ органовъ администраціи. Съ другой стороны, такъ какъ правительство, по недостатку средствъ, содержало на своемъ жалованьи только небольшіе отряды, но въ случаѣ надобности само или чрезъ своихъ мѣстныхъ представителей привлекало на военныя нужды государства и кадры козачества неслужилаго, не состоявшаго на государственномъ жалованьи и назначаемые имъ вожди должны были быть начальниками всего козачества, то въ результатѣ въ козацкихъ кругахъ создается и старательно поддерживается, въ козацкихъ интересахъ, идея, что не только состоящая на жалованіи часть козачества, но всѣ козаки вообще служатъ государству и какъ военнослужилое сословіе, должны пользоваться правами и привилегіями, предоставляемыми правительствомъ собственно козачеству, состоявшему на государственной службѣ. Всѣ козаки, независимо отъ своего мѣстожительства, должны быть свободны отъ всякихъ поборовъ и податей; всякій, кто берется за военное ремесло козака и принимаетъ козацкое званіе, подчиняясь власти и суду козацкой старшины (не правительственныхъ старшинъ, которыхъ козачество игнорируетъ во всемъ внутреннемъ укладѣ, а собственныхъ выборныхъ властей), — тѣмъ самымъ уже, независимо отъ того, вписанъ-ли онъ въ правительственный реестръ, пользуется свободою и привилегіями козацкими, выходя изъ всякой иной власти и зависимости — правительственной-ли администраціи, городского магистрата, или помѣщичьей власти. Онъ членъ рыцарскаго сословія, аналогическаго съ шляхетскимъ, который пользуется своими привилегіями за свою службу государству — поэтому къ привиллегированному положенію шляхты козаки приравниваютъ и свою вольницу [1]).

[1]) Подробнѣе въ т. VII „Історіі України", с. 114—170. („Исторія укр. козачества" I, гл. 2 и 3).

Указанная постановка вопроса—идея козачества, создающаяся въ козацкихъ кругахъ и среди украинскаго населенія въ концѣ XVI в., подъ вліяніемъ всей его предшествующей эволюціи и въ особенности послѣднихъ правительственныхъ мѣръ, предпринятыхъ для организаціи козачества—сообщили козачеству совершенно новую, спеціальную цѣнность и дѣлали принадлежность къ нему желательнымъ для всѣхъ, кто хотѣлъ уйти изъ стѣснительныхъ рамокъ современнаго польскаго режима. А это была именно эпоха, когда развитіе панщиннаго хозяйства и безземелья крестьянъ въ сѣверо-западной Украинѣ погнало огромныя массы украинскаго населенія на востокъ, чтобы избавиться отъ этихъ невыносимыхъ условій и устроиться независимо отъ помѣщичьихъ притязаній. Побѣги совершались этапами, въ сосѣдніе районы съ болѣе слабымъ развитіемъ помѣщичьяго хозяйства и помѣщичьими претензіями, въ общемъ представлявшими убывающую прогрессію въ направленіи отъ сѣверо-западныхъ мѣстностей, захваченныхъ вполнѣ сельско-хозяйственнымъ производствомъ на вывозъ,—къ югу-западу, едва затронутому, или вовсе не затронутому этими вліяніями вывоза. Но въ концѣ-концовъ, встрѣчаясь и на новыхъ обиталищахъ съ помѣщичьею властью и помѣщичьими претензіями, хотя и болѣе легкими, переселенцы, разъ снявшись съ мѣста, чтобы искать «безпанскихъ» земель, неудержимо стремились далѣе на юго-востокъ, въ «пустыни» средняго сѣверо-восточнаго Побожья, Средняго Днѣпра и Заднѣпровья, во второй половинѣ лишенныя почти совершенно всякаго осѣдлаго земледѣльческаго населенія, дѣйствительно пустынныя и, какъ казалось — лишенныя хозяина. Пренебрегая опасностью, съ которыми была сопряжена жизнь въ этихъ пространствахъ, подверженныхъ постояннымъ татарскимъ нападеніямъ, лишенныхъ почти всякой охраны и опеки администраціи, эти поселенцы быстро заселяютъ привольныя, одичавшія въ продолженіе послѣдняго столѣтія, плодородныя пространства; однако они скоро убѣждаются, что ихъ мечты отыскать землю, свободную отъ пана и помѣщичьихъ претензій, оказываются и здѣсь напрасными.

Симптомы движенія народнаго переселенія были замѣчены и учтены въ шляхетскихъ кругахъ, особенно магнатами изъ сосѣднихъ земель, занимавшими разныя болѣе или менѣе важныя должности въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, или на самомъ пограничьи и, идя по слѣдамъ первыхъ этаповъ новаго переселенія или даже забѣгая имъ впередъ, они наперерывъ начинаютъ пріобрѣтать, невсегда безпринудительно, владѣльческія права на здѣшнія «пустыни» отъ ихъ прежнихъ, номинальныхъ владѣльцевъ, или выпрашивать у короля и сейма пожалованія этихъ пустынь, не представляющихъ никакихъ интересовъ для государства. За волынскими магнатами, первыми вступающими на этотъ путь, послѣ 1569 года отворившаго въ новоприсоединенныя провинціи свободный до-

ступъ обывателямъ Польши, слѣдуютъ эти послѣдніе (до 1569 года они не имѣли права занимать должностей, ни пріобрѣтать имѣній въ здѣшнихъ земляхъ, какъ принадлежавшихъ къ вел. кн. Литовскому). Начинается, своего рода, ажіотажъ крупнаго землевладѣнія. Разные представители чиновной іерархіи Польши—гетманы, воеводы, старосты, вооруженные личными средствами и правительственными полномочіями, наперерывъ расхватываютъ здѣшнія земли, вытѣсняя мелкихъ и маломощныхъ владѣльцевъ, и создаютъ къ началу XVII в. систему огромныхъ латифундій, дѣлавшихъ восточную Украину классическою областью крупнаго землевладѣнія и нераздѣльнаго магнатскаго господства, такъ какъ и нерозданныя коронныя земли, составивъ такъ называемыя староства, раздавались въ пожизненное держаніе большею частью представителямъ того же тѣснаго кружка магнатовъ, которымъ принадлежали частныя латифундіи — Острожскихъ, Вишневецкихъ (владѣльцевъ огромной Лубенщины и наслѣдственныхъ старостъ каневскихъ и черкасскихъ), Жолкѣвскихъ - Даниловичей, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и др. «королевятъ», какъ ихъ называлъ Хмельницкій, — всевластныхъ магнатовъ, не знавшихъ въ этой далекой и почти лишенной всякой государственной организаціи провинціи никакого контроля и власти надъ собою [1].

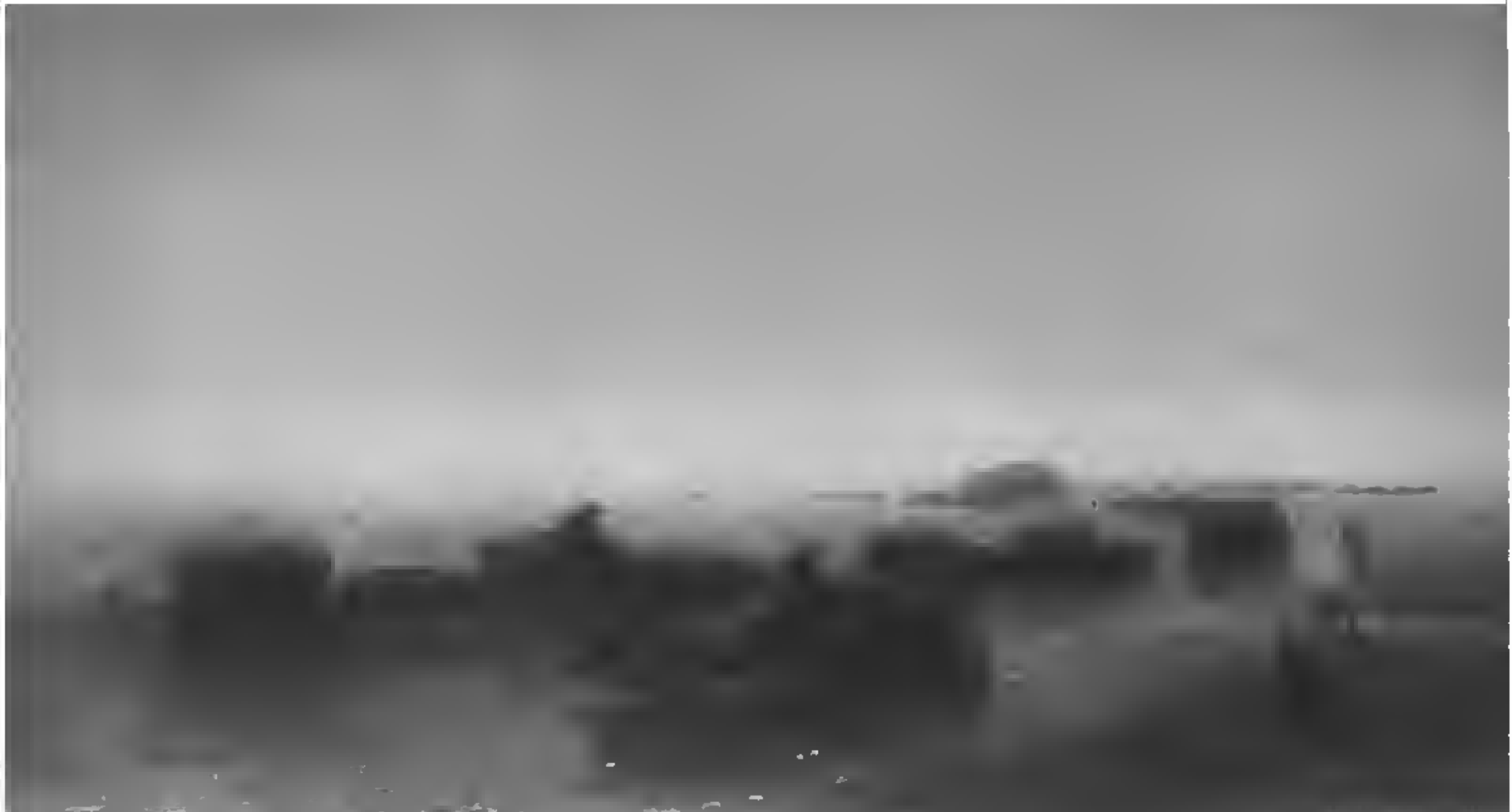
Поселенцы, уходившіе сюда «на край крещеного світа», нѣсколько обжившись въ треножныхъ условіяхъ здѣшней жизни, съ ужасомъ начали замѣчать, что ихъ мечта—освободиться отъ панской власти, обманула ихъ и здѣсь; и тутъ, внѣ условій польской государственной жизни, они оказывались все-таки польскими подданными, видѣли предъ собою разную польскую дворню, и если пользовались свободою отъ даней и повинностей, то только до истеченія болѣе или менѣе продолжительнаго срока «слободы», послѣ котораго ихъ ожидали разныя обязанности. Панскія претензіи здѣсь, конечно, были очень скромны сравнительно съ тѣмъ панщиннымъ ярмомъ, какое тяготѣло надъ крестьяниномъ западно-украинскихъ и польскихъ земель: о фольварковомъ хозяйствѣ, особенно интенсивномъ, предназначеннымъ для вывоза, здѣсь не было еще и рѣчи; доходными статьями служили лѣса, истребляемые для изготовленія поташа, рыбныя ловли, затѣмъ мельничная и водочная монополія, заводившаяся на первыхъ же порахъ въ панскихъ имѣ-

[1]) Восточная Украина не знала даже такой слабой и анемичной административной организаціи, какая существовала въ другихъ провинціяхъ Польши. Для огромнаго пространства, охватывавшаго оба побережья Днѣпра, отъ верховьевъ Роси до московской границы, и послужившаго ареною развитія позднѣйшихъ козацкихъ движеній, былъ собственно одинъ только административный представитель государственной власти—воевода кіевскій, совмѣщавшій въ своихъ рукахъ также функціи „судового старосты“ для всей этой территоріи. Остальныя здѣшнія „староства“ были „не судовыя“—простыя „державы“, т. е. государственныя имѣнія, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе и эксплоатацію разнымъ магнатамъ, разсматривавшимъ ихъ, какъ всѣ такія „державы“, просто какъ доходную статью, и эксплоатировавшимъ ихъ при посредствѣ своихъ прикащиковъ и слугъ. Обстоятельство очень важное для пониманія мѣстныхъ отношеній.

ніяхъ и державахъ и обыкновенно сдававшаяся въ аренду «орендарямъ» (большею частью Евреямъ), доходъ съ проѣзжихъ дорогъ, мостовъ и гостей, и т. под. Крестьяне очень часто не облагались на первыхъ порахъ никакими повинностями, затѣмъ вводились поборы со скота, пасѣкъ, и т. под.; но въ дальнѣйшей перспективѣ фольварочное хозяйство являлось руководящею цѣлью помѣщичьяго хозяйства, и это такъ же ясно было крестьянамъ, въ своихъ странствованіяхъ имѣющихъ возможность наглядно изучить этапы этого хозяйства, какъ и представителямъ самаго помѣщичьяго класса [1]). Съ тревогой и негодованіемъ встрѣчали они каждый симптомъ помѣщичьей власти и жадно ловили всякую возможность отъ нея избавиться.

Можно поэтому представить, какое впечатлѣніе въ этихъ условіяхъ должна была производить эта новая точка зрѣнія на козачество, какъ общественную форму, гарантирующую отъ панскихъ и всякихъ другихъ претензій польскаго режима. Достаточно вступить въ козацкое званіе, признать надъ собою власть козацкой старшины,—и бывшій панскій или старостинскій подданный становился вольнымъ человѣкомъ, неприкосновеннымъ для притязаній всякихъ иныхъ властей, кромѣ козацкихъ. Какъ передъ тѣмъ даже лица, занимавшіяся козацкимъ ремесломъ, имѣли всѣ причины не особенно выставлять свое козачество, чтобы въ лихую годину не навлечь на себя отвѣтственности за старость, отъ перспективы крѣпостной зависимости и панщиннаго ярма въ будущемъ. Все равно, колонизаціонныя условія были таковы, что принуждали всякаго поселенца жить на военной ногѣ; полевыя работы происходили подъ охраною пикетовъ, и занятые на нихъ крестьяне держали подъ рукою оружіе, устраивали засѣки или блокгаузы, чтобы укрыться на случай нападенія. Вооруженная оборона была неизбѣжнымъ элементомъ здѣшняго быта. Подчиненіе выборной козацкой старшинѣ, устранившей отъ дѣйствительнаго управленія правительственныхъ комиссаровъ и близкой населенію всѣми сторонами своихъ интересовъ, было во всякомъ случаѣ гораздо предпочтительнѣе власти помѣщичьихъ или старостинскихъ приказчиковъ. Военные интересы козачества неразрывно связаны были съ интересами обороны и безопасности края, охранявшагося почти исключительно козацкимъ же войскомъ. Все это поясняетъ намъ, почему въ концѣ XVI в. замѣчается такой массовый и территоріальный ростъ козачества. Кадры его чрезвычайно увеличиваются, оно не скрывается въ степяхъ отъ стѣснительной руки администраціи, а двигается смѣло «на волость» (такъ называлась территорія какія-либо козацкія своевольства, и потому при всѣхъ размахахъ военной козацкой энергіи чисто козацкое населеніе поднѣпровскихъ замковъ едва насчитываетъ нѣсколько сотенъ,—такъ теперь, наоборотъ, для людей, даже вовсе не воинственно настроенныхъ, желавшихъ лишь спокойно отдаваться осѣдлому земледѣльческому хозяйству, стало выгодно вступать въ составъ козацкаго войска, чтобы гарантировать себя отъ притязаній помѣщиковъ и

[1]) Подробнѣе см. въ „Історії України", т. V, гл. 3, т. VI, гл. 2 и 3, также статью: „Господарство польського магната на Задніпровю в десятиліте перед повстанием Хмельницького" в т. Кіевскихъ „Записокъ".



осѣдлаго поселенія, находившаяся въ управленіи администраціи, въ противоположность степямъ, оставшимся внѣ предѣловъ досягаемости), основывается здѣсь, создаетъ прочные опорные пункты, диктуетъ свои условія мѣстной администраціи и магнатству, собираетъ контрибуціи на нужды войска, и т. под. Отсутствіе современныхъ статистическихъ данныхъ лишаетъ насъ возможности слѣдить за этимъ процессомъ детально; но когда мы получаемъ переписи коронныхъ имѣній отъ второго и третьяго десятилѣтія XVII в., онѣ открываютъ намъ интересную картину, уясняющую намъ происшедшій на переломѣ столѣтій процессъ превращенія козачества изъ сравнительно немногочисленной воинственной пограничной вольницы въ огромную массу осѣдлаго хозяйственнаго населенія, доминирующаго въ юго-восточной Украинѣ. Предъ нами вереницы городовъ, мѣстечекъ, селъ, хуторовъ новаго заселенія, входящихъ въ составъ «старостствъ», но въ нихъ преобладаетъ «непослушное» поселеніе, т. е. не признающее надъ собою власти старостинской администраціи, отказывающееся отбывать какія бы то ни было повинности, платить какіе-либо взносы [1]). Это «непослушные» мѣщане, крестьяне-козаки, окозачившееся ново-осѣдлое поселеніе, вписавшееся въ козачье званіе, чтобы избѣгнуть даже и тѣхъ весьма скромныхъ притязаній, какія ставила, въ виду такихъ щекотливыхъ условій, старостинская администрація къ «послушному» поселенію. Огромное большинство этого населенія, двинувшаго сюда, чтобы избѣжать крѣпостной зависимости сѣверо-западной Украины, не хотѣла никакой зависимости отъ «пана», ни трудной, ни легкой и «писалось въ козаки», говоря позднѣйшимъ терминомъ.

Первыя козацкія войны съ Польшею и возстановленіе козацкихъ вольностей.

Этотъ новый соціальный характеръ, принятый козачествомъ, дѣлалъ его очень опаснымъ врагомъ колонизаціонныхъ и экономическихъ плановъ пограничныхъ помѣщиковъ и державцевъ и поднималъ противъ него всю ту могущественную касту магнатовъ, которая формировалась въ это время на Украинѣ, подчиняя своимъ вліяніямъ политическую жизнь Польши. Козачество становилось противоположнымъ полюсомъ шляхетскаго режима Польши, и это непримиримое противорѣчіе между нимъ и шляхетскимъ складомъ польской жизни, одностороннe усвоеннымъ послѣдней, должно было привести неминуемо къ борьбѣ на жизнь и на смерть между нимъ и всевластною шляхтою. Однако, первый конфликтъ наступилъ прежде, чѣмъ это противорѣчіе вполнѣ выяснилось, прежде чѣмъ соціальный характеръ

[1]) Вотъ, напр., нѣсколько цифръ изъ люстрацій коронныхъ имѣній 1616 г.: въ Каневѣ мѣщанскихъ домовъ послушныхъ 160, непослушныхъ козацкихъ 1346, „селъ, принадлежащихъ къ староству, нѣтъ, только хутора, большинство которыхъ заняли козаки“. Въ Корсунѣ послушныхъ домовъ 200, козацкихъ 1300. Въ Чигиринѣ послушныхъ домовъ 50, козацкихъ 500. Въ Переяславѣ послушныхъ домовъ 306, козацкихъ 700, и т. п.

Подробнѣе „въ Історії України“, т. VII, гл. 5—„Исторія украинскаго козачества“, т. I.

козачества сложился вполнѣ опредѣленно. Его вызвали рѣзкіе эксцессы козачества, въ которыхъ проявилась настоящая военная энергія козачества, почувствовавшая свою силу и безнаказанность, проявилась стихійно и безпорядочно, безъ опредѣленнаго плана и идеи, съ началомъ 1590-хъ г. Поэтому эти первыя войны не представляютъ сами по себѣ особеннаго интереса, и достаточно будетъ вкратцѣ остановиться на нихъ.

Уже съ половины 1580 гг., послѣ упомянутыхъ организаціонныхъ попытокъ Баторія, подъ шумъ борьбы польскихъ партій по его смерти, одновременно учащаются козацкіе походы въ Крымъ, въ турецкія владѣнія на Черноморскомъ побережьи и въ Молдавію, не перестававшую со времени неудачнаго похода Вишневецкаго привлекать козаковъ своими усобицами; въ то же время мы видимъ мелкую войну «на волости» въ смежныхъ съ казацкими поселеніями мѣстностяхъ Кіевскаго и Браславскаго воеводства. Угрозы и жалобы Турокъ и Татаръ, ультиматумъ, поставленный турецкимъ правительствомъ, — заставляютъ польское правительство еще разъ прибѣгнуть къ организаціоннымъ мѣрамъ, на этотъ разъ въ большихъ размѣрахъ; три тысячи козаковъ принято на правительственную службу — хотя на очень короткое время (когда опасность войны съ Турками прошла, оставлена только одна тысяча), а наиболѣе выдающимся вождямъ козачества, чтобы расположить ихъ къ правительству, розданы имѣнія. Все это, впрочемъ, было очень эфемерно: взятымъ на службу козакамъ жалованье не платилось, а имѣніе, пожалованное тогдашнему «гетману» козацкому — Криштофу Косинскому — захватила администрація сосѣдняго Бѣлоцерковскаго староства, принадлежавшаго Янушу Острожскому, и изъ-за этого, въ концѣ 1581 г., возгорѣлась война между козацкимъ войскомъ и Острожскими и поддерживавшими ихъ магнатами. Польскіе гетманы смотрѣли на нее сквозь пальцы, занятые турецкими и молдавскими дѣлами, притомъ не имѣя желанія выручать нелюбимыхъ при дворѣ и въ польскихъ кругахъ Острожскихъ. Козаки хозяйничали впродолженіе цѣлаго 1592 г. въ Кіевскомъ воеводствѣ и прилегающихъ частяхъ Волыни, пока Острожскимъ не удалось ихъ разбить въ началѣ 1593 г. Козаки капитулировали, обѣщавъ смѣстить Косинскаго и не трогать имѣній Острожскихъ и ихъ союзниковъ. Отступивъ на Низъ, Косинскій собралъ новыя силы и приступилъ къ Черкассамъ, намѣреваясь свести счеты съ мѣстнымъ старостою кн. Алекс. Вишневецкимъ, однимъ изъ союзниковъ Острожскихъ, но былъ вѣроломно убитъ. Козаки были очень раздражены этимъ, и отступивъ, вслѣдъ за тѣмъ съ новыми силами двинулись на Вишневецкаго. Послѣдній, не имѣя поддержки со стороны правительства, принужденъ былъ войти съ козаками въ соглашеніе, гарантировавъ имъ, вопреки всѣмъ сеймовымъ постановленіямъ, свободное сообщеніе черезъ свои староства по Днѣпру. Послѣ того козаки приступили къ Кіеву, овладѣли имъ, взяли окупъ за прежнія обиды и, кромѣ того, какія то обязательства съ мѣстныхъ властей. Послѣ этого Поднѣпровье было совершенно въ козацкихъ рукахъ. Съ другой стороны, козацкія дружины подъ предводительствомъ Наливайка, овладѣваютъ Браславомъ и устрaива-

ются тутъ, соединившись съ мѣстнымъ мѣщанствомъ.

На время вниманіе козацкаго войска, однако, обратилось въ другую сторону: почти одновременно (1593—4), хотя и независимо другъ отъ друга, австрійское правительство имп. Рудольфа, съ одной стороны, и папская курія (Климента VIII), съ другой, искали содѣйствія козацкаго войска для операцій противъ Турокъ, угрожавшихъ Австріи; въ этомъ же направленіи, по просьбѣ австрійскаго правительства, вліяло на козаковъ и правительство московское, состоявшее съ ними со временъ Вишневецкаго почти въ постоянныхъ сношеніяхъ. Переговоры, увѣщанія агентовъ, денежные подарки и военныя инсигніи, присланныя австрійскимъ правительствомъ козацкому войску — все это произвело большое впечатлѣніе среди козаковъ и побудило ихъ къ цѣлому ряду походовъ: низовое войско, подъ предводительствомъ своихъ вождей Григ. Лободы и Богд. Микошинскаго и казацкая вольница, набранная добровольцемъ изъ острожской милиціи Севериномъ Наливайкомъ, съ другой стороны, производятъ въ 1593—5 гг. цѣлый рядъ болѣе или менѣе громкихъ экспедицій на Татаръ, турецкіе города, Молдавію, жестоко опустошивъ ее и принудивъ къ союзу съ Австріею, — пока польское правительство, подъ шумъ борьбы устроивъ на молдавскомъ воеводствѣ своего вассала, не потребовало отъ казаковъ рѣшительно, чтобы они оставили Молдавію въ покоѣ. Тогда козацкія силы обращаются снова «на волость». Подъ предводительствомъ Лободы, Шавулы и особенно Наливайка, казацкіе отряды хозяйничаютъ въ Кіевскихъ, Брацлавскихъ и Волынскихъ земляхъ, принуждая населеніе къ контрибуціямъ и при этой оказіи принимая также участіе въ домашнихъ войнахъ разныхъ мѣстныхъ магнатовъ (между прочимъ, большого шуму надѣлало участіе козаковъ въ наѣздахъ на уніатскую партію, съ которою въ то время сводила на Волыни счеты партія кн. Острожскаго). Зимою 1595/6 г. Наливайко предпринялъ также большую экскурсію на сѣверъ, въ глубину Бѣлоруссіи, вызвавъ тамъ всеобщую панику жестокими разореніями. Наконецъ, правительство въ началѣ 1596 г., имѣя свободное войско въ своемъ распоряженіи, отдало приказъ польному гетману (помощнику гетмана великаго или короннаго) Стан. Жолкевскому усмирить козаковъ.

Получивъ этотъ приказъ, Жолкевскій быстро двинулся въ походъ, чтобы не дать возможности козацкимъ войскамъ, разбросаннымъ по разнымъ провинціямъ, собраться воедино, и прежде всего погнался за Наливайкомъ. Послѣднему, однако, удалось ускользнуть отъ него въ уманьскія пустыни и, выйдя оттуда, соединиться около Кіева съ другими козацкими войсками, подъ начальствомъ Лободы и Шаулы. Послѣ кровопролитныхъ битвъ около Бѣлой Церкви, козаки со всѣми силами, съ обозомъ и семьями, отступили за Днѣпръ къ Переяславу, стараясь преградить Полякамъ переправу черезъ Днѣпръ; когда же Жолкевскому, обманувъ ихъ вниманіе, удалось устроить переправу, они рѣшили отступить на востокъ, за московскій рубежъ. Жолкевскій, однако, успѣлъ отрѣзать имъ путь за границу и принудилъ стать лагеремъ на неудобной позиціи на ур. Солоницѣ, около Лубенъ и вслѣдъ затѣмъ обложилъ ихъ тутъ

и началъ блокаду. Послѣ двухнедѣльной стойкой защиты, сильно потерпѣвъ отъ польской артиллеріи и потерявъ надежды на подкрѣпленіе, козацкое войско, раздираемое, вдобавокъ, внутренними раздорами между Низовцами и Наливайковцами, начало переговоры и согласилось выдать предводителей возстанія, артиллерію и казну, подъ условіемъ полной амнистіи для всѣхъ остальныхъ. Однако, это условіе не было исполнено; польское войско вѣроломно напало на козаковъ послѣ капитуляціи и массу перерѣзало.

Но осуществить свое намѣреніе — уничтожить козачество совершенно, Жолкевскому не удалось. Низъ остался ему недоступнымъ и тамъ козаки укрылись въ ожиданіи лучшихъ временъ. Правительство подвергло жестокимъ казнямъ выданныхъ предводителей, сеймъ отмѣнилъ всѣ права и привилегіи козацкаго войска и объявилъ козаковъ лишенными покровительства законовъ. Однако не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ военныя нужды Польши заставили ее обратиться снова къ помощи козаковъ, сначала для новой молдавской компаніи (1600), а затѣмъ ливонской—противъ Шведовъ. Козаки, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый Самійло Кишка, поставили условіемъ возстановленіе своихъ правъ и вольностей, и въ 1601 г. сеймъ возстановилъ права козацкаго войска. Хотя при этомъ онъ выговорилъ, что козаки, проживающіе въ коронныхъ имѣніяхъ, должны подчиняться власти и юрисдикціи старостъ, а проживающіе въ имѣніяхъ помѣщичьихъ — власти своихъ помѣщиковъ, но козаки, почувствовавъ снова твердую почву подъ ногами, нисколько не считались съ этимъ требованіемъ. За ливонскою войною вскорѣ послѣдовала московская авантюра, въ которой приняли участіе сначала отдѣльные магнаты, а затѣмъ и непосредственно само правительство, рекрутируя свои силы, главнымъ образомъ, изъ козацкихъ контингентовъ. Вооруженныя силы козачества, подъ вліяніемъ польскихъ вербовщиковъ и соблазновъ московской добычи, выростаютъ чрезвычайно; одни за другими отправляются ихъ многочисленные отряды въ московскія земли и съ богатою добычею возвращаются на Украину; одновременно предпринимаются походы въ земли турецкія. На Украйнѣ, подъ предлогомъ мобилизаціи въ московскіе походы и вообще «службы Рѣчи посполитой», козаки хозяйничаютъ, какъ дома; они становятся настоящими хозяевами всей восточной Украины уже съ концомъ перваго десятилѣтія XVII в., и подъ ихъ охраною начинаетъ здѣсь организоваться новый центръ національной украинской жизни въ Кіевѣ [1]).

Религіозно-національное движеніе въ Кіевѣ и участіе въ немъ козачества.

Кіевъ пережилъ эти переходныя столѣтія малозамѣтною, хотя и далеко не спокойною жизнью. Послѣ того, какъ заглохла въ немъ политическая жизнь и покинула его іерархія (въ концѣ XIII в.), а Татары сдѣлались близкими сосѣдями и даже частыми

[1]) Подробнѣе въ т. VII „Історії України" гл. 4 и 6—„Исторія Украинскаго козачества" т. II.

гостями въ немъ, онъ падалъ все болѣе, а нѣсколько жестокихъ татарскихъ опустошеній, которымъ онъ подвергся на протяженіи XV в., довершили этотъ упадокъ, превративъ его въ пограничную крѣпость, которой только положеніе на торговомъ транзитномъ пути не давало окончательно заглохнуть. Его большіе и богатые земельными владѣніями монастыри—Печерскій, Пустынно - Николаевскій, Златоверхо-Михайловскій—оставались почти единственными носителями старыхъ традицій, но и въ нихъ почти угасла всякая культурная жизнь, подъ управленіемъ разныхъ любителей «духовныхъ хлѣбовъ», дорогою цѣною покупавшихъ у великаго князя мѣста архимандритовъ и игуменовъ. Въ національной украинской жизни XV—XVI в. Кіевъ потерялъ почти всякое значеніе и едва свѣтился пережитками былого.

Новая эра началась для него съ концомъ XVI в., когда православное общество, потерявъ съ уніей почти всю іерархію и цѣлый рядъ разныхъ болѣе или менѣе значительныхъ позицій, тѣмъ большее вниманіе должно было обратить на позиціи, оставшіяся въ ихъ рукахъ и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы ихъ сохранить и возможно использовать въ интересахъ церковной и національной жизни. Среди такихъ еще уцѣлѣвшихъ позицій, богатые, освященные традиціею, кіевскіе монастыри, и во главѣ ихъ особенно монастырь Печерскій, славнѣйшій и богатѣйшій изъ всѣхъ, силой отстоявшій себя отъ исполненія королевскаго рѣшенія, передававшаго его въ распоряженіе митрополита - уніата—занимали одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Когда освободилось мѣсто печерскаго архимандрита, на этотъ постъ общимъ выборомъ мѣстнаго духовенства, шляхты и вообще всего мѣстнаго украинскаго общества,—такимъ всенароднымъ выборомъ съ давнихъ поръ замѣщавшаго эту первостепенную позицію, — былъ избранъ одинъ изъ выдающихся участниковъ Брестскаго собора пинскій игуменъ Елисей Плетенецкій (1599), и одной изъ первыхъ уступокъ, къ какой православнымъ парламентаріямъ удалось принудить правительство своей сеймовой обструкціей—была легализація этого выбора (1605). Выборъ оказался чрезвычайно удачнымъ; Плетенецкій, незаслуженно забытый позднѣйшей традиціей, сыгралъ очень важную роль въ украинской жизни. Своимъ новымъ положеніемъ онъ воспользовался, чтобы разныя вліятельныя позиціи монастырской администраціи замѣстить учеными людьми изъ Галиціи, изъ которой самъ онъ происходилъ, и при ихъ содѣйствіи сталъ исподволь обращать огромныя средства, находившіяся въ распоряженіе монастыря, на культурныя цѣли, не смущаясь оппозиціей, которую его дѣятельность вызывала среди монашествующей братіи. Постепенно такимъ образомъ въ Печерскомъ монастырѣ и въ другихъ кіевскихъ монастыряхъ образуется замѣтный кружокъ просвѣщеннаго духовенства, проникнутаго идеями культурно-національнаго обновленія (Копистинскій, Борецкій. Лавръ, Зизаній, П. Беринда и др.). Плетенецкій пріобрѣтаетъ типографію, основанную Гедеономъ Балабаномъ въ с. Стрятинѣ, въ разгаръ борьбы съ львовскимъ братствомъ, перевозитъ ее въ Печерскій монастырь (окол. 1615), устраиваетъ свою бумажную фабрику; благодаря ему появляются свои рисо-

вальщики и граверы, выходятъ въ большомъ количествѣ, какого не видѣла еще до сихъ поръ Украина, церковныя и учебныя книги.

Эта дѣятельность печерскаго кружка находитъ сочувственный откликъ среди мѣстнаго украинскаго общества. Въ концѣ 1615 г. организуется въ Кіевѣ братство по образцу львовскаго, въ которое вписываются «безчисленно» представители разныхъ классовъ мѣстнаго населенія. Гальшка Гулевичевна, жена мозырскаго маршалка, жертвуетъ свою усадьбу въ Кіевѣ на національную институцію,—для основанія ставропигіальнаго монастыря и при ней школы—зародыша знаменитой кіевской академіи, ведущей свое существованіе отъ этого пожертвованія. Завѣдываніе послѣднею приняло на себя новооснованное братство и немедленно организовало школу, первымъ ректоромъ и инициаторомъ который былъ бывшій дидаскалъ львовской школы Борецкій. Руководимые галицкими выходцами, кіевскіе культурные начинанія вообще развивались по образцу галицкихъ, — львовскихъ. Встрѣтившись съ рядомъ препятствій на галицкой почвѣ, теряя одного за другимъ своихъ покровителей, облегчавшихъ имъ борьбу съ правящими католическими кругами, львовскіе дѣятели галицкаго возрожденія въ это время во множествѣ переходятъ въ Кіевъ, гдѣ покровительство козацкаго войска гарантируетъ имъ свободу отъ преслѣдованій, а богатыя монастырскія имущества даютъ средства для дѣятельности. Со второго десятилѣтія XVII в. Кіевъ становится, довольно неожиданно, снова культурнымъ и національнымъ центромъ украинской жизни.

Много содѣйствовало этому то обстоятельство, что во главѣ козацкаго войска въ это время, во второмъ десятилѣтіи XVII в., становится человѣкъ созвучный этому движенію—Петръ Конашевичъ Сагайдачный. Галичанинъ по происхожденію, воспитанникъ острожской школы, онъ сочувствовалъ всею душою этому религіозно-національному движенію, и его содѣйствію многимъ былъ обязанъ этотъ кружокъ галицкаго ученаго духовенства, собравшійся въ Кіевѣ. Сагайдачный самъ со всѣмъ войскомъ козацкимъ вписался въ реестръ кіевскаго братства, тѣмъ самымъ формально принявъ его подъ покровительство войска, и умирая, завѣщалъ свое имущество кіевскому и львовскому братствамъ на нужды просвѣщенія. Сочувствіе и содѣйствіе его при жизни значило очень много, благодаря тому вліянію и авторитету, которымъ онъ пользовался какъ въ козацкихъ кругахъ, такъ и внѣ ихъ. Онъ имѣлъ славу необыкновенно искуснаго и счастливаго вождя и въ трудные моменты оказалъ большія услуги польскому правительству, въ войнахъ, наполнявшихъ его правленіе. Одновременно оно было эпохою необыкновенно смѣлыхъ морскихъ походовъ козацкихъ, когда козаки на своихъ чайкахъ, по выраженію позднѣйшаго козацкаго историка, «окуривали мушкетнымъ дымомъ» стѣны Константинополя, Трапезунта, Синопа, и могущественная турецкая держава, наводившая страхъ на всю Европу, не могла ничего подѣлать со своимъ флотомъ и сухопутными войсками, съ убогими чайками козаковъ. Козачество достигло зенита своей славы. Турки грозили войною Польшѣ, направляли на польскія провинціи крымскую орду, и это, равно и жалобы украинской

шляхты на козацкое своеволіе, заставляло польское правительство, отъ времени до времени, серьезно задумываться надъ способами обузданія козачества. Это былъ моментъ, когда отмѣченный выше соціальный контрастъ между шляхетскимъ режимомъ Польши и стремленіями козачества выяснялся все болѣе опредѣленно. Польскіе государственные мужи, имѣвшіе случай ближе присмотрѣться къ нему — какъ Жолкевскій, великій гетманъ коронный къ этому времени, рѣшительный и непримиримый врагъ козаковъ, старѣйшій сенаторъ Польши кн. Збаражскій и др., уже вполнѣ опредѣленно указывали на глубокую опасность для всего шляхетскаго склада Польши, какую представлялъ ростъ и развитіе козачества. Всѣ русскія провинціи, считающія себя утѣсненными польскою властью, готовы возстать вмѣстѣ съ козаками и мстить вмѣстѣ съ ними,— замѣчаетъ кн. Збаражскій въ одномъ изъ своихъ писемъ, и совершенно опредѣленно указываетъ на опасность народнаго возстанія, поджигаемаго козачествомъ. Эти соображенія и опасенія заставляли польское правительство во второмъ десятилѣтіи снаряжать одну за другою вооруженныя экспедиціи, т. н. комиссіи противъ козаковъ, чтобы уменьшить ихъ число, заставить ихъ исключить изъ своей среды всѣхъ «своевольныхъ», обязать вести себя спокойно «на волости» и т. п. Сагайдачный, стоявшій во главѣ войска, и другіе сторонники оппортунистической тактики, избѣгали вооруженнаго столкновенія, успокаивая польское правительство обѣщаніями и расчитывая, что польское правительство, занятое дѣлами московскими и молдавско-турецкими, нуждаясь въ козацкомъ войскѣ, не будетъ въ состояніи настоять на исполненіи своихъ требованій. Дѣйствительно, все это время козацкое войско остается полнымъ хозяиномъ восточной Украины, и подъ ея охраною поднимаетъ голову такъ безнадежно придавленный польскимъ режимомъ украинскій элементъ. Козачество неожиданно оказалось весьма важнымъ звеномъ, связавшимъ своимъ соціальнымъ характеромъ, съ одной стороны, украинскіе верхи: съ другой—украинскія массы, остатки украинской шляхты, духовенство, мѣщанство, — объединивши все это, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, на общей почвѣ національныхъ интересовъ, воплощавшихся для современниковъ въ интересахъ національной православной церкви и связанной съ ней національной культуры.

Наиболѣе эффектнымъ эпизодомъ этихъ общихъ усилій—было возстановленіе православной іерархіи и послѣдовавшая затѣмъ борьба за ея легализацію [1].

Возстановленіе православной іерархіи и борьба изъ за нее.

Въ разгаръ дѣятельности кіевскаго кружка на украинскомъ горизонтѣ появился снова патріархъ—іерусалимскій, Θеофанъ: онъ проѣхалъ въ Москву, куда его призывали для посвященія въ патріархи Филарета Романова, и на возвратномъ пути появился въ Кіевѣ, весною 1620 г. Кіевское духо-

[1] Подробнѣе въ VII т. „Історії України“, с. 344—425—„Ист. украин. козачества“, т. II.

венство, ободренное успѣхами своихъ начинаній и покровительствомъ козацкаго войска, рѣшилось воспользоваться пріѣздомъ патріарха не только для того, чтобы его авторитетомъ санкціонировать эти начинанія, но и произвести своего рода переворотъ въ церковной жизни Украины — порвать съ практикою королевскаго патроната и возстановить самостоятельную православную іерархію. Въ Кіевѣ, по случаю храмового праздника Печерскаго монастыря, былъ собранъ своего рода національный конгрессъ изъ земель украинскихъ и бѣлорусскихъ, и за немъ былъ принятъ этотъ планъ, а патріархъ, сначала не рѣшавшійся на такой непріятный польскому правительству шагъ и опасавшійся непріятныхъ для себя послѣдствій, въ концѣ концовъ сдался, въ виду того, что Сагайдачный съ козаками, принявшій его подъ свою защиту, гарантировалъ ему безопасность. Въ теченіе осени этого года, втихомолку, съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей, въ разныхъ мѣстахъ были посвящены митрополитъ и пять епископовъ, по числу вакантныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ каѳедръ и послѣ того, подтвердивъ, кромѣ того, своими грамотами различныя церковныя учрежденія, подъ усиленною охраною козаковъ, патріархъ выѣхалъ въ Молдавію, избѣгнувъ довольно сомнительныхъ перспективъ, приготовлявшихся ему польскою администраціею, усиленно приглашавшею его проѣхать черезъ западныя украинскія провинціи.

Это было чрезвычайно важное событіе, но, можетъ быть, творцы его не предвидѣли, насколько труднѣе будетъ ввести въ жизнь новую самочинную іерархію, чѣмъ устроить ея посвященіе. Они разсчитывали, что польское правительство, въ данный моментъ болѣе чѣмъ когда либо нуждавшееся въ помощи козацкаго войска, безъ большихъ затрудненій дастъ свое согласіе на признаніе новой іерархіи. Турецкая гроза, столько лѣтъ страшившая польскіе круги, въ это время разразилась. Жолкевскій, до сихъ поръ при всѣхъ подобныхъ оказіяхъ избѣгавшій рѣшительныхъ битвъ съ Турками, въ виду слабости своихъ силъ, на этотъ разъ съ небольшимъ войскомъ, не имѣя помощи отъ козаковъ, съ которыми тоже былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, неосторожно перешелъ на молдавскую территорію, поддерживая воеводу—польскаго ставленника, и потерпѣлъ осенью 1620 г. страшное пораженіе при Цецорѣ, гдѣ погибъ самъ и много польскаго войска. Эта катастрофа произвела настоящую панику въ Польшѣ, такъ какъ этотъ турецкій походъ считался не болѣе, какъ рекогносцировкою, за которою долженъ былъ послѣдовать походъ самого султана со всѣми силами для сокрушенія Польши. Польское правительство старалось обезпечить помощь козаковъ въ предстоявшей кампаніи, обращалось даже къ посредничеству патріарха, хотя офиціально объявило его самозванцемъ и турецкимъ шпіономъ. Черезъ своихъ агентовъ оно давало патріарху какія-то обѣщанія, которыя были истолкованы въ кіевскихъ кругахъ въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ участія козацкаго войска въ турецкой войнѣ правительство исполнитъ пожеланія православныхъ въ области церковныхъ отношеній, признаетъ новую іерархію.

Однако, эти надежды разсѣялись самымъ безжалостнымъ образомъ, ко-

гда одинъ изъ новопосвященныхъ іерарховъ, архіепископъ полоцкій Мелетій Смотрицкій, попробовалъ явиться въ свою епархію, чтобы осуществлять свои епископскія компетенціи; администрація встрѣтила его самымъ враждебнымъ образомъ, начала настоящее гоненіе на него и на православныхъ, обращавшихся къ нему, какъ къ епископу; имъ грозили даже не болѣе не менѣе, какъ смертные приговоры. Король Сигизмундъ III, вѣрный воспитанникъ іезуитовъ, не допускалъ уступокъ въ религіозной сферѣ и перспектива грознаго турецкаго похода не могла расположить его къ какимъ-либо существеннымъ уступкамъ православнымъ. На сеймѣ, созванномъ наканунѣ турецкой войны, украинскіе депутаты, съ извѣстнымъ волынскимъ парламентаристомъ Лаврентіемъ Древинскимъ во главѣ, произнесшимъ свою знаменитую рѣчь, въ чрезвычайно сильныхъ краскахъ рисовавшую униженія, которымъ подвергается православное населеніе Польско-литовскаго государства,—не могли добиться ровно никакихъ уступокъ. Тогда кіевскіе круги, во главѣ съ новопоставленнымъ митрополитомъ Борецкимъ и Сагайдачнымъ (въ это время отставленнымъ отъ гетманства, но сохранившимъ вполнѣ свое вліяніе «на волости»), очевидно, рѣшили было остановить начавшуюся уже мобилизацію козацкихъ силъ для предстоящей войны съ Турками, чтобы принудить правительство къ уступкамъ въ вопросѣ объ іерархіи. Однако, козацкія массы, увлеченныя перспективою мобилизаціи для королевской службы, сопровождавшейся неограниченными поборами и контрибуціями на нужды войска, повидимому, не устояли въ такой политикѣ бойкота и двинулись на театръ войны, не ожидая результатовъ депутаціи, отправленной къ королю и состоявшей изъ самого Сагайдачнаго и одного изъ новопоставленныхъ епископовъ—Курцевича. Сагайдачному не оставалось ничего болѣе, какъ взять снова въ свои руки начальство надъ войскомъ и попробовать какъ можно болѣе выдающимися заслугами въ кампаніи открыть дорогу къ расположенію короля и склонить его къ уступкамъ. Козаки подъ его предводительствомъ дѣйствительно оказывали чудеса храбрости, изумлявшія Поляковъ. Несмотря на свое весьма малое расположеніе къ козакамъ, они единогласно признавали, что успѣшнымъ окончаніемъ этой кампаніи разыгравшейся подъ Хотиномъ, приведшей къ отступленію Турокъ обратно отъ польскихъ границъ, они были обязаны главнымъ образомъ козакамъ и Сагайдачному—смертельно раненому въ этой войнѣ.

Но всѣ эти чрезвычайныя заслуги не сломили упорства короля, и какъ только война окончилась, онъ далъ понять козакамъ, что они должны возвратиться во всемъ къ отношеніямъ, установленнымъ предъ Хотинскою кампаніею. Отправленные непосредственно съ театра войны козацкіе делегаты, ссылаясь на «кровавыя заслуги и вѣрность» козацкаго войска, свидѣтелемъ которыхъ былъ королевичъ Владиславъ (позднѣйшій король), просили короля «успокоить греческую религію» и разрѣшить козакамъ проживать безразлично въ имѣніяхъ коронныхъ и частныхъ, пользуясь юрисдикціею и правами козацкими. Король въ отвѣтъ поручилъ своимъ комиссарамъ передать козацкому войску, что въ вопросахъ религіи козаки, какъ до сихъ

поръ не подвергались никакимъ стѣсненіямъ, такъ и впредь не будутъ подвергаться; въ вопросахъ организаціи козацкое войско должно было подчиниться нормамъ, выработаннымъ предшествующими комиссіями: козацкое войско принимавшее участіе въ Хотинской войнѣ, въ числѣ свыше 40 тыс., должно было ограничиться одною-двумя тысячами реестра, и только эти реестровые имѣли пользоваться козацкими правами, а всѣ остальные должны были возвратиться въ первобытное состояніе крѣпостной или иной зависимости; морскіе походы на турецкія владѣнія должны были прекратиться, козаки должны были выдать лодки комиссарамъ, и на будущее время ихъ постройка запрещалась подъ страхомъ смерти. Этимъ требованіямъ козацкое войско не соглашалось и не могло никакимъ образомъ подчиниться, и въ результатѣ непосредственно послѣ Хотинской войны между козацкимъ войскомъ и правительствомъ отношенія стали еще болѣе натянутыми, чѣмъ были передъ кампаніей. Правительство продолжало свою уніатскую политику, не рѣшаясь только затрагивать территоріи, стоявшей подъ непосредственнымъ вліяніемъ козачества. Новыя усилія добиться какихъ-либо уступокъ въ этой сферѣ на аренѣ парламентарной лишь убѣдили украинскихъ депутатовъ, что при жизни Сигизмунда они не въ состояніи ничего добиться, и имъ нужно отложить свои планы до безкоролевья по его смерти. Вмѣшательство козаковъ въ религіозные вопросы только раздражало клерикальные и правительственные круги, и въ послѣднихъ рѣшено было, въ случаѣ если козаки не подчинятся требованіямъ правительства, выступить противъ нихъ съ оружіемъ и бороться съ ними до полнаго ихъ уничтоженія. Благо, въ данный моментъ, благодаря успѣхамъ Хотинской войны, Польша чувствовала себя безопасной со стороны Турціи и считала возможною обратить свои силы противъ козачества [1].

Козацкія войны 1625—1630 г.г.

Агрессивные планы и угрозы польскаго правительства не производили особеннаго впечатлѣнія въ козацкихъ кругахъ: здѣсь не придавали имъ особеннаго значенія; наоборотъ, увлекались широкими политическими планами, открывавшимися передъ козачествомъ. Въ Крыму начались усобицы; ханъ Магометъ и его братъ—калга Шагинъ-гирей отказались повиноваться своему сюзерену, турецкому султану, и при помощи козацкаго войска начали весьма удачную борьбу съ послѣднимъ. Козаки, кромѣ непосредственнаго участія въ крымской войнѣ, поддерживали своихъ союзниковъ, отвлекая силы Турокъ своими смѣлыми походами на Константинополь и окрестности, наводившими настоящую панику на Турокъ. Въ концѣ 1624 г. Шагинъ-гирей заключилъ съ козацкимъ войскомъ формальный союзный договоръ, которымъ обѣ стороны гарантировали другъ другу военную помощь противъ вся-

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. VII, с. 426—508.—„Іст. укр. козачества" т. II.

каго непріятеля. Одновременно съ этими громкими событіями развертывало чрезвычайно широкіе планы появленіе на Запорожьѣ извѣстнаго авантюриста Александра Яхіи, выдававшаго себя за законнаго наслѣдника султанскаго престола. По его словамъ, балканскіе народы признавали его втайнѣ своимъ государемъ и ждали только его появленія; рядъ западноевропейскихъ владѣтелей обѣщали ему помощь противъ Турціи. Къ участію въ этой христіанской лигѣ онъ желалъ привлечь Украину и Москву. Кіевская іерархія Ѳеофановаго поставленія, весьма тяготившаяся своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ, въ которое поставило ее польское правительство, не признавъ ее правоспособности, и съ тревогою ожидавшая новаго конфликта польскаго правительства съ козачьимъ войскомъ, отъ исхода котораго зависѣла ея дальнѣйшая участь, задумала воспользоваться планами Яхіи, чтобы заинтересовать украинскими дѣлами московское правительство и побудить его къ активному вмѣшательству въ украинскія отношенія. Еще раньше, въ виду рѣзкихъ выступленій польскаго правительства противъ іерарховъ Ѳеофанова поставленія, кіевскій митрополитъ Борецкій и другіе владыки вели сношенія съ московскимъ правительствомъ, съ цѣлью обезпечить себѣ безопасное убѣжище на случай, если невозможнымъ окажется ихъ дальнѣйшее пребываніе въ восточной Украинѣ «подъ крылами христолюбиваго воинства черкасскихъ молодцевъ (козаковъ)» Лѣтомъ 1624 г. Борецкій выслалъ въ Москву епископа Ис. Борисковича, поручивъ ему сообщить московскому правительству его соображенія, что въ случаѣ войны козацкое войско не въ состояніи будетъ отстоять отъ Поляковъ Украину, поэтому проситъ, чтобы царь, охраняя православныхъ отъ католическихъ гоненій, принялъ козацкое войско и Украину подъ свое покровительство и защитилъ отъ Поляковъ. Вслѣдъ затѣмъ завязалъ переговоры съ Борецкимъ Яхія; Борецкій увидѣлъ въ этомъ благопріятный случай заинтересовать московское правительство широкими планами освожденія православныхъ народовъ отъ иновѣрнаго владычества и побудить къ вмѣшательству, въ польско-украинскія отошенія. Отправивъ Яхію на Запорожье, онъ затѣмъ совмѣстно съ нимъ и Запорожскимъ войскомъ организовалъ новое посольство въ Москву, отъ Яхіи и его союзниковъ—козацкаго войска, чтобы просить у московскаго правительства помощи и содѣйствія для грандіозной экспедиціи, которую Яхія съ козаками, въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ и при помощи своихъ западно-европейскихъ союзниковъ намѣревался въ 1625 г. предпринять противъ Турціи.

Московское правительство не осталось равнодушнымъ къ планамъ Яхіи и оказало ему денежную помощь, но непосредственнаго участія въ его военныхъ предпріятіяхъ взять не рѣшилось. Скептически отнеслось оно и къ предложенію митрополита — принять Украину подъ царскую протекцію, справедливо указавъ, что эта мысль въ самихъ украинскихъ кругахъ «не утверждена», «и о томъ укрѣпленія еще нѣтъ»; однако, подавало надежду, что если бы Украина рѣшилась единодушно бороться съ Польшею и искала помощи Москвы, то московское правительство не останется безучастнымъ.

Пока, дѣйствительно, митрополичьи планы являлись чистой теоріей, и комбинація, такъ близко напоминавшая позднѣйшую—эпохи Хмельницкаго—далеко не созрѣла въ такой степени, какъ тридцать лѣтъ спустя, когда московское правительство дѣйствительно рѣшилось рискнуть на войну съ Польшею, опираясь на Украину.

Широкіе планы кончились ничѣмъ, западно-европейскіе союзники, которыми хвалился Яхія, не прислали денегъ, обѣщанныхъ козацкому войску для снаряженія сухопутнаго похода на Турцію; морскіе походы, предпринятые казаками на турецкія земли въ большихъ размѣрахъ, въ общемъ оказались неудачными; Шагинъ-гирей потерпѣлъ чувствительную неудачу въ борьбѣ со своими врагами и не устоялъ въ своемъ договорѣ съ козаками: продалъ свой нейтралитетъ польскому правительству за уплату «упоминковъ» за два года. Обезпечивъ себя съ этой стороны, гетманъ польскій Стан. Конецпольскій въ началѣ осени 1625 г. двинулся со всѣми силами — правительственными и панскими отрядами, снаряженными въ помощь коронному войску, на козаковъ, чтобы принудить ихъ силою оружія принять и привести въ исполненіе постановленія королевскихъ комиссаровъ. Это движеніе польскихъ войскъ застало козаковъ врасплохъ: расчитывая на союзъ съ Крымомъ, они не предполагали такихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Поляковъ. Значительная часть козаковъ была еще на морѣ, когда польское войско двинулось въ козацкій районъ вост. Украины. Много времени у козаковъ ушло въ ожиданіи возвращенія ихъ морской экспедиціи, много потрачено было на безплодные переговоры съ крымскими союзниками, прежде чѣмъ козаки убѣдились, что имъ нечего расчитывать на обезпеченную договоромъ помощь съ этой стороны. Въ результатѣ, польское войско успѣло проникнуть въ самый центръ козацкихъ поселеній, въ окрестности Черкасъ, прежде чѣмъ козацкое войско, подъ предводительствомъ гетмана Жмайла, съ артиллеріею, успѣло прибыть на театръ войны съ Запорожскаго Низу. Поляки успѣли овладѣть театромъ войны и воспрепятствовать мобилизаціи козачества, находившагося «на волости». Это предрѣшило исходъ кампаніи. Козацкія силы, наскоро собравшіяся, при приближеніи польскаго войска, отступили на югъ, чтобы соединиться съ запорожскимъ войскомъ; но когда послѣднее прибыло, оказалось, что и соединенное козацкое войско не въ состояніи выдержать натиска мобилизированныхъ противъ него польскихъ силъ. Прежде чѣмъ козаки успѣли устроиться на своихъ позиціяхъ, около нынѣшняго Крылова, польское войско, начавъ блокаду козацкаго лагеря, заставило козацкое войско сняться съ позицій и передвинуться, съ значительными потерями, еще далѣе на югъ на ур. Куруково (около теп. Крюкова). Однако, стремительный натискъ польскаго войска, которымъ оно расчитывало смять и окончательно разбить козацкое войско, былъ отраженъ съ большими потерями для Поляковъ, и перспектива долговременной осады въ такой удаленной мѣстности и въ такую неблагопріятную позднюю пору (начинался ноябрь) сдѣлала ихъ болѣе уступчивыми. Послѣ долгихъ переговоровъ заключенъ договоръ, по которому участникамъ всѣхъ войнъ и «свое-

вольствъ» предоставлена была полная амнистія, козацкій реестръ увеличивался до 6000, и за козацкимъ войскомъ признано право выбора своихъ гетмановъ; но козацкими правами козаки могли пользоваться только въ имѣніяхъ коронныхъ и притомъ лишь вписанные въ реестръ; кромѣ того, они обязались не производить на будущее время нападеній на турецкія земли безъ воли польскаго правительства.

Гетманомъ былъ избранъ талантливый вождь и правитель Михайло Дорошенко. Онъ продолжалъ политику Сагайдачнаго, всѣми мѣрами избѣгая конфликтовъ съ польскимъ правительствомъ, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми обстоятельствами для того, чтобы постановленія «куруковской комиссіи» не легли слишкомъ тяжело на массу козачества, оставшуюся внѣ реестра. Обстоятельства благопріятствовали этому, такъ какъ массу «выписчиковъ», т. е. исключенныхъ изъ реестра козаковъ, взяло на службу само польское правительство для шведской войны, такимъ образомъ собственными руками (какъ это имѣло и въ другихъ случаяхъ) лишивъ фактическаго значенія ограниченія, созданныя куруковскою комиссіею. Позже, возобновившіяся крымскія усобицы, въ которыхъ польское правительство, не рѣшаясь выступать открыто, считало полезнымъ поддерживать черезъ козаковъ партію Шагинъ-гирея, давали благопріятный выходъ изъ труднаго положенія. Но въ крымскомъ походѣ 1628 г. Дорошенко былъ убитъ, а его преемникъ Грицько Черный, очевидно, не доросъ до своей задачи. Крымская кампанія была проиграна самымъ печальнымъ образомъ. На Запорожьѣ, враждебный польскому режиму элементъ усилился настолько, что Черный принужденъ былъ отступить на волость; возобновляются походы на море. Съ другой стороны, церковные круги, во главѣ которыхъ стали наиболѣе непримиримые элементы, вели рѣзкую агитацію противъ Чернаго, какъ правительственной креатуры. Достаточно натянутыя отношенія обострились еще болѣе, когда съ окончаніемъ шведской войны возвратился рѣзко настроенный противъ козачества Конецпольскій, съ неполучившимъ жалованья польскимъ войскомъ, которое онъ расквартировалъ по Украинѣ. Обычныя въ такихъ случаяхъ притѣсненія со стороны польскаго войска подливали масло въ огонь, между тѣмъ Черный, уступая ли настояніямъ Конецпольскаго или полагаясь на его поддержку, какъ разъ принялся за ревизію реестра и потребовалъ отъ козаковъ, собравшихся на Запорожьѣ, чтобы они явились «на волость», подъ его начальство, подъ угрозою исключенія изъ реестра. Это подало поводъ къ возстанію. Запорожцы, подъ начальствомъ Тараса Федоровича, двинулись на волость, заявляя свою покорность, но, когда Черный отправился къ нимъ, по ихъ приглашенію, онъ былъ схваченъ ими, осужденъ на смерть и обезглавленъ. Узнавъ объ этомъ, реестровая старшина съ частью войска искали спасенія подъ защитою польскаго войска, другая присоединилась къ возставшимъ. Поднялось народное возстаніе; населеніе избивало расквартированные польскіе отряды и присоединялось къ козацкому войску. Въ этомъ направленіи вели также агитацію Запорожцы, призывая всѣхъ къ возстанію для обороны православной вѣры. Предпринятыя

правительствомъ незадолго предъ тѣмъ попытки религіознаго компромисса между православными и уніатами дали поводъ къ подозрѣніямъ новыхъ уніатскихъ интригъ. Распространялись слухи о рѣзнѣ православныхъ, приготовленной католиками. «Благочестная вѣра» (православіе) становилась лозунгомъ народной войны.

Конецпольскій на этотъ разъ былъ захваченъ совершенно врасплохъ, и это сразу дало шансы возстанію. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ собрать кое-какія силы и двинуться съ ними на театръ возстанія, послѣднее охватило уже огромныя пространства по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и создало огромные военные кадры. Тарасъ, избравъ своимъ опорнымъ базисомъ Переяславъ, собралъ здѣсь все необходимое для кампаніи и приготовился къ ней заблаговременно. Когда Конецпольскій устремился за Днѣпръ, спѣша быстротою поправить потерянное, онъ наскочилъ на такія превосходныя козацкія силы и укрѣпленія, что едва не погибъ и, возвратившись за Днѣпръ, уже съ большею осторожностью переправился вторично. Чтобы обезпечить себѣ сношенія съ правымъ берегомъ, онъ былъ принужденъ значительную часть своего войска расположить на побережьи, и это еще болѣе ослабило его силы. Послѣ двухъ недѣль, прошедшихъ въ болѣе мелкихъ схваткахъ у Переяслава, въ рѣшительной битвѣ Поляки понесли огромныя потери и были отрѣзаны отъ Днѣпра и дальнѣйшее продолженіе войны стало невозможнымъ. Конецпольскій долженъ былъ отложить всякую надежду на усмиреніе «хлопской кровью» козацкаго своевольства и приступить къ переговорамъ. Рѣшено было, что участники возстанія получать амнистію, реестръ будетъ увеличенъ до 8000, самое главное—его осуществленіе въ дѣйствительности было пройдено молчаніемъ, иначе говоря—оставлены въ силѣ фактическія отношенія, создавшіяся на Украинѣ въ моментъ возстанія [1]).

„Успокоеніе православныхъ".

Успѣхъ возстанія, поднятаго подъ знаменемъ «защиты благочестивой вѣры», дѣйствительно не остался безъ вліянія на положеніе этой послѣдней. Король Сигизмундъ, непреклонный врагъ ея, доживалъ въ это время свои послѣдніе дни, и православные готовились сдержать свое обѣщаніе, данное ими послѣ Хотинской войны, когда, убѣдившись, что при жизни Сигизмунда не добьются никакихъ уступокъ, они дали слово своимъ противникамъ и себѣ, употребить всѣ усилія, чтобы во время безкоролевья по смерти Сигизмунда добиться для православной религіи того, чего не могли добиться при его жизни. Возстаніе, поднятое во имя православной вѣры, вліяніе, какое оказывала на козацкія сферы партія непримиримыхъ, совѣтовавшая не ожидать ничего хорошаго отъ польскаго правительства и искать покровительства у православнаго царя—эти факты были надлежащимъ образомъ учтены наслѣдникомъ

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. VII гл. 7 и т. VIII, гл. 1—2.—„Исторія укр. козач." т. II.

престола Владиславомъ и его сторонниками, тѣмъ болѣе, что онъ не разставался еще съ мечтою о московской коронѣ, которую получилъ изъ рукъ боярскаго правительства, и первымъ дѣломъ своимъ считалъ возобновить съ Москвою войну, поддерживая свои притязанія. Имѣть козаковъ и православныхъ не противъ себя, а за себя также и съ точки зрѣнія этихъ плановъ было для него существенно важно. Съ своей стороны козаки не упустили случая поддержать по-своему тѣ требованія, какія выдвигали въ моментъ безкоролевья на парламентарной аренѣ общественные круги, которымъ эта послѣдняя была доступна.

Король умеръ въ апрѣлѣ 1632 г. Хотя его сынъ Владиславъ былъ общепризнаннымъ наслѣдникомъ и въ выборѣ его собственно не могло быть никакихъ сомнѣній, однако польская конституція открывала широкое поле для всякаго рода переговоровъ и торговъ въ моментъ смѣны королей, такъ какъ по принципу тронъ считался выборнымъ, и передъ выборами должны были постановляться пункты соглашенія, pacta conventa, которые имѣли быть приняты кандидатомъ на корону, до окончательнаго выбора. Православные парламентаристы рѣшили не допустить не только до выбора короля, но и до выработки pacta conventa, прежде чѣмъ не будутъ надлежащимъ образомъ удовлетворены ихъ требованія. Слабые остатки православной шляхты, еще уцѣлѣвшіе послѣ всего процесса окатоличенія и ополяченія, опустошавшаго ея ряды за послѣднія десятилѣтія, напрягли всѣ усилія, чтобъ провести на сеймы безкоролевья наиболѣе стойкихъ и опытныхъ своихъ парламентаріевъ, и послѣдніе, соединившись съ представителями такой же ослабленной и разбитой, но все еще полной энергіи шляхты протестантской, дѣйствительно чрезвычайно энергично и смѣло воспользовались всѣми обструкціонными средствами, какія давала въ ихъ распоряженіе конституціонная практика, чтобы заставить посольскую палату, сенатъ и партизановъ Владислава считаться съ ихъ требованіями. Этотъ, очень сильный (особенно въ сравненіи съ слабостью православнаго шляхетскаго элемента) натискъ украинскихъ парламентаріевъ, среди которыхъ наряду со старыми, испытанными бойцами выдвигается извѣстный впослѣдствіи дѣятель Адамъ Кисель,—произвелъ впечатлѣніе на сеймъ. Съ другой стороны, козацкое войско также старалось произвести извѣстное давленіе, выславъ свою депутацію съ петиціями, гдѣ, между прочимъ, также настойчиво просило разрѣшенія религіознаго конфликта, а для себя добивалось права участія въ выборѣ короля, наравнѣ съ шляхтою. Это послѣднее требованіе, однако, не нашло сочувствія на сеймѣ, да и самимъ козацкимъ войскомъ не было поддержано достаточно настойчиво. Для болѣе сильнаго впечатлѣнія гетманъ козацкій Петражицкій-Кулага съ большимъ войскомъ двинулся на Волынь, чтобы дать почувствовать козацкую руку имѣніямъ враждебно настроенныхъ магнатовъ. Натискъ украинской шляхты съ одной стороны, агитація духовенства и братствъ и настроеніе козацкихъ круговъ—съ другой—убѣдили Владислава и его партизановъ въ необходимости серьезныхъ уступокъ православнымъ, не-

смотря на рѣзкую оппозицію католической іерархіи и многихъ клерикально настроенныхъ сенаторовъ. Вопреки ихъ протестамъ и заявленіямъ, что безъ согласія папской куріи они не могутъ дать какихъ-нибудь уступокъ за счетъ уніатской церкви, сеймовая комиссія подъ вліяніемъ Владислава и его сторонниковъ рѣшила раздѣлить наслѣдіе старой православной церкви болѣе или менѣе поровну между уніатами и православными: признать отдѣльную православную митрополію наряду съ уніатской и раздѣлить пополамъ епископства — предоставить православнымъ епископство львовское, перемышльское и луцкое и образовать одно новое для бѣлорусскихъ земель, а за уніатами оставить полоцко-витебское и три украинскихъ епархіи: владимірскую, холмскую и турово-пинскую. Церкви и монастыри должны были раздѣлить спеціально назначенные королевскіе комиссары. Послѣ долгихъ и упорныхъ торговъ православная сторона согласилась на этотъ компромиссъ: въ данныхъ условіяхъ она не могла расчитывать добиться болѣе значительныхъ уступокъ, — и рѣшила какъ можно скорѣе только войти во владѣніе предоставленными ей позиціями. Такъ какъ іерархіи, поставленной безъ согласія правительства, послѣднее признавать все-таки не желало, то тутъ же на сеймѣ произведенъ былъ выборъ новаго митрополита: имъ выбранъ былъ печерскій архимандритъ Петръ Могила, человѣкъ близкій польскимъ шляхетскимъ кругамъ, угодный правительству, но съ другой стороны и въ православныхъ кругахъ успѣвшій завоевать себѣ сторонниковъ своею энергическою дѣятельностью.

Незадолго передъ тѣмъ (1627) выбранный на важный постъ архимандрита печерскаго, онъ основалъ въ Кіевѣ коллегію по образцу современныхъ католическихъ (іезуитскихъ) коллегій и вообще проявилъ энергическую культурно-просвѣтительную дѣятельность. На первыхъ порахъ эта послѣдняя, поскольку являлась конкуренціей дѣятельности братства, возбудила неудовольствія и подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что и въ періодъ правительственныхъ попытокъ къ осуществленію религіознаго компромисса Могила не проявилъ сопротивленія этимъ послѣднимъ; Могила оказался подъ подозрѣніемъ у извѣстной части православнаго общества, и непримиримые элементы подняли противъ него движеніе среди козаковъ и мѣстнаго кіевскаго населенія. Подъ давленіемъ его и особенно козацкаго войска, Могила долженъ былъ уступить; принявъ почетный титулъ старшаго братчика кіевскаго братства, онъ присоединилъ новооснованную коллегію къ братской школѣ и вообще повелъ свою дѣятельность съ большимъ вниманіемъ къ настроеніямъ православнаго общества. Получивъ теперь митрополію, онъ снискалъ довѣріе къ себѣ весьма рѣшительными, даже рѣзкими подчасъ мѣрами, которыми старался вырвать изъ рукъ уніатскаго духовенства позиціи, предоставленныя православнымъ «пунктами успокоенія», и за это ему прощалось многое, въ томъ числѣ и рѣзкіе поступки по отношеніи къ его предшественнику по митрополіи Ис. Копинскому, котораго ему пришлось устранить, занимая митрополію, на основаніи новаго выбора. «Пункты успокоенія», установленные при выборѣ Владислава,

вообще не ввели успокоенія въ религіозныя отношенія. Продолжалась чрезвычайно упорная и нерѣдко очень рѣзкая борьба за имѣнія той и другой каѳедры—уніатской или православной, за отдѣльные монастыри, церкви, приходы; рѣшенія комиссаровъ вовсе не рѣшали этихъ споровъ, въ дѣло пускалась физическая сила—захваты силою, сопровождавшіеся схватками и—безконечными процессами. Петръ Могила, въ качествѣ новаго главы православной церкви, обнаруживалъ большую энергію, блительность и стойкость въ этой борьбѣ. Съ другой стороны, онъ прилагалъ усердныя старанія къ упорядоченію отношеній внутри самой православной церкви, въ значительной степени дезорганизованной долговременнымъ состояніемъ т. ск., внѣзаконнымъ, безъ іерархіи. Чисто административная дѣятельность шла рука объ руку съ культурно-просвѣтительной, съ стремленіями поднять культурный уровень духовенства, организаціею школъ. Во главѣ ихъ стояла кіевская братская школа, которую Могила старался поднять до уровня католическихъ академій. Развивалъ также весьма замѣтную издательскую, и литературно-богословскую дѣятельность. Все это создало Могилѣ славу обновителя православной украинской церкви, съ которою перешелъ онъ въ традиціи, не безъ ущерба для заслугъ его предшественниковъ на этомъ поприщѣ; въ виду ея прощались ему многія рѣзкія, самовластныя черты этой дѣятельности.

Съ другой стороны, правительство не имѣло также причинъ сожалѣть о сдѣланныхъ уступкахъ. Признавъ православную іерархію, оно имѣло удовольствіе видѣть на мѣстѣ прежнихъ непримиримыхъ ирредентистовъ, искавшихъ опоры въ козачествѣ, поджигавшихъ его къ борьбѣ съ правительствомъ и агитировавшихъ за принятіемъ московской протекціи,—людей лояльныхъ относительно Польши и польскаго правительства, при всей преданности интересамъ православной церкви связанныхъ нравственными узами съ Рѣчью Посполитою и ея режимомъ, искавшихъ опоры въ шляхетскихъ кругахъ и придворныхъ вліяніяхъ, а не въ компрометирующихъ связяхъ съ козацкимъ демосомъ. Союзъ украинской интеллигенціи съ козачествомъ, заключенный на религіозной почвѣ, подъ давленіемъ непримиримой политики Сигизмунда, былъ, если не разорванъ, то значительно ослабленъ «пунктами успокоенія» и толерантною политикою его сына [1]).

Козацкія движенія 1630-хъ г.г.

Король Владиславъ, вступая на престолъ, носился съ планами грандіозныхъ войнъ, завоеваній, династическихъ успѣховъ. Онъ считалъ себя законнымъ претендентомъ на корону московскую и шведскую, мечталъ о борьбѣ съ Турціей и Крымомъ. Но шляхта вообще очень недоброжелательно была настроена къ этимъ воинственнымъ планамъ, страшась налоговъ и хлопотливыхъ расплатъ съ навербованнымъ и неоплаченнымъ войскомъ, какія обыкновенно вели за

[1]) Подробнѣе въ „Історії України" т. VIII, гл. 3. („Іст. укр. козач.", т. II).

собой польскія войны,—и обыкновенно своимъ делегатамъ, избираемымъ сеймомъ, поручала принимать всѣ мѣры къ скорѣйшему прекращенію войнъ. Имѣя въ виду такое настроеніе сейма, польскіе дипломаты и полководцы большею частью безжалостно обрывали военные планы короля. Московская война, начатая сейчасъ же послѣ избранія, при усиленномъ участіи козаковъ, была закончена, вопреки желанію короля, вѣчнымъ миромъ, ликвидировавшимъ его претензіи на московскій престолъ. Предотвращена была затѣмъ война со Швеціею, за которую надѣялся ухватиться Владиславъ. Возстановленъ былъ миръ съ Турціей, и сеймъ рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы этотъ миръ не былъ нарушенъ своевольными козацкими нападеніями. Согласно проекту, предложенному Конецпольскимъ, рѣшено было выстроить крѣпость у Кодацкаго порога, чтобы преградить дорогу своевольному элементу на Низъ. На этотъ разъ дѣло не осталось въ области проектовъ, и весною 1635 г. постройка крѣпости уже настолько подвинулась, что тамъ можно было поставить польскій гарнизонъ, комендантъ котораго дѣйствительно чрезвычайно внимательно и даже придирчиво сталъ слѣдить за козаками уходниками, промышлявшими въ степяхъ, и чинить имъ всяческія придирки. Козацкое войско, обѣщавшее себѣ разныя блага съ вошествіемъ Владислава, съ чрезвычайнымъ разочарованіемъ и гнѣвомъ встрѣтило это новое посягательство на его свободу, равно и другія мѣры, направленныя къ ограниченію реестра и претензій выписчиковъ. На минуту казалось, что новая война — со Швеціею дастъ выходъ изъ этого положенія. Владиславъ выписалъ часть козацкаго войска на сѣверный театръ войны, разсчитывая создать козацкую флотилію на Балтійскомъ морѣ и противоставить ее шведскому флоту (козацкія чайки дѣйствительно были снаряжены и очень эффектно дебютировали, взявъ на абордажъ шведскій корабль). Разсчитывая, что польское правительство, занятое этою войною и нуждаясь для нея въ козацкихъ контингентахъ, будетъ принуждено сквозь пальцы смотрѣть на поведеніе козаковъ на Украинѣ, козацкая старшина рѣшила воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго гарнизона. Козацкое войско, подъ предводительствомъ гетм. Сулимы, напало на Кодакъ, изрубило гарнизонъ и уничтожило крѣпость. Этотъ инцидентъ вызвалъ чрезвычайное раздраженіе въ правящихъ сферахъ; шведскій конфликтъ былъ улаженъ, гетманъ Конецпольскій возвращался на Украину, горя желаніемъ наказать за разрушеніе созданной имъ крѣпости. Лук. Жолкевскій, братъ гетмана, староста переяславскій, служившій правительству посредникомъ въ сношеніяхъ съ козаками, приложилъ старанія, чтобы терроризировать старшину страхомъ грозной кампаніи; одновременно пустилъ въ ходъ деньги, убѣждая реестровыхъ выдать Сулиму и другихъ зачинщиковъ и такимъ образомъ избѣжать войны. Эти уговоры и подкупы подѣйствовали; Сулима съ товарищами былъ выданъ и казненъ въ Варшавѣ.

Броженіе и недовольство среди козачества, однако, продолжалось. Выдавая правительству зачинщиковъ, старшина одновременно ходатайствовалъ, чтобы козацкому войску были наконецъ выплачены задержанныя за

нѣсколько лѣтъ деньги и положенъ былъ предѣлъ разнымъ притѣсненіямъ, чинимымъ козакамъ старостами. Но правительство не удовлетворило этихъ ходатайствъ; жалованіе оставалось невыплаченнымъ; казна не находила средствъ даже для возобновленія Кодацкой крѣпости. Съ другой стороны, правительство не переставало требовать, чтобы козаки никоимъ образомъ не трогали турецкихъ владѣній, между тѣмъ какъ для козацкой вольницы эти походы являлись источникомъ добычи, которою она считала себя въ правѣ компенсировать не заплаченное жалованіе. На время возгорѣвшіяся въ Крыму усобицы отвлекли въ эту сторону вниманіе козаковъ. Козацкое войско отправилось поддерживать хана въ борьбѣ съ Турціей, подъ предводительствомъ Павлюка, одного изъ товарищей Сулимы. Но вернувшись весною 1637 г. изъ Крыма, Павлюкъ повелъ здѣсь агитацію, возбуждая войско къ возстанію. Козацкую «армату» (артиллерію) сторонники Павлюка захватили и отвезли на Запорожье. Тогдашній гетманъ Томиленко слалъ посланія, увѣщая Павлюковцевъ успокоиться, но отъ активныхъ выступленій противъ нихъ уклонялся. Правительственная партія, подозрѣвая его въ скрытомъ сочувствіи возстанію, смѣнила его самовольно, выбравъ на мѣсто Томиленка Савву Кононовича, и тѣмъ ускорила развязку. Павлюкъ отвѣтилъ манифестомъ, гдѣ объявлялъ Кононовича и его сторонниковъ измѣнниками; высланный имъ на Украину отрядъ захватилъ Кононовича съ другими его сторонниками, отвезъ ихъ въ лагерь Павлюка, и здѣсь по приговору козацкаго суда они были преданы смертной казни.

Такъ началось возстаніе. Но Павлюкъ, вмѣсто того, чтобы двинуться и овладѣть театромъ будущей войны, отступилъ на Запорожье; говорили, что онъ старается привлечь на свою сторону хана и донскихъ козаковъ. На Украинѣ его представитель, полковникъ Скиданъ, поднималъ населеніе, распространяя воззванія, по примѣру 1630 г. призывавшія къ возстанію для защиты православныхъ отъ истребленія, которое несутъ имъ польскія войска. Возставшіе нападали на шляхетскіе дома, разоряли и избивали Поляковъ. Конецпольскій, не поддержавшій своевременно правительственную партію среди козачества, потому что долженъ былъ охранять юго-западныя границы отъ Турокъ, грозившихъ вторженіемъ, и все настаивавшій, чтобы козаки шли ему въ помощь,—въ это время уже уладилъ турецкій инцидентъ и осенью выслалъ свое войско со своимъ помощникомъ, гетманомъ польнымъ Ник. Потоцкимъ противъ козаковъ. Хотя послѣдній потерялъ много времени, пока договорился съ предоставленнымъ въ его распоряженіе войскомъ, отказывавшимся пускаться въ новую кампанію въ виду того, что ему не было уплачено за предшествовавшую службу,—однако Павлюкъ промедлилъ еще больше, и Потоцкій успѣлъ проникнуть за Рось, прежде чѣмъ тотъ прибылъ со своимъ войскомъ. Повторилась исторія довольно близко напоминавшая 1625 г., съ еще болѣе печальнымъ исходомъ. Польское войско, врѣзавшись глубоко на югъ, предотвратило присоединеніе къ главному козацкому войску лѣвобережныхъ силъ, стоявшихъ за Днѣпромъ, и разбило Павлюка у с. Кумеекъ. Павлюкъ бросилъ послѣ этого войско и поспѣ-

*

шилъ на югъ, къ Боровицѣ, чтобы здѣсь организовать новыя силы. Оставленное имъ войско, подъ начальствомъ Гуни, отступило вслѣдъ за нимъ. Поляки шли по его слѣдамъ и перебивъ раненыхъ и отставшихъ козаковъ, оставленныхъ въ Мошнахъ, приступили къ Боровицѣ. Когда исчезла надежда на лѣвобережныхъ, козацкое войско вошло въ переговоры съ Потоцкимъ и капитулировало, согласившись выдать Павлюка и Томиленка, такъ какъ Кисель, служившій посредникомъ при переговорахъ, ручался своимъ словомъ за ихъ безопасность. Это не помѣшало, однако, полякамъ казнить выданныхъ. Потоцкій занялся экзекуціями, желая терроромъ «успокоить» украинское поселеніе: въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, въ разныхъ мѣстахъ онъ казнилъ замѣшанныхъ въ возстаніе, сажая на колъ и выставляя головы казненныхъ на публичныхъ мѣстахъ.

Но этотъ терроръ не помѣшалъ возстанію разразиться съ новою силою, какъ только прошла зима и вскрылись рѣки. Козаки, собравшіеся на Запорожьи, выбрали гетманомъ одного изъ полковниковъ Яцка Острянина и раннею весною двинулись въ волость, театромъ операцій своихъ избравъ на этотъ разъ лѣвобережную Украину, болѣе удаленую, менѣе удобную для Поляковъ, а для возстанія представлявшей благодарный матеріалъ, особенно въ своихъ новыхъ слободахъ, которыя уже въ предшествующую кампанію Потоцкій оцѣнилъ, какъ наиболѣе опасные очаги возстанія. Пройдя вверхъ Днѣпромъ до устья Псла, Острянинъ неожиданно для Поляковъ повернулъ вверхъ по теченію Псла, и прежде чѣмъ они успѣли оріентироваться въ его планѣ, онъ укрѣпился на очень благопріятной позиціи, у впаденія Голтвы въ Псёлъ. Когда оставленный для наблюденія на Украинѣ родственникъ гетмана Потоцкаго, полковникъ Потоцкій съ польскимъ войскомъ и реестровыми козаками попробовалъ ударить здѣсь на Острянина, попытка это окончилась настолько плачевно, что Потоцкій послѣ перваго же сраженія счелъ за лучшее отступить на западъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя болѣе безопаснымъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Острянинъ неосторожно бросилъ свою позицію, не ожидая подкрѣпленій, направлявшихся къ нему сюда, и пошелъ за Потоцкимъ, надѣясь, вѣроятно, уничтожить его. Не успѣвъ на пути соединиться съ направлявшимися къ нему вспомогательными отрядами, онъ напалъ на Потоцкаго со своими силами и потерпѣлъ пораженіе. Послѣ этого, оставивъ на произволъ судьбы подходившіе отряды, онъ сталъ уходить вверхъ по теченію Сулы, считая кампанію проигранною и намѣреваясь уйти за московскую границу, какъ говорили. Но на верховьяхъ Сулы къ нему стало присоединяться мѣстное возставшее населеніе въ такихъ массахъ, что онъ рѣшилъ продолжать борьбу и, обойдя польскія позиціи, зашелъ съ юго-востока, разсчитывая отрѣзать Потоцкаго отъ Днѣпра. Новая битва, однако, оказалась опять неудачною, и когда Поляки перешли послѣ нея въ наступленіе, Острянинъ съ частью войска покинулъ остальныхъ и ушелъ за московскую границу. Надъ остальными снова принялъ начальство Гуня, и отступивъ на устье Сулы, занялъ здѣсь неприступную позицію, осада которой затянулась надолго. Гетманъ Потоцкій, прибывъ сюда со своими си-

лами и убѣдившись въ трудностяхъ, завелъ переговоры съ осажденными, и послѣдніе, утомленные осадою, не имѣя возможности получить подкрѣпленія и запасы, въ концѣ концовъ, рѣшили сдаться, подъ условіемъ амнистіи для участниковъ и предоставленія дальнѣйшей судьбы козачества на рѣшеніе короля. Но это рѣшеніе было одной формой: новая организація козачества была рѣшена сеймомъ уже весною этого года, подъ впечатлѣніями восстанія 1637 г., и король тутъ ничего не могъ измѣнить. Козацкое войско должно было принять сеймовую ординацію 1638 г. [1]).

Усиленіе польскаго режима; украинская эмиграція.

Козацкія восстанія 1630-хъ гг. не улучшили, а ухудшили положеніе козачества. Благодаря мирной политикѣ шляхты, предотвращавшей всякія серьезныя войны, польское правительство не нуждалось въ военныхъ силахъ козачества, въ экстроординарныхъ контигентахъ его—сверхъ реестровыхъ, точнѣе сказать. Наоборотъ—свободно располагая своими военными силами, оно могло тщательно слѣдить за украинскими отношеніями и подавлять всякія стремленія козаковъ выйти изъ предназначенныхъ ему рамокъ. Въ этомъ лежалъ интересъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и державцевъ, для хозяйственныхъ плановъ которыхъ непомѣрное развитіе козачества являлось существеннымъ препятствіемъ. Ограниченія, принятыя сеймомъ въ 1638 г. и проведеныя въ жизнь въ концѣ этого года, послѣ капитуляціи Гуни, были продиктованы украинскими магнатами. Козацкое войско было оставлено, но приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать его безопаснымъ для успѣховъ магнатскаго хозяйства и вообще польско-шляхетскаго режима на Украинѣ. Козацкое самоуправленіе отмѣнено, всѣ высшія должности въ козацкомъ войскѣ были замѣщены Поляками, и въ ряды самого реестроваго казачества на открывающіяся вакансіи вводились, по словамъ позднѣйшихъ воспоминаній, разные посторонніе элементы. Козацкіе поселенія были локализированы, ограничены извѣстными коронными имѣніями, и приняты были всѣ мѣры, чтобы привилегіи, которыми пользовались козаки, не «деморализовали» остальнаго населенія. Подъ строгимъ и придирчивымъ контролемъ мѣстныхъ старостъ и своей собственной польской администраціи козацкій элементъ былъ подавленъ, приниженъ и казался неопаснымъ. Отстроенная Кодацкая крѣпость преграждала дороги на Низъ, господствовала надъ порогами, и самое Запорожье стояло подъ надзоромъ гарнизона изъ реестровыхъ козаковъ. Расквартированныя на Украинѣ польскія войска служили угрозой для всякой попытки къ движенію.

Давніе планы польскихъ политиковъ, наконецъ, осуществились. Шляхетское хозяйство начало, благодаря этому, дѣйствительно развиваться успѣшно и въ смыслѣ своей экспансивности, захватывая новыя простран-

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. VIII, гл. 4 и 5 (входитъ въ „Ист. украин. коз." т. III).

ства, и въ смыслѣ интенсификаціи крѣпостническихъ отношеній. И благодаря тому, что вершителямъ польской политики на этотъ разъ удавалось парализовать всѣ воинственные замыслы короля, такой идеальный, съ польской точки зрѣнія, порядокъ продержался почти десять лѣтъ и казался упрочившимся. Но онъ висѣлъ только на тонкой нити хрупкаго политическаго равновѣсія, не имѣя сколько нибудь прочнаго основанія въ мѣстныхъ отношеніяхъ. Нужно было очень много для того, чтобы онъ окрѣпъ дѣйствительно. Реестровое козачество, покорно подчиняясь новымъ порядкамъ, не мирилось съ ними и было крайне раздражено всѣми ограниченіями новой ординаціи. Массы выписчиковъ, оставленныхъ внѣ реестра и обращенныхъ въ крѣпостную зависимость, представляли чрезвычайно опасный горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Крестьяне слободъ, которымъ оканчивались льготные годы, съ ненавистью встрѣчали каждый симптомъ крѣпостническихъ отношеній.

Много народа, не мирясь съ этими успѣхами шляхетскаго режима, покидало польскую Украину и уходило за московскую границу. Четвертое, пятое — и также точно послѣдующія десятилѣтія—были періодомъ усиленной эмиграціи украинскаго населенія въ этомъ направленіи, продолженіе этого столѣтія создавшаго новую огромную территорію украинскаго заселенія, такъ называемую Слободскую Украину (нынѣшнюю Харьковскую со смежными частями Курской и Воронежской губерній). Послѣ того какъ польскій режимъ, панская власть, помѣщичье хозяйство стали вплотную придвигается къ московскому рубежу на востокѣ, къ низовымъ степямъ на югѣ, захватили сѣверскія земли, закрѣпленныя за Польшею по вѣчному миру съ Москвою 1635 г.,—наиболѣе непримиримые элементы, не мирившіеся съ шляхетскимъ режимомъ, все въ болѣе значительныхъ массахъ начинаютъ уходить за московскій рубежъ, поселяясь вдоль южной линіи укрѣпленій, устроенныхъ московскимъ правительствомъ,—такъ наз. Бѣлгородской черты. Процессъ этотъ большею частью развивался постепенно и незамѣтно, и только временами мы имѣемъ свѣдѣнія о переходѣ цѣлыхъ большихъ партій эмигрантовъ. Такъ, послѣ кампаніи 1638 г. 800 козаковъ, съ женами, дѣтьми и хозяйствомъ, съ гетманомъ Остряниномъ во главѣ, поселились въ окрестностяхъ Чугуева, образовавъ отдѣльное козацкое войско. Въ современной корреспонденціи находимъ указанія, что Острянинъ и, вѣроятно, также и очень многіе другіе, заблаговременно, приступая къ возстанію, переправили свои семьи за московскій рубежъ, чтобы укрыться туда въ случаѣ неудачи. Послѣ окончательной капитуляціи туда же ушелъ Гуня. Несомнѣнно, что каждый рѣзкій конфликтъ съ польскимъ режимомъ сопровождался теперь болѣе или менѣе значительными побѣгами и переселеніями за рубежъ, и восточная, даже лѣвобережная Украина стала теперь такимъ же этапомъ въ этомъ уходѣ украинскаго населенія отъ польскаго господства, какимъ раньше были центральныя и правобережныя земли.

Но и огромныя массы украинскаго населенія, не переходившія рубежа и скопившіяся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ Поднѣпровьи, принесенныя не прекращавшимся мо-

гучимъ потокомъ западно-украинской эмиграціи, нисколько не склонны было мириться съ новымъ положеніемъ вещей и смотрѣли на установившееся господство шляхетскаго режима, какъ на преходящій антрактъ. Нарушеніе равновѣсія неизбѣжно должно было привести къ взрыву тѣмъ сильнѣйшему, чѣмъ неподвижнѣе была внѣшность украинской жизни въ періодъ этого антракта.

Король Владиславъ, утомленный вынужденнымъ бездѣйствіемъ, увлекаемый планами христіанской лиги противъ Турціи, которую старалась составить Венеція, задумалъ было провоцировать турецкое правительство козацкими нападеніями и даже вошелъ въ секретные переговоры съ козацкой старшиной, чтобы побудить козаковъ къ морской экспедиціи. Но зорко слѣдившіе за королемъ шляхетскіе политики постарались пресѣчь въ зародышѣ королевскіе планы, и козацкая старшина, терроризируемая новымъ режимомъ, не рѣшилась откликнуться на предложеніе короля.

Это казалось испытаніемъ прочности этого режима. Но маленькая захолустная исторія, разыгравшаяся на крайнемъ пограничьи украинскаго населенія—столкновеніе чигиринскаго козацкаго сотника съ администраціей чигиринскаго староства—не замедлила обнаружить, насколько обманчива была эта прочность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она была характеристическимъ показателемъ отношеній. Лояльнѣйшій представитель козацкой старшины потерялъ терпѣніе, въ виду грубаго произвола, который позволяли себѣ по отношенію къ наиболѣе лояльнымъ, наиболѣе заслуженнымъ козацкимъ старшинамъ разные агенты, довѣренные и приказчики пограничныхъ магнатовъ (Чигиринское староство принадлежало Конецпольскимъ). Отсутствіе какой-либо правительственной администраціи, какой-либо охраны законности не оставляло иной дороги при встрѣчѣ съ такими факторами произвола, кромѣ вооруженной борьбы—или бѣгства. Хмельницкій рѣшилъ попытать счастья въ борьбѣ [1]).

Возстаніе Хмельницкаго.

Какъ одинъ изъ участниковъ тайныхъ переговоровъ Владислава съ козацкими старшинами, Хмельницкій зналъ о тайныхъ планахъ короля и не только ими воспользовался, какъ агитаціоннымъ мотивомъ для возстанія, но и дѣйствительно могъ разсчитывать на содѣйствіе короля, преувеличивая, какъ и все украинское населеніе—значеніе личной воли короля въ общемъ ходѣ польской жизни. Король, дѣйствительно, старался повліять на короннаго гетмана Потоцкаго, когда послѣдній началъ готовиться къ войнѣ, при первыхъ же извѣстіяхъ, что Хмельницкій, бѣжавъ на Низъ, организуетъ тамъ возстаніе. Король совѣтывалъ не обстрять отношеній и дать выходъ воинственной энергіи козаковъ въ походахъ на Турокъ. Но Потоцкій не былъ склоненъ служить личнымъ планамъ короля, и когда Хмельницкій въ отвѣтъ на его

[1]) Подробнѣе въ VIII т. „Історії України", гл. 6 и 7.

призывы къ покорности потребовать отмѣны ординаціи 1638 г., онъ счелъ войну неизбѣжною и двинулся противъ него вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, польнымъ гетманомъ Калиновскимъ, а часть своего войска, подъ предводительствомъ своего сына, выслалъ въ низовыя степи, чтобы преградить дорогу Хмельницкому.

Возстаніе, такимъ образомъ, казалось, было захвачено въ самомъ началѣ, болѣе чѣмъ когда либо. Но въ рукахъ Хмельницкаго оказались шансы, которыхъ не удалось до сихъ поръ пріобрѣсть его предшественникамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія: ему удалось склонить крымскаго хана къ участію въ кампаніи противъ Польши. Ханъ былъ раздраженъ тѣмъ, что польское правительство задержало выплату «упоминковъ»; въ Крыму былъ голодъ и Татарамъ необходимъ былъ какой нибудь посторонній рессурсъ. Ханъ поэтому согласился, не принимая непосредственнаго участія, выслать въ помощь Хмельницкому одного изъ знатнѣйшихъ мурзъ Тугай-бея. Это очень подняло престижъ Хмельницкаго. Реестровое войско, отправленное противъ него, перешло на его сторону. Съ помощью Татаръ, онъ разбилъ и совершенно уничтожилъ на ур. Желтыя воды передовое польское войско, и затѣмъ, двинувшись на главныя польскія силы и настигнувъ ихъ подъ Корсунемъ, нанесъ имъ полное, небывалое еще въ лѣтописяхъ козацко-польскихъ войнъ, пораженіе: польская армія была уничтожена, Потоцкій и Калиновскій попали въ плѣнъ (26 мая 1648). Хмельницкій, такимъ образомъ овладѣлъ Поднѣпровьемъ, и возстаніе съ чрезвычайной силой охватило оба берега Днѣпра. Всѣ успѣхи польско-шляхетскаго режима послѣдняго десятилѣтія были потеряны сразу. Отряды возставшихъ крестьянъ расправлялись съ ненавистною шляхтою, евреями-арендаторами, со всѣми прислужниками и приспѣшниками польскаго господства. Послѣдніе поголовно бѣжали, насколько еще имѣли возможность бѣжать, изъ лѣвобережной Украины, въ правобережную, укрываясь въ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстечкахъ, но эти убѣжища, одно за другимъ, попадали въ руки возставшихъ отрядовъ. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль вся восточная Украина — воеводство Кіевское, Черниговское, Браславское—оказались въ полномъ и нераздѣльномъ владѣніи возстанія.

Хмельницкій, среди этого стихійнаго движенія, нѣкоторое время оставался со своимъ войскомъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, не двигаясь далѣе. Неожиданный разгромъ польскихъ силъ могъ его насколько же радовать, насколько и тревожить. Для его ближайшей цѣли—добиться отмѣны ординаціи 1638 г. и возстановленія козацкихъ правъ, уничтоженныхъ послѣдней,—конфликтъ вышелъ слишкомъ рѣзкимъ и могъ затруднить разрѣшеніе вопроса. Въ петиціи, высланной правительству отъ козацкаго войска, послѣднее домогалось отмѣны ординаціи 1638 г., уплаты задержаннаго жалованія и увеличенія реестра до 12 тыс.—цифры, проектированной самимъ королемъ въ его планахъ войны съ Турціей. Одновременно Хмельницкій въ письмахъ, адресованныхъ королю и разнымъ вліятельнымъ лицамъ, старался ослабить впечатлѣніе возстанія, оправдывая свой шагъ и прося для козаковъ



защиты отъ притѣсненій. Несомнѣнно, онъ разсчитывалъ на сочувствіе короля, но Владиславъ умеръ въ моментъ возстанія (20 мая).

Получивъ приглашеніе отъ Киселя, дѣйствовавшаго по порученію временнаго правительства, прекратить военныя дѣйствія и отступить «на обычныя мѣста», чтобы ликвидировать мирно весь инцидентъ, Хмельницкій дѣйствительно отступилъ въ Чигринъ. Но возстаніе продолжало развиваться; кн. Вишневецкій съ другими сторонниками непримиримой политики, вели кровопролитную, ожесточенную борьбу съ его предводителями, и Хмельницкій уже въ концѣ іюня увидѣлъ себя вынужденнымъ двинуться снова на театръ возстанія, въ южную Волынь. Когда новое польское войско, порученное предводительству богатѣйшаго изъ украинскихъ магнатовъ кн. Заславскаго (наслѣдника Острожскихъ), перешло въ наступленіе, Хмельницкій далъ ему битву подъ Пилявцами, на границѣ Волыни и Подоліи и разгромилъ его такъ же, какъ армію Потоцкаго. Эта новая побѣда окончательно отдала въ его руки всю Украину, можно сказать—всю Польшу, очутившуюся въ страшной паникѣ, безъ всякихъ военныхъ средствъ. Но Хмельницкій не пользовался благопріятными обстоятельствами. Онъ ждалъ выбора новаго короля, чтобы изъ рукъ его получить разрѣшеніе козацкихъ дезидератъ, почетное, благопріятное. Медленно двигался онъ на Львовъ, потомъ на сѣверо-востокъ до Замостья, стараясь удержать отъ ненужныхъ битвъ, успѣховъ и завоеваній свое войско, не понимавшее его тактики и возмущавшееся ею. И наконецъ, подъ Замостьемъ въ декабрѣ 1648 г., получивъ извѣщеніе отъ новаго короля Яна Казиміра (брата Владислава) о его выборѣ, съ приглашеніемъ прекратить свой походъ и ожидать прибытія его посольства для установленія новаго порядка, Хмельницкій отдалъ приказъ своимъ войскамъ возвращаться обратно и отправился въ Кіевъ, куда должны были прибыть королевскіе комиссары.

Здѣсь его встрѣтили какъ національнаго героя, чрезвычайными почестями. Депутаціи кіевскихъ школъ привѣтствовали его какъ «украинскаго Моисея», освободителя отъ «лядской неволи»; іерархія съ проѣзжимъ іерусалимскимъ патріархомъ во главѣ, окружила его знаками высочайшаго уваженія. И среди этого общаго энтузіазма, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ наиболѣе выдающимися представителями украинской интеллигенціи, ея тогдашняго культурнаго центра, съ которымъ Хмельницкаго, насколько знаемъ, до тѣхъ поръ не связывали болѣе тѣсныя связи,—его роль, задачи и цѣли его политики, представились ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. Впервые, можетъ быть, его мысль выходитъ за тѣсные предѣлы стремленій и интересовъ козацкаго класса, и онъ начинаетъ оцѣнивать положеніе съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ, національнаго освобожденія, которое торжествовалось украинскимъ народомъ. Но осуществить это освобожденіе невозможно было, очевидно, никакими компромиссами съ польскимъ правительствомъ, и поэтому королевскіе комиссары, прибывшіе къ Хмельницкому въ февралѣ 1649 г., къ удивленію своему, замѣтили полную перемѣну. Вмѣсто увѣреній въ вѣрности

и преданности Рѣчи Посполитой, такъ щедро расточавшихся имъ въ прошломъ году, и выраженій благодарности за оказанныя ему королевскія милости, они услышали отъ него совершенно новыя и необычныя рѣчи. Хмельницкій говорилъ о своемъ рѣшеніи не вступать ни въ какіе договоры съ польскимъ правительствомъ, о твердомъ намѣреніи освободить изъ «лядской неволи» весь украинскій народъ, опираясь на крестьянскія массы и для ихъ обороны организуя огромное козацкое войско.

Отказываясь отъ переговоровъ, Хмельницкій велъ обширныя приготовленія къ новой кампаніи, и польское правительство, съ своей стороны, начало готовиться къ рѣшительной борьбѣ. Но преимущества таланта были, очевидно, на сторонѣ Хмельницкаго. Неосторожно двинувшіяся противъ него польскія войска Хмельницкій окружилъ снова подъ Збаражемъ, на границѣ Волыни и Галиціи, а когда на помощь осажденнымъ, побуждаемый ихъ отчаянными призывами, двинулся самъ король со шляхетскимъ ополченіемъ, Хмельницкій окружилъ и его подъ Зборовымъ, на пути къ Збаражу, и поставилъ въ совершенно безвыходное положеніе. Но вѣроломство Татаръ погубило Хмельницкаго: король вошелъ въ переговоры съ ханомъ и за цѣну разныхъ уступокъ (между прочимъ, за разрѣшеніе безпрепятственно взять любое количество плѣнниковъ изъ украинскихъ земель), ханъ согласился покинуть Хмельницкаго и угрозою измѣны принудилъ послѣдняго помириться съ королемъ. Такъ заключенъ былъ т. н. Зборовскій трактатъ (августъ 1648). Реестровое войско увеличивалось до 40 тыс., въ него могли быть вписаны козаки изъ коронныхъ и помѣщичьихъ имѣній, въ предѣлахъ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Браславскаго. Польское войско не могло вступать на территорію этихъ воеводствъ, въ нихъ не могли проживать ни евреи, ни іезуиты. Православный митрополитъ получалъ мѣсто въ сенатѣ; на всѣ должности въ трехъ помянутыхъ воеводствахъ должны назначаться только православные; унія должна быть уничтожена.

Это былъ неимовѣрный тріумфъ, по сравненію съ тѣми требованіями, какія до сихъ поръ высказывались съ украинской стороны по адресу польскаго правительства. Но послѣ того, какъ Украина и самъ Хмельницкій стали на почву національнаго освобожденія Украины—это была капитуляція, катастрофа, провалъ. Такъ посмотрѣло на это украинское общество, такъ почувствовалъ это и самъ Хмельницкій. Массы возставшаго народа, оставшіяся внѣ реестроваго войска, должны были вернуться въ подданство польскихъ пановъ; съ нѣкоторыми поправками, указанными трактатами, долженъ былъ возстановиться польскій режимъ. Хмельницкій, сначала дѣлавшій попытки осуществить постановленія Зборовскаго трактата, скоро убѣдился въ невозможности этого осуществленія безъ полнаго разрыва съ народомъ, безъ полнаго дискредитированія своей дѣятельности въ глазахъ его. Съ другой стороны, и съ польской стороны нельзя было расчитывать на корректное исполненіе зборовскихъ постановленій, казавшимися польскому обществу, невозможною, позорною капитуляціей. Новое столкновеніе являлось неиз-

бѣжнымъ, и Хмельницкій, чувствуя, что настроеніе народныхъ массъ послѣ разочарованій послѣдней кампаніи измѣнилось не въ его пользу, старался укрѣпить свое положеніе новыми союзами съ сосѣдними государствами: возобновилъ союзныя отношенія съ ханомъ, отдался подъ покровительство султана, поддерживалъ отношенія съ турецкими вассалами: воеводою молдавскимъ и княземъ трансильванскимъ, и старался втянуть въ свою борьбу съ Польшею также московское правительство и Швецію. Однако, прежде чѣмъ эта сложная дипломатическая сѣть, которую онъ плелъ, пріобрѣла необходимую прочность, отношенія съ Польшею окончательно обострились, и нападеніе польскихъ войскъ на козаковъ на подольской границѣ, зимою 1650/1 г., начало собою новую кампанію. Первыя стадіи ея были благопріятны для Хмельницкаго, но когда пришелъ рѣшающій моментъ, подъ Берестечкомъ, въ сѣверной Волыни, ханъ, принявшій участіе въ войнѣ подъ давленіемъ турецкаго правительства и недовольный тѣмъ, что Хмельницкій употреблялъ противъ него такія посторонніе воздѣйствія, покинулъ козацкое войско и захватилъ съ собой самого Хмельницкаго. Лишенное предводителя, козацкое войско было разгромлено Поляками при отступленіи. Польскія войска двинулись въ восточную Украину, литовское, приступивъ съ сѣвера, взяло Кіевъ. Хмельницкій, организовавшій новыя силы для борьбы, видя всеобщее разочарованіе и апатію поселенія, долженъ былъ войти въ переговоры съ польскимъ правительствомъ, и въ сентябрѣ 1651 г., подъ Бѣлою Церковью, состоялся новый договоръ между нимъ и Польшею. Но этотъ Бѣлоцерковскій трактатъ, представлявшій собою ухудшенное, обрѣзанное въ ущербъ украинскимъ интересамъ изданіе Зборовскаго трактата, еще менѣе, чѣмъ этотъ послѣдній, могъ удовлетворить козачество и самого Хмельницкаго, и на этотъ разъ, ни одна, ни другая сторона не могла имѣть какихъ-либо иллюзій относительно прочности достигнутаго соглашенія [1]).

Соединеніе съ Москвою.

Послѣ того какъ опытъ послѣдней кампаніи еще болѣе убѣдительно обнаружилъ ненадежность крымскаго союза и не высокую полезность соглашенія, заключеннаго съ Турціей и ея вассалами, а со Швеціей все еще не удалось наладить соглашеній, Хмельницкій всяческія старанія сталъ прилагать къ тому, чтобы вовлечь въ свою борьбу съ Польшею Московское государство. Такія попытки, какъ было уже отмѣчено, дѣлались украинскими дѣятелями уже раньше, и митр. Борецкій довольно настойчиво предлагалъ московскому правительству принять подъ свое покровительство Украину и козацкое войско. Когда выяснилось, что московское правительство не представляетъ себѣ своего участія въ иной формѣ, какъ въ видѣ присоединенія Украины къ Москвѣ и перехода ея

[1]) Подробнѣе въ „Історії України", т. VIII, гл. 8 и 9.

подъ верховенство царя, Хмельницкій дѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложенія царскому правительству, но послѣднее, при всѣхъ соблазнительныхъ перспективахъ, какія открывало ему это вмѣшательство въ украинскія отношенія, долго не рѣшалось рискнуть войной съ Польшей, такъ недавно давшей почувствовать Московскому государству превосходство своихъ силъ. Однако послѣдняя побѣда Поляковъ надъ козаками заставила московское правительство серьезно призадуматься надъ перспективами, какія открывала политика польскаго правительства, стремившагося направить козаковъ и Крымъ противъ Москвы, чтобы дать исходъ военной энергіи Орды и козачества. Когда военныя дѣйствія между Хмельницкимъ и Польшею возобновились снова въ 1652 г. и послѣ эффектнаго и удачнаго для Хмельницкаго начала, потянулись долгіе безплодные мѣсяцы, ясно обнаружившіе упадокъ энергіи и силъ украинскаго козачества, московское правительство должно было ясно сознать необходимость, въ своихъ интересахъ, вмѣшаться въ украинско-польскую борьбу, чтобы не дать возможность Польшѣ, сломивъ козацкія силы, направить ихъ противъ Москвы, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Созванный для обсужденія этого вопроса земскій соборъ сталъ на точку зрѣнія активнаго вмѣшательства. Московское правительство осенью 1653 г. увѣдомило Хмельницкаго о своемъ рѣшеніи—принять Украину подъ царскую протекцію и воевать за нее съ Польшею,—и вслѣдъ затѣмъ выслало чрезвычайное посольство, поручивъ ему привести украинское правительство и населеніе къ присягѣ на вѣрность царю. Хмельницкій получилъ объ этомъ извѣстіе среди долгой и утомительной подольской кампаніи, въ которой обѣ арміи въ бездѣйствіи стояли другъ противъ друга, не принимая рѣшительныхъ шаговъ, пока польскому правительству еще разъ не удалось привлечь на свою сторону хана, стоявшаго на сторонѣ Хмельницкаго. Хмельницкій прекратилъ военныя дѣйствія и отправился въ Переяславъ, назначенный имъ для пріема московскаго посольства, и въ первыхъ дняхъ января 1654 г. съѣхался здѣсь съ московскими послами.

Однако, теперь, когда долголѣтнія старанія украинскихъ политиковъ увѣнчались успѣхомъ, и московское правительство рѣшилось активно вмѣшаться въ польско-украинскую распрю, не замедлило обнаружиться рѣзкое расхожденіе мотивовъ и стремленій, руководившихъ украинскими и московскими политиками. Украинскіе политики желали воспользоваться помощью Москвы для эмансипаціи украинской жизни отъ польскаго господства и гнета; широкая автономность украинской жизни являлась движущимъ, хотя не всегда ясно сознаннымъ мотивомъ ихъ политики вообще и ихъ союза съ Москвою въ частности. Между тѣмъ, московское правительство, принимая Украину подъ верховную власть царя, думало о «возсоединеніи» украинскихъ и бѣлорусскихъ провинцій династіи св. Владиміра и цѣлью своей политики ставило—прочно утвердиться и взять въ руки присоединяемыя провинціи. Уже при самомъ принесеніи присяги московскому царю обнаружилось глубокое противорѣчіе между конституціонными привычками и идеями украинскаго общества и самодержавными принци-

пами Москвы, когда козацкая старшина поставила требованіе, чтобы прежде принесенія ею присяги, царскіе послы именемъ царя присягнули въ томъ, что онъ исполнитъ обязательства, принимаемыя на себя по отношенію къ Украинѣ. Весьма существенныя расхожденія обнаружились между украинскими и московскими стремленіями затѣмъ при переговорахъ съ московскимъ правительствомъ относительно дальнѣйшихъ отношеній Украины къ московскому правительству (въ мартѣ 1654 г.). Схема автономной украинской жизни еще не успѣла уясниться съ достаточной опредѣленностью и для самихъ украинскихъ политиковъ, но фактически, начиная съ 1648 г., восточная Украина жила вполнѣ самостоятельною политическою жизнью и вокругъ козацкой старшины и ея гетмана, стоявшихъ въ центрѣ ея политической жизни, постепенно наростали различныя функціи и компетенціи общегосударственнаго управленія. Въ предложенныхъ, по приглашенію московскаго правительства, своихъ запросахъ и пожеланіяхъ, Хмельницкій со старшиною, не ставя вопроса по существу, хотѣли рядомъ частныхъ оговорокъ, свести на нѣтъ участіе московскаго правительства во внутреннихъ отношеніяхъ Украины и оставить въ возможно чистомъ видѣ фактическую автономность украинской жизни. Какъ на желательный образецъ своихъ отношеній въ отдѣльныхъ вопросахъ—они указывали на примѣръ вассальныхъ государствъ Турціи—Молдавіи и Валахіи, автономныхъ во внутреннихъ отношеніяхъ. Но московскіе политики обнаружили большую несговорчивость и, хотя въ виду настойчивости украинскихъ представителей, рѣшили соблюдать осторожность въ проведеніи своихъ плановъ и до времени оставить въ силѣ фактическія отношенія, но отъ гарантіи автономности украинскихъ внутреннихъ отношеній—вообще уклонялись.

Эти резолюціи, данныя на петиціи Хмельницкаго и старшины въ мартѣ 1654 г., извѣстныя подъ именемъ «статей Богдана Хмельницкаго», сыграли весьма важную роль въ позднѣйшихъ украинскихъ отношеніяхъ, ставъ на долгое время, до окончательной отмѣны гетманства, своего рода конституціонной хартіею Украины, какъ ни мало онѣ отвѣчали такому назначенію. Они имѣли характеръ случайный, многое выдвигали просто по традиціи договоровъ съ польскимъ правительствомъ — каковы напримѣръ, всѣ пункты о козачьемъ войскѣ и козачьихъ правахъ, совершенно почти лишенные значенія въ новыхъ условіяхъ, а между тѣмъ, занимающіе въ этихъ статьяхъ главное мѣсто, между тѣмъ, какъ вопросы первостепенной важности трактовались мимоходомъ, и часто довольно неопредѣленно. Допущенныя, съ обѣихъ сторонъ, недомолвки вообще оставляли много неяснаго въ отношеніяхъ Украины къ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за гетманомъ были оставлены атрибуты верховной суверенной власти (право сношеній съ иностранными правительствами); фактически оставлены были за нимъ функціи общегосударственнаго управленія. Но съ другой стороны, первымъ дѣломъ московскаго правительства было введеніе московскихъ воеводъ и гарнизоновъ въ украинскіе города. въ началѣ 1654 г. такіе воеводы введены были въ Кіевъ и, устроивъ здѣсь от-

дѣльную крѣпость, расположились въ ней съ московскимъ войскомъ, непосредственно сносясь съ центральнымъ московскимъ правительствомъ; и такихъ воеводъ московское правительство затѣмъ намѣревалось ввести и въ другіе значительные города Украины. Смерть кіевскаго митрополита дала поводъ выдвинуть вопросъ о подчиненіи украинской церкви московскому патріарху. Въ перспективѣ предвидѣлось введеніе московскаго обложенія и переходъ финансового управленія въ руки московской администраціи, и т. под. Все это весьма мало могло нравиться украинскому обществу и особенно козацкой старшинѣ, все болѣе свыкавшейся со своей властной руководящей ролью въ автономной украинской жизни [1]).

Шведскій союзъ и Гадяцкая унія.

Противорѣчіе въ стремленіяхъ украинской политической жизни и московской политики, вскрывшееся уже въ первыхъ столкновеніяхъ украинской политики съ московскимъ правительствомъ, очевидно весьма сильно озадачило Хмельницкаго. Добиваясь все время очень настойчиво московской помощи для борьбы съ Польшей, теперь, когда эта помощь была въ его распоряженіи, и московское правительство, съ своей стороны, ударило на Польшу со стороны Бѣлоруссіи, Хмельницкій сразу теряетъ вкусъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ Польшей, неохотно принимаетъ настойчивыя предложенія совмѣстныхъ походовъ, совмѣстныхъ дѣйствій противъ Польши, которыя ему дѣлаетъ московское правительство, и ведетъ вяло свои военныя операціи. Позже онъ объяснялъ шведскому правительству, что умышленно уклоняется отъ совмѣстныхъ завоеваній, чтобы не дать поводъ московскому правительству къ претензіямъ на завоеванныя земли и города. И тѣмъ болѣе приходилось ему жалѣть о поспѣшно завязанныхъ отношеніяхъ, что на очередь выступала иная, гораздо болѣе благопріятная комбинація, не затрагивавшая интересовъ украинской автономіи.

Въ Швеціи явился новый король Карлъ X, вознамѣрившійся возобновить старую борьбу съ Польшею, заглохшую при его предшественницѣ регентшѣ Христинѣ; онъ разсчитывалъ при этомъ на своего традиціоннаго союзника, князя трансильванскаго, на содѣйствіе протестантскихъ магнатовъ Польши и Литвы, и на Хмельницкаго, уже раньше, почти съ самаго начала возстанія старавшагося побудить Трансильванію и Швецію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Польши. Хмельницкій съ удовольствіемъ принялъ теперь предложеніе тѣснаго союза и общей борьбы съ Польшею. Весною 1655 г. было рѣшено предпринять общую кампанію противъ Польши; Хмельницкій двинулся на

[1]) Подробнѣе въ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа", изд. 3 гл. 17. Для внѣшнихъ событій Костомаровъ — „Богданъ Хмельницкій", Kubala: Szkice historyczne, 2 изд. 1896, W. Lipiński: Z dziejów Ukrainy; для внутреннихъ отношеній новая работа В. Мякотина: „Очерки соціальной исторіи Малороссіи" — Возстаніе Б. Хмельницкаго и его послѣдствія, „Рус. Богатство", 1912.

Подолье, отсюда въ Галицію и далѣе къ Люблину. Разгромивъ Потоцкаго подъ Городкомъ, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ Галицію, но его стѣсняло присутствіе московскаго войска, участвовавшаго въ этомъ походѣ, и во время переговоровъ со львовскими мѣщанами, войсковой писарь Выговскій, довѣренный человѣкъ Хмельницкаго, предостерегалъ мѣщанъ не вести переговоровъ съ бояриномъ Бутурлинымъ, предводительствовавшимъ московскимъ войскомъ, и не сдаваться на царское имя—по извѣстнымъ уже намъ мотивамъ. Шведскій король настойчиво совѣтовалъ Хмельницкому разорвать вовсе съ Москвою, такъ какъ при своемъ самодержавномъ складѣ московское правительство «не потерпитъ у себя свободнаго народа», рано или поздно нарушитъ данныя обѣщанія и лишитъ Украину ея вольностей. Хмельницкій, однако, сначала не рѣшался съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ союза съ Москвою, котораго такъ долго добивался, и съ своей стороны старался повліять на шведскаго короля, чтобы онъ не доводилъ своихъ отношеній къ Москвѣ до полнаго обостренія и не настаивалъ на разрывѣ Украины и Москвы. Весьма вѣроятно, что уже въ это время среди украинскихъ политиковъ вырисовывался планъ сдѣлать Украину нейтральнымъ государствомъ, подъ протекторатомъ Москвы, Швеціи, можетъ быть и Турціи также, какъ позже мы встрѣчаемъ намеки на подобные планы въ нѣсколько иныхъ комбинаціяхъ. Но отношенія Москвы и Швеціи обострялись все больше; когда Швеція въ войнѣ съ Польшею стала дѣлать большіе успѣхи, захватила Великую Польшу, и шведскій король былъ признанъ здѣсь королемъ, польское правительство постаралось сблизиться съ московскимъ, завязало переговоры и, подавъ надежду царю, что онъ будетъ выбранъ королемъ польскимъ, не только добилось перемирія съ Москвою, но и обратило ея оружіе противъ Швеціи. Такая перемѣна московской политики произвела на Украинѣ самое непріятное впечатлѣніе. Хмельницкій жаловался передъ московскими дипломатическими агентами, что царь не устоялъ въ своихъ обѣщаніяхъ, данныхъ украинцамъ, и выдаетъ ихъ Польшѣ; въ особенности возмущало его то, что московско-польскіе переговоры, такъ близко касающіеся Украины, происходятъ безъ участія украинскихъ представителей, не допущенныхъ до присутствованія при переговорахъ, такъ что украинцы остаются въ совершенной неизвѣстности относительно ихъ содержанія.

Поставленный предъ необходимостью выбирать между двумя воюющими сторонами — Москвою, требовавшею, чтобы Хмельницкій разорвалъ свои отношенія съ Швеціей и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и Швеціей, настаивавшею на разрывѣ съ Москвою, Хмельницкій и старшина склоняются все болѣе рѣшительно въ сторону Швеціи, тѣмъ болѣе, что это совпадаетъ съ раздраженіемъ противъ Москвы въ украинскихъ кругахъ, вслѣдствіе ея стремленій къ ограниченію украинской автономіи, а Швеція обѣщала поддержку, не посягая на внутреннія отношенія Украины. Въ 1656 г. Хмельницкій заключаетъ тѣсный союзъ со Швеціей и Трансильваніею, обѣщая своимъ союзникамъ помощь противъ всѣхъ непріятелей, не исключая и Москвы; ближайшимъ образомъ союзъ

былъ направленъ противъ Польши, которую союзники намѣревались довести до полнаго уничтоженія и раздѣлить ея земли между собою. Въ началѣ 1657 г. была начата общая кампанія противъ Польши; войска Хмельницкаго и Юр. Ракочи, князя трансильванскаго, должны были овладѣть Малою Польшею и Западною Украиною и, соединившись затѣмъ съ шведскими войсками, довершить завоеваніе Польши. Но военныя дѣйствія Ракочи и арміи Хмельницкаго, по болѣзни не имѣвшаго возможности предводительствовать ею лично, были неудачны, и что хуже — въ украинскихъ войскахъ проявилось сильное неудовольствіе противъ военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ вопреки московской политикѣ: въ украинскихъ массахъ, утомленныхъ столь долгой войной, была слишкомъ сильна боязнь новыхъ осложненій, какія могъ повести разрывъ съ Москвою, особенно въ виду грозившей смерти Хмельницкаго. Хмельницкій былъ очень огорченъ неудачей этого похода, и она ускорила его смерть, наступившую 27 іюля 1657 г.

Его преемникъ на гетманствѣ Иванъ Выговскій и прочая старшина продолжали политику сближенія со Швеціею, при возможной нейтральности по отношенію къ Москвѣ. Переговоры со шведскимъ правительствомъ привели къ весьма важному трактату, которымъ шведскій король обязывался «признать и провозгласить Запорожское войско со всѣми подвластными ему землями народомъ свободнымъ и никому не подвластнымъ», охранять его свободу и права, защищать противъ всѣхъ враговъ и добиться отъ Польши независимости Запорожскаго войска и расширенія его власти на Украину Западную. Это была, такимъ образомъ, программа полной политической независимости Украины въ ея этнографическихъ предѣлахъ. Но фактическое значеніе этого союза было невелико, такъ какъ Швеція какъ разъ въ это время, въ виду свалившейся на нее войны съ Даніей, должна была увести свои войска съ восточно-европейскаго театра войны и вскорѣ заключила миръ съ Польшею и Москвою. Политика украинскихъ автономистовъ лишилась своей опоры. Между тѣмъ отношенія въ Москвѣ все ухудшались. Смертью Хмельницкаго московское правительство намѣревалось воспользоваться для осуществленія своихъ плановъ въ смыслѣ существенныхъ ограниченій украинской автономіи — чтобы ввести своихъ воеводъ и гарнизоны въ украинскіе города, уничтожить автономію украинской церкви, передать сборъ доходовъ своимъ агентамъ. Выговскій сначала не рѣшился противодѣйствовать этимъ реформамъ, разсчитывая на московскую поддержку въ своемъ трудномъ положеніи — въ виду оппозиціи существовавшей противъ него, какъ избранника старшины, при томъ якобы незаконно захватившаго гетманство у Юрія Хмельницкаго, избраннаго при жизни отца. Но скоро Выговскому пришлось убѣдиться, что ему нечего разсчитывать на рѣшительную поддержку московскаго правительства, лавировавшаго между вождями оппозиціи и Выговскимъ и удерживавшаго послѣдняго отъ всякихъ рѣзкихъ репрессій противъ нея. Разгромивъ противниковъ, вопреки рѣшительному запрещенію московскаго правительства, и считая свои отношенія къ Москвѣ испорчен-

ными вполнѣ и безвозвратно, Выговскій и его сторонники не видѣли другого исхода, какъ опереться на Польшу.

Польское правительство послѣ заключенія перемирія съ Москвою не прекращало попытокъ примиренія и съ украинскимъ правительствомъ, не щадя щедрыхъ обѣщаній, до полной автономіи Украины включительно. Но Хмельницкій не считалъ возможнымъ переносить центръ тяжести своей политики на какія либо соглашенія съ Польшею, какъ въ виду ненадежности ея обѣщаній, такъ, съ другой стороны—въ виду крайне неблагопріятного настроенія украинскихъ массъ ко всему, что могло хотя бы отдаленнымъ образомъ грозить возобновленіемъ польскаго режима. Это соображенія, конечно, были извѣстны и Выговскому; но въ виду грознаго движенія противъ него, старавшагося опереться на Москву, лишившись опоры Швеціи и имѣя союзникомъ только ненадежнаго крымскаго хана, онъ считалъ необходимымъ заручиться помощью Польши. Поэтому, приготовляясь къ разрыву съ Москвою, Выговскій ускорилъ переговоры съ польскимъ правительствомъ и 6 (16) сент.— въ Галячѣ, во время похода на лѣвобережныхъ противниковъ, Выговскій съ польскими уполномоченными заключилъ формальный договоръ, на основаніи котораго восточная Украина возвращалась подъ верховную власть польскаго короля, но какъ особое «великое княжество Русское», по образцу в. кн. Литовскаго, какъ третій членъ этой политической уніи. Стремленіемъ украинскихъ политиковъ было включить въ это новое политическое тѣло всю украинскую этнографическую территорію, и не добившись этого при заключеніи трактата, они обращались потомъ съ дополнительной петиціей по этому вопросу къ сейму, но ихъ просьба не была уважена: Западная украина не была включена въ составъ вел. кн. Русскаго.

Это княжество отнынѣ должно было имѣть своихъ особыхъ министровъ, казну и даже монету; во главѣ управленія долженъ былъ стоять гетманъ, избираемый всѣми сословіями в. кн. Русскаго; козацкаго войска имѣло быть 30 тыс., и, кромѣ того, гетманъ могъ держать въ своемъ распоряженіи 10 тыс. наемнаго войска. Православная церковь уравнивалась въ правахъ съ католическою; кіевская академія должна была получить права краковской, и, кромѣ того, въ одномъ изъ украинскихъ городовъ имѣло быть основано еще одно высшее учебное заведеніе съ академическими правами *).

Польско-украинскій конфликтъ и раздѣленіе Гетманщины.

Спѣша заключить прочный союзъ съ Польшею, Выговскій главнымъ образомъ разсчитывалъ воспользоваться помощью Польши противъ Москвы. Еще до окончанія переговоровъ съ польскимъ правительствомъ онъ перешелъ къ военнымъ дѣйствіямъ, попробовавъ выгнать изъ Кіева московскій гарнизонъ, однако неудачно. Къ европейскимъ дворамъ была разослана

*) Подробнѣе: „Очеркъ исторіи украин. народа", гл. XVI-XVIII, „Виговський і Мазепа"—„ЛН Вістник", 1909, статьи Герасимчука и Стадника въ „Запискахъ" львовскихъ т. 59 и 87 и сл., въ „Запискахъ" кіевскихъ т. 7—8, Lipiński: „Z dziejów Ukrainy".

отъ имени украинской старшины циркулярная нота, объяснявшая причины разрыва съ Москвою (главнымъ образомъ указывалось на измѣну украинскимъ интересамъ со стороны московскаго правительства, пожертвовавшаго ими видамъ на польскую корону, вмѣшательства во внутреннія отношенія Украины, создавшія смуту и расколъ на Украинѣ, и стремленіе поработить и лишить вольностей послѣднюю). Москвѣ объявлялась открытая война. Московское правительство сначала не придавало этому конфликту особаго значенія, расчитывая на существованіе сильной партіи на Украинѣ, враждебной Выговскому, и объявила его лишеннымъ гетманства. Но затѣмъ, узнавъ о трактатѣ съ Польшей, заключенномъ Выговскимъ, оно очень встревожилось, поручило своему главнокомандующему войти въ переговоры съ Выговскимъ, обѣщая ему полную амнистію и всяческія уступки примѣнительно къ тѣмъ, какія заключаетъ его трактатъ съ Польшею, включительно—въ самомъ крайнемъ случаѣ—даже до вывода московскаго воеводы и гарнизона изъ Кіева.

Но Выговскій считалъ свои отношенія къ Москвѣ уже испорченными безвозвратно и, извѣрившись въ московской политикѣ, въ московскихъ предложеніяхъ видѣлъ только хитрую уловку; съ другой стороны, вѣроятно, онъ расчитывалъ на болѣе значительную помощь со стороны Польши, чѣмъ какую получилъ затѣмъ въ дѣйствительности. Въ началѣ 1659 г. онъ двинулся за Днѣпръ, чтобы уничтожить враждебную партію, поднявшую голову снова, послѣ того какъ московское правительство объявило о низложеніи Выговскаго. Эта кампанія завершилась страшнымъ пораженіемъ московскихъ войскъ, посланныхъ противъ Выговскаго, подъ Конотопомъ, лѣтомъ 1659 г. Московская партія была совершенно подавлена этой катастрофой, лѣвобережная Украина была оставлена московскими войсками, но Выговскій или не успѣлъ или не сумѣлъ использовать благопріятную конъюктуру. Запорожскій кошевой Сирко, враждебно настроенный Выговскому, какъ и все Запорожье, служившее оплотомъ враждебной ему партіи, какъ разъ въ это время устроилъ диверсію на крымскія земли и отвлекъ этимъ Татаръ, помогавшихъ въ кампаніи Выговскому, а затѣмъ двинулся на резиденцію Выговскаго Чигиринъ. Это принудило Выговскаго оставить лѣвобережную Украину, прежде чѣмъ московскіе гарнизоны были здѣсь уничтожены. Съ его уходомъ московская партія подняла голову, враждебное Выговскому движеніе развилось съ новою силою и изъ Запорожья и лѣвобережныхъ полковъ стало распространяться также и въ правобережные. Трактатъ, заключенный Выговскимъ съ Польшею, послужилъ очень сильнымъ агитаціоннымъ мотивомъ противъ него. Раздвоеніе между партіею старшины и козацкимъ демосомъ и его представителемъ—Запорожьемъ, проявившееся вполнѣ опредѣленно въ самомъ началѣ правленія Выговскаго и послужившее благопріятной почвой для демагоговъ, агитировавшихъ противъ него, какъ ставленника старшины, нашло въ этомъ трактатѣ новую обильную пищу. Гарантія политической автономіи, заключавшіяся въ Гадяцкой уніи, представ-

ляли цѣнность для высшихъ классовъ; соціальныя отношенія оставлялись безъ перемѣнъ, народныя массы должны были возвратиться въ старыя крѣпостныя отношенія къ польской шляхтѣ, цѣною этого трактата покупавшей себѣ возвращеніе въ свои украинскія имѣнія. Этимъ все было сказано для украинскаго демоса. Польское правительство, занятое другими дѣлами и мечтавшее воспользоваться козацкими силами для своихъ нуждъ — не поддержало Выговскаго въ этотъ моментъ сколько нибудь энергически, и судьба его была рѣшена. Противъ него снова была выдвинута кандидатура Юрія Хмельницкаго, и въ сентябрѣ 1659 г. Выговскій принужденъ былъ капитулировать и сложить гетманскую власть.

Въ виду обнаружившагося рѣзкаго нерасположенія къ возобновленію какихъ либо связей съ Польшей, старшина не рѣшалась поднимать вопроса о Гадяцкой уніи. Массы рѣшительно требовали сохраненія отношеній къ Москвѣ, какъ гарантіи противъ возстановленія польскаго режима, и Хмельницкій со старшиною не рѣшались плыть противъ этого теченія. Но они желали, по крайней мѣрѣ, при возвращеніи подъ протекцію царя обезпечить автономію Украины на будущее время отъ посягательствъ, обнаруженныхъ въ послѣдніе годы. На предложеніе московскихъ представителей возвратиться подъ власть царя, Хмельницкій и старшина отвѣтили рядомъ условій, гарантировавшихъ украинскую автономность отъ московскихъ вмѣшательствъ. Но московское правительство, переживъ кризисъ, теперь не намѣрено было дѣлать никакихъ уступокъ; движеніе, повалившее Выговскаго, утвердило московскихъ политиковъ въ рѣшимости вести неуклонно свою централистическую линію, не считаясь съ неудовольствіемъ автономистовъ. Представитель Москвы на Украинѣ, бояринъ Трубецкой, не высказываясь по существу относительно условій, предложенныхъ Хмельницкимъ, приложилъ старанія, чтобы заманить его со старшиной къ себѣ, и когда это ему удалось, они, окруженные московскими партизанами и московскими войсками, подъ давленіемъ войсковой рады, созванной изъ лѣвобережныхъ полковъ, враждебно настроенныхъ противъ конфликта съ Москвою, вмѣсто своихъ условій, должны были принять условія, продиктованныя московскимъ правительствомъ и содержавшія цѣлый рядъ ограниченій украинской автономіи, гарантировавшихъ утвержденіе московскаго вліянія на Украинѣ (т. н. переяславскія статьи 1659 г.).

Но эта вынужденная покорность Хмельницкаго и его товарищей-автономистовъ не могла быть искреннею, и раздраженіе противъ насилія, которому ихъ подвергли, готово было проявиться при первомъ удобномъ случаѣ—не заставившемъ себя ожидать. Лѣтомъ 1660 г. московское правительство предприняло большую кампанію противъ Поляковъ, расчитывая ударить на Галицію и отвлечь польскія силы отъ бѣлорусскаго театра войны, гдѣ возобновили свои операціи московскія войска. Воевода Шереметьевъ съ московскимъ войскомъ и лѣвобережными полками двинулся на Волынь, Хмельницкій съ правобережными двигался туда же южной границей, чтобы прикрыть Украину отъ Татаръ. Польскіе гетманы съ помощью Татаръ отрѣзали

армію Шереметьева и обложили около Чуднова и одновременно начали переговоры съ Хмельницкимъ, убѣждая послѣдовать примѣру Выговскаго и соединиться съ Польшею на условіяхъ Гадяцкой уніи. Послѣ долгихъ колебаній, Хмельницкій согласился, но Поляки, пользуясь его затруднительнымъ положеніемъ, внесли существенныя ограниченія въ уступки Гадяцкой уніи, и ее пришлось принять съ этими измѣненіями. О заключенномъ договорѣ дали знать козакамъ, находившимся съ Шереметьевымъ; они пытались уйти, но это имъ не удалось. Шереметьевъ, узнавъ о соглашеніи, заключенныхъ Хмельницкимъ съ Поляками, капитулировалъ на весьма унизительныхъ условіяхъ и сорвалъ сердце на козакахъ, находившихся съ нимъ: онъ выдалъ ихъ Полякамъ, а тѣ отдали ихъ въ плѣнъ Татарамъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало на Украинѣ чрезвычайное раздраженіе противъ Москвы, и безъ того за послѣдніе годы, когда пришлось ближе имѣть дѣло съ московскими воеводами и ратными людьми, сильно разочаровавшей украинское населеніе. Во многихъ мѣстахъ лѣвобережнаго Заднѣпровья начались движенія противъ Москвы. Но серьезнаго значенія эти движенія не имѣли. Поляки не поддержали ихъ сколько нибудь энергично, да и тенденціи въ эту сторону среди населенія не обнаруживалось: польскіе походы, предпринятые въ лѣвобережную Украину, скорѣе отталкивали отъ Польши, чѣмъ притягивали къ ней населеніе, возстававшее противъ Москвы вовсе не для того, чтобы вернуться къ Польшѣ. Родственники Хмельницкаго, полковники Сомко и Золотаренко, предпочитавшіе держаться московской протекціи, скоро возстановили прежнія отношенія, несмотря на то, что московское правительство, ошеломленное чудновскою катастрофою, поддерживало ихъ довольно слабо.

Такой благопріятный оборотъ внушилъ московскому правительству мысль, что быть можетъ и Хмельницкаго удастся притянуть на свою сторону. Польское верховенство дѣйствительно и въ правобережной Украинѣ не пользовалось популярностью, а съ другой стороны, союзники Хмельницкаго, Татары, своими грабежами и опустошительными постоями возбуждали сильнѣйшее неудовольствіе среди населенія, все въ большихъ размѣрахъ уходившаго отсюда за Днѣпръ, въ лѣвобережные полки и за московскій рубежъ, въ Слободскую Украину. Но окружавшая Хмельницкаго старшина не хотѣла капитулировать передъ централистическою политикою Москвы, послѣ того какъ она такъ беззастѣнчиво покончила съ ихъ требованіями въ 1659 г. Въ концѣ концовъ Юр. Хмельницкій, обезкураженный всѣмъ происходившимъ разладомъ, сложилъ гетманство, и на его мѣсто былъ избранъ его зять Павелъ Тетеря, беззастѣнчивый интриганъ, сторонникъ польскаго союза (1663).

Это повело къ политическому раздѣленію правобережной и лѣвобережной Украины, такъ какъ послѣдняя оставалась подъ московскимъ верховенствомъ. Здѣсь долго боролись за булаву Сомко и Золотаренко, но ихъ обоихъ сумѣлъ отодвинуть на второй планъ ловкій демагогъ Иванъ Брюховецкій, выступившій въ качествѣ представителя Запорожья, его демократическихъ тенденцій и соперничества съ

«городовымъ козачествомъ», и искусно игравшій на антагонизмѣ демоса и старшины, а по отношенію къ Москвѣ спекулировавшій на ея централистическихъ тенденціяхъ и заявлявшій свою полную готовность слѣдовать указаніямъ московской политики. Его игра увѣнчалась успѣхомъ и въ томъ же въ 1663 г., нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ выбора Тетери въ правобережной Украинѣ, Брюховецкій сталъ гетманомъ лѣвобережнымъ [1]).

Планы Дорошенка.

Политическое раздвоеніе Восточной Украины на два гетманства, изъ которыхъ одно находилось подъ верховенствомъ Москвы, другое подъ верховенствомъ Польши, было фактомъ весьма неблагопріятнымъ для національной украинской жизни, ослабляя силы Украины, и безъ того разстроенныя политическими смутами, тяжелымъ положеніемъ между двумя союзничествующими державами, стремившимися къ подавленію ея политической автономіи, и внутреннимъ, соціальнымъ раздвоеніемъ —враждою демоса и старшины, парализовавшимъ политическія стремленія послѣдней. Поэтому объединеніе всей козацкой территоріи не перестаетъ служить предметомъ стремленій и усилій украинской политики, тѣмъ болѣе, что зависимость правобережной Украины отъ Польши вовсе не вытекала изъ симпатій самаго поселенія, а была вынуждена отсутствіемъ опоры и силъ, какія можно было бы противоставить польскимъ стремленіямъ къ возстановленію своего господства на Украинѣ. Всю непрочность и безпочвенность этой политики Польши испыталъ на себѣ очень скоро Тетеря, сдѣлавшей ее своей программой. Послѣ неудачи похода въ лѣвобережныя земли, предпринятаго по настояніямъ Тетери въ концѣ 1663 г. (послѣдней попытки въ этомъ направленіи), когда Брюховецкій отвѣтилъ походомъ въ правобережныя земли, здѣсь обнаружилось сильное движеніе противъ Польши, въ конецъ подорвавшее ея господство на Правобережьи, и Тетеря въ 1665 г. сложилъ съ себя гетманство и покинулъ Украину.

Послѣ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ претендентовъ на власть послѣ Тетери, выдвинулся здѣсь на первый планъ наиболѣе выдающійся представитель этого украинскаго безвременья Петръ Дорошенко. Принимая ближайшее участія въ дипломатическихъ переговорахъ и политической жизни Украины послѣдняго десятилѣтія, горячій приверженецъ идей политической независимости Украины, онъ имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ томъ упорномъ нерасположеніи и противодѣйствія, какое встрѣчали украинскія стремленія къ автономности со стороны представителей и московскаго централизма и польскихъ традицій неограниченнаго владычества надъ Украиною. Поэтому онъ рѣшается искать иную точку

---

[1]) Подробнѣе въ „Очеркѣ“, гл. XVIII, тамъ же важнѣйшая литература: болѣе новыхъ, сколько нибудь исчерпывающихъ трудовъ для этихъ событій нѣтъ, можно лишь указать новую монографію о чудновской кампаніи В. Герасимчука въ львовскихъ „Запискахъ“ за 1912—3 г.

опоры для украинской политики, которая дала бы возможность украинскимъ правителямъ, опираясь на нее, продиктовать свои условія Москвѣ и Польшѣ. Насколько можно судить, это все была также идея политической независимости Украины въ ея этнографическихъ границахъ, подъ протекторатомъ сосѣднихъ государствъ. Политическая конъюнктура даннаго момента широкаго выбора не давала, и потому противъ притязаній Москвы и Польши Дорошенко рѣшается опереться на Крымъ и Турцію, несмотря на всѣ неблагопріятные прецеденты въ союзныхъ отношеніяхъ Украины къ этимъ государствамъ. Онъ входитъ сначала въ сношенія съ Крымомъ и въ августѣ 1665 г. войсковой радой онъ былъ провозглашенъ гетманомъ подъ протекторатомъ Крыма. Затѣмъ завязываетъ непосредственныя сношенія съ Турціей, чтобы заручиться ея поддержкой. Правобережную Украину ему довольно скоро удалось очистить отъ оставшихся польскихъ отрядовъ и московскихъ партизановъ и одновременно онъ организуетъ сношенія съ Лѣвобережьемъ, стремясь овладѣть всею восточною Украиною: входитъ въ переговоры съ Брюховецкимъ, считая, очевидно, дозволеннымъ всякій способъ борьбы по отношенію къ такимъ беззастѣнчивымъ авантюристамъ, какимъ былъ послѣдній. Эти сношенія приводятъ, въ концѣ концовъ, къ возстанію лѣвобережной Украины противъ Московскаго государства и переходу ея подъ власть Дорошенка. Угодливость, какой держался Брюховецкій по отношенію къ Москвѣ и въ періодъ своей кандидатуры на гетманство и послѣ своего выбора, заставила московскихъ политиковъ забыть ту осторожность и сравнительную постепенность, какой они держались до сихъ поръ при проведеніи своей централистической программы по отношенію къ Украинѣ. Въ Брюховецкомъ они нашли покорного исполнителя всѣхъ своихъ желаній. Послѣ своего выбора онъ съѣздилъ на поклонъ въ Москву, чего московское правительство тщетно до сихъ поръ добивалось отъ всѣхъ его предшественниковъ, и здѣсь изъявилъ желаніе жениться на московской боярынѣ, какую ему укажутъ—что съ большимъ удовольствіемъ было исполнено. Выразилъ пожеланіе, чтобы въ Кіевъ прислали митрополита изъ Москвы. Наконецъ, исполняя волю московскаго правительства, подалъ петицію о введеніи на Украинѣ московской администраціи. За такія услуги московское правительство пожаловало его боярскимъ чиномъ и немедля приступило къ переписи украинскаго населенія и введенію новаго податнаго оклада. Но эти планы и мѣры вызвали сильнѣйшее негодованіе среди украинскаго населенія. Послѣднее и безъ того было уже достаточно раздражено всякаго рода злоупотребленіями и вмѣшательствами московскихъ ратныхъ людей и воеводъ (въ изобиліи констатированными офиціальными розысками, произведенными по жалобамъ украинскаго населенія московскимъ правительствомъ въ 1666 г.). Перспектива новаго московскаго обложенія и московской администраціи вызвала настоящую панику. Вдобавокъ еще Брюховецкій, въ виду перехода всякихъ сборовъ въ руки московской администраціи, постарался на прощанье по возможности собрать какъ можно болѣе

въ казну войсковую. Со всѣхъ сторонъ поднималось крайнее раздраженіе на московское правительство и его прислужника. Старшина негодовала на новый пріемъ—отправлять неугодныхъ гетману лицъ въ Москву для ссылки. Духовенство было крайне недовольно проектированнымъ подчиненіемъ московскому патріарху. Всеобщее негодованіе вызвало также совпавшее съ этими планами соглашеніе Москвы съ Польшею, оформленное затѣмъ прилиминарнымъ договоромъ 1667 г. и закрѣплявшее за Польшею правобережную Украину, какъ разъ освободившуюся снова отъ польскаго господства: это разсматривалось какъ рѣшительная измѣна обязательствамъ, взятымъ на себя московскимъ правительствомъ по отношенію къ Украинѣ при ея присоединеніи.

Брюховецкій сначала расчитывалъ подавить это неудовольствіе терроромъ: противниковъ ссылалъ, а непокорныя села и городки совѣтовалъ московскому правительству сѣчь и жечь. Но замѣтивъ, что движеніе становиться все болѣе серьезнымъ и грозить его позиціи, онъ рѣшается круто повернуть свою тактику по отношенію къ Москвѣ и стать самому во главѣ враждебнаго московскому правительству движенія, чтобы спасти себя отъ грозящаго возстанія. Онъ разсчитывалъ на содѣйствіе и поддержку Дорошенка, несомнѣнно подавшаго ему надежду въ этомъ смыслѣ, и его союзниковъ татаръ. Въ началѣ 1668 г. онъ поднялъ открытое возстаніе противъ Москвы, принявшее большіе размѣры. Московскіе гарнизоны избивались или изгонялись, Украина освобождалась отъ московскаго господства. Но самъ Брюховецкій слишкомъ палъ во мнѣніи населенія, чтобы его могъ спасти такой поворотъ. Когда среди этого возстанія прибылъ въ Лѣвобережную Украину со своимъ войскомъ Дорошенко и потребовалъ отъ Брюховецкаго, чтобы онъ сложилъ гетманство,—все оставило его и перешло къ Дорошенку. Московскія войска отступили за границу, въ виду силъ, какими располагалъ Дорошенко. Козацкая Украина обѣихъ сторонъ Днѣпра очутилась въ его рукахъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще держились московскіе гарнизоны. Однако, и на этотъ разъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, въ моментъ наибольшихъ успѣховъ Выговскаго, капризная судьба вырвала изъ рукъ этотъ единственный и уже не повторившійся моментъ. Дорошенко выѣхалъ въ Чигринъ, отозванный извѣстіями частнаго характера. Воспользовавшись его уходомъ, московская армія снова двинулась въ Украину; оставленный Дорошенкомъ, въ качествѣ замѣстителя («наказного гетмана») Демьянъ Многогрѣшный рѣшилъ признать протекторатъ Москвы. Правда, онъ и его товарищи требовали вывода воеводъ и возвращенія къ статьямъ Богдана Хмельницкаго и дѣлали искренныя усилія добиться отъ московскаго правительства этихъ уступокъ. Но московскіе политики, учитывая фальшивое положенія Многогрѣшнаго, изъ намѣстника Дорошенка превратившагося въ кандидата на гетманство, стояли на своемъ, и въ концѣ концовъ Многогрѣшный принялъ продиктованныя ему, т. н. глуховскія статьи, на основаніи которыхъ былъ заключенъ настоящій договоръ между представителями московскаго правительства, и Многогрѣшный былъ утвержденъ на гетманствѣ (1669).

Такимъ образомъ лѣвобережная Украина, точнѣе ея сѣверная часть, такъ какъ южные полки нѣкоторое время продолжали держаться Дорошенка, ушла изъ рукъ послѣдняго. Это было тяжелымъ ударомъ для его плановъ. Но къ чести его сказать, онъ не сталъ тратить силъ на борьбу съ Многогрѣшнымъ; онъ цѣнилъ въ немъ представителя тѣхъ же автономистскихъ идеаловъ, хоть и трактовалъ его нѣсколько свысока, какъ самочиннаго «покутнаго гетманчика». Дѣйствительно, Многогрѣшный усердно отстаивалъ идеалы политической автономіи Украины, поскольку позволяли ему достаточно трудныя условія, въ какихъ онъ находился. Правленіе его, впрочемъ, было очень непродолжительно. Старшина, съ которою онъ не успѣлъ поладить, устроила противъ него заговоръ, арестовала и отправила въ Москву, придравшись къ рѣзкимъ выраженіямъ, которыя онъ позволялъ себѣ по адресу московскаго нравительства за его компромиссъ съ Польшею (1672 г.). Мѣсто его занялъ другой ставленникъ старшины Иванъ Самойловичъ, человѣкъ глубоко постигшій премудрость даннаго момента—безпрекословнаго повиновенія московской политикѣ во внѣшнихъ отношеніяхъ, и желаніямъ старшины во внутренней политикѣ.

Съ Самойловичемъ у Дорошенка не было уже тѣхъ солидарныхъ отношеній, какія онъ поддерживалъ съ Многогрѣшнымъ, и раздѣленіе Украины чувствовалось вполнѣ осязательно. Обозначилась и третья политическая группа — Запорожье съ тяготѣвшими къ ней сосѣдними территоріями Украины, не подчинявшееся ни Самойловичу, ни Дорошенку и выставлявшее своихъ собственныхъ гетмановъ — слишкомъ слабыхъ, чтобы играть самостоятельную роль, но все же усугублявшихъ еще болѣе украинскій хаосъ и затруднявшихъ осуществленіе плановъ Дорошенка—возсозданія единой независимой Украины.

Послѣ потери сѣверо-восточной Украины, Дорошенко рѣшилъ опираться въ своей политикѣ на содѣйствіи Турціи. Въ 1669 г. онъ заключилъ договоръ съ турецкимъ правительствомъ, признавъ себя вассаломъ султана, и взамѣнъ получивъ обѣщаніе, что турецкое правительство приложитъ старанія къ освобожденію Украины въ ея этнографическихъ границахъ — по Перемышль и Самборъ, по Вислу и Нѣманъ, по Сѣвскъ и Путивль. Послѣ этого Дорошенко сталъ понуждать турецкое правительство къ походу на Польшу, чтобы освободить украинскія земли изъ ея власти. Въ концѣ 1671 г. султанъ Магометъ IV дѣйствительно началъ готовиться къ походу и объявилъ Польшѣ войну, мотивируя ее нападеніями Поляковъ на владѣнія его вассала Дорошенка. Въ маѣ 1672 г. огромная турецкая армія съ султаномъ во главѣ двинулась къ границамъ Украины, осадила Каменецъ, вскорѣ сдавшійся, и приступила ко Львову. Польша была охвачена паникою, никто не думалъ о сопротивленіи. Польскіе комиссары, прибывшіе въ турецкій лагерь во время осады Львова для заключенія мира, согласились на всѣ условія султана: уступили Турціи Подолію, обязались платить ежегодную дань, а «Украину въ давнихъ границахъ» признавали за Дорошенкомъ и обѣщали вывести оттуда уцѣлѣвшіе гарнизоны. На этихъ условіяхъ былъ утвержденъ миръ въ

Бучачѣ 7 октября 1672, и султанъ отправился во свояси.

Этотъ турецкій походъ произвелъ сильное впечатлѣніе и на московское правительство, тѣмъ болѣе, что ходили упорные слухи о новомъ турецкомъ походѣ на слѣдующій годъ, который будетъ направленъ противъ Москвы, для освобожденія отъ нея лѣвобережной Украины. Правительство и созванный по этому вопросу земскій соборъ рѣшили принять Дорошенка съ правобережной Украиной подъ московскую протекцію, въ виду того, что Польша формально отъ нея отказалась, и исполнить его требованія относительно украинской автономіи. Украина правобережная и лѣвобережная съ Запорожьемъ должны были соединиться въ рукахъ гетмана и освободиться отъ всякихъ вмѣшательствъ во внутреннія отношенія со стороны Москвы, какъ и со стороны Польши; московскіе воеводы и гарнизоны должны были быть выведены изъ всѣхъ городовъ, даже изъ Кіева.

Рядъ обстоятельствъ, однако, снова сталъ на пути осуществленія этихъ плановъ Дорошенко. Прежде всего, важное вліяніе оказало то, что турецкое правительство не повторило своего похода и вообще не позаботилось поддержать впечатлѣніе своей первой экспедиціи. Польское правительство заявило московскому, что оно отнюдь не отказывается отъ своихъ правъ на правобережную Украину, не считаетъ Бучацкаго трактата для себя обязательнымъ, и принятіе Дорошенка подъ московскую протекцію сочтетъ нарушеніемъ перемирія. Дѣйствительно, польскія войска перешли въ наступленіе противъ Турокъ и подъ Хотиномъ Собѣскій одержалъ надъ Турками побѣду. Съ своей стороны, Самойловичъ, чтобъ не остаться за штатомъ въ случаѣ соглашенія московскаго правительства съ Дорошенкомъ, всячески старался отклонить московское правительство отъ какихъ-либо компромиссовъ и совѣтовалъ дѣйствовать противъ Дорошенка оружіемъ.

Въ концѣ концовъ московское правительство приняло этотъ совѣтъ и въ началѣ 1674 г. Самойловичу вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ, подъ начальствомъ боярина Ромодановскаго, поручено итти за Днѣпръ и промышлять оружіемъ. Хотя при этомъ ему рекомендовалось, прежде всего, стараться войти въ соглашеніе съ Дорошенкомъ, но Самойловичъ предпочелъ привлечь на свою сторону правобережное населеніе помимо Дорошенка. Онъ разсчитывалъ на извѣстное ему нерасположеніе населенія къ союзу съ Крымомъ и Татарами, которыхъ держался Дорошенко, и эти расчеты вполнѣ оправдались. Почти все населеніе правобережной Украины перешло къ Самойловичу, когда онъ явился здѣсь со своими войсками. Депутаты десяти правобережныхъ полковъ явились къ нему и признали его своимъ гетманомъ подъ верховенствомъ Москвы, и затѣмъ по возвращеніи Самойловича эта церемонія была формально повторена въ Переяславѣ. Дорошенко самъ поколебался и готовъ былъ капитулировать, но его удержалъ кошевой запорожскій Сирко, не мирившійся съ подчиненіемъ Москвѣ.

Однако, это была только ненужная и тягостная отсрочка. Дорошенко возлагалъ свои надежды на Турокъ, но Турки не являлись. Два года прошло въ

мелкой, нелѣпой войнѣ, въ безплодномъ террорѣ и экзекуціяхъ надъ несчастнымъ населеніемъ. Наконецъ въ сентябрѣ 1676 г., когда Самойловичъ съ Ромодановскимъ снова приступили къ Чигрину, Дорошенко, лишенный всякихъ средствъ борьбы, рѣшилъ, что далѣе сопротивляться было бы совершенно напрасно и капитулировалъ окончательно [1]).

Утвержденіе московскаго режима въ лѣвобережной Украинѣ. Судьба Украины правобережной; эмиграція.

Капитуляція Дорошенка, послѣдняго крупнаго представителя поколѣнія поборниковъ украинской автономности, выдвинутаго великимъ возстаніемъ 1648 г., и тріумфъ типическаго представителя новаго курса— Самойловича, собравшаго, хотя бы номинально, всю украинскую гетманщину подъ своимъ «регіментомъ», были весьма многозначительнымъ знаменемъ времени. «Трезвая» политика покорности передъ «реальнымъ соотношеніемъ силъ» торжествовала. Руководители московской централистической политики могли поздравить себя съ тѣмъ, что не вошли въ компромиссы съ Дорошенкомъ и его товарищами, послѣдовавъ совѣтамъ Самойловича; Самойловичъ и компанія могли убѣдиться въ выгодахъ плаванія на буксирѣ московской политики. Для нихъ было совершенно очевидно, что лѣвобережная Украина слишкомъ прочно засѣла въ области московскихъ вліяній, чтобы пытаться бороться съ тенденціями московской политики, и казалось единственно благоразумнымъ осторожно двигаться въ ея сферѣ, избѣгая всякихъ конфликтовъ. Паденіе Дорошенка можно разсматривать, какъ моментъ окончательнаго утвержденія московскаго режима въ лѣвобережной Украинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—сосредоточенія украинской политической жизни въ этой послѣдней.

Правобережная Украина, оставленная внѣ московскаго верховенства договоромъ Москвы съ Польшею, напрасно напрягала свои усилія, чтобы выйти изъ невообразимой сумятицы, создаваемой претензіями и вліяніями Польши, Москвы, Турціи и Крыма, и среди хаоса, къ которому приводили эти притязанія и борьба съ ними представителей мѣстнаго населенія и политики заднѣпровской, жизнь здѣсь становилась все болѣе невыносимою, все сильнѣе отливала отсюда за Днѣпръ, и правобережныя области, послужившія первоначальнымъ очагомъ козачества и вызваннаго имъ національнаго движенія, пустѣли и утрачивали всякое значеніе въ жизни Украины.

Уже первыя разочарованія въ успѣхахъ возстанія Хмельницкаго вызвали новое движеніе украинской эмиграціи на востокъ. Послѣ рѣшительныхъ неудачъ кампаніи 1651 г., оно усиливается, еще болѣе возрастаетъ затѣмъ среди путаницы отношеній, создававшихся среди колебаній украинской политики то въ сторону Польши то въ сторону Москвы, начиная съ Гадяцкой уніи и позже, въ 1660 годахъ. Перспектива возстановленія польскаго шляхетскаго режима, съ одной стороны, съ другой—вѣчныя нашествія отрядовъ соперничавшихъ госу-

[1]) Подробнѣе—„Очеркъ", гл. XIX, тамъ же важнѣйшая литература.

дарствъ, огнемъ и мечемъ утверждавшихъ свое преобладаніе и наказывавшихъ за всякое колебаніе въ противную сторону,—дѣлали невыносимымъ всякое существованіе. Польши населеніе не хотѣло, но обезопасить себя отъ ея притязаній не умѣло ни оно, ни представители антипольской политики. Противъ Польши и Москвы пробовали опереться на Татаръ, но послѣдніе въ качествѣ союзниковъ опустошали здѣшній край хуже непріятеля и безъ церемоніи забирали своихъ союзниковъ въ плѣнъ. Поэтому въ 1660 гг. эмиграція съ праваго берега принимаетъ устрашающіе размѣры; правобережная Украина пустѣетъ. Обстановка, въ какой происходилъ турецкій походъ 1672 г.—превращеніе христіанскихъ церквей (католическихъ) въ мечети, случаи насильственнаго обращенія въ магометанство, наборы мальчиковъ въ янычары—произвела еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Хотя Дорошенко всячески скрывалъ фактъ своего подчиненія султану, тайною это не могло оставаться, и это въ связи со слухами, что султанъ намѣренъ повторять такіе походы и расширять все болѣе сферу своихъ завоеваній, вызывало настоящую панику среди правобережнаго населенія. Надежда была еще на Самойловича, занимавшаго своими гарнизонами правобережные города и принимавшаго ихъ подъ свою власть. Но когда формальное признаніе его правобережнымъ гетманомъ въ 1674 г. не создало сколько-нибудь прочныхъ гарантій спокойнаго существованія, и Дорошенко съ крымскими Татарами снова принялся подчинять себѣ Правобережье жестокими экзекуціями, отчаяніе охватило здѣшнее населеніе, и оно обращается въ поголовное бѣгство. Правобережное Поднѣпровье и Браславщина пустѣли совершенно. Дорошенко напрасно старался всякими препятствіями и даже терроромъ остановить это бѣгство, окончательно лишавшее его всякихъ средствъ борьбы,—оно все же продолжалось. Продолжалось и послѣ его капитуляціи. Турція, не поддержавшая Дорошенка въ агоніи его борьбы, снарядила новый походъ послѣ его капитуляціи (въ 1677 г.), чтобы утвердить свою власть въ правобережной Украинѣ, и задумала водворить на гетманствѣ Юрія Хмельницкаго, въ качествѣ плѣнника находившагося въ то время въ Константинополѣ. Чигиринскій гарнизонъ, однако, на этотъ разъ устоялъ, и когда Самойловичъ съ московскимъ войскомъ двинулся ему на выручку, Турки отступили. Но на слѣдующій годъ (1678) Турки повторили свой походъ, и эта настойчивость такъ испугала московское правительство, что оно приказало своимъ воеводамъ, втайнѣ отъ Самойловича, вывести гарнизонъ изъ Чигирина, а остатки населенія были насильно переведены за Днѣпръ въ 1679 г.

Самойловичъ, очень огорченный утратою правобережной Украины, попытался компенсировать такой ущербъ своего регимента Слободской Украиной, усиленно заселявшейся въ это время украинской эмиграціей и организовавшейся по образцу Гетманщины въ козацкіе полки, съ подобнымъ же устройствомъ. Онъ проектировалъ поселить согнанное населеніе Правобережья въ Слободской Украинѣ и присоединить ее къ Гетманщинѣ, передавъ въ завѣдываніе гетмана; моти-

вировалъ свой проектъ переполненіемъ лѣвобережной Украины правобережной эмиграціей и отсутствіемъ свободныхъ земель для поселенія этихъ послѣднихъ кадровъ. Но московское правительство не намѣрено было поступиться слободскими полками, находившимися въ непосредственномъ его завѣдываніи, и проектъ Самойловича отклонило. Въ концѣ концовъ, согнанные Правобережане были поселены на юго-восточной окраинѣ лѣвобережной Гетманщины, на сѣверъ отъ р. Орели.

Вопросъ о правобережной Украинѣ, однако, не былъ ликвидированъ окончательно отреченіемъ отъ нея московскаго правительства въ 1678—9 гг. Польша и Турція заявляли на нее претензіи, и это соперничество продолжало поддерживать вопросъ въ извѣстномъ напряженіи. Украинское общество не мирилось съ отреченіемъ отъ Правобережья. Когда на очереди сталъ вопросъ объ окончательной ликвидаціи борьбы за Правобережную Украину въ трактатахъ Москвы съ Польшею и Турціею, Самойловичъ усиленно совѣтовалъ московскому правительству выговорить себѣ у турецкаго правительства земли между Днѣпромъ и Днѣстромъ, или по крайней мѣрѣ между Днѣпромъ и Ю. Бугомъ. Этого, однако, не удалось добиться, и при ратификаціи трактата между Москвою и Турціею въ 1681 г. границею былъ признанъ Днѣпръ безъ всякихъ оговорокъ. Трактатомъ съ Польшею, заключеннымъ 1860 г., окончательно оставленъ былъ во власти Москвы Кіевъ съ окрестностями; вопросъ же объ остальной приднѣпровской полосѣ былъ отложенъ, и фактически она осталась въ распоряженіи Польши. Такое рѣшеніе вопроса вызвало большое неудовольствіе на Украинѣ; послѣдовавшее затѣмъ сближеніе московскаго правительства съ польскимъ въ интересахъ совмѣстной борьбы съ Турціей и Крымомъ встрѣчено было здѣсь очень неблагопріятно, и неудовольствіе, которое выражалъ Самойловичъ по поводу такого курса московской политики, впослѣдствіи послужило одною изъ причинъ его паденія.

Игнорируя дипломатическое рѣшеніе вопроса, Украинцы дѣлали попытки собственною иниціативою возвратить Правобережье Гетманщинѣ. Такой характеръ имѣла дѣятельность полковниковъ Палія, Искры, Абазина, Самуся, въ 1680—90 гг. занявшихся колонизаціею и возрожденіемъ козачества на днѣпровскомъ побережьи и Побожьи. Начавъ свою дѣятельность подъ протекціей польскаго правительства, они вслѣдъ затѣмъ хлопочутъ о присоединеніи къ лѣвобережной Гетманщинѣ, и уже съ 1688 г. Палій начинаетъ усиленныя представленія въ этомъ смыслѣ. Среди украинской старшины планы возсоединенія обѣихъ сторонъ Днѣпра находили полное сочувствіе; но московское правительство рѣшительно не желало нарушать изъ-за этого союзныя отношенія съ Польшею, и на этомъ пунктѣ позже возникъ конфликтъ, не оставшійся безъ вліянія на катастрофу 1708 г. [1]).

Мазепа и шведско-украинскій союзъ.

Утвержденіе московскаго режима въ лѣвобережной Украинѣ въ 1670—80 гг. создавало прочныя и устойчивыя отношенія, которымъ, повидимому

[1]) Подробнѣе: „Очеркъ“, 3 изд., гл. XX и XXIV.

ничто не грозило какимъ-либо потрясеніемъ. Во главѣ правленія стояли люди, совершенно искренно связавшіе свою судьбу съ московскою протекціею, и если испытанія, которымъ подвергала ихъ централистическая московская политика, болѣзненно ощущались въ этой средѣ, то во всякомъ случаѣ ихъ принимали, какъ нѣчто неизбѣжное, и подчинялись, какъ неотвратимому. Существенныя ограниченія украинской автономіи были проведены при утвержденіи на гетманствѣ Самойловича, а въ 1680 гг. ему, по требованію московскаго правительства пришлось заняться упраздненіемъ украинской церковной автономіи—подчиненіемъ украинской церкви московскому патріарху, что и было осуществлено теперь (1685). Когда вскорѣ послѣ того старшина, недовольная гетманомъ, зазнавшимся и ставшимъ слишкомъ самовластнымъ, въ надеждѣ на расположеніе московскихъ правителей низвергла Самойловича, и на его мѣсто былъ избранъ Мазепа (1687), этотъ сподвижникъ Дорошенка поплылъ по тому же курсу безусловной лояльности. Подобно своему предшественнику, онъ ставилъ первымъ главнымъ принципомъ своей политики—поддерживать хорошія отношенія съ московскимъ правительствомъ во всѣхъ обстоятельствахъ и за какую угодно цѣну. Уже свое утвержденіе, кромѣ предварительной взятки всесильному временщику Голицыну, онъ долженъ былъ оплатить новыми ограниченіями украинской автономіи, вродѣ внесеннаго въ избирательныя статьи постановленія, что не только гетманъ, но и генеральная старшина не можетъ быть смѣщена безъ царскаго указа и пр. Для старшины, впрочемъ, приведенное ограниченіе представляло и свои выгоды, и кромѣ того она провела при сей оказіи нѣсколько другихъ постановленій въ своихъ интересахъ (подтвержденіе имѣній, розданныхъ гетманами и старшиной отдѣльнымъ лицамъ, освобожденіе отъ налога на содержаніе войскъ имѣній старшинскихъ и монастырскихъ и т. под.). Ограничивая шагъ за шагомъ автономію Украины, московское правительство вознаграждало старшину различными привилегіями въ сферѣ ея классовыхъ интересовъ, идя навстрѣчу ея стремленіямъ къ превращенію въ наслѣдственно привилегированное владѣльческое сословіе. Ту-же тенденцію проводили въ своей внутренней политикѣ избранники старшины — гетманы,—Мазепа точно такъ же, какъ и Самойловичъ,—и здѣсь лежало также одно изъ обстоятельствъ, понуждавшихъ ихъ искать опоры у московскаго правительства, въ виду того неудовольствія, какое возбуждала среди козацкаго демоса и крестьянскаго населенія эта сословная политика старшины и гетмановъ. Первые годы правленія Мазепы ознаменовались весьма симптоматическими въ этомъ отношеніи попытками возстаній противъ гетманскаго и старшинскаго режима—движеніями населенія при извѣстіи о низверженіи Самойловича и затѣмъ походами на Украину послѣдняго демагога Петрика Ивановича, съ помощью Запорожья и Крыма пытавшагося поднять возстаніе среди украинскаго населенія противъ гетмана и московскаго господства (1692, 1693 и 1696 гг.). Попытки были неудачны: населеніе изверилось въ возможности борьбы; но онѣ вскрывали внутреннюю слабость гетманскаго режима и

заставляли гетмана и старшину искать помощи и поддержки у московскаго правительства и тѣмъ усиливать централистическія тенденціи послѣдняго.

Но царь Петръ, независимо отъ систематическихъ ограниченій украинской автономіи, подвергалъ тяжкимъ испытаніямъ лояльность гетмана и старшины крайне безцеремоннымъ обращеніемъ съ военными и экономическими средствами Украины. Онъ распоряжался козацкими полками, посылая ихъ безпрестанно въ далекіе походы, гдѣ они не только несли большія потери отъ непріятеля и непривычныхъ условій, но и подвергались тяжелымъ притѣсненіямъ и оскорбленіямъ, употреблялись на тяжелыя крѣпостныя и земляныя работы и т. п. Даже генералы Петра позволяли себѣ безцеремонно распоряжаться украинскими войсками, украинскою старшиною и самимъ Мазепою. Украинская автономія стала призракомъ. Населеніе изнемогало подъ бременемъ этихъ тяжелыхъ походовъ и всякихъ иныхъ тяготей, переходовъ московскихъ войскъ и поборовъ на ихъ содержаніе, грубаго обращенія московскихъ воеводъ и офицеровъ, и все болѣе «отпадало у него сердце къ великому государю», по выраженію современника, а вмѣстѣ съ тѣмъ наростало раздраженіе противъ Мазепы, не въ мѣру покорнаго и услужливаго царскаго приспѣшника. Съ другой стороны, царь вѣчно хватался за все новые проекты, грозившіе полнымъ переворотомъ украинскаго строя: то выдвигался вопросъ о замѣнѣ козацкаго войска рекрутскимъ наборомъ, то проэктъ образованія изъ украинскихъ земель княжества для герцога Мальборо, при чемъ Мазепа взамѣнъ гетманства долженъ былъ получить титулъ князя римской имперіи; рѣшительно столкнулись украинскіе интересы съ видами Петра въ вопросѣ о Правобережной Украинѣ, и т. под.

Все это должно было вызывать сильнѣйшія сомнѣнія у самаго гетмана и его совѣтниковъ, особенно въ виду неблагопріятнаго оборота, какой, повидимому, принимала Сѣверная война, одновременно съ тѣмъ придвигаясь къ границамъ Украины. Шведскій король, сбивъ саксонскую партію въ Польшѣ, перешелъ въ Литву и готовъ былъ перенести свою борьбу съ царемъ на украинскую территорію. Повторялась еще въ болѣе обостренной формѣ дилемма, ставшая передъ украинскими правителями пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Шведскій союзъ, заключенный тогда и гарантировавшій Украинѣ свободу, независимость и неприкосновенность, остался для украинской старшины своего рода завѣтомъ прошлаго и, неосуществленный тогда, требовалъ своего исполненія теперь. Неиспользованный тогда вслѣдствіе прекращенія войны Швеціи съ Польшей, онъ становился на очередь съ приближеніемъ шведской арміи къ границамъ Украины. Изъ всевозможныхъ комбинацій, на которыхъ пыталась опереться украинская политика за истекшее полвѣка, онъ одинъ не былъ дискредитированъ еще, и наиболѣе горячіе автономисты настойчиво требовали отъ Мазепы, чтобы онъ воспользовался представляющеюся конъюнктурою для освобожденія Украины отъ невыносимаго положенія. Съ другой стороны, было почти несомнѣннымъ, что въ случаѣ дальнѣйшихъ неудачъ царя, на Украинѣ прорвется возстаніе, ко-

торое покончитъ ли съ московскимъ владычествомъ или не покончитъ, по прежде всего тяжестью своею обрушится на всѣхъ связавшихъ свою судьбу съ московскимъ господствомъ; между тѣмъ царь заранѣе предупреждалъ гетмана, что въ случаѣ вторженія Шведовъ на Украину ему нечего разсчитывать на московскую помощь.

Положеніе гетмана и его сторонниковъ становилось все болѣе опаснымъ, но осторожный, не способный на смѣлый рискъ, Мазепа не могъ отважится на рѣшительный шагъ. На случай пораженія царя онъ велъ переговоры съ шведскимъ союзникомъ, королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ, но, боясь измѣны, не посвящалъ въ эти переговоры даже наиболѣе близкихъ лицъ изъ старшины, и вообще хотѣлъ остаться по возможности пассивнымъ зрителемъ до окончательнаго результата войны, избѣгая всего, что могло бы бросить на него подозрѣніе въ московскихъ кругахъ. Поэтому никакихъ приготовленій къ возможному конфликту онъ не предпринималъ. Когда на границахъ Украины въ 1707 г. вспыхнуло чрезвычайно опасное для московскаго правительства возстаніе донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ Булавина, Мазепа, по порученію московскаго правительства, чтобы не возбудить подозрѣнія, усердно занялся подавленіемъ этого возстанія и такимъ образомъ убилъ весьма цѣннаго союзника наканунѣ своего разрыва съ Москвою. Свои войска, по требованію царя, онъ выслалъ на польскій и бѣлорусскій театръ войны, а своими жалобами на «непостоянность и малодушіе» украинскаго населенія добился только того, что царь распорядился выслать московскій отрядъ въ центръ Гетманщины въ моментъ возстанія.

Полная неподготовленность борьбы съ московскимъ правительствомъ обнаружилась во всей наготѣ, когда обстоятельства, наконецъ, принудили Мазепу къ рѣшительному шагу — когда Карлъ XII осенью 1708 г. изъ Бѣлоруссіи внезапно двинулся на Украину. Петръ двинулъ свои войска въ томъ же направленіи и призывалъ къ себѣ Мазепу. Въ этотъ моментъ, собственно говоря, уже не было возможности выбора: украинскіе полки были высланы, московскія войска вступили на украинскую территорію и при такой неподготовленности возстанія совершенно безнадежно было думать о немъ передъ глазами московской арміи. Но Мазепа и его совѣтники, очевидно, слишкомъ успѣли сжиться съ мыслью объ освобожденіи Украины при помощи Шведовъ. По настоянію старшины Мазепа вошелъ въ сношеніе съ Карломъ, приглашая его двинуться за Десну, для соединенія съ украинскимъ войскомъ, и 24 окт. съ кружкомъ посвященныхъ въ его планы старшинъ и 4000 козаковъ двинулся ему навстрѣчу и присоединился къ шведской арміи. На какихъ условіяхъ произошло это соединеніе, объ этомъ за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ мы можемъ судить по позднѣйшимъ актамъ, составленнымъ при выборѣ преемника Мазепы; здѣсь значилось, что восточная Украина, въ составѣ старыхъ воеводъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго должна составить самостоятельное государство, подъ протекціей шведскаго короля; ни Швеція, ни другія союзныя государства, ни подъ какимъ предлогомъ, не могутъ претендовать на власть надъ

Украиной и козацким войском, ни на ея доходы, ни на ея крѣпости, но наоборот, должны свято хранить цѣлость ея границ, ея вольности и законы. Собственно это было лишь повторенiе, в новом изданiи, стараго договора, заключеннаго с Карлом X, но момент для его осуществленiя был выбран совсѣм неудачно. Царь немедленно был освѣдомлен о переходѣ Мазепы на сторону Шведов. Гетманская резиденцiя была немедленно взята, разорена, безжалостно уничтожена. Старшина была созвана в Глухов для выбора новаго гетмана. Захваченное врасплох населенiе, устрашенное кровавыми расправами московских властей со всѣми подозрѣваемыми в склонности к Мазепинцам, осталось совершенно пассивным. Старшина послушно явилась, чтобы принять участiе в церемонiи низложенiя Мазепы и выбора его преемника, указаннаго Петром в лицѣ стараго и неспособнаго полковника Скоропадскаго. За то настоящiй дождь пожалованiй «измѣнничьих моетностей» и всяких других, пролился на всѣх, умѣвших чѣм нибудь заявить свое рвенiе московскому правительству.

За небольшими исключенiями, вся Гетманщина — лѣвобережные и незадолго перед тѣм формально присоединенные к ним правобережные полки — признали Скоропадскаго гетманом. Запорожье нѣкоторое время колебалось между старым нерасположенiем своим к Мазепѣ и таким же нерасположенiем к московскому режиму, но под влiянiем своего кошевого Костя Гордiенка в концѣ концов склонилось на сторону Мазепы, и запорожское войско присоединилось к шведской армiи. Чтобы обезпечить себѣ непосредственное сообщенiе с Запорожьем, Карл двинулся весною 1709 г. на юг, к Полтавѣ, но пока он занимался ея осадою, войска Петра овладѣли Сѣчью, измѣннически подвергнув жесточайшим казням сдавшихся Сѣчевиков, а затѣм он сам со свѣжими войсками, напав на ослабленную и деморализованную армiю Карла, нанес ей рѣшительное пораженiе.

Мазепа с Карлом, с небольшим кружком старшин и небольшими отрядами шведских драбантов, козаков и Запорожцев укрылись на турецкую территорiю, гдѣ Карл оставался затѣм нѣсколько лѣт. Мазепа спустя нѣсколько недѣль скончался здѣсь, измученный тревогой и неудачами (22 августа). Оставшая при нем украинская старшина, послѣ долгих совѣщанiй, выбрала его преемником генеральнаго писаря Филиппа Орлика (1710). При этом выборѣ был составлен интересный акт, хартiя, опредѣлявшая международное положенiе Украины и ея внутреннiй строй; здѣсь видим вполнѣ опредѣленные начатки представительнаго правленiя — перiодическiя собранiя войсковой рады (трижды в год) с участiем не только старшины, но и депутатов от полков и запорожскаго козачества; сознается необходимость ограниченiя гетманскаго самовластiя, огражденiе козачества и крестьянства от притѣсненiй старшины, и т. под. Но всѣм этим принципам не суждено было осуществиться. Силы Орлика были ничтожны, с ним было 3—4 тыс. козаков и Запорож-

цевъ, надежды возлагались на поддержку Швецiи, Турцiи и другихъ державъ. Но силы Швецiи были исчерпаны. Надежды возродила Прутская кампанiя Турцiи (1711), неожиданно закончившаяся капитуляцiей Петра; договоръ долженъ былъ обезпечить, между прочимъ, и независимость Украины, но благодаря подкупу визиря, этотъ пунктъ былъ выраженъ такъ неясно, что московское правительство отказалось подразумѣвать здѣсь Украину, находившуюся подъ московскимъ верховенствомъ. Попытки Орлика овладѣть, по крайней мѣрѣ, правобережной Украиной—были неудачны: Петръ окончательно уступилъ ее Польшѣ, распорядившись еще разъ перегнать поселенiе за Днѣпръ, и въ 1714 г. Польша вступила въ фактическое обладанiе Правобережьемъ. Запорожцы, составлявшiе единственную опору Орлика и перенесшiе послѣ разоренiя Сѣчи свой кошъ на крымскую территорiю, скоро стали хлопотать о возвращенiи на украинскую территорiю. Такъ безплодно окончилась эта послѣдняя громкая вспышка украинскаго автономизма [1]).

Ограниченiя украинской автономiи и первая отмѣна гетманства.

Хотя шведско-украинскiй союзъ, какъ было выше отмѣчено, стоялъ въ непосредственной связи съ борьбой за автономiю Украины въ половинѣ XVII в., былъ, такъ сказать, послѣдствiемъ этой эпохи,— но отдѣленный отъ нея долгимъ, почти сорокалѣтнимъ затишьемъ въ отношенiяхъ лѣвобережной Гетманщины, на фонѣ усиленной лояльности мѣстной старшины, онъ казался чѣмъ-то неожиданнымъ, и въ этомъ смыслѣ,—какъ поступокъ небывалый и невѣроятный,—былъ усиленно раздутъ русскимъ правительствомъ, рѣшившимъ использовать его, какъ удобный поводъ къ усиленной ликвидацiи украинской автономiи. Въ сущности огромное большинство украинскаго населенiя осталось непричастно замысламъ Мазепинцевъ, и весь эпизодъ обнаружилъ глубокое утомленiе его и нерасположенiе къ какой либо борьбѣ и риску. Но Петръ и его правительство ухватились за «малороссiйскую измѣну» и «вмѣнивъ ее въ вину всему украинскому народу, сдѣлали ее оправданiемъ для новой тактики по отношенiи къ Украинѣ — не выжидательной и постепенной, а рѣзкой и безцеремонной, не считавшейся ни съ какими правами, ни прецедентами. Та глубокая паника, какая охватила украинское населенiе, вслѣдствiе ужасныхъ сценъ московской расправы съ замѣшанными въ возстанiи — проявленiй жестокости Петровской эпохи, ободрила централистовъ къ дѣйствiямъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ, а неспособность царскаго ставленника, гетмана Скоропадскаго поддержать сколько нибудь престижъ своей власти, облегчала ихъ осуществленiя.

Послѣ полтавской побѣды, когда Скоропадскiй, прося подтвержденiя украинскихъ правъ, ходатайствовалъ объ освобожденiи украинскаго упра-

[1]) Подробнѣе въ „Очеркѣ", гл. XXII, новѣйшая литература въ 92 т. львовскихъ „Записокъ" (1909), посвященномъ спецiально этой эпохѣ.

вленія отъ вмѣшательствъ русскихъ чиновниковъ и офицеровъ, какія позволяли они себѣ во время войны, Петръ обставилъ это подтвержденіе цѣлымъ рядомъ оговорокъ и продолжалъ непосредственныя распоряженія украинскими должностями, назначая на полковничьи должности Великороссіянъ. Приставилъ къ самому гетману резидентовъ (сначала одного, потомъ двухъ) для надзора за дѣйствіями гетмана и старшины, а въ его резиденціи — свой гарнизонъ на случай «измѣны или возстанія», и вообще сдѣлалъ совершенно призрачной былую полноту гетманской власти. Наконецъ, въ 1722 г. онъ завершилъ этотъ новый курсъ, учрежденіемъ при гетманѣ «малороссійской коллегіи», составленной изъ шести великороссійскихъ штабъ-офицеровъ, изъ мѣстныхъ гарнизоновъ, подъ начальствомъ бригадира Вельяминова, и предназначенной служить контрольнымъ органомъ гетманскаго управленія. Коллегія имѣла принимать жалобы на всѣ судебныя и административныя учрежденія Украины; надзирать за сборомъ доходовъ и расходовать ихъ, представляя отчеты въ сенатъ; принимать мѣры противъ притѣсненій козаковъ и посполитыхъ старшиною; наблюдать за правильнымъ дѣлопроизводствомъ войсковой (гетманской) канцеляріи и слѣдить за входящими и исходящими бумагами, а о всякихъ злоупотребленіяхъ доносить въ сенатъ. Это учрежденіе лишало значенія и гетманскую власть, и генеральную старшину и дѣлало настоящимъ правителемъ Украины предсѣдателя коллегіи. Такъ и понялъ свою роль этотъ послѣдній, принявъ начальническій тонъ по отношенію къ украинской старшинѣ. Напрасно Скоропадскій умолялъ Петра отмѣнить свое распоряженіе—Петръ остался непреклоннымъ, а чтобы ослабить оппозицію старшины, распорядился распространить среди населенія печатный указъ, гдѣ учрежденіе коллегіи объяснялось, какъ средство противъ притѣсненія простого народа старшиною.

Скоропадскій отъ огорченія заболѣлъ и умеръ еще раньше, чѣмъ Вельяминовъ вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей. Его смерть дала Петру случай пойти еще дальше въ своихъ реформахъ и фактически упразднить гетманскую власть. Исполненіе обязанностей гетмана было поручено полковнику Полуботку съ генеральною старшиною, но съ тѣмъ, чтобы всѣ дѣла рѣшались съ участіемъ Вельяминова. А на ходатайство старшины объ избраніи гетмана—Петръ отвѣтилъ указомъ, гдѣ это избраніе отлагалось на неопредѣленное время, въ виду того, что правительство должно прислать на гетманскій урядъ человѣка надежнаго, такъ какъ всѣ гетманы, за исключеніемъ перваго—Хмельницкаго и послѣдняго — Скоропадскаго — оказывались измѣнниками. Украинское управленіе изъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ оно до сихъ поръ находилось, было переведено въ вѣдомство сената, и такимъ образомъ Украина приближена была къ положенію заурядной провинціи имперіи. На полковничьи должности систематически назначались Великороссы и постепенно подготовлялось введеніе имперскихъ законовъ въ практику украинскихъ учрежденій. Экономическія средства эксплоатировались на нужды государственной казны, на содержаніе великорусскихъ войскъ; налоги съ введеніемъ новой, фактиче-

ски великорусской администраціи возростали съ года на годъ съ головокружительной быстротой; мѣстная промышленность и торговля падали подъ бременемъ новой регламентаціи, имѣвшей въ виду интересы фиска или развитія торговли великорусской. Населеніе разоряли постои огромныхъ массъ великорусскаго войска, а козацкіе полки рѣдѣли и гибли въ далекихъ работахъ: при устройствѣ Ладожскаго канала, постройкѣ крѣпости св. Креста около Дербента на Кавказѣ и т. под.

Украина систематически разорялась одновременно съ разрушеніемъ ея автономнаго строя. Но страхъ предъ безудержнымъ гнѣвомъ царя былъ такъ великъ, что никто не осмѣливался поднять голоса противъ этой разрушительной политики. Насколько подозрительно настроено было правительство противъ всего, что хотя бы отдаленно называлось оппозиціей новому курсу, показала судьба наказного гетмана Полуботка. Въ тѣсныхъ границахъ вліянія, какое оставили украинской старшинѣ новыя реформы, онъ старался упорядочить украинскую администрацію и судъ, и тѣмъ ослабить аргументы правительства, въ своей ломкѣ украинскаго строя ссылавшагося на злоупотребленія старшины въ судѣ и администраціи. Онъ воспретилъ старшинѣ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній употреблять для своихъ надобностей козаковъ; ввелъ коллегіальное устройство въ суды сельскіе, сотенные и полковые, установилъ порядокъ апелляціи и реформировалъ генеральный судъ. Но эти мѣры, направленныя къ упорядоченію стараго строя, вызвали сильнѣйшее неудовольствіе великорусской администраціи и центральнаго правительства. Петръ поспѣшилъ удалить отъ власти Украины Полуботка и его товарищей и вызвалъ ихъ въ Петербургъ для объясненій, а украинскіе полки, во избѣжаніе противодѣйствія, распорядился вывести на южную границу, подъ предлогомъ охраны Украины отъ Татаръ. Постаравшись такимъ образомъ освободить украинское населеніе отъ вліянія «вредныхъ элементовъ», онъ выслалъ одного изъ довѣренныхъ людей, Румянцева, произвести опросъ украинскаго населенія, по поводу поступившихъ противорѣчивыхъ петицій — отъ Полуботка и старшины о возстановленіи прежняго управленія, и отъ полчанъ Стародубскаго полка — о введеніи великорусскаго управленія. Послѣдняя, какъ объяснялъ Полуботокъ, была подстроена великорусской администраціей, и миссія Румянцева имѣла очевидной цѣлью подтвердить, что украинское населеніе не солидарно со старшиной и желаетъ отмѣны стараго строя; ему поручено было собрать при этомъ матеріалы о злоупотребленіи старшины, чтобы дискредитировать послѣднюю и поддержать представленіе о томъ, что отмѣна стараго строя производится въ интересахъ массъ. Полуботокъ, опасаясь, что подъ давленіемъ администраціи правительству дѣйствительно удастся получить такія заявленія, какія были ему желательны, выслалъ изъ Петербурга инструкціи относительно того, какъ вести себя по отношенію къ этой ревизіи и въ какомъ смыслѣ отвѣчать на ея вопросы; одновременно, по его иниціативѣ, изъ полковъ, собранныхъ на южной границѣ у р. Коломака, поступила петиція объ отмѣнѣ новыхъ порядковъ, разрѣшеніи избранія гетмана и т. под. Эти мѣры Полуботка такъ раздражили Петра, что онъ распоря-

*

дилъ я арестовать Полуботка и его товарищей, а также составителей коломацкой петиціи. Полуботокъ и умеръ въ заключеніи, въ Петропавловской крѣпости, въ концѣ 1724 г. Всякое противодѣйствіе, такимъ образомъ, было сломлено [1]).

Гетманство Апостола и второе правленіе малороссійской коллегіи.

Рѣзкая ломка украинскаго строя, предпринятая въ 1720-хъ гг. Петромъ, однако, казалась рискованной многимъ представителямъ россійской политики. Они считали неблагоразумнымъ слишкомъ раздражать Украинцевъ, виду возможныхъ политическихъ осложненій. Уже вскорѣ послѣ смерти Петра, въ виду грозившей войнѣ съ Турціей, былъ поднятъ вопросъ о необходимости сдѣлать что нибудь «для удовольства и приласканія» Украины, чтобы тамъ въ случаѣ войны не возникало какихъ либо смутъ. Но тогда сторонники петровскаго курса взяли верхъ. П. Толстой, занимавшій полковничью должность на Украинѣ и близко знакомый съ тенденціями петровской политики, рѣзко выступилъ противъ плановъ возстановленія старыхъ порядковъ, напомнивъ, что имп. Петръ «въ томъ намѣреніи гетмана на Украинѣ не учинилъ и у полковниковъ и старшинъ власти убавилъ, дабы Малую Россію къ рукамъ прибрать, и черезъ тотъ способъ полковники и старшины съ подданными пришли въ немалую ссору». Традиціи петровской политики на этотъ разъ восторжествовали, и только съ воцареніемъ Петра II, сначала подъ вліяніемъ Меньшикова, имѣвшаго свои счеты съ правленіемъ малороссійской коллегіи, а затѣмъ и въ связи съ общей реакціей противъ политики Петра I, начинается также поворотъ и къ украинской политикѣ. Налоги, введенные за послѣдніе годы, были отмѣнены; Вельяминова потребовали къ отвѣту, въ виду жалобъ о злоупотребленіяхъ, а старшинъ, задержанныхъ въ Петербургѣ со времени дѣла Полуботка, отпустили по домамъ, и наконецъ дано было разрѣшеніе на выборъ гетмана, чрезвычайно обрадовавшее украинское общество, чувствовавшее себя совершенно безпомощно среди всеобщаго разстройства, созданнаго послѣдней ломкой украинскаго строя. О свободномъ выборѣ, однако, не допускалось и мысли; правительство имѣло своего кандидата, въ лицѣ престарѣлаго полковника миргородскаго Даніила Апостола, одного изъ ближайшихъ участниковъ шведско-украинскаго союза, но успѣвшаго своевременно выйти изъ этой исторіи и пріобрѣсти довѣріе правительственныхъ сферъ. Правительственному комиссару Наумову, отправленному для участія въ выборѣ, было предписано никоимъ образомъ не допускать выбора другого лица; но эта предосторожность была совершенно лишней: умудренная предшествующими злоключеніями, старшина и не помышляла о какой либо оппозиціи этимъ предначертаніямъ, да и противъ Апостола, какъ кандидата на гетманство, не могла ничего имѣть: это былъ одинъ

1) Подробнѣе „Очеркъ", гл. XXI, тамъ-же важнѣйшая литература.

изъ послѣднихъ представителей «добраго стараго времени», воспитанный въ духѣ стараго украинскаго автономизма. 1 окт. 1727 Апостолъ былъ единогласно избранъ и утвержденъ на гетманствѣ.

Не было и рѣчи о полномъ возстановленіи старыхъ правъ Украины. Упразднена была малороссійская коллегія (тѣмъ болѣе, что въ ея дѣйствіяхъ были обнаружены злоупотребленія), но взамѣнъ ея реформированъ былъ въ новомъ духѣ, вопреки основнымъ принципамъ статей Б. Хмельницкаго, генеральный судъ — составленный поровну изъ членовъ украинскихъ и великороссійскихъ, онъ долженъ былъ служить отнынѣ высшею апелляціонною инстанціею. Оставленъ былъ при гетманѣ великорусскій резидентъ, съ которымъ гетманъ долженъ былъ совѣщаться въ дѣлахъ управленія. Свободный выборъ сохраненъ былъ только для низшихъ войсковыхъ должностей: утвержденіе полковниковъ и генеральной старшины выговорило себѣ центральное правительство, и это равносильно было на дѣлѣ непосредственному назначенію. Сохранено было расквартированіе великорусскихъ войскъ и т. под. Въ общемъ правительство за норму взяло себѣ практику, созданную реформами Петра непосредственно послѣ катастрофы 1708 г. Въ такомъ смыслѣ нормировали украинскія отношенія, т. н. «рѣшительные пункты» 1728 г. — резолюціи правительства на предложенныя гетманомъ петиціи, хотя они и говорили въ общихъ словахъ о сохраненіи «прежнихъ правъ и вольностей».

Возстановленіе былыхъ отношеній было дополнено еще одною чертой — возвращеніемъ Запорожцевъ. Выше было упомянуто, что на своихъ новыхъ поселеніяхъ, отрѣзанныхъ отъ сношеній съ Украиной — по крайней мѣрѣ явныхъ, они скоро начали тяготиться такимъ отчужденіемъ и ходатайствовать о разрѣшеніи возвратиться обратно. Но русское правительство, связанное трактатомъ съ Турціей, не рѣшалось принять ихъ и только въ виду близкой войны съ Турками, дало принципіальное согласіе на возвращеніе Запорожцевъ, когда произойдетъ открытый разрывъ съ Турціей. Въ началѣ 1734 г., въ виду грозившей войны, они возвратились на старыя мѣста. Постановленіями, выработанными представителями Запорожцевъ и делегатами правительства, Запорожцамъ предоставлено жить по старымъ порядкамъ, пользуясь свободно степными промыслами, и управляться выборною старшиною, подчиняясь, помимо гетмана, главнокомандующему украинской арміей. Эта послѣдняя деталь также нарушала старую полноту гетманской власти. Вообще въ это время, съ воцареніемъ имп. Анны, снова начался поворотъ къ петровскому курсу политики, и только въ виду внѣшнихъ политическихъ осложненій — угрожавшей войны съ Турціей, польскаго безкоролевья и агитаціи Орлика и Лещинскаго на Украинѣ — правительство находило неудобнымъ немедленно возвратиться къ политикѣ Петра I. Благовидный предлогъ дала болѣзнь Апостола, разбитаго параличемъ въ 1733 г.: правительство не разрѣшило принять управленіе генеральной старшинѣ, а поручило его своему резиденту съ коллегіей, составленной поровну изъ Великороссіянъ и Украинцевъ, а когда вскорѣ послѣ того Апостолъ умеръ (1734),

была организована новая малороссійская коллегія, состоявшая изъ трехъ членовъ украинскихъ и трехъ великорусскихъ съ правительственнымъ резидентомъ и генеральнымъ обознымъ во главѣ. Коллегія эта учреждалась якобы временно, до выбора гетмана, но въ тайной инструкціи резиденту кн. Шаховскому было пояснено, что въ дѣйствительности правительство не имѣетъ въ виду разрѣшать избраніе новаго гетмана, и упоминало о немъ лишь во избѣжаніе волненій на Украинѣ. Украинское управленіе, при избраніи Апостола переведенное въ вѣдѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, снова было возвращено въ вѣдѣніе сената, а фактическимъ правителемъ сталъ великорусскій первоприсутствующій малороссійской коллегіи. Ему предоставлены были самыя широкія полномочія: онъ могъ смѣщать украинскихъ членовъ коллегіи, если бы за ними оказалось что либо подозрительное, арестовать старшинъ, заподозрѣнныхъ въ какой либо противности, назначать на вакантныя украинскія должности кандидатовъ по своему усмотрѣнію, «усматривая по всякимъ обхожденіямъ, кто изъ старшинъ и изъ козаковъ къ намъ и сторонѣ нашей доброжелателенъ», и въ случаяхъ надобности даже не связывался данной инструкціей. По старымъ традиціямъ рекомендовалось при этомъ внушать населенію, что новыя ограниченія украинской автономіи имѣютъ цѣлью защиту массъ отъ старшинскихъ злоупотребленій, и сваливать на гетманское управленіе всѣ неустройства, чтобы ослабить стремленія къ его возстановленію.

Эти широкія полномочія великорусскихъ правителей, въ связи съ подозрительнымъ отношеніемъ къ настроеніямъ украинскаго населенія, создавали въ атмосферѣ суроваго бироновскаго режима весьма тяжелыя отношенія на Украинѣ. Кромѣ того, весьма тяжело ложилось на Украину, какъ на пограничную провинцію, военныя дѣйствія въ Польшѣ и долгая турецкая война; населеніе было совершенно разорено принудительными поборами провіанта и скота, за который большею частью не получало никакого вознагражденія, подводными и квартирными повинностями. Суровая рука военной администраціи усугубляла и безъ того тяжелый гнетъ новаго режима, оставившаго самую тяжелую память у украинскаго населенія, вмѣсто того, чтобы располагать его къ «великорусскому правленію», какъ того желало правительство [1]).

Послѣднее гетманство и ликвидація стараго строя.

Появленіе новаго лица на престолѣ Россіи еще разъ внесло перемѣну въ централистическій курсъ правительственной политики относительно Украины. Новая императрица Елисавета, очень привязанная къ своему любимцу Алексѣю Разумовскому, украинскому козаку по происхожденію, перенесла свои симпатіи на его родину, и хотя въ общемъ усердно слѣдовала традиціямъ своего отца Петра I, но была

1) Подробнѣе: „Очеркъ", гл. XXII, тамъже литература.

склонна сдѣлать уступки пожеланіямъ украинской старшины. Когда во время ея путешествія въ Кіевъ 1744 г., ей была подана петиція о разрѣшеніи выбрать гетмана, она благосклонно приняла эту просьбу. Кандидатъ на гетманство былъ уже намѣченъ, но еще не готовъ къ занятію этого поста: это былъ младшій братъ Ал. Разумовскаго Кириллъ (род. 1724), находившійся въ то время за границей для окончанія образованія. Въ 1744 г. императрица дала указъ сенату о возстановленіи гетманства на тѣхъ началахъ, на какихъ оно существовало при Скоропадскомъ, а самый выборъ былъ произведенъ, съ большимъ торжествомъ, въ 1750 г. Конечно, единогласно былъ избранъ Кириллъ Разумовскій. При его утвержденіи императрица повелѣла считать его въ рангѣ фельдмаршала, и при отпускѣ на Украину ему выдана была жалованная грамота, по образцу данной Скоропадскому. Украинское управленіе было возстановлено приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало при Скоропадскомъ, до учрежденія коллегін; запорожская Сичь также была подчинена власти гетмана; гетманское управленіе переведено еще разъ въ вѣдомство иностранной коллегіи. Однако, Разумовскій, поссорившись съ президентомъ коллегіи, самъ попросилъ перевести его въ вѣдомство сената, что и было исполнено.

Вообще новый гетманъ былъ чуждъ старыхъ украинскихъ традицій и пониманія украинской жизни вообще. Выросши въ кругу петербургской аристократіи, онъ скучалъ въ своей украинской резиденціи и по возможности проживалъ въ Петербургѣ. Его ближайшій совѣтникъ, бывшій воспитатель Гр. Тепловъ, былъ человѣкъ не только чужой, но и враждебно настроенный украинскимъ традиціямъ, и его считали позже главнымъ виновникомъ упраздненія гетманства и ликвидаціи стараго строя. Но именемъ гетмана правила генеральная старшина и благодаря вліянію, которымъ онъ пользовался въ петербургскихъ сферахъ, украинское управленіе было свободно отъ вмѣшательствъ разныхъ постороннихъ инстанцій, которыя такъ свободно распоряжались въ украинскихъ отношеніяхъ въ предшествующія царствованія. Этимъ пятнадцатилѣтнимъ періодомъ сравнительно значительной власти и вліянія украинская старшина воспользовалась, чтобы упорядочить строй гетманщины, расшатанный предшествующими пертурбаціями и дать ему, наканунѣ ликвидаціи, нѣсколько послѣднихъ штриховъ въ духѣ своихъ политическихъ и сословныхъ стремленій (особенно въ реформѣ судоустройства въ духѣ статутоваго законодательства).

Дни стараго строя были сочтены уже съ самаго вступленія новой императрицы Екатерины, проникнутой идеями государственнаго унитаризма. Въ своей извѣстной инструкціи генераль-прокурору она однимъ изъ пунктовъ своей программы поставила уничтоженіе „вѣка и имени гетмановъ“, и исполненіе этого стало только вопросомъ времени. Предвѣстіемъ послужило уничтоженіе козацкаго устройства Слободской Украины, служившей вообще своего рода пробнымъ камнемъ для нивелляціонной политики правительства относительно Украины. Здѣсь еще въ 1742 г. произведенъ былъ первый опытъ отмѣны войскового козацкаго устройства, но

общее неудовольствіе населенія заставило правительство возстановить прежній строй; теперь въ 1763—4 гг. онъ былъ упраздненъ окончательно. Одновременно случай далъ благопріятный поводъ покончить съ гетманомъ, скорѣе, чѣмъ могло на это расчитывать правительство: Кир. Разумовскій былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ сторонниковъ новой императрицы, много обязанной ему предъ своимъ воцареніемъ и потому едва-ли рѣшившейся бы поднять на него руку безъ какого либо повода. Но въ концѣ 1763 г. императрицѣ было донесено изъ Кіева, что среди старшины собираются подписи для петиціи объ учрежденіи наслѣдственнаго гетманства въ родѣ Разумовскаго. Подана эта петиція не была, такъ какъ генеральная старшина осторожно уклонилась отъ участія въ ней; но императрица рѣшила использовать этотъ инцидентъ, чтобы покончить съ гетманствомъ. Тепловъ приготовилъ записку «О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній грамотами подтвержденныхъ Малороссіи» — обвинительный актъ противъ гетманскаго правленія, и всего стараго строя Украины. Опираясь на эти данныя императрица предложила Разумовскому добровольно отказаться отъ гетманства. Разумовскій медлилъ; тогда ему пригрозили обвиненіемъ въ противогосударственныхъ замыслахъ, смѣщеніемъ и опалой, и онъ уступилъ, подавъ прошеніе объ увольненіи «отъ столь тяжелой и опасной должности» и взамѣнъ просилъ милости къ своей «многолюдной фамиліи». 10 нояб. 1764 г. былъ опубликованъ манифестъ «малороссійскому народу» объ увольненіи Разумовскаго и учрежденіи правленія малороссійской коллегіи, въ видѣ временной мѣры, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Коллегія была составлена изъ четырехъ украинскихъ членовъ и четырехъ великороссійскихъ, съ президентомъ и прокуроромъ изъ Великороссіянъ. Настоящимъ правителемъ Украины долженъ былъ, конечно, являться президентъ — гр. Петръ Румянцевъ; въ инструкціи данной ему, императрица поручила ему изыскать источники доходовъ для государственнаго казначейства, а для этого произвести ревизію Украины; указывала на разныя аномаліи украинскаго устройства — между прочимъ рекомендовала упразднить сохранившіеся еще остатки личной свободы крестьянъ; особенное вниманіе его обращала на борьбу съ украинскимъ сепаратизмомъ, поручая тщательно слѣдить за настроеніями украинской интеллигенціи и снискивать расположеніе народныхъ массъ, чтобы привлечь ихъ на сторону централистической политики правительства.

Этотъ послѣдній пунктъ программы было трудно сочетать съ соціальной политикой правительства, требовавшей уравненія украинской старшины съ россійскимъ дворянствомъ, украинскаго крестьянства — съ закрѣпощеннымъ крестьянствомъ Россіи, и дѣйствительно, для пріобрѣтенія расположенія народныхъ массъ Румянцевъ и не старался что-нибудь предпринимать. Предпринятая имъ перепись (весьма важный памятникъ для изученія экономическаго быта), до нѣкоторой степени остановивъ расхищеніе войсковыхъ земель и закрѣпощеніе козаковъ, съ другой стороны закрѣпила пріобрѣтенія старшины и нисколько не улучшила положеніе крестьянъ.



Гораздо энергичнѣе занимался Румянцевъ борьбою съ сепаратизмомъ. Въ особенности выборы въ комиссію уложенія 1767 г., вызвавъ въ украинскомъ обществѣ, во всѣхъ слояхъ населенія, стремленія къ возстановленію автономіи, полагавшейся въ основу нуждъ и желаній, выражавшихся въ ихъ наказахъ, дали обильную пищу гоненіямъ на украинскій патріотизмъ со стороны Румянцева. Онъ старался влiять на выборы депутатовъ, редакцію наказовъ, кассировалъ и конфисковалъ инструкціи нежелательнаго ему содержанія, привлекалъ къ отвѣтственности наиболѣе горячихъ сторонниковъ автономіи и отдавалъ ихъ подъ судъ, пускавшій въ ходъ даже смертные приговоры.

Сама императрица отнеслась къ этому неожиданному проявленію украинскаго автономизма гораздо спокойнѣе; она возлагала надежды на выгоды, какія предоставляло украинской старшинѣ уравненіе въ правахъ съ россійскимъ дворянствомъ, и неуклонно вела свою ликвидаціонную политику. Въ 1764 г., одновременно съ уничтоженіемъ гетманства, организованы были губерніи—Слободская, изъ полковъ Слободской Украины, и Новороссійская, основаніе которой составили городки и поселенія укрѣпленныхъ пограничныхъ линій, но въ которую были включены и значительныя пространства запорожскихъ земель и южная часть Гетманщины, такъ же точно, какъ и при послѣдовавшей затѣмъ организаціи губерніи Азовской. Запорожцы протестовали противъ захвата ихъ земель, оказывали активное сопротивленіе новымъ порядкамъ, надвигавшимся въ ихъ «вольности», но этимъ только возстановляли еще болѣе правительственные круги, недовольные и безъ того осложненіями, какія вызывали своевольныя нападенія запорожскихъ удальцовъ на пограничныя земли сосѣднихъ государствъ. Правительство, носившееся съ широкими политическими планами, относительно Черноморья, вскорѣ приходитъ къ рѣшенію покончить съ Запорожьемъ и включить запорожскія земли въ общую систему управленія. Напрасно тогдашній кошевой Кальнышевскій, идя на встрѣчу тенденціямъ правительства, всѣми мѣрами сдерживалъ Запорожцевъ отъ своевольныхъ нападеній, колонизировалъ запорожскія земли земледѣльческимъ населеніемъ и старался перевести Запорожье отъ исключительно военнаго и уходническаго быта къ сельскому хозяйству—эти старанія даже были поставлены въ вину Запорожью, такъ какъ правительство видѣло въ нихъ препятствіе для своихъ плановъ. Въ 1775 г. высланы были значительныя военныя силы, которыя должны были, заставъ врасплохъ, окружить запорожцевъ, находившихся на промыслахъ, а затѣмъ генералъ Текели, окруживъ съ огромнымъ войскомъ, объявилъ Запорожцамъ объ уничтоженіи Запорожья. Послѣ нѣкотораго колебанія среди Запорожцевъ одержали верхъ сторонники покорности съ Кальнышевскимъ во главѣ (это не помѣшало, однако, правительству подвергнуть его и нѣкоторыхъ другихъ старшинъ жесточайшему пожизненному заточенію). Однако, съ уничтоженіемъ Сичи Запорожцы не примирились, они перешли на турецкую территорію и здѣсь пытались устроиться, такъ что въ концѣ концовъ русское правительство увидѣло себя вынужденнымъ, для предотвращенія

дальнѣйшей эмиграціи, вособновить запорожское войско, получившее въ концѣ концовъ для своего поселенія земли на устьѣ Кубани.

Несмотря на эти усложненія и хлопоты, созданныя уничтоженіемъ Сичи, правительство неуклонно продолжало ликвидацію стараго строя. Въ концѣ 1780 г. объявлено было введеніе общеимперскихъ губернскихъ учрежденій во всей Гетманщинѣ; южная часть ея уже раньше вошла въ составъ Новороссійской и Азовской губерній, въ 1781 г. остальныя части ея были раздѣлены на три намѣстничества: Кіевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское; старыя учрежденія были оставлены для окончанія начатыхъ дѣлъ, вмѣсто нихъ вводились губернскія учрежденія. Въ 1783 г. отмѣнена была военная козацкая организація и козацкіе полки были преобразованы въ карабинерскіе. Наконецъ, въ 1785 г., съ дарованіемъ жалованной грамоты дворянству, введены были дворянскія учрежденія, а козацкіе чины были переведены на ранги имперіи. Гетманщина была ликвидирована [1]).

Экономическія отношенія Гетманщины.

Въ политическихъ условіяхъ, описанныхъ выше, подъ нхъ вліяніемъ и въ свою очередь весьма сильно вліяя на нихъ, развивался чрезвычайно интересный экономическій процессъ, оказавшій сильнѣйшее воздѣйствіе на все послѣдующее направленіе украинской жизни.

Если козачество стало могучимъ политическимъ факторомъ, какъ выходъ изъ крѣпостного режима Польши, и народныя массы создавали огромныя козацкія возстанія, добиваясь освобожденія изъ власти польской шляхты, то эта цѣль казалась достигнутой великимъ движеніемъ подъ водительствомъ Хмельницкаго: «паны-ляхи» были изгнаны изъ всей территоріи, охваченной козацкимъ движеніемъ и хотя позднѣйшіе трактаты польскаго правительства съ козаками и Москвою, цѣною разныхъ уступокъ—территоріальныхъ (Москвѣ), политическихъ и культурныхъ (козачеству и украинской національности), старались вернуть изгнаннымъ шляхтичамъ ихъ имѣнія,—эти усилія были напрасны. Ни одинъ изъ этихъ трактатовъ не могъ осуществиться, вслѣдствіе непобѣдимой оппозиціи народныхъ массъ.

Въ позднѣйшихъ представленіяхъ эта освобожденная «отъ ярма лядскаго» Украина эпохи Хмельницкаго мыслилась полной tabula rasa въ экономическомъ отношеніи: всѣ прежнія права и отношенія были «козацкою шаблею скасованы», и новая поземельная собственность начала создаваться на основахъ свободной заимки. Эти представленія были отчасти вѣрны, такъ какъ, дѣйствительно, упраздненіе шляхетскаго землевладѣнія, массовыя передвиженія населенія и страшныя потери въ людяхъ—создали большую площадь свободныхъ земель, представлявшую широкую свободу заимкѣ. Но остались народу съ тѣмъ и большіе пережитки старыхъ поземельныхъ отношеній — не говоря о значительныхъ остаткахъ крестьянскаго, мѣщанскаго и козацкаго землевладѣнія, также остатки землевладѣнія привилегированнаго — церквей и монастырей, послѣ паденія польской

[1]) Подробнѣе: „Очеркъ", гл. XXIII.

власти спѣшившихъ выхлопотать подтвержденія своихъ владѣній у гетманскаго правительства, а затѣмъ непосредственно у московскаго, и не особенно малочисленныя имѣнія шляхетскихъ родовъ, перешедшихъ подъ гетманскій регламентъ, вошедшихъ въ составъ козацкаго войска, и получившихъ подтвержденіе на свои имѣнія, не говоря о еще болѣе многочисленныхъ представителей, вошедшихъ въ составъ войска, и въ новыя отношенія неизбѣжно переносившихъ шляхетскія понятія и принципы, вынесенные изъ сословнаго строя Рѣчи Посполитой.

Такимъ образомъ съ самаго начала на ряду съ новыми экономическими отношеніями, которыя, по понятіямъ народа, должны были развиваться изъ принциповъ трудового пользованія, оказывались глубоко заложенные принципы землевладѣнія привилегированнаго, въ духѣ польскаго шляхетскаго права; рядомъ съ народными массами, мечтающими о новой эрѣ экономическихъ и общественныхъ отношеній «безъ холопа и безъ пана», существовали достаточно многочисленныя и главное — очень вліятельныя группы, совершенно не помышлявшія о какомъ-либо коренномъ переломѣ общественныхъ и экономическихъ отношеній. Родовитое козачество, занимавшее высшія должности, обладавшее средствами, гордившееся заслугами своими и своихъ предковъ, еще подъ польскимъ владычествомъ добивалось того, чтобы его трактовали наравнѣ со шляхтою, и теперь, когда не стало шляхты польской, оно не сомнѣвалось въ томъ, что ему суждено занять теперь ея мѣсто, какъ привилегированнаго сословія, тѣмъ болѣе—что среди него дѣйствительно очень много было представителей шляхетскихъ родовъ. Начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ—украинская интеллигенція вообще и козацкая старшина спеціально не представляли себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привилегій, безъ подданныхъ и господъ; ихъ чувство оскорблялось тѣмъ, что господами были Поляки, люди чужой народности и вѣры, или если на господство и привилегіи претендовали люди не заслуженные, худородные; но заслуженные въ войскѣ, родовитые люди должны были пользоваться привилегированнымъ положеніемъ, и такое положеніе, прежде всего, должно было основываться на землевладѣніи и связанными съ нимъ привилегіями. И послы Хмельницкаго — представители козацкой старшины одновременно съ установленіемъ первыхъ принциповъ украинскихъ отношеній «статей Б. Хмельницкаго», выпрашивали у московскаго правительства грамоты на имѣнія и домогались, чтобы въ этихъ грамотахъ спеціально упомянуто было о неограниченныхъ правахъ владѣльцевъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ или будутъ ими поселены. Этихъ грамотъ ихъ счастливые обладатели, однако, не осмѣлились тогда предать гласности; народныя массы чрезвычайно подозрительно относились ко всему, что отзывалось шляхетскими тенденціями, возрожденіемъ крѣпостныхъ отношеній. Но привилегированное землевладѣніе созидалось фактически очень успѣшно и быстро съ самаго начала.

Основаніемъ его служила тоже за-

имка пустыхъ земель, съ тою разницею, что старшина эту заимку производила въ размѣрахъ несравненно болѣе обширныхъ. Затѣмъ, къ этому присоединялись «маетности» заселенныя, жалованныя гетманомъ и московскимъ правительствомъ. Если первые пожалованные не рѣшались открыто выступить съ полученными грамотами, то скоро, почувствовавъ поддержку своимъ экономическимъ и классовымъ стремленіямъ со стороны Москвы, они, добиваясь этихъ пожалованій, реализируютъ ихъ уже вполнѣ открыто. Раздаютъ такія пожалованія также гетманы и высшая старшина, но такъ какъ гетманскія и старшинскія пожалованія не считались вполнѣ правосильными безъ царской грамоты, то вопросъ о ихъ закрѣпленіи становится однимъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ въ политикѣ старшины по отношенію московскаго правительства. При выборѣ Мазепы (1687) взамѣнъ сдѣланныхъ уступокъ въ области украинской автономіи старшины ходатайствовала, чтобы земли пожалованныя гетманами и старшиною, а а также купленныя, подтверждались московскимъ правительствомъ автоматически; но московское правительство не согласилось и предоставило и впредь добиваться «жалованной грамоты» «заслугами предъ великимъ государемъ».

«Скупля» или выкупъ земель крестьянскихъ и козачьихъ играла также видную роль въ образованія старшинскаго землевладѣнія. Особенно въ XVIII в., когда изсякли запасы свободныхъ земель и не осталось мѣста для заимки, скупля практиковалась очень широко, тѣмъ болѣе, что была доступна не только лицамъ, занимавшимъ высшія позиціи, но и низшимъ чинамъ козацкой іерархіи, для которыхъ пріобрѣтеніе пожалованій было въ большинствѣ недоступно. Административное положеніе, хотя бы небольшое, или связи съ администраціей давали возможность производить скуплю принудительно, не только пользуясь тяжелыми матеріальными обстоятельствам владѣльца, но и давленіемъ административной власти — едва прикрытымъ или ничѣмъ не прикрытымъ насиліемъ. А такъ какъ выкупъ козацкихъ земель былъ ограниченъ или вовсе запрещенъ, то скупщики практиковали, подъ прикрытіемъ власти, противозаконный переводъ козаковъ въ крестьянское сословіе, насильственный или добровольный.

Всѣми этими способами въ продолженіе второй половины XVII и первой XVIII в., въ Гетманщинѣ и также точно въ Украинѣ Слободской, развивавшейся въ тѣхъ же соціально-экономическихъ условіяхъ, создается огромная площадь привилегированнаго старшинскаго землевладѣнія—большія латифундіи счастливцевъ и имѣнія средней руки менѣе удачливыхъ пріобрѣтателей или мелкихъ представителей старшинскаго сословія, непрестанно возростающія за счетъ мелкаго козацкаго и крестьянскаго землевладѣнія. И параллельно съ возрастаніемъ землевладѣнія возрасталъ классъ закрѣпощенныхъ «подданныхъ», такъ какъ для своей реализаціи этотъ земельный капиталъ требовалъ закрѣпощенныхъ рукъ [1]).

[1]) Подробнѣе „Очеркъ", гл. XXI, тамъ же (с. 323) важнѣйшая литература, къ которой нужно прибавить упомянутую выше новую работу Мякотина — „Очерки соц. ист. Малороссіи".

Общественный строй восточной Украины послѣ ея освобожденія отъ польскаго господства отличался зыбкостью и неустойчивостью. Сословія существовали, но между ними не существовало сколько нибудь прочныхъ и рѣзкихъ границъ. Оставляя въ сторонѣ сословіе мѣщанское, перешедшее въ новый строй со всѣми аттрибутами стараго права: теоретическимъ иммунитетомъ и изолированностью и фактическою зависимостью отъ общей администраціи и господствующаго класса,— и духовенство съ его старою церковною практикою, для остальныхъ общественныхъ группъ, наиболѣе захваченныхъ переворотомъ, сословность потеряла надолго свое реальное значеніе. Понятіе о контрастѣ привилегированныхъ и тяглыхъ не перестало существовать. Хмельницкій со старшиною, устанавливая въ 1654 г. основы новыхъ отношеній, исходили отъ этихъ двухъ категорій: «кто козакъ—будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ—тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать», гласитъ въ великорусскомъ переводѣ одна изъ статей, предложенныхъ ими московскому правительству. Но привилегированный военнослужилый классъ—козаки, на первыхъ порахъ, совершенно не былъ замкнутъ, и отграниченъ отъ другихъ сословій. Вопросъ о реестрѣ, хотя фигурировалъ по старой традиціи, не имѣлъ никакого реальнаго значенія; при чрезвычайномъ напряженіи военныхъ силъ страны каждый желающій могъ войти въ ряды козацкаго войска. Въ козачій «компутъ» въ теченіе долгаго времени можно было также свободно вписываться, какъ и выписываться изъ него, переходя въ сословіе мѣщанское, крестьянское и духовное. Только позже, въ XVIII в. компуты замкнулись: въ нихъ могли попадать только дѣти козаковъ, и такъ какъ тутъ играли роль экономическіе владѣльческіе интересы старшины, заинтересованной въ томъ, чтобы крестьянское населеніе не уходило изъ той крѣпостной мрежи, которая постепенно сплеталась для него, то не только новымъ элементамъ, но и представителямъ козачьяго сословія, разъ вышедшимъ изъ козачьяго званія, проникнуть въ него было не легко. Съ другой стороны, администрація, въ интересахъ поддержанія военнаго сословія, принимала мѣры противъ переводовъ и переходовъ изъ козачьяго званія въ крестьянское, широко практиковавшихся подъ давленіемъ помѣщичьихъ интересовъ старшины. Такимъ образомъ, козачье сословіе постепенно отвердѣвало и отграничивалось—съ одной стороны, отъ крестьянства, переходившаго все болѣе въ положеніе тяглаго сословія, съ другой— отъ своей старшины, превращавшейся въ наслѣдственно-привилегированное землевладѣльческое сословіе.

Старшинскій классъ началъ отвердѣвать рано; присутствіе въ немъ значительныхъ шляхетскихъ элементовъ издавна, съ самой организаціи козачества, несомнѣнно, оказывало значительное вліяніе на его тенденціи къ сословности, къ наслѣдственно-приви-

легированному положенію. По принципу—это была аристократія должностная и при томъ выборная: должности должны были замѣщаться свободнымъ войсковымъ избраніемъ, но фактически избраніе очень рано стало замѣняться назначеніемъ, и должности распредѣлялись, главнымъ образомъ, среди членовъ этого старшинскаго класса, родовитаго, заслуженнаго, богатаго козачества, естественно стремившагося къ положенію наслѣдственно-привилегированнаго сословія, по образцу польской шляхты. Въ Гадяцкомъ трактатѣ эти тенденціи должны были найти свое осуществленіе въ постановленіи, что ежегодно извѣстное число лицъ козацкаго сословія будетъ нобилитовано — получитъ шляхетскія права. Постановленіе это не вошло въ жизнь, и превращеніе старшины въ наслѣдственно-привилегированное сословіе должно было осуществляться путемъ практики. Въ отношеніяхъ къ московскому правительству, старшина уже въ послѣдней четверти XVII в. (въ статьяхъ 1687 года) приравниваетъ себя къ служилому московскому дворянству и настойчиво проводитъ этотъ взглядъ въ продолженіе всего XVIII в., пока дѣйствительно не добивается этого признанія—при окончательной ликвидаціи стараго строя. До тѣхъ поръ свое привилегированное положеніе представители старшинскаго класса поддерживаютъ если не фактической войсковой службой, то фикціей этой послѣдней. Такъ какъ военно-административный составъ Гетманщины не въ состояніи былъ вмѣстить представителей все разростающихся старшинскихъ фамилій, то создаются должности титулярные: «войсковыхъ», «значковыхъ» и «бунчуковыхъ товарищей». Эти званія, жалуемыя гетманомъ, сообщаютъ ихъ носителямъ официальное положеніе въ войсковой іерархіи и связанныя съ нимъ привилегіи: такъ, бунчуковый товарищъ считается въ рангѣ непосредственно послѣ полковника, выше полковой старшины; значковые товарищи считаются въ рангѣ низшей полковой или сотенной старшины. Постепенно, въ теченіе XVIII в., съ наростаніемъ старшинскаго класса, число такихъ титулярныхъ «товарищей» достигаетъ огромнаго количества, тѣмъ болѣе, что доступъ къ нимъ не былъ обставленъ какими либо спеціальными формальностями и ограниченіями. Представители богатыхъ мѣщанскихъ или духовныхъ фамилій пріобрѣтаютъ патенты на эти званія, если не могутъ занять дѣйствительной войсковой должности, и переходятъ такимъ образомъ тоже въ составъ войсковой старшины. «Бунчуковые товарищи» — пользовавшіеся особенно значительными правами и привилегіями, въ половинѣ XVIII в. насчитываются цѣлыми сотнями, и подъ сѣнью этого почетнаго званія находитъ, такимъ образомъ, свое прибѣжище огромное количество старшины, не занимавшей реальныхъ должностей, но тѣмъ не менѣе пользовавшейся большими привилегіями и вліяніемъ.

Такъ формируется это привилегированное сословіе, настойчиво называющее себя «шляхетскимъ». Оно усиленно создаетъ традиціи своего преемства и связи съ шляхтой польскаго періода, выводитъ себя правдами и неправдами отъ разныхъ шляхетскихъ фамилій, отыскиваетъ или совершенно произвольно приписываетъ себѣ шляхетскіе гербы, усердно ищетъ случая

породниться съ настоящими шляхетскими родами, хотя бы захудалыми. Пользуясь Литовскимъ Статутомъ, какъ сборникомъ юридическихъ нормъ, оно примѣняетъ къ себѣ тѣ права и привилегіи, которыя этотъ старый кодексъ шляхетскаго права прилагалъ къ шляхтѣ украинскихъ земель в. кн. Литовскаго, и затѣмъ искренно вѣря или симулируя свою убѣжденность въ томъ, что нормы Литовскаго Статута относятся къ этому украинскому старшинскому шляхетству, оно основываетъ на нихъ свои дальнѣйшія требованія и дезидераты, въ сферѣ политическихъ отношеній и въ сферѣ классовой — въ своихъ отношеніяхъ и правахъ относительно населенія тяглаго, подданнаго. Какъ въ эволюціи сословныхъ отношеній предшествующаго, польско-литовскаго періода, такъ и теперь сословныя права и привилегіи старшинскаго класса ростутъ и развиваются за счетъ крестьянства, какъ два полюса одного и того процесса.

Крестьянское населеніе Гетманщины, и точно также Слободской Украины составилось изъ трехъ группъ, отличныхъ по своему юридическому отношенію къ своимъ панамъ—представителямъ старшинскаго сословія, но постепенно приводившихся къ общему знаменателю наименьшихъ правъ и наибольшихъ обязанностей по отношенію къ этимъ послѣднимъ. Въ наиболѣе зависимомъ положеніи находились «підсусідки», крестьяне, поселявшіеся на земляхъ уже присвоенныхъ, путемъ заимки, разными представителями козачьяго и привилегированнаго старшинскаго сословія. Если первыя волны эмиграціи въ лѣвобережную и слободскую Украину, развившейся въ половинѣ XVII в., могли осѣдать на земляхъ свободныхъ, никому не принадлежащихъ, занимая ихъ въ свою собственность, то послѣдующая эмиграція, развивающаяся въ 1670-хъ и 1680-хъ гг., и насильственные сгоны 1680-хъ и 1710-хъ гг. уже не находили свободныхъ земель, и переселенцы должны были поселяться на земляхъ уже занятыхъ, принимая на себя различныя обязанности по отношенію къ ихъ владѣльцамъ, нормировавшіяся или договоромъ, заключеннымъ съ владѣльцами при поселеніи, или болѣе общей практикой данной мѣстности. Эти поселенцы (наряду съ остатками стараго заселенія въ имѣніяхъ монастырскихъ, церковныхъ, шляхетскихъ, гдѣ оно сохранилось) создаютъ наиболѣе зависимую и удобную для примѣненія всякихъ владѣльческихъ притязаній среду. Но тѣ формы зависимости, которыя вырабатывались въ этой средѣ, старшина стремится перенести также въ среду крестьянъ своеземцевъ, попадавшихъ въ зависимость отъ нея или въ составъ жалованныхъ имѣній, или такъ называемыхъ «ранговыхъ», приписанныхъ къ извѣстнымъ должностямъ и поступавшихъ подъ начальство лицъ, занимавшихъ данную должность, большею частью пожизненно. Старшина стремится превратить и этихъ крестьянъ въ своихъ крѣпостныхъ, по образцу подсусидковъ. Для этой цѣли она стремится всѣми мѣрами отграничить этихъ крестьянъ, такъ назыв. посполитыхъ, отъ козаковъ и затруднить переходъ въ козачье званіе. Затѣмъ, эти крестьяне - своеземцы обезземеливаются всякими способами: покупкой или захватомъ ихъ земель, или же разными притѣсненіями принуждаются къ выходу, и въ такомъ случаѣ земли ихъ,

согласно Литовскому Статуту, поступають въ собственность помѣщика и заселяются вполнѣ зависимыми новоселами-пидсусидками. Оставшіеся посполитые и переведенные въ эту категорію козаки облагаются разными повинностями по ихъ образцу и къ нимъ постепенно примѣняются во всей полнотѣ нормы шляхетскаго права.

Процессъ этотъ начинается очень рано. При Самойловичѣ «обыклое послушенство подданныхъ» по отношенію къ землевладѣльцамъ начинаетъ уже усиленно пропагандироваться гетманскою властью и подкрѣпляется всемъ ея престижемъ. Тогда это «послушенство», однако, выражалось, главнымъ образомъ, разными «помочами»—при уборкѣ сѣна, устройствѣ плотинъ и пр. Но уже съ началомъ XVIII в. видимъ въ полной силѣ совсѣмъ настоящую панщину: такъ, въ одномъ гетманскомъ универсалѣ 1701 г. признается нормальною панщиною два дня въ недѣлю, при томъ овсяная дань, и это для крестьянъ своеземцевъ. Въ общемъ въ половинѣ XVIII в. крѣпостная зависимость крестьянъ Гетманщины по отношенію къ ихъ владѣльцамъ достигла уже полной аналогіи съ прежнимъ польско-шляхетскимъ режимомъ. Не доставало только нѣсколькихъ штриховъ до полной законченности, и ихъ сообщаютъ въ другой половинѣ XVIII в. реформы центральнаго правительства, сыгравшаго вообще очень большую роль во всемъ процессѣ превращенія Гетманщины въ сословное государство. Укладъ Московскаго государства и имперіи вліяли и непосредственно своимъ примѣромъ и черезъ своихъ агентовъ, служилыхъ людей, воспитанныхъ въ понятіяхъ сословности и крѣпостничества. Еще сильнѣе воздѣйствовало московское правительство, награждая старшину, за ея уступки въ сферѣ политики, подтвержденіемъ имѣній и раздачей новыхъ, и силою своего вліянія, своимъ престижемъ и грозой освящало, утверждало и укрѣпляло этотъ процессъ порабощенія народныхъ массъ старшинною, надъ которымъ работала послѣдняя. Участіе центральнаго правительства неизмѣримо облегчало работу ея и только благодаря ему—фактическія пріобрѣтенія старшины получали свою опредѣленность и прочность.

Эта политика дѣлала двойную службу: она убивала духъ народныхъ массъ, показавшихъ свои зубы въ движеніи 1668 г. и другихъ менѣе значительныхъ; ихъ свободою и благосостояніемъ она платила старшинѣ за уступки въ сферѣ политики и одновременно создавала сознаніе вѣчной опасности для классовыхъ пріобрѣтеній старшины—ихъ полной зависимости отъ благоволенія центральнаго правительства, охранявшаго ихъ отъ реакціи народнаго негодованія. Нелегко отдѣлить, гдѣ кончалась, здѣсь простая нивелляціонная политика, стремившаяся подвести «свободный строй» Украины подъ общеимперскій шаблонъ, и гдѣ начиналась сознательная система, разрушавшая силы сопротивленія украинскаго организма. Такой двойной характеръ имѣютъ и послѣднія реформы, закончившія соціальную структуру Украины полнымъ пріобщеніемъ ея къ сословному строю имперіи.

Указами 1763 и 1783 гг., запрещавшими переходы крестьянъ отъ

Daniel Apostol

Cosakischer Hetmann oder Feldherr ist gebohren anno 1655 und zum Hetmann [illegible] erwehlet am 1ten Octob. 1727. dieses ist zu Glouchov in der Ukraine geschehen. [illegible] von Mirgorod [illegible] Residentz zu [illegible] 17. Januar. 1734.

[illegible]

одного помѣщика къ другому, были даны послѣдніе штрихи процессу закрѣпленія. Сообщеніе старшинѣ правъ россійскаго дворянства указами 1781 и 1785 гг. утвердило за ней полноту ея владѣльческихъ правъ. Одновременно съ отмѣною стараго украинскаго управленія (1781) классовые интересы старшины были поставлены подъ охрану полицейскаго строя имперіи. Цѣною интересовъ массъ, которымъ петербургскіе политики выказывали такое сочувствіе, когда считали нужнымъ терроризировать старшину, было получено молчаливое согласіе украинскаго общества на ликвидацію политическаго наслѣдія Гетманщины: послѣдняя приносила увѣнчаніе классовыхъ стремленій и интересовъ старшины, для которыхъ работала она въ продолженіе существованія Гетманщины [1]).

Устройство и управленіе Гетманщины.

Неблагопріятныя политическія условія, парализовавшія свободное развитіе украинской жизни, не дали возможности развиться также оригинальному и интересному устройству украинской республики—Гетманщины. Ея формы военнаго устройства, которое должно было превратиться въ устройство государственное, не успѣли приспособиться для общегосударственныхъ цѣлей, остались недоконченными, недодѣланными, и эта недоконченность была причиною многихъ несовершенствъ устройства и управленія.

Войсковая старшина, подъ водительствомъ которой возсталъ украинскій народъ для своего освобожденія, силою фактовъ заняла мѣсто правительства, когда всѣ агенты польскаго правительства были изгнаны изъ края. Затянувшійся конфликтъ съ польскимъ правительствомъ держалъ край на военномъ положеніи въ продолженіе рядa лѣтъ, и временное положеніе отвердѣвало и превращалось въ норму. Формы военной организаціи проникаютъ глубоко въ общественныя отношенія и постепенно приспособляются къ функціи администраціи. Съ нею свыкаются, ею начинаютъ дорожить, какъ оплотомъ создающихся отношеній, всѣ дорожившіе ими. Въ первоначальныхъ переговорахъ съ московскимъ правительствомъ Хмельницкій съ легкимъ сердцемъ предоставлялъ послѣднему взять на себя компетенцію и прерогативы, какими владѣло правительство польское,—обезпечивъ лишь привилегіи козацкаго войска, но лишь только предъ глазами его и старшины сталъ вопросъ о дѣйствительной передачѣ функцій административнаго и финансоваго характера московскимъ агентамъ—и Хмельницкій и старшина почувствовали невозможность разстаться съ фактическими отношеніями, которыя хотѣлось усовершенствовать, развивъ и приспособивъ къ потребностямъ управленія данную козацкую организацію, а не вводить рядомъ съ нею чужое конкуррирующее управленіе. Вопросъ о посылкѣ московскихъ воеводъ, даже не съ административными, а съ чисто военными компетенціями, въ качествѣ начальниковъ гарнизоновъ, сразу сталъ чрезвычайно острымъ,

[1]) Важнѣйшая литература—см. „Очеркъ", гл. 23.

превратился въ одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ пунктовъ московско-украинскихъ отношеній. Попытка московскаго правительства ввести московское обложеніе и взять финансы Украины въ свои руки, вызвала возстаніе 1668 г., чрезвычайно рѣзкое, показавшее все нерасположеніе—не только старшины, но и массъ къ введенію московскаго управленія. Послѣ этого московское правительство оставило мысль о введеніи своего управленія на Украинѣ и, оставивъ его за органами украинскими, только систематически расширяло свое вліяніе на личный составъ ихъ, на назначеніе высшихъ чиновъ и зависимость ихъ отъ его контроля.

Центральное правительство составили гетманъ и его штабъ—генеральная старшина; но рядомъ съ ними стояла войсковая рада, какъ выраженіе суверенняго войсковаго народовластія. Принципъ единоличной власти, военной диктатуры, создавшейся критическими условіями жизни, конкуррировалъ съ принципами козацкаго народовластія. Республиканскіе принципы, выработанные долголѣтнею жизнью козацкой республики, въ теоріи были цѣликомъ перенесены въ новое военно-народное управленіе. Но послѣднее требовало возможной устойчивости и независимости отъ прихотливой смѣны настроеній; отсюда постепенное устраненіе войсковой рады отъ текущихъ вопросовъ управленія, ограниченіе ея функцій и, наконецъ, низведеніе ея до простой декораціи, тѣмъ болѣе, что рада, какъ и ея прототипъ—старорусское вѣче, не выработала формъ представительства, не отражала желаній всего войсковаго населенія, съ тѣхъ поръ какъ козачество стало такой огромной массой разсѣянной на огромной территоріи. Мѣсто и обстоятельства созыва рады рѣшительнымъ образомъ вліяли на ея настроеніе и рѣшенія; искусственныя подтасовки рѣшеній радъ, практиковавшіяся въ 1660-хъ гг., дискретировали наконецъ всякое значеніе этихъ рѣшеній. Вслѣдствіе этого, обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ текущаго управленія, текущей политики постепенно все болѣе и болѣе переносились на совѣтъ старшины, а за войсковою радою оставались лишь наиболѣе кардинальные вопросы: выборъ или смѣщеніе гетмана, установленіе отношеній къ сюзеренному государству, но и въ этихъ вопросахъ участіе войска все болѣ сходило на простую декорацію, и въ XVIII в. роль войсковой рады отходитъ къ радѣ старшины.

Эта послѣдняя собиралась болѣе или менѣе регулярно на рождественскихъ и пасхальныхъ праздникахъ въ резиденціи гетмана и въ другое время по его приглашенію Болѣе или менѣе полный составъ ея зависѣлъ отъ большей или меньшей важности вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, и отъ обстоятельствъ, въ которыхъ происходили совѣщанія. Ядро ея составляла генеральная старшина (генеральные—обозный, судьи, писарь, есаулы)—ближайшій штабъ и совѣтъ министровъ гетмана. Кромѣ нея, привлекались въ болѣе или менѣе полномъ составѣ полковники и другія должностныя лица и наконецъ—«значныя» особы, не занимавшія въ данный моментъ должностей, но по своему вліянію въ войскѣ, заслугамъ и связямъ имѣвшія видное положеніе. Сфера вліянія и значенія рады зависѣла отъ авторитетности гет-

мана и отъ степени зависимости отъ него старшины. Въ принципѣ старшина и ея рада были независимы отъ гетмана: старшину, какъ и гетмана, должно было избрать войско—козаки сотни должны были избирать своего сотника, козаки полка — своего полковника, полковники съ прочею старшиною—генеральную старшину. Такимъ образомъ рада старшины, какъ и гетманъ, въ теоріи должна была служить органомъ суверенной воли народа-войска, органомъ только болѣе устойчивымъ, чѣмъ рада. Но практика далеко расходилась съ теоріей и въ дѣйствительности конкурренція войсковой рады съ радою старшины получила значеніе борьбы козацкаго демоса со старшинскою олигархіею. Старшина, сложившись въ общественный классъ съ опредѣленными сословными, экономическими и политическими стремленіями, стремится устранить рядовое козачество, козацкую «чернь» отъ всякаго вліянія на политику и управленіе: старается захватить въ свои руки замѣщеніе гетманскаго уряда, должностей генеральной старшины, полковниковъ и прочихъ чиновъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все управленіе, и свести на нѣтъ козацкое народовластіе. При содѣйствіи московскаго правительства это ей удалось въ концѣ концевъ осуществить, но цѣною подчиненія своего собственнаго правленія весьма стѣснительному контролю московскаго правительства. Въ XVIII в. управленіе Гетманщины имѣетъ строго старшинскій характеръ, аристократически-республиканскій, поскольку вмѣшательства московской администраціи не сводили къ чистой формальности вообще все ея самоуправленіе.

Въ центральномъ управленіи изъ первоначальной организаціи развилось два главныхъ учрежденія—генеральная или войсковая канцелярія и генеральный судъ. Первая въ продолженіе последняго столѣтія развивается въ нѣчто близкое министерству внутреннихъ дѣлъ. По смерти Апостола она была формально объединена съ правящей коллегіей, и генеральный писарь сталъ фактическимъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ, поскольку они оставались въ вѣдѣніи старшины. Войсковой судъ — первоначально единоличный судъ генеральнаго судьи, со временъ реформъ Полуботка — Апостола превращается въ судъ коллегіальный, высшую апелляціонную палату. Кромѣ того, при избраніи Апостола выдѣлены были въ отдѣльное вѣдомство финансы, находившіеся раньше въ непосредственномъ завѣдываніи гетмана; для завѣдыванія ими были учреждены должности двухъ генеральныхъ подскарбіевъ, но онѣ остались больше титулярными. Счетоводствомъ завѣдывала особая скарбовая канцелярія, при которой роль государственнаго контроля исполняла отдѣльная «счетная комиссія». Наконецъ, отдѣльная «артиллерійская канцелярія» завѣдывала войсковой артиллеріей и предназначенными на ея содержаніе имѣніями и доходными статьями.

Основою провинціальнаго управленія является полковое устройство. Первоначально чисто военное дѣленіе, оно переходитъ въ территоріальное, по мѣрѣ того какъ козачество, уже съ начала XVII в., начинаетъ прочно овладѣвать волостью. Въ 1630-хъ гг. мы уже видимъ постоянные козацкіе полки, связанные съ извѣстными территоріями, въ границахъ которыхъ

полковая старшина осуществляла свои судебную и административную компетенцію по отношенію къ мѣстному козачьему населенію, не подсудному общей администраціи. Послѣ того какъ возстаніе упразднило коронныя староства и магнатскія латифундіи, полковыя власти распространяютъ свою компетенцію и на другія сословія, за счетъ исчезнувшей старостинской и доминіальной власти. Имъ подчиняется и крестьянское населеніе, и въ значительной степени также мѣщанское, очень многочисленное—такъ какъ множество поселеній, совершенно лишенныхъ всякаго торгово-промышленнаго характера, именуются городами, мѣстами. Эти города и мѣстечки должны были пользоваться самоуправленіемъ по типу нѣмецкаго права, по традиціи польской эпохи. Но военныя полномочія полковника и полковой старшины на практикѣ приводятъ къ полному подчиненію имъ мѣстечекъ съ упрощенной, ратушной организаціей и къ значительной зависимости болѣе значительныхъ городовъ съ полнымъ «магистратомъ» нѣмецкаго права.

Въ связи съ военными и политическими условіями, составъ козацкой территоріи и число полковъ мѣнялись. Въ реестрѣ 1649—50 гг., видимъ 16 полковъ, охватывавшихъ территорію воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Браславскаго; на правомъ берегу находимъ полки: Чигринскій, Черкасскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Уманскій, Браславскій, Кальницкій и Кіевскій (послѣдній захватываетъ также и часть Заднѣпровья), на лѣвомъ Переяславскій, Кропивенскій, Миргородскій, Полтавскій, Прилукскій, Нѣжинскій и Черниговскій. Составъ полковъ и численность ихъ были весьма не одинаковы, число сотенъ въ полкахъ колеблется отъ 7 до 20, козачьи контингенты отъ тысячи до трехъ слишкомъ. Послѣ того какъ правобережная Украина окончательно отошла къ Польшѣ и козацкое устройство въ ней угасло—лѣвобережная Украина дѣлилась на 10 полковъ: Стародубскій, Черниговскій, Кіевскій, Нѣжинскій, Прилукскій, Переяславскій, Лубенскій, Гадяцкій, Миргородскій и Полтавскій. Слободская Украина состояла изъ 5 полковъ: Ахтырскаго, Харьковскаго, Изюмскаго, Сумскаго и Острогожскаго. Территорія, составъ и военныя контингенты отличались по прежнему большой разнородностью. Управленіе принадлежало полковнику съ совѣтомъ полковой старшины, повторявшей въ уменьшенномъ масштабѣ ряду старшины генеральной. Но эта полковая старшина не имѣла большого значенія въ управленіи полкомъ, и полковникъ правилъ своимъ полкомъ единолично. Съ другой стороны, послѣ того какъ назначеніе полковниковъ присвоило себѣ фактически россійское правительство и запретило ихъ смѣщать безъ указа, зависимость полковниковъ отъ гетмана и отъ центральнаго управленія стала очень незначительной, и власть и значеніе полковниковъ чрезвычайно возросли. Полковникъ сталъ настоящимъ «хозяиномъ» своего полка. Козацкое самоуправленіе осталось лишь въ границахъ сельскихъ «громадъ», во главѣ которыхъ стояли атаманы, подчинявшіеся сотнику. Замѣщеніе сотничьей должности должно было принадлежать козакамъ данной сотни, но на дѣлѣ это право далеко не всегда осуществлялось, и очень часто сотники

просто назначались полковникомъ. «Рѣшительные пункты» 1728 г. установляли такой порядокъ замѣщенія низшихъ должностей: кандидатовъ на сотника выбираютъ сотенные козаки, кандидатовъ на должности полковой старшины — полковая старшина совмѣстно со сотниками, и кандидаты эти представляются на утвержденіе гетмана. Позднѣйшая инструкція Разумовскаго, возстановляя порядокъ выбора сотниковъ, фактически передаетъ его старшинѣ данной сотни, а не козакамъ.

Такимъ образомъ принципъ козацкаго самоуправленія въ устройствѣ Гетманщины, и также точно Слободской Украины, выродился совершенно. Въ полной силѣ и чистотѣ принципы козацкаго демократизма сохранились только на Запорожьѣ, у козаковъ, жившихъ внѣ полкового устройства Украины, въ степныхъ пространствахъ Нижняго Днѣпра. Центромъ ихъ организаціи былъ «кішъ» или «Січь», находившаяся на одномъ изъ запорожскихъ острововъ; козачество раздѣлялось на «курени», во главѣ которыхъ стояли куренные атаманы; во главѣ всего войска стоялъ выборный «кошевой атаманъ», съ штатомъ старшины, съ такими же титулами, какъ у старшины генеральной; всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались войсковой радой. Какъ носитель чистоты козацкаго демократизма и старыхъ традицій козачества, Запорожье неодобрительно относилось къ искаженію ихъ у «городового» козачества, жившаго «на волости», и господству старшины среди послѣдняго. По старымъ традиціямъ оно претендовало и теперь на руководящую роль въ дѣлахъ Гетманщины и являлось очагомъ оппозиціи противъ старшины, захватившей власть въ послѣдней, и старшинской политики. Но политическимъ тактомъ эти выступленія Запорожья отличались не всегда, и оно своею оппозиціею нерѣдко играло въ руку московскому централизму.

Такая политическая роль, впрочемъ, отличала только старую Сѣчь; новая, возстановленная послѣ своего изгнанія въ 1730-хъ гг., не играла уже почти никакой политической роли [1]).

Право.

Исторія права Гетманщины представляетъ чрезвычайно печальную (и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительную) картину. Въ ней еще съ большею рельефностью, чѣмъ въ исторіи экономическихъ и общественныхъ отношеній, выступаетъ безсиліе украинскихъ массъ, разрушивъ государственный строй, противорѣчившій ихъ правосознанію, замѣнить тѣ правовыя нормы, на которыхъ онъ опирался, нормами новыми, которыя развивали бы последовательно элементарныя представленія о правдѣ-справедливости, двигавшія народомъ въ этомъ движеніи. Пережитки стараго права здѣсь оказались

[1]) См. „Очеркъ“ гл. 17 и 23. Слабченко: „Малороссійскій полкъ въ административномъ отношеніи“, 1909. Миллеръ: „Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе“, 1896. О Запорожьѣ — Эварницкій: „Исторія запорожскихъ казаковъ“, т. I, 1892.

еще болѣе сильными и дѣйственными, чѣмъ старыя формы экономическихъ и общественныхъ формъ, и такъ какъ имъ не было противопоставлено съ самаго начала какихъ либо иныхъ, опредѣленно формулированныхъ юридическихъ нормъ, въ видѣ записи обычнаго права, въ видѣ какой либо кодификаціи того, что считалось справедливымъ и нормальнымъ возставшимъ народомъ, творившимъ новую жизнь,—кодексы стараго права получили полное и нераздѣльное господство въ новыхъ органахъ суда и управленія, почти не затронутые, едва смягченные вліяніями народныхъ юридическихъ воззрѣній.

Изъ двухъ кодексовъ права, завѣщанныхъ предшествующею эпохою: Магдебургскаго городского права и Литовскаго Статута,—первое оставалось въ полной силѣ, какъ общепризнанное основаніе юридическихъ отношеній города, и при томъ смѣшеніи городской юрисдикціи съ козацкой, которая, несомнѣнно, существовала раньше въ менѣе значительныхъ городскихъ центрахъ и продолжала существовать позже, разрѣшая конкурренцію судовъ городскихъ и козачьихъ совмѣстными функціями обоихъ,—кодексъ нѣмецкаго права входитъ глубоко и въ практику козачьяго суда, въ процессы козаковъ и крестьянъ. Конечно, примѣненіе его не отличалось ригоризмомъ и смягчалось вліяніями обычнаго права весьма сильно и въ эпоху польскаго режима и тѣмъ болѣе теперь (къ сожалѣнію, акты городскихъ судовъ съ юридической точки зрѣнія почти не изучались до сихъ поръ, и этотъ вопросъ объ отношеніяхъ буквы нѣмецкаго права и права обычнаго разрѣшается больше на основаніи общихъ впечатлѣній и отдѣльныхъ примѣровъ, а не болѣе точнаго учета этихъ отношеній). Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ принципѣ нѣмецкое право, въ популярныхъ обработкахъ XVI—XVIII в., сохраняло всю свою авторитетность и въ судебной практикѣ городскихъ и козацкихъ судовъ новой эпохи.

Менѣе формально и обязательно, въ значеніи кодекса скорѣе субсидіарнаго, но тѣмъ не менѣе также достаточно широко, примѣнялся въ судебной практикѣ все это время и Литовскій Статутъ, какъ кодексъ гражданскаго и уголовнаго права. Онъ также, несомнѣнно, уже въ предреволюціонную эпоху былъ хорошо извѣстенъ въ козацкихъ судахъ (особенно въ процессахъ смѣшанныхъ, козаковъ съ некозаками) и сохранилъ свою популярность и позже въ судебныхъ сферахъ, независимо даже отъ тѣхъ пережитковъ стараго строя (въ родѣ судовъ доминіальныхъ), гдѣ онъ оставался у себя дома все это время. Его шляхетскій характеръ, какъ нельзя болѣе, отвѣчалъ тенденціямъ правящаго класса, въ рукахъ котораго лежало судопроизводство, и представители послѣдняго имѣли всѣ причины не только поддерживать, но и усиливать авторитетность этого юридическаго кодекса, сначала въ области гражданскаго и уголовнаго права, а съ теченіемъ времени—и въ области общественныхъ отношеній, государственнаго права. Въ своей инструкціи судамъ гетманъ Апостолъ, предписывая судьямъ рѣшать дѣла на основаніи Статута, а не по своему собственному мнѣнію, лишь подчеркивалъ историческое значеніе нормъ этого кодекса, «по которымъ обыкновенію суды произво-

дятся — которыя книги также въ Малой Россіи отъ древнихъ лѣтъ до судовъ употребляются».

На сколько оба эти «права» прочно утвердились въ судебной практикѣ, обнаружилось при первой попыткѣ кодификаціи дѣйствующаго права Гетманщины. «Рѣшительными пунктами» 1728 г. центральное правительство поручило «для пользы и правосудія народа малороссійскаго тѣ права, по которымъ судится малороссійскій народъ, перевесть на великороссійскій языкъ и опредѣлить изъ тамошнихъ, сколько персонъ пристойно, искусныхъ и знающихъ людей для своду изъ тѣхъ трехъ правъ въ одно и для апробаціи прислать ко двору его имп. величества». Что разумѣло подъ этими «треми правами» центральное правительство, остается не совсѣмъ яснымъ, такъ какъ мотивируя это рѣшеніе, оно говоритъ только о Магдебургскомъ правѣ [1]; вѣроятно тутъ произошла простая ошибка въ изложеніи, и составители разумѣли «Саксонское право», «Магдебургское право» и «Статутъ» (Литовскій). Во всякомъ случаѣ господство именно этихъ двухъ правъ (въ разныхъ изложеніяхъ)—Саксонскаго и Статутового проявило себя вполнѣ опредѣленно, когда комиссія, составленная изъ представителей украинской войсковой администраціи и церкви—занялась предписаннымъ ей дѣломъ: переводомъ дѣйствующихъ въ Украинѣ юридическихъ ексовъ ко или сводомъ ихъ во едино. Само заглавіе сводного кодекса по обычаю того времени не преминуло указать тѣ главные источники, изъ которыхъ было почерпнуто его содержаніе: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, — изъ трехъ книгъ, а именно Статута Литовскаго, Зерцала Саксонскаго и приложенныхъ при томъ двухъ правъ, такожде изъ книги Порядка по переводѣ изъ польскаго и латинскаго языковъ на россійскій діалектъ въ едину книгу сведенныя». Литовскій Статутъ, въ редакціи 1588 г., былъ положенъ въ основу новаго свода; его перевели, очевидно, прежде всего, и затѣмъ приступили къ переводу различныхъ редакцій саксонскаго городского права: т. н. «Саксона» въ популярной обработкѣ польскаго юриста XVI в. Щербича, съ приложеніями, и т. н. «Порядка» (Porzadek Sądów y spraw mieyskich prawa magdeburskiego) т. е. обработку саксонскаго городского права другого популярнаго польскаго юриста Гроицкаго. Эти сборники Саксонскаго права, пользовавшіеся широкою популярностью въ украинской практикѣ, должны были послужить для дополненія Литовскаго Статута. Члены комиссіи, какъ видно изъ сохранившейся переписки, колебались только, не зная, какъ поступить: сдѣлать ли новую очищенную редакцію Статута, въ порядкѣ его изложенія, исключая ненужное и дополняя недостающее изъ другихъ источниковъ, или дать новый систематическій сводъ заключающагося въ этихъ источникахъ юридическаго матеріала. Комиссія обращалась за инструкціей къ центральному правительству, но не

---

[1] „Понеже его имп. величеству донесено, что малороссійскій народъ судятъ разными правами, которыя сими словами названы: Магдебургскіе да Саксонскіе Статуты, изъ которыхъ одни другимъ не согласуютъ“ — у Бантышъ-Каменскаго, I изд. IV с. 276.

получила, очевидно, никакихъ указаній; въ концѣ концовъ, перевѣсъ взялъ второй принципъ: составленіе новаго систематическаго кодекса изъ стараго юридическаго матеріала, хотя нѣкоторые члены были очень недовольны такимъ радикализмомъ и находили даже «обиду Малой Россіи» въ такомъ неуважительномъ отношеніи къ ея традиціонному кодексу. Въ основу новаго кодекса, какъ сказано, былъ положенъ Литовскій Статутъ третей редакціи (предисловіе редакторовъ достаточно опредѣленно характеризуетъ отношеніе къ этому кодексу современныхъ судебно-административныхъ сферъ и то употребленіе, какое изъ него сдѣлала кодификаціонная комиссія: «Прежнихъ годовъ, когда еще Малая Россія находилась подъ областью польскою, тогда одно право, въ означенной книгѣ Статутѣ вел. кн. Литовскаго состоящее, яко преднѣйшое предъ другими польскими правами въ малороссійскихъ судахъ было употребляемо, а чего въ ономъ Статутѣ не доставало, того уже недостатокъ дополняемъ былъ изъ другихъ христіанскихъ правъ,.. чего для и означеніи другіе права въ тѣхъ же малороссійскихъ судахъ ко употребленію приняти». Сообразно тому въ новомъ кодексѣ «въ началѣ изъ Статута выписуемое право яко преднѣйщое прежде означенныхъ другихъ правъ вездѣ предложено, а какое право къ одной партіи надлежитъ, хотя оно и въ разныхъ раздѣлахъ, артикулахъ и пунктахъ стоитъ, оное къ одной партіи присовокуплено;.. чего же въ Статутѣ не достаетъ, а въ другихъ оныхъ книгахъ сыскалось, тое изъ оныхъ виписано и въ дополненіе приложено». Кромѣ того, какъ указываетъ анализъ и самыя упоминанія «давняго обыкновенія», «давнихъ въ Малой Россіи порядковъ и обыкновеній», составители пользовались также и нормами обычнаго права, дополняя ими свой юридическій матеріалъ и еще болѣе руководясь имъ въ той выборкѣ послѣдняго, который они производили. Подъ вліяніемъ его наибольшему обновленію и измѣненіямъ подверглось уголовное право старыхъ кодексовъ, но не успѣвъ вполнѣ освободиться отъ ихъ вліянія, оно все-таки составляетъ и наиболѣе слабую сторону новаго свода; наоборотъ, гражданская часть, по отзывамъ юристовъ - изслѣдователей «представляетъ большія по своему времени достоинства».

Сводъ былъ законченъ въ 1743 г. и представленъ на утвержденіе въ сенатъ; но здѣсь всякій слѣдъ его теряется, и только въ 1756 г. именнымъ указомъ императрицы онъ былъ возвращенъ для пересмотра гетману Разумовскому; послѣдній передалъ его на разсмотрѣніе генеральной старшинѣ въ генеральную канцелярію, и здѣсь онъ былъ окончательно похороненъ. Но не получивъ окончательной санкціи, и онъ, и вся вообще дѣятельность кодификаціонной комиссіи не прошла безслѣдно. Самый сводъ распространился въ рукописи и несомнѣнно находилъ примѣненіе въ судебно-административной практикѣ; съ другой стороны, дѣятельность комиссіи, въ которой принимало участіе множество представителей тогдашняго суда и администраціи, своимъ авторитетомъ утвердила еще болѣе значеніе Литовскаго Статута, какъ «преднѣйшаго права» Малороссіи. Сдѣланный ею переводъ Статута на сред-

ній великороссійско-украинскій языкъ подвергся большому распространенію, и какъ кодексъ обязательнаго права, постепенно вытѣсняетъ другіе кодексы—саксонскаго городского права, такъ что послѣднее постепенно глохнетъ и выходитъ изъ употребленія благодаря конкурренціи Литовскаго Статута и общеимперскаго законодательства; наоборотъ нормы Статута руководятъ и юридическою практикою и судоустройствомъ, и судопроизводствомъ въ послѣднихъ стадіяхъ самобытной жизни Гетманщины.

Судоустройство вообще составляло одну изъ слабыхъ сторонъ ея строя, ея Ахиллесову пяту, которая особенно часто подвергалась ударамъ противниковъ автономной жизни Гетманщины. Судебныхъ инстанцій было много, но всѣ эти суды были плохо организованы, не было опредѣленнаго порядка инстанцій, компетенція разнаго рода судовъ не была опредѣленно разграничена. Минуя низшія инстанціи—суды сельскіе и сотенные, можно было вчинать тяжбу не только въ полковомъ, но и въ самомъ генеральномъ судѣ, даже у самого гетмана. Высшія инстанціи, наоборотъ, вмѣшивались въ процессы, которые велись въ низшихъ. Суды мѣщанскіе и козацкіе конкурировали между собою—хотя впрочемъ эта конкуренція практически разрѣшалась тѣмъ, что представители обѣихъ юрисдикцій засѣдали въ судѣ совмѣстно. Съ другой стороны, важнымъ недостаткомъ судоустройства было соединеніе функцій административныхъ и судебныхъ, судебной и исполнительной власти у представителей козачьей администраціи. Произволъ, взяточничество и волокита судей сдѣлались общимъ мѣстомъ въ жалобахъ на недостатки украинскаго управленія. Послѣ неосуществившейся реформы Полуботка, о которой было упомянуто выше, украинское судоустройство было реформировано въ духѣ его идей, послѣ возстановленія гетманства при Апостолѣ. Генеральный судъ получилъ коллегіальное устройство, на основаніи «рѣшительныхъ пунктовъ» 1728 г., а затѣмъ «инструкціею о судахъ», изданною Апостоломъ въ 1730 г., этотъ принципъ коллегіальности былъ проведенъ чрезъ всю систему судебныхъ инстанцій; установленъ былъ порядокъ апелляціи—изъ судовъ сельскихъ и сотенныхъ въ полковые, изъ полковыхъ въ генеральный, превращенный въ исключительно апелляціонную палату. Сдѣланы были также указанія относительно отдѣленія судовъ войсковыхъ и ратушныхъ и лучшаго порядка судопроизводства въ тѣхъ и другихъ; при этомъ, какъ я уже отмѣтилъ, проводится принципъ употребленія кодифицированнаго права—именно Литовскаго Статута, и, въ случаѣ отсутствія въ немъ нужныхъ указаній, предписывается обращаться за разрѣшеніемъ къ высшей судебной инстанціи.

Еще болѣе рѣшительныя попытки приблизить судоустройство Гетманщины къ нормамъ Литовскаго Статута сдѣланы были въ послѣднее гетманство, наканунѣ его отмѣны. Иниціативу далъ трактатъ регента генеральнаго суда Фед. Чуйкевича, подъ заглавіемъ: «Судъ и расправа, въ правахъ малороссійскихъ обширно на разныхъ мѣстахъ показанная, а здѣ въ еденъ краткій и ясный экцерптъ въ прекращеніе горькой въ судахъ волокиты собранная, въ полезное обра-

щеніе Малороссіанамъ пущенная». Предлагая вниманію гетмана эту толково и удачно составленную обработку Статутоваго права, Чуйкевичъ, въ своемъ посвятительномъ предисловіи, рисуетъ мрачную картину украинскаго судоустройства и доказываетъ необходимость отдѣлить судъ отъ администраціи и организовать его въ духѣ статутоваго выборнаго шляхетскаго судоустройства. По его мнѣнію наличность множества образованныхъ юристовъ въ современномъ украинскомъ обществѣ дѣлаетъ вполнѣ возможною такую реформу, и она дѣйствительно была осуществлена. Предвѣстникомъ ея былъ универсалъ 1760 г. о введеніи въ суды выборныхъ депутатовъ отъ шляхетства. Затѣмъ въ 1763 г. введены были статутовые суды земскіе и подкоморскіе изъ выборныхъ шляхетскихъ лицъ для гражданскихъ и поземельныхъ дѣлъ, а полковые суды были переименованы въ гродскіе. Это новое судоустройство просуществовало до введенія учрежденія о губерніяхъ въ 1783 г., отмѣненное затѣмъ, точнѣе— оставленное лишь для окончанія начатыхъ дѣлъ, оно затѣмъ возстановлено было указомъ имп. Павла въ 1796 г., при чемъ судьямъ велѣно поступать по точной силѣ малороссійскихъ правъ—т. е. Литовскому Статуту главнымъ образомъ. Послѣ того какъ Магдебургское право совершенно вышло изъ употребленія и лишь формально было отмѣнено въ 1831 г., Статутовое право въ полной силѣ продержалось до 1840 г., когда нормы его гражданскаго права были включены въ общеимперскій сводъ, въ видѣ мѣстныхъ законовъ Черниговской и Полтавской губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось дѣйствіе Статута, какъ самостоятельнаго юридическаго кодекса [1]).

Отголоски народныхъ движеній въ Правобережной Украинѣ.

Въ то время, какъ формы экономическихъ и общественныхъ отношеній, созданныя великимъ народнымъ движеніемъ, медленно разлагались и угасали въ лѣвобережной Гетманщинѣ (и въ Слободской Украинѣ) подъ двойнымъ натискомъ московскаго централизма и традицій стараго строя,—въ Украинѣ Правобережной на руинахъ разрушеннаго козацкаго строя пытался возродиться старый режимъ во всей своей полнотѣ. Возрожденное въ 1680-хъ гг. Паліемъ и другими полковниками козачество, несмотря на быстрый ростъ колонизаціи Правобережья, вызвавшій на время даже сильную возвратную колонизаціонную волну съ Лѣвобережья, далеко не достигло былой силы. На юго-западѣ— на подольскомъ пограничьѣ и Браславщинѣ, оно было разгромлено польскими войсками немедленно послѣ окончанія Турецкой войны (1703). Болѣе сильнымъ было оно и упорнѣе держалось на Поднѣпровьи, опираясь

1) Подробнѣе: „Права, по которымъ судится малорос. народъ", текстъ съ изслѣд. А. Кистяковскаго, 1879. „Инструкція Апостола малоросс. судамъ"—К. Старина 1887. Д. Миллеръ—„Очерки изъ исторіи юридич. быта Старой Малороссіи", 1896, и „Замѣчанія" къ кн. Лазаревскаго, 1898. Нольде—„Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражд. законовъ", 1906.

на Лѣвобережную Украину. Будучи не въ силахъ совладать съ ея вождемъ Паліемъ, польское правительство добивалось отъ своего союзника Петра, чтобы онъ, съ своей стороны, привелъ Палія къ покорности. Мазепа, подъ региментомъ котораго состояли правобережные полки, далъ дѣлу неожиданный оборотъ, арестовавъ Палія, какъ небезопаснаго демагога и соперника, и назначивъ отъ себя полковника на его мѣсто. Но эти ставленники Мазепы не въ состояніи были замѣнить популярнаго Палія, а съ паденіемъ Мазепы его преемникъ Скоропадскій не проявилъ достаточной энергіи, чтобы отстоять правобережные полки отъ польскихъ притязаній; также точно не отстояла ихъ и Турція, выговорившая правобережныя земли для независимой Украины Орлика. Чтобы не дать возможности Орлику утвердиться здѣсь, Петръ распорядился перегнать мѣстное населеніе за Днѣпръ и передать правобережную територію польскимъ войскамъ. Процедура эта была закончена въ 1714 г.; польскія войска заняли своими гарнизонами правобережныя крѣпости, и потомки и наслѣдники мѣстныхъ шляхтичей землевладѣльцевъ поспѣшили въ возвращенныя земли, чтобы заняться возстановленіемъ прежняго хозяйства. Скоро покрылись онѣ «слободами», куда обѣщаніями долголѣтнихъ льготъ приглашивались и зазывались крестьяне изъ болѣе населенныхъ мѣстностей, и уже во второй четверти XVIII в. правобережныя земли имѣли значительное населеніе. Но возстановленіе помѣщичьяго хозяйства и крѣпостныхъ отношеній и по истеченіи льготныхъ сроковъ долго встрѣчало препятствія въ довольно сильныхъ, хотя и неорганизованныхъ движеніяхъ, получившихъ общее названіе гайдамаччины. Этимъ именемъ назывались разбойничьи отряды, рекрутировавшіеся преимущественно изъ крестьянъ, а съ 1730 гг., когда Сичь, возвратившись на старыя попелища, придвинулась къ границамъ Правобережной Украины, весьма видное участіе принимаетъ въ этихъ движеніяхъ Запорожье.

Такъ какъ эти гайдамацкія движенія, при своемъ неорганизованномъ, добычницкомъ характерѣ, являлись соціальной и національной оппозиціей противъ возстановленія польскаго режима, то они находили сочувствіе и поддержку и въ широкихъ массахъ населенія, среди мѣщанъ, духовенства, монашества мѣстныхъ и пограничныхъ монастырей. Благодаря такой поддержкѣ, съ одной стороны, слабости администраціи и отсутствія войскъ, съ другой, гайдамацкія движенія во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XVIII в. стали хроническимъ явленіемъ, а временами проявляли очень значительную силу, охватывая большія территоріи и приводя въ движенія массы крестьянскаго населенія. Въ первый разъ такіе широкіе размѣры гайдамацкое движеніе пріобрѣло въ 1734 г., во время польскаго безкоролевья, когда на польскую территорію введены были русскія войска, на помощь которыхъ для освобожденія отъ польскаго господства разсчитывало мѣстное населеніе. Затѣмъ, новое напряженіе имѣло мѣсто въ 1750 г., когда почти все Браславское и Кіевское воеводство, до самаго Полѣсья оказалось во власти гайдамацкихъ отрядовъ и крестьянскаго возстанія. Но

наиболѣе сильное движеніе развилось въ 1762 г. (т. н. Коліївщина): борьба двухъ конфедерацій, приведшая къ полной анархіи и междоусобной войнѣ, съ участіемъ русскихъ войскъ, создала снова почву для слуховъ о сочувствіи русскаго правительства украинскому возстанію, а совпаденіе религіозной борьбы — православія и уніи въ Приднѣпровьѣ придало движенію религіозную окраску. Отряды гайдамаковъ снова овладѣли большою территоріею Кіевскаго и Браславскаго воеводствъ, «очищая» ее отъ Поляковъ и Евреевъ, католиковъ и уніатовъ; но вскорѣ польское правительство обратилось къ содѣйствію Россіи, и возстаніе было залито кровью возставшихъ, закончившись жестокими казнями участниковъ. Послѣ этого такихъ массовыхъ движеній уже не возникало, а съ переходомъ Правобережной Украины подъ власть Россіи въ 1793 г.—имъ уже не оставалось мѣста, и польскій шляхетскій режимъ, который не могъ до сихъ поръ окрѣпнуть окончательно среди гайдамацкихъ движеній, подъ властью Россіи получилъ свою окончательную прочность и силу.

Старыя традиціи козачества, однако, не умирали еще долго, и Крымская война формированіемъ крестьянскихъ ополченій въ 1855 г. вызвала довольно сильное, во всякомъ случаѣ характеристическое движеніе среди мѣстныхъ крестьянъ, домогавшихся, чтобы ихъ записали въ козаки: въ качествѣ козаковъ они надѣялись, по старой традиціи, освободиться отъ власти помѣщиковъ и администраціи, отъ барщины и другихъ повинностей [1]).

Западная Украина. Церковныя отношенія.

Сосредоточеніе народныхъ движеній, по условіямъ колонизаціи, въ восточной Украинѣ и перехода туда центровъ національной жизни, что замѣтно уже съ началомъ XVII в., ослабили и безъ того слабѣющій пульсъ народной жизни Западной Украины. Поставленная и безъ того въ трудныя условія, охваченная польскими территоріями, подавленная польскимъ господствомъ, лишенная поддержки извнѣ, она чувствительно терпѣла отъ отлива наиболѣе энергическихъ и дѣятельныхъ элементовъ, привлекаемыхъ новыми очагами борьбы. Послѣ того какъ была проиграна борьба съ польскимъ натискомъ въ концѣ XIV в. и ослабленіе польско-угорскаго и польско-литовскаго союзничества лишило внѣшнихъ опорныхъ точекъ мѣстныя силы—Галиція съ сосѣдними украинскими землями только слабо реагировала, подъ вліяніемъ внѣшнихъ импульсовъ.

Такъ, въ концѣ XV и началѣ XVI в., замѣтно въ южной Галиціи извѣстное ирредентское движеніе въ сторону Молдавіи, въ связи съ ея претензіями на галицкое пограничье. Сильною бурею пронеслось надъ нею возстаніе Хмельницкаго, вызвавшее своимъ приближеніемъ значительныя движенія во всей почти восточной Галиціи; почва для соціальнаго переворота была благодарная, но Хмель-

[1]) Подробнѣе: „Очеркъ“, гл. XXV и указанная тамъ литература.

ницкій, въ этотъ моментъ жаждавшій только уладить поскорѣе неожиданно затянувшійся и обострившійся конфликтъ, не поддержалъ начавшееся движеніе, и лишенное поддержки, оно улеглось. Послѣ того можно указать только чисто стихійныя, мало сознательныя проявленія народной оппозиціи, въ видѣ хроническаго разбойничества на галицкомъ и подольскомъ пограничьи—нѣчто въ родѣ ослабленныхъ формъ гайдамачества, идеализированнаго народомъ, какъ извѣстный протестъ противъ ненавистнаго режима.

Между тѣмъ какъ наиболѣе энергичные элементы уходили на востокъ, одни, чтобы занять свое мѣсто въ рядахъ козачества, другіе—чтобы принять участіе въ культурномъ и національномъ движеніи (выше отмѣчено было, что кіевское движеніе, развившееся подъ крыломъ козачества, все было создано галицкими выходцами и галицкими культурными средствами),—то, что оставалось на мѣстѣ, все менѣе могло противостать натиску польскаго режима. Быстро ополячиваются остатки украинской шляхты, такъ что къ концу XVII ст. даже на Волыни осталась только небольшая часть православныхъ шляхетскихъ родовъ, а въ Галиціи и Подоліи они исчезли почти безъ остатка, за исключеніемъ самой мелкой шляхты, бытомъ и достаткомъ приближавшейся къ крестьянству. Рѣдѣютъ ряды мѣщанъ, ополячиваются зажиточные, вліятельные роды большихъ городовъ, отстаивавшіе права своей національности, и остаются только безпомощные и безгласные низы. Представителями украинской народности остается главнымъ образомъ крестьянская масса, сохраняющая свою національность силою своей косности и темноты, и почти такое же темное сельское духовенство; все, что хотя нѣсколько поднималось надъ этимъ уровнемъ, увлекалось почти безъ остатка потокомъ полонизаціи, не находя опоры въ національной культурѣ. Культурное оживленіе конца XVI и нач. XVII в. заглохло, оставшись безъ поддержки шляхетскаго общества и мѣщанскаго патриціата, не успѣвъ выйти изъ тѣснаго круга чисто религіозныхъ полемическихъ интересовъ. И по мѣрѣ того какъ литературное движеніе сосредоточивалось въ Кіевѣ и другихъ центрахъ восточной Украины, въ западной Украинѣ культурная жизнь глохнетъ все болѣе.

Съ 1648 г. Кіевъ фактически выходитъ изъ состава Польскаго государства, и связи съ нимъ въ западныхъ земляхъ ослабѣваютъ все болѣе. Польско-русское соглашеніе 1667 г. раздѣлило ихъ формальной границей; взрывъ негодованія, вызванный этимъ соглашеніемъ былъ показателемъ вѣрной оцѣнки этого факта въ украинскомъ обществѣ. Польское правительство не замедлило приложить свои старанія къ тому, чтобы ослабить сношенія и связи своихъ украинскихъ земель съ восточной Украиной и другими православными краями. Въ 1676 г. сеймъ, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, запрещалъ православнымъ выѣзжать за границу, въ религіозныхъ дѣлахъ поддерживать сношенія съ патріархами, обращаться къ нимъ въ вопросахъ религіи и пр.; братствамъ велѣно подчиняться мѣстнымъ епископамъ, а въ спорныхъ вопросахъ—обращаться къ польскимъ судамъ. Церковная политика москов-

скаго правительства, завершившаяся, съ другой стороны, насильственнымъ подчиненіемъ кіевской митрополіи московскому патріарху (1685 г.), вызывала въ самой православной средѣ западныхъ земель внутренне отчужденіе.

Какъ было уже упомянуто, еще при Б. Хмельницкомъ, по смерти тогдашняго митр. Сильвестра Косова, московское правительство подняло вопросъ о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху. Тогда эти переговоры не привели, однако, ни къ какому результату; былъ выбранъ новый митрополитъ Діонисій Балабанъ, независимо отъ московскаго патріархата, но такъ какъ онъ былъ сторонникомъ Выговскаго, и послѣ конфликта послѣдняго съ московскимъ правительствомъ выѣхалъ изъ Кіева, то московское правительство перестало признавать его юрисдикцію и также точно его преемника Нелюбовича-Тукальскаго, поручая управленіе церковными дѣлами украинскихъ земель, находившихся подъ властью Москвы, «мѣстоблюстителямъ» изъ мѣстнаго духовенства. Это вносило уже іерархическій расколъ въ жизнь православной Украины. По смерти Тукальскаго, Самойловичъ по порученію московскаго правительства согласился подыскать кандидата на кіевскую митрополію, который бы послѣ выбора на митрополію согласился принять посвященіе отъ московскаго патріарха и признать его власть надъ собою. Такой кандидатъ нашелся, въ лицѣ родственника Самойловича, эмигранта епископа луцкаго Гедеона кн. Святополка-Четвертинскаго, и Самойловичъ провелъ его на митрополію, но при этомъ выговорилъ себѣ у московскаго правительства, что самый вопросъ объ іерархической зависимости кіевскаго митрополита московское правительство должно уладить съ константинопольскимъ патріархомъ, въ подчиненіи которому считался до сихъ поръ кіевскій митрополитъ. На этомъ пунктѣ московское правительство встрѣтилось съ серьезными затрудненіями; патріархъ рѣшительно отказался отречься отъ своихъ верховныхъ правъ на кіевскую митрополію; тогда московскіе политики пустили въ дѣло вліянія политическія, и подъ давленіемъ и угрозами турецкаго правительства у константинопольскаго патріарха было вырвано согласіе.

Фактъ этотъ имѣлъ весьма большое значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи церковной и культурной жизни восточной Украины, поставивъ ее подъ придирчивую цензуру и стѣснительный надзоръ московскаго духовенства; кромѣ того это подчиненіе восточной Украины московскому патріархату, не принятое западной Украиной, ослабило еще болѣе взаимную церковную связь и подорвало силы православныхъ въ Западной Украинѣ.

По мѣрѣ того какъ церковь и школа восточной Украины, волею неволею, подпадала московскому обрусѣнію, онѣ неизбѣжно становились по духу чужды западной Украинѣ, чуждой московскимъ вліяніямъ. И одновременно съ тѣмъ, какъ въ этомъ отчужденіи падаетъ культурная и національная жизнь, въ польскихъ сферахъ снова оживаютъ угасшія надежды на полную побѣду надъ православной церковью—по крайней мѣрѣ въ западной Украинѣ. У польскаго правительства оказываются еще разъ искусные при-

спѣшники среди самой православной іерархіи. Главную роль при этомъ сыграли Іосифъ Шумлянскій, епископъ львовскій и Иннокентій Винницкій, епископъ перемышльскій; вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими православными духовными они входятъ въ сношенія съ правительствомъ, вмѣстѣ съ нимъ приготовляютъ постепенно почву для введенія уніи въ епархіяхъ западной Украины и своей дѣятельностью дѣйствительно приготовляютъ это настолько удачно, что когда въ 1691—1700 гг. они снимаютъ съ себя православную личину, духовенство и населеніе, по большей части, не нашло у себя силы сопротивленія. Только Львовское братство, пережившее столѣтіе постепеннаго упадка своей дѣятельности и вліянія, все же пыталось сопротивляться, но это сопротивленіе было скоро сломлено (1708). Вслѣдъ затѣмъ въ руки уніатскаго духовенства окончательно попала и Волынь, съ изгнаніемъ послѣдняго православнаго епископа (1711). Унія овладѣла западной Украиной, постепенно подавивъ всякія отдѣльныя проявленія православной оппозиціи. Затѣмъ, съ половины XVIII в., съ перенесеніемъ резиденціи уніатскихъ митрополитовъ въ Радомысль, послѣдніе энергически принимаются за насажденіе уніи въ Кіевскомъ воеводствѣ, и въ 1760—70-хъ годахъ даже побережье Днѣпра — крайніе предѣлы польской Украины—дѣлается ареною ожесточенной религіозной борьбы; здѣсь православное украинское населеніе, опираясь на Заднѣпровье и поддерживаемое гайдамацкими движеніями, проявляло особенную энергію и сопротивленіе [1]).

Религіозная борьба въ Угорской Украинѣ.

Религіозная борьба Западной Украины, захватившая также и Угорскую Украину, впервые вводитъ, сколько-нибудь замѣтно, въ общій круговоротъ украинской жизни также и ея закарпатскую закраину, отчужденную географическими условіями и политическою обособленностью отъ непосредственной участи въ тѣхъ перипетіяхъ, какія переживала остальная Украина. Впрочемъ, ея жизнь въ предшествующихъ столѣтіяхъ вообще очень мало намъ извѣстна, и даже по первому вопросу, который неизбѣжно возникаетъ у всякаго желающаго познакомиться съ исторіей мѣстной жизни— съ какого времени отвердѣваетъ мѣстная украинская колонизація настолько, чтобы можно было говорить о мѣстной украинской жизни, существуютъ большія колебанія и неясности. Много неяснаго и въ ея политическомъ прошломъ: въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій это украинское Закарпатье занимало межеумочное положеніе между Венгріей, съ одной стороны, и государственными организаціями украинскими—съ другой: въ моментъ политической экспансіи Венгріи короли послѣдней, какъ мы знаемъ, стре-

[1]) Подробнѣе: Антоновичъ—„Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ пол. XVII ст." Терновскій—„Изслѣдованіе о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху" (Архивъ Ю. З. Р. I. V).

мились перейти за Карпатскій хребетъ и подчинить себѣ Галицкія земли, и наоборотъ — въ моменты ослабленія Венгріи видимъ попытки присоединить Закарпатскія земли къ Галицкимъ (при Львѣ Даниловичѣ, въ концѣ XIII в.). Только послѣ неудачи, постигшей экстенсивную политику Людовика Анжуйскаго, въ концѣ XIV в., Карпатскій хребетъ на цѣлый рядъ вѣковъ отрѣзалъ украинскія провинціи Польши отъ украинскаго Закарпатья.

Остается неизвѣстнымъ, составляло ли это Украинское Закарпатье одно политическое цѣлое. Начиная съ XII—XIII вв., мы видимъ его уже въ подраздѣленіи на комитаты или столицы, разрѣзывавшія по рѣчнымъ долинамъ горную область и связывавшія эти части съ сосѣдними частями подгорья, съ преобладающею инородною колонизаціею (словацкою, мадьярскою, румынскою). Это административное дѣленіе должно было еще болѣе содѣйствовать разобщенію этой территоріи, и безъ того разобщенной географическими условіями. Почти не встрѣчаемъ указаній, чтобы это Украинское Закарпатье выступало бы, какъ цѣлое; впрочемъ, мѣстный украинскій элементъ вообще слабо проявлялъ себя, представленный подавленнымъ крестьянствомъ и темнымъ приниженнымъ сельскимъ духовенствомъ. Въ роли привилегированнаго населенія и здѣсь, съ весьма ранняго времени, выступаютъ инородные элементы: мадьяры, нѣмцы, разноплеменное католическое духовенство. Православное духовенство, носители національной жизни,—стояло чрезвычайно низко: весьма часто выходя изъ крѣпостного состоянія, сельскіе священники находились въ этомъ тяжеломъ и унизительномъ состояніи и послѣ своего посвященія; экономическое положеніе ихъ было самое жалкое.

Въ церковной и культурной жизни — насколько вообще можно назвать такъ жалкіе обрывки книжности, проникавшіе сюда — Угорская Украина примыкала къ сосѣдней Галиціи. Мѣстными центрами церковной жизни выступаютъ два монастыря: св. Николая въ Мукачѣ и св. Михаила въ Грушевѣ, въ Марамарошскомъ комитатѣ; игуменамъ послѣдняго принадлежало право наблюденія надъ православными приходами Марамароша и Угочи; западная часть Угорской Украины, вѣроятно, находилась подъ властью перемышльскихъ епископовъ. Мѣстная епархія (въ Мукачевѣ) сколько-нибудь прочно начинаетъ организоваться лишь со второй половины XVI в. Просвѣтительное украинское движеніе XVI в., повидимому, не захватило сколько нибудь замѣтнымъ образомъ Закарпатье; есть извѣстія о типографіи въ Грушевскомъ монастырѣ, но даже само существованіе ея остается не вполнѣ достовѣрнымъ. Зато уніатскіе планы не замедлили переброситься изъ Галиціи въ Закарпатье; уже во второмъ десятилѣтіи XVII в. встрѣчаемся съ попытками насильственнаго обращенія въ унію мѣстнаго духовенства и населенія, при участіи въ уніатской іерархіи Галиціи. Сопротивленіе населенія, однако, и тутъ заставило дѣятелей уніи перейти къ пропагандѣ скрытой, направленной на духовенство, привлекаемое надеждами на улучшеніе матеріальнаго и юридическаго положенія. Въ продолженіе 1630—1640 гг. сторонникамъ уніи удалось привлечь на свою сто-

рону значительную часть духовенства Мункачской епархіи, и на съѣздѣ въ Унгварѣ 1649 г. произошло формальное присоединеніе его къ католической церкви. Вопросъ этимъ, однако, отнюдь не былъ рѣшенъ; среди духовенства осталось не мало сторонниковъ православія; съ другой стороны, уніи не благопріятствовали и внѣшнія условія, такъ какъ Украинское Закарпатье лежало въ сферѣ политическихъ смутъ, раздиравшихъ Венгрію въ XVII в., и сторонники независимости, придерживаясь протестантизма, препятствовали распространенію уніи среди украинскаго населенія. Во второй половинѣ XVII в. обыкновенно видимъ въ мункачской епархіи одновременно двухъ владыкъ, одного уніата, другого православнаго, и только съ 1680 г., когда утверждается здѣсь австрійское вліяніе, унія прочно основывается въ западныхъ украинскихъ комитатахъ (много значило при этомъ и утвержденіе уніи въ сосѣдней Галиціи). На востокѣ въ Марамарошѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ православной Молдавіи, православіе существовало дольше; до 1735 г. здѣсь еще держались православные владыки, и позже не было недостатка въ православныхъ священникахъ молдавскаго и сербскаго поставленія, а въ 1760 г. среди румынскаго и украинскаго населенія прорвалось довольно энергическое движеніе, стремившееся къ возстановленію «старой вѣры». Оно охватило, главнымъ образомъ, восточную часть украинскаго разселенія, но находило отклики также и въ западной; среди православныхъ распространялись своеобразныя прокламаціи, распускались глухіе слухи о покровительствѣ, которое оказываютъ православію «восточные государи», о спеціальныхъ льготахъ, ожидающихъ православныхъ. Австрійское правительство было очень встревожено всѣмъ этимъ и, пустивъ въ ходъ самыя «энергическія» мѣры къ подавленію этого движенія, одновременно старалось прослѣдить возможно глубже условія, вызвавшія и благопріятствовавшія ему. Эти разслѣдованія дали чрезвычайно интересную картину стихійной привязанности населенія къ своей національной святынѣ, и той — крайней темноты, въ которой жило это населеніе. По словамъ намѣстника мараморошскаго, имя уніи было населенію въ высокой степени неизвѣстно, и оно подозрѣвало въ ней всякіе ужасы, хотя въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій, само того не подозрѣвая, принадлежало офиціально къ уніатскому исповѣданію. Общимъ выводомъ этихъ разслѣдованій была необходимость подъема просвѣщенія, въ особенности среди духовенства, улучшенія его быта и вообще положенія уніатской церкви, такъ какъ надежды на улучшеніе положенія духовенства съ переходомъ въ унію совершенно не оправдались и въ довершеніе всего — уніатское духовенство попало еще въ стѣснительную зависимость отъ католической іерархіи.

Эти наблюденія и соображенія сыграли потомъ немаловажную роль въ заботахъ австрійскаго правительства о подъемѣ культурнаго и экономическаго уровня украинскаго духовенства Угорской Украины и Галиціи [1]).

---

[1]) Подробнѣе: «Очеркъ», 3 изд., гл. XXVI; тамъ же указана литература.

Утвержденіе уніи въ Западной Украинѣ знаменовало полное банкротство національной жизни — полное безсиліе украинскаго населенія отстоять то, что оно считало своей національною святынею; торжество уніи созидалось на отступничествѣ малодушныхъ, на разгромѣ стойкихъ, на насильственномъ подавленіи, путемъ всякихъ репрессій, народнаго самоопредѣленія. Это была побѣда не просто надъ исповѣданіемъ, но и надъ національными традиціями, надъ всею самостоятельностью народа. Она завершаетъ собою процессъ увяданія культурной жизни, созданной движеніемъ конца XVI в. и медленно угасавшей въ продолженіе этого столѣтія, вслѣдствіе хроническаго ослабленія общественныхъ слоевъ, на которыхъ она опиралась, и отсутствія поддержки извнѣ, послѣ окончательнаго политическаго (и культурнаго) обособленія восточной Украины.

Надежда на полную денаціонализацію украинскаго поселенія при помощи уніи, однако, не оправдались. Не были исполнены обѣщанія о томъ, что переходъ въ унію избавитъ украинскую церковь отъ тѣхъ униженій, какія она испытывала въ Польшѣ и Венгріи, и не исполнились расчеты ожидавшихъ, что унія послужитъ мостомъ къ сближенію украинскаго населенія къ католической церкви и къ переходу въ нѣдра послѣдней. Вслѣдствіе того, что уніатское духовенство и вообще уніатская церковь не была сравнена съ католическою и осталась въ положеніи низшей, простонародной церкви, она не замедлила вскорѣ превратиться въ такую же національную церковь, какою раньше была православная. Благодаря сохраненію обряда, не произошло рѣзкаго разрыва въ традиціи, не почувствовалось въ полной силѣ и то разъединеніе, какое долженъ былъ произвести этотъ религіозный расколъ съ православною Украиною. Обрядовая внѣшность все покрывала въ глазахъ низшихъ классовъ населенія: не только въ глуши какого-нибудь Марамарша, но и среди огромнаго большинства всего украинскаго населенія совершенно не сознавался разрывъ со «старой греческой» вѣрой и единство съ церковью латинской, и если для болѣе интеллигентныхъ элементовъ этотъ религіозный переломъ былъ источникомъ тяжелыхъ страданій, то для большинства — онъ прошелъ мало замѣтно.

Однако, и положительнаго не принесъ онъ ничего. Уровень культуры въ украинской жизни продолжаетъ понижаться. Книжность почти исключительно служитъ нуждамъ обряда, богослуженія, какъ и прежде; культурное содержаніе этой книжности было крайне невелико. Единственнымъ популярнымъ продуктомъ ея былъ сборникъ кантовъ религіознаго содержанія, разнаго времени и разныхъ авторовъ, изданный почаевскими монахами въ 1790 г., подъ названіемъ «Богогласника» и много разъ издававшійся впослѣдствіи; благодаря своей близости къ народному пѣснотворчеству, нѣкоторые изъ этихъ кантовъ пріобрѣли непереходящую популяр-

ность. Вообще на линіи соприкосновенія книжности и устной литературы, главнымъ образомъ, и теплился огонекъ національной культурной традиціи, и въ непрерывной эволюціи народной словесности, пѣсенной и прозаической, поглощавшей и своеобразно перерабатывавшей наиболѣе близкіе ей продукты литературнаго творчества, находила свое выраженіе духовная жизнь народа, единству которой не могли поставить непреодолимыхъ преградъ ни политическія границы, ни разстоянія—какъ показываетъ распространеніе многихъ произведеній народной поэзіи отъ Закарпатья до Заднѣпровья. Но съ книжностью и книжнымъ просвѣщеніемъ дѣло обстояло изъ рукъ вонъ плохо. Книга становилась не только малосодержательною, но и мало доступною. Церковный славяно-русскій языкъ дѣлался все менѣе и менѣе понятнымъ, и уже въ первой четверти XVIII в. пришлось издать словарикъ славянскихъ словъ съ переводомъ на польскій языкъ, для нуждъ священниковъ, такъ какъ изъ послѣднихъ, по словамъ издателей,—едва сотый понималъ по славянски. Народный же языкъ такъ и не успѣлъ завоевать права гражданства ни въ книжности, ни въ школѣ. Школы уцѣлѣли, въ концѣ концовъ, только сельскія, гдѣ училъ дьячекъ; нѣсколько лучшія—монастырскія (базиліанскія) школы были сильно ополячены, какъ и сами базиліане (уніатскіе монахи), какъ все, хотя сколько нибудь образованное среди украинскаго населенія; даже не разорвавъ еще со своею національностью, эти болѣе образованные элементы говорили и писали по польски. Это былъ теперь «культурный языкъ» украинскаго населенія западной, польской Украины (какъ въ Закарпатьи—венгерскій а въ Заднѣпровьи—великорусскій). По польски (или латыни) писали даже наиболѣе патріотически настроенные представители украинскаго общества второй половины XVIII и первой пол. XIX; на польскомъ языкѣ обращались духовныя украинскія власти (уніатскія) къ подвластному духовенству; даже знаніе славянскаго алфавита не было удѣломъ всего духовенства.

Такъ печально было положеніе земель, не успѣвшихъ выбиться изъ тисковъ польскаго режима. Но въ концѣ концовъ, еще глубже и печальнѣе было паденіе національной жизни въ восточной Украинѣ, считавшей свою національную культуру спасенною съ освобожденіемъ отъ «ярма лядскаго». Избѣгнувъ ополяченія, она подвергается обрусѣнію еще болѣе глубокому, проникающему въ такія глубины народной жизни, въ какія никогда не могло проникнуть вліяніе польское. То, что являлось святая святыхъ народной жизни въ борьбѣ съ польскимъ натискомъ—церковная и религіозная жизнь, здѣсь, въ силу своей общности съ религіозной жизнью великорусской, открыло пути великорусскимъ вліяніямъ въ глубину культурной жизни. Устраненіе единственной преграды—церковной автономіи Украины—въ сферѣ культурной жизни имѣло такое же значеніе, какъ разрушеніе украинской автономіи Петромъ I. Не довольствуясь добровольнымъ тяготѣніемъ украинскаго общества къ великорусской культурѣ, развивающимся съ конца XVII в., россійское правительство пускаетъ въ ходъ всѣ силы

своего государственнаго механизма для культурной нивелляціи Украины. Разрушивъ ея политическую особность, оно стремится стереть особенности мѣстной жизни и культуры, ея національный обликъ, обезличить и слить съ великорусскою народностью. Въ этомъ направленіи воздѣйствуетъ оно разными запретительными мѣрами, дѣйствительно отражающимися самымъ губительнымъ образомъ на мѣстной жизни, не сформировавшейся и не отграничившейся отъ культуры великорусской, связанной съ нею общими традиціями Кіевской Руси, общностью религіи и церкви, игравшей такую доминирующую роль въ этой украинской культурѣ.

Центромъ украинской культуры остается, по прежнему, Кіевъ, послужившій во второй половинѣ XVII в. и началѣ XVIII также культурнымъ очагомъ и для Московскаго государства, несмотря на недружелюбное отношеніе московскаго духовенства къ кіевской культурѣ и ея произведеніямъ, выражавшееся въ многочисленныхъ запрещеніяхъ кіевскихъ изданій. Главный очагъ кіевской культурной жизни—здѣшняя коллегія, пережила въ третьей четверти XVII в. періодъ сильнаго упадка, причиненнаго тогдашними смутами, и московскіе политики хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы вовсе закрыть ее и отдѣлаться разъ на всегда (1666). Только опасеніе всеобщаго неудовольствія, какое могло вызвать такое распоряженіе среди населенія Украины, въ концѣ концовъ удержало ихъ отъ этого намѣренія. Между тѣмъ въ 1670 гг. коллегія реорганизовалась, расширила свою программу, присоединивъ курсы философіи и богословія къ преподававшимся ранѣе наукамъ и въ 1694 г. добились отъ московскаго правительства права на титулъ «академіи», котораго не могла получить при польскомъ режимѣ. Время Мазепы, усерднаго покровителя украинской культуры, какъ она понималась въ то время и въ его кругахъ, было эпохою процвѣтанія академіи, и затѣмъ почти до самой средины XVIII в. она служила разсадникомъ просвѣщенія для Украины, для ея духовной и свѣтской интеллигенціи; число ея учениковъ было очень велико, въ среднихъ десятилѣтіяхъ XVIII в. переходило за тысячу, и большинство ихъ было свѣтскаго званія. По образцу кіевской академіи организовались высшія школы въ земляхъ великорусскихъ и украинскихъ—коллегіи и семинаріи въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ, Бѣлградѣ, Харьковѣ и др.

Но при всемъ томъ и академія съ своими филіями, и ихъ ученость все болѣе отставали отъ запросовъ времени и потребностей жизни. Организованная по образцу католическихъ, главнымъ образомъ іезуитскихъ академій, кіевская академія сохранила въ своемъ преподаваніи преобладающій богословскій характеръ, и при томъ въ формахъ схоластическихъ; ея ученость опиралась на средневѣковыхъ методахъ и свѣдѣніяхъ, совершенно устарѣвшихъ для XVII—XVIII вв. Новыя теченія европейской мысли совершенно не захватывали ея; отжившія схоластическія формы господствовали въ преподаваніи риторики и піитики—основныхъ образовательныхъ предметовъ, и вообще все образованіе, сообщаемое академіей (и организованными по ея образцу коллегіями), отличалось характеромъ формальнымъ

и чрезвычайною бѣдностью фактическаго, реальнаго содержанія.

Тоже было и съ украинскою книжностью XVII—XVIII вв. Мы встрѣчаемъ здѣсь выдающихся богослововъ, проповѣдниковъ, полемистовъ; но тѣ времена, когда религіозные и полемическіе вопросы царили надъ умами, прошли безвозвратно для мѣстнаго украинскаго общества, нисколько не угрожаемаго въ области вѣры, а внѣ религіозныхъ вопросовъ украинская книжность давала крайне мало. Напримѣръ, изъ сохранившагося рукописнаго матеріала убѣждаемся, что украинское общество живо интересовалось своей исторіей, усердно списывало старые историческіе памятники, составляло историческія компиляціи, лѣтописи, записки и мемуары,—но всѣ эти произведенія, живѣе отражавшія біеніе пульса украинской жизни, не удостаивались вниманія книжниковъ, располагавшихъ издательскими средствами; единственная историческая книга, удостоившаяся изданія, Синопсисъ (1674), отличалась, какъ нарочно (и можетъ быть не случайно), особенною сухостью и безжизненностью. Безъ вниманія остался и превосходный историческій эпосъ, слагавшійся на протяженіи XVII в. подъ взаимодѣйствіемъ книжныхъ элементовъ и народнаго пѣснотворчества и выработавшій для себя новую и оригинальную форму, такъ наз. «думу». Въ устномъ обращеніи осталась вся превосходная украинская лирика. Немногое изъ поэтическихъ произведеній тогдашнихъ «литературныхъ» круговъ, удостоенное печати, наоборотъ отличается крайней безжизненностью—и безталантностью. И здѣсь, произведенія, болѣе близкія къ жизни и ея интерессамъ, большею частью не удостаивались печати; правда, эти болѣе жизненныя произведенія книжной схоластической литературы производятъ выгодное впечатлѣніе только по сравненію съ полною безжизненностью большинства разныхъ панегирическихъ произведеній, религіозныхъ и нравственныхъ виршъ и схоластическихъ школьныхъ драмъ. Въ этомъ сказывалась не только схоластическая отсталась школы, но и давленіе политическаго режима, неблагопріятное отношеніе правительства, очень сильно отражавшееся на литературѣ. Рѣдко касалась она темъ болѣе живыхъ, да и касаясь, обыкновенно старалась придерживаться безобидныхъ общихъ фразъ, не грозившихъ конфликтомъ съ политическими и общественными тенденціями правящихъ сферъ, и обрабатывала свои темы съ тою же вялостью и риторичностью, характерными для схоластической манеры.

Такимъ образомъ, и въ книжной литературѣ, какъ то мы видѣли и въ области права—живая жизнь народа, могучія движенія и возмущенія ея прошли какъ-бы мимо, оставивъ ее при пережиткахъ старой эпохи. При такой отсталости и отрѣшенности отъ жизни—книжной литературѣ не легко было сохранить свою позицію среди нея, и когда обрушились на нее вдобавокъ еще и оффиціальныя, цензурныя гоненія, это чрезвычайно губительно подѣйствовало на нее и привело къ полному захуданію.

Уже въ XVII в., какъ было упомянуто, въ Москвѣ на украинскую книгу смотрѣли недоброжелательно, подвергали всяческимъ стѣсненіямъ, и съ подчиненіемъ украинской церкви под-

вергли строгой цензурѣ украинскія изданія. Затѣмъ, въ XVIII в. пошли еще дальше въ этомъ направленіи, осудивъ на смерть украинское слово. Въ 1720 г. было издано распоряженіе, запрещавшее печатать на Украинѣ какія бы то ни было книги, за исключеніемъ церковныхъ, и то съ прежнихъ изданій, «а и оныя церковныя старыя книги съ такими же церковными книгами справливать прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было». Этого распоряженія правительство затѣмъ придерживалось строго; особый цензоръ занимался исправленіемъ украинскихъ текстовъ и только послѣ такой цензуры книги разрѣшались къ печати. Когда въ 1726 г. одинъ изъ кіевскихъ игуменовъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи напечатать акаѳистъ св. Варварѣ, написанный кіевскимъ митрополитомъ, на это дано было разрѣшеніе только подъ условіемъ перевода «на великороссійское нарѣчіе». Тоже повторялось и позже; такъ напр., въ 1769 г. кіевская лавра ходатайствовала предъ синодомъ о разрѣшеніи напечатать букварь украинскій, въ виду того, что московскіе буквари на Украинѣ не идутъ; но синодъ въ разрѣшеніи отказалъ. Даже старыя книги украинской печати епархіальному начальству приказано было отбирать и замѣнять книгами московской печати.

Одновременно украинская книжность и украинскій языкъ вытѣснялись и изъ школьнаго обихода. Въ послѣдней четверти XVIII в. кіевскіе митрополиты, слѣдуя желаніямъ россійскаго правительства, окончательно вводятъ преподаваніе на великорусскомъ языкѣ въ кіевской академіи и она служитъ затѣмъ образцомъ для другихъ духовныхъ школъ. Украинское произношеніе подвергается гоненію; издаются спеціальныя руководства, преподавателямъ даются инструкціи относительно правильнаго произношенія. Епархіальное начальство слѣдитъ, чтобы священники и дьячки читали церковные тексты, съ соблюденіемъ великорусскаго произношенія, и по присоединеніи Правобережной Украины къ Россіи, съ 1790-хъ гг., особое вниманіе обращается на то, чтобы богослуженіе производилось «голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію».

Старая школа, старая литература вымирали, окруженныя стѣсненіями и запрещеніями и не имѣя почвы въ самомъ обществѣ, котораго не могли болѣе удовлетворять. Начиная уже со второй четверти XVIII ст. и особенно во второй половинѣ его — молодые люди, не только аристократическихъ, но и просто зажиточныхъ фамилій нерѣдко отправляются въ заграничныя школы и университеты, а когда во второй пол. XVIII в. организуются порядочныя учебныя заведенія въ Петербургѣ, туда въ большемъ числѣ направляется и украинская молодежь. Желали основанія такихъ же школъ и на Украинѣ; до насъ сохранился интересный проектъ университета въ Батуринѣ (тогдашней столицѣ Гетманщины) составленный въ 1760 г. для представленія императрицѣ: совершенно свѣтскаго университета, съ каѳедрами историко-филологическими, юридическими, математическими, естественно-историческими и медицинскими. Въ петиціи, нѣсколько, позже поданной императрицѣ, заключалось, между прочимъ, ходатайство о преобразова-

нія кіевской академіи въ университетъ съ богословскимъ факультетомъ и учрежденіи въ Батуринѣ университета безъ богословскаго факультета, а также свѣтскихъ гимназій—однимъ словомъ, полной секуляризаціи образованія, но эти ходатайства не были исполнены, и украинская молодежь принуждена была отправляться или заграницу, или въ Петербургъ.

Украинскіе высшіе классы очень цѣнили образованіе; людей съ европейскимъ образованіемъ среди нихъ было немало уже въ половинѣ XVIII в. Но здѣсь дѣйствовали не только чисто культурные запросы, а и также желаніе новаго «шляхетства» придать себѣ «благородный» лоскъ и подчеркнуть свое отличіе отъ сѣрой козацкой массы, изъ которой оно такъ недавно выдѣлилось; поэтому въ культурности не цѣнились національные элементы, которые могли бы тѣснѣе привязать къ родной почвѣ, къ народу—наоборотъ, образованіе цѣнилось тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше отдаляло отъ народа, и культурные интересы только довершали рознь украинской интеллигенціи съ народомъ, начавшуюся на почвѣ соціально-экономической. Такъ какъ изъ всѣхъ чужихъ культуръ въ данныхъ условіяхъ болѣе всего реальныхъ связей сказывалось съ культурой великорусской, то въ концѣ концовъ въ своемъ отчужденіи отъ національной почвы украинская интеллигенція подпадаетъ весьма сильному обрусѣнію. Стремясь добиться уравненія въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ, гонясь за карьерой въ имперскихъ правящихъ кругахъ и учрежденіяхъ, послѣ отмѣны украинской автономіи, она все болѣе втягивалась въ фарватеръ великорусской культурной жизни, тѣмъ болѣе, что и само правительство всячески содѣйствовало этому соблазнами «чиновъ и жалованья», стремясь преодолѣть «умоначертаніе прежнихъ временъ», какъ выражалась императрица Екатерина.

Тоже было и съ духовенствомъ послѣ его непосредственнаго подчиненія великорусскимъ церковнымъ властямъ. Съ началомъ XVIII в. множество украинскихъ духовныхъ разошлось по всей Россіи по всякимъ должностямъ, включая и самыя высшія и вліятельныя іерархическія позиціи: правительство Петра и его преемниковъ консервативнымъ представителямъ великорусскаго духовенства предпочитало болѣе покладистыхъ Украинцевъ, не связанныхъ традиціями мѣстной церковной жизни и въ большинствѣ не озабоченныхъ ничѣмъ, кромѣ духовной карьеры. Благодаря этому украинскіе духовные почувствовали себя хозяевами въ церковномъ управленіи имперіи—но въ концѣ концовъ, приноровляясь къ условіямъ этой новой среды—они прежде всего теряли сами свой національный обликъ, и это сближеніе украинской іерархіи съ великорусской жизнью повліяло очень сильно на обрусѣніе украинской церкви и школы.

Съ половины XVIII в. великорусская канцелярская рѣчь уже господствуетъ въ дѣлопроизводствѣ украинскихъ учрежденій. Книжная рѣчь рѣшительно сближается съ великорусской. Старая книжная, украинско-славяно-польская рѣчь держится нѣкоторое время въ домашней перепискѣ, въ средѣ людей, вышедшихъ изъ старой школы. Пишутъ народнымъ языкомъ, но больше въ шутку: веселыя интермедіи, непритязательныя пародіи,

шуточныя и сатирическія стихотворенія; народный языкъ «просвѣщеннымъ» Украинцамъ конца XVIII в. представлялся провинціализмомъ, не имѣющимъ никакой будущности, и предметомъ серьезной культуры являлся языкъ великорусскій — какъ въ западной Украинѣ — польскій; это былъ симптомъ глубочайшаго паденія украинской жизни, наканунѣ ея возрожденія [1]).

---

[1]) Подробнѣе — «Очеркъ», 3 изд., гл. XXVI; тамъ же указана литература; о литературѣ XVIII в. см. въ соотвѣтствущей части этого изданія.

V. Возрожденіе.

Переходъ западныхъ украинскихъ земель подъ власть Австріи и первые признаки падѣнія украинской жизни.

Въ разгаръ успѣховъ, которые дѣлала полонизація, проникая въ глубину украинской жизни западныхъ земель, входившихъ въ составъ польской Рѣчи Посполитой, неожиданно пала послѣдняя. Состоявшимся въ августѣ 1772 г. соглашеніемъ рѣшенъ былъ такъ называемый первый раздѣлъ Польши, по которому Австрія получала западную Украину—воеводства Русское и Белзское, со смежными частями Подоліи и Волыни и часть Малой Польши, а Россія—восточную Бѣлоруссію. Двадцать лѣтъ спустя, при второмъ раздѣлѣ (1793 г.), Россія заняла воеводства Кіевское, Подольское, значительную часть Волыни и бѣлорусскія земли, по линіи, проведенной отъ границъ Австріи на границу Курляндіи. Затѣмъ въ 1795 г., при третьемъ раздѣлѣ Польши, пріобрѣтенія Австріи и Россіи были еще увеличены, и окончательно затѣмъ регулированы постановленіями Вѣнскаго конгресса 1815 г. Старыя воеводства Русское и Белзское съ небольшими частями Подольскаго и Волынскаго остались во владѣніи Австріи; воеводства Кіевское, Волынское, Браславское, Подольское, Берестейское Побужье и Подляшье—вошли въ составъ Россіи. Кромѣ того, Австрія округлила свои пріобрѣтенія въ украинскихъ земляхъ присоединеніемъ сѣверной Молдавіи: это было признано необходимымъ въ цѣляхъ стратегическихъ, чтобы обезпечить сообщенію Галиціи съ Трансильваніей, и вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Галиціи австрійскія войска заняли пограничные города Молдавіи—то, что позже составило особую австрійскую провинцію Буковину. «Исторически» это присоединеніе оправдывалось австрійскимъ правительствомъ тѣмъ, что область верхняго Прута принадлежала къ Галицкому княжеству; Галиція же съ сосѣдними украинскими и польскими землями была присоединена къ Австріи на основаніи «историческихъ правъ» венгерскихъ королей, опиравшихся на нѣсколькихъ, достаточно эфемерныхъ фактахъ венгерской оккупаціи Галиціи въ XII—XIII вв.: Австрія дополняла, такимъ образомъ, эти галицкія владѣнія Венгріи сѣверною Молдавіею. Дѣйствительно, въ XII—XIII вв. города средняго Прута стояли въ зависимости отъ галицкихъ князей, затѣмъ въ половинѣ XIII в. вмѣстѣ съ Поднѣстровьемъ перешли подъ непо-

средственную власть Татаръ, а съ образованіемъ Молдавскаго воеводства вошли въ составъ послѣдняго; сферы владѣнія Польши и Молдавіи довольно долго колебались здѣсь, пока наконецъ установились окончательно въ XVI в., раздѣливъ украинскую область Прута между соперничавшими государствами. Австрійская оккупація однако не ограничилась украинской территоріей, но захватила и часть румынской. Протесты молдавскаго господаря не были поддержаны турецкимъ правительствомъ, и въ 1775 г. послѣднее формально уступило Австріи оккупированную область, получившую названіе Буковины. (Первоначально она находилась въ военномъ управленіи, въ 1787 г. была присоединена къ Галиціи, составивъ отдѣльный округъ: въ 1849 г. (фактически въ 1854 г.) снова выдѣлена была въ отдѣльную самостоятельную провинцію и, послѣ кратковременнаго присоединенія къ Галиціи въ 1860 г., окончательно отдѣлена была тогда же).

Паденіе польской государственной власти не проявилось рѣзкимъ поворотомъ въ жизни ея бывшихъ провинцій. Сословныя отношенія, помѣщичій режимъ, господство шляхты и польской культуры не были ихъ затронуты нисколько. Шляхетскій режимъ даже выигралъ отъ перехода украинскихъ провинцій изъ состава Польши, съ ея слабой государственной структурой, въ составъ государствъ съ сильною властью, развитою бюрократическою и полицейскою организаціею. Бюрократическая машина и военная сила стали теперь за спиною помѣщичьяго хозяйства, готовыя пресѣчь всякое проявленіе народной оппозиціи, и помѣщичье «хозяйство» польской шляхты подъ властью Австріи и еще болѣе Россіи могло сдѣлать значительные успѣхи сравнительно съ эпохою польской государственности.

Австрійское правительство, особенно во время недолгаго правленія имп. Іосифа II (1780—90), все-таки предприняло нѣсколько цѣнныхъ попытокъ къ ограниченію помѣщичьей власти надъ крестьяниномъ, къ эмансипаціи его личности и ослабленію экономической зависимости. Правда, эти реформы были сильно урѣзаны при осуществленіи на практикѣ и заглохли при послѣдующемъ реакціонномъ правительствѣ; но все же отрицательное отношеніе правительства и администраціи къ шляхетскому самовластію чувствовалось и позже. Нѣмецкая бюрократія, правившая Галиціей до 1850-хъ гг., давала извѣстную сдержку шляхетскому режиму; крестьянское землевладѣніе и повинности находились подъ контролемъ государственной власти и до нѣкоторой степени гарантировались отъ правонарушеній со стороны помѣщика.

Въ сферѣ культурной жизни имѣли не малое значеніе мѣры австрійскаго правительства для подъема украинской народности, а въ частности ея духовенства. Австрійское правительство было до нѣкоторой степени приготовлено къ этому еще предъ присоединеніемъ Галиціи церковными отношеніями Угорской Украины: движеніе 1760 г., заставившее его серьезно задуматься надъ положеніемъ здѣшней украинской церкви, вызвало рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію положенія и культурному подъему мѣстнаго духовенства. Мукачская епархія была изъята изъ власти римско-католической іерархіи; для при-

готовленія священниковъ былъ учрежденъ въ Мункачѣ лицей; приняты были мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія духовенства. Результаты не заставили себя ждать: начинается несомнѣнный культурный подъемъ мѣстной украинской жизни. Вокругъ тогдашняго мункачскаго епископа Андрея Бачинскаго (1772—1809), организатора мункачскаго лицея и основателя значительной библіотеки, группируется кружокъ любителей, заинтересованныхъ народнымъ просвѣщеніемъ и литературной дѣятельностью. Угорская Украина даетъ первыхъ профессоровъ-Русинъ новооснованному львовскому университету и рядъ замѣчательныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ — больше, впрочемъ, въ разныхъ чужихъ областяхъ, куда эмигрировали эти интеллигентныя силы, чѣмъ у себя дома, и эта усердная эмиграція даетъ понять, насколько мало еще находила у себя приложенія эта новая интеллигенція [1]).

Съ присоединеніемъ Галиціи культурныя мѣропріятія австрійскаго правительства распространились и на нее. Въ 1774 г. имп. Марія Терезія учреждаетъ въ Вѣнѣ при церкви св. Варвары духовную семинарію для уніатовъ Австріи, сыгравшую немаловажную роль въ культурной жизни Галиціи: это было окно въ Европу для ея тогдашней интеллигенціи—почти цѣлое столѣтіе по присоединеніи представленной, главнымъ образомъ, духовенствомъ. Десять лѣтъ спустя была учреждена духовная семинарія во Львовѣ. Религіозный фондъ, составленный изъ имуществъ упраздняемыхъ монастырей, долженъ былъ послужить улучшенію и подъему сельскаго духовенства. Наряду съ этимъ принимались мѣры къ подъему украинской народности; организовались народныя школы низшаго и высшаго типа, причемъ преподаваніе должно было вестись на «мѣстномъ» языкѣ (Landes Volks und Nationalsprache), т. е. украинскомъ. Въ новооснованномъ львовскомъ университетѣ (1784) было учреждено нѣсколько русинскихъ каѳедръ и спеціальный лицей для приготовленія къ университетскимъ курсамъ украинской молодежи.

Въ Буковинѣ за недолгое военное управленіе этой провинціей также были положены серьезные начатки новой свѣтской школы, а огромный религіозный фондъ, образовавшійся изъ епархіальныхъ и монастырскихъ имѣній (его имѣнія составляли болѣе пятой части всей территоріи Буковины), заключалъ въ себѣ неисчерпаемые ресурсы для всякаго рода культурныхъ начинаній, для которыхъ онъ предназначался (zum wahren Besten des Clerus, der Religion und der Menschheit). Но въ запутанныхъ соціальныхъ и національныхъ отношеніяхъ этой маленькой, далекой и некультурной провинціи австрійское правительство оріентировалось очень слабо, и какъ не умѣло найти настоящей точки зрѣнія въ вопросѣ о положеніи мѣстныхъ владѣльческихъ крестьянъ, давая со-

[1]) Много угорскихъ Украинцевъ ушло въ Россію, гдѣ подвизалось на разныхъ ученыхъ и учебныхъ поприщахъ—Балудянскій, Орлай, Лодій, Кукольникъ и др., и въ томъ числѣ наиболѣе значительная культурная сила, какую дала Угорская Украина—Юрій Гуца-Венелинъ, почитаемый Болгарами, какъ провозвѣстникъ ихъ національнаго возрожденія, но совершенно потерянный для своей родины и вообще для украинской жизни.

вершенно противорѣчивыя рѣшенія, такъ и въ вопросахъ культурныхъ зачастую просматривало существованіе украинскаго населенія и считая румынскій языкъ «мѣстнымъ языкомъ» всей Буковины, прилагало руку къ румынизаціи украинскаго населенія.

Если культурныя начинанія, какъ и соціальныя реформы правительства осуществлялись не всегда удачно, то еще хуже было то, что эта реформаціонная дѣятельность вообще скоро заглохла среди общей реакціи, начавшейся со смертью имп. Іосифа (1790). Польская шляхта успѣла подчинить галицкую администрацію своимъ вліяніямъ, и уже съ 1790 г., парализуя правительственные планы возрожденія украинской народности, она начинаетъ запугивать правительство, призракомъ россійской ирреденты: тяготѣніемъ Украинцевъ къ Россіи, къ православію и т. п. Національный гнетъ присоединяется къ печальнымъ условіямъ общей реакціи. Народныя школы были отданы въ завѣдываніе духовныхъ консисторій; народныя школы Буковины подпали подъ власть польскихъ католическихъ консисторій и терпѣли вдвойнѣ — отъ клерикальнаго обскурантизма и принудительнаго ополяченія. Подъ вліяніемъ шляхты вмѣсто украинскаго языка въ народныхъ школахъ Галиціи вводится польскій—сначала въ школахъ высшихъ типовъ, а затѣмъ и въ сельскихъ начальныхъ училищахъ; въ виду ходатайства уніатскаго митрополита сельскимъ обществамъ было разрѣшено устраивать параллельныя школы съ украинскимъ преподаваніемъ, но духовенству рекомендовалось не вліять на населеніе въ этомъ смыслѣ, чтобы не вводить его въ излишнія траты и т. п. Народныя школы православной Буковины получили конфессіонный католическій характеръ и это, въ связи съ совершенно антинаціональнымъ нѣмецко-румынско-польскимъ характеромъ, дѣлало ихъ вовсе безполезными для мѣстныхъ православныхъ украинскихъ народныхъ массъ.

Была, впрочемъ, доля вины и самой украинской интеллигенціи въ этой реакціи: она не всегда умѣла воспользоваться тѣмъ немногимъ, что дѣлало или готово было дѣлать для нея правительство. Не говоря о совершенно темной и лишенной всякой украинской интеллигенціи Буковинѣ, и въ Галиціи народный языкъ, «простый и посполитый», казался высшимъ слоямъ украинскаго населенія слишкомъ низкимъ для культурнаго употребленія, и она не воспользовалась возможностями, открывавшимися для него, а держалась стараго, «макароническаго» языка, изуродованнаго польскими и церковно-славянскими вліяніями, не имѣвшаго никакихъ задатковъ развитія. И когда прекратили свое существованіе русинскія каѳедры львовскаго университета и его лицей (1804—8), какъ учрежденія временныя, вызванныя недостаткомъ украинскихъ студентовъ, подготовленныхъ къ слушанію латинскихъ лекцій,—эта духовная интеллигенція, довольная уравненіемъ въ цензѣ съ римско-католической, не предприняла никакихъ стараній къ дальнѣйшему существованію русинскаго преподаванія. Культурный ростъ ея былъ очень относительный и, выигрывая въ своемъ культурномъ цензѣ, она теряла живую связь съ народнымъ элементомъ и, не умѣя культивировать свою народность, шла за польскою народностью,

какъ элементомъ болѣе культурнымъ. Польскій языкъ долго господствовалъ по-прежнему и среди этой новой «интеллигенціи» встрѣчались священники, вовсе не умѣвшіе даже читать славянскаго письма.

Но все таки извѣстный культурный ростъ былъ на лицо и приготовлялъ почву для новыхъ національныхъ вѣяній — особенно въ Галиціи. Важна была перемѣна самочувствія украинскаго общества, вырвавшагося изъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ оно чувствовало себя обреченнымъ на умираніе въ тискахъ польскаго режима. Начинанія австрійскаго правительства, при всей скромности своей, разбудили надежды, окрылили сознаніемъ возможности движенія, развитія, пріобщенія къ культурному росту другихъ народовъ.

Въ украинскихъ провинціяхъ, отошедшихъ отъ Польши къ Россіи, не было и такого скромнаго улучшенія. Въ общественныхъ отношеніяхъ польская шляхта властвовала безгранично и безконтрольно. При малѣйшемъ проявленіи какой либо оппозиціи среди крестьянъ, даже вполнѣ законнаго ихъ протеста противъ злоупотребленій помѣщичьею властью, полиція и воинскія команды были къ услугамъ помѣщика и, благодаря продажности и произволу администраціи и общей крѣпостнической атмосферѣ имперіи, крѣпостное право въ правобережной Украинѣ подъ владычествомъ Россіи окрѣпло и усилилось и достигло такого напряженія и развитія, какого никогда не могло достигнуть раньше. Въ сферѣ культурной правительство прежде всего озаботилось уничтоженіемъ уніи, но на мѣстѣ ея не возстановлялись старыя традиціи украинской національной церкви, а вводились новыя, совершенно чуждыя обрусительныя формы, и возстановленная православная церковь дѣлалась сознательнымъ орудіемъ обрусенія, наводнялась умышленно пришлыми великороссами и пр.; съ другой стороны, остатки уніатской церкви, не присоединенные къ православію, были отданы подъ начальство католической іерархіи и подверглись сильнѣйшему давленію полонизаторскихъ тенденцій послѣдней. Такимъ образомъ, мѣстный украинскій элементъ, и безъ того ослабленный вѣковымъ гнетомъ, подвергся одновременному натиску съ двухъ сторонъ: съ польской стороны, представленной могущественнымъ помѣщичьимъ классомъ, и со стороны офиціальной—великорусской культуры. Вплоть до 1830-хъ гг. свѣтское воспитаніе и образованіе было почти исключительно въ рукахъ Поляковъ, съ особенной энергіей занявшихся здѣсь организаціей учебно-воспитательнаго дѣла въ національномъ польскомъ духѣ и достигшихъ, дѣйствительно, такихъ успѣховъ, какими не могли похвалиться во времена польской Рѣчи Посполитой. Съ другой стороны казенная великорусская школа, церковь и государственность тѣснили всякое проявленіе украинской жизни еще болѣе безжалостно, чѣмъ культура польская. И въ результатѣ украинская жизнь въ правобережныхъ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи, оказалась наиболѣе забитою и косною, болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ украинскихъ областяхъ [1]).

[1]) Литература: «Матеріали до культурної історії Гал. Руси въ XVIII і XIX в. (Збір. іст-філ. секції V). Смаль-Стоцкій, «Буковинська Русь», 1897. В. Лукичъ, «Угорська Русь», 1887.

Національныя традиціи и проблески возрожденія въ лѣвобережной Украинѣ. Народный языкъ.

Сравнительно съ глубокимъ паденіемъ украинской жизни въ правобережной Украинѣ, лѣвобережныя земли находились въ лучшихъ условіяхъ. Традиція недавней гетманщины, украинской автономіи поддерживали извѣстный политическій ферментъ. Несмотря на классовыя и экономическія выгоды, которыя должна была пожать украинская интеллигенція съ введеніемъ въ Украинѣ общеимперскихъ порядковъ, ликвидація стараго строя вызвала романтическія сожалѣнія въ однихъ, рѣзкое недовольство въ другихъ. Въ болѣе смѣлыхъ головахъ бродили мысли о борьбѣ съ правительствомъ, поднимались планы обращенія къ иностраннымъ вмѣшательствамъ противъ централистической политики Россіи. Извѣстно, напр., что въ 1791 г. одинъ изъ выдающихся представителей украинской интеллигенціи Капнистъ обращался съ такими предложеніями къ прусскому правительству, стоявшему въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи: испросивъ аудіенцію у министра Герцберга, онъ объяснилъ ему, что является въ качествѣ уполномоченнаго своихъ земляковъ, доведенныхъ до отчаянія «тиранніей русскаго правительства и кн. Потемкина»; по его словамъ, козацкое войско, лишенное своихъ старыхъ вольностей и преобразованное въ регулярные полки, очень недовольно настоящимъ положеніемъ и страстно жаждетъ возстановленія стараго козацкаго устройства, ancienne constitution des Cosaques; отъ имени земляковъ Капнистъ спрашивалъ, могутъ ли они разсчитывать на помощь и покровительство Пруссіи на случай возстанія противъ «русскаго ига». Посольство это не имѣло успѣха: Герцбергъ далъ уклончивый отвѣтъ; но эпизодъ остается очень интереснымъ показателемъ настроеній украинскаго общества. Мечты и сожалѣнія объ утраченной автономіи не угасали, и ихъ поддерживали отъ времени до времени разныя обстоятельства, въ родѣ возстановленія Запорожскаго войска, или частичнаго возстановленія стараго строя Гетманщины при имп. Павлѣ (объясняли это вліяніями его любимца Безбородька). Позднѣйшие наборы козацкихъ полковъ въ трудные моменты — въ 1812 г. и потомъ снова въ 1831, тоже подавали надежды на возстановленіе козацкаго устройства, возобновленіе гетманства и т. д. Легкость, съ которою представители украинской интеллигенціи теряли свой національный обликъ, не исключала извѣстнаго національнаго патріотизма, а отчужденіе отъ народа не препятствовало имъ съ симпатіей и піетизмомъ относиться къ особенностямъ украинскаго быта, къ украинской народной словесности, къ историческимъ традиціямъ. Мы видѣли выше (въ обзорѣ укр. изученій), что именно въ это время, въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. развивается довольно значительная литература, посвященная изученію прошлаго и настоящаго «Малороссіи», т. е. восточной Украины, не смотря на свою великорус-

скую оболочку, проникнутая довольно сильнымъ и сознательнымъ, хотя и своеобразнымъ патріотизмомъ. Однако, эти мѣстныя симпатіи и «малороссійскій» патріотизмъ сами по себѣ еще не имѣли особаго значенія: они значили немногимъ болѣе, чѣмъ подобныя же мѣстныя симпатіи и интересы польской и ополяченной интеллигенціи западныхъ украинскихъ земель, тоже выражавшіеся въ этнографическихъ и антикварныхъ работахъ въ области украиновѣдѣнія и въ опытахъ поэтической обработки украинскихъ мотивовъ и темъ. Свое настоящее значеніе эти украинскія симпатіи получаютъ только съ обращеніемъ подобныхъ «малороссійскихъ» патріотовъ къ народному языку.

Употребленіе народнаго языка, какъ было уже отмѣчено, не прекращалось совершенно на протяженіи всего XVIII в. Къ нему продолжали обращаться изъ практическихъ соображеній, въ интересахъ удобопонятности для народа религіозныхъ поученій; съ другой стороны, руководства поэтики предписывали обращаться къ простонароднымъ фигурамъ и простонародной рѣчи въ извѣстныхъ родахъ творчества, напр., для комическаго эффекта. Уже начиная съ первой половины XVII в. намъ извѣстны комическія сцены изъ украинскаго простонароднаго быта, вводившіяся въ школьныя представленія; изъ первой половины XVIII в. мы имѣемъ уже цѣлый рядъ народныхъ интермедій въ пьесахъ Митроф. Довгалевскаго и Г. Кониского, интересныхъ не только языкомъ, но и комическими типами и положеніями; онѣ являются прототипомъ позднѣйшихъ украинскихъ опереттъ и комедій XIX в. и находили своихъ восторженныхъ цѣнителей, приравнивавшихъ ихъ къ комедіямъ Плавта и Мольера (отзывъ Лобысевича, см. ниже). На болѣе или менѣе чистомъ и иногда — дѣйствительно на чистомъ народномъ языкѣ слагались стихотворенія различнаго содержанія, обращавшіяся къ народному языку, то какъ къ комическому средству, то какъ къ болѣе близкому и въ своей безыскусственности и непосредственности болѣе искреннему и сильному орудію для выраженія чувства. Множество этихъ произведеній перешло въ устную традицію народа, смѣшавшись съ его поэтическимъ репертуаромъ. Очень рѣдко извѣстны ихъ авторы; немногія сохранившіяся имена, въ родѣ Некрашевича, священника изъ окрестностей Кіева, или Николая Мазалевскаго, сельскаго дьячка изъ Черниговщины, вводятъ насъ въ ту среду, въ которой развивалось это творчество на народномъ языкѣ: опять таки та же линія соприкосновенія книжности и народности, которая дала намъ популярные канты Богогласника—представители низшаго духовенства, «дьяки-бакаляры» (баккалавры), учителя сельскихъ школъ и болѣе зажиточные и ученые представители козачьяго и мѣщанскаго сословія. Во второй половинѣ, съ паденіемъ стараго книжнаго языка, употребленіе чистой народной рѣчи даже усиливается. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить восточную Украйну съ западной, гдѣ книжный языкъ, не подвергаясь спеціальнымъ гоненіямъ, сохранился въ употребленіи и задерживалъ развитіе народной рѣчи; въ восточной Украйнѣ книжный языкъ подвергался гоненіямъ наравнѣ съ народнымъ, и результатомъ было развитіе народной

рѣчи, болѣе жизненной, за счетъ книжной. Съ паденіемъ послѣдней авторъ, желавшій придать своему произведенію мѣстный, украинскій колоритъ, долженъ былъ обращаться къ народному языку. Затѣмъ послѣдній находитъ себѣ извѣстную поддержку и въ господствующей литературной модѣ—въ псевдоклассическихъ теченіяхъ, господствующихъ въ великорусскомъ и украинскомъ обществѣ во второй половинѣ XVIII в. Самъ по себѣ враждебный народности, ложноклассицизмъ, однако, признавалъ простонародный элементъ въ комическомъ и идиллическомъ родѣ, а его неизбѣжными спутниками являлись пародіи и передѣлки псевдоклассическихъ сюжетовъ на простонародный ладъ. Знаменитая пародія Котляревскаго не была ни единственнымъ, ни даже самымъ раннимъ украинскимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ. Такъ, упомянутый уже Аѳ. Лобысевичъ, прося у Григ. Конисскаго копій академическихъ интермедій 1740-хъ гг. для изданія, посылаетъ взамѣнъ свои передѣлки Виргиліевыхъ эклогъ за украинскій ладъ (1794). Высокая оцѣнка, какую онъ даетъ при этомъ украинскимъ интермедіямъ, является интереснымъ показателемъ вкусовъ и интересовъ современной украинской интеллигенціи, къ высшимъ слоямъ которой, по образованію и общественному положенію, принадлежалъ Лобысевичъ. Очевидно, наряду съ большинствомъ, склонныхъ смотрѣть на народныя произведенія, какъ на вещи просто забавныя, а не настоящую литературу, существовали люди, смотрѣвшіе на эти произведенія серьезнѣе и глубже и придававшіе имъ весьма высокое (даже преувеличенное) значеніе, какъ грядущей славѣ «своего отечества»—«чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей». Первое талантливое произведеніе, изданное и доступное широкому обращенію, должно было поддержать эту увѣренность и научить широкую публику относиться къ народному творчеству съ извѣстнымъ уваженіемъ. Примѣръ того же Лобысевича, съ такимъ трудомъ старавшагося достать копію такого громкаго произведенія, какъ академическая пьеса Конисскаго, показываетъ ясно, какимъ страшнымъ тормазомъ въ развитіи украинскаго творчества было отсутствіе печатныхъ изданій украинскихъ произведеній, созданное цензурными запрещеніями. Рядъ талантливыхъ произведеній на народномъ языкѣ, появляющихся въ печати въ послѣднихъ годахъ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в., съ знаменитою «Энеидою» Котляревскаго во главѣ, случайно отпечатанной украинскимъ меценатомъ (1798), поэтому должно было составить эпоху въ украинской жизни—и дѣйствительно составило ее. Къ народному языку обращаются все болѣе и болѣе серьезно, какъ къ наиболѣе сильному выраженію украинофильскихъ настроеній, какъ къ наилучшему средству общенія со своимъ народомъ, своими земляками, какъ къ своему національному знамени, наконецъ.

Этотъ поворотъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Народный языкъ, утраченный уже интеллигенціей и сохраненный только народомъ, былъ моментомъ, обратившимъ сознательную украинскую интеллигенцію къ народу, какъ носителю національнаго элемента, послѣ вѣкового отчужденія

отъ него. Научивъ ее цѣнить и уважать не только самый языкъ, но и его обладателя, онъ послужилъ могущественнымъ толчкомъ къ взаимному сближенію, къ разрушенію рокового средостѣнія, созданнаго своими грѣхами и чужими вліяніями Языкъ рѣшилъ судьбу украинскаго возрожденія, возстановивъ разорванную связь интеллигенціи съ народомъ, открывъ дорогу къ народной душѣ, къ сближенію съ ней: языку была обязана Украина тѣмъ, что ея украинофильство не ограничилось собираніемъ произведеній народной словесности, составленіемъ грамматикъ и словарей, а перешло въ настоящее національное возрожденіе.

Съ этой точки зрѣнія первыя литературныя произведенія, вызвавшія серьезное вниманіе къ народному языку и послужившія началомъ серьезной литературной обработки его, независимо отъ чисто своихъ литературныхъ достоинствъ, составили эпоху въ исторіи украинскаго народа [1]).

Культъ народности и козацкій романтизмъ. Начатки народности.

Отмѣченное обращеніе къ народному языку, въ значительной степени стихійное, мало сознательное, находитъ свое истолкованіе и санкцію въ идеяхъ народности и романтическомъ увлеченіи послѣднею, распространявшихся со второй четверти XIX в. въ обществѣ украинскомъ, равнокакъ въ польскомъ и великорусскомъ, и въ совпадающихъ съ ними отзвукахъ славянскаго возрожденія, въ значительной степени поддержаннаго этимъ романтическимъ культомъ народности. Начавшееся въ Англіи, еще въ первой половинѣ XVIII в., это обращеніе къ народности начинаетъ воздѣйствовать на славянскія земли съ концомъ XVIII в., главнымъ образомъ, черезъ литературу нѣмецкую, въ которой идеи народности начинаютъ культивироваться и пропагандироваться преимущественно съ послѣдней четверти XVIII вѣка. Переходя въ славянскую среду, онѣ встрѣтились здѣсь съ подобными же полустихійными національными теченіями, какія мы видимъ въ украинскомъ обществѣ конца XVIII в., и поддерживаютъ ихъ, сообщая извѣстную моральную санкцію; въ этомъ же направленіи воздѣйствуютъ національныя движенія наполеоновской эпохи, а затѣмъ начинаются взаимодѣйствія національнаго пробужденія у разныхъ славянскихъ народностей. Выше, говоря о воздѣйствіи этихъ идей въ сферѣ украинскихъ изученій, я отмѣтилъ особенный ростъ интересовъ къ народной словесности, къ историческимъ традиціямъ, къ народному быту. «Народность» становится боевымъ кличемъ, предметомъ восторженнаго культа; въ ея идеяхъ находитъ себѣ, такъ сказать, теоретическое истолкованіе обращеніе къ народной стихіи, развивающееся среди украинскаго общества. Примѣры другихъ славянскихъ народностей помогаютъ ему оріентироваться въ задачахъ и потребностяхъ національнаго возрожденія, переводя интересы къ народной жизни изъ области чисто

---

[1]) Подробнѣе см. ниже въ обзорѣ украинской литературы первой пол. XIX в.

литературной и научной въ сферу общественныхъ и политическихъ вопросовъ.

Само обращеніе къ народной словесности, къ изученію народной жизни создавало чрезвычайно важныя послѣдствія для украинскаго возрожденія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Украинскій народъ оказывался обладателемъ несравненныхъ сокровищъ поэзіи, творцомъ произведеній, которыя по силѣ и красотѣ можно было не только смѣло поставить на ряду съ наилучшими образцами народной поэзіи Европы,—они, какъ доказывали романтики народности, выдерживали сравненіе даже съ наиболѣе выдающимися произведеніями литературнаго творчества. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе это открытіе должно было произвести въ наиболѣе чуткихъ и вдумчивыхъ представителяхъ украинской интеллигенціи. Эта послѣдняя дѣлала усилія оторваться отъ народной почвы, чтобы достигнуть вершины культурности, войти въ сферы, причастныя современному культурному движенію—а это послѣднее, въ произведеніяхъ, составлявшихъ послѣднее слово современной европейской мысли, отсылало ее въ народъ, въ украинское село, указывая на высокія культурныя сокровища, оставшіяся тамъ, подъ убогими «стріхами» украинскихъ «кріпаків». Эта сѣрая, безыменная народная масса, порабощенное и угнетенное простонародье, на которое склонна была смотрѣть такъ презрительно украинская интеллигенція съ высоты своего невысокаго европеизма, являлось не только обладателемъ, но и творцомъ, по тогдашнимъ представленіямъ, произведеній, составлявшихъ честь и гордость націи. Народъ становился носителемъ высшей красоты и правды жизни; возможное приближеніе къ къ нему, къ его сокровищницамъ творчества, эстетической и нравственной красотѣ—руководящею идеею творчества.

Прежде всего это создавало новое оживленіе въ литературѣ. Наряду съ трудами, направленными на собираніе произведеній народнаго творчества, на изученіе народной жизни, появляется рядъ произведеній на украинскомъ языкѣ, изображающихъ народную украинскую жизнь, симпатичныя стороны народнаго характера, сокровища чувства и благородства, таящіяся въ народной душѣ, и многочисленныя произведенія великорусской и польской литературы, обрабатывающія украинскія темы изъ прошлаго и настоящаго (такъ называемая «украинская школа» въ польской литературѣ, плеяда писателей, обрабатывавшихъ украинскія темы, съ Гоголемъ во главѣ, въ великорусской литературѣ). Но начавшееся такимъ образомъ на почвѣ языка и литературнаго творчества, сближеніе съ народными массами не ограничивалось чисто литературною областью. Оно постепенно вводило представителей украинской интелигенціи въ пониманіе политическихъ и соціальныхъ условій народной жизни. Первоначальный, довольно стихійный демократизмъ, сопровождавшій уже первыя попытки творчества на народномъ языкѣ, такимъ образомъ, углублялся и дѣлался болѣе сознательнымъ.

Традиціи козацкой эпохи, жившія среди интеллигенціи и весьма еще жизненныя въ то время и среди народныхъ массъ, сослужили также

немалую службу своею амальгамою національно-политическихъ и соціальныхъ мотивовъ. Козацкая эпоха не одинаково преломлялась въ сознаніи украинской старшинской интеллигенціи и народныхъ массъ; если для первой это была борьба украинскаго шляхетства за свои историческія права и вольности, которыхъ ее котѣла лишить шляхта польская, то для народныхъ массъ это была борьба за эмансипацію отъ «пана» вообще, безотносительно къ его національности. Огромная дистанція съ этой точки зрѣнія лежитъ между шляхетскимъ романтизмомъ «Исторіи Руссовъ», съ одной стороны, и народными думами о возстаніи Хмельницкаго или думою о Ганжѣ Андыберѣ, съ ея соціальнымъ радикализмомъ. И въ этомъ послѣднемъ направленіи эволюціонируетъ историческій романтизмъ украинской интеллигенціи подъ вліяніемъ сближенія съ народнымъ творчествомъ и народнымъ пониманіемъ исторической традиціи. Козацко-гайдамацкій романтизмъ Шевченка, перваго періода его творчества, возсоздающій прошлое именно въ духѣ народной, радикально-соціальной традиціи, и принятый въ восторгомъ украинской интеллигенціею, не только какъ чудная панорама прошлаго, но и какъ воплощеніе національныхъ настроеній и пожеланій—вѣнчаетъ эту эволюцію. Художественное и историческое возсозданіе украинскаго прошлаго, козацкой эпохи въ особенности, съ этихъ поръ является одною изъ формъ раскрытія украинскаго демократизма. Проблески участія къ тяжелому соціально-экономическому положенію народныхъ массъ, проглядывающаго уже съ первыхъ страницъ возрождающейся украинской литературы, съ концомъ первой четверти начинаютъ переходить въ вполнѣ сознательные взгляды на соціальное и политическое положеніе народа, въ первыя основы соціальной и политической програмы украинства.

Такова общая схема движенія украинской мысли, осуществляющагося въ области научныхъ изученій и въ сферѣ литературнаго творчества. Въ этомъ направленіи движется оно въ лѣвобережной Гетманщинѣ, въ мелкихъ центрахъ и панскихъ резиденціяхъ Полтавщины, въ кружкахъ обѣихъ столицъ (въ особенности Петербурга конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ гг.), въ особенности—въ харьковскихъ кружкахъ, гдѣ съ концомъ 1820-хъ гг. складывается вполнѣ сознательная группа, довольно многочисленная и, наконецъ, въ началѣ 1840-хъ гг. она вѣнчается первыми книжками стихотвореній Шевченка его перваго, петербургскаго періода творчества [1]).

Національное движеніе въ Галиціи.

Въ противоположность восточной Украинѣ, гдѣ доминирующее положеніе въ движеніи національныхъ взглядовъ и настроеній играетъ литературное и научное творчество, въ западной, при отсутствіи чисто литературныхъ интересовъ, толчокъ національному движенію давали вопросы жизни. Вопросъ о преподавательскомъ

[1]) Объ украинскихъ изученіяхъ первой пол. XIX в. см. въ первомъ отдѣлѣ этого тома.

*

языкѣ въ народныхъ школахъ, изъ которыхъ польская шляхта стремилась вытѣснить окончательно украинскій языкъ, замѣнивъ его польскимъ, послужилъ поводомъ къ первымъ вполнѣ опредѣленнымъ выступленіямъ съ украинской стороны въ защиту своихъ національныхъ правъ и интересовъ. Въ 1816 г. уніатскій митрополитъ галицкій Левицкій, по иниціативѣ каноника Могильницкаго, виднѣйшаго изъ представителей новаго, образованнаго и національно настроеннаго духовенства, обратился къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи преподаванія на русинскомъ языкѣ во всѣхъ народныхъ школахъ. Когда же школьная комиссія постановила извѣстное намъ рѣшеніе, оставивъ лишь право устройства параллельныхъ украинскихъ школъ, митрополитъ внесъ протестъ противъ такого отношенія къ русинскому языку. Могильницкій въ связи съ этимъ приготовилъ записку въ защиту полноправности и важности русинскаго (украинскаго) языка (1822) и затѣмъ развилъ изложенныя тутъ мысли въ своемъ трактатѣ «Вѣдомость о русскомъ язицѣ» [1]) — первомъ ученомъ трактатѣ въ защиту украинскаго языка. По его же иниціативѣ было основано въ Перемышлѣ первое украинское общество для распространенія просвѣщенія среди народа на народномъ языкѣ; оно, впрочемъ, на первыхъ же порахъ, не смотря на свой чуждый всякаго радикализма, вполнѣ клерикальный характеръ, встрѣтило сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны польскаго духовенства и ополяченныхъ базиліанъ и заглохло. Гораздо успѣшнѣе были старанія духовенства, руководимаго тѣмъ же Могильницкимъ, въ дѣлѣ основанія народныхъ церковныхъ школъ, которыми приходилось возмѣщать утрату оффиціальной народной школы, получившей польскій характеръ. Въ короткое время была создана значительная сѣть начальныхъ (приходскихъ) и низшихъ, такъ называемыхъ тривіальныхъ школъ; для приготовленія учителей была организована учительская семинарія въ Перемышлѣ. Для потребностей этой новой школы составлялись учебники, и тутъ выдвинулся вопросъ о языкѣ, который долженъ былъ служить и органомъ преподаванія и предметомъ послѣдняго. На очереди стали жгучіе вопросы объ отношеніи книжнаго языка къ народному и о роли этого послѣдняго. Въ 1830-хъ гг. вопросы эти вызываютъ извѣстную уже намъ полемику о народномъ и традиціонномъ, церковнославянскомъ элементѣ въ литературномъ и преподавательскомъ языкѣ. О ея филологической сторонѣ была рѣчь выше, но ею не исчерпывалось значеніе этой полемики: за чисто формальной, филологической стороной стояли вопросы болѣе реальные — объ отношеніи къ народной жизни, къ народному элементу вообще, къ историческому прошлому народа и его національной программѣ. А то или другое отношеніе къ народной стихіи предрѣшало то или другое направленіе національной жизни. Должны ли галицкіе Русины положить въ основаніе церковно-славянскую традицію и считать себя участниками той культуры и общественности, которая была склонна считать себя по

---

[1]) Въ этомъ „этимологическомъ правописаніи" ѣ читалось какъ и.

преимуществу преемницей старорусскихъ культурныхъ и политическихъ традицій—государственной россійской? Или, опираясь на живомъ народномъ элементѣ, они должны искать общенія съ тѣмъ движеніемъ, которое исходитъ отъ того же этнографическаго начала, — примкнуть къ народному украинскому движенію восточной Украины? Въ то время, когда разгоралась эта филологическая полемика въ Галиціи, въ 1830 и 1840-хъ гг., народная литература восточной Украины могла уже похвалиться рядомъ замѣтныхъ изданій и произведеній, свидѣтельствовавшихъ о полной возможности литературной обработки народнаго языка; они служили примѣромъ и аргументомъ для поборниковъ народной стихіи. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали успѣхи національнаго возрожденія у другихъ обиженныхъ исторической судьбою славянскихъ народностей, обратившихся къ народной стихіи, какъ могущественному средству возрожденія народа. Этими идеями вдохновленъ былъ кружокъ молодыхъ студентовъ богословія львовскаго университета, съ знаменитой «троицей» во главѣ (Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Ив. Вагилевичъ), сыгравшей роль піонеровъ народной литературы въ Галиціи. Подъ вліяніемъ литературныхъ произведеній и научныхъ опытовъ восточной Украины и другихъ славянскихъ земель, а также революціонной пропаганды среди мѣстной польской молодежи, проникнутой въ значительной степени народническимъ и прогрессивнымъ духомъ и находившей живой отзвукъ въ мѣстной украинской молодежи, — этотъ кружокъ также занимается изученіемъ исторіи и словесности, собираетъ этнографическій матеріалъ и пробуетъ свои силы на народномъ языкѣ, стремясь ввести его въ церковный и культурный обиходъ.

Но противъ этихъ теченій рѣшительно возстала консервативно настроенная духовная власть—обстоятельство очень неблагопріятное, въ виду того, что движеніе развивалось среди молодого духовенства, все еще составлявшаго единственную украинскую интеллигенцію. На сторонѣ духовныхъ властей оказались и мѣстная австрійская администрація, и центральное правительство. Враждебно настроенныя ко всякимъ проявленіямъ панруссизма, они не умѣли на этотъ разъ оцѣнить значеніе украинскаго народнаго движенія, какъ протеста противъ объединительныхъ тенденцій. Близорукій консерватизмъ тогдашней реакціи бралъ верхъ надъ всѣми иными соображеніями. Имѣя достаточно хлопотъ съ польскимъ національнымъ движеніемъ, враждебно настроеннымъ къ австрійскому господству, администрація, не входя глубже въ національныя стремленія Украинцевъ, боялась новыхъ затрудненій съ оживленіемъ русинскаго населенія, національныхъ треній и конфликтовъ. Никакихъ новшествъ—становится руководящимъ лозунгомъ офиціальныхъ сферъ по отношенію къ украинской жизни. Довѣренный совѣтникъ правительства въ этихъ вопросахъ Копитаръ, въ качествѣ горячаго австрійскаго патріота, чрезвычайно неблагопріятно относившійся къ панруссизму и поддерживавшій стремленіе къ народной украинской стихіи, совѣтовалъ, съ своей стороны, обезопасить австрійскихъ Украинцевъ отъ вліяній

россійской Украины; результатомъ его представленій было послѣдовавшее въ 1822 г. воспрещеніе ввоза въ Австрію книгъ церковной и гражданской печати. Невиннѣйшій альманахъ «Зоря», составленный кружкомъ Шашкевича, попавъ въ руки Копитара для цензуры, былъ отосланъ имъ для большей надежности на заключеніе митрополита и подвергся запрещенію. Послѣ этого свой новый сборникъ «Русалка Днѣстрова», составленный изъ народныхъ пѣсенъ и собственныхъ литературныхъ опытовъ еще болѣе осторожно, чѣмъ «Зоря», кружокъ Шашкевича издалъ въ Пештѣ, чтобы избѣгнуть австрійской цензуры, но во Львовѣ книга была затѣмъ цѣликомъ конфискована, и только въ 1848 г. добились ея выдачи. Специальная цензура, по совѣту того же Копитара учрежденная для украинскихъ изданій во Львовѣ и порученная одному изъ наиболѣе реакціонно настроенныхъ представителей уніатскаго духовенства Бенед. Левицкому, съ величайшею подозрительностью относилась ко всему, что нарушало чѣмъ нибудь традиціи мертвенной церковной жизни эпохи упадка. Я отмѣтилъ уже [2]) характерныя соображенія, которыми мотивировалось запрещеніе грамматики Лозинскаго за ея стремленія реформировать языкъ въ народномъ духѣ, такъ какъ они нарушаютъ «основную черту русинскаго характера—консервативность». Лойяльнѣйшія и клерикальнѣйшія произведенія, до похвальныхъ одъ въ честь династіи включительно, конфисковались, потому что не были написаны достаточно архаическимъ языкомъ или напечатаны гражданскимъ, а не церковнымъ шрифтомъ. Скромнѣйшія сочиненія на историческія темы на всякій случай отдавались на просмотръ Полякамъ, «чтобы предотвратить тренія между обѣими сторонами» (держаться такихъ же предосторожностей по отношенію къ сочиненіямъ, выходившимъ съ польской стороны, не считали нужнымъ — онѣ примѣнялись только къ украинской). Все, что хотя бы отдаленно намекало на оппозицію, или просто на свѣтскій духъ среди молодого духовенства, подвергалось суровымъ карамъ. Новое движеніе было придавлено—именно въ тотъ моментъ, когда въ восточной Украинѣ оно входило какъ разъ въ новую, блестящую фазу своего развитія: это не предвѣщало прочности реакціоннымъ успѣхамъ [1]).

[2]) См. выше, въ обзорѣ украинскихъ изученій.

[1]) Для начатковъ украинскаго національнаго движенія въ Галиціи множество статей во львовскихъ „Запискахъ наук. тов. Шевченка", „Укр.-Рус. Архивъ", III—V, „Збірник іст.-фил. секціи", V, Свѣнцицкій—„Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую полов. XIX в.". Также въ этомъ изданіи, въ обзорѣ литературы.

Кирилло-Меѳодіевское братство.

Одною изъ особенно цѣнныхъ и симпатичныхъ сторонъ въ воздѣйствіяхъ идей славянскаго возрожденія на движеніе украинской мысли была идея славянскаго федерализма, какъ выводъ изъ идей славянской взаимности, равноправія и самоопредѣленія славянскихъ народностей. Ея сочетанія съ болѣе близкими славянскими тра-

диціями — историческимъ федерализмомъ польско-литовскимъ или польско-литовско-украинскимъ, пропагандировавшимися въ польскихъ революціонныхъ кругахъ, и отдаленными, но все же достаточно сильными реминисценціями стремленій украинскихъ автономистовъ XVII — XVIII в., мечтавшихъ о различныхъ уніяхъ и союзахъ гарантировавшихъ политическую автономію Украинѣ, въ польско-украинскихъ и великорусско - украинскихъ кружкахъ первой половины XIX в. давали толчокъ политической мысли и открывали перспективы, представлявшіяся выходомъ изъ тяжелаго положенія, въ которомъ очутился украинскій народъ, украинская жизнь. Тяжелый цензурный режимъ, съ одной стороны, съ другой — глубокая политическая прострація, характеризующая преобладающее большинство украинскаго общества того времени, были причиною, что эта работа политической украинской мысли по большей части не вышла за предѣлы пріятельскихъ разговоровъ и осталась тайною ихъ участниковъ. До насъ дошли только глухіе слухи о существованіи въ 1820-хъ гг. тайнаго «малороссійскаго общества», стремившагося къ возстановленію независимости Украины и стоявшаго въ связи съ мѣстными «славянскими» масонскими организаціями, въ которыхъ принимали участіе Украинцы, Великороссы, Поляки. При всей неопредѣленности этихъ извѣстій, нельзя сомнѣваться въ томъ, что довольно широко распространенныя въ это время, идеи славянскаго и россійскаго федерализма, выразившіяся въ цѣломъ рядѣ федеральныхъ проектовъ, вплоть до знаменитой федеральной конституціи Ник. Муравьева, захватывали также и Украинцевъ и вызывали съ ихъ стороны поправки, вводившія Украину, какъ самостоятельнаго члена въ эти федеративные планы и гарантировавшія ей политическую независимость. Я выше упоминалъ о надеждахъ на возстановленіе стараго украинскаго строя, вызванныхъ организаціею козацкихъ полковъ въ 1831 г.: тогдашняго «малороссійскаго генералъ-губернатора» кн. Репнина совершенно серьезно подозрѣвали въ планахъ на гетманство, и это оживленіе традицій Гетманщины своеобразно сочеталось съ федералистическими планами славянофиловъ и сторонниковъ федерализаціи Россіи. Федерализмъ давалъ выходъ политическимъ стремленіямъ автономистовъ, давалъ аргументы противъ общепринятаго въ украинскомъ обществѣ взгляда о неспособности Украины къ самостоятельной политической жизни. «Отдѣльное существованіе Украины невозможно», пишетъ въ своей запискѣ одинъ изъ кирилломееодіевцевъ Бѣлозерскій, представитель лѣвобережной интеллигенціи; «единственное средство представляющееся уму и одобренное сердцемъ, для возвращенія народныхъ правъ, заключается въ соединеніи славянскихъ племенъ въ одну семью подъ охраненіемъ закона любви и свободы каждаго». И если у одныхъ съ этимъ соединялись, главнымъ образомъ, прекраснодушныя мечтанія о возстановленіи въ этой славянской федераціи первоначальнаго, чистаго христіанства и разрѣшенія соціальныхъ и политическихъ противорѣчій «закономъ любви», — то у другихъ, болѣе серьезно настроенныхъ участниковъ этихъ федеративныхъ плановъ съ ними неразрывно связывались проекты соціальныхъ и

политическихъ реформъ, дѣлающіе кирилло-меѳодіевцевъ родоначальниками и предшественниками современнаго прогрессивнаго украинства. Это то и даетъ право кирилло-меѳодіевскому братству на особое вниманіе въ исторіи украинской жизни, несмотря на эфемерность его существованія и весьма неполное выраженіе его идей въ произведеніяхъ непосредственныхъ его участниковъ.

Главными участниками и идейными вождями этого кружка являются Костомаровъ, Гулакъ, Шевченко и Кулишъ. Костомаровъ, представитель харьковскаго кружка, гдѣ славянскія вліянія были особенно сильны, не связанный съ украинскими традиціями непосредственно и обращенный къ украинскимъ изученіямъ и симпатіямъ вліяніями харьковскаго кружка, въ своихъ кирилло-меѳодіевскихъ планахъ исходилъ, главнымъ образомъ, изъ идей славянской взаимности. Въ этомъ же смыслѣ вліялъ на него и самъ дѣйствовалъ Гулакъ, славистъ по спеціальности. Наоборотъ, Шевченко и Кулишъ исходили изъ украинскихъ традицій, причемъ у Шевченка еще раньше, въ первый періодъ его творчества, подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ родной ему крестьянской среды и затѣмъ поддержанныхъ общеніемъ съ радикально настроенными элементами петербургскихъ кружковъ, какъ я уже отмѣтилъ, преобладали ноты соціальнаго радикализма; и теперь, при встрѣчѣ съ елейно настроенными славянофилами и лѣвобережными «малороссійскими патріотами», у него прорываются полныя ироніи замѣчанія по адресу панскаго прекраснодушія, спокойно пользовавшагося плодами крѣпостного права. Несомнѣнно, и въ кіевскомъ кружкѣ онъ представлялъ главнымъ образомъ точку зрѣнія соціальную, отчасти политическую и при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ славянскому возрожденію, съ рѣзкой критикой относился ко всякой елейности, проявившейся у болѣе благодушныхъ его земляковъ. Интересно, напр., сопоставить выпады Костомарова (въ его «Книгѣ бытія украинскаго народа») противъ французской революціи и философскаго раціонализма за отсутствіе христіанскаго духа, и идеализацію козачества, какъ сосуда истиннаго христіанства, съ подчеркиваніями соціальной стороны козацкихъ движеній въ произведеніяхъ Шевченка. Какъ теперь можно установить съ несомнѣнностью, идеи славянской федераціи кирилло-меѳодіевцевъ не представляли собой чего-либо оригинальнаго: онѣ были заимствованы у предшествовавшихъ тайныхъ обществъ, и, напр., у «Соединенныхъ Славянъ» 1820 гг. мы находимъ съ небольшими различіями тѣ же планы: федеративный союзъ славянскихъ народовъ, освобожденныхъ отъ «самовластія», замѣняемаго демократическимъ представительнымъ правленіемъ и объединенныхъ федеративнымъ конгрессомъ, управляющимъ общими дѣлами союза. Существенная поправка, тоже не впервые, вѣроятно, внесенная кирилло-меѳодіевцами, заключалась въ томъ, что въ числѣ славянскихъ народовъ у нихъ фигурируютъ и Украинцы, не считавшіеся за отдѣльное племя у великорусскихъ федералистовъ (но и у кирилло-меѳодіевцевъ Бѣлоруссы были посчитаны за одну національную группу съ Великороссами, а Словинцы съ Сербо-

Хорватами, такъ что всѣхъ національныхъ единицъ насчитывалось семь). Впрочемъ, съ принципомъ національнымъ и тутъ встрѣчался принципъ областной федераціи, оправдывавшійся несоизмѣримостью національныхъ областей, такихъ какъ напр. Лужицкая, съ одной стороны, и Великорусская или Украинская, съ другой. Систему представительства и управленія Костомаровъ въ своемъ воззваніи «братьямъ Украинцамъ» представлялъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Всѣ Славяне должны соединиться между собою, но такъ, чтобы каждый народъ составлялъ особенную Рѣчь Посполитую и управлялся не слитно съ другими, а такъ, чтобы каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство, чтобы существовалъ сеймъ или славянское собраніе, гдѣ бы сходились депутаты отъ всѣхъ республикъ славянскихъ и тамъ разсуждали бы и рѣшали дѣла, которыя относятся ко всему союзу славянскому; чтобы въ каждой республикѣ былъ правитель, избранный на время, и надъ цѣлымъ союзомъ былъ такой же правитель, выбранный на время». Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Костомарова находимъ указанія на планы двухпалатной системы представительства, раздѣлъ Галиціи на племенныя территоріи, причемъ украинская должна была войти въ составъ западно-украинскаго штата, а польская — въ составъ польскаго и т. п. Менѣе разработана была общественная сторона и планы осуществленія этой федераціи, и здѣсь, очевидно, наиболѣе расходились взгляды и настроенія участниковъ. Въ «Уставѣ» общества находимъ, напр., такія весьма общія и малоговорящія фразы: «Правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ Славянъ должны основываться на христіанской религіи». «При таковомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи». Въ «главныхъ правилахъ» немного опредѣленнѣе указано, что «общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности», за то тактика общества характеризуется такимъ образомъ: «какъ все общество въ совокупности, такъ и каждый членъ, должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія». Со всѣмъ этимъ плохо мирятся рѣзкія и энергическія настроенія музы Шевченка этого періода, и, вѣроятно, при дальнѣйшей разработкѣ плановъ общества и при томъ авторитетѣ и вліяніи, которое получилъ въ немъ позже Шевченко, и въ эту сферу, такъ сказать, практической политики внесено было бы также больше конкретности и опредѣленности. Но общество просуществовало слишкомъ недолго, чтобы различныя воззрѣнія его членовъ успѣли сойтись на извѣстныхъ среднихъ терминахъ: первыя мысли о немъ относятся къ началу 1846 г., лишь позже участникомъ ихъ является Шевченко, а весною 1847 г. общество уже было открыто, члены его арестованы и подверглись долговременному заключенію и ссылкамъ [1]).

[1]) Біографіи Шевченка, Костомарова и Кулиша—Кониского, Шенрока, Маковея; новѣйшая работа о кирилло-меѳодіевцахъ В. И. Семевскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1911, V—VI.

Движеніе украинской мысли, кульминирующееся въ планахъ кирилло-меѳодіевцевъ, немногимъ не сошлось съ «весною народовъ», и энтузіастамъ федераціи самостоятельныхъ славянскихъ народовъ пришлось быть свидѣтелями оживленія славянской жизни, вызваннаго движеніемъ 1848 г., плановъ переустройства Австріи въ свободную федерацію славянскихъ народовъ, ихъ автономіи и свободнаго національнаго развитія. Украинское общество, терроризированное печальною судьбою кирилло-меѳодіевскаго кружка и крайнею подозрительностью правительства ко всякимъ симптомамъ сочувствія европейскимъ революціоннымъ движеніямъ, избѣгало реагировать чѣмъ-нибудь на эти новыя перспективы. И въ западной Украинѣ, непосредственно захваченной этимъ движеніемъ, оно неизбѣжно преломлялось совершенно своеобразно, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ стояла украинская народность, отдѣленная отъ центральнаго правительства польскимъ, въ Венгріи мадьярскимъ, въ Буковинѣ румынскимъ средостѣніемъ.

Въ Галиціи польское общество стремится использовать этотъ моментъ, чтобы освободиться отъ опеки австрійскаго централизма, но элементъ украинскій мечтаетъ эмансипироваться отъ польскаго господства и не видитъ для этого другой опоры, кромѣ центральнаго правительства. Правда, нѣкоторая часть молодежи и теперь и раньше захватывалась польскимъ революціоннымъ движеніемъ; однако, революціонная Польша отнюдь не отрекалась отъ своихъ украинскихъ провинцій, особенно западныхъ, и было совершенно очевидно, что за неопредѣленными обѣщаніями разныхъ свободъ и вольностей стоитъ сохраненіе польской супрематіи надъ украинскимъ элементомъ. Такимъ образомъ, не только одинъ косный консерватизмъ церковныхъ и чиновничьихъ круговъ, но и болѣе реальныя національныя и политическія соображенія толкали украинское общество къ союзу съ центральнымъ правительствомъ и ея представительницею—австрійскою администраціею Галиціи, искавшею опоры въ украинскомъ элементѣ противъ польскаго революціоннаго движенія. Съ паденіемъ польскаго шляхетскаго режима галицкіе Украинцы дѣйствительно могли связывать больше надеждъ, чѣмъ съ эмансипацією отъ австрійскихъ вліяній, которымъ какъ разъ они были обязаны нѣкоторымъ улучшеніемъ положенія. Поэтому они съ полною готовностью откликнулись на призывъ австрійской администраціи. Не безъ участія тогдашняго австрійскаго намѣстника Стадіона, о которомъ Поляки впослѣдствіи говорили, что это онъ «изобрѣлъ» Русинъ въ Галиціи въ 1848 г.,—началась политическая организація украинскаго элемента: былъ основанъ политическій клубъ «Головна Рада» и начала выходить газета «Зоря Галицька», какъ органъ политическихъ и національныхъ стремленій галицкихъ Русинъ.

Въ виду того, что австрійское

правительство заявляло полную готовность поддерживать стремленія галицкихъ Украинцевъ къ своему національному самоопредѣленію и всякія неблагопріятныя давленія исчезли, украинское общество Галиціи беретъ довольно рѣшительный національный тонъ. Упомянутая «Головна Рада» и созванный осенью того же года такъ называемый «Собор руских учених», точнѣе національный украинскій конгрессъ, поставили цѣлый рядъ весьма раціональныхъ требованій и резолюцій, во многомъ предвосхитившихъ позднѣйшую программу украинскаго національнаго движенія; таковы были требованія, чтобы Галиція была раздѣлена на двѣ національныя территоріи; точнѣе — чтобы польскія провинціи были отдѣлены отъ исконно украинской Галиціи; чтобы въ школахъ введено было преподаваніе на украинскомъ (русинскомъ) языкѣ. Рѣшено было организовать просвѣтительное учрежденіе по образцу чешской «Матицы» для подъема и развитія украинской культурной жизни; выработать единообразную грамматику и правописаніе для «руского», т. е. украинскаго языка, чтобы отграничить его съ полною опредѣленностью отъ языка польскаго, съ одной стороны, и великорусскаго — съ другой, какъ языкъ особый и самостоятельный, связующій въ одно цѣлое украинскія земли Россіи и Австріи.

Австрійское правительство съ своей стороны заявляло рѣшимость итти на встрѣчу стремленіямъ украинскаго народа къ его политической и соціальной эмансипаціи и національной автономности. Большое и чрезвычайно радостное впечатлѣніе среди украинскаго населенія произвела послѣдовавшая въ томъ году отмѣна «панщины»—крѣпостной зависимости крестьянъ и ихъ барщинныхъ работъ; бодрящее впечатлѣніе вызвалъ призывъ со стороны правительства къ организаціи украинской національной гвардіи въ противовѣсъ революціоннымъ польскимъ организаціямъ. Правительство обѣщало отдѣлить украинскую Галицію отъ польскихъ земель и придать ей вполнѣ украинскій характеръ, ввести украинское преподаваніе въ средней и высшей школѣ, и т. д. Намѣренія эти, дѣйствительно, были искренни — политическіе интересы Австріи несомнѣннымъ образомъ совпадали съ національными стремленіями украинскаго населенія; вопросъ о размежеваніи національныхъ территорій польской и украинской трактовался вполнѣ серьезно, и въ 1850 г. былъ изданъ законъ, размежевывавшій Галицію, только не на двѣ, а на три территоріи — восточную украинскую, центральную смѣшанную и западную польскую, причемъ были сохранены нѣкоторыя связи, объединявшія всѣ три части въ одно цѣлое (однако, и въ этомъ смягченномъ видѣ, къ сожалѣнію, это размежеваніе не было осуществлено).

Опасная сторона этихъ новыхъ отношеній заключалась въ томъ, съ одной стороны, что при офиціальномъ характерѣ украинскаго національнаго движенія оно пріобрѣло крайне іерархическій характеръ: во главѣ его стали іерархическіе и бюрократическіе элементы, при посредствѣ которыхъ велись сношенія съ администраціею и правительствомъ; крайне консервативные, реакціонные по существу, они не могли содѣйствовать росту прогрессивныхъ силъ и скоро задавили все

свѣжее и возрождающее въ новомъ движеніи, когда правительство перестало своимъ вліяніямъ поддерживать чисто народные національные элементы движенія. Съ другой стороны, неблагопріятно было само это базированіе національнаго движенія на чисто внѣшней, правительственной поддержкѣ, на которую возлагались всѣ надежды, отъ которой надѣялись всѣхъ благъ, за цѣну своей лояльности и предупредительности, а не отъ организаціи народныхъ силъ, не отъ развитія своей національной энергіи. Это приготовило совершенно неожиданное оадение этого національнаго движенія, когда австрійское правительство, подавивъ революціонныя движенія и уже не нуждаясь болѣе въ содѣйствіи украинскаго элемента, не считало нужнымъ поддерживать его въ національныхъ стремленіяхъ и вообще все менѣе и менѣе стало интересоваться его судьбами. Клерикальные и бюрократическіе элементы, игравшіе роль вождей и представителей украинскаго народа, и его «интеллигенція», на 9/10 состоявшая изъ священниковъ и съ своей стороны смотрѣвшая на митрополита съ его соборнымъ капитуломъ, какъ на единственныхъ вождей народа—почувствовали себя безсильными и безпомощными, когда правительство отвратило отъ нихъ свою милостивую руку и стало отдаваться снова вліяніямъ реакціонныхъ, клерикально-шляхетскихъ элементовъ. Смѣнивъ тактику фронды на безграничную лояльность по отношенію къ династіи и правительству, подъ вліяніемъ горькихъ опытовъ 1848 г., и снискавъ довѣріе двора, польская шляхта скоро захватила въ свою руку управленіе края и воспользовалась этимъ положеніемъ, чтобы всячески оттѣснить и лишить всякаго вліянія украинскую интеллигенцію въ мѣстной жизни и въ центральныхъ сферахъ. Недавно опубликованная записка гр. Голуховскаго, перваго намѣстника-Поляка, которому Поляки были обязаны «национализаціею» управленія края и созданіемъ новаго, еще болѣе прочнаго польскаго средостѣнія между центральнымъ правительствомъ и украинскимъ элементомъ, даетъ чрезвычайно интересную характеристику тѣхъ пріемовъ, которыми пользовались вліятельные представители польской шляхты для того, чтобы разрушить представленія о преданности Австріи и ея династіи Русиновъ, этихъ «восточныхъ Тирольцевъ», какъ ихъ называли за лояльность, проявленную ими въ 1848 г. [1]). Самымъ трагическимъ образомъ именно консервативные и клерикальные круги русинской интеллигенціи, пользовавшіеся особымъ благоволеніемъ австрійскихъ бюрократическихъ круговъ и выступавшіе въ качествѣ признанныхъ представителей галицкаго украинскаго населенія, давали поводъ къ инсинуаціямъ и подозрѣніямъ въ тяготѣніи къ Россіи и православію своимъ отвращеніемъ къ народному языку, своими симпатіями къ «высокому стилю» великорусской письменности временъ очаковскихъ и покоренія Крыма, наконецъ, своимъ расположеніемъ къ Николаевской Россіи, къ побѣдоносному Россу, сокрушившему «кичливаго Ляха», этого наслѣдственнаго врага галицкой Руси, кото-

[1]) См. статью Ив. Кревецкаго въ журналѣ „Літ Наук. Вістник“, 1911, VII: „З секретів польскої політики в Галичині в 60 і 70—х рр.“.

рую эти клерикальные и реакціонные галицкіе русинскіе элементы охотно отождествляли съ оффиціальной народностью Николаевской Россіи.

Также своеобразно преломились событія 1848 г. въ жизни двухъ другихъ украинскихъ провинцій Австріи—Буковины и Угорской Украины, въ каждой по своему. Въ Буковинѣ возможность національнаго самоопредѣленія, открывшаяся съ этими событіями, послужила поводомъ къ первому проявленію національнаго расхожденія между ея двумя главными народностями — украинской и румынской. Между тѣмъ какъ румынскіе депутаты перваго парламента выступили съ пожеланіями объ отдѣленіи Буковины отъ Галиціи, съ которой она находилась тогда въ соединеніи, и въ дальнѣйшей послѣдовательности — присоединеніи ея къ румынскимъ территоріямъ Венгріи, украинскіе депутаты настаивали на дальнѣйшемъ соединеніи съ Галиціей. Поднятъ былъ вопросъ и о раздѣлѣ Буковины на національныя территоріи, противъ чего также возставали Румыны, представляя Буковину, такъ сказать, румынскимъ достояніемъ. Вообще эти бурные годы расшевелили венгерскія и дунайскія румынскія земли, болѣе развитыя національно, и подняли національное сознаніе среди достаточно коснаго и темнаго мѣстнаго румынскаго населенія. Среди украинскаго населенія такихъ національно-сознательныхъ элементовъ еще не было. Ихъ оппозиція Румынамъ имѣла совершенно стихійный характеръ, какъ и аграрныя движенія противъ Румынъ-помѣщиковъ, возникшія въ 1848 г., и вся надежда возлагалась на администрацію и правительство.

Угорскимъ Украинцамъ пришлось пережить въ эти годы наиболѣе сильныя потрясенія. Когда возстаніе Венгровъ противъ австрійскаго режима—единственное серьезное движеніе въ австрійскихъ земляхъ, въ сравненіи которымъ революціонныя попытки Поляковъ были дѣтской игрой,—было подавлено русскими войсками весною 1849 г., предъ землями венгерской короны, въ томъ числѣ и предъ угорскими Украинцами, казалось, открывалась новая будущность. Среди нихъ оказался человѣкъ выдающейся энергіи, которому, какъ можно было думать, предстояло сыграть большую роль—Адольфъ Добрянскій, горячій сторонникъ панруссизма, теоріи «единства русскаго народа», говоря теперешней терминологіей. Во время движенія 1848 г. онъ принужденъ былъ покинуть Венгрію и проживалъ въ Галиціи, откуда явился съ русской арміей, при которой былъ назначенъ имперскимъ австрійскимъ комиссаромъ. Подъ его вліяніемъ венгерскіе Украинцы рѣшились выступить активно со своими національными постулятами; высланная ими депутація предложила императору записку, гдѣ ходатайствовалось о выдѣленіи украинской территоріи въ отдѣльные комитаты (разграниченіе комитатовъ соотвѣтственно національнымъ территоріямъ,) о замѣщеніи правительственныхъ должностей Украинцами, о введеніи ихъ языка въ административное дѣлопроизводство и преподаваніи на томъ же языкѣ въ низшихъ и среднихъ школахъ на ихъ территоріи (dass in Volksschulen ruthenischer Ortschaften die ruthenische Sprache Unterrichtssprache und Gegenstand des Unterrichts sei, in den Gegenden wo die Ruthe-

nen compact beisammen wohnen an gelegenen Orten Gymnasien) учрежденіи въ Унгварѣ «русинской» (ruthenischer) Академіи и т. п. Эти ходатайства тогда были приняты весьма благосклонно, и императоромъ даны были вполнѣ благопріятныя обѣщанія. Добрянскій былъ назначенъ намѣстникомъ (великимъ жупаномъ) четырехъ главныхъ комитатовъ съ украинскимъ населеніемъ и началъ вводить въ дѣлопроизводство языкъ русинскій (по крайней мѣрѣ, по имени), въ унгварской гимназіи введено преподаваніе на томъ же языкѣ. Закарпатскіе Украинцы готовы были считать все это началомъ новой эпохи въ жизни края. Но всѣ эти успѣхи были непрочны; руссофильство Добрянскаго и его послѣдователей обратилось противъ него, какъ только прошелъ кризисъ. Венгерская аристократія, вернувъ себѣ вліяніе, подъ впечатлѣніями русской оккупаціи прежде всего обратила всю свою энергію противъ всего, что могло грозить панруссизмомъ. Добрянскій, очень скоро перемѣщенный со своего намѣстничества на другую должность, былъ затѣмъ вовсе устраненъ отъ административной дѣятельности, а послѣдователи Добрянскаго, подъ именемъ русинской тяготѣвшіе къ великорусской государственной стихіи и подмѣнивавшіе ею мѣстную украинскую (ruthenisch),—давали на каждомъ шагу поводы къ обвиненіямъ въ этомъ смыслѣ. Все что отдаленно хотя бы дышало руссофильствомъ, было окружено самымъ подозрительнымъ надзоромъ, всяческими стѣсненіями. А такъ какъ подъ вліяніемъ Добрянскаго и подъ впечатлѣніями русской оккупаціи руссофильствомъ въ большей или меньшей мѣрѣ была проникнута вся такъ называемая интеллигенція угорской Украины, и мѣстная стихія казалась ей слишкомъ тѣсной, жалкой и недостойной культурной обработки, то въ результатѣ получился полный застой въ національной области, паденіе вообще всякой культурной жизни и затѣмъ—все усиливающееся поглощеніе государственной венгерской стихіей убогихъ всходовъ мѣстной интеллигенціи [1]).

Реакція 1850—1860-хъ г.г.

Въ концѣ концовъ, послѣ тѣхъ успѣховъ и надеждъ, какія дали въ разныхъ частяхъ Украины и въ разныхъ сферахъ ея жизни сороковые годы (ихъ вторая половина), пятидесятые оказались періодомъ затишья, упадка, антракта на всемъ пространствѣ украинской жизни — особенно первая половина 1850-хъ гг. Въ Россіи и Австріи царила жестокая реакція—въ Австріи она продержалась еще дольше, уже послѣ того, какъ новое царствованіе и печальный финалъ Крымской войны вызвали въ Россіи въ концѣ 1850-хъ гг. крупный поворотъ въ сторону либеральной политики. Результатомъ этого общаго реакціоннаго направленія было сильнѣйшее паденіе національной жизни въ украинскомъ обществѣ.

Въ Россіи, послѣ того какъ раз-

[1]) Кромѣ указаннаго выше см. еще О. Терлецкаго „Галицко-руське письменство 1848—1865“ (1903); много статей въ „Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка“.

ромъ кирилло-меѳодіевскаго братства разогналъ, расточилъ и лишилъ возможности всякой дѣятельности наиболѣе энергичныхъ, талантливыхъ и прогрессивныхъ представителей украинскаго движенія (многимъ изъ нихъ литературная работа прямо таки запрещена была вынесенными имъ приговорами)—украинская жизнь, почти исключительно сосредоточившаяся въ литературѣ и въ украинскихъ изученіяхъ,—снова обратилась въ скромный, тишайшій ручеекъ. Суровые приговоры надъ кирилло-меѳодіевцами прогремѣли какъ грозное шепеніе надъ головами украинскаго общества, и если, конечно, не переводились энтузіасты, утверждавшіе, что на мѣсто Шевченка найдутся сотни людей, готовыхъ постоять за его слово (дѣло Головка), то въ жизни эти единомышленники Шевченка не проявляли себя сколько нибудь замѣтно. Поле осталось за скромнымъ украинофильствомъ, проявлявшимъ себя въ эти годы (1848—56) изданіемъ этнографическихъ и историческихъ матеріаловъ, популяризаціями и безобидной лирикой (этнографическіе сборники Максимовича, Метлинскаго, Сементовскаго, украинскія проповѣди Гречулевича, стихотворенія Петренка, Макаровскаго, Афанасьева-Чужбинскаго и т. д.). Съ другой стороны, свѣжей въ памяти должна была оставаться еще грубая и безсердечная выходка Бѣлинскаго, представителя и вождя прогрессивной Россіи, которою отозвался онъ на разгромъ кирилло-меѳодіевцевъ. Первый вполнѣ сознательный и идейный дебютъ украинства не былъ оцѣненъ въ прогрессивныхъ великорусскихъ кругахъ, не нашелъ въ ней сочувственнаго отклика—сколько-нибудь замѣтнаго по крайней мѣрѣ. Сознательному украинству предстояла долгая работа надъ созданіемъ собственныхъ силъ въ нѣдрахъ своего общества, своего народа, на которыя могло бы опереться украинское движеніе, такъ какъ внѣ себя оно не находило никакой опоры, никакого сочувствія; и трудно сказать, насколько исполнимою казалась такая задача тогдашнимъ Украинцамъ, даже наиболѣе сознательнымъ.

Еще болѣе печальное зрѣлище представляла австро-венгерская Украина.

Закарпатскія земли, одно время стоявшія во главѣ культурнаго возрожденія, были надолго выбиты изъ національной колеи событіями 1848—49 гг. Послѣ того какъ Венгры, въ 1850-хъ гг., снова стали полными хозяевами положенія и подъ впечатлѣніями русской оккупаціи предприняли рѣшительныя мѣры противъ всего, что отзывалось руссофильствомъ, начинается то глубокое паденіе украинской интеллигенціи Венгріи, которое не прошло и по нынѣшній день. Ея руссофильскія тенденціи не находили возможности себя проявить сколько-нибудь серьезно, въ виду неблагопріятнаго отношенія мѣстнаго правительства, и не шли далѣе худосочныхъ изданьицъ, не имѣвшихъ никакого значенія для общественнаго и національнаго развитія народа. Съ другой стороны, эти тенденціи не позволяли ей примкнуть и къ наростающему позже украинскому движенію сосѣдней Галиціи, къ которому, впрочемъ, и правящія сферы Венгріи тоже относились недоброжелательно, опасаясь галицко-украинской ирриденты немногимъ меньше, чѣмъ общерусской. Въ результатѣ получался или полный

квіетизмъ, возлагавшій всѣ упованія на возможность новаго политическаго катаклизма, или оффиціальный консерватизмъ, въ концѣ концовъ, обыкновенно служившій только переходной ступенью къ полному разрыву со своей народностью, который и захватываетъ постепенно все болѣе широкіе круги, въ особенности съ 1860-хъ гг., послѣ того какъ Венгрія превратилась въ отдѣльное, совершенно замкнутое для постороннихъ вліяній государство.

Въ Галиціи паденіе національной жизни, послѣдовавшее за подъемомъ 1848 г., не было, къ счастью, такимъ затяжнымъ, какъ въ Закарпатьи, но тѣмъ не менѣе представляло очень печальное зрѣлище. Консервативный характеръ, принятый украинскимъ движеніемъ въ 1848 г., отозвался теперь очень тяжело, когда правительство, покончивъ съ революціонными движеніями, перестало интересоваться своими галицкими союзниками. Консервативные, бюрократическіе и главнымъ образомъ клерикальные элементы, получившіе водительство въ украинской національной жизни Галиціи, оставались пассивными свидѣтелями новаго перелома, происходившаго на ихъ глазахъ въ галицкихъ отношеніяхъ. Снова возвращались къ руководящей роли реакціонные шляхетскіе и клерикальные польскіе элементы и, снискавъ довѣріе центральнаго правительства, получили край въ свое полное безраздѣльное и безконтрольное завѣдываніе. Должность намѣстника Галиціи начинаетъ замѣщаться по рекомендаціи польской аристократіи; вся администрація переходитъ въ руки шляхты. Польскій языкъ становится языкомъ дѣлопроизводства, вводится въ гимназіяхъ (въ 1860-хъ гг.) и въ университетѣ. Галицкіе Украинцы снова увидѣли себя въ полной власти своего наслѣдственнаго врага, за цѣну полнаго господства въ Галиціи, отдававшагося въ службу правительству (извѣстная декларація польской шляхты императору о своей полной солидарности съ нимъ). Въ этихъ условіяхъ даже введеніе конституціи и представительнаго правленія и провинціальнаго самоуправленія, начатое октябрскимъ патентомъ 1860 г. и законченное австро-венгерскимъ соглашеніемъ 1867 г., не принесли украинскому народу никакого замѣтнаго улучшенія. Польская шляхта, въ рукахъ которой находилось представительство отъ Галиціи, имѣла теперь возможность оказывать правительству цѣнныя услуги въ парламентѣ и, пользуясь этою зависимостью, добивается carte blanche для своей политики въ Галиціи—систематическаго подавленія украинскаго элемента, осмѣлившагося показать ему рога въ 1848 г.

Украинская интеллигенція долго ограничивалась чисто пассивною ролью въ виду этого усиленія польскаго господства, безплодными жалобами правительству, вздохами и сожалѣніями на равнодушіе правительственныхъ сферъ. Сравнительно смѣлыя требованія и взгляды 1848 г. были забыты; все болѣе свѣжее и смѣлое было придавлено и атрофировано господствомъ клерикальнаго и бюрократическаго элемента. Всякая инициатива подавлялась, такъ какъ трудно было угадать, какъ отнесутся къ тому или другому начинанію правительственныя сферы. Послѣ рѣшительныхъ національныхъ декларацій въ литера-

турѣ и публицистикѣ, безконечно убогихъ и анемичныхъ, снова возникаютъ споры между сторонниками сближенія съ народомъ и его языкомъ и приверженцами «образованнаго» языка и «высшей» культуры, образцами которой то являлась церковно-славянская книжность XVII—XVIII вв., то великорусская литература XVIII в.; но самые эти споры велись такъ вяло и съ такимъ убогимъ культурнымъ аппаратомъ, что совершенно не двигали впередъ вопроса. Вопросъ объ очищеніи уніатскаго богослуженія отъ латинскихъ вліяній, о молитвахъ и возгласахъ, поднятый въ это время, захватилъ въ сущности гораздо больше эту интеллигенцію, въ огромномъ большинствѣ состоявшую изъ священниковъ, чѣмъ принципіальные вопросы народнаго развитія. Наконецъ, такъ называемая война за азбуку, поднятая предложеніемъ намѣстника Голуховскаго о введеніи латинскаго алфавита въ русскую письменность, наэлектризовала это опустившееся общество. Забывъ свои распри, галицкая Русь съ большимъ единодушіемъ выступила противъ проекта и своими протестами и представленіями дѣйствительно добилась того, что правительство отступило отъ этой реформы.

Самый эпизодъ, однако, произвелъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе въ русинскихъ кругахъ. Фактъ, что новая Польша дерзнула посягнуть на то, на что никогда не подымала рукъ старая—на освященную вѣками, превратившуюся въ національную святыню традицію,—давалъ понять, чего должны были ожидать галицкіе Русины отъ «органической работы» (praca organiczna), начатой Поляками: они должны были или капитулировать, принять супрематію Польши и признать себя ея подданными,—или погибнуть. Но къ этой активной борьбѣ собственными силами, къ организаціи народныхъ массъ противъ польскаго господства эти священники и бюрократы, изъ которыхъ состояла украинская интеллигенція, неспособны были органически; имъ нужна была помощь извнѣ. Окончательно извѣрившись въ поддержкѣ австрійскаго правительства, на которую они возлагали до сихъ поръ свои надежды, они начинаютъ все рѣшительнѣе обращать свои взоры къ другому извѣчному врагу Польши—Россіи.

Такое тяготѣніе существовало уже раньше, но имѣло болѣе литературный, чѣмъ политическій характеръ. Приверженцы высшей культуры и образованнаго языка въ Галиціи, и въ другихъ украинскихъ провинціяхъ Австріи, какъ я имѣлъ случай упоминать, давно уже стали обращаться къ великорусскимъ произведеніямъ высокаго штиля, какъ къ своимъ образцамъ, и приближать къ нимъ свое «язычіе»; это тяготѣніе было поддерживаемо сношеніями съ нѣкоторыми русскими панславистами, особенно съ Погодинымъ. Постепенно оно стало получать характеръ политическій. Поддержка, оказанная Россіей Австріи во время венгерскаго возстанія, походы русскихъ войскъ произвели глубокое впечатлѣніе не только въ Венгріи, но и въ Галиціи; они, такъ сказать, приблизили образъ Россіи и мечтанъ объ ея вмѣшательствѣ въ въ польско-русинскія отношенія придали болѣе реальныя формы. Погромъ Австріи въ 1860-хъ гг. оживилъ эти мечты еще болѣе; ожидали скораго

распаденія Австріи, и оккупація Галиціи Россіей казалась вопросомъ недалекаго будущаго. Въ такихъ обстоятельствахъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ пораженія Австріи подъ Кенигграцомъ, представители руссофильскаго, или какъ его здѣсь называли — москвофильскаго теченія, въ своемъ органѣ, львовской газетѣ «Слово» отъ 27 іюля 1866 г., выступили съ вполнѣ опредѣленною національною програмою, которая легла затѣмъ въ основаніе всего дальнѣйшаго движенія этого направленія: галицкіе Русины составляютъ одинъ народъ въ Великороссами, украинская рѣчь — говоръ русскаго языка, отличающійся только произношеніемъ; отъ Карпатъ до Камчатки—одинъ русскій народъ, съ одной культурой и литературнымъ языкомъ; галицкимъ Русинамъ нужно только пріобщить себя къ готовой великорусской литературѣ и культурѣ.

Это былъ тотъ же пагубный путь, на который еще раньше вступила интеллигенція закарпатской Украины—рѣшительнаго отчужденія отъ своей народной стихіи, преграждавшаго всѣ пути къ его возрожденію и развитію, и теперь въ этомъ направленіи шло большинство галицкаго общества, люди такъ недавно (въ 1848 г.) защищавшіе самобытность и особенность украинской стихіи и необходимость развитія галицкой Украины на ея народной основѣ, въ тѣсномъ общеніи съ Украиной россійской. Среди нихъ оказался и одинъ изъ представителей славной «троицы» Яковъ Головацкій, первый профессоръ украинскаго языка и литературы во львовскомъ университетѣ, еще такъ недавно величавшій достоинства и прелести украинской рѣчи.

Къ счастью, въ Галиціи наличныя интеллигентскія силы не исчерпывались этимъ клерикально-бюрократическимъ большинствомъ, мѣнявшимъ мечты о всемогущей поддержкѣ австрійскаго правительства, уготовляющаго благоденствіе своимъ вѣрнымъ Русинамъ, на такія же мечты о русской оккупаціи, которая безъ всякихъ трудовъ и хлопотъ съ ихъ стороны принесетъ галицкой Руси всѣ блага соціальныя, политическія и культурныя дореформенной Россіи. Наряду съ этимъ консерватизнымъ большинствомъ, здѣсь оказалось болѣе дѣятельное и энергичное меньшинство, главнымъ образомъ, изъ представителей тогдашней молодежи, чувствовавшей себя ближе къ народной стихіи и украинскому движенію Россіи, чѣмъ къ оффиціальной Россіи, восхищавшей консервативные элементы галицкаго общества. Оживленіе украинской литературы въ Россіи, проявившееся съ конца 1850-хъ гг., и послѣдовавшій затѣмъ первый исходъ украинскихъ дѣятелей въ Галицію далъ сильный импульсъ и поддержку этимъ національнымъ элементамъ, малочисленнымъ и слабымъ самимъ по себѣ. Среди нихъ широко распространяется идеализація украинской старины, козачества; арена козацкихъ движеній и новаго возрожденія, поднѣпрянская Украина, становится для нихъ священною землею, Шевченко—пророкомъ національнаго возрожденія. И такъ, одновременно съ тѣмъ, какъ новая руссофильская програма кристаллизировала и сплачивала неясныя влеченія консервативной части общества,

наростаетъ и кристаллизируется наряду съ ней новое «народовство», послѣ долгаго антракта подимающее съ новой силой и съ большимъ успѣхомъ знамя національнаго возрожденія 1848 г. [1]).

Кружокъ „Основы" и первая проскрипція украинскаго слова въ Россіи.

Паденіе реакціоннаго режима съ окончаніемъ Крымской войны совпало съ первыми симптомами оживленія украинской литературы и жизни. Центромъ его сталъ Петербургъ, куда одинъ за другимъ прибывали старые кирилло-меѳодіевцы, съ новымъ царствованіемъ освобожденные отъ своихъ заточеній и тяготѣвшаго на нихъ запрещенія литературной дѣятельности. Ранѣе другихъ освобожденный Кулишъ проявилъ особенно живую издательскую и организаціонную дѣятельность. Начиная съ 1856 г. онъ выпустилъ въ Петербургѣ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ изданій, имѣвшихъ для своего времени чрезвычайно важное значеніе: два тома «Записокъ о Южной Руси»—этнографическіе матеріалы своихъ старыхъ записей съ подстрочнымъ комментаріемъ и рядомъ статей и матеріаловъ по украиновѣдѣнію, новое изданіе разсказовъ Квитки съ интереснымъ предисловіемъ—profession de foi украинскаго народничества, первый сборникъ разсказовъ Марка Вовчка (М. А. Маркевичъ), свой большой историческій романъ «Чорна рада», альманахъ «Хата», вышедшій двумя изданіями въ 1860 г. и др. Само уже появленіе такой серіи большихъ и цѣнныхъ изданій и ряда новыхъ талантливыхъ литературныхъ силъ послѣ предшествующаго застоя производило чрезвычайно сильное впечатлѣніе; его усугубляла горячая проповѣдь народническихъ идей самого Кулиша, выступающаго въ эту полосу своей дѣятельности энтузіастомъ украинскаго демократизма, сокровищъ украинской народной души, высокихъ достоинствъ народной жизни. Одновременно Костомаровъ, съ 1859 г. начавшій свои лекціи русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, выступилъ со своими талантливыми истолкованіями демократическихъ традицій въ украинской исторіи съ ея древнѣйшихъ временъ; его извѣстная параллель великорусскаго и украинскаго народнаго типа («Двѣ русскія народности»), появившаяся въ 1861 г., стала національнымъ credo для цѣлыхъ поколѣній украинской интеллигенціи.

Съ 1861 г. Кулишъ со своимъ родственникомъ Бѣлозерскимъ, при поддержкѣ кружка земляковъ, начинаютъ изданіе ежемѣсячника «Основа». Этотъ литературно-научный и общественный журналъ, составлявшійся изъ украинскихъ и великорусскихъ статей, собралъ вокругъ себя литературныя и публицистическія украинскія силы Россіи и далъ впервые ясное понятіе о наличныхъ культурныхъ средствахъ и идейномъ содержаніи украинства. Во главѣ его стояли Кулишъ и Костомаровъ; Шевченко, умершій въ началѣ 1861 г., украсилъ его своими посмертными про-

[1]) См. цитированныя выше работы Терлецкаго, Лукича, Стоцкаго. Объ азбучной войнѣ новая работа Франка въ Львовскихъ „Запискахъ", т. 114 и сл.

*

изведеніями. «Основа», такимъ образомъ, являлась органомъ кирилло-меѳодіевцевъ; но между идейнымъ содержаніемъ кирилло - меѳодіевскихъ произведеній 1846—7 гг. и «Основой» была значительная разница: политическій элементъ поблѣднѣлъ и отошелъ на задній планъ, на первый планъ выдвинулись общественные вопросы, принесенные текущей жизнью Россіи. Можно думать, что принудительный пятнадцатилѣтній антрактъ не прошелъ безслѣдно для участниковъ кирилло-меѳодіевскихъ плановъ, и послѣдующія испытанія охладили мечты ихъ юности; но съ другой стороны, руководящія статьи «Основы» показывали съ полной очевидностью, что и идея полноты національной украинской жизни не была вполнѣ сознана самими руководителями этого органа. Самый фактъ, что центромъ украинскаго движенія сдѣлался Петербургъ—правительственный центръ, ничѣмъ не связанный съ Украиной, былъ мало благопріятнымъ симптомомъ для этого движенія: несомнѣнно онъ обнаруживалъ малую органичность этого движенія, его въ значительной степени случайный характеръ, зависѣвшій отъ судьбы и дѣятельности немногихъ единицъ. Но съ другой стороны, въ этомъ петербургскомъ эпизодѣ украинскаго движенія было много симпатичнаго и цѣннаго. Подоспѣвъ къ эпохѣ «великихъ реформъ», впервые выдвинувшихъ и серьезно поставившихъ вопросы общественнаго и культурнаго развитія массъ, дѣятельность петербургскаго кружка сдѣлала большое дѣло. «Основа», несмотря на свое кратковременное существованіе (1861—2), впервые объединила національные элементы на прогрессивной народнической платформѣ и создала первыя связи между прогрессивнымъ украинствомъ и прогрессивными, демократическими теченіями великорусскаго общества. Украинская литература, выдвинувшая вопросъ объ эмансипаціи крестьянства гораздо раньше и опредѣленнѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ литературѣ великорусской, въ этотъ моментъ, когда освобожденіе и устройство крестьянъ стали злобою дня для всей интеллигенціи Россіи, оказалась въ первыхъ рядахъ освободительнаго движенія и въ близкомъ общеніи съ великорусскими представителями послѣдняго. Симптомомъ новыхъ отношеній являются статьи Добролюбова, которыми отозвался онъ на украинскія изданія 1858—1860 г.: онѣ являются несомнѣннымъ шагомъ впередъ, сравнительно напр. съ отношеніемъ Бѣлинскаго, хотя полнаго пониманія значенія украинскаго движенія мы не находимъ и у Добролюбова [1]). Пока важно было все-таки и то, что нашлись точки соприкосновенія, въ которыхъ представители прогрессивнаго украинства и прогрессивной Россіи могли чувствовать себя товарищами и союзниками. Въ усиліяхъ, напр., направленныхъ къ просвѣщенію народныхъ массъ, украинская интеллигенція шла въ первомъ ряду и находила сочувствіе и поддержку въ тогдашнихъ великорусскихъ дѣятеляхъ народнаго образованія: петербургскій комитетъ грамотности ходатайствовалъ въ 1862 г. о введеніи въ народныхъ школахъ преподаванія на украинскомъ языкѣ, а въ его спискѣ рекомендованныхъ

[1]) Ів. Кревецький: „Корифеї російської критики, українське письменство"—„Л. Н. Вістник" 1905 и 1911 и отдѣльно.

для народныхъ чтенія книгъ этого года числа украинскихъ книгъ почти равнялось числу великорусскихъ (позже этого уже не видимъ). Въ «Основѣ» принимали участіе великорусскіе ученые и писатели и, наоборотъ, петербургскій украинскій кружокъ отзывался съ своей стороны на различныя манифестаціи и предпріятія великорусскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи перерывъ дѣятельности этого украинскаго кружка, произведенный цензурными стѣсненіями, имѣлъ очень неблагопріятныя послѣдствія: разсѣявъ послѣдній, онъ надорвалъ и ослабилъ эти цѣнныя связи украинскаго движенія съ великорусскими прогрессивными кругами, и оно надолго остается чужимъ и малопонятнымъ этимъ послѣднимъ.

Дѣятельность кружка «Основы» была прекращена въ 1863 г., когда подъ впечатлѣніемъ польскаго возстанія на украинофиловъ было брошено подозрѣніе въ тайныхъ связяхъ съ Поляками, и «польская интрига» въ украинскомъ движеніи стала постояннымъ припѣвомъ противниковъ этого послѣдняго. Еще раньше, въ концѣ 1862 г. прекратилось изданіе «Основы». Подъ вліяніемъ агитаціи противъ украинства, поднявшейся въ охранительныхъ кругахъ, запрещенію подвергались самыя невинныя украинофильскія изданія, вродѣ «Черниговскаго Листка». Изданіе первоначальныхъ учебниковъ, предпринятое петербургскимъ кружкомъ, встрѣтилось съ непреодолимыми препятствіями. Подверглись гоненію воскресныя школы, организованныя украинскою молодежью. Цѣлый рядъ представителей украинскаго движенія подпалъ разнымъ преслѣдованіямъ, высылкамъ и т. п. Наконецъ, провозглашается принципіальная проскрипція украинскаго слова. Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) въ 1863 г. предложилъ цензурному комитету впредь разрѣшать къ печати «только такія произведенія на этомъ (малороссійскомъ) языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы, пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться» впредь до сношенія министра съ другими вѣдомствами. Мотивомъ этого запрещенія выставлено «мнѣніе большинства Малороссовъ, которые весьма основательно доказываютъ, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ», и собственныя соображенія правительства, что подъ распространеніемъ грамотности и просвѣщенія среди народа кроется въ дѣйствительности политическая пропаганда, и вообще украинское движеніе находится подъ вліяніемъ «политическихъ замысловъ Польши». Изъ другихъ вѣдомствъ министерство народнаго просвѣщенія (мин. Головинъ) воспротивилось такой принципіальной проскрипціи языка; наоборотъ, духовное вѣдомство очень сочувственно отнеслось къ мыслямъ Валуева и съ своей стороны воспротивилось изданію священнаго писанія на украинскомъ языкѣ и на долго похоронило всякіе переводы и изданія религіознаго характера. А цензурное вѣдомство, идя навстрѣчу такому правительственному курсу, перестало вовсе разрѣшать къ печати одинаково все написанное на украинскомъ языкѣ—беллетристику такъ же точно, какъ и изданія популярныя и научныя.

Литературная работа на украинскомъ языкѣ была снова остановлена въ Россіи почти на цѣлое десятилѣтіе и вообще украинское движеніе придавлено всяческими запрещеніями и репрессіями. Но на этотъ разъ перерывъ далеко не былъ такъ тяжелъ, какъ въ 1840—1850 гг.; развернувшаяся энергія движенія находитъ себѣ исходъ въ Галиціи, въ наростающемъ національномъ движеніи тамошнихъ «народовцевъ». Послѣдніе искали помощи и поддержки у несравненно болѣе богатаго литературными и научными силами украинскаго движенія Россіи и, начиная съ первыхъ журналовъ, которыми открывается литературная дѣятельность новыхъ народовцевъ («Вечерниці» 1862, «Мета» 1863—5, «Нива» 1865, «Русалка» 1866), широко пользовались произведеніями украинскихъ писателей изъ Россіи, просили ихъ сотрудничества и дѣйствительно получали литературный, беллетристическій матеріалъ: Кулишъ, М. Вовчокъ, Кониссій и др. были дѣятельными сотрудниками этихъ изданій. Когда послѣ упомянутыхъ эфемеръ галицкимъ народовцамъ при помощи Украинцевъ изъ Россіи удалось наладить болѣе солидное и устойчивое изданіе, научный и литературный ежемѣсячникъ «Правда» (съ 1867 до 1880), онъ за невозможностью создать періодическій украинскій органъ въ Россіи (вслѣдствіе цензурныхъ запрещеній) становится до нѣкоторой степени всеукраинскимъ органомъ. Кулишъ, Кониссій, Нечуй-Левицкій и многіе другіе помѣщали здѣсь свои беллетристическія и научныя произведенія, публицистику и критику. Многіе украинскіе дѣятели Россіи, убѣждаясь въ невозможности литературной и общественной дѣятельности въ украинскомъ національномъ направленіи въ Россіи, приходятъ къ убѣжденію, что опору украинскаго движенія нужно создать въ конституціонной Галиціи, создать здѣсь украинскій Пьемонтъ, гдѣ бы украинство могло двигаться и развиваться, не подвергаясь перерывамъ и крушеніямъ, постигавшимъ его въ Россіи. Между тѣмъ, какъ правительственные и оффиціозные круги Россіи считали нужнымъ поддерживать москвофильскія изданія и организаціи Галиціи и Буковины для противодѣйствія украинству, приверженцы украинскаго національнаго возрожденія въ Россіи проникаются сознаніемъ необходимости съ своей стороны всячески поддерживать слабые и неокрѣпшіе всходы украинскаго движенія въ Галиціи: личнымъ вліяніемъ, перепискою, сотрудничествомъ въ галицкихъ изданіяхъ, денежною помощью изданіямъ и институціямъ содѣйствуютъ они его развитію, создаютъ почву, на которой оно могло бы осуществить свою національную программу и въ свою очередь послужить опорною базою для украинскаго движенія въ Россіи. Галиція становится ареною, на которой ведутъ борьбу противники и сторонники украинскаго возрожденія; борьба эта становится особенно упорною послѣ второй проскрипціи украинскаго слова (1876), но поле въ концѣ концовъ остается за сторонниками украинскаго движенія [1]).

---

[1]) Кромѣ упомянутаго выше: Стешенко: „Украïнські шестидесятники", „Записки украïн. наук. тов." въ Киïвi, II.

Гоненіе на украинское слово, постигшее его послѣ Валуевскаго отношенія, съ теченіемъ времени нѣсколько ослабѣло. Начиная съ начала 1870-хъ гг. цензура въ общемъ болѣе снисходительно относится къ украинскимъ изданіямъ, пропуская понемногу не только беллетристику, но и популярныя книжки для народа. Это ослабленіе цензурнаго и административнаго режима дало возможность украинскому движенію проявить себя болѣе замѣтнымъ образомъ послѣ вынужденнаго молчанія предшествующихъ лѣтъ. На этотъ разъ центромъ его выступаетъ снова Кіевъ: послѣ разгрома кирилло-меѳодіевскаго кружка здѣсь съ конца 1850-хъ и затѣмъ въ теченіе 1860-хъ гг. выростаетъ новое поколѣніе украинской интеллигенціи, подъ воздѣйствіемъ кружка «Основы» и непосредственными традиціями кирилло-меѳодіевцевъ, и послѣ того, какъ петербургскій кружокъ растаялъ и развѣялся во время антракта 1860-хъ гг., кіевскій кружокъ выдвигается на первый планъ обиліемъ и качествомъ своихъ силъ и извѣстною организованностью ихъ дѣятельности. По сравненію съ петербургскимъ кружкомъ, занятымъ главнымъ образомъ вопросами культурно-общественными, устройствомъ крестьянскаго населенія, распространеніемъ образованія въ массахъ и т. п., дѣятельность кіевскаго отличалась усиленнымъ тяготѣніемъ въ сторону научную. Отчасти это объясняется обиліемъ среди кіевскаго кружка крупныхъ научныхъ силъ (историки Антоновичъ и Драгомановъ, филологи Житецкій и Михальчукъ, изслѣдователь обычнаго права, извѣстный криминалистъ Кистяковскій, этнографы Чубинскій, Рудченко, Лысенко, послѣдній — изслѣдователь народной музыки и самъ замѣчательный композиторъ). Эти люди, стоявшіе во главѣ кіевскаго кружка, съ болѣе молодыми изслѣдователями и учеными естественно давали направленіе дѣятельности кружка, обращая ее въ значительной степени на изученіе прошлаго и современнаго состоянія Украины. Но независимо отъ того тутъ сказывались и общія условія тогдашней жизни Россіи, изъ эпохи «великихъ реформъ» 1860-хъ гг. попавшей въ полосу все усиливавшейся реакціи. Дѣятельность среди народа и доступъ къ нему были окружены подозрительнымъ вниманіемъ администраціи; люди, не обладавшіе боевымъ темпераментомъ, естественно уходили въ сторону меньшаго сопротивленія — въ дѣятельность научную и литературную. Революціонное движеніе, развившееся въ противовѣсъ реакціи среди болѣе радикально настроенныхъ элементовъ, не привлекало національно-настроенныхъ украинскихъ элементовъ, особенно въ виду своихъ централистическихъ тенденцій, которыми было проникнуто, и въ противовѣсъ революціоннымъ теченіямъ кіевскій кружокъ усиленно выдвигалъ аполитическую сторону украинства — культурную и въ особенности научную дѣятельность, развитіе украинскихъ изученій.

Въ 1872 г. кіевскимъ Украинцамъ

далось получить разрѣшеніе правительства на открытіе въ Кіевѣ «юго-западнаго отдѣла географическаго общества» съ широкою научною программою, и этотъ «отдѣлъ» послужилъ центромъ, вокругъ котораго сгруппировались мѣстныя украинскія силы и организовали научную работу. Археологическій съѣздъ, состоявшійся въ Кіевѣ въ 1874 г. и вызвавшій большой интересъ въ мѣстномъ обществѣ, тоже далъ случай украинскимъ научнымъ силамъ показать себя въ разныхъ областяхъ и вопросахъ украинскихъ изученій. Изъ кіевскихъ ученыхъ круговъ въ эти годы вышелъ цѣлый рядъ важныхъ научныхъ трудовъ и изданій по исторіи, этнографіи, языку, экономическому и статистическому изученію края: «Записки юго-западнаго отдѣла», «Труды этнографической экспедиціи въ юго-западной край»—большое изданіе, бросившее свѣтъ на многія новыя стороны народной жизни, «Историческія пѣсни малорусскаго народа» Антоновича и Драгоманова, этнографическіе сборники Рудченка, Лысенка, Драгоманова, археографическіе сборники Антоновича и Новицкаго, «Опытъ исторіи украинскаго языка» Житецкаго и др. Одновременно оживала и чисто литературная дѣятельность. Несмотря на крайне придирчивую цензуру и сильно дававшее себя чувствовать отсутствіе прессы, она проявила себя также довольно интенсивно: выступаетъ плеяда новыхъ писателей, болѣе или менѣе крупныхъ и эфектныхъ дарованій, рядъ замѣтныхъ произведеній — какъ повѣсти Нечуя-Левицкаго, Конисскаго, Мирного; стихотворенія и драмы Старицкаго; большой энтузіазмъ вызвали композиціи Лысенка, его опера «Різдвяна Ніч» — первыя серьезныя пробы національной украинской музыки. Проскользнуло черезъ цензурное иго и нѣсколько цѣнныхъ популярныхъ книжекъ для народа. Но это оживленіе украинской жизни, впечатлѣніе, производимое въ украинскомъ обществѣ успѣхами украиновѣдѣнія, литературы, возрожденіемъ украинскаго искусства — не замедлили навлечь на украинство новыя репрессіи. Кіевскіе охранительные круги и органы прессы забили тревогу по поводу оживленія украинства; предсѣдатель кіевской археографической комиссіи Мих. Юзефовичъ, взявшій на себя роль стража государственныхъ интересовъ, засыпалъ центральное правительство своими донесеніями объ успѣхахъ украинскаго «сепаратизма». Несмотря на ярко выраженный аполитизмъ дѣятельности кіевскаго кружка, вызывавшій среди самихъ Украинцевъ недовольство своимъ одностороннимъ «культурничествомъ», эти донесенія и эта тревога производили въ правительственныхъ кругахъ впечатлѣніе; здѣсь готовы были придавать значеніе абсурднымъ выдумкамъ Юзефовича, что украинское національное движеніе представляетъ созданіе австрійско-польской интриги и подъ національной внѣшностью проводитъ скрытый соціализмъ. Въ началѣ 1875 г. было образовано особое совѣщаніе по украинскому вопросу съ участіемъ Юзефовича. Въ виду представленій цензурнаго вѣдомства, усматривавшаго въ украинофильствѣ стремленіе къ политическому сепаратизму, «скрытое посягательство на государственное единство Россіи», и подобныхъ же комментаріевъ Юзефовича, совѣщаніе признало необходимымъ употребить

всѣ усилія, чтобы подавить украинское движеніе въ Россіи, и поддерживать всѣми мѣрами руссофильское теченіе въ Галиціи, чтобы подорвать украинство тамъ — субсидировать москвофильскія изданія и т. п. Вслѣдствіе представленій этого совѣщанія кіевскій отдѣлъ географическаго общества былъ закрытъ, учебныя заведенія украинскихъ губерній были подвергнуты строгому надзору за учащими и учащимися, а для литературныхъ и сценическихъ произведеній были приняты суровыя ограниченія, утвержденныя 18 мая 1876 г. и получившія по имени своего иниціатора имя «закона Юзефовича». Ими воспрещался ввозъ изъ за-границы какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ на украинскомъ языкѣ, не получившихъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати. Цензура украинскихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, была усугублена разсмотрѣніемъ ихъ въ главномъ управленіи; допускаться къ печатанію на украинскомъ языкѣ могли только произведенія беллетристическія, но не иначе, какъ общерусскимъ правописаніемъ, а историческіе документы и памятники—ихъ подлиннымъ правописаніемъ; переводы и всякаго рода оригинальныя произведенія, кромѣ беллетристики, воспрещались безусловно, такъ же точно украинскіе тексты къ музыкальнымъ произведеніямъ; не допускались всякаго рода сценическія представленія и чтенія на украинскомъ языкѣ.

Но какъ ни широко захватывали эти запрещенія проявленія украинской жизни, цензурная практика шла еще дальше въ дѣйствительности, не пропуская вообще никакихъ украинскихъ изданій: нѣсколько лѣтъ не появлялось въ Россіи ничего на украинскомъ языкѣ, если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ недосмотровъ. Доходило до невѣроятныхъ курьезовъ, въ родѣ вычеркиванія украинскихъ словъ изъ беллетристическихъ произведеній, писанныхъ по-великорусски, исключеніе такихъ словъ какъ Україна, Січ, козак; при исполненіи на концертахъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ требовалось, чтобы украинскій текстъ исполнялся въ великорусскомъ или французскомъ переводѣ. Ко всевозможнымъ траги-комическимъ приключеніямъ давало условіе, предъявлявшееся цензурою, чтобы украинская рѣчь была облечена въ точности въ «общерусское» правописаніе и т. п.

Однако, именно вслѣдствіе такого неумѣреннаго стремленія запретить все, не замедлила обнаружиться абсурдность и опасность подобной тенденціи. Невѣроятныя крайности, до которыхъ доходила эта запретительная практика, сильнѣйшимъ образомъ дискредитировала всю эту систему искоренения украинства. Высшіе представители мѣстной администраціи — генералъ-губернаторы кіевскій и харьковскій, увидѣли себя вынужденными въ скоромъ времени войти съ ходатайствами объ отмѣнѣ ограниченій украинскаго слова, указывая, что запрещенія, введенныя указомъ 1876 г., не подавляя въ дѣйствительности украинскихъ національныхъ стремленій, своими ничѣмъ не оправдываемыми крайностями вызываютъ лишь нежелательное раздраженіе среди украинскаго общества. Въ виду этого, для возстановленія нормальныхъ отношеній, кіевскій генералъ-губернаторъ считалъ необходимымъ освободить украинское слово отъ всякихъ спеціаль-

ныхъ стѣсненій, поставивъ его въ одинаковыя условія съ великорусскимъ. Вслѣдствіе этихъ представленій въ 1881 г. было образовано новое совѣщаніе по украинскому вопросу, но отмѣнить стѣсненія украинскаго слова оно не нашло возможнымъ и ограничилось нѣкоторыми частичными облегченіями: разрѣшило печатать украинскіе словари, исполнять публично произведенія на украинскомъ языкѣ и давать представленія украинскихъ пьесъ. Впрочемъ, и эти послабленія были обставлены рядомъ весьма характеристическихъ оговорокъ и ограниченій. Такъ, циркуляръ 1881 г., разрѣшая украинскіе спектакли, для каждаго требовалъ особаго разрѣшенія губернатора или генералъ-губернатора и не допускалъ организаціи спеціальныхъ украинскихъ театровъ и труппъ; въ виду этого администрація требовала, чтобы на украинскихъ спектакляхъ, наряду съ украинской пьесой, была представлена и великорусская, притомъ съ неменьшимъ числомъ актовъ. Цензура украинскихъ пьесъ была обставлена всевозможными стѣсненіями; чтобы задержать украинскій театръ въ границахъ чистаго этнографизма и не дать ему выр̆сти до значительныхъ размѣровъ, напр., не допускались пьесы изъ жизни интеллигенціи («сюртучныя»), историческія, съ соціальной или національной окраской. Начальникамъ губерній поручалось внимательно слѣдить за украинофилами, «избравшими сцену орудіемъ своей пропаганды»; энтузіазмъ вызванный украинскими спектаклями въ Кіевѣ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ совершенное воспрещеніе украинскихъ спектаклей въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства, къ которому тогда принадлежали губерніи Кіевская, Волынская, Подольская, Черниговская и Полтавская—т. е. бо́льшая часть украинской территоріи, и т. п.

Въ области общей цензуры оставалось въ силѣ чрезвычайно строгое, просто придирчивое отношеніе къ произведеніямъ на украинскомъ языкѣ: цензорамъ рекомендовалось не только воспрещать все противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ, «но при малѣйшемъ къ тому поводѣ сократить число такихъ произведеній, въ цѣляхъ чисто государственныхъ». И цензора, дѣйствительно, проявляли большую изобрѣтательность въ изысканіи такихъ «малѣйшихъ поводовъ» или обходились безъ нихъ, руководствуясь «государственными цѣлями». Запрещались произведенія, могущія содѣйствовать подъему національнаго сознанія или расширенію рамокъ литературнаго творчества—на темы историческія, соціальныя, національныя, и просто значительныя произведенія потому лишь, что они по своимъ размѣрамъ являлись бы слишкомъ замѣтнымъ пріобрѣтеніемъ для обреченной на небытіе украинской литературы; не пропускались сборники и альманахи, въ виду того, что они могли служить суррогатомъ литературнаго украинскаго журнала, существованіе котораго не допускалось цензурою: поводомъ къ запрещенію служили даже «неологизмы» украинской рѣчи, вводящіе новыя культурныя понятія и нарушающіе ея этнографическую чистоту и т. п. Въ концѣ концовъ, въ цензурѣ погибали почти всѣ серьезныя и цѣнныя произведенія, затрагивавшія или освѣщавшія наиболѣе важные вопросы украинской жизни, но пропускался невозбранно разный ли-

тературный и нелитературный соръ, понижавшій культурную цѣнность украинской литературы и дискредитировавшій его въ глазахъ своихъ и чужихъ.

Литературное творчество, общественная дѣятельность въ такихъ условіяхъ были невозможны. Поэтому передвиженіе украинской культурной и политической работы изъ Россіи въ зарубежную Украину, начатое послѣ проскрипціи 1863 г. и продолжавшееся затѣмъ и въ 1870-хъ гг., несмотря на нѣкоторыя послабленія 1872—5 гг., съ новой силой развивается послѣ указа 1876 г. Украинскіе писатели изъ Россіи сотрудничаютъ въ галицкихъ и буковинскихъ изданіяхъ, участвуютъ въ организаціи галицкихъ институцій, принимаютъ живѣйшее участіе въ общественной и политической жизни, поддерживаютъ оживленныя отношенія съ представителями тамошняго національнаго движенія, наѣзжая при всякомъ удобномъ случаѣ, поддерживая переписку, такъ что зарубежная украинская жизнь 1880—1890 гг. развивается при участіи и подъ вліяніями Украинцевъ Россіи, ея успѣхи являются общимъ пріобрѣтеніемъ австрійской и россійской Украины, и ея судьба вызываетъ живѣйшій интересъ въ украинскомъ обществѣ этой послѣдней [1]).

Украинское движенія Австріи въ 1860—1870-хъ г.г.

Скромные кружки гимназической и университетской молодежи въ Галиціи, особенно во Львовѣ 1860-хъ гг., ихъ попытки литературныхъ и публицистическихъ изданій, при поддержкѣ украинскихъ дѣятелей изъ Россіи, постепенно превращалась въ замѣтную общественную силу, дерзавшую мѣряться силами и вліяніемъ съ коснымъ, пассивнымъ большинствомъ,—«старыми» москвофилами и клерикалами,—несмотря на свое численное преобладаніе оставашимся все болѣе и болѣе за флагомъ общественнаго роста и движенія австрійской Украины. Національно-политическое credo принятое этимъ реакціонно и руссофильски настроеннымъ большинствомъ, неизбѣжно осуждало ихъ на косность и пассивность. Ихъ пренебрежительное отношеніе къ народной стихіи, къ народному языку, къ демократическимъ и прогрессивнымъ идеямъ изолировало ихъ, лишало поддержки и сочувствія народныхъ массъ и подростающихъ, болѣе доступныхъ вѣяніямъ времени новыхъ поколѣній. И клерикальные «святоюрцы», группировавшіеся вокругъ оффиціально признаннаго своего главы и представителя, «князя церкви», митрополита львовскаго съ его капитуломъ, и «москвофилы», утвердившіеся въ разныхъ русинскихъ учрежденіяхъ, старыхъ (въ родѣ «Ставропигіи»—стараго львовскаго братства) и болѣе новыхъ, созданныхъ движеніемъ 1848 г., (Га-

---

[1]) Кромѣ названнаго выше, моя статья—„Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст.", въ сборникѣ „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ", 1907. Драгомановъ—„Антрактъ въ исторіи украинофильства" (1863—1872). Имп. Акад. наукъ—„Объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова", 1905 г.—интересныя приложенія по исторіи стѣсненій украинскаго слова.

лицко-русская Матица, Народный Домъ, Русская Рада и т. п.), несмотря на всѣ преимущества beati possidentes скоро должны были всю энергію обратить на охраненіе занятыхъ позицій, между тѣмъ какъ все болѣе энергичное, дѣятельное, проникнутое общественными инстинктами примыкало къ новому «народовскому» теченію.

Въ 1870-хъ гг. это послѣднее становится все болѣе замѣтною общественною силою. Отъ скромныхъ литературныхъ пробъ, отъ мелкихъ популярныхъ изданій оно переходитъ постепенно къ болѣе организованнымъ формамъ дѣятельности и расширяетъ сферу послѣдней. Въ 1868 г. основывается старѣйшее изъ народовскихъ институцій — общество «Просвіта», ставившее своею цѣлью, по примѣру аналогическихъ организацій у другихъ славянскихъ народовъ, содѣйствовать культурному развитію народа путемъ изданія популярныхъ книжекъ, основанія читаленъ и библіотекъ, лекцій и рефератовъ. Народовецкій львовскій клубъ «Бесіда» поставилъ своею задачею развитіе украинскаго театра. Бездѣйствіе оффиціальной комиссіи по составленію украинскихъ учебниковъ, недостатокъ которыхъ служилъ въ рукахъ Поляковъ аргументомъ противъ украинской средней школы, побудило львовскихъ Украинцевъ организовать свою школьную комиссію, которая повела свое дѣло настолько энергично, что къ концу 1870-хъ гг. могла похвалиться почти полнымъ асортиментомъ учебниковъ для низшихъ и среднихъ школъ. Положено было начало научной институціи, пріобрѣвшей впослѣдствіи большое значеніе—«Товариству імени Шевченка», ставившему своею задачею содѣйствіе развитію украинской литературы и науки изданіемъ книгъ и журналовъ, содѣйствіемъ ученымъ трудамъ, раздачею премій. Широкая эта программа долго оставалась въ области пожеланій, но основаніе этого общества было характернымъ симптомомъ тогдашнихъ отношеній: планъ общества, задуманный галицкими ревнителями украинскаго слова, былъ осуществленъ при помощи Украинцевъ изъ Россіи, считавшихъ необходимымъ основаніе такого очага украинской литературы и науки внѣ предѣловъ досягаемости. Небольшая сумма, собранная ими (около 8 тыс. руб.), была передана въ Галицію на устройство типографіи, которая должна была служить дѣлу развитія украинскихъ изданій, и она была передана «Товариству ім. Шевченка».

Постепенно наростая, украинское движеніе изъ главныхъ культурныхъ центровъ Галиціи переходитъ на провинцію, привлекая ее къ участію въ новомъ національномъ движеніи при посредствѣ «филій Просвіти» и читаленъ. Къ галицкому движенію и галицкимъ изданіямъ тяготѣли также уже съ 1860-хъ гг. первые представители украинства Буковины: братья Воробкевичи и знаменитый буковинскій поэтъ Федьковичъ. Литературное общество «Русская Бесида», основанная Буковинцами въ 1869 г. и служившая средоточіемъ достаточно убогихъ культурныхъ силъ буковинской Руси, долго носила характеръ руссофильскій, и только въ 1880-хъ гг. въ ней получаютъ преобладаніе представители украинскаго народовства.

Конечно, успѣхи были значительны, даже велики, только въ сравненіи съ недавними болѣе чѣмъ скромными

эмбріонами народовства 1860 гг. Наоборотъ, если разсматривать успѣхи Украинцевъ на общемъ фонѣ галицкой жизни, то получалось впечатлѣніе довольно убогое. Съ одной стороны, оффиціальное представительство оставалось въ рукахъ клерикальныхъ сферъ, тяготѣвшихъ въ сторону москвофильства, съ другой стороны, успѣхи польской «органической работы» безъ всякаго сравненія опережали всѣ успѣхи украинства. Захвативъ въ свои руки администрацію, самоуправленіе и парламентарное представительство Галиціи, новые польскіе хозяева края шагъ за шагомъ вытѣсняли остатки нѣмецкаго режима и замѣняли его господство господствомъ польской культуры, польскаго элемента, польской государственности, которой въ концѣ концовъ должны были подчиниться Украинцы. Происходила націонализація учрежденій—изъ нѣмецкихъ они должны были стать мѣстными: получить польскій обликъ въ западной Галиціи, въ восточной—по всякой справедливости украинскій (таково и было первоначальное намѣреніе правительства), или по крайней мѣрѣ украинскій и польскій,—но въ дѣйствительности получали польскій характеръ. Среднія школы восточной Галиціи изъ нѣмецкихъ были превращены въ польскія, украинскій характеръ получила одна лишь львовская гимназія. Университетъ львовскій предназначался правительствомъ для Украинцевъ, какъ краковскій для Поляковъ; въ 1871 г., съ отмѣною нѣмецкаго преподаванія, онъ былъ признанъ «утраквистическимъ»: профессора могли преподавать по желанію по польски или по украински; въ дѣйствительности онъ получилъ вполнѣ польскій характеръ, и за Украинцами осталось лишь нѣсколько спеціально украинскихъ каѳедръ, еще раньше учрежденныхъ какъ переходная ступень къ украинизаціи университета. Такъ было во всемъ; отдавъ Галицію въ полное распоряженіе польской аристократіи, центральное правительство не находило возможнымъ для себя отстаивать права украинскаго элемента противъ польскаго преобладанія, тѣмъ болѣе, что консервативные, клерикальные и бюрократическіе круги, представлявшіе украинскій или «русинскій» элементъ, сами не отличались ни выдержкою, ни энергіею въ этой борьбѣ съ польскимъ господствомъ, и бѣдность культурныхъ силъ, которую они обнаруживали на каждомъ шагу, давала могущественный аргументъ ихъ противникамъ противъ всякихъ проектовъ украинизаціи.

Эта пассивность и неспособность «старыхъ» клерикаловъ и руссофиловъ именно и дискредитировала ихъ и заставила все болѣе энергичное и бодрое въ подростающихъ поколѣніяхъ переходить на сторону народовцевъ. При всей бѣдности этихъ послѣднихъ, въ нихъ чувствовалась энергія движенія, сила сопротивленія; на ихъ сторонѣ была *надежда*. Съ одной стороны, они основывали свои планы на народномъ, крестьянскомъ элементѣ, его культурномъ и экономическомъ подъемѣ, общественномъ и политическомъ развитіи; принимая народный языкъ, народную культуру за основаніе національнаго движенія, галицкіе народовцы разсчитывали найти въ народныхъ массахъ, сознательныхъ и организованныхъ, поддержку въ предстоявшей имъ національной и политической борьбѣ съ польскимъ гос-

подствомъ. Съ другой стороны, слабость ихъ собственныхъ силъ, отсутствіе крупныхъ талантовъ, крупныхъ научныхъ и культурныхъ именъ, восполняла россійская Украина, культурными силами которой они широко пользовались. Непосредственное участіе въ національномъ галицкомъ движеніи такихъ крупныхъ представителей украинской литературы и науки, какъ Кулишъ, Марко Вовчокъ, Конисскій, Нечуй-Левицкій, Антоновичъ, Драгомановъ давало драгоцѣнное помазаніе довольно сѣрому и скромному галицкому народовству. Ореолъ великой, «соборной Украины», сквозь дымку романтической идеализаціи рисовавшейся Галичанамъ царствомъ украинской славы и мощи, до времени только завороженной злыми духами,—осѣнялъ ихъ скромные успѣхи и укрѣплялъ надежды на лучшую будущность.

Въ галицкихъ изданіяхъ и начинаніяхъ 1860—1870-хъ гг. особенно дѣятельное участіе принималъ П. Кулишъ, пользовавшійся въ народовецкихъ кругахъ особеннымъ вліяніемъ, авторитетомъ, какъ представитель кирилло-меѳодіевскихъ традицій, руководитель петербургскаго кружка. Его разностороннія дарованія, энергія и личное обаяніе дѣлали его чрезвычайно цѣннымъ участникомъ начинающагося культурнаго и литературнаго галицкаго движенія, хотя руководящія идеи этого періода его жизни были здѣсь не ко двору: его занимала идея ликвидаціи историческихъ отношеній Украины и Польши, идея союза украинскаго и польскаго общества въ интересахъ успѣшнаго культурнаго движенія. Эти идеи пропагандируетъ онъ все болѣе рѣзко въ своихъ сочиненіяхъ, осуждая все, что стояло на дорогѣ этого союза съ украинской стороны: старое козачество и новыя литературныя настроенія, враждебныя Польшѣ, и на галицкой почвѣ пробуетъ войти въ сношенія съ представителями польской аристократіи, ища ея поддержки своимъ планамъ культурнаго развитія украинства. Но украинское возрожденіе и польская аристократія, реставрировавшая польскую державность въ украинской Галиціи, были элементы несоединимые. Кулишу его попытки разстроили отношенія съ галицкими Украинцами и въ концѣ концовъ онъ самъ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности своихъ плановъ. Подобныя же тенденціи и подобный конецъ имѣла позднѣйшая (въ 1880 и 1890-хъ гг.) дѣятельность другого украинскаго патріота Ал. Конисскаго: менѣе талантливый, чѣмъ Кулишъ, но почти также разносторонній и плодовитый—беллетристъ, публицистъ, популяризаторъ, онъ былъ наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ галицкихъ изданій и начинаній и пользовался тоже большимъ вліяніемъ въ галицкихъ кругахъ, и также разошелся съ ними на пунктѣ «угоды» съ Поляками, однимъ изъ духовныхъ отцовъ которой былъ.

Въ совершенно иномъ направленіи шли вліянія М. Драгоманова. Видный представитель кіевскаго кружка, онъ еще до своей эмиграціи, послѣдовавшей въ 1876 г., близко интересовался галицкими отношеніями и мѣстнымъ украинскимъ движеніемъ; но цензурныя стѣсненія, полицейскій режимъ тогдашней Австріи, чрезвычайно тревожно и подозрительно настроенный ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало «соціализмъ», отвратилъ

Драгоманова отъ мысли основаться въ Галиціи; съ нѣкоторыми другими эмигрантами онъ предпочелъ устроиться въ Женевѣ и здѣсь предпринялъ изданіе русско-украинскаго журнала «Громада» (1878 г.), посвященнаго, главнымъ образомъ, политическимъ и общественнымъ вопросамъ украинской жизни. Это былъ органъ кіевскихъ «политиковъ», въ противовѣсъ «культурникамъ», выдвигавшихъ вопросы политическіе и соціальные; въ Россіи, по цензурнымъ условіямъ, онъ не могъ получить большого распространенія, но въ Галиціи женевскій кружокъ своими изданіями, статьями въ галицкихъ изданіяхъ и личными сношеніями пріобрѣлъ большое значеніе, въ особенности среди молодежи. Главную роль при этомъ играли статьи, письма и личныя вліянія самого главы этого кружка Драгоманова, благодаря его выдающимся энергіи и дарованіямъ, способностямъ блестящаго критика и пропагандиста излюбленныхъ идей. Въ противоположность Кулишу и Конисскому и другимъ руководителямъ галицкаго движенія и кіевскаго кружка, чисто національные вопросы мало занимали Драгоманова; онъ не склоненъ былъ придавать много значенія національнымъ формамъ культуры, цѣня ея прогрессивный характеръ и въ особенности ея соціальныя цѣнности. Съ этой точки зрѣнія онъ рѣзко критиковалъ аполитизмъ россійскаго украинства, безпощадно бичевалъ реакціонныя переживанія и идейную бѣдность австрійскаго народовства, выдвигая наряду съ тѣмъ культурныя цѣнности (велико)русской культуры и литературы. Эта сторона публицистики Драгоманова для украинскаго общества, и безъ того подавленнаго ходячими фразами о высокой великорусской культурѣ и государственности, въ жертву которымъ съ легкимъ сердцемъ приносились украинскіе національные интересы,—не имѣла большей цѣнности; на этой почвѣ она скорѣе была такою же тактическою ошибкою, какъ проповѣдь примиренія съ историческою Польшею, которую пробовалъ вести Кулишъ на галицкой почвѣ. Но главною аудиторіею Драгоманова являлась галицкая Украйна съ ея обостренными національными инстинктами, и тутъ горячая проповѣдь Драгоманова о необходимости европеизаціи украинскаго народовства, сообщенія ему прогрессивнаго характера, соціальнаго содержанія была вполнѣ на своемъ мѣстѣ—она была нужна. По мѣрѣ того, какъ галицкое народовство пріобрѣтало перевѣсъ, на выдвинутой имъ національной платформѣ собирались все болѣе элементы нейтральные, пассивные; эти массы духовенства, чиновниковъ и разныхъ буржуазныхъ профессій, принимая украинскую національную форму, неизбѣжно вносили въ эту послѣднюю свое старое содержаніе, вынесенное изъ эпохи клерикально-бюрократической реакціи, и передвигали вправо украинское движеніе. Рѣзкая и не всегда выдержанная, не всегда даже справедливая критика Драгоманова, во всякомъ случаѣ была чрезвычайно полезна тѣмъ, что она вызывала противодѣйствіе этому правому украинству въ нѣдрахъ самого народовства и заставляла это послѣднее двигаться по равнодѣйствующей, приспособляясь къ прогрессивнымъ идеямъ и стремленіямъ другихъ культурныхъ народовъ.

Движенія украинства, его успѣхи—хотя бы скромные, и численное нарастаніе его сторонниковъ неизбѣжно приготовляли дифференціацію и разслоеніе въ кругахъ этихъ послѣднихъ. Національная платформа переставала объединять разношерстные элементы, собиравшіеся подъ знаменемъ огражденія національной жизни. Эта послѣдняя понималась слишкомъ неодинаково, и уже раньше эти диссонансы прорывались временами довольно рѣзко—въ тонѣ хотя бы гнѣвныхъ діатрибъ Шевченка по адресу украинофиловъ-паничей, «потомков гетмана дурного», которымъ ихъ мечты объ украинской славѣ и славянскомъ единеніи не мѣшали обдирать «братів незрячих гречкосіїв». Но неблагопріятныя внѣшнія условія, стѣснявшія свободное движеніе украинства, прерывавшія на рядъ лѣтъ это послѣднее и державшія въ осадномъ положеніи носителей украинской идеи, заставляли напрягать всѣ усилія для обороны національной позиціи общими усиліями всѣхъ, кто, такъ сказать, «вѣровалъ въ Украину», и не давали времени и возможности заниматься много внутренними счетами и анализомъ разныхъ родовъ и видовъ этой вѣры. Только почувствовавъ твердую почву подъ ногами, представители украинскаго движенія сочли возможнымъ рѣзче отграничиться отъ инако мыслящихъ внутри самого украинскаго лагеря.

Такое чувство увѣренности дала, главнымъ образомъ, Галиція, гдѣ съ 1880-хъ гг. украинскіе народовцы отъ литературной и культурной работы рѣшаются перейти къ политической дѣятельности, политическому представительству украинскаго населенія Галиціи. Исходными пунктами этой новой эпохи въ исторіи украинскаго движенія было основаніе политической газеты «Діло» съ началомъ 1880 г. и первое «всенародне віче», большой митингъ, созванный осенью того же года, въ столѣтній юбилей вступленія на престолъ имп. Іосифа II, иниціатора извѣстныхъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью улучшить положеніе крестьянскаго класса Галиціи. На этомъ «вічѣ» украинскіе народовцы выступили со своею политическою и соціальною программою, гдѣ домогались фактическаго осуществленія національной равноправности, провозглашенной австрійской конституціей, «чтобы украинскій (руській) народъ былъ обезпеченъ отъ преобладанія чужихъ элементовъ и могъ занять соотвѣтствующее его численности положеніе въ парламентѣ, сеймѣ, радахъ повѣтовыхъ (уѣздныхъ земскихъ управахъ) и вообще въ самоуправленіи», требовали экономическихъ реформъ, которыя бы поставили предѣлъ возрастанію задолженности крестьянскаго и мѣщанскаго имущества, организаціи дешеваго кредита, пониженія налоговъ, падающихъ на народныя массы и болѣе продуктивнаго ихъ употребленія, правительственныхъ попеченій объ открытіи новыхъ заработковъ для крестьянъ, устраненія всѣхъ несправедливостей и стѣсненій, которыя терпитъ населеніе въ школьномъ во-

просѣ и т. п. Вообще этотъ первый дебютъ въ области практической политики не производилъ особенно утѣшительнаго впечатлѣнія: въ програмѣ преобладали общія расплывчатыя положенія, въ организаціи чувствовалось отсутствіе главнаго—крестьянскихъ массъ, въ интересахъ которыхъ народовцы выступали.

Но начало было сдѣлано. Два года спустя (1882) народовцы выставили своихъ кандидатовъ при выборахъ въ сеймъ, а также въ парламентъ, но въ виду преобладанія Поляковъ, украинскіе депутаты образовали одинъ общій клубъ съ представителями москвофиловъ, чтобы общими силами поддерживать интересы «русинскаго» населенія, оставляя полную свободу обѣимъ группамъ въ вопросахъ чисто національныхъ. Чтобы разбить этотъ союзъ, тогдашній намѣстникъ Галиціи гр. Казиміръ Бадени вошелъ въ переговоры съ украинскими депутатами, обѣщая поддержку правительства въ національныхъ нуждахъ за цѣну разрыва союза съ москвофилами. Въ виду тѣхъ трудностей, съ какими до сихъ поръ встрѣчались всѣ требованія украинскихъ депутатовъ, разбиваясь о сплоченное польское большинство сейма и вліянія сильнаго польскаго клуба въ парламентѣ, это предложеніе было принято лидерами тогдашней украинской политики; за цѣну перемѣны неблагопріятной для украинскаго народа политики и ряда ближайшихъ конкретныхъ уступокъ ихъ требованіямъ они разорвали свой картель съ москвофилами публичною декларацією въ сеймѣ, имѣвшею значеніе отреченія отъ всякаго тяготѣнія въ сторону Россіи, панруссизма и православія, въ духѣ москвофиловъ, и одновременно—отъ всякой солидарности съ «разрушительными элементами». «Програмою тих Руснів (Украинцевъ-народцевъ) єсть: признавання самостійности своєї народности, свого языка; особливіша любов о свій язик, свою народність,—вірність для для австрийської держави, пануючої династії,—вірність для греко-католицької церкви, уміренний ліберальізм—і наконець, старанне о розвій селяньства і міщаньства»—формулировалъ политическое credo своихъ единомышленниковъ въ засѣданіи сейма 25 ноября 1890 г. деп. Романчукъ. И развивая послѣдніе пункты, пояснялъ: «Либерализмъ ихъ весьма умѣренный, хотя бы уже въ виду того, что наряду со свѣтской интеллигенціей они опираются все же, главнымъ образомъ, на духовенствѣ и крестьянствѣ, а послѣдніе представляютъ элементъ вполнѣ консервативный. Наконецъ прибавлю, что они въ интересахъ сохраненія и развитія своей народности должны обращать особое вниманіе на экономическое развитіе крестьянства и мѣщанъ, но ищутъ этого развитія не путемъ радикальныхъ мѣръ, а путемъ постепеннаго развитія, соотвѣтствующаго характеру народа и его склонности къ индивидуализму».

Скоро однако обнаружилось, что обѣщанный союзъ съ центральнымъ правительствомъ на дѣлѣ превращается въ капитуляцію украинскаго элемента предъ господствомъ польской шляхты и польской государственной идеи, за цѣну тѣхъ немногочисленныхъ конкретныхъ уступокъ, обѣщанныхъ при переговорахъ (открытія еще одной украинской гимназіи, учрежденія еще одной украинской каѳедры во львовскомъ университетѣ

и т. п.), а «перемѣна системы» оказывалась въ дѣйствительности ничего не значущею фразою. Общественное мнѣніе украинскаго населенія рѣзко высказалось противъ оппортунизма лидеровъ народовской политики и заставило ихъ разорвать неосторожно заключенный союзъ (такъ назыв. «угоду» или «новую эру»). Въ концѣ концовъ этотъ моментъ далъ рѣшительный толчокъ дифференціаціи галицкаго украинства. Рѣзкая критика Драгоманова и его сторонниковъ, направленная противъ узкаго націонализма галицкихъ народовцевъ, бѣднаго и въ значительной степени реакціоннаго содержанія, вкладываемаго въ національную програму, уже передъ тѣмъ приготовила расколъ между «младшими» и «старшими» народовцами. Незадолго до провозглашенія польской украинской угоды кружокъ сторонниковъ идей Драгоманова организовался въ политическую партію, принявшую названіе радикальной и началъ изданіе своего органа — «Народъ» (1890). Провозглашеніе умѣренно-либеральной» (точнѣе консервативной) програмы лидерами народовцевъ и ихъ союзъ съ правительствомъ и польскою шляхтою дали новой партіи весьма благодарную почву; критика народовскаго оппортунизма пріобрѣтала радикаламъ сочувствіе широкихъ круговъ украинскаго общества. Въ противоположность народовцамъ, подчеркивавшимъ свои связи съ церковью и духовенствомъ, радикалы принимаютъ рѣзкій антиклерикальный курсъ, основываютъ свои планы на самостоятельной организаціи крестьянства, а въ противовѣсъ «особенному попеченію о языкѣ и народности» выдвигаютъ соціальныя и экономическія задачи (хотя, впрочемъ, эти послѣднія также не отличались ни особенно ясною формулировкою, ни глубиною).

Горячая полемика и борьба, завязавшаяся на этой почвѣ, захватила и Украинцевъ россійскихъ и въ весьма сильной степени содѣйствовала дифференціаціи среди этихъ послѣднихъ. Старый аполитическій курсъ 1870-хъ гг. находитъ себѣ продолженіе въ дѣятельности кружка «Кіевской Старины» (съ 1882), основанной въ 1882 г. и ставшей скоро не только органомъ украинскихъ изученій (см. выше въ ихъ обзорѣ), но и органомъ умѣреннаго украинофильства. Большинство этого кружка усердно отграничивалось не только отъ политической и соціальной борьбы, какая велась на общероссійской почвѣ въ Россіи, но и отъ связей и участія въ борьбѣ украинскихъ теченій на галицкой почвѣ; по ихъ мнѣнію, эта послѣдняя вносила ненужныя осложненія въ постановку украинскаго вопроса въ Россіи. На этой почвѣ возникла рѣзкая полемика между кіевскимъ кружкомъ такъ назыв. «Старой Громадой» и Драгомановымъ (1886), обнаружившая всю глубину расхожденія между старыми союзниками: не только чистыми аполитиками «Кіевской Старины», но и тою украинскою групою, которой, съ точки зрѣнія національныхъ успѣховъ украинства, опасными казались «общерусскія» и соціалистическія тенденціи Драгоманова и обезцѣниванье «національной формы» по сравненію съ соціально-экономическимъ содержаніемъ. Но у Драгоманова находились приверженцы и послѣдователи также и въ Россіи, и въ результатѣ упомянутой полемики въ концѣ 1880-хъ гг. обнаруживается

рѣзкій расколъ между обоими теченіями также и въ Россіи. Такъ какъ условія здѣшней украинской жизни не давали возможности этимъ расходящимся теченіямъ проявиться открыто и съ полною силою, то борьба ихъ изъ россійскаго подполья переносилась на галицкую почву, сводя здѣсь свои счеты и поддерживая созвучныя украинскія отношенія въ ихъ борьбѣ. «Угода» 1890 г. была заключена при непосредственномъ участіи выдающихся украинскихъ дѣятелей Россіи (Антоновичъ, Кониссkій) и находила у нихъ защиту и оправданіе не только въ моментъ ея заключенія, но и позже, когда отъ нея отвернулось большинство галицкихъ народовцевъ, а подъ ея знакомъ осталась лишь небольшая клерикально-бюрократическая группа; съ другой стороны, въ кампаніи радикаловъ противъ угоды и вообще противъ «умѣреннаго либерализма» народовцевъ живѣйшее участіе принимали лѣвые элементы россійскаго украинства. Возрожденная въ 1888 г. для осуществленія угоды «Правда» и радикальный «Народ» (1890) были органами столько же россійскихъ Украинцевъ, сколько галицкихъ, или даже больше россійскихъ, чѣмъ галицкихъ. «Народъ» издавался на средства, собиравшіяся въ Россіи, «Правда» была болѣе органомъ кіевскихъ сторонниковъ «угоды», чѣмъ львовскихъ. На галицкой почвѣ, на конкретныхъ примѣрахъ галицкой политики ставились и рѣшались общіе вопросы о цѣнности и значеніи національной культуры, сталкивались тенденціи стараго украинскаго народничества и новаго соціальнаго радикализма, консервативнаго и прогрессивнаго національзма. Среди внѣшняго затишья украинской жизни, сдавленной цензурными и всякими стѣсненіями, галицкая пресса служила трибуной для украинскихъ кружковъ, и украинская политическая мысль могла, благодаря ей, безостановочно двигаться и развиваться [1]).

Последнее десятилѣтіе XIX в.

Начавшаяся въ 1880-хъ гг. дифференціація украинства продолжалась. Съ одной стороны, на правомъ крылѣ галицкаго народовства образовывались кадры офиціальнаго украинства, получившаго и свой органъ въ видѣ оффиціальной украинской газеты (Народна Часопись), и группа праваго украинства, оставшаяся вѣрною союзу съ правительствомъ и правящею польскою шляхтою и послѣ того, какъ украинское общество и политическіе вожди его рѣшительно разорвали заключенную угоду, указывая на то, что она нисколько не измѣнила «общей системы» — господства польскаго элемента надъ украинскимъ. Съ другой — на ряду съ радикальною партіей, базировавшею свою дѣятельность на орга-

[1]) Кромѣ указанныхъ выше: Франко — „Молода Україна", переписка Драгоманова — Бібліотека Видавничої Спілки I № 104, 112, Збірник фільол. секції наук. тов. XIII, Переписка М. Драгоманова з М. Павликомъ (неоконч., вышло нѣсколько томовъ) и др.

низаціи крестьянства и защитѣ его интересовъ, формируются и организуются первые кадры украинскаго соціалъ-демократизма, и одновременно съ теченіями, иолагавшими во главу угла вопросы соціальные и экономическіе, выдвигаются теченія радикально-національныя. Эта дифференціація и борьба направленій, партій и группъ создаетъ небывалое дотолѣ оживленіе украинской жизни. Въ Галиціи, гдѣ эта борьба могла вестись болѣе открыто, она приводитъ къ большому (сравнительно съ предыдущимъ) развитію публицистики, прессы, политической литературы. Статистика печатнаго украинскаго слова подымается съ чрезвычайной быстротой. Но важнѣе было, что словесною прею оживленіе не оканчивалось. Соперничающія партіи — народовцы, съ одной стороны, радикалы—съ другой, наперерывъ стараются заручиться сочувствіемъ и поддержкою народныхъ массъ, тѣ и другіе «идутъ въ село», съ небывалой энергіей развивается партійная агитація и организація крестьянства; не свободная отъ демагогическихъ пріемовъ, она въ концѣ концовъ ведетъ за собою значительный политическій и общественный подъемъ крестьянства и низшаго мѣщанства: послѣ долгой пассивности они выходятъ изъ роли политическихъ статистовъ и становятся все болѣе живою и дѣятельною силою. Если еще недавно въ Галиціи, какъ и въ другихъ провинціяхъ, выборы «дѣлала» мѣстная администрація подъ диктовку правящей польской аристократіи или центральнаго правительства, то теперь ей приходится считаться съ настоящимъ самоопредѣленіемъ народныхъ массъ. Огненнымъ крещеніемъ для послѣднихъ были знаменитые въ лѣтописяхъ галицкой Украины «баденіевскіе выборы» въ парламентъ въ мартѣ 1897 г., когда намѣстникъ Галиціи (гр. Казиміръ Бадени) употребилъ всѣ средства и силы административной машины, чтобы поддержать украинскихъ «угодовцевъ» и задавить новое радикальное движеніе: пущены были въ ходъ всяческія злоупотребленія, давленіе властей и военная сила, украинское населеніе было чрезвычайно раздражено фактами насилія и убійствъ при выборахъ; выборъ нѣскольких независимыхъ депутатовъ, вопреки этому давленію, былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Народовцы, очутившіеся въ положеніи проскрибированныхъ, въ рѣшительной оппозиціи по отношенію къ правительству сближаются съ радикалами, и 1900 г. ознаменовался реорганизаціей партійныхъ отношеній: народовцы обновили свою программу, приблизивъ ее къ радикальной, и значительная часть радикальной интеллигенціи присоединилась къ реформированной партіи, получившей новое названіе «національно-демократической». Хотя присутствіе бюрократическихъ и клерикальныхъ элементовъ въ дѣйствительности нейтрализовало эту радикализацію и соціализацію въ весьма значительной степени, все-таки фактъ этотъ остался симптомомъ, насколько предшествующая борьба политическихъ идей повліяла на широкіе круги украинскаго общества: сдвигъ влѣво былъ несомнѣнный.

На ряду съ этимъ весьма замѣтнымъ явленіемъ было развитіе общественной самодѣятельности. «Старики» 1850—60-хъ гг. всего ожидали отъ правительственныхъ щедротъ, правительство было альфою и омегою всей «поли-

тики». Народовцы, выступая на политическую арену, также начали съ «требованій» по адресу правительства, ими почти безъ остатка исчерпывались резолюціи 1880 г. («для внутренняго употребленія» онѣ ограничивались общимъ пожеланіемъ, чтобы всѣ Русины неустрашимо охраняли признанныя уже намъ права и вольности конституціи», пользовались ими и добивались такого положенія для украинскаго народа во внутреннихъ отношеніяхъ края и въ государствѣ, какое ему принадлежитъ по праву). Но встрѣтившись по цѣлой линіи съ отпоромъ польскихъ правящихъ круговъ—увидѣвъ, съ какими чрезвычайными трудностями приходится добывать всякую уступки съ ихъ стороны (классическимъ примѣромъ послужилъ вопросъ объ открытіи второй по счету украинской гимназіи, закончившійся учрежденіемъ украинскихъ параллельныхъ классовъ въ Перемышлѣ),—они убѣдились, что украинскому населенію нужно въ самомъ себѣ найти источники для своего культурнаго и экономическаго подъема, чтобы противостать политикѣ польскихъ правящихъ классовъ, осуждавшихъ украинскій элементъ на прозябаніе и вырожденіе подъ польскимъ господствомъ. «Органической работѣ» Поляковъ, располагавшей средствами самоуправленія, администраціи, законодательства, Украинцамъ приходилось противоставить такую же «органическую работу», которой единственнымъ рессурсомъ являлась самоорганизація. Вторая половина 80-хъ и девяностые годы XIX в. открываютъ собою этому полосу лихорадочной организаціонной дѣятельности—основанія обществъ, товариществъ, союзовъ, ставящихъ своею цѣлью организовать экономическія и культурныя средства населенія и противоставить ихъ польскимъ организаціямъ. На ряду съ просвѣтительными кружками, читальнями «Просвіти» (въ 1901 г. она насчитывала около 1000 читаленъ, хотя впрочемъ здѣсь немало было и «бездѣйствующихъ») организуются общественныя лавки, сельскохозяйственныя общества, ссудо-сберегательныя товарищества, спеціальныя общества для развитія торговли и приготовленія къ торговой дѣятельности украинскихъ силъ, основываются общества гимнастическія — «Соколы» и «Січи», позже получившія чрезвычайно важное организаціонное значеніе среди сельскаго населенія, первые начатки организаціи частной школы, получившей свое настоящее развитіе только къ концу перваго десятилѣтія XX в. Вообще, свои плоды это организаціонное движеніе стало приносить только много позже, когда всѣ эти многочисленныя общества, товарищества, союзы, проникли дѣйствительно глубоко въ толщу народной жизни и въ своей взаимной связи и взаимодѣйствіи образовали дѣйствительно большую реальную силу, располагающую и крупными средствами и многочисленною арміею организованнаго населенія.

На фонѣ этой политической и культурной работы, наряду съ общимъ оживленіемъ общественной и культурной жизни, начинаютъ выдвигаться впервые въ полной опредѣленности сознательности идеи полноты національной жизни: созданія культурныхъ средствъ, которыя были бы въ состояніи удовлетворить запросы украинскаго народа во всей полнотѣ, какъ самодовлѣющей націи. Если предшествующія поколѣнія совершенно искренно отводили укра-

инской культурѣ роль прибавочной, дополняющей собою въ нѣкоторыхъ сферахъ «общерусскую культуру», такъ что, напр., члены кружка «Основы» считали совершенно излишнимъ созданіе научной литературы украинской, даже самой научной рѣчи, и Костомаровъ еще позже, въ 1880-хъ гг., рѣзко выступалъ противъ попытокъ созданія украинской литературы для нуждъ интеллигенціи, ограничивая ее нуждами народныхъ массъ, популяризаціи, такъ назыв. «домашняго употребленія», и не чуждъ былъ такихъ взглядовъ тогда и Драгомановъ,—то въ послѣднее десятилѣтіе XIX в. было моментомъ, когда украинское общество рѣшительно отряслось отъ такихъ ограниченій въ своихъ стремленіяхъ къ національному развитію. Однимъ изъ рѣшительныхъ шаговъ въ этомъ направленіи, оказавшимъ могущественное впечатлѣніе на національное самочувствіе, было движеніе въ области украинской науки, національное уже не только по характеру затрагиваемыхъ вопросовъ, по подбору темъ, но и по формѣ, по языку. Средоточіемъ его стало реформированное и такъ сказать возрожденное къ новой жизни «Товарищество имени Шевченка»; на протяженіи 1890-хъ гг. оно было дважды реформировано, приближаясь къ организаціи и характеру академій наукъ, въ надеждѣ, что современемъ, въ недалекомъ будущемъ оно само будетъ преобразовано въ академію наукъ, какъ это незадолго передъ тѣмъ случилось съ научнымъ обществомъ сербскимъ, а немного раньше—съ научнымъ обществомъ краковскимъ, польскимъ. Со второй половины 1890-хъ гг. оно дѣлается средоточіемъ дѣйствительно весьма оживленной и успѣшной научной работы, становится фактически украинской академіей наукъ, только безъ академическаго титула. Въ связи съ этимъ развитіемъ научной жизни и интересовъ выдвигается постулятъ украинскаго университета. Послѣ того, какъ всѣ попытки, направленныя къ увеличенію украинскихъ каѳедръ во львовскомъ университетѣ, разбились о противодѣйствіе польскихъ хозяевъ этого университета (предназначавшагося правительствомъ сначала для Украинцевъ, позже объявленнаго двуязычнымъ, польско - украинскимъ, фактически полинизированнаго), съ украинской стороны подымается все болѣе рѣшительное и настойчивое требованіе, чтобы правительство положило конецъ этой борьбѣ за университетъ основаніемъ отдѣльнаго украинскаго университета во Львовѣ, наряду съ польскимъ.

Ареною этого новаго подъема національной жизни, въ силу самыхъ внѣшнихъ, политическихъ и національныхъ условій, была главнымъ образомъ Галиція. Изъ двухъ остальныхъ областей австрійской Украины закарпатскія земли продолжали оставаться пассивными, парализованныя, съ одной стороны, руссофильскими настроеніями мѣстной украинской (по происхожденію) интеллигенціи, съ другой—тяжелымъ правительственнымъ режимомъ. Наоборотъ, маленькая Буковина, гдѣ съ 1880-хъ г.г. рѣшительный перевѣсъ получили національно настроенные элементы, поддержанные выходцами изъ сосѣдней Галиціи,—съ 1890-хъ гг.: дѣятельно пріобщается къ національной украинской жизни. Своеобразныя національныя и политическія условія этой маленькой провинціи, правда, заставляли мѣстную

интеллигенцію итти своими дорогами (позже это вырождается въ своеобразный буковинскій сепаратизмъ—Буковина для ея «автохтоновъ»!); политическая тактика ея представителей, противъ преобладанія румынскаго дворянства искавшихъ опоры у мѣстной администраціи (и до нѣкотой степени находившей, такъ какъ правительство здѣсь балансировало между національными элементами), рѣзко отличалась отъ тактики галицкихъ народовцевъ, переходившихъ все въ болѣе рѣзкую оппозицію противъ правительства. Но культурно-національная жизнь буковинскихъ Украинцевъ развивалась въ тѣсной связи и созвучности съ движеніемъ остальной Украины, и подобно тому, какъ и раньше, въ 1860—70-хъ гг., буковинскіе писатели играли видную роль въ тогдашнемъ весьма убогомъ еще галицкомъ движеніи, такъ и теперь Буковина можетъ похвалиться видными литературными силами, занимающими выдающуюся позицію въ общей картинѣ тогдашняго тоже значительно оживившагося литературнымъ движенія (первое мѣсто среди нихъ занимаетъ Ольга Кобылянская, выступающая на литературное поприще въ 1890-хъ гг.).

Этотъ подъемъ литературной жизни является тоже весьма характеристическимъ спутникомъ общаго политико-общественнаго движенія 1890-хъ гг. Я говорю пока объ австрійской Украинѣ. Какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить выше, галицкое народовское движеніе вообще не блестѣло талантами. Долгое время Ив. Франко—наиболѣе выдающійся представитель новаго, прогрессивнаго теченія, стоявшаго подъ вліяніями Драгомановскаго кружка, былъ почти единственною талантливою литературною силою Галиціи. Девяностые годы, особенно конецъ ихъ, принесъ цѣлую плеяду талантливыхъ писателей, бытописателей и поэтовъ украинской жизни, скрасившихъ своимъ творчествомъ сѣренькій колоритъ галицкой «Галлилеи». Основанный въ столѣтнюю годовщину украинскаго возрожденія (1898), новый литературно-общественный ежемѣсячникъ «Литературно-Науковый Вістникъ» (вмѣсто старой «Зори», «журнала для семейнаго чтенія», издававшагося товариществомъ им. Шевченка), собравшій вокругъ себя тогдашнія литературныя силы австрійской и россійской Украины, служилъ живымъ показателемъ этого литературнаго и культурнаго роста.

Украина россійская условіями своей жизни была осуждена пока на роль болѣе пассивную. Для развитія политико-общественной литературы, для организаціи народныхъ массъ дороги были закрыты. Чисто литературная, беллетристическая дѣятельность, театръ, украинскія изученія — этимъ исчерпывалась сфера дозволеннаго украинства. Но украинское общество жило подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ галицкаго движенія, и ростъ политическаго и національнаго сознанія шелъ въ ногу съ этимъ послѣднимъ. Идеи украинскихъ патріотовъ, поддерживавшихъ національное движеніе въ Галиціи, въ надеждѣ, что со временемъ она станетъ аккумуляторомъ національной энергіи для всѣхъ украинскихъ земель, оправдали себя вполнѣ: успѣхи галицкаго движенія давали въ это время уже могущественный импульсъ россійской Украинѣ, втягивали въ круговоротъ своихъ идей и борьбы сколько-нибудь сознательные

элементы этой послѣдней. Паденіе стараго аполитическаго культурничества и «умѣреннаго украинства», стремившагося остаться въ рамкахъ общерусскаго единства культурной жизни высшаго порядка («украинство для домашняго употребленія») въ этомъ десятилѣтіи стало вполнѣ очевиднымъ. Между тѣмъ, какъ оживленіе политической и общественной украинской жизни въ Галиціи сопровождалось небывалыми дотолѣ успѣхами культурной жизни, литературы, науки, культурнымъ подъемомъ широкихъ круговъ населенія,—въ Россіи въ старыхъ аполитическихъ кружкахъ хирѣло и блѣднѣло даже всякое научное движеніе. Жизнь отливала отъ этихъ «украинофильскихъ» кружковъ: «украинофильство» стало обидной кличкой, которой новыя теченія клеймили несерьезное, дилетантское отношеніе къ вопросамъ національной жизни. Идеи полноты украинской національной жизни, ея самодовлѣемости, широкаго и всесторонняго національнаго самоопредѣленія—политическаго, общественнаго, культурнаго, и стремленія рѣзко отмежеваться отъ всего, что стремилось задержать украинство если не въ полномъ небытіи, то, такъ сказать, въ полусуществованіи, въ видѣ второстепенной разновидности «общерусской» (или съ другой стороны—польской) культуры,—все то, что съ полною опредѣленностью проявило себя по обѣ стороны границы въ позднѣйшую эпоху «весны»,—къ концу столѣтія назрѣло уже вполнѣ.

М. Грушевскій.